

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
Центр интеллектуальной истории

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY
Centre for Intellectual History

IUH RAS • URSS
Moscow, 2001

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY
Centre for Intellectual History

DIALOGUE WITH TIME

**Intellectual History
Review**

5

Special issue:

**Historical biography
and personal history**

IUH RAS • URSS
Moscow, 2001

**Будем же измерять время
мерой духовной!
(Р.Эмерсон)**

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

Альманах интеллектуальной истории

5

Специальный выпуск:

Историческая биография и персональная история

© Коллектив авторов, 2001
Издательство «ИВИ РАН • УРСС»
Москва, 2001

Издательство УРСС
Тел: (495) 122-42-42
Тел: (495) 122-42-40
E-mail: urss@yandex.ru
www.urss.ru

Главный редактор

Л.П.РЕПИНА

Редактор выпуска

В.С.МИРЗЕХАНОВ

Редакционная коллегия:

**М.С.БОБКОВА, П.П.ГАЙДЕНКО, И.Н.ДАНИЛЕВСКИЙ, Г.И.ЗВЕРЕВА,
С.Я.КАРП, М.С.ПЕТРОВА (ответственный секретарь), Е.И.ПИВОВАР,
В.И.УКОЛОВА, С.А.ЭКШУТ, А.Л.ЯСТРЕБИЦКАЯ**

*Специальный выпуск альманаха подготовлен и издан
совместно с кафедрой новой и новейшей истории Саратовского ГУ
в рамках Мегапроекта «Развитие высшего образования в России»
Института «Открытое общество» (Фонд Сороса)*

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ. Альманах интеллектуальной истории. 5.

Специальный выпуск: Историческая биография и персональная история. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 400 с.

Альманах «Диалог со временем» — научное периодическое издание, специально посвященное проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME. Intellectual History Review. 5. Special issue: Historical biography and personal history. Moscow: Editorial URSS, 2001. — 4000 p.

Dialogue with Time is the first Russian periodical specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Эдиториал УРСС

научная и учебная литература

Тел./факс: 7 (095) 135-44-23

Тел./факс: 7 (095) 135-42-46

E-mail: urss@urss.ru

Каталог изданий

в Internet: <http://urss.ru>

ISBN 5-94067-035-0

- © Коллектив авторов, 2001
- © Институт всеобщей истории РАН, 1999 (год основания), 2001
- © Оформление: Эдиториал УРСС, 2001

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Л.П.Репина

Историческая биография и «новая биографическая история»

*Общество держится типами
и движется характерами
(М.Пришвин)*

Историческая биография, известная со времен Плутарха, веками являлась неотъемлемой составляющей европейской историографии, хотя ее положение в семье «старших» и «младших» историографических жанров со временем менялось. После длительного «прозябания» в своей средневековой инкарнации – житиях святых – биография возродилась в эпоху Ренессанса и достигла большого разнообразия форм в Новое время, став самым популярным жанром исторических сочинений. В XIX – первой половине XX века она получила широкое распространение в традиционной политической истории, значительная часть которой состояла из жизнеописаний государственных деятелей. Впрочем, постепенно в них все больше внимания стало уделяться частной и внутренней жизни героев, а не только их карьере.

Несмотря на суровую критику, которая нередко звучала в адрес историко-биографического жанра с разных сторон (особенно в только что завершившемся XX столетии), он неизменно пользовался успехом как среди историков-профессионалов, которым предоставлял максимальную возможность для самовыражения (хотя бы в выборе героя), так и у широкой читающей публики, движимой не только обывательским любопытством, но и неистребимым стремлением к самопознанию. Биографии известных людей прошлых эпох – идеализирующие или «раздевающие», в форме морального наставления или каталога подвигов, адвокатской речи или обвинительного приговора, наградного листа или заключения психиатра, – помимо прочего, всегда служат своеобразным зеркалом (вопрос о степени его «кривизны» без устали дебатировался), глядя в которое читатель может многое узнать и о себе.

Конечно, профессиональный историк, придерживаясь корпоративных норм, рассматривает и пытается понять своего героя в контексте той эпохи, в которой тот жил, но не случайно главной среди

обсуждаемых методологических проблем биографии как жанра исторического исследования была и остается проблема взаимодействия этих двух субъектов: с одной стороны, «герой биографии, вписанный в свое время и неразрывно связанный с ним, с другой – автор, биограф, испытывающий столь же глубокую и разностороннюю зависимость от своей эпохи, своего времени. Это диалектическое противоречие и определяет особенности жанра биографии. В биографии как ни в каком ином жанре автор выражает самого себя через того героя, которому посвящено его исследование, а через себя – и особенности, и требования, и сущность своего времени»¹.

В небольшой по объему, но насыщенной серьезными размышлениями статье о психологическом и социальном в исторической биографии, Т.А.Павлова исходит из того, что историческая биография является не просто биографией исторического персонажа, но представляет собой жанр исторического *исследования*: «это сама история, показанная через историческую личность». Но исторической биографией в полном смысле слова можно считать лишь «такое жизнеописание, где в центре внимания находится развитие неповторимой человеческой личности, раскрытие ее внутреннего мира, – разумеется, в тесной связи с эпохой и делом, которому эта личность себя посвятила»². В связи с этим, ставится под вопрос жанровая определенность исторических «социальных биографий», авторов которых историческая личность интересует не сама по себе, а в зависимости от ее роли в исторических событиях.

Ясно, что под «биографией в полном смысле слова» понимается исследование и описание жизни выдающейся личности (включая ее психологическое измерение), что вполне соответствует сложившемуся историко-биографическому канону. «Классическим» определением *объекта* исторической биографии можно считать следующее: «В истории человечества встречаются такие личности, которые, некогда появившись, проходят затем через века, через тысячелетия, через всю доступную нашему умственному взору смену эпох и поколений. Такие люди поистине "вечные спутники" человечества... Речь может идти о политических и государственных деятелях, о представителях науки, культуры, искусства. В этом смысле нет никаких ограничений, никаких условий. Вернее, усло-

¹ Павлова Т.А. Психологическое и социальное в исторической биографии // Политическая история на пороге XXI века: традиции и новации. М., 1995, С.86.

² Там же. С.87.

вие лишь одно: осязаемый вклад, внесенный в развитие человеческого общества, его материального и духовного бытия»³.

Однако в последней четверти XX века пространство применения биографического метода существенно расширяется и меняет свою конфигурацию: наряду с размахом коллективных биографий растет число индивидуальных жизнеописаний людей, которых никак не назовешь выдающимися историческими деятелями. В большой мере это объясняется общим изменением отношения к человеческой индивидуальности и тенденцией к персонализации предмета истории. Но при этом также обнаруживается, что биографии, казалось бы, ничем не примечательных «простых», «рядовых» людей могут, при наличии достаточно богатой документальной базы, пролить свет на неизученные аспекты прошлого.

В последние десятилетия прошедшего века методологические поиски мировой историографии все более сосредоточивались в направлении микроистории и, пожалуй, именно в истории индивида и в «новой биографической истории», наиболее остро и наглядно была поставлена ключевая методологическая проблема о соотношении и совместимости микро- и макроанализа. Если до последнего времени историческая антропология оставляла за кадром проблему самоидентификации личности, личного интереса, целеполагания, индивидуального рационального выбора и инициативы, то, в конечном счете, ответ на вопрос, каким образом унаследованные культурные традиции, обычаи, представления определяли поведение людей в специфических исторических обстоятельствах (а, тем самым, и весь ход событий и их последствия) потребовал выхода на уровень анализа индивидуального сознания, индивидуального опыта и индивидуальной деятельности.

Закономерный поворот интереса историков от «человека типичного» или «среднего» к конкретному индивиду повлек за собой серьезные последствия методологического плана: в контексте современных микроисторических подходов внешняя форма историко-биографических исследований наполнилась новым содержанием. В настоящее время уже вполне отчетливо проявившиеся в этой области тенденции свидетельствуют о складывании нового направления со специфическими исследовательскими задачами и процедурами. Речь идет о так называемой «персональной истории», основным исследовательским объектом которой являются персональные тексты, а предметом исследования – «история одной жизни» во всей ее уникальности и полноте. Несмотря на опре-

³ Утченко С.Л. Цицерон и его время. М., 1973. С.3.

деленный методологический эклектизм, ориентацию на принципиально различные исследовательские стратегии (от моделей рационального выбора до теорий культурной и гендерной идентичности или до психоистории), общая установка этого направления состоит в том, что реконструкция личной жизни и неповторимых судеб отдельных исторических индивидов, изучение формирования и развития их внутреннего мира, всех сохранившихся «следов» их деятельности рассматриваются *одновременно* и как главная цель исследования, и как адекватное средство познания того исторического социума, в котором они жили и творили, радовались и страдали, мыслили и действовали⁴.

Размышляя над проблематикой и формулируя задачи и принципы такого рода исследований во втором томе «Очерков по истории частной жизни...», Ю.Л.Бессмертный писал:

«...на первом плане нашего поиска – конкретный человек, его индивидуальное поведение, его собственный *выбор*. Мы исследуем эти сюжеты отнюдь не только потому, что хотим знать, насколько *типичны* (или нетипичны) поступки этого человека, но ради понимания его как такового, ибо он интересует нас сам по себе. Пусть этот человек окажется из ряда вон выходящим. И в этом случае мы признаем его заслуживающим внимания. Ведь самая его уникальность раскроет нечто от уникальности его времени»⁵.

Речь идет о концентрации внимания на частном, индивидуальном, уникальном в конкретных человеческих судьбах и, одновременно, – об изначально заданной принципиальной установке на выявление специфики и вариативности разноуровневого социального пространства, полного спектра и пределов тех возможностей, которыми располагает индивид в рамках данного культурно-исторического контекста. В исследованиях подобного рода привлекает исключительно взвешенное сочетание двух познавательных стратегий. С одной стороны, они сосредоточивают внимание на так называемом культурном принуждении, а также на тех понятиях, с помощью которых «люди представляют и постигают свой мир». С другой стороны, в них достаточно последовательно выявляется

⁴ Подробно о становлении и развитии этого направления в западной историографии в 1990-е годы, о его методологических стратегиях, достижениях и нерешенных проблемах см.: *Репина Л.П.* «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1999. М., 1999. С.76-100.

⁵ *Бессмертный Ю.Л.* Метод // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени // Под ред. Ю.Л.Бессмертного. М., 2000. С.23. Полемические заметки по поводу предложенного подхода см. ниже, в рубрике «Читая книги...»

активная роль действующих лиц истории и тот – специфичный для каждого социума – способ, которым исторический индивид, в заданных и не полностью контролируемых им обстоятельствах, «творит историю», даже если результаты этой деятельности не всегда и не во всем соответствуют его намерениям.

В наиболее интересных работах, выполненных в русле «новой биографической», или «персональной», истории, яркие достоинства исторической биографии, позволившие ей в течение многих столетий оставаться популярнейшим жанром историописания, оказываются вполне релевантными задачам историографии эпохи постмодерна, которая, с учетом уроков «лингвистического поворота» и его критического осмысления, стремится отойти от крайностей сциентизма и добиться воссоединения истории и литературы на новом уровне понимания специфики исторического знания.

Разумеется, основное внимание уделяется анализу персональных текстов, или источников личного происхождения, в которых оказывается запечатленным индивидуальный опыт, его эмоциональное переживание и тот или иной уровень осмысления. Но «новая биографическая история», или «персональная история в широком смысле слова», использует в качестве источников самые разные материалы, содержащие как прямые высказывания личного характера (письма, дневники, мемуары, автобиографии), так и косвенные свидетельства, фиксирующие взгляд со стороны или так называемую объективную информацию. Конечно, на биографические работы, посвященные древности и средневековью, за исключением тех, которые касаются немногих представителей элиты, отсутствие документов личного характера накладывает существенные ограничения. Физическая недостача подобных текстов создает для исследователей не менее солидные препятствия, чем те, которые связаны с трудностями герменевтического понимания. Часто такой исторический персонаж, лишенный своего голоса (и визуального образа) выступает как силуэт на фоне эпохи, больше проявляя ее характер, чем свой собственный. Поэтому столь понятен и правомерен особый интерес историков к более разнообразным материалам личных архивов и многочисленным литературным памятникам Возрождения и Просвещения, хотя и тут ученые вынуждены главным образом обращаться к немногочисленным представителям культурной элиты.

Вполне естественно, что в фокусе биографического исследования оказывается внутренний мир человека, его эмоциональная жизнь, искания ума и духа, отношения с родными и близкими в семье и вне ее. При этом индивид выступает и как субъект деятель-

ности и как объект контроля со стороны семейно-родственной группы, круга близких, формальных и неформальных сообществ, социальных институтов и властных структур разного уровня. В центр внимания многих исследователей, как правило, попадает нестандартное, отклоняющееся поведение, выходящее за пределы освященных традицией норм и социально признанных альтернативных моделей, действия, предполагающие волевое усилие субъекта в ситуации осознанного выбора.

В идеальном варианте мысль исследователя начинает свое движение от единичного и уникального факта, от индивида. Но индивид – это не *tabula rasa*, он имеет не только настоящее и будущее, но и свое собственное прошлое, более того он сформирован этим прошлым: как своим индивидуальным опытом, так и коллективной, социально-исторической памятью, запечатленной в культуре. Как писал Р.Л.Стивенсон: «Прошлое есть я сам, моя собственная история, семя моих сегодняшних мыслей, матрица, сформировавшая меня таким, как я есть». Здесь нельзя не отметить то особое значение, которое придается в «новой биографической истории» выявлению автобиографической составляющей разного рода эго-документов, анализу именно *персональной* «истории жизни» – автобиографии в широком смысле слова⁶.

Говоря о состоянии современной исторической биографии в целом, нельзя не признать, что при всех своих естественных ограничениях и, несмотря на наличие серьезных эпистемологических трудностей, обновленный и обогащенный принципами микроистории биографический метод может быть очень продуктивным. Одно из преимуществ такого «персонального» подхода состоит именно в том, что он «работает» на экспериментальной площадке, максимально приспособленной для практического решения тех сложных теоретических проблем, которые ставит перед исследователем современная историографическая ситуация. Постоянно возникающая необходимость ответить на ключевые вопросы: чем обуславливался, ограничивался, направлялся выбор решений, каковы были его внутренние мотивы и обоснования, как соотносились массовые стереотипы и реальные действия индивида, как воспринималось расхождение между ними, насколько сильны и устойчивы были внешние факторы и внутренние импульсы – действительно

⁶ Об этом подробно см.: Безрогов В.Г. Историческое осмысление персонального опыта в автобиографии // Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения (Исследования и тексты). Сборник научных трудов памяти К.Д.Авдеевой. Иваново, 2000. С.130-174.

«вытаскивает» историка из уютного гнездышка микроанализа в то исследовательское пространство, где царит макроистория.

Однако, наряду с рассмотренным выше, в современной исторической литературе имеется и совершенно иное видение задач и перспектив персональной истории. Идеино-теоретические основания ее «экзистенциального» варианта изложены Д.М.Володихиным во вступительной статье к изданному им сборнику «Персональная история»⁷. Здесь в центре внимания оказывается

«динамика внутреннего мира индивида, а не его "внешние" деяния, его сознание, а не его общественная практика». «...годится биография индивидуума любого калибра..., лишь бы источники давали возможность по-настоящему глубоко заглянуть в его внутренний мир... Но если для разработки выбрана личность масштаба Наполеона, то это, скорее всего, должен быть Наполеон без Ваграма, Аустерлица и Ватерлоо»⁸.

Итак, очевидно, что между двумя версиями персональной истории, при определенном сходстве (связанность с представлением об уникальности человеческой личности и неповторимости индивидуального опыта), существуют различия принципиального характера, прежде всего по целевым установкам. Если первый подход исходит из равной значимости и взаимосвязанности социокультурного и личностно-психологического аспектов в анализе прошлого, то второй намеренно подчеркивает автономию последнего: ментальная оснастка и социальный фон получают только незначительный статус «антуража», «поправки», а события понимаются лишь в качестве «фактологического каркаса». Более того, остается непонятным, как может быть «построена» история индивида без кульминационных моментов его жизни, структурирующих весь его личный опыт. Если взять тот же пример, который приводит Д.М.Володихин, то будет правомерно поставить вопрос таким образом: как может быть понят Наполеон без его переживания, восприятия и осмысления «Ваграма, Аустерлица и Ватерлоо», без тех исторических событий, которые были также и событиями его жизненного пути, стали важными вехами в его памяти – и опыт которых пронизывал все его *межличностные* коммуникации. Разве динамика внутреннего мира индивида никак не соотносится – причем самым последовательным образом – с его жизненными обстоятельствами, с перипетиями личной судьбы, с его собственной деятельностью, наконец, с существенными изменениями во включающей его конфигурации социальных взаимосвязей? Элиминиро-

⁷ Персональная история // Под ред. Д.М.Володихина. М., 1999. Заметки об этом издании см. ниже, в рубрике «Читая книги...»

⁸ Там же. С.5-6.

вать все эти и многие другие факторы становления и развития личности – значит до предела сужать диапазон возможностей исследователя, который и так чрезвычайно ограничен теми следами прошлого, которые он пытается «расшифровать», особенно в отнюдь не изобильных персональных текстах более или менее отдаленных эпох.

Впрочем, несмотря на указанное противоречие, экзистенциальный подход к персональной истории заслуживает самого пристального внимания: его оценка роли воспоминаний в обретении смысла жизни, в выборе жизненной стратегии и в активизации личностного потенциала, а также решающий акцент на психологии личности способен эффективно дополнить социокультурный, в своей основе, анализ, свойственный «новой биографической истории», как одному из направлений микроисторических штудий, подразумевающих возможность комбинации различных перспектив видения прошлого.

Конечно, непосредственным объектом любой биографии является жизнь отдельного человека от момента рождения до смерти. Однако типы биографического анализа отличаются различными исследовательскими задачами. Несмотря на привлекательность такой исторической биографии, которая «представляет собой сочетание психологического проникновения автора в мир героя с социальным анализом действительности, окружающей этого героя»⁹, методологические предпочтения исследователя обычно более дифференцированы. Если мыслить дихотомически, то предметом, на который направлено основное исследовательское усилие биографа, может быть либо реконструкция психологического мира, его динамики, уникального экзистенциального опыта индивида («экзистенциальный биографизм»), либо социальная и культурная ситуация, по отношению к которой описываемая жизнь приобретает значение истории («новая биографическая история»). Но в открытом для экспериментов пространстве между этими двумя «полюсами» обнаруживается немало интересного.

⁹ Павлова Т.А. Указ. соч. С.88.

БИОГРАФИЯ КАК МЕТОД ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

М.Ф.Румянцева

«Чужое Я» в художественной литературе и в исторической науке

*Человек, как без труда показывает
археология нашей мысли, – это
изобретение недавнее. И конец его,
быть может, недалек.*

(Мишель Фуко)

С Мишелем Фуко, слова которого вынесены в качестве эпиграфа, можно соглашаться, можно не соглашаться, точнее – его построения можно принимать или не принимать. Мы же начнем с очевидного: предметом гуманитарного знания является человек и типы этого знания зависят во многом от того, как понимается природа человека и, соответственно, необходимость и возможность познания индивидуума в той или иной познавательной системе. Наметившиеся тенденции к интеграции гуманитарного знания в его рационально-научной и образно-художественной ипостасях, заставляют задуматься как над принципиальной возможностью, так и над механизмом их синтеза. Немаловажным вопросом в контексте этой большой проблемы оказывается вопрос об отношении к человеку различных систем мировосприятия, в частности художественной литературы и исторической науки.

Остановимся на принципиальных моментах осмысления взаимоотношений художественной литературы и исторической науки в интеллектуальном пространстве нового времени на протяжении трех последних веков. Необходимость обращения к историческому опыту обусловлена в данном случае нашим пониманием проблемы синтеза рационально-научного и образно-художественного познания как проблемы перехода от модернистских (нововременных) парадигм (в рамках которых и происходит дифференциация научного и художественного способов познания мира), к постмодернистскому типу мироосмысления.

Итак, разделение художественной литературы и исторической науки происходит в рамках рационализма и обусловлено сложным комплексом причин. Выделим только две из них и рассмотрим их в контексте интересующей нас проблемы. Во-первых, в новое время ориентация на строгую достоверность исторического знания ведет к его обособлению как научного от прочих типов повествования.

Принципиально важно, что становление истории как науки нового времени проходила на фоне просвещенческой веры в силу человеческого разума и убежденности в единообразии природы человека. Поэтому главная методологическая задача историка сводилась преимущественно к установлению достоверности факта, который только как достоверный и может обеспечить социальную функцию истории – давать нравоучительные примеры. Наиболее отчетливо эту позицию сформулировал Болингброк. Примечательно само название его классического труда «Письма об изучении и пользе истории». Болингброк, ссылаясь на Дионисия Галикарнасского, дает следующее определение истории:

«история – это философия, которая учит нас с помощью примеров»; «изучение истории кажется мне из всех других занятий наиболее подходящим, чтобы воспитывать в нас личную и общественную добродетель»¹.

Востребованность в эпоху рационализма именно «монументального» (по терминологии Ницше) типа исторического знания легко объяснить, если вспомнить, что это было время распространения атеизма, а значит и кризиса религиозной морали. В этих условиях не только правителю, но и любому думающему человеку, особенно находящемуся в ситуации морального выбора, необходимы были примеры, обогащающие его индивидуальный жизненный опыт. А тенденция к эмансипации человеческой индивидуальности при переходе от средневековья к новому времени обуславливала требование достоверности, исторической конкретности таких примеров, что создавало иллюзию свободы морального выбора. Отторгший средневековую нравоучительность, картезиански мыслящий человек нового времени стремился к ментальной самостоятельности или хотя бы к ее видимости. Интересно, что сам Болингброк вполне отчетливо сознает иллюзорность самостоятельности суждений на основе предлагаемых примеров:

«...когда нам приводят примеры, то они как бы обращены к нашим чувствам и рассудку, что нам льстит. В этом случае знания словно исходят от нас самих: мы сами формулируем общее правило, исходя из своего личного опыта, и уступаем фактам, противясь абстрактным построениям»².

¹ Болингброк Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С.11.

² Там же. С.12.

Итак, уже Болингброк зафиксировал взаимозависимость «пользы» (целесообразности исторического знания, его функции в обществе) и «изучения» (методологических принципов исторической науки).

Вторая причина – более общая: появление собственно Автора, что также связано с эмансипацией человеческой личности при переходе от средних веков к новому времени и технически обеспечивается развитием типографского дела.

«Фигура автора принадлежит новому времени; по-видимому, она формировалась нашим обществом по мере того, как с окончанием средних веков это общество стало открывать для себя... достоинство индивида, или, выражаясь более высоким слогом, "человеческой личности"»³.

Это принципиально важное для нового времени явление может быть осмыслено, например, через ныне столь непопулярную концепцию разделения труда: автор пишет – читатель читает, причем и тот и другой специализированы, хотя, по-видимому, в разной степени. Автор выступает как ученый, либо как беллетрист, либо как публицист и т.д. Читатель же, условно говоря, специализирован, по крайней мере, в момент чтения, то есть он, как правило, отдает себе отчет, читает он научное, художественное или публицистическое произведение и этим пониманием в значительной мере обусловлено его восприятие.

В конце XVIII века начинает формироваться новое отношение к человеческой индивидуальности. Ж.Ж.Руссо в своей «Исповеди» заявил: «Я создан иначе, чем кто-либо из виденных мною; осмелюсь думать, что я не похож ни на кого на свете»⁴. А на рубеже XVIII и XIX вв. под влиянием, в первую очередь, последствий Французской революции, меняется понимание задач, а значит и характер исторического знания. Гегель в «Лекциях по философии истории» рассматривает человека (в отличие от рационалистического идеала XVIII века) как существо одновременно и рациональное и эмоциональное, встраивая это понимание в свою историко-софскую концепцию в качестве основы исторического явления: «...ничто великое в мире не совершалось без страсти»⁵. Одновременно в литературе наблюдается расцвет сентиментализма, литературного течения, отличающегося преимущественным вниманием к эмоциональной сфере.

³ Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 385.

⁴ Руссо Ж.-Ж. Исповедь // Руссо Ж.-Ж. Избранное. М., 1996. С. 7.

⁵ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 76.

Но все же новое отношение к человеку, породившее «золотой век» художественного творчества, практически не сказывалось на историческом знании. И потребовалось еще сто с лишним лет для выделения исторической антропологии как отрасли исторической науки, отличающейся специальным вниманием к человеку в истории. Обозревая этот более чем вековой период, целесообразно обратить особое внимание на рубеж XIX и XX веков, когда начинается специальное исследование философских оснований гуманитарного знания.

Конечно, в первую очередь вспоминается осуществленное Виндельбаном и Риккертом деление наук на номотетические и идиографические, создавшее предпосылки для выявления специфики наук о культуре. В русле этих рассуждений Риккерт формулирует понятие «культурной личности»:

«...негенерализируемое "духовное" единство жизни есть единство культурной личности, которая с точки зрения ее культурного значения замыкается в неделимое индивидуальное целое»⁶.

Но если Риккерт пишет только о том, что сущность индивидуальности может быть понята лишь «при помощи индивидуализирующего исторического метода», то на рубеже веков ряд авторов разрабатывает проблему «чужого Я» как в философском, так и в методологическом плане.

По-видимому, независимо от этих поисков (если понимать зависимость, по преимуществу, как причинно-следственную), но в общем культурологическом контексте рубежа веков осмысливаются черты сходства и различий образно-художественного и научного творчества. Причем, к этой проблеме обращаются методологи разных направлений, и даже позитивисты. Например, Н.И.Кареев размышляет о возможности причисления истории к искусствам и ссылается на бытовавшее в начале века мнение «теоретиков истории» о том, что историк занимается воспроизведением прошлого в целях созерцания – как произведений изобразительного искусства⁷.

Для дальнейших рассуждений важно подчеркнуть, что созерцание целостно и интуитивно, а понимание предполагает анализ и рефлексию.

⁶ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Культурология. XX век: Антология. М., 1995. С.93.

⁷ Возражая сторонникам подобных воззрений, Кареев пишет: «Первая задача историка, действительно, состоит в восстановлении фактов прошлого, но не для их созерцания, а для их понимания». – Кареев Н.И. Историка (Теория исторического знания). Пг., 1916. С.26.

Параллельно с поисками историками-методологами специфики исторического познания в философии разрабатывается понятие «чужого Я» и теоретико-познавательный принцип «признания чужой одушевленности», который, в конечном счете, и определяет специфику гуманитарного познания. Примечательно, что наиболее известное философское общество рубежа XIX и XX в. называлось Московским *психологическим* обществом и издавало журнал «Вопросы философии и психологии». Формулируя программу журнала, Н.Я. Грот указывал на необходимость перемещения внимания с «положительных наук», которые имеют дело с «внешним опытом» на «познавание действительности путем внутреннего чувства и опыта, через которые может быть только и открывается нам жизнь в ее истинном корне, в ее внутреннем содержании и значении»⁸. Грот поставил задачу путем междисциплинарного синтеза на основе психологии как специальной науки о «внутреннем опыте»

«построить цельное, чуждое логических противоречий, учение о мире и о жизни, способное удовлетворять не только требованиям нашего ума, но и запросам нашего сердца»⁹.

Для разработки с психологической точки зрения проблемы «чужой одушевленности» ключевое значение имеют труды В. Дильтея, и в частности его «Описательная психология». Зафиксируем внимание на трех составляющих концепции Дильтея. Во-первых, *описательная* психология, т.е. цель ее – воспроизведение (описание) психики индивидуума, а не позитивистское обнаружение общих свойств и закономерностей. Во-вторых, Дильтей, раскрывая механизм воспроизведения «чужого Я», обращает особое внимание на заключение по аналогии и роль саморефлексии в этом процессе и именно этим обуславливает ограничение возможностей понимания Другого.

«Происходит это путем духовного процесса, соответствующего заключению по аналогии. Недочеты этого процесса обуславливаются тем, что мы совершаем его лишь путем перенесения нашей собственной душевной жизни. Элементы чужой душевной жизни, разнящиеся от нашей собственной не только количественно..., не могут быть восполнены нами...» Но при этом Дильтей пребывает в убеждении, что понять другого человека возможно: «За большое внутреннее сродство всей человеческой душевной жизни говорит то, что для исследователя, привыкшего оглядываться вокруг себя и знающего свет, понимание чужой человеческой душевной жизни в общем вполне возможно»¹⁰.

⁸ Грот Н.Я. О задачах журнала // Вопросы философии и психологии. 1889. Кн. I. С. VIII.

⁹ Там же. С. X.

¹⁰ Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996. С. 98.

Итак, Дильтей не доказывает возможность понимания «чужого Я», исходя из единообразия структуры человеческой психики, а выводит «внутреннее сродство всей человеческой душевной жизни» из основанного на жизненном опыте убеждения, что понимание возможно. В-третьих, Дильтей подчеркивает роль объективированных продуктов психики в воспроизведении «чужого Я»:

«...весьма важным дополнением к этим методам [наблюдения и самонаблюдения – М.Р.]... является пользование предметными продуктами психической жизни. В языке, в мифах, в литературе и в искусстве, во всех исторических действиях вообще мы видим перед собою как бы объективированную психическую жизнь».

Дильтей считает, что обращение к таким объективированным продуктам психической жизни даже имеет некоторые преимущества, поскольку именно они дают науке такие объекты, «к которым наблюдение и анализ всегда могли бы возвращаться» в то время как непосредственное наблюдение или самонаблюдение трудно уловимы¹¹.

Внимание русских ученых к философской проблеме «чужого Я» привлек философ неокантианского направления А.И.Введенский, опубликовавший в 1892 г. работу «О пределах и признаках одушевления...» Введенский видит свою задачу в том, чтобы «определить, как именно каждый из нас проверяет свое убеждение, что, кроме него, есть душевная жизнь и у других существ, хотя можно наблюдать не ее самое, а только сопутствующие ей телесные явления». В результате исследования он пришел к выводам не только онтологического, но и этического и теоретико-познавательного характера. Во-первых, он обосновал, что «душевная жизнь не имеет никаких объективных признаков», т.е. никакие данные опыта (ни внешнего, ни внутреннего) не позволяют решить вопрос «о пределах одушевления»¹². Во-вторых, исследуя кантовскую этику, Введенский формулирует четвертый постулат практического разума – убеждение в существовании «чужих Я». В-третьих, он акцентирует внимание на теоретико-познавательном смысле этой проблемы:

поскольку доказать наличие чужой одушевленности невозможно, «мы вправе пользоваться тою точкой зрения, при помощи которой нам удобнее расширить свое познание данных опыта, то есть тою, при помощи которой мы можем легче ориентироваться среди изучаемого класса явлений...» Введенский замечает, что мы можем «отрицать существование душевной жизни... у всех исторических деятелей и объяснять их поступки и жизнь как результаты деятельности чисто физиологической (бездушной) машины». Такая точка зрения может быть тем

¹¹ Там же. С.99-100.

¹² Введенский А.И. О пределах и признаках одушевления: Новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики. СПб., 1892. С.3.

или иным образом согласована с фактами, но она не позволяет «ни восстановить исторических событий по их уцелевшим следам; ни предугадать поступков людей, среди которых я живу; ни управлять своею деятельностью относительно их...»

Таким образом, признание чужой одушевленности (психологическая точка зрения) выступает как регулятивный принцип¹³. Обращаясь к проблеме способов воспроизведения чужой душевной жизни, Введенский замечает:

«...наблюдать саму чужую душевную жизнь мы не можем, а должны лишь заключать об ней по ее внешним, материальным, то есть, объективным обнаружениям, следовательно, при каждой попытке решать подобные вопросы мы уже должны быть уверены в том, какие именно материальные явления служат признаком, обнаруживающим присутствие душевной жизни, и какие проходят без ее участия»¹⁴.

На рубеже XIX и XX веков проблема «чужого Я» не только философски осмысливается, но и исследуется с позиций разных гуманитарных наук. Логично обращение некоторых ученых-гуманитариев к художественной литературе, которая предлагает уже готовый результат воспроизведения «чужого Я» – художественный образ. Логику такого обращения обосновал Н.Я.Грот:

«У кого мы, с большею надеждою просветиться станем искать верного описания и объяснения тончайших изгибов души человеческой, глубочайших превращений и изменений идей, чувств и стремлений человека – у Бэна, Спенсера, Вундта, Рибо, – или у Шекспира, Диккенса, Зола, Льва Толстого, Достоевского? Даже сколько-нибудь беспристрастный психолог принужден сознаться, что у последних он научается большему... У первых он найдет большею частью только субъективные и спорные схемы, у последних – действительное, реальное содержание: правдивое, жизненное изображение»¹⁵.

Грот, как и другие философы-неокантианцы, различал естественные науки, которые имеют дело с «экземпляром», от истории, имеющей дело с индивидуумами, «психическая жизнь культурных разнообразится не только по видам и разновидностям организмов, но и по типам личностей и даже от одной личности к другой».

Примечательно, что Грот, оставаясь в рамках психологической науки, не различает задачи художественного и научного творчества. Ставя перед психологией задачу воспроизвести одушевленность великих исторических деятелей, таких как Сократ, Спиноза, Шекспир, Байрон, Достоевский, Ньютон, Кант, Гегель, Шопенгауэр, Петр I, Наполеон, он в этот же ряд ставит не только Магомеда и

¹³ Там же. С.71-72.

¹⁴ Там же. С.7.

¹⁵ Грот Н.Я. Жизненные задачи психологии // Вопросы философии и психологии. 1890. Кн.4. С.160-161.

Будду, но и «знаменитых и исключительных личностей, правдиво созданных воображением художников (вроде Гамлета и т.п.)»¹⁶. Такое же смешение реальных людей и литературных персонажей мы обнаруживаем в «Очерках истории мысли» Д.Н.Овсянико-Куликовского, опубликованных также в журнале «Вопросы философии и психологии» в 1889-1890 г. Грот, по сути, видит различие между реальным историческим лицом и литературным персонажем не в модификации цели воссоздания «чужого Я», а в несколько большей сложности воссоздания исторически реальных индивидуумов, поскольку решение этой задачи «затрудняется иногда недостатком точных биографических сведений о них».

Заметим, что Грот, как и Дильтей, обуславливает возможность воспроизведения чужой душевной жизни возможностью обращения к тому, что Дильтей называет «предметными продуктами психической жизни», а Лаппо-Данилевский назовет «реализованными продуктами человеческой психики». Грот замечает:

«...относительно многих исторических личностей можно сказать, что живым памятником их психической жизни являются произведения их мысли и слова, особенно художественные и философские»¹⁷.

Наиболее существенный вклад в философскую разработку этой проблемы и в исследование принципа признания «чужой одушевленности» в историческом познании и в художественном творчестве внесли А.С.Лаппо-Данилевский (1863-1919) и И.И.Лапшин (1870-1952). Лапшин сосредоточил свое внимание на исследовании творческого процесса в целом – в философии, в науке, художественном творчестве. Лаппо-Данилевский создал целостное методологическое учение в сфере исторического познания.

Исследовав проблему «чужого Я» в современной ему философии, Лапшин приступает к рассмотрению ее с психологической точки зрения и обращается к исследованию не столько метода, сколько механизма перевоплощения, рассматривая его анализ как философскую проблему:

«Нужно удивляться, как мало задумывались философы над одним из самых поразительных явлений в области художественного творчества – над способностью поэта, музыканта, живописца, скульптора, певца или актера перевоплощаться в несходную с ним индивидуальность»¹⁸.

Естественно, что объектом такого исследования он выбирает художественное, в частности литературное, творчество. Лапшин

¹⁶ Там же. С.183.

¹⁷ Там же. С.184.

¹⁸ Лапшин И.И. О перевоплощении в художественном творчестве // Вопросы теории и психологии творчества. Т. V. Харьков, 1914. С.161.

выделяет два существующих подхода к проблеме проникновения художника в «чужое Я» – «интеллектуалистический» и «мистический». Изучив огромный материал, в первую очередь дневники, мемуары, письма творческих людей, Лапшин раскрыл механизм создания художественного образа художниками-объективистами (т.е. теми, кто воспроизводит по преимуществу чужую одушевленность, а не выражает исключительно свой внутренний мир), показал роль различных видов памяти – зрительной, слуховой, моторной, аффективной – и выявил у них «исключительную способность самонаблюдения и целостную память личного прошлого»¹⁹.

Память и самонаблюдение дают материал для перевоплощения, но оно невозможно без художественной фантазии и мышления. Под художественной фантазией Лапшин понимает «наклонность выдумывать ситуации и типы правдоподобные и соответствующие действительности»²⁰. Обратим внимание на то, что художника вполне устраивает «правдоподобие», то есть речь здесь идет исключительно о художественной убедительности, а не о точности воспроизведения реальности.

В результате своего исследования Лапшин пришел к выводу об ограниченности как «интеллектуалистического», так и «мистического» подходов к проблеме воспроизведения «чужого Я» в художественном творчестве:

«...материал для своих художественных перевоплощений художник черпает из опыта...; "чужое Я" не врожденная идея, но постройка воображения и чувств, сообразная с телесными проявлениями окружающих нас индивидуумов».

Однако только из данных опыта, считает Лапшин, невозможно воспроизвести «чужое Я» путем «умственного заключения по аналогии», но это и не интуитивный (в мистическом смысле) способ перевоплощения. Лапшин в споре «интеллектуалистов» и «мистиков» предлагает третий путь, снимающий их антиномию²¹, – путь сочетания материала, сохранившегося в памяти и почерпнутого из самонаблюдения, с творческим воображением, позволяющим выстроить целостный образ.

Мне представляется, что в данном случае подход Лапшина достаточно близок построениям Л.П.Карсавина о трех видах «истории души» (автобиографии, биографии и художественной литературе). Исходная посылка Карсавина в размышлениях над природой творчества также близка идеям Лапшина:

¹⁹ Там же. С.165.

²⁰ Там же. С.192.

²¹ Там же. С.236.

«...настоящий художник никогда "личности" не сочиняет... Исходным моментом художественного творчества всегда является усмотрение некоторой реальной личности».

При этом Карсавин выделяет типологию художественных ситуаций при воссоздании «истории души».

Во-первых, «иногда это вполне показавшая себя в деятельности, конкретно осуществившаяся личность, вынуждающая художника стать в положение портретиста». Во-вторых, «иногда это личность, не раскрывшая всего в ней заложенного, не осуществившая наиболее ценного, что она могла осуществить». И в-третьих, «иногда собственная личность художника в тех своих потенциях, которые им не раскрыты в действительной жизни». Обобщая свои наблюдения, Карсавин делает вывод: «Но всегда это конкретная индивидуальность, объективно им наблюденная. Интуитивно познав объективно-реальную личность, художник познает ее как живую идею»²².

Спустя несколько лет Лапшин возвращается к проблеме психологии творчества в основном своем фундаментальном труде «Философия изобретения и изобретение в философии» (1922) и многоаспектно рассматривает различные творческие сферы – философию, науку, искусство. Одним из основных понятий в концепции Лапшина выступает вводимое им понятие «фантазм», который он отличает от «фантастических образов» в искусстве:

«Научные фантазмы таковы, что они в сознании ученого хотя и не соответствуют вполне по своему содержанию действительности, но в гипотетической форме и в самых грубых и приблизительных чертах верно схватывают известные объективные отношения между явлениями...»²³
Воспроизведение содержания чужой душевной жизни, таким образом, выступает теперь как частный случай фантазма, причем подчеркнуто, научный фантазм формируется на основе объективных данных, и не должен подменяться субъективной фантазией ученого.

Если у Лапшина воспроизведение «чужого Я» – частный случай фантазма, то для Лаппо-Данилевского – системообразующий принцип его теоретико-познавательной концепции.

Поскольку эта проблема рассматривалась нами ранее²⁴, то здесь выделим только два ключевых момента.

Во-первых, Лаппо-Данилевский, вслед за Введенским, исходит из того, что в строгом онтологическом смысле решить проблему «чужого Я» не удастся и использует принцип «признания чужой одушевленности» «в качестве научной гипотезы, нужной для объ-

²² Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993. С.84.

²³ Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретение в философии: Введение в историю философии. М., 1999. С.103.

²⁴ Румянцева М.Ф. Методология истории А.С.Лаппо-Данилевского и современные проблемы гуманитарного познания // Вопросы истории. 1999. №8. С.138-146.

яснения некоторой части действительности»²⁵ (т.е. как регулятивно-телеологический). Во-вторых, признание «чужой одушевленности» как теоретико-познавательный принцип, считает Лаппо-Данилевский, нельзя смешивать с «мнимо-эмпирическим знанием» «Другого» («чужого я»), поскольку исследователь может лишь гипотетически конструировать «чужое я» по внешним обнаружениям его духовной жизни, по объективированным результатам его психической деятельности. При этом исследователь исходит из собственной индивидуальности, из собственного исследовательского и жизненного опыта и использует для воспроизведения в себе «чужого я» переживание, ассоциирование и заключение по аналогии, и лишь «заключение по аналогии», которому предшествует анализ «собственной душевной жизни» является собственно научным методом, что соответствует концепции Дильтея.

Таким образом, и Лапшин, и Лаппо-Данилевский исследуют механизм воспроизведения «чужой одушевленности». В их подходах есть как общие черты, так и существенные различия. Оба ученых признают необходимость рефлексии собственной душевной жизни в качестве исходного момента воспроизведения «чужого Я».

Лапшин пишет о том, что «...познания своей и чужой душевной жизни до того взаимно проникают друг в друга, что едва ли возможно углубленное постижение Я без Ты, как Ты без Я»²⁶. Он исследует механизм взаимодействия Я и Ты в процессе художественного перевоплощения: «Познание чужого Я и своего собственного идут рука об руку. Поэтому склонность к перевоплощению (речь идет... о перевоплощении не фантастическом), есть равнодействующая двух сил: 1) меткой наблюдательности к чужой душевной жизни и 2) объективно верного понимания художником своего Я»²⁷.

Лаппо-Данилевский утверждает, что «историк может приблизиться к научно-психологическому пониманию прежде бывшей психики лишь путем научного анализа элементов своей собственной душевной жизни и признаков чужой, уже признанной им...»²⁸.

При всей схожести позиций Лапшина и Лаппо-Данилевского акцентируем внимание на одном различии. Лапшин пишет о познании «чужого Я» и самопознании как о взаимообусловленных равно важных процессах. Лаппо-Данилевский явно отдает приоритет самопознанию. На мой взгляд, это не случайно и связано с возможностью верификации полученного результата.

²⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. I-II. СПб., 1910-1913. С.308.

²⁶ Лапшин И.И. О перевоплощении... С.168.

²⁷ Там же. С.219.

²⁸ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. С.317.

Лапшин обобщает свои наблюдения над механизмом воспроизведения «чужой одушевленности» следующим образом:

«Когда я вижу чужое лицо с известной экспрессией, я воспринимаю... N чувственных качеств..., но я воспринимаю эти N ощущений не как алгебраическую сумму безразличных друг ко другу психических элементов – сверх N различных ощущений, я получаю еще N+1-е чувство, которое соответствует комбинации или группировке этих элементов... Таким образом, моментальная экспрессия человеческого лица охватывается мною сразу, как целое, вызывающее во мне, кроме N ощущений, N+1-е чувство целостного впечатления, которое в силу прежних опытов произвольно ассоциируется у меня с настроениями и переживаниями подобными душевным состояниям наблюдаемого мною лица».

Здесь же Лапшин подчеркивает произвольность этого восприятия. Он пишет, что при наблюдении, например, плачущего человека сам он может и не заражаться симпатически его печалью. Лапшин, по сути дела, вскрывает природу иллюзорности непосредственного восприятия «чужого Я» в «наивном реализме»:

«Целостное впечатление экспрессии... так тесно срослось с телесными проявлениями, что мы проецируем этот добавочный психический процесс в тело другого человека... Вот почему нам кажется, что мы прямо видим, интуитивно постигаем чужое Я»²⁹.

Мы видим, что описываемый Лапшиным механизм соответствует в построении Лаппо-Данилевского таким способам воспроизведения чужой одушевленности, как переживание и ассоциирование. Как мы уже видели, Лапшин, в отличие от Лаппо-Данилевского, считает, что «в большинстве случаев познание “чужого Я” совершается не путем умственного заключения по аналогии»³⁰. Строго говоря, в отношении Лапшина и Лаппо-Данилевского к аналогии как к методу воспроизведения «чужого Я» нет существенных различий: и тот, и другой признают ограниченность возможностей этого метода. Но выводы делают разные.

Лаппо-Данилевский вовсе не отрицает роль интуиции в процессе воспроизведения «чужой одушевленности». Более того, он считает, что интерпретация как исследовательская процедура понимания «Другого» «...возникает применительно к тем сложным объектам, психическое значение которых не дано в чувственном восприятии наблюдателя, а конструируется им и сознательно прилагается при какой-либо задержке или сомнении в их понимании...»³¹. Лаппо-Данилевский не отрицает и значение «чутья» историка, которое вырабатывается путем постоянных упражнений при

²⁹ Лапшин И.И. О перевоплощении... С.236-237.

³⁰ Там же. С.236.

³¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. С.409.

работе с источниками одной эпохи. Но при этом он подчеркивает, что наличие у историка интуиции не устраняет необходимости рассматривать проблему «с методологической точки зрения»³².

Лапшин же, констатируя ограниченность возможностей метода аналогии, по сути, отказывает ему в действенности, причем не только в сфере художественного, но и научного творчества. Сравнивая работу художника и ученого-психолога, он подчеркивает, что и в научном исследовании, начинающемся с аналитических процедур «синтез «чужого Я»... складывается в воображении путем воспроизведения в себе подобия целостного состояния чужой души»³³. Здесь важна именно целостность, недостижимая аналитическим, по своей сути, методом аналогии. Для прояснения своей мысли И.И. Лапшин все же вынужден обратиться к аналогии:

«Эта изумительная способность поэта схватывать человеческую индивидуальность во всей ее многогранности, улавливать и вскрывать затаенные в ней противоположности невольно наводит на сопоставление между психологической пронизательностью художника и судебного следователя... Сходство между ними большое, но и разница, ведь, огромная. Следователь, по некоторым симптомам в душевном складе преступника, догадывается лишь о том, что ему нужно для раскрытия преступления. Художник же целиком воссоздает человеческую душу, многогранную, полную противоположностей, причуд, идиосинкразий, объективирует ее и заставляет ее жить психологически детерминированной, как бы независимой от него жизнью. Судебный следователь анализирует, поэт создает»³⁴.

Продолжив рассуждение, мы можем провести аналогию метода воспроизведения «чужого Я» Лапшиным – с поэтическим, а метода Лаппо-Данилевского – с методом судебного следователя³⁵.

Лапшин развивает свою идею применительно к различным видам творческой деятельности:

«...построение характеристики получается не одним механическим объединением отдельных записей, но сверх того при наблюдении человека и экспериментации над ним мы должны по возможности перевоплотиться мысленно в него»³⁶.

Эти построения Лапшина близки рассуждениям Л.П. Карсавина, не отличающимся методологической строгостью. Обнаруживая, как и Лапшин, аналогии труда художника и историка, Карсавин пишет:

³² Там же. С.413-414.

³³ Лапшин И.И. О перевоплощении... С.251.

³⁴ Там же. С.163-164.

³⁵ Например, Коллингвуд сравнивает методы работы историков и знаменитых литературных сыщиков – Шерлока Холмса и Эркюля Пуаро. – Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.,1980. С.263.

³⁶ Лапшин И.И. Философия изобретения... С.106.

«Историк... стремится к возможно большей индивидуализации и конкретизации познаваемого. Он «вычитывает» из текста всегда более того, на что текст его уполномочивает. Описание характера исторического героя, его наружности... всегда конкретнее, чем говорящие о них свидетельства современников». И далее – о неизбежности «художественно-творческой конкретизации исторической действительности», но при этом подчеркивает, что «конкретизация не должна противоречить тому, что доподлинно известно: историк более связан, чем художник»³⁷.

Обобщая различия в позициях Лапшина и Лаппо-Данилевского по проблеме воспроизведения «чужого Я», необходимо еще раз подчеркнуть, что Лапшин изучал природу творчества в целом и начинал с анализа художественной литературы, что, по-видимому, во многом предопределило его дальнейшие размышления, а Лаппо-Данилевский выстраивал методологию истории как строго научного знания. И суть различий их подходов, в конечном счете, сводится к тому, что Лапшин, исследуя с привлечением обширного эмпирического материала и строгими методами процесс воспроизведения «чужого Я», фактически не ставит проблему верификации полученного результата. Практически это означает, что исследованный им метод работает только в границах одной культуры в определенный период ее существования, потому что если мы можем лишь надеяться, что правильно опознали по внешним проявлениям состояния душевной жизни близкого нам по культуре человека, то, без всякого сомнения, такая уверенность невозможна при попытке понять человека иной культуры³⁸.

Таким образом, если метод, описанный Лапшиным, некорректен при анализе иной культуры, то это означает, что он неприменим и к историческому познанию. Лапшин отмечает, что в начале XX века перевоплощаемость в искусстве затрагивает все новые сферы, поскольку «с ростом общечеловеческой солидарности, с развитием в человечестве демократических тенденций, с успехами исторических знаний, искусство захватывает все более и более широкие круги в пространстве и времени для перевоплощаемости художника»³⁹. Но мне представляется, что он выдает здесь желаемое за действительное, хотя верно улавливает тенденции, которые проявятся на рубеже XX и XXI веков, в ситуации постмодерна.

³⁷ Карсавин Л.П. Философия истории. С.84-85.

³⁸ Говоря об иной культуре, целесообразно воспользоваться понятиями «состояние культуры» и «период культуры», применяемыми Лаппо-Данилевским, что позволяет рассматривать иную культуру как в коэксистенциальном, так и в историческом плане. – Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. С.463-464.

³⁹ Лапшин И.И. О перевоплощении... С.258.

Еще в конце XIX века Фридрих Ницше выделил три типа историописания: «монументальный», «антикварный» и «критический»⁴⁰. «Монументальная» история описывает выдающиеся примеры прошлого, придавая им, по сути, вневременную ценность. «Антикварная» история, наоборот, благоговеет перед всеми проявлениями минувшей жизни, отрицая необходимость высказывания аксиологических суждений. И, наконец, «критическая» история «привлекает прошлое на суд истории». Тяготение к тому или иному типу историописаний имеет, на взгляд Ницше, как общекультурные, так и *индивидуально-психологические* причины.

«Если человек, желающий создать нечто великое, вообще нуждается в прошлом, то он овладевает им при помощи монументальной истории; кто, напротив, желает оставаться в пределах привычного и освященного преданием, тот смотрит на прошлое глазами историка-антиквара, и только тот, чью грудь теснит забота о нуждах настоящего и кто задался целью сбросить с себя какую бы то ни было ценою угнетающую его тягость, чувствует потребность в критической, т.е. судящей и осуждающей, истории»⁴¹.

Ницше, по сути, перевел ситуацию исторического познания из сферы *социальной* в сферу *индивидуально-психологическую*.

В конце XX века ситуация напоминает эпоху Просвещения с ее «внеисторичной» историей, основной функцией которой было давать достоверные примеры и служить нравоучительным целям. Но с той колоссальной разницей, что в эпоху Просвещения эти примеры формировались научной историографией и предъявлялись обществу в качестве общезначимых, а в ситуации постмодерна каждый человек формирует свою индивидуальную идентичность в едином культурном поле, рассматривая в качестве своих «собеседников» не только Гомера, Платона и Аристотеля, но и Лао-Цзы и Конфуция. Не останавливаясь на очевидных причинах и гипотетических следствиях такой ситуации, отметим лишь, что, вступая в диалог с «чужим Я», человек, решающий не социально заданные и научно поставленные, а индивидуально-психологические задачи, склонен, по-видимому, рассматривать «чужое Я» как находящееся в одном с ним культурном пространстве, а с теоретико-познавательной точки зрения – в едином интерпретационном поле.

Известно, что принятое европейским научным сообществом понятие *Модерн* не переводится адекватно на русский язык, поэтому современные российские историки, как правило, используют его

⁴⁰ Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т.1. М., 1990. С.168.

⁴¹ Там же. С.174.

кальку, возражая против перевода его словом «современность». Мне представляется, что суть проблемы не терминологическая, а ментальная. И в европейских, и в русском языках «модерн» или «современность» – это то историческое пространство, в котором человек себя идентифицирует. В течение XX века «умопостигаемое поле истории» (А. Тойнби) расширяется до «мирового целого», включающего как пространственную (коэксистенциальную), так и временную (историческую) компоненту. В такой ситуации ментальность претерпевает существенные изменения в направлении универсализации мировосприятия, и на первый план неизбежно выходит индивидуально-психологическая функция гуманитарного, в том числе исторического, знания. В ситуации постмодерна историческое знание, наряду с другими формами мироосмысления, востребовано не только социумом, но и индивидуумом, стремящимся не «творить» историю (что свойственно модернистскому целеполаганию), а ориентироваться в ее потоке⁴². При выдвигании на первый план индивидуально-психологических задач познавательной деятельности художественное творчество от научного отличается не столько своей социальной функцией, сколько ориентированностью (в духе Ницше) на определенный тип восприятия. Если художественный образ воспринимается интуитивно как целое, то восприятие научного повествования рефлексивно. Поэтому ученый, в отличие от художника, обязан раскрывать свою «творческую лабораторию», мировоззренческие и психологические основания. Если «одушевленность» писателя будет исследовать его будущий биограф, историк литературы, опираясь на черновики⁴³, то историк-ученый обязан предъявить свое уже отрефлексированное «Я».

Ну, а в целом применительно и к современной ситуации можно согласиться с Ж.-Ф. Лиотаром: «...поскольку наука не ограничивается лишь формулировкой инструментальных закономерностей, а ищет истину, она должна легитимировать свои правила игры»...⁴⁴

⁴² В этом плане симптоматична вызвавшая бурную дискуссию статья с лозунговым названием «Вперед, к Геродоту!», в которой автор фактически призывает отказаться от социальных функций научного исторического знания и вернуться к историописаниям, предназначенным для индивидуально-го восприятия. – *Бойцов М.А.* Вперед, к Геродоту! // *Историк в поиске: Микро- и макроподходы к изучению прошлого.* М., 1999. С.144-165.

⁴³ Конечно, если писатель писал не на компьютере, не оставляющем черновики. См.: *Экштут С.А.* Пространство интеллектуальной истории: опыт историософского осмысления // *Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории: Материалы научной конференции.* М., 2000. С.3-8.

⁴⁴ *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб., 1998. С.9.

И.Л.Беленький

Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции*

«Биография» – один из важнейших концептов личностного сознания человека и культурно-исторического сознания общества, выражающий:

- само бытие личности в потоке исторического времени, ее жизнь «в отмеренных сроках», ее событийное и смысловое содержание;
- восприятие и оценку индивидуальной личности в социуме, в культуре и ее памяти (т.е. сама семиотичность процесса: «личность в глазах современников и последующих поколений»; маркированность «исторической личности» и представления о ее масштабе и значимости; отмеченность «человека с биографией» и утверждение, что «право» на нее имеет не только «историческая личность», но «рядовой», «маленький» человек);
- многообразии форм описания и понимания личностной индивидуальности в социально-коммуникативной практике повседневности;
- претворение образа конкретной личности и ее судьбы в произведениях художественной (в том числе художественно-исторической) литературы и искусства;
- постижение конкретного индивидуального бытия (в уникальности его событийной эмпирии и в знаках судьбы) в историческом (в самом широком смысле) познании.

В пространстве исторического знания особенно рельефно являются историко-познавательные возможности «биографии» и ее литературная природа, как системы биографических жанров. Именно здесь «биография» (в единстве своих историко-познавательных и литературных начал) осмысливается как особая самодостаточная культурно-историческая форма постижения и трансляции личностного индивидуального опыта, обретает свой статус и свой смысл как «жизнеописание». Истоки биографической традиции в европейской культуре восходят к эпохе древнегреческой классики (к V-IV в. до н.э.)¹. В последующие периоды каждой культурно-исторической эпохе, логосу каждой национальной куль-

* Статья написана при поддержке РГНФ (проект №96-01-00246).

¹ См. *Аверинцев С.С.* Плутарх и античная биография: К вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М., 1973; *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе // *Бахтин М.М.* Вопросы эстетики и литературы. М., 1975. С.280-296; *Кнабе Г.С.* Личность и индивидуальность: античная биография и античное письмо // *Кнабе Г.С.* Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1993. С.186-198.

туры были присущи свой дискурс биографического сознания и своя эволюционная типология биографических текстов, – что не означает, разумеется, отсутствия общих закономерностей развития.

Элементы осмысления «биографии» как культурно-исторической формы издавна существовали в отдельных философских, литературных, исторических и собственно биографических текстах, принадлежащих к различным культурным традициям.

Биографика – как совокупность (а позднее – система) философско-методологических, историографических, историко-культурных, рецептурных знаний и представлений об отдельных биографических жанрах, о смысле, задачах и возможностях биографического мышления и познания, о методах биографической реконструкции – начинает конституироваться в Европе в XVIII-XIX вв.; в России позже, во второй половине XIX – начале XX в.

В XIX в. о духовно-нравственном, воспитательном смысле жизнеописаний выдающихся деятелей, методах биографического письма высказывались многие отечественные писатели, мыслители, историки. Среди них: И.С.Аксаков, П.В.Анненков, Н.П.Барсуков, П.И.Бартенев, В.Г.Белинский, К.Н.Бестужев-Рюмин, П.А.Вяземский, Н.М.Карамзин, В.О.Ключевский, Н.И.Костомаров, М.П.Погодин, А.С.Пушкин, В.С.Соловьев, С.М.Соловьев, Н.Ф.Федоров и др. Как самостоятельный литературный жанр и специальная область исторических исследований отечественная биографика структурируется в пореформенную эпоху. Именно к этому времени относятся ее вершинные достижения: биографии русских писателей, ученых, философов, государственных и общественных деятелей, созданные И.С.Аксаковым, П.В.Анненковым, Н.П.Барсуковым, П.И.Бартеневым, П.А.Висковатым, М.О.Гершензоном, Б.Л.Модзалевским, В.С.Соловьевым, С.М.Соловьевым, Б.А.Грифцовым, П.А.Флоренским, В.И.Шенроком, Н.К.Шильдером, П.Е.Щеголевым и др.

Теоретико-методологический пласт дореволюционного биографического сознания почти неизвестен современному биографоведению. Тексты, его фиксирующие, если они существовали, еще не обнаружены в архивах. Можно, однако, предположить, что классические произведения русских биографистов (историков и писателей), в процессе своего создания, сопровождались метатекстами, содержащими автокомментарии методологического характера².

² Один подобный текст был найден в 1980-е годы А.Л.Осватом в бумагах И.С.Аксакова периода его работы над биографией Ф.И.Тютчева. – Осват А.Л. К построению биографии Ф.И.Тютчева // Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986. С.265.

Первая специальная статья энциклопедического характера о биографических жанрах появилась в России в 1891 г. В ней читаем:

«Биографией называется изображение жизни данной личности, удовлетворяющее требованиям исторической науки. Как произведение научное, биография не ограничивается изложением внешних фактов из жизни избранного лица, а стремится проследить ход духовно-нравственного развития этого лица; как произведение художественное, она должна уловить сущность его характера и представить его в ярком образе»³.

В этом, достаточно позитивистском, по своему духу, определении ясно выражена основная тема метабиографической рефлексии XIX века: двуединство биографии как явления искусства (художественной литературы) и как исторического исследования. Существенно и обозначенная уже в названии статьи связанность проблемы «что есть биография» с проблемой «биографических сборников». Собственно говоря, эволюция биографического слова рассматривается исключительно на материале типологии «биографических сборников» как жанра биографической литературы. Автор статьи явно дает понять, что эволюция именно этого жанра наиболее адекватно отражает развитие и состояние биографии. Характеризуя отечественную традицию, он пишет: «Большого развития достигает биографическая литература в XVIII веке, когда появляются уже соответствующие сборники».

Появление статьи в «Энциклопедическом словаре» – рубежная веха в истории осмысления биографии как культурного явления в отечественной традиции. Чрезвычайно плодотворным оказалось обращение к этой проблеме отечественной гуманитарной мысли XX в. Среди тех, кому принадлежит существенная роль в ее исследовании, достаточно назвать имена: философов – М.М.Бахтина, Л.П.Карсавина, В.В.Розанова, П.А.Флоренского; историков и филологов – С.С.Аверинцева, А.Л.Валевского, Г.О.Винокура, М.Л.Гаспарова, Л.Я.Гинзбург, Л.П.Гроссмана, Н.К.Гудзия, Б.В.Дубина, А.М.Евлахова, Ю.М.Лотмана, И.Ф.Петровской, А.В.Ратнера, М.А.Сиверцова, Б.В.Томашевского, М.О.Чудаковой, Н.Я.Эйдельмана, Б.М.Эйхенбаума; психологов – Н.А.Рыбникова, Г.В.Сегалина и др.

Как дисциплинарное понятие «биографика» появилась в языке отечественной науки, очевидно, впервые в работах И.Т.Филиппова в 1920-е годы. Рано умерший молодой историк, профессор Ростовского университета, пытался с марксистских позиций разработать содержательный концептуальный аппарат исследований в той дос-

³ А.Я. Биография и биографические сборники // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1891. Т.IV. Полут.7. С.33-36. Предположительно автор статьи – известный библиограф того времени А.Яновский.

таточно широкой междисциплинарной области, которая ныне именуется «науками о человеке»⁴.

В его интерпретации «биографика»⁵ – не столько область изучения конкретной индивидуальности, сколько отдел исторического знания, исследующий типологические формы проявления личностной индивидуальности в истории. Во многом, очерченная им предметность «биографики» близка современным представлениям о задачах и содержании исторической антропологии.

В отечественной традиции в тот период термин «биографика» не закрепился в языке науки. Исследователи, которые придерживались различных методологических ориентаций, предпочитали говорить о «биографических жанрах», «биографической литературе», «биографическом методе», «искусстве биографии» и других конфигурациях биографического слова и биографического знания. В эти и последующие десятилетия наиболее рельефен синонимический ряд понятий: «биография», «биографическая литература», «биографические жанры». Они охватывали и многообразие текстуально выраженных конкретных жизнеописаний, и все формы осмысления этой конкретики. В этом же ряду, но в более ограниченном предметном смысле, – и понятия: «литературная биография», «историческая биография». В 1980-е годы начинает все чаще встречаться понятие «биографические исследования».

Непревзойденным опытом разработки теории биографии с феноменологических позиций – в контексте проблем взаимоотношения философии человека, исторической науки, филологии и психологии – остается книга Г.О.Винокура «Биография и культура», впервые изданная в 1927 г. В центре внимания автора – сама возможность биографического творчества как воссоздания личностно-индивидуального, стилистически воплощенного. Для него теоретическое изучение биографии возможно лишь как «философское отношение» к предмету. Сопрягая проблему биографии с понятиями формы и стиля, в их трактовке И.В.Гете, В.Гумбольдтом и Э.Шпрангером, Г.О.Винокур тверд в своих конечных утверждениях:

«Нет биографии внешней и внутренней. Биография одна, как единая жизнь, цельная и конкретная... В биографии, если только не отождест-

⁴ Левкова Я.М. Библиографический обзор научных работ профессора СКГУ И.Т.Филиппова // Известия Северо-Кавказского гос. ун-та. Ростов-н/Д., 1930. Т.2 (19). С.240; Алексеев А.А. Профессор И.Т.Филиппов // Там же. 1927. Т. XII. С.3-12.

⁵ Филиппов И.Т. К вопросу о науке биографии // Там же. 1926. Т.VIII. С.89-92.

влять ее с психологией, все внешнее... только знак внутреннего и все биографии вообще – только внешнее выражение внутреннего».

Обращаясь к спору о соотношении биографического и творческого, Г.О.Винокур пишет:

«Стилистические формы поэзии суть одновременно стилистические формы личной жизни... Наш естественный интерес к поэме как поступку, к ее стилистической манере как жизненной манере автора, нисколько не видоизменяется и не уменьшается от того, пользуется автор своей личной жизнью как темой поэмы, или нет»⁶.

Последующие десятилетия сделали невозможной конструктивную разработку проблем теории биографии с подобных позиций. Лишь в наши дни создались условия и предпосылки для того, чтобы проблематика оснований биографического творчества стала предметом не только исторического и филологического знания, но и предметом философской аналитики.

В новейшей литературе понимание биографики⁷, как системы знаний о биографии, наиболее содержательно и строго обосновано в работах А.Л.Валевского. Он пишет:

«Биографика (или наука о биографии) включает в себя, по крайней мере, следующие важные разделы: онтология биографического знания (исследование феноменологической структуры знания об индивидуальном, указание возможностей и компетенции этого знания); исследование основных понятий и процедур биографической реконструкции (т.е. путей и средств получения достоверного знания); рассмотрение особенностей герменевтических ситуаций, составляющих биографический опыт»⁸.

Определяя же суть и смысл биографии, А.Л.Валевский пишет:

«Традиция биографического письма – это стремление осмыслить и обозначить феномен личностной индивидуальности. Вне определения индивидуального биография теряет свой смысл»⁹.

Никто в отечественном биографоведении не сформулировал с такой отчетливостью следующий тезис:

⁶ Винокур Г.О. Биография и культура. М., 1927. С.86, 26, 82-83. В 1997 г. эта работа была переиздана в составе издания: Винокур Г.О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. М., 1997. С.15-88. В книге также опубликован доклад (1924 г.) «Биография как научная проблема» (с.11-13) и предисловие к обоим текстам Р.Цейтлин (с.5-10).

⁷ В литературе последних лет наряду с термином «биографика» встречаются термины «биографистика» и «биографоведение».

⁸ Валевский А.Л. Биографика как дисциплина гуманитарного цикла // Лица. СПб., 1995. Т.6. С.32-33.

⁹ Валевский А.Л. Основания биографики. С.6. Вспомним слова Л.П.Карсавина из его «Философии истории» 1923 г.: «...К историческим исследованиям надо отнести и биографию, как историю индивидуальной души». – Цит. по: Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993. С.83.

«Биографическое письмо есть непосредственное выражение, форма интеллектуальной институализации парадигмы европейского индивидуализма»¹⁰.

Тезис этот, однако, не учитывает всех оттенков исторической реальности в пространстве генезиса биографии. Так, в интеллектуальном и идеологическом топосе генезиса и развития отечественной биографической традиции далеко не всегда определяющими были интенции индивидуализма. Не говоря уже о принципиально иных культурно-исторических координатах эволюции биографических жанров. Валевский исследует

«...определенные фундаментальные допущения, обеспечивающие существование биографических традиций как особого рода рефлексии, устремленной к феномену индивидуального»¹¹.

Эти допущения – «текстуальность» (т.е. многообразие диалогических отношений между биографом и его персонажем, биографом и временем, персонажем и временем, биографом и культурным кодом, персонажем и культурным кодом – обязательно выражается в различного рода текстах); «идентичность» (мир ценностно-смысловых и пространственно-временных именований и обозначений, составляющих ответ на как бы задаваемый человеком вопрос «кто я?» – т.е. конструкция самосознания); «вопрошание» («вопросы», задаваемые биографом изучаемым материалам, реконструкция биографом жизненного пути своего героя, как диалога его с миром, собственные диалогические отношения биографа с миром); «игра» (игровая природа индивидуального, игровая природа биографической интерпретации)¹².

Рассмотрев палитру биографического письма, его жанровую стратификацию¹³ и сформулировав задачу биографии, как «реконструкцию истории личностной индивидуальности»¹⁴, Валевский подробно исследует структуру биографической реконструкции, вычлняя в ней: проблему поступка и ситуации, как первичных целостных предметных данностей; проблему биографического факта; проблему биографического объяснения; проблему этических должностований биографа; проблему повествовательной изобрази-

¹⁰ Валевский А.Л. Основания биографики... С.6.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С.16-28.

¹³ Валевский А.Л. Биографика как дисциплина... С.45-47.

¹⁴ Там же. С.47-50. Попутно он делает еще одно важное замечание: «Двусмысленность представлений о сущности биографического знания исчезает в том случае, когда базовый вопрос "биография – наука или искусство?" трансформируется в "биография – это наука и искусство"» (с.48).

тельности¹⁵. Несмотря на чрезвычайно интересные соображения по затронутым здесь вопросам, особенно при рассмотрении темы «биографического объяснения» и ее предпосылок, – систематика вопросов, порядок их изложения, предложенные «в упрощенном виде основные вехи биографического труда» несут в себе отпечаток крайней рационализации, возможно, против воли автора. Нельзя не согласиться со следующим утверждением Валевского:

«Биографической реконструкции, т.е. процессу получения знания как результату исследовательского усилия, предшествует и/или сопутствуют определенные герменевтические ситуации, составляющие структуру биографического опыта»¹⁶.

Но само описание структуры этих ситуаций, их взаимосвязанности в «герменевтическом круге» – представлено в логизированной форме и лишь намечает путь трактовки жизненного опыта биографа и процесса его творчества как герменевтических актов¹⁷.

Четвертая глава «Оснований биографики» («Биографический дискурс в контексте истории культуры и науки») имеет самостоятельную историографическую и историко-культурную ценность. Фактически здесь, впервые в отечественной литературе, реконструируются, в неразрывной связи, основные этапы и формы развития/эволюции биографического письма, биографического сознания и биографики в европейской культуре нового и новейшего времени, очерчиваются основные парадигмы биографического мышления. К сожалению, логика развития отечественной биографической традиции представлена лишь фрагментарно.

Общий контур соотносительности классического и неклассического типов рациональности (и соответствующих им философско-антропологических концепций) с основными типами биографического знания и письма может быть реконструирован и концептуально представлен; что и сделано уже в работах А.Л.Валевского. В них эта соотносительность неизбежно выражена на языке идеальных конструкций. Реальность процессов соотносительности (прежде всего, в отечественной традиции, что представляет для нас первоочередной интерес), их диалектика (соответствие/несоответствие), на каждом этапе развития биографии и ее самосознания, требует специального аналитического изучения. Кроме того, не прояснена еще содержательная соразмерность этой соотносительности в пределах био-

¹⁵ Там же. С.51.

¹⁶ Там же. С.63.

¹⁷ Там же. С.63-68; Валевский А.Л. Основания биографики. С.65-87.

графии и биографики. Наиболее четок в своих рассуждениях В. Дильтей (но у него биографика и биография – синонимы):

«Статус биографии внутри общей историографии соответствует статусу антропологии внутри теоретических наук об исторически-общественной действительности»¹⁸.

Отечественная наука о биографии не знает такого «сильного» утверждения. Вместе с тем, для нее, на всем протяжении относительно самостоятельного существования (конец XIX в. – наши дни), характерно не очень отчетливое, но все же периодически усиливающееся, стремление к осмыслению своих взаимоотношений с историческими науками и другими отделами наук о человеке¹⁹.

В каком смысле можно говорить о междисциплинарности биографического знания в системе наук о человеке и об осознании этой проблемы в отечественной гуманитарной мысли конца XIX–XX в.? Очевидно, лишь как о намечающейся и еще не получившей должного концептуального обоснования, тенденции²⁰. Междисциплинарность остается (и еще долго будет оставаться) лишь неким контуром систематизации рационально-теоретических построений в сфере обоснования биографического знания. Но вне этого контура невозможна конструктивная разработка многих важнейших проблем, и в частности, вопроса о генезисе, развитии и эволюции/трансформации биографии как культурно-исторической формы в России от эпохи средневековья до новейшего времени.

Изучение стадияльно сменяющихся типов биографического письма и биографического сознания обязательно предполагает рассмотрение их в контексте проблем отечественной социокультурной динамики, временной диалектики индивидуально-

¹⁸ Дильтей В. Введение в науки о духе // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. М., 1987. С. 134.

¹⁹ О построениях И. Т. Филиппова уже говорилось выше.

²⁰ Опыт представления библиографическими средствами возможного понимания неразрывной взаимосвязи биографии с рядом областей знания, научными дисциплинами и исследовательскими подходами, составляющими ее методологический контекст (философия человека; социология и психология личности; педагогика; историческая, политическая, правовая антропология; культурология; генеалогия; евгеника и антропогенетика; почерковедение, психографология и визуальная психодиагностика; «биографический метод»; проблемы «языковой личности», «языкового портрета», антропонимии в языкознании и «философии имени» в отечественной философской традиции; проблемы иконописи в искусствоведении и религиозно-философской мысли; проблемы «портретологии» в искусствоведении) см.: Беленький И. Л. Биографика в системе наук о человеке: становление, этапы развития и междисциплинарный контекст отечественного биографоведения: Указатель литературы. М., 1999.

личностного бытия и форм их знакового (символического выражения); исследование же этих проблем – предмет исторической культурологии, исторической, правовой и политической антропологии.

Постижение интересующей нас стадильности невозможно вне анализа символических универсалий отечественного социокультурного бытия, восходящих к фундаментальным архетипам: **Путь; Судьба; Смерть; Миф; Имя; Персона; Лик; Маска; Зеркало; Икона; Портрет; «Я»; Автор** и др.

Самоочевидно, что познание логики развития отечественного биографического дискурса немыслимо вне обращения к проблематике эволюции форм историзма в русской культуре, что естественно предполагает взаимосвязь биографики с историографией и историческими отделами наук о литературе и искусстве.

Можно было бы наметить и многие другие линии междисциплинарности, однако ограничимся лишь кратким экскурсом в проблему статуса одной конфигурации биографического знания, уже с момента своего конституирования прямо заявляющей о своей «междисциплинарности».

«Биографический метод» возник в позитивистски ориентированном литературоведении середины и второй половины XIX века. Уже в начале XX в. он был подвергнут критике, ставшей в последующие десятилетия почти уничтожающей²¹. Наиболее обстоятельно он был проанализирован А.М.Евлаховым, который указал на самый большой недостаток понимания этого метода в литературоведении второй половины XIX века: суждение о произведении по его автору, как человеку. Вот его слова:

«Если нельзя судить по произведению об авторе, как человеке, то по той же самой причине, нельзя судить и о произведении – по автору, как человеку. Такова логика, разрушающая научную основу биографического метода»²².

Спорить с этим не приходится. Однако позволим предложить некоторую перестановку акцентов. В любой сфере деятельности и творчества, где значимо личностное начало, возникает естественно, при ее историческом или теоретическом изучении, проблема исследования творческой личности. В истории литературы – это

²¹ Цейтлин А.Г. Методы литературоведения // Литературная энциклопедия. М., 1934. Т.7. Стб.241-280; Богданов В. Биографический метод в литературоведении // Словарь литературных терминов. М., 1979. С.32-33; Палиевский П. Биографический метод // Краткая литературная энциклопедия. М., 1962. Т.1. Стб.619-620.

²² Евлахов А.М. Введение в философию художественного творчества. Ростов н/Д, 1917. Т.3. С.526.

проблема изучения биографии писателя, в истории науки и науковедении – изучения биографии ученого и т.д.

Следовательно, содержание и задачи многих научных дисциплин требуют, вызывают к жизни определенный метод изучения биографии. По существу, именно он и есть «биографический метод».

Это понятие – полностью бессмысленно в биографике (в смысле ее собственного метода). Но оно глубоко содержательно в социологии, книговедении, науковедении, искусствознании, литературоведении и т.д. Просто, в первом и втором случае, как и во многих других, **биографический метод** – метод изучения индивидуального, как вспомогательный для изучения коллективного, социального. В третьем же и четвертом, как и во многих других, **биографический метод** становится таковым в сфере анализа произведений литературных, изобразительных (и т.д.), но с ограничениями в объяснительном смысле. В сфере же изучения жизни художника, он – не метод, а сама предметность.

При таком понимании смысла этого термина теряют силу все упреки его в редукционизме. Но они полностью сохраняют свой смысл, когда мы сталкиваемся с любыми попытками совместить **биографический метод** и **патопсихологическую реконструкцию**. Сформулируем нашу позицию точнее и резче.

Бессмысленно отрицать огромное (а во многих случаях – абсолютно-доминантное) значение и проявление всех форм душевной и психической жизни человека в его деятельности и творчестве. Но мы можем и должны исследовать жизнь и деятельность человека исключительно по персонологическим текстам. Никакое исследование творчества и деятельности по материалам патогенетического исследования личности (т.е. исследования ее в пространстве психопатологии) не может иметь объяснительной силы. Это важно и в эпистемологическом плане, и в этическом: этические презумпции персонологического и биографического слова запрещают подобные эвристики. В этом плане наиболее спорными представляются основания предложенной русским психиатром Г.В.Сенгалиным программы исследования «патогенеза и биогенеза великих людей», развернутой в издаваемом им журнале «Клинический архив гениальности и одаренности»²³. Художественное, научное, философское творчество понимается Сенгалиным как выражение душевной патологии. «Биографический метод» использовался

²³ Сенгалин Г.В. Патогенез и биогенезе великих людей // Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатология). Свердловск, 1925. Т.1. С.24-30.

им как инструмент поиска патопсихологических свидетельств. Большой корректностью и содержательностью отличались психоаналитические трактовки художественного и научного творчества, предложенные в 1920-х гг. отечественными последователями З.Фрейда²⁴. Любопытно, что, несмотря на постоянный интерес З.Фрейда к биографическим темам и обязательное включение биографического аспекта в программу психоаналитического исследования, сохранилось и такое его высказывание 1936 года:

«Тот, кто стал биографом, обрекает себя на ложь, приукрашивание действительности и даже на сокрытие собственного непонимания, ибо нельзя обрести биографическую истину, а если бы ее даже обрели, она была бы не нужна»²⁵.

Однако при всей необходимости дальнейшей углубленной разработки методологических проблем биографики, значимости историографической систематизации наличных знаний, ориентированной на осмысление постулата междисциплинарности, все большая рационализация теоретических построений неизбежно отдаляет нас от осмысления собственно философских (философско-антропологических и герменевтических) «оснований биографики».

Современную ситуацию в биографике можно охарактеризовать как «безумие недоволренности», как постоянное и напряженное стремление к адекватности биографического познания и, одновременно, почти трагическое осознание нереализуемости этого стремления. Антиномия возможности/невозможности постижения биографии **Другого** неотрывна от центральной «проблемы персонализма и персонологии» – проблемы возможности и границ постижения «чужого сознания». Неотделима она и от фундаментальной проблемы методологии исторического знания – проблемы самой возможности исторического познания и его границ.

Эти вопросы – суть вечные антиномии исторического, персонологического, биографического знания. И всегда их решение/разрешение – есть только кажущийся «выход из тупика» в пространстве определенной методологической/мировоззренческой ситуации. Точно так же, как и поиски ответа на вопрос: Что есть биография?: Научное знание – реконструкция?; Искусство?; Или научное знание и искусство? Осознание смысловой значимости и, вместе с тем, неразрешимости на предельном уровне этих про-

²⁴ См.: Эткинд А. Эрос невозможного: История психоанализа в России. СПб., 1993; Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. М., 1994.

²⁵ См.: Фрейд З. Художник и фантазирование. М., 1995. С.358.

блем – необходимая презумпция размышлений о природе **Биографии** как культурно-исторической формы.

Не ставя перед собой задачу аналитического рассмотрения этой проблематики (нам лишь важно было обозначить ее первостепенную важность), обратим внимание только на одно обстоятельство: линейная упорядоченность нарративного исторического текста соразмерна только хронографическим жанрам биографического дискурса. Другие же типы биографического дискурса, и, прежде всего «смысловая биография», принципиально несоразмерны рациональности исторического нарратива и требуют для себя иных форм биографического слова.

Вновь и вновь перед нами возникают одни и те же вопросы, на которые и сегодня нет окончательных ответов:

– Возможна ли Биография?

– Возможна ли аутентичная Теория Биографии? Или каждый биографический жанр, каждый тип биографического исследования (а может быть, и каждый «биографический опыт») предполагает свою теорию?

– В каком соотношении в Теории Биографии (если она возможна) находятся нормативные и эвристические, рефлексивные содержания?

– Теория Биографии и (или) Философия Биографии?

– Возможна ли Поэтика Биографии? Или существуют только поэтики отдельных биографических жанров?

– «Быть Биографом»? Ситуация. Поступок. Смысл?

– Возможна ли этика и аксиология Биографии?

Попытаемся, по мере возможности, не ответить на эти вопросы, а высказать некоторые соображения, их касающиеся.

Биография как культурно-историческая форма заключает в себе единство науки и искусства.

Часто художественные формы Биографии – это, прежде всего, портретное искусство (живописный и скульптурный портрет – и в своем собственном художественном бытии как произведения искусства, и в бытии, определяемом отношениями «портрет-оригинал»; в первом случае конкретный портрет – одновременно и «художественно-изобразительная философия человека») и художественная литература (соединяющая в себе тотальный опыт «художественной философии человека» и фрагментарные художественно перевоплощенные «биографические реконструкции» – причем не только в произведениях художественно-исторических жанров, но и во всех других нарративах; в этом смысле, художественная литература – опыт «художественной коллективной биогра-

фии/просопографии» страны, эпохи, времени, поколения, семьи, ситуации и т.п.).

Им «противостоят» – как принадлежащие к миру рационально-научных форм – различные типы биографических исследований/жанры биографической научной и научно-популярной литературы.

Между этими реальностями – многообразие пограничных жанров художественно-документальной и научно-художественной биографической литературы.

Однако в своих высших проявлениях – в своих стремлениях к созданию целостной символической смысловой биографии – научное биографическое знание неизбежно вступает в очень сложные отношения с тем видением человека, которое доступно только художественному слову. В известном смысле, тем самым Биография «возвращается» к своим генетическим источникам, к некогда существовавшему единству форм слова.

Биография как познание истории личностно-индивидуального возможна и необходима в той же степени и мере, с которой эпистемологически возможно и ценностно необходимо историческое познание как таковое.

В эпохи и ситуации, когда в историко-методологическом сознании обостряется тема и ощущение кризиса исторической науки (как эпистемологическая проблема), в том же историко-методологическом сознании столь же отчетливо звучит тема кризиса биографии, тема принципиальной ее невозможности.

Вместе с тем, эти утверждения не получают поддержки в массовом биографическом сознании, которое всегда ориентировано на Биографию, ожидает ее и живет ее ожиданием.

Всеохватывающая аутентичная теория Биографии возможна в той степени и мере, в которой в рамках общей филологии возможны частные теории отдельных родов словесности/письменности. Более, однако, сущностно ее понимание как отдела истории и теории культурных форм – т.е. историко-теоретической культурологии. Но в таких версиях теория биографии – это, прежде всего, нормативное описание биографических форм. Теория Биографии как теория ее ценностных смыслов может быть только «философией биографии»²⁶ или, чтобы быть корректнее, может исходить только из философских оснований.

²⁶ Еще раз вспомним заключительные строки книги Г.О.Винокура, в которых говорится о необходимости «философского отношения» к биографии. – Винокур Г.О. Биография и культура. С.86.

Ценностно-смысловая теория Биографии может быть «герменевтической теорией биографического понимания»; отделом «философии символических форм»; «аксиологией и этикой биографического слова»; продуцированием идей персонализма, философской антропологии и «философии коммуникаций»; опытом экзистенциального философствования.

Вероятно, возможны и частные рационально-научные теории отдельных форм биографических исследований, включающие наряду с нормативными, эвристические и рефлексивные содержания.

Наряду с поэтикой отдельных биографических жанров возможно существование сравнительно-исторической поэтики Биографии как таковой. И общая, и частные поэтики исследуют структуру текста биографических исследований; закономерности ее эволюции; формы речи, инстанции повествования и коммуникативный статус биографических текстов.

Исследовательская и экзистенциальная позиция «Быть Биографом» может иметь место в двух классах ситуаций. *N* оказывается в позиции (роли) биографа другого человека, *Z*: в силу стечения обстоятельств, волею (или «иронией») судьбы, повинясь внутреннему долгу, выполняя «социальный заказ», отвечая потребностям времени, чисто случайно, благодаря тем или иным отношениям с *Z* и его миром и т.д. Но *N* оказывается в позиции (роли) биографа *Z*: и по одной из названных выше причин, и потому, что он, *N* – профессиональный биограф (биографистика стала профессиональным занятием *N*). В этом классе ситуаций он часто сам выбирает свой будущий «объект».

Судьба человека выбирает его биографа. Но и биограф выбирает свою судьбу, встречая своего героя (см. первый класс ситуаций) или ищет его (что возможно во втором классе ситуаций).

«Биографический опыт» профессионала (напомним, что речь здесь идет о биографии исследовательской, а не о «практической персонологии»), разумеется, более богат, чем у начинающего биографиста. Но с другой стороны, у него возможны автоматизм; и неизвестно, лучше это или хуже. Впрочем, все, что касается герменевтического поведения, почти недоступно рационализации. «Быть биографом» особенно в ситуациях, когда изучение *Z* становится «делом жизни» *N* – позиция, чрезвычайно нагруженная экзистенциальными смыслами. *Z* – всегда загадка для *N*; *N* никогда не бывает для *Z* открыт полностью. Можно даже сказать, что в отношениях *N* с *Z* (независимо от того, близки или страшно далеки они друг от друга во времени и пространстве) – всегда и диалог, и

борьба, взаимное противостояние. Биографируемый может быть «смутным» и непонятным для его биографа²⁷.

Профессиональный «биографический опыт», сфокусированный на личности исторически значимой (вплоть до символов национального пантеона) постоянно сталкивается с множеством непрофессиональных биографических опытов, сфокусированных в той же точке. Поэтому биограф-исследователь – не только аналитик биографического мифа, но и один из его ретрансляторов. «Мой Пушкин» П.П.П. или Н.К.Р. принципиально иной, чем «Мой Пушкин» П.И.Бартенева или М.И.Цветаевой. Но в них есть нечто общее. И наивный биографизм любителя, и профессиональный биографизм исследователя по-своему тотальны и «агрессивны». И тот, и другой творят образы-заместители, «двойники» «великих».

Но вместе с тем, поведение биографа, его текста – всегда автопортрет, самописание биографа. В биографическом тексте, в явном или неявном виде, могут быть выражены фрагменты жизненного пути и все планы и уровни личности биографа: черты характера, ментальные структуры, пограничные ситуации, этос, картина мира, процесс его творческого развития и т.д.

Особая проблема: типология текстов с точки зрения конфигурации в них моментов самописания: рефлексия, автокоммуникация, автоинтерпретация, самооценка, самоопределение своего места в науке и культуре, осознание своей родословной, объяснение собственной позиции и метода, высказывания, выражающие придание ученым своей исследовательской деятельности и ее возможным результатам характера личного жизненного императива, представления о своей Главной книге – Деле жизни, высказывания о приоритете. О многом могут сказать основные, доминирующие идеи биографа (но здесь – опасность примитивных психоаналитических реконструкций). Особая проблема – обозначение авторства текста. Текст может описывать свою творческую историю, содержать авторские указания на его возможные продолжения и связи с другими работами. Индивидуальное в формальном построении текста на фоне существующих клише (канонов текстов), совпадение или несовпадение логики текста и логики мысли, эпиграф и посвящение как элементы рамы текста; язык текста (индивидуальность стиля, «свое» понимание автором научных терминов, интимизация языка и местоимения «Я» и «Мы» в тексте, образ и голос автора, авторское сознание) – все это также

²⁷ Ср. «Вихрь загадок таит в биографе этот мертвый как мел мотив» (Б.Л.Пастернак).

и голос автора, авторское сознание) – все это также явные и неявные фрагменты самоописания в биографическом тексте.

Как выражение индивидуализации может восприниматься перенос правил построения текста из одной науки в другую; обращение к методологии и языку других наук; попытка обсуждения критериев научности, сложившихся в данной науке, отрицание их как жестких, обращение к более мягким и размытым и поиски интуитивных смыслов – особенно на ранних стадиях этих процессов. Еще одна проблема – интерпретация любого биографического текста, как сложного взаимоотношения «своего» и «чужого» слова (отношение автора к включаемому им в текст «чуждому» слову как самоописание).

Попытаемся кратко, в тезисной форме, сформулировать основные положения этико-ценностного подхода к проблеме задач, смысла и возможностей биографии.

- Бытие человека есть бытие на грани, перекрестке самоописания и внеположного описания, есть контрапункт текстов самоописания и текстов описания, внеположных ему.
- Релятивистский взгляд на сущность отношений между различными инстанциями внеположного описания, между созданными ими текстами – обнаружит только диалектику борьбы за право описания человека, и даже, за обладание им. Но подобная релятивистская точка зрения вряд ли может быть самосозидающей для собственного бытия личности. Только прямо противоположное воззрение, устанавливающее строго смысловую, ценностную иерархию форм (инстанций описания и порожденных ими текстов) внеположного описания – позволяет понять место человека в Мире, создает предпосылки для его содержательного самоосуществления.
- В иерархии форм внеположного описания существенное место занимают биографические исследования (и биографическая эдификация) и многообразие персонологических высказываний.
- Персонология – как знание о конкретной личности и ее интерпретация по текстам, созданным ею, – воплощается в Биографии (во всех ее жанрах) и в персонологических высказываниях, вкрапленных в самые различные тексты отечественной словесности, а также, в живую ткань устной речи.
- Персонология, лишенная аксиологических предпосылок и этического контроля (и самоконтроля автора высказывания) ведет к Хаосу.

- Порядок в этом Хаосе может навести только сам человек (в границах действия и разума, доступных ему).
- Биография человека как текст – одновременно мозаика-монтаж высказываний и голосов других лиц и других биографов, героя биографии и его современников. Это – многоголосье мира биографа и мира его героя. В известном смысле, текст любого биографического исследования может быть представлен как своеобразный игровой мир, «спектакль» «голосов» и «разных миров», спектакль-игрище персонологических высказываний. Интонация, содержание, этическая окраска, ценностный смысл их различны, не сводимы к единому рисунку. Даже в тех случаях, когда этические и ценностные предпосылки четко осознаются биографом и определяют характер собственно биографического слова – персонологические высказывания (как принадлежащие биографу, так и воспроизводимые им) лишь в незначительной части определяются ими.
- Слишком часто нарушается основополагающее ценностно-этическое требование: Биографу открыто в человеке и его мире лишь то и только то, что открыл (или предполагал открыть) сам человек.
- Отсюда вытекает самое фундаментальное утверждение этико-ценностного отношения к биографии: этика и аксиология Биографии есть этика и аксиология биографического слова и биографического молчания²⁸.

Именно этими словами мы хотим закончить наши рассуждения о смысле и возможностях Биографии.

²⁸ Напомним суждение В.И.Иванова: «Молчание – математический предел внутреннего тяготения слова». – *Иванов В.И.* Собрание сочинений. Брюссель, 1979. Т.2. С.102.

МЫСЛИТЕЛИ, ИСТОРИКИ, ТВОРЦЫ

О.П.Смирнова

Жизнеописание Евнапия из Сард, составленное по его собственным сочинениям

Наверное, есть особый смысл в описании жизни античного биографа и историка, предоставившего в распоряжение современных читателей материал для знакомства с отдаленными во времени и разнообразными событиями, но оставшегося в тени собственных сочинений. В этом случае следует попытаться совершить обратное и осветить жизнь героя, взяв за основу его произведения.

Существует предположение, что Евнапий, один из «последних язычников», позднеантичный ритор, софист, историк, – сам собирався составить автобиографию, завершив ею свои «Жизнеописания философов и софистов». В качестве косвенного доказательства приводится тот факт, что «Жизнеописания» обрываются на том самом месте – смерти Хрисанфия, учителя Евнапия – где автор мог бы перейти к собственному жизнеописанию. Кроме того, он мог планировать составление отдельной автобиографической работы по модели Воспоминаний Орибазия или I речи Либания¹.

Если бы Евнапий все же написал свою биографию, то она, скорее всего, изобиловала бы чудесами и невероятными происшествиями, интерес к которым был так характерен для платоников. В ней было бы подробно рассказано о необыкновенных способностях (целительство или тавматургия) автора, его друзей, известных и почитаемых им людей. И вряд ли была бы соблюдена хронологическая канва событий: автор говорил бы о самом главном в своей жизни – о том, что в ней «истинного», оставляя доискиваться до точных дат «экономам и счетчикам богатых домов, равно и тем, которые смотрят, разинув рот, на небесные дела или занимаются счетною наукой»² (hist., frg.1³) – ведь цель истории для Евнапия заключается не в точном изложении событий, но в том, чтобы

¹ *Banchich Th.M. Vit. Sophist. X.2.3. and the Terminus of the first Edition of Eunapius' History // Rheinisches Museum für Philologie, 131 Bd., Heft 3-4, 1988. P.380.*

² Здесь и далее отрывки из «Истории» Евнапия цитируются в переводе С.Ю.Дестуниса: Византийские историки Дексипп, Евнапий, Олимпиодор,

«в короткое время, по недолговременном чтении получить опытность во многих неизвестных прежде предметах, чтобы знанием предшествующих событий из молодого сделаться старцем и таким образом научиться тому, чего убежать и чему следовать».

Наша задача, конечно, другая – мы постараемся, не избегая ни точных дат, ни мистических настроений Евнапия, показать его жизнь такой, какой ее видит современная историческая наука.

События

Евнапий родился в Сардах, в Лидии. Ему приходился родственником другой ритор Евнапий (происходивший из Фригии), которого лидийцы отправили послом к императору Юлиану в 361 г. и который вместе с Музонием собирал в Малой Азии государственную подать при императоре Иовиане. На шестнадцатом году жизни (362 г.) Евнапий отправился в Афины для обучения у знаменитого софиста, христианина по вероисповеданию, Прозресия. Во время плавания из Малой Азии в Грецию Евнапий тяжело заболел. Из Пирея спутники перенесли его на руках в дом Прозресия. Надежды на выздоровление уже не оставалось, когда врач Эхин с Хиоса влил в рот больного лекарство, которое его и спасло. Прозресий привязался к Евнапию: когда Евнапий уже выздоровел, он должен был, по обычаю, вымыться в общественной бане, а новички, как правило, подвергались там насмешкам и даже побоям; однако Прозресий попросил всех участников данного «ритуала» обращаться с Евнапием без осмеяния, как если бы он был его сыном.

Видимо, в это же время Евнапий был посвящен в Элевсинские мистерии, причем тем же иерофантом, что посвятил в мистерии императора Юлиана – нет сомнения в том, что сам Евнапий считал это событие далеко не случайным и полным особого смысла. Тем самым Афины, где он был приобщен и к таинствам философии, и к таинствам религии, стали для мистически настроенного Евнапия особым местом, и сама его болезнь могла рассматриваться им как ритуальная смерть и мистическая инициация в новую жизнь.

Во время своего пятилетнего пребывания в Афинах Евнапий слушал также и соперников Прозресия – Диофанта и Сополиса (VS 12, 13) и познакомился также с философами Максимом и Тускианом. После обучения в Афинах Евнапий собирался совершить путешествие в Египет, очевидно, для продолжения занятий, но был вызван домой. На двадцатом году жизни Евнапий вернулся в Сар-

Малх, Петр Патрикий, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. СПб., 1861.

³ Нумерация фрагментов дается по изданию: *Historici graeci minores*. Ed. L. Dindorf. Lipsiae, t.1, 1870.

ды, где, видимо, и провел остаток своей жизни, занимаясь преподаванием и общаясь с софистом Хрисанфием, учеником которого он был еще до того, как отправился в Афины, и с которым состоял в родстве⁴. Между Хрисанфием и Евнапием существовало чувство глубокой привязанности. Евнапий пишет, что и по возвращении из Афин он продолжал занятия у Хрисанфия: утром преподавал риторику, а после обеда шел к своему учителю слушать философское учение, и занятия эти были для Евнапия праздником (VS 23, 3). Очевидно, Евнапий не стремился к политической, общественной карьере, которая даже при императорах-христианах, была открыта для язычников, получивших риторическое образование⁵.

Кроме риторики и философии Евнапий был сведущ и в медицине. Кому он обязан своим медицинским образованием, остается неизвестным. Его интерес к этой науке выразился и в том, что он включил биографии четырех «ятрософистов» (врачей) в «Жизнеописания». Евнапий был лично знаком со своим соотечественником врачом Иоником Сардийцем. Когда из Афин Евнапий собирался отправиться в Египет, то целью его путешествия могла стать знаменитая школа Магна из Нисибиса, ятрософиста, к которому, по словам самого Евнапия, отовсюду стекались ученики (VS 20)⁶. В своем жизнеописании Плотина Евнапий «реконструирует» симптомы и протекание душевной болезни Порфирия, которая в «Жизни Плотина», написанной самим Порфирием, названа просто меланхолией. Исходя из одного этого слова Евнапий, пользуясь своими познаниями в медицине, излагает причины, симптомы и лечение проявления душевного кризиса, выразившегося в отвращении к жизни и бегстве от мира⁷. Когда Хрисанфий, будучи уже стариком, заболел, и врачи собирались пустить ему кровь, Евнапий воспротивился этому, что пошло больному на пользу. Евнапий охотно «сравнивает предметы умственные с предметами физиологическими; говорит о предметах нравственных, а употребляет термины медицинские». Друг Евнапия Орибазий упоминает имя историка в начале своего сочинения «О простых медицинских средствах», называя его виновником этого сочинения и давая ему эпитет «учнейший». Фотий даже сообщает, что Орибазий обращается к Евнапию с любовью, как к своему сыну (код. 219).

⁴ Хрисанфий был женат на племяннице Евнапия Мелите.

⁵ Blockley R.C. The fragmentary classicising historians of the late Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus, and Malchus. V.I. 1983. P.1.

⁶ Goulet R. Variations romanesques sur la mélancolie de Porphyre // Hermes, Bd.110. Heft 4. 1982. P.449.

⁷ Ibid. P.454.

Видимо, по возвращении из Афин Евнапий остается в Азии (он лично наблюдал, в начале правления Феодосия, отстранение Феста с поста наместника Азии)⁸. В Сардах он написал две свои известные работы – «Жизнеописания философов и софистов» и «Историю», охватывавшую события от 270 г. (даты смерти Клавдия Готского) до 404 г. (десятого года правления императора Аркадия) и задуманную как продолжение «Истории» афинского историка Дексиппа (законченной как раз 270 годом). «История» Евнапия дошла до нас во фрагментах из сборников Константина Багрянородного и словаря «Суда». Первое сочинение Евнапий написал по настоянию Хрисанфия. В нем говорится о двадцати трех философах, софистах и врачах, современных или близких по времени Евнапию. О некоторых персонажах Евнапий рассказывает вкратце, о других – например, Хрисанфии или Проэресии – подробнее.

«История» Евнапия, по словам Фотия, разделялась на 14 книг. Первая книга содержала очерк событий, происшедших от Клавдия до Юлиана. Затем, в остальных 13 книгах, Евнапий подробно останавливался на правлении Юлиана, Валента, Феодосия I и Аркадия. Евнапий задумал свою «Историю» как всеобщую (κοινή). Она должна была стать связующим звеном всеобщей истории, охватывая и Грецию, и Рим, в соответствии с традицией, установленной Диодором. Возможно, такой жанр имел больше достоинств, чем современная история, слишком связанная с тем или иным императором⁹. Кроме того, величие Юлиана, вставленное во всемирную историю, в таком случае было бы выигрышно подчеркнуто. Высказывалось предположение, что если бы «История» Евнапия сохранилась полностью, это был бы ценный документ, поскольку ее автор был знаком с выдающимися людьми империи и был свидетелем большинства рассказываемых им событий¹⁰.

На это можно возразить то, что Евнапий, вряд ли проведший много времени где-либо, кроме Афин и Сард, не мог быть прямым свидетелем событий, так как эти города едва ли были важными центрами политической деятельности. А что касается «выдающихся людей», то нет свидетельств, что он находился в общении с кем-либо вне академического круга софистов. Как и у Аммиана Марцеллина, у Евнапия не было доступа к людям, принимавшим политические решения. Так, Хрисанфий отверг приглашение

⁸ W. Schmid. Eunapios // RE VI² 11HbB, 1907, 1122.

⁹ A.B. Breebart. Eunapius of Sardis and the Writing of History // Mnemosyne, 1979, XXXII, fasc. 3-4. P.365.

¹⁰ W.C. Wright., Philostratus Flavius, Eunapius, The lives of the sophists. Introduction. L., 1968. P. 320.

Юлиана присоединиться к нему при дворе и, хотя он стал главным жрецом Лидии, не находился в центре событий. Отмечая этот факт, можно посчитать даже удивительным, что Евнапий не осуждает своего учителя за отказ участвовать в программе восстановления язычества¹¹. Впрочем, это можно признать типичным для взглядов Евнапия: истинный представитель мудрости не должен заниматься никакой политикой, которая не была легитимизирована божественным согласием¹². Тускиан, которого Евнапий называет источником для «Жизнеописаний», был лучшим информантом, поскольку служил при Анатолии, префекте претория Иллирика с 357 до 360 г. Кстати, говоря об Аммиане, следует добавить, что вопрос о взаимоотношениях Евнапия и Аммиана Марцеллина продолжает интересовать исследователей. Так, есть мнение, что Евнапий написал свою «Историю» до создания «Истории» Аммиана, который использовал сочинение Евнапия¹³. Однако, этот вывод не столь надежен – например, в том, что касается персидского похода Юлиана (где встречается наибольшее число совпадений между Зосимом, использовавшим труд Евнапия, и Аммианом), у них мог быть и общий источник. С другой стороны, имеется интересная гипотеза, заключающаяся в том, что между Евнапием и Аммианом мог быть своего рода контакт¹⁴. Во-первых, Евнапий, видимо, нападает на тщательно обработанное изображение битвы при Аргенторате, сделанное Аммианом. Во-вторых, оба историка используют такие риторические приемы, как *exempla* и длинные сравнения. В-третьих, Евнапий прохладно относится к Либанию, согражданину Аммиана, состоявшему с последним в переписке, а Аммиан никогда не упоминает Орибазия, друга Евнапия. В-четвертых, в «Жизнеописаниях» (VS 10, 7, 10) Евнапий насмехается над теми, кто отправляются в Рим, в то время как Аммиан почти никогда не упоминает Афины. Несмотря на то, что все это может оказаться совпадением, это указывает на соперничество и знание друг о друге.

Ценность Евнапия как историка обусловлена тем, что на его век пришлось много значительных событий: автор был свидетелем короткой языческой реакции императора Юлиана, поражения римской армии и императора при Адрианополе, отмены императором Феодосием языческих культов, вторжения Алариха в Грецию и разграбления ее городов и храмов, взаимной враждебности восточной и западной частей империи во время войны в Африке, восстания

¹¹ Kaegi W.E. Byzantium and the decline of Rome. Princeton, 1968. P.120.

¹² Breebart A.B. Op. cit. P.369.

¹³ Barnes T.D. The Sources of the Historia Augusta // Latomus CLV, 1978.

¹⁴ Blockley R.C. Op. cit. P.25.

Гайны и антигерманской реакции на Востоке, и, возможно, взятия Рима Аларихом в 410 г. Многие из этих и других событий, особенно те, что стали следствием борьбы между христианской церковью и языческими культами, окрасили мировоззрение Евнапия в тона, в свою очередь, повлиявшие на изображение им этих событий¹⁵. Заметим, что участие автора в исторических перипетиях ограничилось наблюдением, знанием и переживанием.

Даты

Хронология основных дат жизни Евнапия восстанавливается благодаря автобиографическим ссылкам, разбросанным по отрывкам «Жизнеописаний», а также благодаря сведениям Фотия. Разнообразные автобиографические указания могут получить датировку благодаря отрывку, позволяющему уточнить время прибытия Евнапия в Афины. Евнапий, упомянув о том, что Прозерсия (как христианину) было запрещено преподавать при императоре Юлиане, говорит, что, когда сам автор появился в Афинах, ему шел шестнадцатый год (VS 10, 1). Поскольку данный закон Юлиана был опубликован до 17 июня 362 г., то прибытие Евнапия имело место в 361/362 г.¹⁶ Таким образом, Евнапий родился в 345/6 г.¹⁷

Однако, предпринимались попытки пересмотра хронологии жизни Евнапия. Если принять во внимание, что закон Юлиана был отменен 11 января 364 г. (Cod. Theod. XIII, 3. 6), то тогда Евнапий не мог появиться в Афинах и, соответственно, учиться у Прозерсия до этой даты. Поскольку текст «Истории» недвусмысленно демонстрирует наличие у Прозерсия многочисленных учеников, организованных в «школу», то речь может идти о времени, когда закон Юлиана уже не функционировал. Кроме того, несколько фрагментов из текстов Евнапия указывают на его возраст. Прежде всего, это отрывок из предисловия ко второй книге «Истории», в котором автор, намереваясь описать события, происходившие в правление Юлиана, замечает, что сам он в это время был еще ребенком (παις). В следующем отрывке, взятом из «Жизнеописаний», Евнапий рассказывает о философах Максиме и Приске, которые после смерти императора Иовиана (когда к власти пришли Валентиниан и Валент) впали в немилость. Евнапий указывает, что в это время

¹⁵ Ibid. P.1.

¹⁶ Ч.Форнара на основании палеографического анализа текста «Жизнеописаний» пришел к заключению, что значительная часть пребывания Евнапия в Афинах пришлось на период между осенью 361 г. и июлем 362 г. — *Fortara C.W. Eunapius' Epidemia in Athens // Classical Quaterly* 39, 2, 1989.

¹⁷ Jones A.H.M., J.B. Martindale, J. Morris. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. I. Cambridge, 1971. P.296.

он был в школьном возрасте, ребенком, едва достигшим возраста эфеба. Тем самым после начала 364 г. Евнапий перешел в возрастную категорию эфебов¹⁸. Несмотря на довольно общее и расплывчатое употребление в античных текстах терминов «ребенок» и «эфеб» в школьном контексте, они могут указывать на учеников вполне определенного возраста¹⁹. Детство продолжалось до наступления зрелости, которую древние относили к 15-му году жизни, далее, в течение трех лет, подросток был эфебом (от 15 до 17 лет), а затем он достигал гражданской зрелости и становился *neos* (молодой человек). Тем самым, Евнапию еще не было 15 лет до смерти Юлиана в 363 г. Но, если бы он родился в 345/6 г., то ему исполнилось бы 15 лет и он вышел бы из детства в 360/1 г., т.е. в начале правления Юлиана. Когда же Евнапий вернулся в Сарды и вновь стал посещать занятия своего прежнего учителя Хрисанфия, он был еще *neos*. Таким образом, схема *paides, epheboi, neoi* прекрасно укладывается в хронологию жизни Евнапия.

На основании таких построений можно уточнить некоторые даты жизни Евнапия. Для облегчения подсчетов, в качестве приближительной даты, следует принять время прибытия Евнапия в Афины 25 сентября 364 г. (поскольку тот упоминает, что солнце уже вошло в знак Весов). Так как Евнапию шел уже 16-й год, его пятнадцатая годовщина должна была находиться между 26 сентября 363 г. и 25 сентября 364 г., т.е. Евнапий родился между 26 сентября 348 г. и 25 сентября 349 г. Пятый год его обучения начался 25 сентября 368 г., когда ему пошел двадцатый год. Тогда между 25 сентября 368 г. и 26 сентября 369 г. следует поместить несколько месяцев обучения у Прозересия, возвращение в Сарды (до весны 369 г.) и первое посвящение в философию Ямвлиха и Хрисанфия, которое, по признанию Евнапия, произошло на двадцатом году его жизни. Следовательно, двадцатый год Евнапия не мог наступить до весны и, вероятно, лета 369 г., поэтому день рождения Евнапия приходится на время между весной и 25 сентября 349 г.²⁰

Этот радикальный пересмотр хронологии²¹ получил опровержение: все три основных тезиса были подвергнуты критике²². Во-

¹⁸ Goulet R. Sur la chronologie de la vie et des oeuvres d'Eunape de Sardes // Journal of Hellenic Studies. Vol.C. 1980. P.61-62.

¹⁹ См.: Nilsson M.P. Die hellenistische Schule. München, 1955. P.34-42. Это мнение основано на данных многочисленных надписей.

²⁰ Goulet R. Sur la chronologie... P.64.

²¹ У этой теории имеются сторонники. Среди них: R.C.Blockley (op. cit.); D.F.Buck. См.: Eunapius of Sardis and Theodosius the Great // Byzantion, t.LVIII, 1988, fasc.1.

первых, закон Юлиана не позволял Прозересию преподавать ни в каком качестве; во-вторых, возрастные категории *paides* – *epheboi* – *neoi* и точно зафиксированный за ними возраст применимы к Афинам IV в. н.э. и, в-третьих, Евнапий постоянно использует эти термины в их специфическом техническом смысле. Вполне возможно предположение, что Прозересий мог преподавать у себя дома, частным образом, и тогда закон Юлиана не может быть аргументом против сентября 362 г., как даты прибытия Евнапия в Афины²³. Кроме того, ни одно эпиграфическое свидетельство²⁴ в поддержку данной возрастной схемы не происходит из Афин. И не известна ни одна аттическая надпись с упоминанием эфебов, которая относилась бы ко времени после второй половины III в. н.э. Но даже в это время, когда другие города уже использовали возрастные границы от 15 до 17 лет, Афины, очевидно, придерживались традиционной практики, которая могла сохраниться и в IV в.

Трудно ожидать, что такой автор, как Евнапий, будет строго придерживаться точных возрастных рамок, говоря о *paides*, *epheboi*, *neoi*. В связи с этим, аргументы остаются гипотетическими²⁵. Нам кажется, что эти возражения убедительны.

Дата смерти Евнапия также является неопределенной. Очевидно, он умер после 404 г. – года, которым, по словам Фотия, завершилась его «История». Но что значит «после»? В одном из отрывков «Истории» имеется ссылка на правление Пульхерии, которая заняла престол в 414 г. Эта дата не столько свидетельствует о том, до какого времени была доведена «История», сколько о времени жизни ее автора. Но этот факт не означает, что автор последовательно изложил события между 404 и 414 гг.²⁶ Просто, говоря о том, как Гиеракс убил Фравитту, Евнапий поспешил добавить, что Гиеракс был наказан за это, и поэтому он упомянул о событии 414 г. Даты смерти Евнапия указываются по-разному: после 404 г.²⁷, после 414 г.²⁸ или около 420 г.²⁹

Следующая группа хронологических проблем связана со временем издания Евнапием «Жизнеописаний» и «Истории». Вкратце остановимся на них. Фотий отметил, что «История» Евнапия пре-

²² *Banchich Th.M.* On Goulet's Chronology of Eunapius' Life and Works // *Journal of Hellenic Studies*. Vol. CVII. 1987.

²³ *Ibid.* P.165.

²⁴ См. выше прим. 19 и 20.

²⁵ *Banchich Th.M.* Op. cit. P.167.

²⁶ Так считал Г.Нибур. См. ниже прим. 30.

²⁷ *Blockley R.C.* Op. cit. P.1.

²⁸ *Buck D.F.* Op. cit. P.36.

²⁹ *Breebart A.B.* Op. cit.

терпела два издания, причем во втором были сглажены нападки на христианство. Существуют разногласия в вопросе о том, кто был автором второго издания «Истории» – сам Евнапий или неизвестный редактор-христианин³⁰. В настоящее время преобладает мнение о том, что второе издание совершенно все-таки автором. Об этом свидетельствуют указания самого Евнапия. В «Жизнеописаниях» он дважды говорит, что, если Богу будет угодно, он опишет некоторые события в «Истории», а в других ссылках, сделанных в «Жизнеописаниях», он говорит, что уже описал некоторые события. Тем самым, «Жизнеописания» вышли в свет между двумя изданиями «Истории». Кроме того, Фотий недвусмысленно говорит, что второе издание сделал сам Евнапий. И, наконец, второе издание содержит достаточно выпадов против христианства, чтобы предполагать его редактирование христианином, а недостатки этого издания можно объяснить спешкой, небрежностью или смертью Евнапия³¹. Возможно, что первое издание «Истории» описывало события 270-378 гг. и было опубликовано вскоре после этого³². Могло быть даже три издания, охватывавшие 270-365 гг., 365-378 гг. и 378-404 гг., соответственно³³. Есть мнение, что поводом к выпуску первого издания могло послужить запрещение императора Феодосия I совершать жертвоприношения (8 ноября 392 г.). Это издание было доведено до 395 г. (смерть Феодосия 17 января) и оно могло быть опубликовано около 410 г.³⁴

«Жизнеописания» Евнапия, видимо, написал после 396 г. Установление такой временной границы (*terminus post quem*) обязано двум указаниям автора на завоевание Греции Аларихом, причем Евнапий не говорит об этих событиях как о недавних³⁵. Однако

³⁰ Последнее предположение разделялось, в частности, Нибуром и де Боором. См.: Niebuhr B.G. Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, I, Bonnae, 1828; De Boor // Rheinisches Museum für Philologie, 47 Bd., 1892.

³¹ Baker A. Eunapius' Νέα Ἐκδοσι and Photius // Greek, Roman and Byzantine Studies, 29, 4, 1988. P.391.

³² Это предположение, выдвинутое Т.Барнсом, нашло поддержку у многих исследователей. – См.: The Sources of the Historia Augusta (Coll. Latomus 155 [1978]).

³³ Op. cit., I, 2-5. Такое уточнение было сделано Блокли.

³⁴ См.: Paschoud F. Cinq études sur Zosime. Paris, 1975. P.169-180.

³⁵ См.: Banchich Th.M. The Date of Eunapius' *Vitae Sophistarum* // Greek, Roman and Byzantine Studies, 25, 2, 1984. P.183. Т. Банчич замечает, что если это действительно так, то тезис Ф.Пашу (см. выше с.52-53 и прим.38) становится несостоятельным. Впрочем, Ф.Пашу подчеркивает, что эти отрывки указывают только на *terminus post quem*, а не на дату публикации «Жизнеописаний», которую, в соответствии с датировкой «Истории», возможно поместить в таком случае около 413 г. (ibid., p. 171).

один незамеченный отрывок в «Жизнеописаниях», посвященный Клеарху-викарию и проконсулу провинции Азии, указывает на 399 г. (VS 7, 5). В этом отрывке говорится о недавнем потрясении (θόρυβος)³⁶, испытанном Азией, которое могло быть только летом 399 г. В таком случае, «Жизнеописания» могли быть составлены осенью 399 г. или немного времени спустя³⁷.

Идеи и люди

Идеи и воплощавшие их исторические персонажи: друзья, учителя, исторические лица, философы – вот, пожалуй, главные герои «Истории» и основное содержание жизни Евнапия.

Евнапий был убежденным сторонником язычества³⁸ и последователем, как и Юлиан, мистической формы платонизма, популярной в IV в. среди образованных слоев греческого Востока. Характерной чертой этого направления была вера в магию и различные формы дивинации. Сам Евнапий постоянно упоминает об оракулах и предсказаниях в своих сочинениях. Его «метафизическая позиция»³⁹ колебалась между верой в демонов и судьбу и убеждением в существовании личного и справедливо действующего промысла (πρόνοια). И Евнапий уверен в том, что и его судьба определяется промыслом (πρόνοια).

Евнапий, можно сказать, знаменит своей неприязнью к христианам. Фотий (cod. 77) пишет, что первое издание «Истории» «усеяно богохульствами против нашей чистой христианской веры, и он [Евнапий] возносит до небес суеверия язычников и часто клеветничает на императоров, которые были благочестивыми христианами». Христиане, помимо прочего, называются Евнапием предателями, которые открыли Фермопилы Алариху.

Неприязнь к христианству свойственна и другим историками поздней Римской империи, но, как правило, для них характерен сбалансированный подход, в то время как для Евнапия религиозный фактор был стимулом в такой степени, что определил суждения, касающиеся всех сфер человеческой деятельности⁴⁰. Однако,

³⁶ Причиной потрясения было восстание гота Трибигильда, командира одного из отрядов варваров, размещенного во Фригии.

³⁷ *Banchich Th. M. Op. cit. P.192.* Таким образом, реконструкция литературной деятельности Евнапия, проведенная Ф.Пашу, становится невозможной и устраняется основное возражение против теории Барнса (см. выше: с.50, прим.13).

³⁸ В IV в. оплотом язычества была платоническая школа в Афинах.

³⁹ *Schmid W. Op. cit. 1126.*

⁴⁰ «Как следствие, анализ событий Евнапием является гораздо более упрощенным и односторонним, чем анализ, проведенный другими секуляр-

когда Евнапий, рассказывая о Прозерсии, должен был выбирать между отвращением к христианству и лояльностью к своему учителю, он выбрал последнее и отказался говорить о Прозерсии дурно. В этом усматривают силу и влияние классического образования, которое являлось общей характеристикой определенной группы, заинтересованной в написании язычески ориентированной истории⁴¹. Кроме того, Евнапий питает отвращение не столько к христианству как к таковому, сколько к вульгарности и легковёрности некоторых его представителей⁴². Евнапий верил в то, что империя захвачена варварами не вследствие силы христианского бога или злонамеренности языческих богов, но из-за того, что римское государство оставило свою религию⁴³.

«История» Евнапия признается важным компонентом языческой греческой интеллектуальной реакции против христианской империи Константина и его последователей⁴⁴. Евнапий писал в определенном социальном и образовательном контексте, для определенной референтной группы. Эта группа не только была традиционно образована, но и состояла из земельных собственников среднего уровня. Историки этого типа (Евнапий, Олимпиодор, Приск, Малх и др.) очень часто упоминают экономические проблемы, особенно тяжелое налогообложение⁴⁵ и широкомасштабное разорение землевладельцев как следствие ведения войн. Истории такого рода писались для небольшой, пусть даже состоятельной, и все еще влиятельной группы, и, вероятно, никогда не получали широкого хождения и не существовали в большом числе списков.

«История» написана, так сказать, по заказу: Евнапий указывает в предисловии ко второй книге, что приступить к ее написанию его побудил Орибазий из города Пергама, бывший врач Юлиана. Он снабдил Евнапия своими записками, в которых, вероятно, была отражена вся карьера Юлиана. Возможно, что Евнапий основывал свою «Историю» в первую очередь на записках Орибазия и на анонимном сочинении «Против христиан», написанном на латыни, автор которого, вероятно, взял большую часть своего материала из «Анналов» Вирия Никомаха Флавиана⁴⁶.

ными историками, которые, очевидно, лучше сопротивлялись этой тенденции». — *Blockley R.C. Op. cit. P.19.*

⁴¹ *Ibid. P.90.*

⁴² *Breebart A.B. Op. cit. P.369.*

⁴³ *Buck D.F. Op. cit. P.53.*

⁴⁴ *Ibid. P.36.*

⁴⁵ *Blockley R.C. Op. cit. P.91.*

⁴⁶ Однако теория Ф.Пашу построена на том, что невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Об этом см.: *Blockley R.C. Op. cit. P.24.*

Идеалом группы, для которой писал Евнапий, был не Фукидид, а Платон. Евнапий жил и работал в атмосфере эзотерических греческих интеллектуальных и религиозных ценностей. Для него область политики является царством случая, иерархически находящимся гораздо ниже ценностей добродетели (*ἀρετή*) и логоса. Такой философ, как Юлиан получил трон не потому что хотел этого, но потому что видел, что народам нужен правитель⁴⁷. Как и Юлиан, Евнапий не любил *πολιτικὴ φιλοσοφία*, или, как он сам говорил, *πολιτικὴ κακοτεχνία* (низкие уловки политики) (VS 10, 7). Уже отмечалось, что он даже не упоминает в «Жизнеописаниях» ритор Фемистия и довольно иронически отзывается о Либании.

Евнапий и многие его коллеги-софисты рассматривали Афины как центр своего интеллектуального мира. А к Риму относились с определенной неприязнью. Евнапий говорит, что когда римляне попросили Прозерсия послать им одного из его учеников, он послал им Евсевия, который пришел из Александрии и «казался наиболее подходящим для этого города, поскольку был искусен в чрезмерной лести и раболепствовании. В Афинах он казался возмутителем спокойствия» (VS 10, 7, 10-11). Возможно, этот провинциализм проистекал частично из локализма, в котором все еще воспитывались греки поздней империи, а частично из того, что платонические мистики отвергали участие в делах политических⁴⁸.

«Истина», которую Евнапий хочет получить благодаря написанию «Истории», является сакральной и священной⁴⁹. Не случайно автор использует сакрализованную лексику применительно к историописанию: так, отказаться от описания деяний Юлиана – это нечестие; внести неправильную информацию в историческое повествование – богопротивно и т.п. Простое любопытство и внимание к подробностям чужды истинной истории. Историк – друг бога и истины, как говорит сам автор. Следует даже предпочитать невероятные вещи (*ἀπίθανα*) тем сведениям, что претендуют на правдоподобие. Критические стандарты античной историографии здесь любопытным образом ниспровергнуты⁵⁰: «Почитатель Истины» атакует других историков за «правдоподобие» их сведений; он принимает чудесное, невероятное как часть объективной истины истории в противоположность правдоподобным «историям». История, как ее представляет себе наш автор, в некотором смысле может рассматриваться даже как исполнение предсказаний. Напри-

⁴⁷ Breebart A.B. Op. cit. P.370, 372.

⁴⁸ Blockley R.C. Op. cit. P.18.

⁴⁹ Breebart A.B. Op. cit. P.370.

⁵⁰ Ibid. P.372.

мер, иерофант, посвятивший Евнапия в Элевсинские мистерии, предсказал ему разрушение храмов и гибель Греции, сказав, что после его смерти станет иерофантом человек, который будет жрецом другого бога и даже не афинским гражданином и добавил, что еще в его время он увидит разрушение храмов, а при его преемнике придет конец почитанию Элевсинских богинь (VS 7, 3,2-5). Это предсказание, говорит Евнапий, исполнилось (преемником иерофанта стал жрец культа Митры и т.д.).

Стиль «Истории» является возвышенным и риторичным, с тенденцией к обобщениям, ее автор склонен к морализированию по поводу событий и действующих лиц. «История» Евнапия, как вообще позднеантичная историография, смыкается с биографией и главной заботой автора становится характер исторического персонажа, а не различные способы объяснения событий⁵¹.

Евнапий тяготел к тому, чтобы делить людей достаточно четко на положительных и отрицательных на основании моральных и мировоззренческих критериев. В его «Истории» «контраст между добром и злом абсолютен. «Хороший» Юлиан был образцом всего, что хотелось бы видеть в правителе; «плохие» Константин и Феодосий были примером противоположного»⁵².

Морализирование подкреплялось символизмом, так, Фест, проконсул Азии, который убил много языческих философов и чудотворцев в правление Валента, умер на ступенях храма Немезиды. «Событие, которое служит прекрасным примером того, как действует провидение», – восклицает Евнапий» (VS 7, 6, 16). Император Константин обвиняется в «Жизнеописаниях» (6, 1, 5) в разрушении знаменитых храмов и строительстве церквей. Он порицается и за основание Константинополя, города, к которому многие язычники относились враждебно как к христианской столице империи⁵³. Так же негативно Евнапий относился и к императору Феодосию I. В «Истории» он стремился опорочить его характер, политику и дея-

⁵¹ Blockley R.C. Op. cit. P.15.

⁵² Ibid. P.15-16.

⁵³ Мотивом Константина основать этот город Евнапий считает его желание дать ему свое имя и снискать в театре аплодисменты большой толпы пьяных и непостоянных людей (VS 6, 2, 7-8). Из-за неудачного расположения города, суда с зерном не могли стать на якорь, что вызывало нехватку продовольствия. Во время одной такой нехватки префект претория Авлавий убедил Константина в том, что виновником того, что ветер препятствует судам пристать к берегу, является философ Сопатр. И Сопатр был предан смерти. Однако возмездие настигло его палачей: сначала умер Константин (его смерть Евнапий рассматривает как наказание за гибель Сопатра), а затем сам Авлавий был убит Констанцием II (VS 6, 3, 9-13).

ния и использовал для этого все средства риторической техники; он придумывал события, соединял два реальных события, чтобы получить одно вымышленное, и украшал результат драматичностью и пафосом⁵⁴. Интересен эпизод «Истории», в котором Евнапий описывает ссору между двумя готскими вождями – Фравиттой и Эриульфом по поводу того, в каких целях нужно готам пользоваться их привилегированным статусом: чтобы защищать империю или чтобы поколебать ее. Фравитта являет собой образец добродетели, а Эриульф – воплощение всех пороков. Кроме того, контекст пира, на котором и происходит развязка спора, служит автору поводом для замечания о том, какое это зло – пьянство⁵⁵.

Подлинным героем для Евнапия является, разумеется, император Юлиан, «которому род человеческий поклонялся как некоему богу» (frg. 1). Даже по отрывкам видно, «что вся масса света сосредоточена вокруг Юлиана»⁵⁶. Фотий говорил, что «История» Евнапия составлена почти что для одного восхваления Юлиана. Евнапий прославлял доблести и добродетели Юлиана: его храбрость, силу, справедливость, милосердие, приветливость, предусмотрительность. Когда речь идет о том, как найти замену умершему императору, Евнапий подчеркивает незаменимость Юлиана. Он даже пытается, пусть и косвенно, его обожествить.

Таким образом, исторические персонажи служат для Евнапия средством выражения собственных идеологических и моральных пристрастий. Отмечается, что отвращение, с которым Евнапий относился к образу жизни императора Феодосия и, напротив, восхищение, испытываемое им к Юлиану, были проявлениями предпочтения умеренного аскетизма⁵⁷.

Так синтетично соединяются в сознании Евнапия реальные исторические события, происшествия его собственной жизни, люди и его идейные установки. Можно сказать, что «всемирная» история, биография Евнапия и его мировоззрение – это единое целое. И, вероятно, основным мотивом возможной автобиографии Евнапия стало бы чудесное, «священное» смыкание частной жизни автора с общественной, всеобщей историей.

⁵⁴ Buck D.F. Op. cit. P.53.

⁵⁵ Blockley R.C. Op. cit. P.21.

⁵⁶ Дестунис С.Ю. Указ. соч. С.67.

⁵⁷ Buck D.F. Op. cit. P.42.

Н.И.Девятайкина (Саратов)

**«Письмо к потомкам» Петрарки
как первый опыт гуманистической автобиографии**

Итальянский поэт и гуманист Франческо Петрарка (1304-1374) – фигура еще далеко не во всем разгаданная, в том числе – в отношении его биографии. С одной стороны, он, вдохновленный примером Цицерона, решил сделать достоянием потомков около 600 своих писем, разбив их на сборники, лучшими из которых признаются «Книги писем о делах повседневных» и «Старческие письма», и тем самым, казалось бы, представив личность, обстоятельства жизни и творчество в деталях. С другой, отбирая из посланий лучшие, он зачастую уничтожал как раз те, в которых обсуждались повседневные дела и заботы, запечатлялись приметы эпохи; в те же письма, что оставлял, многократно вносил добавления и поправки, так что картины, которая бы кадр за кадром высвечивала этапы его личного и интеллектуального развития, они дать не могут. Свидетельства биографического характера, как это по большей части выявлено исследователями, встречаются также в его трактатах, поэмах, итальянских сонетах «Канцониере», однако и их тексты редактировались до последних дней жизни, и через них не менее сложно воссоздать ситуацию творческой эволюции.

Потому исследователи последних десятилетий с увлечением занимаются выявлением самосознания гуманиста, «реальной» и «идеальной» плоскостей в его текстах, пытаются понять через их сопоставление, каким он был в жизненной обыденности и каким себя рисовал, каким хотел себя видеть. Л.М.Баткин в яркой культурологической работе о Петрарке напоминает, что эти самые плоскости существуют внутри одного и того произведения, своей конфликтностью (и попытками ее снять) создавая единое смысловое пространство. Плоскости пересекаются: повседневность переходит в книжность, книжность накладывается на повседневность. Все это вместе и есть «действительный» Петрарка, его борения с собой, самовоспитание, конструирование новой модели поведения¹.

С точки зрения интеллектуальной биографии, не менее важный тезис был сформулирован У.Дотти, одним из самых известных

¹ Баткин Л.М. Петрарка на острие собственного пера. Авторское самосознание в письмах поэта. М., 1995. С.72-73.

современных специалистов по творчеству Петрарки и публикаторов его сочинений: в произведениях гуманиста существует внутренний реализм, реализм духовного мира, сознания самого себя, вылившийся в первую гуманистическую манифестацию своих противоречий и конфликтов².

Все сказанное в полной мере относится к «Письму к потомкам». Из недавних его интерпретаций в зарубежной литературе стоит отметить исследования Н.Манна и Дж.Виллани³, в отечественной – уже названную книгу Л.М.Баткина, статьи Ю.П.Зарецкого и Е.Г.Рабинович. В первой статье ставится задача сравнительного изучения ренессансной автобиографии в историко-идейном ключе, вторая интересна сопоставлением автобиографических моментов в поэтическом творчестве Петрарки и в «Письме к потомкам»⁴.

В данной статье предпринята попытка истолкования «Письма к потомкам» сквозь призму жанра интеллектуальной биографии.

«Письмо к потомкам» – незавершенная автобиография. По замыслу автора, насколько он выявлен исследователями, «Письмо» должно было составить последнюю, XVIII книгу его «Старческих посланий», стать своеобразной биографической и творческой точкой. Если это так, то письмо виделось объемистым, поскольку в предшествующих разделах сборника даже послания в 50-60 страниц не становились отдельными книгами. Но автор не сумел (или не успел) до конца воплотить намерения в жизнь, начал, но не завершил письмо. Написанная часть рассказа о себе умещается на семи-восьми страницах современного научного издания⁵ и доведена до 1351 г., то есть треть зрелой жизни осталась в тени. Вокруг времени написания письма шли споры, которые завершились двумя заключениями: либо дошедшая до нас часть письма была написана в 1350-1351, а затем дополнялось в 1367-68 и 1371-72 гг., либо эта часть писалась в 1367-68, а дополнялась в 1371-72 гг. Более вероятным кажется первый вариант.

² Dotti U. Vita di Petrarca. Roma-Bari, 1987. P.460.

³ Mann N. Petrarch. Oxford-N.Y., 1984 (главная тема труда – Петрарка как создатель самопортрета для потомков); Villani G. Introduzione *Il Petrarca Fr. Lettera ai posteri* / A cura di G.Villani. Roma; Salerno, 1990. PP.7-32.

⁴ См.: Зарецкий Ю.П. Смертный грех гордыни и ренессансная автобиография // Средние века. М., 1992. Вып.55. С.185-194; Рабинович Е.Г. Об «Африке» Петрарки // Петрарка, Франческо. Африка / Изд.: Е.Г.Рабинович, М.Л.Гаспаров. М., 1992. С.211-240.

⁵ Petrarca Fr. Posteritati // Petrarca Fr. Prose / A cura di G.Martellotti, P.G.Ricci, E.Carrara, E.Bianchi. Milano-Napoli, 1955. P.972-986. В статье использована данная публикация письма. Отсылки на его страницы будут идти в тексте статьи вслед за цитируемым текстом.

Если посмотреть на письмо как на источник биографических сведений, что прежде всего, естественно, и делают исследователи, то оно может показаться не очень информативным и не очень ярким, особенно в сравнении с некоторыми другими посланиями того же сборника, вроде адресованного другу детства Гвидо Сетте, написанного с очень теплым чувством и содержащего многие сведения о школьных и студенческих годах⁶. Что есть в «Письме к потомкам»? Хронологическая канва с 1304 по 1351 гг., в рамках которой самые краткие сведения о том, где родился, кто родители, где жил, где и чему учился, куда и откуда переезжал, в каких городах и у каких правителей гостил, как они относились к поэту. Из самых значительных событий жизни упомянута учеба в Болонском университете на факультете права, «жгучая, но единая и высокая любовь», которой страдал в юности (р.974), поездка-путешествие по Европе, оставившая глубокое впечатление, тоже в молодые годы, коронация в Риме лавровым венком поэта. Из сильных мира сего упомянуты король Роберт Неаполитанский и папа Урбан V, из покровителей – знатное римское семейство Колонна и синьоры Падуи Каррара, из друзей – Филипп де Кабассоль и синьоры Пармы братья Корреджо. Из главных материальных приобретений – дома в Воклюзе и Парме. В самом конце письма упомянуто об одном из источников существования, Падуанском каноникате.

Из сочинений одной фразой представлены «Буколические песни» и трактат «Об уединенной жизни»; дважды глухо упомянуты какие-то письма. Больше и интересней всего – о поэме «Африка»: что в ней, как писалась, какое вдохновение вызывала. Из тем общественных присутствует одна – Авиньонское пленение пап. Обрывается письмо на сообщении, что его автор возвращается из Падуи «во Францию», то есть в Авиньон или свой уединенный Воклюз ввиду смерти своего друга и патрона Якопо Каррара.

Пусть 1351 год остается верхней границей биографической информации. Даже в этом случае из числа значительных событий личной жизни оказываются опущенными: смерть родителей, уход любимого брата в монастырь, рождение горячо любимых дочери и сына; не названными остаются их имена, как и имя самого автора письма и его главной музы – Лауры. Умалчивает автор и об откры-

⁶ См. перевод письма: *Петрарка Фр.* Письмо к Гвидо Сетте, архиепископу Генуи, об изменении времен (Старческие письма, X, 2) / Пер с лат. Л.М. Лукьяновой // *Итальянский гуманизм эпохи Возрождения / Вступ. ст. и ред. С.М. Стама.* Ч.1. Саратов, 1984. С.82-98. Почти одновременно появилось еще один перевод – М. Томашевской, обычно публикуемый в разного рода избранных сочинениях Петрарки.

вавшихся возможностях церковной карьеры – приглашениях на место апостолического секретаря папской курии в Авиньоне, предложении епископского сана. Соответственно, не называет имена пап, радевших за него, охотно с ним встречавшихся и переписывавшихся – Бенедикта XII и Клемента VI. Нет ни слова о самом радостном и вдохновляющем в ученых поисках – находках античных рукописей, работе с ними, нет упоминаний и о собственных прозаических трудах на римские темы – трактате «О знаменитых мужах». Хранится молчание о задуманных и уже готовившихся сборниках писем, о двух редакциях «Канцониере». При описании увенчания лаврами нет ни звука о блестящей речи, сказанной о поэзии и поэтах. Наконец, главная загадка – молчание о самом знаменитом трактате, исповедальном, во многом биографическом, который писатель сам назвал «*Secretum*», что на русский язык переводят по разному – «Моя тайна», «Сокровенное», «Исповедь».

Что касается тем общественных, то нет ни слова о восстании Кола ди Риенцо в Риме (1347 г.), попытавшегося ввести республиканское правление в «Вечном городе» и горячо поддержанного Петраркой. Нет ни единого упоминания о событии европейского масштаба – Столетней войне, о внутриитальянских политических бурях и войнах; об ужасном бедствии – чуме 1348-49 гг. Можно назвать и многие другие «упущения».

Боюсь, никто из исследователей не возьмется однозначно объяснить, какими соображениями Петрарка руководствовался, включая или не включая те или иные сведения в письмо. Проблема отбора стояла для автора, смущала его, и не в этом ли одна из причин незавершенности письма? Можно привести еще несколько соображений. Письмо должно было не начинать, а завершать последний сборник эпистол. По логике, заинтересованный читатель должен был бы прочесть предыдущие письма. И не только этого сборника, да и не только письма. И хотя «Письмо к потомкам» начинается скромными словами «Коли ты услышишь что-нибудь обо мне...» – смысл обращать его к будущему есть только тогда, когда есть надежда, что до него, этого будущего, доживут творения автора. И тогда все, о чем не сказано в «Письме к потомкам», в них в изобилии найдется, а, следовательно, необходимость писать отчетно-бытовую биографию исчезает.

Петрарка ставит перед собой две задачи: рассказать о том, «что за человек» (*quid hominis fuerim* – p.972) он был, и «какова

судьба его сочинений» (*quis operum exitus meorum*)⁷. Как станет видно чуть ниже, что за человек он был, или, по крайней мере, каким себя рисовал и хотел видеть, Петрарка рассказывает на протяжении всего письма. И в этом читателя не обманывает. Сочинений же касается мало, даже не все называет. Но нельзя забывать: письмо-то не дописано! Больше и охотней всего он пишет об «Африке»: ее главном герое, увлечении материалом, об этапах (творческих приступах) в работе над поэмой. Возможно, не очень точно заявляет, что в момент пребывания в Парме «с жаром довел произведение до конца» (р.984): есть исследовательская версия, что оно вообще осталось незавершенным и что, в любом случае, шлифовка велась после Пармы. Судя по всему, «Африка», за созданные к моменту увенчания лаврами песни которой и был получен венец, оставалась мукой творчества и мукой совести Петрарки. Он словно бы получил плату вперед и должен был с честью довести дело до конца. А оно стопорилось. Потому-то о счастливом завершении стоило потомкам сказать особо⁸.

Не удивительно, что он молчит о «Моей тайне». Это особый факт творческой биографии. Давно выяснено, что Петрарка оставил не обнародованным одно из лучших своих произведений: сохранил его от чужих глаз до самой смерти, считая слишком смелым и откровенным. Молва о ней шла, читать же никому не приходилось. Даже Боккаччо, автор первой биографии Петрарки, только слышал об удивительном трактате. Потому-то и в письме к потомкам, написанном в мире живых, он о трактате молчит.

Какие-то объяснения можно найти и относительно отсутствия общественных тем. Не исключено, что они, с точки зрения Петрарки, ничего не могли добавить к его портрету «как человека», а заслонить могли. Скажем, Кола ди Риенцо в момент создания письма сидел в тюрьме, его дело было проиграно: позже, при попытке использовать его в политических целях папой, он был убит. Столетняя война еще не набрала устрашающих оборотов, какие примет во времена поражения при Пуатье (1356), и потому еще не стала болью сердца. Ею, этой болью, было и оставалось для Петрарки

⁷ Некоторые фрагменты из письма приводятся в блестящем переводе М.О.Гершензона, который у всех на слуху и которому по литературным достоинствам явно уступает подстрочник, выполненный автором данной статьи. — См.: *Петрарка Фр. Письмо к потомкам* / Пер. с лат. М.О.Гершензона // *Франческо Петрарка. Избранное. Автобиографическая проза. Сонеты.* М., 1974. С.9-24.

⁸ Не могу не отослать к истолкованию этой части письма Л.М.Баткиным, полагающим, что рассказ о сочинении «Африки» — *главный смысловой выступ* послания. См.: *Баткин Л.М. Указ. соч.* С.32-33.

одно: авиньонское пленение пап, падение авторитета церкви, запустение Рима из-за переноса папской столицы. И эта тема выплеснулась на страницы автобиографии дважды.

Наблюдения над спецификой письма заставляют подойти к нему с точки зрения жанра. Тем более что перед нами – *рождение* жанра, который станет чрезвычайно популярным в ренессансные времена и породит, по словам Ю.П.Зарецкого, больше автобиографических сочинений, чем все европейское средневековье⁹. По словам названного автора, который в свою очередь солидаризируется с Р.И.Хлодовским, следует говорить о новом автобиографизме Петрарки, явившемся результатом переоценки традиционных религиозных, этических и эстетических ценностей¹⁰. Но рассуждения и некоторые тезисы автора противоречат этой важной оценке, на что хотелось бы дальше обратить внимание читателя.

В статье Ю.П.Зарецкого говорится об отношении к автобиографии в средние века и у предшественника Петрарки – Данте. В частности, автор «Пира» полагал, что нужны очень веские основания для создания автобиографии: рассказать о себе ради избежания великого бесчестья (Бозций в тюрьме), ради величайшей пользы для других в виде благого наставления (Августин), ради того и другого вместе. Петрарка, по мнению Ю.П.Зарецкого, не посчитал возможным прямо объясниться с читателем. Так ли? Не вернее ли предположить, что он не посчитал подобные причины исчерпывающими и решил напрямую обратиться к читателю через века с одной целью: дабы тот из первых уст узнал о писателе, чьи сочинения он читал или о чьих сонетах он слышал, как о человеке? То есть сделал это в силу высокого самосознания и веры в историческую и культурную важность предназначения поэта?

Петрарка помнит о читателе, но не заигрывает с ним, не перегружает письмо обращениями. Собственно, главное обращение одно – в первых фразах письма. И еще два раза на протяжении текста: когда речь заходит об объеме даваемых в школе знаний («что, как ты понимаешь, дорогой читатель, немного» – р.978) и когда автор рассказывает о необыкновенно теплом и восхищенном отношении к нему Неаполитанского короля Роберта (р.982). Трудно сказать, были ли эти обращения сделаны к слову или намеренно именно в этих местах письма. Но они обостряют внимание читателя. При этом внутренний диалог идет с *каждым* читателем: Петрарка обращается в единственном числе и на «ты». Автор явно

⁹ Зарецкий Ю.П. Указ. соч. С.188.

¹⁰ Там же. С.186.

рассчитывает на доверительность: «дивлюсь, и ты, если бы знал, читатель, полагаю, дивился бы» (*miror et tu, si noveris, lector, pufo mirabere* – p.982) – это об отношении короля Роберта.

В надежде на доверие звучат признания о правдивости и искренности автора: «Смело могу сказать, – так как знаю, что говорю правду..., я быстро забывал обиды» (p.974). Особенный эффект они вызывают в случае, когда вносят в портрет, рисуемый автором, просительные- грешные штрихи: «Я хотел бы... иметь право сказать, что вполне чужд плотских страстей (*libidinum*), но, сказав так, солгал бы» (p.974).

Ю.П.Зарецкий подчеркивает, что такое открытое обращение есть нечто ранее невиданное. Однако само оно, развивая мысль автор, неожиданно превращается в трафаретное изображение жизненного пути жалкого грешника, «смертного человечки»¹¹. Думается, это не совсем так. А точнее, совсем не так. Чтобы убедиться в этом, следует приглядеться к структуре, композиции письма. Оно явно распадается на две неравные части. Вторая – уже собственного биографически-событийного характера начинается словами «Я родился от почтенных... родителей» и завершается, как уже упоминалось, сообщением об отъезде из Падуи в Воклюз. Этот материал занимает две трети письма. Текст написан рукой гуманиста, его словарь совершенно светский, разве что раз-другой промолвлены привычные формулы о грехах или добродетелях. Эта часть письма выдержана в типичной для большинства эпистол тональности, с обычным синтаксическим изяществом, яркими сравнениями, метафорами. Пожалуй, единственное, что составляет отличие этой части письма от многих иных – отсутствие отсылок к античным авторам или цитат из их произведений, равно как и культурных реминисценций. Но не избавляется ли письмо тем самым от чужих мыслей и речей, от литературности, в автобиографии вовсе необязательной, не заставляет ли концентрировать внимание читателя только на авторе: этом человеке, этом поэте, этом писателе-философе?

Чтобы ясность в отношении этой части письма была полной, все-таки перечислим те самые формулы: «временем суетности» определена юность (p.976), упомянуто о Господе, забравшем в небеса душу Якопо Каррара (p.986), сказано, что в его доме Петрарка был принят так, как «на небесах принимают блаженные души» (p.984). В последних случаях замечания вовсе не несут мировоззренческой нагрузки, в первом – достаточно стертую, топосную.

¹¹ Зарецкий Ю.П. Указ.соч. С.189.

Зато в этой части письма, словно в фокусе, обозначились многие гуманистические темы: слава и оправдание стремления к ней, страсть к путешествиям и познанию мира, восхищение древностью и стремление к ее изучению, уединение и его полезность для творчества и душевной ясности, вообще влияние природы на творческую личность. Кроме того, тема просвещенного и достойного правителя, поэта и власти, изгнания и странничества поэта.

В этой же части письма по большей части обнаруживаются как мнения о поэте, которые он считает нужным припомнить, так и самооценки. Больше всего они связаны с трудами и славой. Когда речь заходит о поэтическом таланте и сочинениях, Петрарка признает, что был полон юношеского тщеславия и считал себя вполне достойным наград (р.978), судил о себе крайне снисходительным судом (р.980), домогался почестей лауреата. В том же духе – рассказ об экзамене у короля Роберта Неаполитанского: царственная оценка того совпадала с оценкой самого молодого поэта (р.982).

Эти честолюбивые чувства и устремления автор автобиографии как бы осуждает с высоты лет, не одобряет ни своих, ни чужих восторженных оценок. Но дважды – в эпизоде о короле Роберте – Петрарка без тени смущения или позднего самоосуждения заявляет, что тот был «польщен» доверием молодого человека и надеялся, что экзамен «прибавит крупницу и к его славе» (р.982). И объясняет: «Ведь я его одного из всех смертных избрал достойным судьей». Король предлагает честь поэту, а поэт – королю. По завершению экзамена, продолжает вспоминать-рассказывать Петрарка, «король как великой награды попросил посвящения ему поэмы “Африка”» (р.982). Здесь все еще ясней: не титул, не правление приносят бессмертие, но поэзия и поэты, чьи творения бессмертны и имена, запечатленные в них, обретают жизнь в веках. Тема всплывает у Петрарки не впервые, но в автобиографии она выдает высокую, сугубо гуманистическую степень самооценки.

Эту самооценку призваны поддержать и расцветить во второй части письма приводимые здесь в немалом количестве чужие мнения и оценки. Причем, мнения «многих», «видных людей», «выдающихся людей», которые наперебой с восхищением говорят о великом красноречии поэта, его способностях в юриспруденции, его славе, выдающихся достоинствах «Африки», незаурядном таланте. Петрарке оказывается важным донести до потомков общественное мнение, явно призванное внести панегирические черты в его образ. Правда, эти похвалы не совсем соответствуют тому, о чем заявил сам поэт в начале письма: что суждения людей о нем будут многообразны, «каждый говорит так, как вынуждает его к

этому не истина, а прихоть, и нет меры ни хвале, ни хуле» (р.972). Что же, пусть так, но через уста самого поэта потомки услышат только восторженные мнения о нем. Заключение о традиционном изображении жизни жалкого грешника сюда отнести сложно. Правда, Ю.П.Зарецкий не проходит мимо нового в письме Петрарки: он делает вывод, что гуманисту не удалось привести свою биографию в соответствие со схемой (здесь и наш автор себе противоречит) и что его стремление донести будущему миру собственный человеческий образ вытесняет все остальное¹². Можно добавить, что в данной части письма нашли прямое воплощение гуманистические взгляды Петрарки на человека, его жизненное предназначение, достоинство, славу, творчество.

Во многом иначе написана первая часть письма. В ней, действительно, разговор с читателем идет то на языке благочестивого христианина, хотя и перебивающего постоянно самого себя (в данном случае совершенно прав Ю.П.), то на языке нового человека, поэта и гуманиста. Слова и фразы – «ничтожное и темное имя», «жалкий смертный человечек», «похоть», «пустая гордыня», «грех», «плотские страсти – презренное и ненавистное рабство», «мерзкое дело – плотское соитие» – на устах автора. Но схемы, которая видится Ю.П.Зарецкому и к которой якобы стремится Петрарка – что жизненный путь всякого человека усеян грехами и потому рассказ о них должен включать обязательное признание содеянных прегрешений и искреннее раскаяние – за ними не просматривается.

Признание некоторых прегрешений (моральное тестирование, по замечанию Л.М.Баткина) в письме есть, но схеме-то Петрарка, скорее, следует другой – своей собственной, той, что сложилась в трактате «Моя тайна». Попытки сравнения первой части письма с этим сочинением дают интересные результаты. «Моя тайна» построена в виде диалога между двумя персонажами, Франциском и Августином, чьи беседы делятся на три книги. В первой обсуждается как раз греховность и жалкая доля человека, во второй – семь смертных грехов и предпочтительный образ жизни, в третьей – любовь и слава. Изыскания последних двух-трех десятилетий, тему которым задал Ф.Рико, привели многих исследователей к выводу, что «Моя тайна» писалась как раз в тот период, когда, возможно, и начало «Письма к потомкам», между 1347-1353 годами¹³. Если это так, то Петрарка тайно, исповедально уже разговаривал с

¹² Зарецкий Ю.П. Указ. соч. С.190.

¹³ Rico Fr. Vida e Opera de Petrarca.I. Lectura del "Secretum". Padua, 1974.

читателем и самим собой все эти годы. Вопросы, поднимаемые в «Моей тайне», в нем жили и его волновали. Она явно держала его в плену. И в начале «Письма к потомкам» он остается в ее тональности и в ее схеме, только сжимает до немногих страниц.

Особенно отчетливо это прослеживается в отношении рассуждений о грехах и добродетелях. В «Моей тайне» разговор о них идет, как было упомянуто, во второй книге, где поочередно выясняется, есть ли у Франциске алчность, гордыня, честолюбие, чревоугодие, гнев, сладострастие, акидия (ацидия), а из добродетелей – чувство дружбы. Эти же грехи, кроме акидии, перебирает Петрарка и в начале «Письма к потомкам», правда, в чуть иной последовательности: стремление к богатству (алчность), чревоугодие (пирушки, попойки и т.д.), плотские страсти (сладострастие), гордыня, гнев. Как и в «Моей тайне», одни грехи Петрарка за собой признает, другие отрицает. И в трактате, и в послании отрицаются (и осуждаются вообще) грехи алчности, чревоугодия; признается, что гнев порой охватывает, но усилиями воли смиряется и никогда не вредит другим. Признается грех и по части плотских утех, но, по признанию Петрарки, на сороковом году он «совершенно отрешился от мерзкого этого дела и даже от всякого воспоминания о нем» (р.974). От греха гордыни он не просто отмахивается, но заявляет, что в нем уместней искать добродетель смирения: «Я знал гордость только в других, но не в себе: как бы я ни был мал, ценил я себя всегда еще ниже» (р.974). Нечто подобное слышит Августин-Петрарка от Франциска-Петрарки в «Моей тайне»¹⁴. В «Письме к потомкам» вовсе опущено упоминание о грехе честолюбия и об акидии (которая не есть, собственно, грех христианский, но один из пороков по классификации стоиков). Вместо честолюбия как греха во второй части письма вынырнет слава – уже как достоинство и заслуга, свидетельство успешности, популярности, общественной значимости и важности его поэтических трудов.

Выраженных исповедальных моментов не встретить и в этой части письма. Она – словно еще одна малая дань схеме, примеру, традиции, большая же отдана в «Моей тайне». Кстати, Петрарка не считает обязательным в первых фразах письма назвать себя «грешным человеком», хотя обычной определению для грешника и для исповеди и не сыскать. Он ограничивается «смертным человеком» (*mortalis homuncio*), повторив это определение за любимым Цицероном.

¹⁴ Петрарка Ф. Моя тайна // Петрарка Фр. Избранное... С.93.

Один из моментов Ю.П.Зарецкий подметил точно: Петрарка, в соответствии со средневеково-христианской традицией, делит свою жизнь на разные возрасты, из которых особо выделяет три: «Юность обманула меня, молодость увлекла, но старость исправила...» (р.972). Ю.П.Зарецкому видится за этим «обращение» Петрарки (подобное пережитому Августином), которое круто меняет его жизнь. В подтверждение привлечены два свидетельства «Письма к потомкам»: что поэт отрешился от плотских утех и что он навсегда оставил поэзию и обратился к священным наукам. Однако гуманист эти факты четко с «возрастами» не связывает: по поводу поэзии замечает, что он охладил к ней «с течением времени» (р.974). Охладил, но не отвернулся, сохранил поэзию «к украшению» (р.974). Еще существенней другое – перед читателем не факт, а риторическая фигура. Ни от какой поэзии – латинской или итальянской Петрарка, как давно выявили исследователи, никогда не отказывался: «Африку» правил до последних лет, редактировал до последних дней. Ему хотелось так представить свое духовное развитие. Как один из фактов интеллектуальной биографии этот момент отметить можно, но шире истолковывать – вряд ли.

Что касается второго аргумента – отрешения от плотских утех, то оно, по признанию автора письма произошло «во цвете здоровья и сил», когда он приближался к сороковому году, то есть не на рубеже старости, а, в период, определяемый как «зрелость». Наконец, в буквальном смысле об «обращении» в письме нет ни слова, тогда как в «Моей тайне» эта тема поднимается и обсуждается бурно¹⁵. Словом, такую важную веху духовной жизни, как «обращение», Петрарка должен бы значительно яснее выставить перед потомками, тем более в глазах был пример любимого автора.

Первая часть письма несколько раз перебивается живыми самохарактеристиками, описанием свойств, интересов и наклонностей, чувств, отношения со стороны общества. Выразительное описание внешнего облика – склада тела, лица, глаз – рисуют автора как живого, а мелкие детали, вроде того, что он «после шестидесятого года жизни был вынужден, хотя и с отвращением, прибегнуть к помощи очков» (р.972) еще и приближают к читателю.

Вполне светски, устами высокого интеллектуала рассказывается о том, чем нравилось заниматься: («С наибольшим рвением предался я изучению древности» – р.974) и какими глазами читались античные авторы («Я с увлечением читал античных историков, хотя их разногласия немало смущали меня: в сомнительных

¹⁵ Петрарка Фр. Моя тайна. С.48.

случаях я руководствовался либо вероятностью фактов, либо авторитетом повествователя» – р.976).

Коротко, но с внутренней горячностью сказано о любви к Лауре: «В юности страдал я жгучей, но единой и пристойной любовью и еще дольше страдал бы ею, если бы жестокая, но полезная смерть не погасила уже гаснущее пламя» (р.974). Здесь – и признание силы любви, ее власти над душой поэта, и жестокости удара по его чувствам. Ощущение пережитой трагедии. Вместе с тем – еще одна риторическая фигура из желания предстать истовым христианином, в сердце которого Господь начал замещать госпожу Любовь. Злого, покаянного, осуждающего себя или, наипаче, Лауру, не произнесено ни слова, хотя в одной фразе соединились сила и страсть сонетов, воспевавших любовь, и сонетов покаянных. Здесь точно присутствуют одновременно два Петрарки: поэт и христианин.

В первую же часть письма вынесен, очевидно, важный для Петрарки факт биографии – о благоволении к нему князей, королей и иных знатных лиц. И даже весьма далекое от христианского самоуничижения заявление, что «некоторые из них» ценили внимание поэта больше, чем он – их. Но и – о независимости от них поэта, о его любви к свободе, заставлявшей «удаляться от многих из них» (р.974).

Наконец, в очень теплых словах переданы чувства от встреч и трапез с друзьями, от их нечаянных приездов, и в очень презрительных – от официальных и изысканных обедов (р.972-974).

Плотнее всего христианская лексика выстраивается на самой первой странице письма, далее она начинает перемежаться со светскими характеристиками и материалами, а заключительная фраза первой части послания – о красноречии и важности хорошо прожить жизнь – как бы вводит в уже собственно гуманистические темы и интересы. Иными словами, даже из первой части письма трудно сделать однозначный вывод о том, что Петрарка, конечно, жаждущий обессмертить свое имя, в то же время сознавал греховность задуманного (то есть автобиографии), страшился замысла и потому пытался превратить рассказ в исповедь, публичное покаяние в содеянных грехах.

Несколько замечаний относительно специфики текста в целом. Петрарка не структурирует жестко письмо в смысле повествовательном, в привязке к биографическо-хронологической схеме. Сама она возникает только во второй части письма и там более-менее выдерживается. В первой же есть только одно прямое упоминание о возрасте в связи с очками: что вынужден был к ним

прибегнуть после шестидесяти лет. Это – очередной момент, выходящий письмо за рамки бытовой биографии. Стоит напомнить, что содержание данной части письма «выпадает» из биографической последовательности, что о важнейших для автора обстоятельствах и событиях сказано раньше, чем о его рождении и этапах жизни. Этот литературный прием в совокупности с другими делает письмо не просто автобиографией, но художественным произведением.

Во второй части счет годам идет последовательно, хотя несимметрично: очень дробно в рассказе о первых девяти годах жизни – «первый», «последующие шесть», «восьмой», «девятый», затем переходит на четырехлетия, после них четко обозначается 22, 34 года и 40 лет, а в конце – «неполные два года жизни в Падуде». Календарная дата названа только одна – рождение: «1304-й, на рассвете, в понедельник 20 июля» (р. 976). Дальше – ни год Коронации лавровым венком, ни годы пребывания в каких-то городах не обозначаются. Думается, это тоже можно отметить как литературный прием, создающий ощущение единого хода жизни, ее непрерывного потока, равно как художественность, а не детальную документальность повествования о себе.

Одна временная мета носит особенный характер: начало работы над «Африкой». «Однажды, – рассказывает автор, – бродя в горах в Воклюзе в пятницу Святой недели, я был охвачен неодолимым желанием написать поэму в героическом стиле о старшем Сципионе Африканском» (р.980). Исследователи давно отметили мотив Святой (Страстной) пятницы у Петрарки в связи со стихами о Лауре: он решил считать пятницей день первой встречи с ней, а затем освящал в стихах каждую годовщину этой встречи¹⁶.

¹⁶ В «Письме к потомкам», таким образом, как и в сонетах, мифологизируется замысел героической поэмы о Сципионе через тот же мотив Святой пятницы. Е.Г.Рабинович посвятила рассмотрению данного момента большой и интересный пассаж своей статьи и справедливо заметила, что наложение столь важной и ответственной средневеково-христианской символики на собственную жизнь демонстрирует отнюдь не средневековое отношение к своей биографии и творчеству. – *Рабинович Е.Г.* Указ. соч. С. 236. По мнению автора здесь возможно построить два ряда. Первый: пятница любви, вдохновившая на «Канцониере» – пятница «Африки», главной поэмы – пятница поэтической славы (венчание на Капитолии, которое тоже произошло в Страстную пятницу). Второй ряд имеет иную семантическую нагрузку: пятница – последний и главный день Творения, а в новозаветные времена – день страстей Христовых, приготавливавших рождение «нового Адама»: к пятнице начинают относиться как ко дню творчества, кануну рождения, великому приготовлению.

Если перескакиваний в биографической хронологии почти нет, то отступлений в повествовании ради каких-то рассуждений или разъяснений много. Нередко они вырастают в значительные пассажи, обретают самостоятельную смысловую нагрузку и, конечно, ритмически разбивают, усложняют ткань повествования. На пяти страницах первой части письма таких рассуждений-остановок четыре: о субъективности оценок творчества писателя, об опыте старости, о причинах удаления от венценосцев, о причинах особенного интереса к древности. Во второй части письма таким отступлением становится страстная филиппика против Авиньона и его нравов вместе с укорами папе Урбану V, возвратившемуся было в Рим, но не сумевшему там удержаться, а также осуждение бесчестного использования законов в его время. Отступления явно теснят биографическое повествование: даже такому яркому событию, как увенчание лаврами отведено меньше места, чем, скажем, порицанию Авиньона.

В литературоведении отступления разного рода называются лирическими и составляют особый пласт текста. В таком случае в «Письме к потомкам» оказываются соединенными два пласта: повествовательный и лирический. По содержанию второй, конечно, не покрывается понятием «лирический» в узком смысле слова. С содержательной точки зрения отступления первой части письма дают возможность заглянуть во внутренний мир поэта или, по крайней мере, понять, каким он хотел представить потомству свои мировоззренческие ориентиры, второй – понять его общественный пафос. С точки зрения композиции нельзя говорить о повествовательной цельности письма, но именно отступления от этого принципа позволяют разглядеть и понять Петрарку – человека и гуманиста. Текст же, как было замечено, оказывается организованным примерно так, как в «Африке»¹⁷, сразу по двум принципам – повествовательному и лирическому.

Остается отметить еще одну композиционно-содержательную особенность письма: самоостановки автора. Четырежды на его протяжении Петрарка себя как бы обрывает: в рассказе о плотских страстях («Но перехожу к другим вещам...»), в сетованиях по поводу Рима и Урбана V («...но эта жалоба слишком пространна и не к месту здесь» – р.974), в перечислении тех сочинений, что были созданы в Воклюзе («...моя история слишком затянулась бы» – р.976) и в описании реакции общества на его венчание лавровым венком («...был бы слишком долгим рассказ» – р.984). Из этого

¹⁷ Рабинович Е.Г. Указ.соч. С.233.

становится особенно ясно, что Петрарка тщательно обдумывал и взвешивал, что же следует сказать потомкам и с какой степенью обстоятельности. Не исключено, что груз оказался очень тяжелым. В любом случае, нельзя не принять во внимание объяснение самого Петрарки по поводу всех незавершенных трудов: «...мой дух, как и мое тело, отличались скорее ловкостью, чем силою: поэтому многие труды, которые в замысле казались мне легкими, а в исполнении оказывались трудными, я оставил» (р.980).

Л.М.Баткин высказал относительно причин незавершенности «Письма к потомкам» предположение культурно-психологического характера. Он полагает, что Петрарка хотел обзреть себя во всей конкретности и со стороны, как бы за гранью смертных трудов и дней. Между тем, труд писательской жизни не был исчерпан. Перо еще оставалось в руках. И точка обзора для итогового отчета всегда оказывалась впереди. Соображения увлекающие, но, конечно, не все объясняющие. И на многое пока не найти ответов. Главное – почему, если письмо дополнялось, а то и писалось в 1367-68 а затем в 1371-72 гг. (что ясно из упоминаний о папе Уброне V), Петрарка обрывает его 1351 годом, кануном отъезда «из Франции» навсегда, и двадцать с лишним лет жизни в Италии оставляет в тени, хотя именно на них приходится пик его творчества? Это время самых популярных трактатов. Самых злых, остроумных и находящих живой отклик инвектив. Самых прекрасных писем и основных редакций «Канцониере». Пока никто не смог это объяснить.

Первый опыт гуманистической автобиографии остался незавершенным. На 1350-х годах обрывается и биография Петрарки, написанная при его жизни Боккаччо. Их сопоставление – отдельный сюжет, который вносит новые оттенки в понимание Петрарки. Но из сделанных наблюдений ясно, что содержание, стиль, композиция, сплетение реального и идеального, объективного и субъективного, исторического и мифологического, желаемого и сущего служат яркими свидетельствами не бытовой, а именно интеллектуальной биографии первого человека и поэта Ренессанса.

М.С.Бобкова

Еще одна попытка реконструкции биографии Жана Бодена

Личность Бодена многим современным исследователям представляется историческим парадоксом. С одной стороны, человек своего времени, правед, имеющий широкие познания в философии, экономике, истории, астрологии, математике. С другой — «житель многих эпох», совмещавший самые крайние и противоречивые точки зрения. Как интеллектуал Боден впитал в себя дух, метод и сущность схоластического учения, но при этом последовал за Рамусом, восстал против пут авторитетов, выдвинул идею создания науки об обществе, опирающуюся на эмпиризм и рационализм. Драматичность и противоречивость эпохи, в которую жил Боден, объясняла не только сложность его личности, судьбы, но и его произведений. Может быть, модуль истины у Бодена находится где-то между тем, что он думал (увы, об этом нам никогда не узнать), что говорил, что писал и как действовал, как жил. У нашего героя, впрочем, как и у многих людей, эти вещи очень часто не совпадали. Но можно ли обвинять его в непоследовательности?

В историографии Боден имеет почти «фаустовскую» репутацию. Известный энциклопедист Пьер Бейль назвал его одним из самых одаренных умов XVI века, который постиг и переработал почти все современные ему знания². Хорошо знакомый с трудами Бодена Мишель Монтень отметил: «Жан Боден, выдающийся современный писатель, выделяется из толпы писак нашего времени своим большим здравомыслием, заслуживает всяческого внимания и уважения»³. Известный исследователь Роджер Флинт считал, что до Шарля Монтескье Боден не имел себе равных в то время не только во Франции, но и во всем мире. «Боден, — пишет он, — обладал огромной природной силой интеллекта, имел отличное образование, особенно в языках, юриспруденции, истории. К этому следует добавить и его обширный политический опыт»⁴. В 1991 г. на русский язык была

¹ О Жане Бодене см. наши статьи «Эпоха религиозных войн во Франции и рождение исторической науки Нового времени» (Диалог со временем, вып. 1. С.184-200 и «Жан Боден о предмете истории» (вып. 2. С.192-197).

² Bayle P. Dictionnaire historique et critique. Rotterdam, 1740.

³ Монтень М. Опыты. Кн.1, М.-Л., 1932.

⁴ Flint R. The Philosophy of the History in France and Germany. L., 1874.

переведена книга президента Академии братьев Гонкуров Франсуа-зы Малле-Жорис «Три времени ночи. Повести о колдовстве». В повести «Жанна, или Бунт» одним из главных действующих лиц является Боден – королевский прокурор, приехавший в провинцию для того, чтобы наблюдать ход расследования по делу Жанны Арвиле, который в действительности имел место в 1578 г. Вот какую характеристику дает Малле-Жорис анжерцу (так называли Бодена по месту рождения – М.Б.):

«...утонченный интеллект, искусный политик, скоропостижный мудрец... он любит сатану, как любят его еще более неистовой силой столько судей и палачей. Жан Боден – оратор, юрист, писатель – всего лишь одна из тех страстно увлеченных натур, которые хотят, умоляют сатану, чтобы он существовал, которые отдадут ему на заклятие многих. Жан Боден будет только писать – с внезапной страстью, которая распалит холодных, сухих, рассудительных. И они будут убивать, пытаться, никогда не уставая...»⁵.

В 1604 г. один из читателей «Метода» на полях книги предостерегал: «Книгу Бодена о методе доступного познания истории нельзя читать без тщательной осторожности, ибо в ней повсюду хитро рассыпаны семена зловредного пагубного учения... Муж, как Куяс его называет, безрассудный и надменный...»⁶. Век Просвещения сохранил на полях одной из работ Бодена росчерк пера: «Скучный посредственный писатель Боден погиб». Очевидно, его затмил Рене Декарт, который во многих своих работах лишь развил и доступно изложил идеи Бодена. Вот такие, зачастую прямо противоположные, оценки личности и творчества Бодена оставило нам время. И это

⁵ Малле-Жорис Ф. Три времени ночи. Повести о колдовстве. М., 1991.

⁶ *Владельческая надпись в издании «Methodus» 1572 г.*: «Книга Иоханнеса Бодина о методе легкого познания истории не должна читаться без тщательной осторожности, ибо в ней повсюду хитро рассыпаны семена зловредного, пагубного учения... Иоханнес Бодин из Анжу родился в 1529 году, мальчиком вступил в кармелитский монастырь, затем, освобожденный от обета, принятого в незрелом возрасте, серьезно занялся науками, прежде всего прославился своим сочинением о чтении истории, а также изданными «Шестью книгами о государстве» вполне укрепил и преумножил свою славу. Муж, как Куяс его называет, безрассудный и надменный. К немцам очень недоброжелателен. Умер в Лаоне от чумы, где служил магистратом с 1585 по 1596 г. Оставил сочинение «Беседа семи мудрецов о тайнах возвышенных вещей», в которое ввел 1. паписта, 2. лютеранина, 3. эклектика, 4. натуралиста, 5. реформатора, 6. иудея, 7. мусульманина, беседующих о делах, относящихся к религии, и отдал иудею и натуралисту самые весомые аргументы... и потому, думают, подтвердил подозрение, появившееся в отношении его уже ранее, что рожден он матерью из рода тайных иудеев, и что он больше иудей, чем христианин... Отсюда те дерзкие, нечестивые и хулильные высказывания в отношении Христа и христианской религии».

закономерно, потому что он принимал самое деятельное участие в событиях своей эпохи, причем на тех уровнях, где определялись судьбы Франции.

XVI век вошел в историю европейской цивилизации как переходная, точнее переломная, эпоха, когда произошли коренные изменения в картине мира, вызванные Великими географическими открытиями, которые необычайно расширили познавательный кругозор человечества. С открытием Нового Света в Европу хлынул поток золота, что привело к «революции цен», сокрушив привычную стабильность жизни. Это – век, когда широкое распространение получает новая форма фиксации человеческого опыта – литературного, религиозного, философского, научного – печатная книга. И вместе с тем, это – век почти поголовной неграмотности низов. Это – век становления сильных национальных государств и абсолютизма; но лишь – становления, и оно сопровождалось гражданскими и религиозными войнами, военными столкновениями, преследованием инакомыслящих, династической борьбой.

Во Франции противоречия переходной эпохи особенно ярко проявились именно в XVI веке. Десяток религиозных гражданских войн, которые, по существу, были борьбой наиболее могущественных политических группировок и в которые была втянута вся Франция, к концу века поставили ее на грань национальной катастрофы, и только дальновидная – порой жесткая, порой лукавая – политика Генриха IV Бурбона и стоявших за ним новых сил не просто удержала страну от падения в пропасть, но и заложила основы будущего политического могущества Франции.

Религиозные гражданские войны, охватившие Французское королевство во второй половине XVI в., являлись формой реформационного движения, распространившегося по всей Западной Европе. Ж.Боден был современником гражданских религиозных войн во Франции, резни в Васси, Варфоломеевской ночи, потрясшей всю Европу, убийства Генриха III и вступления на престол Генриха IV. Именно в общем контексте этих событий нам бы и хотелось рассмотреть жизненный путь Бодена. Недостаточность документов до сих пор не позволяет написать его полную биографию. Свидетельства современников носят самый противоречивый характер. Пожалуй, только Кристофль де Ту внес определенные элементы объективной оценки жизни этого человека. Обширная статья о Бодене, насыщенная документальными подтверждениями, содержится в словаре Бейля. В XX в. аббат Пакье и историк Понтье нашли и опубликовали ряд документов, касающихся биографии Бодена, в том числе, 21 документ, относящийся к Боденам, проживавшим в XVI в., среди них

два – протоколы судебных разбирательств от 23 мая 1546 г. и от 2 декабря 1566 г. – устанавливают близких родственников мыслителя,

Жан Боден (Jean Bodin, также Jean Bodini, латинизированное имя – *Johanus Bodinius*) родился в июне 1530 г. в Анжере. Его отец Гийом Боден был портным и к тому же владел виноградниками в прилегающей к городу сельской местности. Он имел семерых детей и был достаточно обеспечен для того, чтобы дать хорошее приданое своим четырем дочерям и составить им удачные партии для замужества. Известно, что одна из сестер Жана Бодена стала женой органиста, игравшего в соборе Анжера. О матери Жана Бодена определенно сказать ничего нельзя. В письме Анри Шапилена к Герману Конраду высказано предположение, что она была еврейкой, вела свое происхождение от испанских маранов.

Жан был седьмым, самым младшим ребенком в семье и не мог надеяться на получение какого-либо наследства. Еще мальчиком его отдали на воспитание братьям-кармелитам монастыря Нотр Дам д'Анжер, где его родной дядя был приором. Орден дал Бодену возможность получить образование и должен был подготовить к принятию духовного сана. Анжерский епископ Габриэль Боувери, человек высоких моральных принципов, знавший несколько древних языков и хорошо разбиравшийся в древней истории, именно здесь, в монастыре, обратил внимание на способного, любознательного подростка. Он обеспечил Бодену финансовую поддержку для получения дальнейшего образования. В 1555 г. в посвящении к переводу поэмы Аппиана «Об охоте» молодой ученый засвидетельствовал свое почтение, глубокое уважение и благодарность человеку, благословившему его труд и оказывающему постоянную помощь в его осуществлении – Габриэлю Боувери⁷.

Из Анжера Боден был направлен в кармелитский монастырь в Париже. Точная дата этого события неизвестна, но, видимо, он стал свидетелем окончания правления Франциска I и вступления на престол Генриха II в 1547 г. В течение двух лет до 1549 г. Боден жил в Париже в монастыре своего ордена, изучая курс философии Гийома Прево. Эти занятия сформировали глубоко критическое отношение Бодена к силлогическим рассуждениям и бесплодной дедукции. В дальнейшем он бросал открытый вызов схоластическим идеалам, но, тем не менее, традиции средневековой философии были довольно сильны в его мышлении⁸.

⁷ *Opiani. De venatione. P., 1555. Dedicatio.*

⁸ Так, например, в «Методу легкого познания истории» (1566 г.) часто обнаруживаются несоответствия между «опережающим» содержанием его идей и схоластическими формами их выражения и организации материала.

В целом же время, проведенное в столице, укрепило гуманистическую направленность мировоззрения анжерца. Он стал свидетелем сложных и противоречивых событий интеллектуальной жизни Парижа XVI века. В воздухе витали идеи Гийома Бюдэ, Мишеля Лопиталья, Лефевра Д'Этапля, Викомеркато, представителей блестящей Плеяды⁹. Но Боден появился в столице уже после того, как студент коллежа Монтепо Жан Кальвин открыто отрекся от католичества, написав свои «Наставления в вере». В ответ на это король Франциск I приказал начать суровые преследования протестантов. Любое культурное, философское новшество могло расцениваться как ересь. На площади Мобер в Париже уже казнен Этьен Доле, покончил с собой, не пережив изгнания, Дюперье, обрушились преследования на членов гуманистического кружка сестры Франциска I Маргариты Наваррской, уже вынесла свои первые приговоры созданная при Парижском парламенте Огненная палата. Начало XVI века – «преисполненная радостных надежд заря французского Ренессанса» – сменялась бурной и катастрофической полосой экономических, политических и религиозных кризисов. Сам Боден так оценивал этот период:

«Но с тех пор, как сей великий король (Франциск I – М.Б.) покинул нас, несчастья постигли его страну. Кроме того, он обращал свой взор и в сторону литературы; но те, кому следовало бы трудиться на ниве наук, собирая обильные плоды, предпочитают отдавать свое время заботе об имениях; конечно, они уже получили за свои труды такие вознаграждения, что полагают, будто имеют право теперь пренебрегать людьми и быть к ним неблагодарными. Находясь же под власть лучшего из чувств – благодарности, я не могу не переживать за тех, чьи блестящие вспышки таланта, осветившие всю Францию, теперь гаснут в разорении и мраке»¹⁰.

Словно в зеркале отражались противоречия эпохи в жизни Парижского университета. В его сложную организацию входил и орден кармелитов, членом которого был Боден.

«Людам того времени, которые, начав на пустом месте, надеялись достигнуть всего, единственное, ...что было необходимо (за отсутствием благородного происхождения) – это знания, образованность – они были орудием, средством не для отдельных людей, а для целого общественного слоя, приступившего к восхождению из низов и идущего к вершинам»¹¹.

И для Бодена основным капиталом, при наличии связей открывающим дорогу не просто к благополучию, но к власти, дающей возможность участвовать в судьбе отечества, были знания.

⁹ Виппер Ю.Б. Поэзия Плеяды. М., 1976. С.42.

¹⁰ Боден Ж. Метод легкого познания истории. М., 2000. С.11.

¹¹ Февр Л. Главные аспекты одной цивилизации // Бои за историю. М., 1991. С.301.

Боден учился в трех университетах – в Анжере, Париже и Тулузе. Париж XVI века насчитывал около 60 коллежей, в которых обучалось более десяти тысяч студентов. Глубокой гуманистической направленностью, изучением предметов, не входивших в традиционную программу, выделялся Королевский коллеж, который, строго говоря, не был университетским коллежем. Он-то и привлек внимание Бодена, воспитанного Боувери на гуманистических идеалах. Здесь Боден учился древнееврейскому языку у профессора Жана Синквабрия и у преемника Ватабля по кафедре еврейского языка Жана Маркье. К помощи и совету этих ученых Боден обращался при чтении пандектов иудеев и книг Синедриона. В Королевском же коллеже Боден приобрел беглость в греческом, познакомился со многими работами древних авторов. Результатом всех этих штудий стало издание в 1555 г. сочинения Аппиана «Об охоте» в переводе с греческого языка на латинский. Текст перевода был дополнен подробным комментарием – частично филологическим и текстологическим, сопровождаемым логическим анализом аппиановых аргументов. Можно только восхищаться широтой интересов и познаний юного школяра, которые он продемонстрировал в этом комментарии. В нем содержится перечень более двухсот различных авторов и источников.

В адрес Бодена, однако, было выдвинуто обвинение в плагиате ряда текстологических уточнений, которые принадлежали профессору греческого языка Королевского коллежа, известному французскому гуманисту Андриану Турнебу. О справедливости этих обвинений судить трудно. Но вскоре вышло второе издание поэмы Аппиана в переводе Бодена, уже без комментариев и даже без имени переводчика. При этом оба издания осуществлялись одним и тем же печатником Васкосаном. Возможно, Боден действительно использовал лекции «всезнающего» Турнеба, но на наш взгляд, важнее отметить сам факт общения Бодена с этим ученым, который был глубокой и яркой личностью¹². Турнеб – близкий друг Мишеля Лопиталья, канцлера Франции при Генрихе II, автора «Эдикта терпимости», содержавшего в себе черты будущей программы партии недовольных – умеренных католиков и склонных к компромиссу протестантов, борников установления гражданского мира во имя обеспечения национальных интересов Франции. Одним из идеологов этой партии позднее станет и Боден.

¹² Kelley D. Foundations of Modern Historical Scholarship: Language, Law and History in French Renaissance. N.-Y., 1970.

Турнеб выступал с очень интересными критическими замечаниями по поводу логики Петра Рамуса, был известен как знаток и переводчик древних текстов и комментариев к ним. Благодаря общению с Турнебом Боден не только приобрел новые знания в языках, но и воспринял у своего учителя бережное и одновременно критическое отношение к сочинениям древних. Турнеб следовал гуманистическим принципам, которые сформировались в области филологических дисциплин, и выдвинутым еще Гийомом Бюде идеям. Для Бодена, так же как и для Бюде, филология была не только инструментом исторического метода, но основой глубоких идей, касающихся интерпретации прошлого и наблюдения за изменениями форм культуры. Отсюда у Бодена столь внимательное отношение к языку, который, по Бюде, является наиболее чувствительным и точным показателем исторических изменений¹³.

Оппозиция по отношению к схоластическим методам познания, распространенным в филологии, юриспруденции, философии, размышления над новым методом филологической критики Бюде привели Бодена к такому яркому феномену в науке, как идеи Петра Рамуса, которые будоражили умы почти всего парижского студенчества и профессуры того времени¹⁴. В 1536 г. Рамус защитил магистерскую диссертацию, озаглавленную им «Все, что сказано Аристотелем, ложно», которая содержала резкую критику схоластики. Идеи Рамуса оказали сильнейшее воздействие на формирование исторического метода Бодена.

Видимо, именно в Париже у него проявился интерес к протестантизму. Хотя очевидно, что еще в семье своих родителей он был подвержен влиянию иудаизма. Почти сорок пять лет он «блуждал далеко от стада». Он был знаком с сочинениями немецких протестантов, французских гугенотов, восторженно относился к Кальвину и его деятельности в Женеве. Вообще же говоря, многие гуманисты XVI века прошли в своем развитии «стадию протестантизма». Среди них можно назвать Деперье, Дюмулена, Доле, Бодуэна, Отмана и многих других. Шарль де Буэль сообщает о значительном распространении среди ученых и придворных точки зрения, согласно которой с того момента, как только люди начинают требовать ясности доводов, неверие становится неминуемым¹⁵.

¹³ Kelley D. Op. cit., Ch. III.

¹⁴ Barroux R. Pierre de la Ramée et son influence philosophique // Ecole nationale du Chartiers. Porition des thèses. P., 1922.

¹⁵ Babelon J. La civilization française de la Renaissance. P., 1961.

О склонности Бодена к протестантизму говорят строки из его письма к другу, адвокату Жану Ботрю¹⁶. Для анжерца авторитет Ветхого Завета несравнимо выше Нового, авторитет Моисея выше авторитета всех философов и отцов церкви. В трактате «Метод легкого познания истории» Иисус упоминается как пророк и законодатель, но не как сын Божий. Впоследствии имя Иисуса вовсе исчезает из сочинений Бодена или заменяется иногда словом «Тот». Все это наводит на мысль о его близости к философской ереси, в основе которой лежали иудаизм и кальвинизм. Религиозные искания Бодена не могли остаться незамеченными. 7 августа 1548 г. приор кармелитского монастыря в Тулузе Рене Гарнье и два духовных брата из Парижа Венот и Боден были арестованы по обвинению в ереси. Они предстали перед судом, в состав которого входили Антуан ле Кок и Никола Шевалье. Венота казнили, а Бодена отправили в тюрьму Парижского епископства, из которой он был освобожден благодаря хлопотам Боувери¹⁷. Это обвинение стало непреодолимым препятствием в духовной карьере Бодена. В 1549 г. он отправляется из Парижа в Анжер, где отрекается от монашеского обета. Он сам объяснил этот поступок тем, что был пострижен в очень раннем возрасте, когда еще не мог принимать решения с полным пониманием и ответственностью.

Оступившись на духовной монашеской стезе (хотя позднее, находясь на службе у Франсуа Анжуйского, Боден надеялся получить от него звание первого сословия), Боден решает заняться юриспруденцией, получить образование на правовом факультете, степень и посвятить себя адвокатской карьере, которая, при его уме, здоровом тщеславии (в чем Бодену уже тогда невозможно было отказать) и при определенном стечении обстоятельств, могла обеспечить и положение в обществе, и связи, и достаток. Боден решает, прежде всего, познакомиться с существовавшей тогда практикой судебных разбирательств и поэтому он в 1549 г. отправляется в провинциальный город Нант, в надежде, что о его конфликте с кармелитами скоро позабудут. Здесь он стал помощником одного из местных судей и приобрел опыт в ведении дел и в судебных разбирательствах.

В 1552 г. против Бодена были выдвинуты обвинения в инакомыслии, в отступлении от догм католицизма. Это заставило его бежать в Женеву. 29 ноября 1553 г. в регистрационных списках граждан Женевы встречается имя Жана Бодена, доктора теологии.

¹⁶ *Chauvire R.* La physique de Jean Bodin // *Revue d'Anjou Nouvelle*. Septembre, Ser. LXV, 1912. P.30.

¹⁷ *Bouches J.* L'incarcération de Jean Bodin pendant la troisième guerre de Religion // *Nouvelle revue du seizième siècle*. P., 1983. P.33-44.

Позднее этот человек получает статус свободного гражданина города Женева и принимает протестантизм¹⁸. Вокруг данного эпизода жизни мыслителя велись и ведутся жаркие споры. Противники этой версии приводят следующие доводы: во-первых, имя и фамилия Жан Боден были очень распространены во Франции XVI в., во-вторых, Боден, на которого указывали списки, подписывался «из Буржа», а интересующий нас Жан Боден был по рождению анжерцем. Однако он ведь мог подписываться и по месту, из которого прибыл – «из Буржа». В-третьих, непонятно, когда и где он мог получить степень доктора теологии.

11 сентября 1552 г. Боден женился на Тифен Рено, вдове брата Галимара, вместе с которым Боден сидел в тюрьме Парижского епископства и который был казнен в 1549 г. Тифен Рено сделала дарственную Бодену, по которой он впоследствии получил половину всего ее состояния. Овдовел Боден около 1563 г.

Во Францию ученый вернулся, вероятно, в 1556 г. Не исключено, что это произошло благодаря королевской привилегии в отношении Бодена в связи с выходом его перевода поэмы Алпиана. К этому времени Боден окончательно решил посвятить свою жизнь служению Фемиде. Право Боден, очевидно, начал штудировать еще в университете Анжера, где Гийом дю Вер обучал его каноническому праву. С 1556 по 1561 г., а возможно и более длительный период, Боден изучал юриспруденцию в Тулузском университете, насчитывавшем в те времена около четырех тысяч студентов. Это была интеллектуальная элита французской молодежи¹⁹, готовившаяся стать сильной опорой королевской власти. С Тулузским университетом были связаны имена таких выдающихся мыслителей и политических деятелей Франции, как Анри де Мем, Ги дю Фор, Луи де Леру, Поль де Фуа, Мишель Монтень, Франсуа Санхец. Очевидно, что ученые, преподававшие в Тулузском университете и чуть позднее избравшие Джордано Бруно профессором, обладали смелостью, умом и гражданским мужеством.

Факультет права в Тулузе стоял в одном ряду с такими первоклассными школами юриспруденции, как университеты в Бурже и Орлеане. Большое влияние на французское общество того времени имел теологический факультет Тулузского университета, который, по сути, был центром ортодоксии в теологии и праве в течение XVI века. Школа права также отличалась консерватизмом, за исключением

¹⁸ *Chauvire R.* Op. cit. P.524-529.

¹⁹ *Mesnard P. J.* Bodin à Toulouse // Bibliothèque d'humanisme et renaissance travaux et documents. 1950. T.XII. P.31-59.

периода 1540–1560 гг. (именно в эти годы Боден учился в Тулузе)²⁰, когда нетрадиционные подходы к изучению юриспруденции получили широкое распространение. Новые теории привносились приехавшими во Францию итальянскими профессорами, в основном из университетов Болоньи и Падуи, а также студентами, получавшими образование в Италии. Обычно обучение праву в университете сводилось к чтению и толкованию кодекса Юстиниана и его комментаторов. В основе преподавания лежали идеи известного итальянского юриста Бартоло да Сассоферрато (умер в 1357 г.). Его работы «затуманили» оригинальные тексты кодекса массой глосс, с помощью которых предпринималась попытка применить римское право к регулированию современных отношений. Этот подход, по существу, представлял формальный схоластический метод изучения права (*лат. mos italicus*), повсеместно господствовавший на протяжении долгого времени.

Итальянские гуманисты²¹ упрекали легистов за то, что те пренебрегали историческими условиями создания кодекса Юстиниана, а также историческим значением источников римского права. Первоочередной задачей они считали возвращение к тексту оригинала для установления истинного значения определений, содержащихся в кодексе Юстиниана. При этом гуманисты призывали к помещению правовых дефиниций в их исторический контекст. На основе идей гуманистов был разработан исторический метод изучения римского права (*лат. mos gallicus*). Его основателем стал Андреа Алкиати (Альциати или Альчиато) (1492–1550 гг.), который обучался языкам и праву у профессоров Я.Майно и Ф.Дециуса в Павии. В 1519 г. Алкиати преподавал в Авиньоне, а с 1529 г. – в Бурже. Влияние Алкиати нашло отражение в юридических концепциях целого ряда французских правоведов, в том числе в работах таких знаменитых представителей исторической школы юриспруденции, как Франсуа Бодуэн и Франсуа Отман.

Впервые с идеями этих ученых Боден столкнулся, видимо, в Парижском университете. Именно здесь в 1546 г. начал свою преподавательскую деятельность на факультете канонического права, где читались лекции и по гражданскому праву, Бодуэн. Через Шарля Дюмулена он познакомился с Отманом, который давал в университете публичные лекции. Оба они поддерживали религиозную реформу Кальвина, а Бодуэн даже до 1548 г. был его секретарем. Свои

²⁰ Schmidt A. Etudes sur le XVI-e siècle. P., 1898. P.24.

²¹ Lamprécht F. Zur Theorie der humanistischen Geschichteschreibung. Zürich, 1950. P.76.

научные занятия Бодуэн и Отман начали с изучения античного права и варварских кодексов²². В 1561 г. Бодуэн опубликовал трактат «Об основании всеобщей истории и ее соединении с юриспруденцией»²³. Идеи, изложенные в этой работе, предопределили формирование у Бодена сравнительного подхода в изучении права и привлекли его внимание к изучению истории человеческого общества. Ценность истории, по Бодуэну, состоит не только в тех моральных уроках, которые она содержит, но и в заключенном в ней политическом и правовом опыте²⁴. Как и Отман, Боден видел причины многих несчастий современного французского общества в господстве римского права. У него, как и у Отмана, обращение к истории идет рука об руку с критическим отрицанием использования во Франции только римской системы права. В несовершенстве же гражданского права оба ученых обвиняли только само общество. Влияние идей Бодуэна и Отмана на формирование взглядов Бодена был столь велико и значительно, что именно им, наряду с Жаном Тесье, он посвятил свое первое сочинение «Метод легкого познания истории».

Представителем другого направления правоведческой мысли был признанный «князь романистов» Жаку Куяс (1522–1590). Это направление также характеризуется гуманистической направленностью. Куяс трактует французское право как своеобразное развитие, продолжение римского права. Его труды состояли из комментариев к фрагментам работ римских юристов, представленных в кодификации Юстиниана. Куяс привлек дополнительные и вновь обнаруженные документы (кодекс Феодосия, извлечения из сочинений Ульпиана и другие), устранил поздние напластования и искажения, восстановил подлинники римские тексты. В 1547 г. Куяс начал преподавать в Тулузском университете, где много занимался изучением законодательства доюстиниановой эпохи, опубликовал работу, основанную на древних манускриптах, а также трактат Теодора Коде. В своих сочинениях Куяс в поисках изначального смысла максим римского права стремился открыть их вневременную мудрость, которую можно было бы применить в настоящем. При этом он считал необходимым изменить только *форму* выражения этой мудрости. Работы Куяса подготовили почву для понимания римского права в терминах его исторического становления и развития. Он подчеркивал, что используемые современными юристами формы «приспособлены для су-

²² La Collège de France (1530–1930), P., 1932.

²³ Boudoin F. De institutione historiae et coniuntione eius com jurisprudentia. P., 1961.

²⁴ Dubois, C.-G. La conception de L'histoire en France au XVI-e siècle (1510–1610). P., 1977.

дебных дел юстиниановой эпохи». Куяса признавали не только высшим авторитетом в интерпретации римского права, но также одним из самых упорных и плодовитых его толкователей. Куяс призывал к сохранению содержания кодекса Юстиниана в новых формах выражения, что вызывало протест и формировало оппозицию среди представителей складывавшейся тогда школы «новой юриспруденции», оспаривавшими также и идею универсализма и вневременного характера римского права, которая защищалась необартолистами.

Боден, будучи еще студентом, принимал активное участие в жарких дискуссиях, разгоравшихся вокруг лекций Куяса. С огромным вниманием и уважением он относился к преподавательской деятельности Куяса, вдохновлявшей многих современников. Но уже тогда у Бодена появились критические замечания в отношении идей, высказываемых Куясом, переросшие позднее в глубокий конфликт. В его основе лежала острая литературная полемика, завершившаяся рядом недостойных выпадов с обеих сторон. Боден имел возможность наблюдать и сравнивать две оппозиционные, даже враждебные по отношению друг к другу системы в преподавании юриспруденции – бартолистскую (необартолистскую – школу глосс) и историческую школу права. Каково же было отношение Бодена к ним? Ответ на этот вопрос можно найти, проанализировав позицию Бодена в нашумевшей в то время истории с конкурсом на замещение вакантного места на кафедре гражданского права в Тулузском университете. На место претендовали пять кандидатов: Форкадель, Росель, Пониссон, де Коста и Куяс. Но Куяс, который был одним из наиболее вероятных кандидатов, по не вполне понятным причинам, в ноябре 1554 г. внезапно и навсегда покинул Тулузу, и его участие в конкурсе превратилось в формальность. После долгих дискуссий это место в сентябре 1556 г. занял Этьен Форкадель из школы необартолистов, противившийся введению новых методов в науку. Многие исследователи считают причиной внезапного отказа от участия в конкурсной борьбе Куяса выступление против него Бодена, которое в конечном итоге сыграло решающую роль в победе Форкаделя.

Означает ли это, что Боден был необартолистом? Нет. Позицию защитников системы римского права он считал абсурдной. Но и филолога Куяса находил не лучшим последователем Алкиати, отдавая предпочтение создателю новой юриспруденции – Франсуа Канно. Призывы Куяса к сохранению содержания кодекса Юстиниана в новых формах его выражения вызывали у Бодена столь же сильный протест, как и идея универсальности и вневременного характера римского права, защищаемая бартолистами. Боден утверждал, что праву не хватает истории, которая обеспечивает его надежным кон-

текстом, равно как и восстанавливает его недостающие элементы. Только обращение к человеческой истории, в недрах которой сокрыта лучшая часть права, может гарантировать создание системы универсальной юриспруденции, на основе которой допустимы и правомерны сравнения законодательств самых разных народов и времен²⁵. Идеи Бодена, касающиеся изучения политических и юридических дисциплин, характеризуются ярко выраженным компаративизмом. Законодательные системы, по его мнению, не могли быть надлежащим образом оценены без знания и сравнения их источников – обычаев и традиций народов.

Деятельность Бодена в Тулузе была многогранной – он учился, затем, преподавал, дискутировал, много писал. Несомненно, что к этому периоду относятся пять юридических трактатов, на которые он ссылается в «Методом легкого познания истории». О них Боден также упоминает в своем завещании, где пишет, что эти работы были им собственноручно сожжены, так как основные мысли и подходы, изложенные в них, были более удачно выражены в «Шести книгах о государстве» (1576 г.). Закончив правоведческий факультет, Боден, с огромной увлеченностью и с успехом, преподавал римское право в этом же университете, но не занимал никакой определенной кафедры²⁶. «Было время, когда я преподавал право в Тулузе и воображал себя большим мудрецом в кругу молодых людей», – писал он²⁷.

Наверное, он надеялся получить постоянную преподавательскую должность, но этим мечтам не суждено было осуществиться. Через несколько лет Боден отходит от чисто академических занятий правом тяготясь их исключительной поглощенностью теоретическими проблемами. Он с презрением отзывался о чистых теоретиках («Jurisconsultes qui ne bougent pas des ecoles»). Сильный темперамент и природные наклонности привели Бодена на путь общественного служения. Уже в 1556 г. Боден, подгоняемый желанием понять, как вершится большая политика и решаются государственные дела, отправляется в Монпелье, чтобы присутствовать на штатах Лангедока. В 1559 г. он произносит речь при закладке фундамента здания коллежа древних языков в Тулузе²⁸. Цель этого выступления состояла в том, чтобы убедить тулузцев в необходимости довести до конца их благое начинание. Боден выступил противником тех, кто считал

²⁵ Moreau-Reibel J. Jean Bodin et le droit public comparédans ses rapports avec la philosophic de l'histoire. P., 1933. P.125-139.

²⁶ Bayle P. Dictionnaire historique et critique. Rotterdam, 1740.

²⁷ Bodin J. Les six livres de la République. P., 1576. P.2, 263.

²⁸ Bodin J. Oratic de instituenda in Republica iuventute ad Senatam populum-que Tolosatem. P., 1559.

ненужным и, более того, вредным для юридического образования углубленное изучение древних языков. В этой речи гуманист сформулировал свою систему взглядов на воспитание, дал высокую оценку деятельности Бюде.

Далее судьба Бодена складывается следующим образом. Он возвращается в Париж и начинает адвокатскую карьеру²⁹. Когда Боден оставил Тулузу, точно не известно, но наиболее вероятной датой является июнь 1562 г. В это время все члены парламента Парижа и государственные чиновники, включая адвокатов, должны были под присягой подтвердить свою верность католицизму. 10 июня проходила процедура принятия этой клятвы у 367 адвокатов, в том числе у двух Жанов Боденов³⁰, одним из которых был недавний студент, прибывший из Тулузы. Трудно сказать, являлся ли этот поступок чистосердечным или это – тактический шаг, необходимый для дальнейшего продвижения по служебной лестнице, да и просто сделанный из предосторожности. Подчинение власти было всегда правилом для Бодена³¹, а в перспективе принятие присяги 1562 г., оставлявшее ему полную внутреннюю свободу, не являлось обременительным.

Видимо, с 1560 г. Боден был третьим советником по водам и лесам при Мраморном Столе парламента Парижа. Многие современники утверждали, что карьера Бодену не удалась. Почему? В ответ на этот вопрос выдвигается ряд предположений: у Бодена не было достаточно средств и связей для получения хорошей должности. Именно по этой причине он принимал королевские вознаграждения, благодаря которым, как он сам писал «...будучи в Пуатье в великие дни в 1567 г., я был заместителем прокурора». Также очевидно, что Боден чувствовал отвращение к мелким будничным судебным делам. Кроме того, судебная практика оставляла мало времени для научных и литературных занятий³². Так или иначе, но должность при

²⁹ «Я вошел в законодательные палаты для того, чтобы служить народу...» – писал он. – Цит. По: *Deveze M. La vie de la foret francais au XVI-e siecle. P., 1981.*

³⁰ *Delachenal P. Histoire des avocats au parlement de Paris, 1300-1600. P., 1885.*

³¹ Так, в завещании 1596 г. Боден просил похоронить его в монастыре кордильеров Лана, тогда как перед самой смертью он закончил «Семичастный разговор», в котором еще раз подтвердил, что не был католиком. Сейчас авторство Бодена не без оснований оспаривается. Вопрос о том является ли Боден автором «Семичастного разговора» обсуждает К.-Ф. Фальтенбахер в своей работе «Семичастный разговор» и новая картина мира Галилея». М., 1996.

³² *Bodin, J. Les six livres de la République. P., 1576. P. 256.*

парламенте он оставил и занялся выполнением различных юридических поручений, то есть частной практикой, которая была вовсе не хлопотной и обеспечивала средства к существованию. В тот период Бодену удалось написать несколько значительных сочинений. Первым из них, принесшим автору европейскую известность, был «Метод легкого познания истории». Успех трактата был настолько очевиден, что уже в 1572 г. понадобилось его переиздание.

В 1569 г. Боден опубликовал работу «Ответы на «Парадоксы» месье Мальтруа», в которой показал себя как своеобразный мыслитель, человек, глубоко понимающий процессы, происходящие в экономической жизни Франции и предлагающий реальные пути разрешения ее трудностей³³. Он объясняет вздорожание товаров притоком во Францию драгоценных металлов в результате открытия Нового Света³⁴. Росту известности Бодена в общественных, интеллектуальных и государственных кругах способствовали не только его литературные опыты, но и более четырехсот судебных процессов против представителей дворянства и знати, которые были организованы в 1567 г. К этому времени Боден смог добиться должности королевского прокурора. Должность эта стоила немалых денег, кандидатуры тщательно согласовывались с королем, кроме того, предполагались рекомендации высокопоставленных лиц королевства. Все эти судебные дела были связаны с восстановлением королевского налога с продажи и использования лесов. Боден выступил против этого налога и против регистрации королевского решения парламентом Руана. Он утверждал, что король не имеет полного права распоряжаться королевским доменом, по отношению к которому он является не собственником, а простым держателем. Карл IX, против политики которого выступил Боден, не принял его протеста.

В это время с новой силой разгорается третья религиозная война. 6 октября 1568 г. вышел королевский эдикт, который предписывал принять строгие меры против гугенотов, занимавших государственные посты, и обязывал всех чиновников и профессоров университетов вновь присягнуть на верность католицизму. Строгое выполнение этого эдикта привело к тому, что значительная часть подозреваемых в склонности к протестантизму чиновников была обвинена в ереси и лишилась своих должностей. Боден и во второй раз принес клятву. Но в списке подозреваемых от 6 марта 1569 г. содержится распоряжение об аресте Жана Бодена, уроженца Анжера, по

³³ Bodin J. La Reponse au Paradox de M. de Malestroit. P., 1569.

³⁴ Hauser H. La Reponse de Jean Bodin à de Malestroit, 1568. Paris, 1932. P.10-11.

подозрению в том, что он является приверженцем новой религии и не выполняет данную им клятву. Возможно, этому аресту было виной и внесение Екатериной Медичи имени Бодена в «черный» список, как одного из «самых зловередных и опасных для Франции людей»: ведь он никогда не скрывал своей ненависти ко всему итальянскому, привнесенному в жизнь французского общества королевой-матерью³⁵.

Он был арестован капитаном Пейзоном в монастыре Сен-Дени де ля Шартр. На это указывает запись в тюремной книге заключенных Консьержери. Монастырь Сен-Дени де ля Шартр был расположен в Сите на улице Сен-Бартеlemi. Это не было обычное жилище Бодена, скорее всего, там он скрывался от преследователей. У него не нашли ни запрещенных книг, ни подозрительных бумаг³⁶. Тюремная запись о Бодене не упоминает, что он был когда-то кармелитом, в то время как отказ от монашеского обета фигурирует как обвинение в тюремных записях, касающихся других лиц³⁷. Что касается тюремного заключения Бодена, то здесь есть еще одна особенность. Несмотря на смутные времена, парламент довольно быстро, за срок от двух недель до трех месяцев, рассматривал дела обвиняемых по религиозным подозрениям. Большинство из них освобождалось при условии высылки из Парижа под поручительство праведных католиков. Боден же был выпущен только по постановлению от 23 августа 1570 г. Было ли это обусловлено желанием наказать человека, подозреваемого в инакомыслии, поведение которого, однако, было безупречным в рамках закона? Или столь длительное заключение было связано с желанием нескольких влиятельных персон защитить мыслителя тюремным заключением от более серьезных опасностей, угрожавших его жизни, пока в 1570 г. не был заключен Сен-Жерменский мир, дававший полную амнистию гугенотам? Этими людьми могли быть генеральный прокурор Парижа Ги дю Фор месье де Пибрак, знавший Бодена еще по Тулузе и ставший склонным к терпимости после казни собственного брата по обвинению в ереси в 1565 г., и Кристофль де Ту, первый президент парламента Парижа,

³⁵ В тюремные книги Консьержери были записаны имена многих адвокатов, обвиненных в инакомыслии, среди них Келэ Бернар, Жак де ля Булле, Жан Море, Антуан де Роль, Жак Пети, Жан де Лион, Жан Петон, Франсуа дю Фор, но ни один из них не приносил клятвы на верность католицизму, как это сделал Боден. – *Les ecrous de la Conciergerie sont les seuls des prisons parisiennes a avoir ete conseres pour le dernier tiers du XVI-e siecle. Archives de la prefecture de police.*

³⁶ *Mesnard, P.* La pensée religieuse de Bodin // *Revue du XVI-e siècle*, P., 1929, p. 399-407.

³⁷ *Ibid.*, p. 402.

которому Боден посвятил в 1580 г. свой трактат «Демонomania колдунов». Скорее всего, верна вторая версия, которую подтверждает тот факт, что столь длительное заключение никогда и никем официально не упоминалось и никак не повлияло на карьеру Бодена.

В 1571 г. он уже был докладчиком в государственном совете и советником Франциска, герцога Алансонского³⁸, который возглавлял партию недовольных, именуемых также «политики» (такой ругательной кличкой наградили эту партию современники). Отсутствие религиозного рвения у Бодена вызывало, по меньшей мере, недоумение, а то и прямые подозрения. Поэтому неудивительно, что в ночь святого Варфоломея он едва спасся от верной гибели бегством через окно собственного дома, или, по другой версии, спрятавшись у своего друга де Ту. В 1573 г. Боден входил в состав делегации в Меце, которая вела переговоры с польскими посланцами о вступлении на польский престол герцога Анжуйского (будущего короля Франции Генриха III). На этой встрече выступал глава французской делегации Шарль де Кар, епископ Лангра и близкий друг Бодена. По предположению Моро-Рейбля, сделавшего текстологический анализ материалов этих переговоров и научных трактатов Бодена³⁹, речь де Кара была написана Боденом.

Огромную роль в выборах Генриха Анжуйского на польский престол сыграл Блез Монлюк, отдавший военной службе пятьдесят лет и проделавший за это время путь до маршала Франции. Монлюк, участник Итальянских походов и религиозных войн, в последние годы своей жизни впал в немилость. В подражание «Запискам» Юлия Цезаря он оставил воспоминания о своей жизни и рассказал о событиях, участником которых он был. У него Боден учился осторожности и проворству. Благодаря этим качествам своего характера Бодену удалось участвовать в пятнадцати посольствах и получить покровительство Пибрака. Дипломатические способности определили место Бодена и в свите, которая должна была сопровождать Генриха Валуа в Польшу⁴⁰. При этом Боден продолжал оставаться в числе приближенных герцога Алансонского и связывал с ним многие свои планы. Боден был замешан в заговоре недовольных, за организацию которого казнили людей из ближайшего окружения герцога – Ла-Моля и пьемонтского дворянина Коконаса⁴¹, и, видимо, вел перего-

³⁸ *Bodin, J. Les six livres de la République*, P., 1576, p. 146.

³⁹ *Moreau-Reibel J. Jean Bodin et le droit public comparé dans ses rapports avec la philosophie de l'histoire*. P., 1933. P.94-132.

⁴⁰ *Thou J.K. de. Histoire universelle*. T.13. P.34.

⁴¹ *Sauval H. Histoire et recherches des antiquités de la ville de Paris*. 4 Vol. P., 1724.

воры о помощи заговорщикам со стороны Англии. Его имя фигурировало в списке участников заговора, но он не понес никакого наказания только потому, что расследование этого дела было поручено Кристофлю де Ту.

В 1574 г. на французский престол, тайно бежав из Польши и прихватив всю королевскую казну, вступил Генрих III. Несмотря на близость ко двору Франциска Алансонского (теперь герцога Анжуйского), Боден был хорошо принят новым королем, который наслаждался эрудицией ученого. 25 ноября 1576 г. по рекомендации Пибрака, организатора Академии дворца⁴², Боден участвовал в философских дебатах, организованных за круглым королевским столом. Боден надеялся донести до короля идеи абсолютизма и суверенитета, изложенные в его трактате «Шесть книг о государстве», изданном в 1576 г. и посвященном Ги дю Фору сеньору Де Пибраку⁴³, при прямом и непосредственном участии которого происходило избрание польским королем Генриха, когда последний обещал соблюдать веротерпимость и гарантировал свободное сосуществование различных религиозных учений. Боден хотел указать новому королю путь разрешения религиозного и политического кризиса во Франции. Но Генрих III, оценивший Бодена как мыслителя, отказался использовать в государственных делах столь несговорчивого политика. Вероятно, памятуя о списке королевы-матери, он не доверял Бодену.

В 1576 г. представляя третье сословие округа Вермандуа на Блуасских Генеральных Штатах. В своих выступлениях он отстаивал принцип веротерпимости и принцип неотчуждаемости земель королевского домена. 14 января 1577 г. монахи кармелитского монастыря в Париже, в котором когда-то состоял Боден, предъявили ему обвинение в отказе от обета⁴⁴. Считают, что это была организованная акция, направленная на то, чтобы заставить замолчать лидера оппозиционной депутации Вермандуа. В результате Боден, с одной стороны приобрел широкую известность, а с другой, лишился королевской благосклонности, не получив обещанного ему поста докладчика Палаты прошений. Ему не оставалось ничего другого, как отойти от большой политики и уехать в Лан, где еще 25 февраля 1576 г. Боден заключил брачный контракт с Франсуазой Труяр, которая еще в сентябре 1569 г. стала вдовой Клода Беяра, контролера королевских владений в Вермандуа⁴⁵. Боден познакомился с этой женщиной че-

⁴² Bodin J. Les six livres de la République. P., 1576. P.151.

⁴³ de Mayer. des Etats-Generaux et autres assemblees nationales. La Haye, 1789. T. XIII. P.256-269.

⁴⁴ Chauvire R. Op. cit. P.529-530.

⁴⁵ Ibid. P.37.

рез ее брата Николая Труяра, который, как и сам Боден, был адвокатом парламента Парижа, кстати, не принесшим ни одной клятвы на верность католицизму. В 1575 г. Николая Труяр вступил в права владения должностью королевского прокурора судебного округа Вермандуа и юрисдикции Лана, которую в 1587 г. после его смерти унаследовал Боден. От этого брака у Бодена было трое детей – два сына и дочь. Мальчики умерли в детском возрасте, а девочка «впала в слабоумие». Боден тяжело переживал эту трагедию. Он и его жена делали все возможное, чтобы пробудить спящий разум своей дочери, но их труды были напрасны – болезнь ребенка все время развивалась. Жюльетта умерла в 24 года, так и не вступив в брак⁴⁶. Таким образом, прямых наследников у Бодена не осталось.

Став мужем Франсуазы Труяр, автор «Метода легкого познания истории» нашел в семье своего шурина поддержку, что побудило его, потерявшего возможность обрести благополучие благодаря Генриху III, сделать карьеру при герцоге Франциске Анжуйском, который встал во главе партии недовольных, покинул двор в 1575 г., был на стороне гугенотов во время пятой религиозной войны и содействовал заключению мира в мае 1576 г. в Больи, благодаря чему значительно увеличил собственные владения. Его дом был открыт людям, далеким от католицизма. Там нашли себе приют, например, Бенжамин Жамин, который был постоянным секретарем герцога, несмотря на наличие записи о его аресте в тюремных книгах Консьержери; Мартин Гийо, бывший секретарь суда адмиралтейства, дважды задерживаемый по религиозным обвинениям в 1569 г., и ставший позже «просителем земель для возрастания владений и секретарем герцога». В дальнейшем в состав свиты герцога Анжуйского вошли бывшие заключенные еретики Мишель Темпоне, Клод Бернар, Жан Море⁴⁷. Франсуаза Труяр имела близких родственников в свите герцога Анжуйского – своего дядю Августина ле Серье, священника Авранша; мужа сестры Антуанетты Пьера Обелена, который был адвокатом в Лане и брата – Клода Труяра. Таким образом, у Бодена было неплохое окружение, что способствовало реализации его честолюбивых планов.

Краткая запись герцога обещала Бодену, названному «советником и магистратом по рассмотрению судебных жалоб», судейское звание первого сословия, к которому, как известно, относились клирики. Видимо, именно благодаря этой милости он с 1575 по 1580 гг. присутствовал более чем на 150 заседаниях судов по обвинению в

⁴⁶ Bayle P. Op. cit. P.585.

⁴⁷ Memoires du due de Nevers. In 2 vol. P., 1665. T.1. P.577-599.

колдовстве и внимательно изучал материалы судебных разбира- тельств по этой категории дел. Боден и сам не раз обвинялся в при- верженности и распространении еретических учений и в занятиях магией, поэтому, по нашему мнению, имя его никогда не упомина- лось, да и не могло упоминаться в составах инквизиционных судов. Хотя, этот опыт колдовских процессов Боден бесспорно использовал при написании своего трактата «Демономания колдунов» (1580 г.), который считается самым темным местом, «позорным пятном» в его творческом наследии. Это сочинение пришло на смену печально известному «Молоту ведьм». Отметим, что именно поэтому в созна- нии многих современных историков имя Бодена ассоциируется с мракобесием средневековья.

Очевидно, это произведение объясняется особенностями самой эпохи. Натурфилософия в том виде, в каком она существовала в XVI в., включая в себя и добытые опытом истины, открытые, например, Парацельсом, и сведения о столовращениях и порче, считала все возможным. Нельзя отрицать истинность факта, по мнению Бодена, если он очевиден, хотя и не поддается объяснению, и, если явление колдовства невозможно понять, то факт его существования установ- лен уже три тысячи лет назад. Боден при объяснении колдовства часто использует свои знания по метафизике, алхимии, медицине, физике. Рационалистический подход к миру создал основу для воз- никновения предрассудков и суеверий на основе реальных фактов. Отсюда происходила строго регламентированная, подобно точным наукам, магическая практика, которую можно было изучить для того, чтобы управлять сверхъестественным, что он и попытался проде- лать в трактате о демономании.

Занятия Бодена натурфилософией, юриспруденцией, историей, географией, языками шли рука об руку с бурной политической дея- тельностью. В феврале-апреле 1581 г. он выезжает в Англию в связи с неудачными переговорами о женитьбе Франциска Анжуйского на английской королеве Елизавете Тюдор⁴⁸. В том же 1581 г. Боден по- бывал вместе с герцогом в Нидерландах. Еще в сентябре 1580 г. штаты Северных провинций признали Франциска своим сувереном, подписав договор о помощи с Генрихом III. Боден убеждал не заклю- чать этого соглашения, но безуспешно. В результате сторонниками независимости Северных провинций была предпринята попытка пе- реворота. С февраля 1582 г. Франциск поселился в Антверпене. Осенью 1583 г. герцог Анжуйский потерпел окончательное пораже- ние в Нидерландах и 4 июня 1584 г. скорострительно скончался по

⁴⁸ Chauvire R. Op. cit. P.38.

дороге из Антверпена в Париж. Боден начинает терять одного покровителя за другим: в январе 1583 г. умирает Кристофль де Ту, а в мае 1584 г. – Ги дю Фор сеньор де Пибрак. Боден же в 1583 г. возвратился в Лан и стал советником по правовым делам маркиза де Моа, затем Генриха Наваррского в его графстве Марль. В 1587 г. он получил наследственную должность королевского прокурора Лана.

Правоверность Бодена по-прежнему подвергается сомнениям теперь уже некоторыми лидерами Католической лиги. У него проводят обыск по распоряжению генерального прокурора Парижа и предъявляют обвинение в занятиях магией. В июне 1587 г. его допросил генерал-лейтенант Лана и принял решение об освобождении на основе показаний в его пользу нескольких свидетелей, в числе которых были два священника. После смерти Франциска Анжуйского действия Католической лиги стали более активными, так как их подстегивал страх перед возможным вступлением на трон Генриха Бурбона, короля Наварры. В декабре 1588 г. после убийства Генриха и Франциска Гизов лига возглавила войну против Генриха III. Лан должен был выполнить приказ парижского парламента о присоединении к лиге, господство которой установилось в этом городе и продолжалось до 1594 г. Боден, будучи сторонником монархии с одной стороны, с другой – членом партии недовольных, а с третьей – подозреваемым в склонности к протестантизму, попал в затруднительное положение. Он должен был обосновать свой переход на сторону лиги более или менее убедительными для ее членов аргументами и в то же время не отступить от собственных принципов, которые были далеки от политики лигеров.

Факт присоединения Бодена к лиге получил отрицательную оценку у большинства исследователей. Ги Пати считал, что Боден стал членом лиги из-за страха в лучшем случае потерять свою должность, в худшем – жизнь. Бодриар высказался еще определеннее: «Боден – предатель. Присоединение к лиге противоречило всем его взглядам. Это эпизод, достойный сожаления. Анжерец, всегда бывший сторонником терпимости и рационализма, в данном случае отказался от собственных убеждений»⁴⁹. Шовирьи также считал, что Боден пошел против своей совести, так как оставался роялистом и членом партии политиков. А все его отношения с лигой обуславливались страхом и строились на предусмотрительности. Может быть, имелись все-таки и другие мотивы, приведшие Бодена к решению стать лигером? Обратимся к воспоминаниям Антуана Ришара, граж-

⁴⁹ Boudrillart H. Jean Bodin et son temps, P., 1853.

данина Лана, жившего там в то же время, что и Боден⁵⁰, и к переписке Бодена 1589–1594 г. – это пять писем, опубликованных Морорейблем⁵¹ и известное «Письмо Жана Бодена другу, написанное в трудные времена».

Ришар показывает приспособленчество Бодена и рисует событийную канву его жизни в период правления Католической лиги в Лане в крайне неблагоприятном для него свете.

В то время, когда лига начала войну против Генриха III, Боден был королевским прокурором. Генеральный прокурор Парижа приказал всем местным чиновникам принести клятву верности лиге и Боден должен был подчиниться этому решению. Свою поддержку Генриха III он оправдывал государственной должностью и дарованными ему королем почестями. Боден писал, что затягивал принесение клятвы лиге, а это было связано с большим риском, и только, когда «полк капитана де Бурга был готов войти в город, чтобы убивать, грабить тех, кого называют роялистами, я покинул короля»⁵². Боден должен был выбрать свою позицию, при этом отчетливо понимая, что обе стороны неправы. Таким образом, для Бодена, если исключить путь открытой борьбы или бегство из Лана, оставалось одно единственное решение – признание лиги, что он и сделал. 21 марта 1589 г. он принес клятву верности Католической лиге. В речи, произнесенной на церемонии присяги, Боден настаивал на том, что его главная цель отнюдь не поддержка авторитета Генриха III, но – сохранение королевского имущества, при этом престиж короны он отделял от престижа короля.

Рассказ о процедуре принесения клятвы Боденом и основная часть речи содержатся в его «Письме генерал-лейтенанта провинции магистрату Франции», написанном в конце марта 1589 г. Боден обращается к должностному лицу, оказавшемуся в точно такой же ситуации, как и он сам, так же как он настроенному и присоединившемуся к лиге с целью борьбы против тиранического правления короля, так как к этому времени, по мнению Бодена, абсолютная наследственная монархия, которая была его идеалом правления, во Франции выродилась в тиранию. Кому было адресовано письмо? В первую очередь в голову приходит имя Барнабе Бриссона. Это был талантливейший юрист, с которым Боден дружил более тридцати лет. Бриссон, как и Боден, поддерживал Генриха III, но после Дня

⁵⁰ Moreau-Reibel J. J. Bodin et la Ligue // Humanisme et Renaissance, P., 1935. P. 422-440.

⁵¹ Ibid. P. 430.

⁵² Lettres de J. Bodin officier a Laon a l'un de ses amis meschant du temps // Chauvire R. Op. cit., Appendics.

баррикад в мае 1588 г. и бегства короля из Парижа, перешел на сторону лигеров и стал президентом парламента Парижа, сменив на этом посту роялиста д'Арля, которого лигеры отправили в отставку. Письмо открывается замаскированным призывом к восстанию против короля. В отличие от других сторонников лиги, открыто призывавших к борьбе с тираном, Боден все-таки считал, что особа короля священна благодаря титулу. Боден всегда оговаривался в отношении законности бунта против короля. Даже победоносное восстание, по его мнению, может быть расценено как заговор. С другой стороны, в успехе мятежа Боден усматривал знак Божественной воли. Поведение короля, считал он, являлось причиной гибели, несчастий всех его подданных и оно спровоцировало не просто отдельные выступления недовольных, но настоящую гражданскую войну. Лига же, по мнению Бодена, наказывала Генриха III, и не было другого выбора, кроме как присоединиться к ней. Главная цель этой борьбы состояла в том, чтобы торжество закона стало залогом безопасности каждого отдельного человека и народа в целом.

Но в этом случае многие нуждались в защите от неправомерных действий лиги, как и от тирана. Во время церемонии принесения клятвы Боден потребовал справедливого суда и защиты для двадцати пяти пленных роялистов, «почти до смерти замученных». Он так упорно настаивал на том, что их вина должна быть доказана законным образом и они должны иметь право на адвоката, что ему самому пригрозили повешением. Таким образом, Боден действовал как человек, искренне возмущенный преступлениями Генриха III и видевший в лиге орудие божественного возмездия нечестивому королю. Но при этом он стремился защитить идею справедливой монархии и смягчить политику лигеров в отношении роялистов. Поведение Бодена не было исключительным, аналогично действовали и многие его современники. Например, блестящий юрист и философ, у которого Боден учился в юности, Гийом дю Вер вместе с Боденом входил в состав свиты Франциска Анжуйского. Дю Вер писал: «Я не вижу сейчас такой цели, ради которой должен пойти на смерть. Хитростью мы можем ослабить и уменьшить количество преступлений. Мир и согласие будут восстановлены благодаря умеренности и беспристрастному поведению законопослушных граждан»⁵³.

4 апреля 1589 г. Боден приветствовал трех посланцев лиги, которые преследовали роялистов. В своей речи он рассуждал о возможности реставрации правления Генриха III. Будучи хорошим оратором, он произвел такое сильное впечатление на своих

⁵³ Veir J. du. Memoires, P., 1598. P.122.

слушателей, что в нем заподозрили роялиста, стащили вниз и сильно побили. Иногда этот эпизод представляют как доказательство неискренности Бодена в поддержке лиги. Но в письме (март 1589 г.) Боден обрушивает на Генриха Валуа гневный поток обвинений в тяжких преступлениях. К политическому принципу «Безопасность народа должна гарантироваться выполнением законов монархом», Боден добавил пылкое обоснование Божественной мести тирану. Его представление о Божественном возмездии отличалось от общей тенденции, прослеживаемой в сочинениях лигеров, – обвинить лично Генриха III – «этого Иуду, этого Нерона».

Боден обращается к символике чисел: Генрих III, если вести отсчет от Фарамунда, 63-й король Франции. 9 умноженное на 7 дает 63 – это критическое число в развитии монархии, чреватое кризисами и переворотами. Наказание выпадает на того, кто подвержен дьявольскому воздействию. Боден верил, что сумасшествие Генриха означало исчезновение Божественного покровительства и освящения короля. В письме были и аргументы религиозного характера против Генриха Наваррского. Это не яростная ненависть, которую испытывали к Наваррцу представители Католической лиги, а скорее продуманные рассуждения о неблагонадежности протестантского лидера.

Итак, до смерти кардинала Карла Бурбона Боден искренне поддерживал лигу, воспринимая ее с политической точки зрения как организацию, возглавляющую движение с целью свержения тирании Генриха III. Но в письме от 1590 г. Боден еще раз подчеркивает, что он никогда не был уверен в законности сопротивления даже самому бесчеловечному и неблагочестивому королю. У членов лиги никогда не было сомнений на этот счет. Кроме того, многие из них воспринимали восстание как крестовый поход против Генриха-еретика. Но Боден обвинял короля не как еретика, а как нечестивого тирана, предавшего Бога. Даже поддерживая лигу, Боден всегда выступал против «сектантской» религиозной войны с целью уничтожения протестантов во Франции.

Убийство Генриха III (2 августа 1589 г.), по сути, означало исполнение первоначальных целей Бодена. В письме от 15 августа он радовался убийству тирана как действию, вдохновленному Богом. В последующих письмах нарастали обвинения тирана в национальной катастрофе. Убеденный в том, что Бог вмешивается в дела Франции, Боден снова приветствует войну как орудие Божественного возмездия против людей, несущих зло. В 1589 г. он предрекал семь лет войны (с 1587 г.). Его расчет впоследствии оказался верным.

С 1589 г. слежку за Боденом ведет иезуит Антуан Тулузский, доносы которого привели к тому, что 20 января 1590 г. по приказу пред-

ставителей лиги у подозрительного католика был проведен обыск. У Бодена нашли несколько запрещенных книг, которые сожгли перед его домом. Также была найдена генеалогия Генриха Наваррского, правда, написанная не рукой Бодена, что и помогло ему отделаться сравнительно легко – он был подвергнут кратковременному аресту и после данных им разъяснений отпущен.

Генеалогия Генриха Наваррского не случайно оказалась среди бумаг Бодена, найденных при обыске. После того, как с исторической сцены сошел Генрих III, Боден оправдывал свое присоединение к лиге поддержкой кардинала Бурбона, законного наследника престола. В письме, написанном в августе 1589 г., Боден интерпретирует Салический закон о преимуществе престолонаследия по степени кровного родства перед первородством. По его мнению, наследовать трон должен был претендент наиболее близкий к общему предку обоим умершим королям и правящей боковой ветви. Он считал Наваррца четырнадцатым коленом по степени родства, идущего от Людовика IX. Кардинал Карл Бурбон (дядя Наваррца) имел тринадцатое колено в степени родства. Боден опроверг принцип чистого первородства, в соответствии с которым Генрих Наваррский представлял своего умершего отца Антуана Бурбона, старшего брата кардинала, и тем самым подтверждал все свои права на престол по первородству. Таким образом, Боден считал, что претензии Генриха Наваррского уничтожаются правами его дяди, кардинала Бурбона, некоронованного Карла X. Но Боден, как и сам кардинал, понимал, что доводы, приводящие Карла X на престол, неизбежно ставят Генриха Наваррского на ближайшую ступень к нему. И отречение или смерть кардинала делали правомочной коронацию Генриха.

После смерти кардинала Бурбона наследование Генрихом Наваррским трона было гарантировано законом. При этом Боден не считал приверженность католицизму важнейшей составной права на престолонаследие. В этом вопросе взгляды Бодена резко расходились с политикой лиги, которая на Блуасских штатах 1576 г. объявила католическое вероисповедание основным требованием, предъявляемым к наследнику престола. Позднее такие апологеты лиги, как Луи Д'Орлеан, настаивали на том, что даже Салический закон не устраняет барьер, который отделяет от трона безбожника и еретика. Генрих III на смертном одре назначил своим преемником Генриха Наваррского при условии, что тот примет католичество. Для Бодена это завещание Генриха III не играло никакой роли, так как он считал, что корона не передается как частная собственность распоряжением завещателя, а наследуется на основе Салического закона. В письме от 1590 г. он почти открыто заявляет о праве Наваррца наследовать

трон, если он признает первенство своего престарелого дяди и перейдет в католическую веру. В 1590 г. кардинал Бурбон умер. В марте 1590 г. Генрих Наваррский обратился в католичество и в 1594 г. был коронован.

После обыска и ареста в 1589 г. Боден не предпринимал никаких публичных действий, которые могли бы скомпрометировать его благонадежность, исключая защиту несправедливо осужденного юноши в 1593 г. Боден выступал его адвокатом и на основе традиционного гражданского права доказал неправомочность действий мэра в отношении этого человека. С 1590 г. в письмах Бодена нет упоминаний ни о престолонаследии, ни о Генрихе Наваррском. Теперь он рассматривает все свои теоретизирования как пустые упражнения в красноречии перед лицом Божественного вмешательства, которое дарует Франции короля по выбору Бога, показывая тщетность любых человеческих попыток занять французский трон воздействием закона или силой. Гражданские же войны он расценивает как наказание и роялистам, и лигерам.

Итак, первоначально Боден считал, что лучшей формой государственного управления является наследственная абсолютная монархия: король получает власть от Бога по праву рождения и только перед его строгим судом несет ответственность. Восставшая Католическая лига посягнула на королевскую власть. Это было явно противоправное действие, и Боден не мог его одобрять. Но он должен был выполнить распоряжение генерального прокурора Парижа о подчинении лиге. Кроме того, на основе анализа политики Генриха III Боден приходит к выводу, что его правление является тиранией, против которой необходимо бороться. Так королевский прокурор обосновывает законность деятельности лиги и собственное присоединение к ней с политической точки зрения. Боден оправдался перед лигой и с религиозной стороны. Он поддержал борьбу против некаатолического короля, хотя на самом деле для него вера претендента никогда не являлась аргументом в решении вопроса о законности престолонаследия. Но ведь Боден принес, причем дважды, официальную клятву на верность католицизму. Поэтому, с этой стороны, его поддержка лиги выглядела вполне последовательным шагом.

В 1590 г. Боден написал письмо своему другу, в котором главным был ответ на вопрос «Почему я стал лигером?»⁵⁴. Оно было опубликовано, без разрешения автора, представителями Католиче-

⁵⁴ *Chauvire R. Op. cit. P.80-85.*

ской лиги и переиздавалось только на протяжении 1590 г. пять раз⁵⁵. В нем Боден с потрясающей трезвостью оценил военные, политические шансы на победу лиги или роялистов и на основе чисто рационального анализа пришел к выводу, что сила, а значит и он сам, на стороне лиги. Уроки маршала Монлюка не прошли даром: некоторые уступки официальным властям, позволили Бодену сохранить внутреннюю свободу, дававшую право на сомнения, но при этом он оказался вне официальных институтов, которые каждая из политических партий пыталась приспособить к собственной идеологии.

Кем же на самом деле был Боден: политиком, роялистом или лигером? Его позиция, скорее всего, была компромиссной и основывалась на принципе веротерпимости. А присоединение к лиге являлось совершенно искренним, потому что, во-первых, Боден мог таким образом открыто бороться с тиранией и, во-вторых, участвуя в этой борьбе, он имел возможность смягчить участь тех, кто подвергались преследованиям на религиозной почве.

2 августа 1594 г. Генрих IV вступил в Лан. Ему, победителю, Боден посвятил свой последний трактат «Театр природы». Окончание этого труда датировано 1 марта 1596 г., а завещание – 7 июня 1596 г. Боден умер от чумы, заразившись во время эпидемии. Он был отпет по католическому обряду в церкви францисканцев в Лане и похоронен в монастыре кордильеров.

Такова биография Жана Бодена, пережившего полную противоречий эпоху истории Франции, время глубочайших кризисов и потрясений, когда царили непредсказуемость и хаос. Реальная жизнь подтолкнула Бодена к занятиям историей и к поиску законов общественного развития. Именно поэтому им был поставлен вопрос о науке, которая смогла бы открыть эти законы.

⁵⁵ Moreau-Reibel J. J. Bodin et la Ligue. P.424. Впервые оно было напечатано известным издателем лигеров Шандье в Париже 20 января 1590 г.

Г.А.Мухина (Омск)

Шатобриан и Революция

Франсуа Рене де Шатобриан (1768-1848) был родом из Бретани, которая отличалась сильными дворянскими традициями, демократией провинциальных штатов, твердостью католической веры и монархическим менталитетом крестьян, активностью в морской торговле. Он был горд тем, что родился дворянином, что рано почувствовал, как проснулась в нем честь – своеобразная «экзальтация души, которая поддерживала сердце» посреди всеобщей порчи, тем, что сохранил в себе любовь к свободе, которую считал принадлежностью аристократии. И это несмотря на то, что в революцию, по его признанию, было в чести слыть сыном крепостного и ему пришлось даже предпочесть своему титулу просто свое имя¹.

Шатобриан был доволен своим разносторонним образованием, полученным в коллежах Бретани, особенно языковой подготовкой (латынь знал лучше своих учителей), гордился успехами в математике, любил поэзию, музыку, архитектуру, имел способности к рисованию, шахматам, владел оружием, отдавал должное своему упорству, трудолюбию, гибкости ума². Его политическое воспитание началось с созыва провинциальных штатов Бретани в 1787 и 1788 гг. Он вспоминал первое политическое собрание дворян в Ренне, где произошло столкновение между сословиями в связи подымной податью – с каждого очага. Дворяне стояли на страже своих привилегий, возникли стычки между сословиями, были раненые. Депутация из двенадцати дворян Бретани отправилась к королю и оказалась в Бастилии, откуда они потом вышли героями³.

Выбор своего пути Шатобриан связывал либо со священством, либо с морским флотом, но революция превратила его в «солдата короля», потом – в эмигранта, и он провел свои молодые годы в изгнании в Лондоне (1793-1800). Здесь он сделался политическим писателем, само время определило тему первого сочинения, им стал «Опыт о революциях древних и новых»⁴.

¹ *Chateaubriand. Mémoires d'outre-tombe. T.1-3. P., 1973. T.1. P.96, 41, 46.*

² *Ibid. P.110, 118.*

³ *Ibid. P.202-212.*

⁴ *Chateaubriand. Essai historique, politique, moral sur les Révolutions anciennes et modernes, considérées dans leurs rapports avec la Révolution Française. T.1-2 // Œuvres complètes. T.1-28. P.1826-1831. T.1-2. В этом собрании помещено первое издание "Опыта" с новыми примечаниями, сделан-*

Французская революция стала важным рубежом для Шатобриана как личности, и в его жизненном самоопределении, и в его мироощущении, и в его взглядах. Из-за революции он считал свое поколение потерянным⁵, но именно она стала для него важнейшей проблемой, воздухом, хаосом, историческим опытом. И всю жизнь он бился над вопросом: что такое революция? Общественная трагедия? Разрушение или обновление мира? Смена политических форм? Явление закономерное или циклическое? Замысел Провидения или социокультурное явление? Она заставила его искать критерии ее анализа. Наконец, она сама стала мерилем Старого порядка и Просвещения, основой для ревизии принципов последнего. Выросший на книгах Вольтера и Руссо, он увлекся их примером общественного служения, и ему тоже захотелось стать ФИЛОСОФОМ – образцовым героем века Просвещения.

Испытав революцию, Шатобриан из сторонника Просвещения превратился в его критика, но не смог порвать со многими интеллектуальными и методологическими ценностями века Вольтера. Как он сам признавался: «Я атаковал философов восемнадцатого века и видел, что весь заражен их максимами»⁶. Как раз Вольтер был выбран им в качестве главного идейного противника, ибо олицетворял новаторство своего времени и эмоциональную стихию сопротивления Старому порядку. Вызов философам Просвещения он обосновывал стремлением быть «полезным людям» и тем самым признавал первостепенность общественного интереса, как это было принято у тех мыслителей.

Однако, если в первом издании «Опыта о Революциях» преобладало отрицание философии Просвещения как главного виновника крушения Старого порядка (в характерной для того века тональности гневного обличения и сатирического пафоса), то во втором издании его отношение меняется. Он признает существенное воздействие просветителей на все общественные классы, на формирование общественного мнения, способного противостоять деспотизму и стать основанием для свободы⁷. Зрелый Шатобриан обращается к фактам, к «силе вещей», и тогда Французская революция – это уже неизбежность и диалектическая двухмерность: прогресс общества в его движении к просвещенным и образцовым

ными специально для второго издания, что позволяет сравнить позиции молодого и зрелого автора.

⁵ Ibid. P.223.

⁶ Ibid. P.171.

⁷ Ibid. P.352.

принципам и разложение нравов⁸. Этот Шатобриан уже не может восхищаться просветителями. Он поражается банальностью, холодностью, бедностью их чувств, мыслей, стиля и свое разочарование романтика завещает новым поколениям⁹.

В отличие от Жозефа де Местра, обращенного к прошлому, Шатобриан размышлял о связи времен, которые были отмечены общественными потрясениями, чтобы попытаться сравнить их, пусть поверхностно, наивно, не очень убедительно, но – в стиле спора «о новых и древних», с акцентом на современность, на революцию. Это соответствовало духу Просвещения с его приоритетами настоящего и устремленностью в будущее. Сравнивая «революции» античные с французской, он обращал внимание на общее и тем самым признавал единство истории Европы. Революция представлялась ему тотальным переходом от монархии к республике и наоборот, с заметными изменениями в обществе, с партийными движениями, с разрушениями и обновлением¹⁰.

В греческих республиках и во Франции Конвента Шатобриан обнаруживал общий признак – ненависть между богатыми и бедными, порожденную требованиями равенства имущества и раздела собственности богатых¹¹. Об этом противостоянии у него были собственные впечатления. По возвращении из Америки в 1792 г. его поразили парижане: одни испуганно скользили вдоль домов, другие рыскали в поисках добычи – и в этом он ощутил «приближение молодой плебейской тирании». Прошла пора рассветной революции – Конституанты, патрициев, людей салонов «в кожаных башмаках», настало время плебеев: «сабо стучали в дверь»¹².

Интересуясь причинами падения монархии, Шатобриан не принимал в расчет республиканский опыт Греции, убежденный в том, что это не может быть востребовано современной Францией. Возможно, он разделял тезис Монтескье: время республик прошло. А отрицание Первой республики во Франции, особенно в ее якобинском варианте, привело его к развенчанию античной модели демократии, она не казалась ему совершенной, если там свобода «отцов-варваров» царствовала благодаря рабству¹³. И Монтескье он упрекал за то, что тот не решил проблему лучшего правления. Он

⁸ Ibid. T.2. P.249.

⁹ Chateaubriand. Mémoires... T.1. P.189.

¹⁰ Chateaubriand. Essai... T.1. P.22, 27.

¹¹ Ibid. P.53, 59.

¹² Chateaubriand. Mémoires... T.1. P.345, 221; T.3. P.230.

¹³ Chateaubriand. Essai... T.2. P.53.

не находил места общественному договору в хаосе всеобщего переворота и его не привлекала тогда идея разделения властей.

Но в зрелости Шатобриан осознал, что конституция Директории, основанная на принципе разделения, стала спасительной для Франции. Тем самым он отказывал якобинцам в демократизме. В «Опыте о революциях» он отвергал руссоистский смысл демократии, утверждая: это не нация, собранная в тело для принятия законов, а два корпуса, директора и граждане¹⁴. А Конвент? Имел ли он какое-то отношение к демократии? Да. Но только в идеях: Гора (олицетворение более бедных граждан) стремилась к чистой демократии (в отличие от богатых земельных собственников Равнины, желавших олигархической конституции), но сделала только первый шаг – установила республику. Однако якобинцы поняли, что при том положении дел (неравенстве состояний, разномыслии, религиозности...) «абсурдно помышлять о демократии без полной революции в морали», отсюда их стремление изменить нравы.

Шатобриан признавал, что это шло от подражания Риму, Спарте и что такие идеи преступны. Инициатива же, по его мнению, исходила от народа, который требовал и получил от власти «свой хлеб» и за это отдавал без сожаления собственную жизнь. Его ошеломляло и варварство «несчастливого народа», впавшего в «бессмысленный террор», и эгалитарная политика якобинцев, которые поддерживали в нем надежды на обретение собственности. Он находил связь между насилием масс и «кровавыми законами Робеспьера»¹⁵, поэтому ему не хотелось признавать ни военных заслуг якобинцев, ни мужества народа в сражениях с лучшими войсками Европы. Невиданный энтузиазм масс он был склонен считать плодом невежества и безостановочного действия гильотин для проведения массовых мобилизаций. В итоге, у него получалось, что якобинцы-спасители – это лишь миф. Еще бы: «...наши успехи... были достигнуты до и после Террора, Террор же ничего не сделал для преобладания нашего оружия. Но... они создали ореол вокруг головы чудовищ-революционеров». «Взятие Голландии, выход на Рейн казались завоеванием топора, а не шпаги»¹⁶.

Вслед за консервативными критиками, которые сокрушали тогда «революционные абстракции» Национального собрания и среди которых первым авторитетом был Э.Берк, Шатобриан тоже искал источник бед в теоретических схемах якобинцев, в античных заимствованиях, ополчаясь против «химического равенства». Он

¹⁴ Ibid. Т.1. P.58.

¹⁵ *Chateaubriand. Essai...* Т.1. P.63-64, 81-82, 88-89, 98-99.

¹⁶ Ibid. P.90-93. *Chateaubriand. Mémoires...* Т.2. P.72.

больше уповал на образец современной английской системы с сенатом, цензом и естественным неравенством, что соответствовало приоритетам умеренных либералов. Якобинский эксперимент он отвергал, поскольку эта власть, основанная на насилии, была чревата деспотизмом. Он отринул и его теоретическое обоснование: идею народного суверенитета, которую счел практически абсурдной, так как она олицетворяла вечную революцию, ибо народ-дитя, только что установивший республику, заменяет ее монархией, чтобы затем вновь возвратиться к республике. Позднее он признал, что самое верное отношение его к народному суверенитету было высказано в молодости, когда он не принимал никакие доводы в его пользу. Более того, и о божественном праве короля, и о суверенитете народа он говорил как о мистериях, которых не в состоянии постичь никакой рациональный ум. Потому разумнее отрицать народный суверенитет, чем допускать. Ведь без правительства нет и народа, ибо только правительство объединяет людей в общество и создает народ: «Без правительства нет ни индивида, ни нации»¹⁷.

Историческую правоту он искал в Англии, где короне нечего опасаться демократического принципа (потому что «народ здесь, как в древнем Риме, — клиент высшей аристократии, опора, а не соперник дворянству») и где оппозиция настаивает на превосходстве демократии перед аристократией¹⁸. Во Франции же только корона противостояла волнам демократии, ибо амбиции толкали грандов на борьбу с абсолютизмом (и это была общая черта всех республиканских революций, в которых против суверена первыми всегда выступали богатые и знатные в соответствии с принципом свободы)¹⁹. Революция не только не поколебала его в приверженности к легитимизму, но сделала его «мучеником чести».

Ему невыносим был народный деспотизм вместе с его «свободой»: сначала революционеры назвали Людовика XVI «королем свободного народа», а потом, «в силу своей свободы», народ приговорил его к отсечению головы. Революция позволяет ему увидеть два лика свободы: «закона и порядка»; «виселицы и рабства». Он склонен отринуть политическое право свободы во имя естественного права, которое находится в ведении Бога, но не защищено от необузданных страстей. Революция дает ему возможность ощутить источник ее небывалой энергии, энтузиазма масс — он в соединении страстей, невежества и свободы²⁰. В результате, разгуд

¹⁷ Chateaubriand. Essai... T.2. P.94, 95, 97.

¹⁸ Chateaubriand. Œuvres complètes. T.24. P.355.

¹⁹ Chateaubriand. Essai... T.1. P.46.

²⁰ Chateaubriand. Mémoires... T.1. P.219; T.4. P. 28; Essai... T.2. P.97-98.

страстей бросает людей в естественное состояние, в настоящие «праздники разрушения» – и рождается особый сорт варваров: «варваров цивилизации», кошмарно одетых, в колпаках и с эмблемами²¹. С помощью образов, поистине саркастических, Шатобриан живописал революционную народную ментальность, обнажая ее мощное иррациональное начало, которое олицетворяли, прежде всего, две большие страсти: патриотизма и свободы. Он с негодованием, но признавал патриотизм якобинских масс, правда, гипертрофированный: «У республиканца не должно быть никакой другой любви, ни верности, ни уважения, как только к родине». «Детей отдают в военные школы и учат их ненавидеть все другие правительства»²².

Под стать народу у Шатобриана и революционеры, которых сделало страдающее самолюбие, ущербность души и тела. Их портреты карикатурны; они – монстры, и этим все сказано: Марат с друзьями – головы горгоны, Шометт – генеральный прокурор фонаря, Демулен – Цицерон-заика, Фуше – гиена, вор, безбожник, убийца, Барер – трубадур гильотины – одним словом, представители среднего класса, которые были подняты революцией, в свою очередь, опустившей аристократию²³. Потому самым памятным событием стало падение Робеспьера, которое подготовили уцелевшие якобинцы во имя собственного спасения. Ссылаясь на свидетельства очевидцев рокового заседания Конвента, Шатобриан представлял их лидера в образе мертвеца: от него веяло могильным холодом и речь звучала точно из глубины склепа²⁴.

Феномен революции представлялся ему загадочным, даже мистическим, уходящим в глубь человеческого сердца «смутным беспокойством», вызванным «тайным влечением к божественному», идеальному²⁵. Это было микро-восприятием революции. Еще в первом издании «Исторического опыта» он ухватил тонкую ниточку связи ее с грядущим: в революции есть что-то хорошее и это что-то переживет саму революцию. А во втором издании он оценивал это высказывание как мужественное, как «знак лучшего произведения». Был и макрокосм: складывалось представление о единстве и целостности мира, по крайней мере, западного – на материале связанности революций XVII – XVIII веков по обоим берегам Атлантики. К тому же французская революция, как звено в

²¹ Ibid. T.3. P.231, 234, 225.

²² Chateaubriand. Essai... T.1. P.100.

²³ Chateaubriand. Mémoires... T.1. P.350-360, 471.

²⁴ Chateaubriand. Essai... T.2. P.108-109.

²⁵ Ibid. P.75, 76.

одной цепи с английской и американской, мыслилась еще более грандиозной по влиянию на последующие поколения, которые смогут опрокинуть всю Европу²⁶. Видимо, не без влияния Берка и так же, как де Местр, Шатобриан вводит в исторический анализ Божий промысел: революция для Франции оказывается карой – за поддержку американской войны «против законного суверена».

Но в старости его оценка резко меняется: эта «политически недальновидная» война оказывается полезной и роду человеческому, и Франции, сумевшей благодаря участию в ней восстановить «уважение к нашему оружию и честь нашего флага»²⁷. Скорее, это говорил не мыслитель, а дипломат, государственный деятель. Зато легитимист Шатобриан был последователен, когда применял в качестве критерия к Французской революции, в частности, к судебному процессу над Людовиком XVI правовые нормы страны. Для этого он сравнивал суд над Карлом I с судом Конвента и приходил к заключению: у английского парламента, в отличие от Конвента, было право верховного суда, прецеденты суда над королем (Ричард II). Между этими двумя казнями революций он находил прямую зависимость: не было бы первой, не произошло бы и второй²⁸.

Таким образом, принцип прецедента преодолевал национальные границы и приобретал европейский масштаб. Тем более, что Шатобриан рассматривал Французскую революцию не как изолированный факт, а как часть общего движения цивилизованного мира «к новому порядку вещей», и считал, что Франция опережала другие нации на этом пути и ускоряла поступь соседних стран – благодаря своему интеллектуальному влиянию и своему оружию, находя здесь в какой-то мере подготовленную почву (например, в провинциях Германской империи главное влияние Франции шло через военное присутствие из-за недостатка их просвещенности)²⁹.

Во втором издании «Опыта» Шатобриан распространял термин «революция» на интеллектуальный процесс, на «революцию в умах» – и появлялась «свобода – дочь просвещения»³⁰. В первом же издании акцент делался на секуляризацию сознания: этот путь прошел он сам, когда под влиянием просветителей из христианина стал «сильным разумом», то есть слабым³¹, чтобы потом вновь обратиться к вере.

²⁶ Ibid. T.1. P.210. T.2. P.213; *Chateaubriand. Mémoires...* T.3. P.711.

²⁷ *Chateaubriand. Essai...* T.1. P.214; *Mémoires...* T.3. P.711.

²⁸ *Chateaubriand. Essai...* T.4. P.188, 205.

²⁹ Ibid. T.1. P.353, 329.

³⁰ Ibid. P.177.

³¹ Ibid. P.180; *Mémoires...* T.1. P.240.

Эмиграция, лишения, потеря близких (среди казненных был его брат с женой) усиливали одиночество. В уединении, в воспоминаниях он искал спасения и сделал открытие: «Несчастье нам полезно, без него способность любить оказывается в бездействии; оно дает ей инструмент гармонии». Так ощущение счастья он соединил, слил с несчастьем: «Счастливы те, кто любит природу, они найдут ее только в день бедствий... И это единственный вид удовольствия, которое можно извлечь из несчастья»³².

Революция, однако, не сделала его адептом Старого порядка. Он поддержал Реставрацию и Хартию 1814 г., занялся политологией с позиций либерального консерватизма. В брошюре «О Бонапарте и Бурбонах» (1814) его герои выглядят одномерно: Наполеон здесь – воплощение революции, безнравственный и бесчеловечный деспот, разрушитель, а Бурбоны – олицетворение умеренности и порядка, конца «долгой революции», избавители нации от республиканских бедствий. Он верен династии, которую считает столпом всей монархической Европы, способной противостоять революции. Поэтому даже иностранное вторжение он готов признать счастливым, хотя чувствовал себя «подобно римлянину перед солдатами Алариха». Однако «Сто дней» привели его к выводу о бессилии династии, которая за время революции стала «чуждой для нации»³³.

Во время Реставрации Шатобриан, ставший пэром, оказался в лагере ультрароялистов, на стороне «бесподобной палаты» (1815-1816), требовал от короля разрыва с политиками революции и Империи. В брошюре «О монархии согласно Хартии» (1816) определился его выбор: в оппозиции с рава. Однако здесь он – за преемственность в развитии политической системы. И не только в этом. Он смотрел шире: «не разделять старую и новую Францию», быть «в согласии с опытом веков», сохранять религию как основание власти³⁴. Он ориентировался на английский исторический опыт (Революции и Реставрации), когда отстаивал двухпалатную систему, наследственную пэрию, цензовое избирательное право, расщепление полномочий палат, и тем самым собирался выполнить роль французского тори. Не витал ли над ним дух Монтескье, с его идеей балансов, равновесия властей, свободы, антиабсолютизма? Вопреки пониманию того, что французское дворянство клонилось к

³² *Chateaubriand. Essai...* T.2. P.169.

³³ *Chateaubriand. De la monarchie selon la Charte.* P., 1816. P.256, 258, 249.

³⁴ Здесь Шатобриан вновь обращается к теме Французской революции, считая ее началом еще более ужасной революции и связывая этот ужас с ослаблением христианства, чреватым всеобщим разрушением

закату, он боролся за его преобладание во властных структурах и восстановление имущественных потерь: он считал дворянство носителем свободы, никогда не признававшим абсолютной власти короля, разве лишь в отношении своего сердца и своей шпаги.

Антиреволюционная идея базировалась у него на трех китах: религии, морали и законности. В религии Шатобриан видел фундамент легитимности, власти, общества. Вернувшись к вере под влиянием всех событий, связанных с революцией, он воспел эстетику католицизма в «Гении христианства» и тем принял участие в разработке теории романтизма. Но этот «ультра» дал более либеральную интерпретацию Хартии, чем либералы-доктринеры и выступил за парламентский режим по-английски, за свободу печати, убежденный в том, что без последней нет ни конституционной, ни индивидуальной свободы. Хартия и представительная система вызывала у него удовлетворение еще и потому, что в 1814 г. во Франции не было мести и казней цареубийц, как в Англии в 1660 г.

Этот борец против революции – в теории, публицистике, политике – был и ее душеприказчиком, ибо главным наследием французской революции считал свободу. Не признав революции 1830 года, он отказался от пэрства, объявил себя последним подданным последнего легитимного короля, защитником наследственной монархии, аристократизма и свободы. Он сделал это публично и тем выразил свою верность кодексу чести. Эта революция позволила ему масштабно взглянуть на процесс: «Движение Июля не только политическое, оно – выражение социальной революции, которая не прекращается». Прежде всего она – продолжение казни Людовика XVI. Тогда эшафот встал между королем и народом, это породило безвыходную ситуацию: ни король не мог положиться на народ, ни народ не мог надеяться на прощение короля. Автор винит баррикадного короля Филиппа Орлеанского за разрушение наследственной монархии, с которым связано появление «муниципальной монархии», винит и старую ветвь Бурбонов: Людовик XVI «искупал жизнью деспотизм Людовика XIV и разврат Людовика XV»³⁵.

События трех июльских дней казались ему настолько значительными, что он призывал на помощь Боссюэ объяснить их через «порядок Провидения», а потом сам заключал: «Кара Божья неминуема и она – в исчезновении королевской власти вообще». И вместе с ней умирало старое общество. Все это и есть революция, которая, было, угасла «в славе Бонапарта и в свободе Людовика

³⁵ Chateaubriand. Mémoires... T.3. P.252, 662, 663.

XVIII», но ошибки Реставрации разбудили ее³⁶. Так появилось у Шатобриана представление о революции большой длительности, а вместе с тем и – революции всеобщей, связанной с нивелированием наций «в равном деспотизме» и с упадком. Такой видится ему перспектива, порожденная 1830-м годом. С ним он соединяет появление демократии, которая, в свою очередь, предстает явлением историческим, как законченный цикл, прошедший через многие фазы: власть выходит из народа и к нему возвращается³⁷.

Грандиозные события, свидетелем которых он был, превращаются у него только в эпизоды истории, частные случаи, а раз это случайности, то возможна альтернативность развития. В подтверждение можно привести такие доводы Шатобриана: за последние сорок лет все правительства падали из-за своих ошибок; Людовик XVI мог бы спасти корону и жизнь; Бонапарт основал бы династию, если б не бросился вниз с высоты своей славы; без ордонансов июля французский трон еще бы стоял. Альтернативность истории кроется у него во взаимодействии двух сил – силы людей и силы вещей: когда одна – в оппозиции другой, ничего не выполняется³⁸. Возможно, в этом он был последователем Монтескье. Шатобриан считал, что имитация опасна и то, что хорошо для одного народа, то редко подходит для другого, а если конституция не соответствует народу, все вернется к порядку, который ему подходит – «единственно силой вещей»³⁹.

История революций во Франции заставила его искать гарантии стабильности в обществе и в конце жизни он пришел к выводу: надо избегать крайностей в политике, поэтому порицал республиканцев за их склонность к насилию, а монархистов – за ретроградство.

Революция для Шатобриана – это спрессованность событий и времени, ускорение Истории, интенсивность государственных изменений, воплощение невероятной энергии масс, огромного напряжения жизни единичной личности. Он различал революцию просвещенную и народную (склонную к деспотизму). Взятие Бастилии представлялось ему эмансипацией народа и предвестием падения трона. Народ выросал до исполина: вот и Наполеон – этот «народ на троне», олицетворял энергию революции, победителя анархии и королей, являл собой контраст между масштабностью действий и жалкими результатами, потому что стал душителем

³⁶ Ibid. P.251, 262, 252.

³⁷ Chateaubriand. Mémoires... T.3. P.265, 253.

³⁸ Ibid. P.545, 667.

³⁹ Chateaubriand. Essai... T.2. P.74, 139.

свобод⁴⁰. При всем том и Наполеон, и социальные катастрофы – только эпизоды истории.

В течение всей своей жизни Шатобриан оставался врагом революций, и не только потому, что альтернативой им могли быть разумные реформы – без потрясений, преступлений и несправедливости (во имя обретения свободы), но и потому, что революция обесценивала человеческую жизнь. Как гуманист, Шатобриан ставил человека выше революций, ибо понимал, что в нем заключен особый мир, не подчиненный векам, что история – это человеческая вселенная, которая составляется из всех индивидуальных существований на глазах у Бога⁴¹.

Он считал, что познал секрет революций: существующее положение всегда кажется наилучшим и возбуждает ненависть. С ними он связывал культ силы, утрату морали, необузданность страстей и ослабление религии – все то, что убивало свободу (которую могли защищать только законы и добродетели)⁴².

Шатобриан отверг принцип мерить современный мир прошлым. Идея развития стала органичной чертой его взглядов, пришло понимание необходимости хранить традицию, не отвергать нового, но корректировать его ценностями прошлого, идти в ногу со временем и сохранять свое достоинство.

⁴⁰ *Chateaubriand. Mémoires...* T.1. P.217, 218, 408, 276. T.2. P.399.

⁴¹ *Ibid.* T.1. P.591. *Essai...* T.2. P.103.

⁴² *Chateaubriand. Essai...* T.2. P.280, 281, 98. *Mémoires...* T.3. P.665.

А.В.Гладышев (Саратов)

Сен-Симон: деньги для «улучшения участи человечества»

Клод-Анри де Рувруа Сен-Симон (1760-1825) происходил из знатного дворянского рода, который, по семейной легенде, вел свое происхождение от императора Карла Великого¹. В XVIII веке наиболее знаменитым из этого рода был герцог Луи де Рувруа Сен-Симон – автор «Мемуаров» и судья своей эпохи, которому Клод-Анри приходился внучатым племянником. Аристократическое происхождение Сен-Симона укрепило в нем с детства уверенность, что ему предначертано совершить нечто великое. С известной долей амбиции он в 15 лет приказал слуге будить его по утрам словами, ставшими со временем шутливо-афористичными: «Вставай-те, граф, вас ждут великие дела».

Мессианское ощущение «великих дел» не покидает Сен-Симона и позже. Молодым офицером он принял участие в войне английских колоний в Северной Америке за независимость, участвовал в пяти компаниях, девяти морских сражениях, был дважды ранен. Однажды, фрегат «Вилль де Пари», на котором он плыл, был захвачен с боем англичанами, контуженого Сен-Симона приняли за погибшего и едва не выбросили за борт. Подписанный мир возвращает ему свободу из ямайского плена, Сен-Симон попадает в Мексику, где он, если верить его собственным свидетельствам, предлагает вице-королю проект канала, соединяющий Тихий и Атлантический океаны. Идея была встречена прохладно, и от нее пришлось отказаться. Тогда реализация подобного плана была весьма сомнительной, несостоятельность проекта позднее признавалась и самим автором². Это первое, известное нам, из «великих дел» Сен-Симона – коммерческий проект: семья Сен-Симонов испытывает финансовые трудности³.

¹ Сомнения в правдивости этого предания см.: *Dautry J. Le Comte de Saint-Simon et Dieux // Revue internationale de philosophie. 1960. №53-54. P.321.*

² *Saint-Simon. Textes choisis. Paris, 1951. P.48.*

³ «Достоинство герцога-пэра и испанского гранда, а также 500000 ливров ренты, которыми располагал герцог Сен-Симон, должны были перейти ко мне, – вспоминает Клод-Анри, – но герцог порвал с моим отцом и лишил его наследства». – *Сен-Симон. Избранные сочинения. М.-Л., 1948. Т.I. С.95.*

К.-А.Сен-Симон был старшим сыном и вторым из девяти детей графа Балтазара Анри Сен-Симона Сандрикурта. Младший сын ветви Сандрикуртов Балтазар-Анри женился 26 июня 1758 г. на своей осиротевшей племяннице Бланш-Елизавете, дочери покойного маркиза Анри Сен-Симона и Бланш-Луизы Закарриа, маркизы де Ботта по первому браку. Отношения с отцом не сложились с детства, а мать Сен-Симона была серьезно больна. Семейная переписка Сен-Симонов полна намеков и полунамеков на ее «нервную болезнь», за которыми скрывается болезнь психического характера: Бланш-Елизавета впала в детство. В 1783 г. граф Балтазар умирает, Клод-Анри возвращается во Францию, но на наследство рассчитывать не приходится, так как отец был разорен. Средства к существованию могло дать имущество матери, которая владела поместьем Фальви. Но в многодетной семье, среди незамужних сестер, приходится рассчитывать только на себя⁴.

Сен-Симон служит в должности помощника командира Аквитанского полка. В Гааге (1785 г.) он разрабатывает план военной экспедиции против англичан в Индию, но этот проект срывается и, несмотря на то, что ему присваивают чин полковника (1786 г.), он оставляет армию. Сен-Симон не хочет проводить время, как его некоторые друзья из аристократов, между двором Людовика XVIII и провинциальным гарнизоном.

«Я столь мало добивался благосклонности Двора, утомленного праздностью, к которой во Франции... приговорили бывшее дворянство, ...не имея абсолютно ни су отцовского наследия, я оставил мое государство, чтобы в Испании с пользой распорядиться моим временем и моими талантами», — вспоминает Клод-Анри⁵.

Материальное положение, с одной стороны, а, с другой, «великие дела» зовут его в Испанию (1787 г.). Испанское правительство задумало построить канал, соединяющий Мадрид с морем, но не имело рабочих и денег. Совместно с графом Франсуа де Кабаррюсом, директором банка Сент-Шарль, он разрабатывает финансовый план поддержки этого проекта. Суть такова: банк предоставляет правительству необходимые средства, если король откажется в пользу банка от прибылей при эксплуатации канала. Не ясно, како-

Отец Клода-Анри был вынужден в 1755 г. продать земли Сен-Симонов в Пикардии.

⁴ «Я никогда ни от кого не получал наследства, не имел иных средств, кроме доходов от моих трудов», — вспоминает Клод-Анри в 1808 г. — *Сен-Симон. Избранные сочинения*. Т. I. С. 96.

⁵ Цит. по: *Leroy M. La vie véritable du comte Henri de Saint-Simon*. Paris. 1925. P. 129.

ва именно была бы финансовая выгода от этого проекта самому Сен-Симону, но можно быть уверенным, что она планировалась. Французская революция помешала этому предприятию. Еще находясь в Испании, Сен-Симон задумал новую комбинацию. Он возвращается во Францию осенью 1789 г. не из-за того, что «его позвала революция», а потому, что появилась возможность нового предприятия, более доходного, чем канал «Мадрид-Атлантика».

2 ноября 1789 г. Учредительное собрание передает земли церкви в распоряжение нации. По закону 14-17 мая 1790 г. в основу порядка продажи национальных имуществ был положен принцип конкурсной продажи с торгов. Располагая средствами, можно было покупать земли оптом и перепродавать частями. Распродажа национальных имуществ – конфискованных революцией земель церкви, короля, эмигрантов – была актом способствовавшим решению не только аграрного вопроса, но и финансовых затруднений революционного правительства, актом, ударявшим по контрреволюционерам и священникам. Покупка земель велась во имя революции, приобретать имущества считалось патриотично, это была своеобразная демонстрация доверия революции, убежденности в необратимости революционных реформ.

Клод-Анри задумал пуститься в земельные спекуляции. Какие цели он преследовал? Казалось бы, очевидный вопрос, но здесь-то нас и подстерегает неожиданность.

«Я желал состояния только как средства организовать большое индустриальное предприятие, основать научную школу усовершенствования, способствовать, одним словом, успехам просвещения и улучшению участи человечества – таковы были истинные цели моих стремлений», – утверждает Сен-Симон в 1808 г.⁶

В другом месте он назовет это «филантропическим проектом», который «имел целью создать большое учреждение для общественной пользы».⁷

В автобиографических заметках 1812 года Сен-Симон возвращается к своим спекуляциям эпохи революции и вспоминает: «Революция уменьшила состояние моей матери, так же как и двух моих богатых дядей, наследство которых я должен был получить; я искал возмещения убытков в спекуляциях на церковных землях. Я чувствовал необходимость возместить убытки; в то же время я задумал самый прекрасный научный проект [имеется в виду «учреждение просвещения»], который без необходимых для его осуществления денег был лишь душой без тела».⁸

⁶ *Saint-Simon. Textes choisis.* Paris, 1951. P.49.

⁷ *Saint-Simon. Oeuvres.* Paris, 1966. V.I. P.120.

⁸ *Gouhier H. La Jeunesse d'August Comte et la formation du positivisme. T.II. Saint-Simon jusqu' à la Restauration.* P.353. В «Предварительном очерке» он писал, что его мать перед революцией имела 100000 ренты, к 1812 г. ее состояние Сен-Симон оценивал в 12000 или 15000.

Цену этих «высоких» объяснений спекуляциям снижает тот факт, что все они – реминисценции. От того периода, когда Сен-Симон непосредственно занимался куплей-продажей земель, или, когда он вел образ жизни нувориша, не сохранилось неопровержимых доказательств, что конечной целью накопления богатств должна была стать филантропия. Он об этом заговорил, кажется, только тогда, когда деньги уже кончились. Правда, нет веских оснований и совсем ему не верить, тем более что на практике в годы революции он не был чужд локальной филантропии. К тому же от революционного периода вообще обнаружено очень мало писем Сен-Симона, если не считать чисто деловых записок. Что же касается собственно «спекуляций», то сами по себе они – тривиальный факт, который имеет значение в жизни Сен-Симона, только если их целью было действительно «улучшение участи человечества».

Сен-Симон не имел первоначального капитала для спекуляций. Он безуспешно обошел в Париже около семи финансистов, обратился, в том числе, и к Лавуазье, который, однако, «побоялся скомпрометировать себя перед революцией, вступив в то, что его друзья называли Черной Бандой».⁹ Деньги предоставил прусский дипломат барон Редерн, с которым Клод-Анри познакомился еще в Испании. Масштабные инвестиции Редерна позволят Сен-Симону утверждать, что его деятельность еще и тем была полезна революционному правительству, что привлекала во Францию иностранный капитал¹⁰. Были и другие компаньоны, многие знакомые и друзья делали через него покупки. Банкиром и, вероятно, компаньоном был прусский подданный Перрего. Сен-Симон предлагает следующие условия: акционеры получают 5% годовых от суммы взноса и, по истечении срока действия компании, 25% – премиальных. Сен-Симон ежегодно, в течение всего срока действия компании получает как заведующий 12000 франков. После закрытия компании, оставшееся имущество поровну делится между Сен-Симоном и финансистами¹¹. Видимо Клод-Анри не рассчитывает на большие прибыли и выговаривает себе фиксированную зарплату.

В январе 1791 г. был заключен окончательный договор с Редерном. Этот факт совершенно не выделяется биографами Сен-

⁹ Побоялся, как пишет Ж.Мишле, напрасно: наоборот, это дело «могло бы спасти его от гильотины». – *Michelet J. Histoire de la Révolution. Paris, 1848. V.3. P.220.*

¹⁰ *Leroy M. La Vie véritable... P.134, 144.*

¹¹ *Leroy M. Les Spéculation fonciers des Saint-Simon et des querelles d'affaires avec son associé le comte de Redern // Revue d'histoire économique et sociale. 1925. V.13. P.126.*

Симона. Между тем, возможно именно тогда решилась судьба Клода-Анри. Договор был устный. Якобы, Сен-Симон тогда заявил, что он «никогда не решится на то, чтобы оговаривать прибыли с таким другом как Редерн» и было решено, что барон по окончании операций предоставит заведующему компанией такую сумму, какую сочтет нужной¹². Можно ли назвать Сен-Симона «деловым человеком»? Семена будущих раздоров посеяны. Первая сен-симоновская покупка состоялась 1 февраля 1791 г. Уже в феврале приобретения были сделаны на сумму более 59 000, а к марту, как это видно из письма Сен-Симона Перрего от 13 марта 1791 г. – на 800000 франков. Но богатства еще не было. Тогда казалось, что задуманное предприятие принесет не такие уж и большие материальные выгоды. М.Леруа, подчеркивая связь стремлений и дел Сен-Симона, указывал, что часть своих земельных приобретений он продавал по ценам «близким к тем, какие были им самим заплачены», что он, скупая земли целиком, а продавая их мелкими участками, тем самым «соединял свободного крестьянина и землю», и что, таким образом, он был «в качестве санкюлота покупателем национальных имуществ» или даже «санкюлотом в качестве покупателя национальных имуществ»¹³. Список лиц, для которых Сен-Симон приобретает земли, насчитывает 112 фамилий. М.Леруа указывал, что в некоторых деревнях севера Франции еще после первой мировой войны parcelлы, купленные Сен-Симоном для отдельных лиц, оставались в руках тех же фамилий¹⁴.

Сен-Симон проявляет энергию (это видно из его писем Перрего): он торопит компаньонов с деньгами, добивается в местной администрации отсрочек платежей за приобретенные земли, объясняет своим компаньонам, что перерасходы связаны с «безумной надбавкой цены на аукционе»¹⁵. Он полностью поглощен финансовыми операциями, в цитируемом выше письме Перрего от 14 июня 1791 г. он даже не вспоминает о годовщине взятия Бастилии. Кажется ничто не может его отвлечь: «это энергия была нужна, а не деньги, чтобы возобновить в Камбрэ продажу национальных имуществ в тот день, когда в городе узнали о бегстве короля...», – будет он потом вспоминать¹⁶. Редерн – главный финансист предпри-

¹² Ibid. P.135.

¹³ Leroy M. La Vie véritable... P.132, 135-136. Idem. Les Spéculation fonciers... P.133-163.

¹⁴ Ibid. P.152-153.

¹⁵ Ксерокопии этого письма, хранящегося в Staatsbibliothek Preussischer Kulturbesitz Berlin, любезно предоставлены автору К.М.Андерсоном.

¹⁶ Leroy M. La Vie véritable... P.150.

ятия, Сен-Симон постоянно скрупулезно отчитывается за все расходы квитанциями. 1 октября 1791 г. он пишет из Перонны Перрего: «Согласно письму, которое я получил вчера от мсье Редерна, он прибудет сюда завтра или послезавтра, а затем будет постоянно в разъездах. Для устройства наших дел необходимо, чтобы мы имели все бумаги на приобретения, которые я сделал...»¹⁷ Клод-Анри в первую очередь заботится об интересах Редерна¹⁸.

С 1792 года положение изменилось. Имуущества покупались в рассрочку, и со сравнительно небольшим капиталом можно было делать громадные приобретения. Правительство, стараясь ускорить распродажу, снижало цены. Так, в дистрикте Камбрэ в 1791 г. один гектар земли стоил 577 ливров, а в 1792 – 452 ливра¹⁹.

За земли расплачивались специальными правительственными денежными обязательствами – ассигнатами, которые котировались как ценные бумаги и выполняли функцию денег в сделках с национальными имуществами. Увеличение выпуска ассигнат привело к их обесцениванию. Падение ассигнат и принесет Сен-Симону львиную долю его миллионной прибыли. Депрессия ассигнат вдохновляла легкие и плодоносные спекуляции. Как свидетельствует посол Испании в Париже Фернан Нуњос, основавший с 1790 г. подобную сен-симоновской компанию по спекуляциям, чистая прибыль доходила до 50-60%²⁰. Благодаря официальной системе ежегодных платежей в счет долга и своим комбинациям Сен-Симон всего смог приобрести земли более чем на 4 миллиона, располагая капиталом около 600 000. Он выходит в авангард дельцов подобного рода, мечта детства о «великих делах», казалось, сбывается. Но... 19 ноября 1793 года он арестован. Причины для ареста Сен-Симона якобинцами были²¹, но они не имели непосредственного отношения к коммерческой деятельности «гражданина Бонома», как он себя решил именовать. Даже в своем письме из тюрьмы в Комитет общественной безопасности он пишет, что земельные

¹⁷ РГАСПИ. Ф.224. Оп.1. Д.29. Л.1.

¹⁸ Письма Сен-Симона Перрего из Перонны в Париж от 5 и 16 сентября 1792 г. Не дождавшись денег от мадам Фонтена, Сен-Симон предлагает «ликвидацию» ее покупок, так как они делались на средства Редерна. – См.: РГАСПИ. Ф.224. Оп.1. Д.13/1 Л.1 и Д.13/2. Л.1.

¹⁹ Lefebvre G. Les Paysans du Nord pendant la Révolution française. Paris. 1924. Т.1. P.475.

²⁰ Leroy M. La vie véritable... P.147.

²¹ См.: *Гладышев А.В.* К вопросу об аресте К.-А. Сен-Симона осенью 1793 года // Новая и новейшая история. Вып. 12. Саратов. 1989. С. 163 -172.

спекуляции были его «основным занятием»²², т.е. он уверен, что это не может его опорочить в глазах революционеров.

28 августа 1794 Сен-Симон выходит из парижской тюрьмы и уезжает в Пикардию. Пока он находился в тюрьме, плоды его спекуляций даже приумножились: агенты делали покупки на его имя²³. Когда Сен-Симон приезжает в Париж, то при встречах с нотариусами и различными предпринимателями именуется «земледельцем»²⁴. Сен-Симон продолжает с удвоенной энергией свои операции с национальными имуществами. Он приобретает городскую недвижимость в Нейлли и Пасси и леса в Булони²⁵.

Но помимо этих проверенных операций, его охватывает лихорадка создания торговых и промышленных предприятий. Он поселяется в Бюсси, родовом поместье его близкой знакомой маркизы Фоллевилль. В декабре 1794 г. в этой коммуне Сен-Симон открывает небольшое предприятие по производству батиста. Администрация Бюсси свидетельствует, что Сен-Симон организовал обучение жителей «передовой промышленности, что будет очень полезно для коммун»²⁶. Еще одним проявлением «индустриализма» Клода-Анри стал выпуск «республиканских» игральные карты. «В голове гражданина Сен-Симона родилась идея новых карт, — цитирует маркиза де Креки рекламный проспект от 3 января 1795 г., — соответствующих по своей моральной цели французской революции. Новые карты должны рассматриваться как Учебник революции»²⁷. Суть в том, что привычные монархические символы заменены революционными. Вместо «туза», «короля», «дамы», «валета» предлагаются «закон», «гений», «свобода», «равенство». Например, «валет пик» или «равенство пик» изображается в виде санюлота с пикой в руке, колпаком свободы на голове, располо-

²² *Saint-Simon. Textes choisis.* Paris, 1951. P.58.

²³ *Gouhier H.* La Jeunesse d'August Comte et la formation du positivisme. T.II. Saint-Simon jusqu' à la Restauration. P.86; *Dondo M.* The French Faust Henri de Saint-Simon. New-York. 1955.P.69.

²⁴ *Dautry J.* Claude-Henri de Saint-Simon // *Saint-Simon. Textes choisis.* Paris, 1951. P.16.

²⁵ Приобретать земли было легче, чем леса, мельницы и фабрики: за последние требовалось немедленно внести 30% цены, за дома в городах — 20%, а за пашенные земли и строения для их эксплуатации — только 12%.

²⁶ *Dautry J.* Saint-Simon et la Révolution nécessaires // *Annales Historiques de la Révolution Française.* 1966. № 184. P.29.

²⁷ *Créquy R.C. de.* Souvenirs de marquise de Créquy de 1710 a 1803. Paris. 1835. T. 7. P.93-94 et sq. См. также: *Leroy M.* La Vie véritable... P.173-175.

жившегося на камне от Бастилии²⁸. Согласимся с М. Дондо, который сомневается, что подобное мероприятие – результат исключительно сен-симоновского республиканизма; выпуск новых игральные карт преследовал и коммерческие интересы²⁹. Но о прибыльности этого предприятия, как и фабрики в Бюсси, говорить очень трудно.

Место спекулянта национальными имуществами занимает более разносторонний предприниматель. Он открывает бюро комиссионных услуг, магазин по продаже вина в розлив, получает патент торговца от секции Хлебного рынка, возможно, он был причастен к торговле глиняной посудой в департаменте Сены и Уазы. Наконец, он основывает компанию дилижансов «Учреждение Сен-Симон»³⁰. Насколько это предприятие было выгодным? В 1812 г. Сен-Симон будет уверять, что оно приносит 80000 франков ренты, а «принесило бы еще больше, если бы был принят план, который я задумал». Эта кампания была передана Редерну «со всеми другими имуществами, которые составляли наше общее состояние»³¹.

Сен-Симон открывает салон. В стиле дня он ведет княжеский образ жизни: у него роскошный особняк, 20 слуг, метрдотель от герцога Шуазеля, шеф-повар от герцога Дюра, секретарь от кардинала Берни. Редерн, который одно время жил у Клода-Анри на улице Шабонне, указывает, что дом Сен-Симона был переполнен гостями. Бывший Жак Боном времен подъема революции окружает себя лакеями, его стол – один из самых изысканных в Париже. Он был «одним из королей Парижа, королем наподобие таких сеньоров XVIII века, как Гольбах или Гельвеций, как Дюра или Шуазель», – писал М. Леруа³². На пороге своей кончины XVIII век вновь при-

²⁸ *Dautry J.* Saint-Simon et la Révolution nécessaires // *Annales Historiques de la Révolution Française*. 1966. №184. P.30.

²⁹ *Dondo M.* The French Faust Henri de Saint-Simon. N.Y., 1955. P.72-73.

³⁰ *Gouhier H.* La Jeunesse d'August Comte... T.II. P.87; *Dautry J.* Claude-Henri de Saint-Simon // *Saint-Simon. Textes choisis*. P.17; *Manuel F.* The new World of Henri Saint-Simon. Cambridge, 1956. P.43. Был издан соответствующий проспект «Учреждения Сен-Симон, улица Булуа, отель Ферме», рекламирующий открытие с 1 апреля 1797 г. службы дилижансов между Парижем и Бордо; 24 августа в журнале «Паризьен» было объявлено об открытии маршрута до Кале и Дувра; 20 сентября 1797 г. появилась по этому поводу заметка в «Журналь дез ом либр». – *Vautuier G.* Etablissement Saint-Simon, Rue du Bouloy à Paris // *Annales Historiques de la Révolution française*. 1925. T.2. №11. P.492-493.

³¹ Mémoire introductif de M. de Saint-Simon sur sa contestation avec M. de Redern // *Gouhier H.* La Jeunesse d'August Comte... T.II. P.354.

³² *Leroy M.* La Vie véritable... P.184.

обрел улыбку распутника и чувственное сердце; под маской трагедии возвращается легкая душа времен регентства.

Сен-Симон ведет образ жизни достойный его предков, но он еще и эпатурует публику. «Его видели, например, – вспоминает его племянник Виктор, – разъезжающим в фазтоне по Елисейским полям на прекрасных лошадях, одетого в широкие китайские панталоны и жилет как у гарсона из кафе»³³. Образ жизни Клода-Анри даже стал предметом критики в одном из памфлетов, подписанном «Де Лепин, профессор, член многих литературных обществ». В этом памфлете собраны многие сплетни о Сен-Симоне времен Директории. Автор пишет: «говорят, что в своих чрезмерностях он стремился перещегоолять знаменитого регента и его кардинала, что он лучше их воспроизводил языческие сатурналии, мистерии *Vonpe-Mere* и имитировал оргии... Амант многих куртизанок, он перещегоолял своими «маленькими ужинами», на которых все ходили голыми, знаменитые *Parc-au-Cerf* и *Oeil-de-boeuf*»³⁴. Любопытно, что Сен-Симон в 1812 г. будет требовать от Редерна компенсации расходов на содержание салона времен Директории, с февраля 1796 по октябрь 1797 г. Редерн отказывается разделить издержки, но, может быть, Сен-Симон имеет в этом споре свои зоны: жить на широкую ногу, принимая парламентариев, литераторов, поддерживать имидж удачливого нувориша было далеко не бесполезно для дельца, который нуждался в связях в администрации и делал большие приобретения в кредит. Не бесполезно не только лично для Клода-Анри, но, в первую очередь, для их совместного с Редерном дела. Сен-Симон склонен рассматривать некоторые свои личные расходы как расходы компании, которые мы сегодня отнесли бы в графу «представительские расходы».

В феврале 1796 г. между Сен-Симоном и Редерном происходит первый раздел, Редерн обвиняет компаньона в «пренебрежении денежными интересами». Проблема – в прибыльности разнообразных коммерческих начинаний Клода-Анри. Г.Гуйе считал, что именно эти новые опыты и стали причиной финансового краха Сен-Симона³⁵. В конце сентября в Париж возвращается Редерн и видит, что «положение дел очень изменилось. Сен-Симон без разбору вступил в ассоциации с различными людьми... Он имел столь необычное мелкое тщеславие, что потребовал, чтобы на дверях

³³ *Thuillier A. Saint-Simon en 1812-1813 // Revue d'histoire économique et sociale. 1971. №1. P.91.*

³⁴ *Gouhier H. La Jeunesse d'August Comte... T.II. P.99, note.*

³⁵ *Gouhier H. La Jeunesse d'August Comte... T.II. P.152.*

экипажей значилось его имя»³⁶. Редерн, на которого оказывает давление его сестра графиня Столберг, также вложившая свои деньги в ассоциацию, упрекает Сен-Симона в излишнем риске и чрезмерных расходах, хочет установить свой контроль над финансовыми потоками. Отношения между компаньонами обостряются.

«Прибытие Редерна перевернуло мои планы, я обманывался на счет этого компаньона... Дороги, которыми мы следовали, были различны; он направлялся в топкие болота, посреди которых возвысилось свой замок богатство, тогда как я взбирался на крутую и безводную гору, на вершине которой стоит алтарь славы. Мы поссорились, Редерн и я, в 1797 году»³⁷.

Разрыв с Редерном Сен-Симон был склонен трактовать как «философскую измену» последнего, отказавшегося от поисков пути «улучшения участи человечества», любившего богатство ради богатства, а не как средство осуществления планов общественного переустройства. В начале 1798 г. последовал еще один раздел имущества, и этот раздел был неблагоприятен для Сен-Симона.

«За время от 1790 до 1797 г. я вел очень выгодные спекуляции и был бы богат, если бы научные занятия не заставили меня пренебречь денежными интересами... Редерн добивался богатства, а же стремился к славе. В денежном отношении я должен был быть им обманут; так и случилось»³⁸.

Своими «денежными интересами» он пренебрег в том смысле, что не уследил за компаньоном и оплошал. Клод-Анри либо действительно легкомысленно подошел к этому разделу, либо просто не смог добиться тогда от Редерна ничего большего, но, так или иначе, он остался с довольно скромной для его размаха суммой³⁹. Через 10 лет, Сен-Симон будет доказывать, что он рассматривал эту сумму только как «предварительное удержание из доходов», что он верил в честность компаньона, считал его другом и полагал, что состояние может без всяких опасений быть передано в руки Редерна, пока сам он будет «совершать свой путь открытий»⁴⁰.

³⁶ *Redern J.E. de. Mémoire sur mes anciennes relations d'affaires avec M. de Saint-Simon. Caen, 1812. P.7.* Редерн явно не в курсе: это закон от 29 августа 1790 г. предписывал на каждом экипаже снаружи указывать имя владельца.

³⁷ *Saint-Simon. Oeuvres. T.I. P.19.*

³⁸ *Сен-Симон. Избранные сочинения. Т. I. С.96.*

³⁹ Сен-Симон вспоминает: «Это в 1798 г. я начал научную карьеру. Я обладал в то время суммой в 144000 ливров... Я полагал, что суммы в 144000 ливров мне хватит, чтобы довести мое предприятие до цели, и что я добьюсь уважаемого научного места до того, как деньги будут израсходованы». — *Saint-Simon. Textes choisis. P.51.* При разделе Сен-Симон еще выговорил ежегодную ренту в 1800 франков для своей любовницы Шарлотты Тийе, от которой он имел дочь Каролину. — См.: *Manuel F. Op. cit. P.47, note.*

⁴⁰ *Сен-Симон. Избранные сочинения. Т.I. С.97.*

Куда Сен-Симон тратит оставшиеся деньги? Недалеко от Политехнической школы он открывает салон, в который приглашает ученых. Таким оригинальным образом он хотел, с одной стороны, поддержать ученых, с другой, – пополнить свои знания:

«Я употребил свои деньги для приобретения знаний; обильное угощение, хорошее вино, много внимания к профессорам, для которых кошелек мой был всегда открыт, доставили мне все возможности, каких только я мог желать»⁴¹.

С 1798 г. для Сен-Симона начинается новая жизнь. Рождается новый человек: аферист уступает место философу, – писал М.Леруа⁴². Но был ли этот разрыв так глубок, как это рисовали сам Клод-Анри и такие его апологеты, как М.Леруа?

Увлечение науками совершенно не означает, что Сен-Симон потерял всякий интерес к деньгам. В начале 1798 г. он отправляется в Брюссель для встречи с крупнейшими банкирами, чтобы разрекламировать свой новый проект. Из Брюсселя он пишет Перрего письма (от 28 февраля и от 3 марта 1798 г.), из которых следует, что он озабочен проектом создания коммерческого дома и банка, который будет «уникальным»⁴³. 9 сентября 1798 г. Сен-Симон собирает у себя банкиров и предпринимателей, среди которых были Перрего и Редерн, и за обедом раскрывает перед ними свой грандиозный проект универсальной организации. Он доказывает банкирам необходимость обновления морали и предлагает создать гигантский банк, доходы от которого будут служить для выполнения полезных человечеству работ. В течение 4 или 5 часов он испытывает терпение слушателей, уговаривая их внести в общий фонд 1200000 франков и скупить для создания мирового банка все дома вокруг отеля Ферме в Париже. Грандиозность этого предприятия, по мнению Сен-Симона, должна была поразить фондовую биржу и обеспечить доминирующие позиции их консорциуму. Используя Париж как трамплин, можно было завоевать главные финансовые рынки мира и установить над ними контроль⁴⁴. Важна цель предприятия – торжественное учреждение «нового морального порядка». Сен-Симон назовет это «проектом прямого воздействия на

⁴¹ Там же С.93. Это чем-то напоминает масонскую практическую филантропию Н.И.Новикова, который был неплохой делец и альтруист в одном лице, богател и раздавал деньги, сам оставаясь почти нищим.

⁴² Leroy M. *La vie véritable...* P.186-187.

⁴³ Gouhier H. *La Jeunesse d'August Comte...* T.II. P.101; *Manuel F. Op. cit.* P.46.

⁴⁴ Weill G. *Un Précurseur du socialisme. Saint-Simon et son oeuvre.* Paris, 1894. P.15; *Manuel F. Op. cit.* P.46.

мораль человечества»⁴⁵. Установление контроля над мировыми финансами – только средство, а не самоцель. Если относительно спекуляций национальными имуществами мы вынуждены верить *позднейшим* заверениям Сен-Симона, что деньги ему были нужны лишь как средство улучшить участь человечества, то теперь он *заранее* ставит компаньонов в известность о конечных целях проекта. Однако эта доверительная импровизация не встретила поддержки финансистов, Редерн назвал ее вообще «галиматшей»⁴⁶.

Несмотря на неудачу своего проекта, Сен-Симон, кажется, не слишком беспокоится о деньгах, по крайней мере, он не жадничает. Салон его по-прежнему открыт для ученых. Он издает за свой счет «Курс медицинских наук» своего друга доктора Бурдена, оказывает финансовую помощь Пуассону, физику Арюну, химику Клуэ, хирургу Дюпюитрену. Он основывает «школу молодых ученых» или школу «Усовершенствования», нечто вроде бесплатных подготовительных курсов для поступающих в Политехническую школу. Для молодых людей 12-18 лет он «открывает свое сердце, свой кошелек, свой дом»⁴⁷. Как свидетельствует бывавший в салоне Сен-Симона Фурки: «он не был из тех философов, о которых Руссо сказал, что они увлекаются безграничной любовью к человечеству, не потрудившись полюбить своих соседей»⁴⁸. Сен-Симон вспоминает в 1812 г.: «более 142000 франков были потрачены в этом направлении. Я не буду по этому поводу вдаваться в детали»⁴⁹.

Одним словом, в течение трех лет после раздела имущества с Редерном деньги были потрачены. С той поры материальное положение Клода-Анри, как он сам признавался, было почти всегда «очень тягостным». Он ищет новые источники дохода, испытывая затруднения в возврате долгов. В письме Перрего от 21 февраля 1802 г. Сен-Симон извиняется, что «опаздывает с возвратом суммы, которую ему ссудили». Уже тогда он сетует на задержку платежа со стороны Редерна, который барон должен был сделать по соглашению о разделе имущества: «Редерн мне еще не заплатил, что и заставляет меня просить об отсрочке». В конце письма Сен-

⁴⁵ *Saint-Simon. Textes choisis. P.50.*

⁴⁶ *Dautry J. Claude-Henri de Saint-Simon... P.18.* Окончательный раздел имущества между бывшими компаньонами произойдет в августе 1799 г. Юридической стороной вопроса занимался друг Редерна нотариус Риуз.

⁴⁷ Вера, без сомнения, непомерная, слепая, но достойная восхищения». – *Michelet J. Histoire du XIX siecle. Paris. 1875. T.I. P.181.*

⁴⁸ *Weill G. Op. cit.; Leroy M. La Vie véritable... P.185; Manuel F. Op. cit. P.49.*

⁴⁹ *Mémoire introductif... // Gouhier H. La Jeunesse d'August Comte... T.II. P.355.*

Симон сообщает Перрего, что «пустился в большую авантюру» и по этому случаю посылает банкиру вместо денег «небольшое издание»⁵⁰. Можно только догадываться, что это за «большая авантюра» и «небольшое издание». Январь-февраль 1802 г. – время, когда Сен-Симон пытается выступить в Лицее со своими импровизациями. От этих попыток осталась брошюра «Письма в «Общество Лицея» с беглым обзором предлагаемых для обсуждения вопросов»⁵¹. Возможно, это он и называет «большой авантюрой». В письме Перрего от 18 марта 1802 Сен-Симон признается: «никогда, мой друг, в своей жизни я не имел такой нужды в деньгах, как сейчас»⁵². В точно не датированном письме 1802 г. из Женевы Билли, профессору математики в военной школе в Фонтенбло Сен-Симон, извиняясь за свое молчание, вновь обещает вернуть долги, просит его высказать свое мнение по поводу брошюры, которую он ему послал, и сообщает, что работает уже над новой статьей⁵³. Возможно, под брошюрой имеются в виду все еще «Письма в «Общество Лицея», а, возможно, уже «Письма женеvского обитателя», первое издание которых появилось в конце 1802 г.⁵⁴

В «Письмах женеvского обитателя» Сен-Симон предлагает научно-коммерческий проект: «Откройте подписку перед могилой Ньютона». Собранные деньги («подписывайтесь без различия на любую сумму») по результатам закрытого голосования подписчиков должны распределяться через Лондонское Королевское общество, президентом которого до конца своей жизни был Ньютон, между «тремя математиками, тремя физиками и т.д., которые получают наибольшее число голосов». Этой мерой, обращается Сен-Симон к современникам, «вы создадите вождей тем, кто трудится над развитием вашего просвещения, вы облечете этих вождей огромным уважением и предоставите в их распоряжение большую денежную сумму». Средства Сен-Симона, которыми он поддерживал в годы Директории молодых ученых Политехнической школы иссякли, он призывает к коллективным действиям для вознаграждения гениев:

«действуя к о л л е к т и в н о для вознаграждения гениальных людей, человечество отвлечет их от занятия ч а с т н ы м и интересами отдельных групп... Подобное положение побудит гения к работе, так как

⁵⁰ РГАСПИ. Ф.224. Оп. 1. Д.13/5. Л.1.

⁵¹ См.: Гладышев А.В. Сен-Симон в интеллектуальной жизни Франции эпохи Консульства // Новая и новейшая история. Саратов. 2000. С.59-77.

⁵² РГАСПИ. Ф.224. Оп.1. Д.13/6. Л.1.

⁵³ РГАСПИ.Ф.224. Оп.1. Д.5. Л.1.

⁵⁴ См.: Martin P. Saint-Simon et sa Lettres d'un habitant de Geneve à l'Humanité (1802-1803) // Revue d'histoire Suisse. 1925. V.5.

создадутся, наконец, премии, достойные любви к славе... Какое прекрасное занятие – труд на благо человечества!»⁵⁵

Сен-Симон ничего, казалось бы, не выговаривает в материальном отношении для себя лично: не видно, чтобы он претендовал войти в двадчатку мировых гениев. Но он стремится привлечь внимание к себе и своему проекту. Сохранилось его письмо из Женевы непосредственно Наполеону, опубликованное в 1825 г. Альфредом Перейрой. Это письмо сопровождало экземпляр «Писем женевского обитателя», посланный Бонапарту. Клод-Анри, в частности, пишет: «Я посылаю вам мой труд; он не очень объемный, но это не удивит вас, когда вы узнаете, что я большую часть своей жизни посвятил его обдумыванию»⁵⁶. Какие то видимые следы этого «обдумывания» в революционном прошлом Сен-Симона найти очень сложно. Единственной аллюзией могут служить спекуляции национальными имуществами, целью которых, якобы, являлось улучшение участи человечества, да салонная филантропия Сен-Симона рубежа веков. Сен-Симон отпускает несколько фамильярный комплимент в адрес «гражданина первого консула»:

«я осмелюсь вам сказать, что, по моему мнению, вы единственный из моих современников в состоянии о нем (о труде Сен-Симона – А.Г.) судить: если вы будете добры не проигнорировать суждение, которое я вам посылаю, вы мне доставите очень большое удовольствие».⁵⁷

Издание «Писем женевского обитателя» не только не поправило, но еще более ухудшило материальное положение Сен-Симона. В письме Перрего от 4 декабря 1804 г. он пишет: «Я достиг состояния, когда должен жить продуктами ручного труда»⁵⁸. Он обращается за помощью к Риуэ, поверенному Редерна.

«Мой уполномоченный в Париже, – вспоминает Редерн, – писал мне в 1805 г., что он видел Сен-Симона в крайне бедственном положении. Я разрешил ему распоряжаться 100 франками в месяц на манер, который он сочтет наиболее полезным для Сен-Симона, но при этом тщателью скрывая, что это плачу я...»⁵⁹.

⁵⁵ Сен-Симон. Избранные сочинения. Т. I. С. 105-115.

⁵⁶ *Comte Henri de Saint-Simon. Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporaines, réimprimée conformément à l'édition originale et suivies de deux documents inédits: Lettre aux européens. Essai sur l'organisation sociale. Introduction par Alfred Pereire. Paris. 1826. P. LIX-LX.*

⁵⁷ Послание до адресата не дошло. Это письмо было найдено через 30 лет сен-симонистами в бумагах одного из секретарей Наполеона.

⁵⁸ Цит. по: *Gouhier H. La Jeunesse d'August Comte... T. II. P. 235.*

⁵⁹ С другой стороны, Риуэ добился помощи в 120 франков в месяц в тех же целях от другого бывшего делового партнера Сен-Симона, от Бехаго (Behague). – Ibid. P. 353-354.

Период Империи самый сложный в жизни Сен-Симона. Фигурально выражаясь, у Сен-Симона – ни су. Пышное прошлое оставило одни долги⁶⁰. Речь больше не может идти о том, чтобы он жил как деклассированный аристократ на манер буржуа, речь идет о том, чтобы он жил как деклассированный буржуа в интеллектуальной богеме, – остроумно подмечает Ж.Дотри⁶¹.

Сен-Симон обращается за помощью к своему соратнику по войне в Америке графу Луи-Филиппу Сегюру, который с 1801 г. был государственным советником, а с 1804 г. и гранд-метром церемоний императорского двора.

«Он прислушался к моей просьбе и добился для меня места служащего в ломбарде. Это было место копииста, оно приносило мне 1000 фр. за 9 часов работы в день⁶². Я работал здесь в течение шести месяцев; мой же личный труд был по ночам; я харкал кровью, мое здоровье было в очень плохом состоянии...»⁶³.

Потомок Шарлеманя, граф Клод-Анри де Рувруа де Сен-Симон в результате вмешательства боевого товарища графа Луи-Филиппа де Сегюра, стал переписчиком в ломбарде по решению префекта Сены от 14 октября 1806 г.⁶⁴ – таковы были возможности протекции. По счастливой случайности он встречает своего бывшего слугу Диара (некоторые биографы указывали, что Диар просто нашел совершенно больного Сен-Симона в придорожной канаве). Диар фактически содержит Сен-Симона на протяжении двух лет: «Я встретил Диара⁶⁵, который был мне предан с 1790 по 1797 гг.,

⁶⁰ «Уже три года, как мои средства израсходованы, и с этого времени мое денежное существование стало весьма тягостным», – пишет он в 1808 г. – *Saint-Simon. Textes choisis*. P.51. К тому же у него произошел разрыв с Бехаго: если верить Редерну, когда Бехаго был в Германии, «Сен-Симон воспользовался его отсутствием чтобы выпросить 1000 луидоров у мадам Бехаго, угрожая публикацией, в случае отказа, компрометирующих ее и мужа писем. Денег она не дала. Бехаго по своему возвращению нашел прием Сен-Симона низким и отказал ему в пенсии». Таким образом, начиная с еще точно не установленной даты, Сен-Симон имел только ежемесячные выплаты в 100 франков со стороны хозяйина замка Флер, но и то только до середины 1811 г. – *Gouhier H. La Jeunesse d'August Comte...* T.II. P.236.

⁶¹ *Dautry J. Claude-Henri Saint-Simon...* P.22.

⁶² Сен-Симон работал с 14 октября и получал сначала 1000 франков, в конце года зарплата была поднята до 1250 франков, но в начале 1807 г. снижена до 1200 франков – *Dautry J. Claude-Henri Saint-Simon...* P.51, note.

⁶³ *Saint-Simon. Textes choisis*. P.73.

⁶⁴ *Gouhier H. La Jeunesse d'August Comte...* T.II. P.237, note; *Manuel F. Op. cit.* P.78.

⁶⁵ Ж.Дотри обнаружил в Национальном архиве (F7/4677) досье полиции с письмами Диара, которые свидетельствуют «в пользу его ума». – *Dautry J. Claude-Henri Saint-Simon...* P.52.

когда я расстался с ним в момент своего разрыва с Редерном. Диар сказал мне: «Мсье, место, которое вы занимаете, не соответствует ни вашему имени, ни вашим способностям, я вас приглашаю жить у меня, вы можете располагать всем тем, чем располагаю я, работайте в свое удовольствие и вы восстановите справедливость»⁶⁶. Я принял предложение этого бравого человека, я переехал к нему и живу здесь более двух лет (с 1806 по 1808 г.), и за это время он с усердием выполнял все мои просьбы и оплачивал издержки на издание моих трудов. Какой стыд для графа Редерна!»⁶⁷ Сен-Симон написал эти строки в 1808 г., но он и потом живет у Диара и благодаря его деньгам издает с 1807 по 1810 г. «Введение в научные труды XIX века» (1807 и 1808), «Письма в Бюро долгот» (1808) и три брошюры о «Новой Энциклопедии» (1810).

Денег слуги не хватает. Сен-Симон пытается пересмотреть условия раздела. В 1807 г. между прежними компаньонами развернулась полемика. Сен-Симон в письмах от 21 мая, 22 июня, 1 августа настаивает на пересмотре условий. Редерн в письмах от 29 июля и 6 августа отвергает его притязания. Эти пять писем будут изданы отдельной брошюрой на 14 страниц в 1808 г.

21 мая 1807 г. Сен-Симон пишет своему бывшему компаньону: после ликвидации наших дел «я веду жизнь весьма бурную и мое нынешнее положение весьма неприятное. Я прошу вас пересмотреть наш раздел». Впрочем, был ли раздел? «Мое воображение представляет себе, что вы действовали больше как ментор, нежели как компаньон. Я думаю, что, объединяясь со мной таким образом, как вы сделали, вы имели намерение хранить меня, как грушу на случай жажды».

Не получив ответа, Сен-Симон 22 июня посылает новое письмо, он угрожает. В своем ответе 29 июля Редерн пишет, что вычеркнул слово «друг», которым Сен-Симон его наградил. Что же касается угроз Сен-Симона навредить репутации Редерна, то «они, — пишет Редерн, — вне комментариев». Репутация самого Клода-Анри «лишает его власти вредить кому-либо». Но, так как Редерн забыл ответить на поставленный вопрос, Сен-Симон 1 августа 1807 г. напоминает ему, что речь идет об исправлении несправедливостей их конвенций. Отповедь барона последовала незамедлительно — 6 августа 1807 г.: все дела урегулированы должным образом и здесь нет никаких вопросов⁶⁸.

⁶⁶ С мая по ноябрь 1807 г. между Сен-Симоном и Редерном велась оживленная переписка, из которой видно, что в ноябре Сен-Симон имел секретаря, оплачиваемого Диаром.

⁶⁷ *Saint-Simon. Textes choisis*. P.52.

⁶⁸ Цит. по: *Gouhier H. La Jeunesse d'August Comte T.II. P.238.*

Тогда Сен-Симон меняет тактику, он пытается обратиться к третейскому суду, он апеллирует к своему другу, сенатору Буасси д'Англа в письме от 2 ноября 1807 г., заставляя его вмешаться в спор с Редерном. Если верить «Мемуарам» Редерна, сенатор проэкзаменовал бумаги тяжбы и пришел к выводу, что нет необходимости пересматривать этот раздел⁶⁹. Так или иначе, это обращение не имело решающего результата, ибо в 1808 г. Сен-Симон вновь адресует циркулярное письмо различным лицам, в частности многим министрам, чтобы добиться аудиенции и иметь возможность опровергнуть словесно измышления своих врагов. Возможно, что это письмо попало прямо в корзины для бумаг в министерских кабинетах, никто и не подумал вмешиваться в это дело.

Сен-Симон, как ему на время кажется, находит средство лучшее, нежели пересмотр, даже самый справедливый и беспристрастный, условий его финансового раздела с Редерном: это – философия, которая восстановит его состояние. Он пишет в чем-то программное для того периода его творчества сочинение «Введение в научные труды XIX века». Издания массовым тиражом не последовало. Если в 1808 г. Сен-Симон объяснял это самим характером произведения, то в 1809 г., в своих автобиографических заметках он все же признается, что не мог продолжать свой труд «ибо были исчерпаны денежные средства»⁷⁰.

В голове Сен-Симона разнообразные философские спекуляции постоянно чередуются с финансовыми комбинациями. Так, идея новой всеобщей науки, разрабатываемая им во «Введении в научные труды», соседствует с идеей предприятия одновременно и научного и коммерческого: изданием новой Энциклопедии. «Написать хорошую Энциклопедию – это труд, который требует участия первых ученых мира, двадцать лет работы и ста миллионов», – пишет он во «Введении в научные труды XIX века»⁷¹. Конечно, едва ли Сен-Симон всерьез рассчитывает на 100 миллионов, но правительственная поддержка проекта, несомненно, дала бы Сен-Симону не только моральное удовлетворение.

В 1803 г. император, выступая в Институте, сказал: «Дайте мне обзор прогресса наук с 1789 года, скажите, каково их нынешнее состояние и какие имеются средства для их наибольшего прогресса?», – пишет Сен-Симон. Современная наука готова сделать ре-

⁶⁹ Ibidem.

⁷⁰ Ibid. P.245.

⁷¹ *Saint-Simon. Oeuvres choisies*. T.I. P.242. Сен-Симон неоднократно говорит об этом проекте во «Введении». – Ibid. P.62, 147-150, 156, 236, 243.

шающий шаг благодаря теории всеобщей гравитации. Для этого необходимо объединение всех ученых и всех наук в позитивной философии. Какими средствами добиться этого результата? Сен-Симон обращается к членам Института, чтобы набрать себе единомышленников, и к Наполеону, чтобы тот профинансировал это предприятие. Сен-Симон не скупится на комплименты:

"чтобы предложить Императору монумент достойный его, нужно было бы обтесать гору Сен-Бернар, сделав его статую, которая имела бы своей основой саму землю... Я жду, что глава работ над человеческим духом, великий Наполеон призовет. Его распоряжения будут лучом света, который осветит мои поиски"⁷².

Интеллектуальная сторона: новая Энциклопедия будет позитивной, соответственно новой философии, которая будет органической. Сторона коммерческая: Наполеон должен понять, чего требует его слава, ему предлагается ассоциация, в которой Сен-Симон был бы «научным лейтенантом» великого Наполеона, а великий Наполеон был бы спонсором «второго Декарта».

14 июня 1808 г. два тома «Введения» были представлены в Бюро долгот, а также отдельным членам Института. Сен-Симон тщетно ожидал присоединения ученых к своему проекту; он должен был удовлетвориться вежливыми благодарностями в получении книги⁷³. Ни ученый мир, ни, естественно, Император никак с научной или финансовой точки зрения не отреагировали на «Введение в научные труды XIX века». Пытаясь компенсировать эту неудачу, Сен-Симон обращается в Бюро долгот с новыми письмами. Однако и здесь его ждало разочарование⁷⁴.

Претендент на звание «научного лейтенанта Императора» публикует в 1810 г. серию брошюр о новой Энциклопедии. Он анонсирует интернациональную «Энциклопедию», «которая будет

⁷² Ibid. P.244.

⁷³ Так, в записке от 11 июня 1808 г. член Бюро долгот Ласепед обещает прочитать его книгу «со всей поспешностью, которую вызывают значимость сюжета и имя автора»; но в 1826 г. Анфантен найдет этот экземпляр книги в библиотеке натуралиста с неразрезанными страницами. — *Saint-Simon. Oeuvres*. T.XV. P.63; *Manuel F.* Op. cit. P.383, note; *Gouhier H.* La Jeunesse d'August Comte... T.II. P.245.

⁷⁴ «Письма, которые я издал, не завершились, как я надеялся, большой дискуссией». С точки зрения Сен-Симона, работа не была бесполезна, ибо она обратила на себя «внимание некоторых лиц, которые хотели сообщить мне свои наблюдения». — *Saint-Simon. Ma vie*. 1809. // *Saint-Simon. Oeuvres*. T.XV. P.77. Возможно, имеется в виду директор Бюро долгот А.Бувард, возможно, Кювье. Для широкой же публики дело ограничилось ироническим откликом «Курьер де л'Ероп» от 8 октября 1808 г. — *Weill G.* Op. cit. P.246.

издана англичанами, немцами, итальянцами и французами». Проект этот по-прежнему имеет коммерческую сторону. Но надежды уже возлагаются не на Императора, а на подписчиков, на международный капитал. Цена подписки – 6 франков. Лист подписчиков обещается издать в начале первого тома. «Новая Энциклопедия» вызвала ироническую статью в «Журналь де л'Эмпи́р» от 21 апреля 1810 г.⁷⁵ Планы подписки осуществить не удалось.

Сен-Симон не прекращает рассчитывать на свою философию в качестве кормилицы. В 1810 г. он издал две работы без указания автора, места и даты издания. Одна озаглавлена: «История человека. Первый набросок», вторая: «История человека. Первый набросок. Введение. Вторая тетрадь»⁷⁶.

Император так и не ответил Сен-Симону, подписка на «Новую Энциклопедию» не удалась, чистые страницы в «Истории человека» остались чистыми, благодетель Диар в 1810 умирает. Сен-Симон больше не рассчитывает ни на ученое сообщество, ни на правительственные деньги, он вновь возлагает надежды на старых друзей, но все еще мечтает улучшить участь человечества. В неоконченном манускрипте 1811 года Сен-Симон, забывая прежние обиды и резкие слова, ходатайствует о материальном сотрудничестве с Редерном, пытаясь предложить сотрудничество духовное:

«Один человек не может создать хорошую философскую систему; для выполнения этого предприятия необходимо объединение двух людей... Господин Редерн выполняет одно из условий, господин Сен-Симон выполняет другое; когда они объединят свои усилия, они достигнут цели»⁷⁷.

Ввергнутый смертью Диара в нищету, Сен-Симон больше не говорит о несправедливостях соглашения 1799 года: он надеется воскресить, оживить в 50-летнем человеке сердце молодого сеньора, который поставил бы свое положение, состояние, свой ум на службу человечества. Бывший друг шепчет: наша весна вновь рас-

⁷⁵ Идею создания новой Энциклопедии Сен-Симон не оставит и в годы Реставрации. В первой тетради «Индустрии» за 1817 год содержится «Программа конкурса новой Энциклопедии».

⁷⁶ *Saint-Simon. Oeuvres.* 1865. Т.XV. P.103 et suiv. Это только черновой набросок, предназначенный автором для некоторых лиц, от которых он ждал поддержки. В уведомлении автор говорит: «Я хочу оставить чистые листы между издаваемыми страницами, чтобы облегчить вам возможность изложить свои идеи в письменном виде». Не дождавшись более чем за два года никакой научной дискуссии или хотя бы научной рецензии, он готов потратить последний франк на чистую страницу лишь бы привлечь внимание ученых к своим глобальным идеям.

⁷⁷ *Ibid.* P.110.

цветет, наши надежды еще могут сбыться, мы еще разделим лавры на пороге Замка славы. Сен-Симон и соблазняет, и унижается.

«Причины, отдаляющие господ Редерна и Сен-Симона друг от друга, исчезли; примирение между этими двумя прежними друзьями не может быть отдаленным, они должны быть рассматриваемы как два путешественника, которые, не прекращая никогда идти к одной цели, на некоторое время разошлись, чтобы идти разными дорогами, и которые сегодня находятся в той точке соприкосновения, которая эти две второстепенные дороги сводит в магистральный путь»⁷⁸.

В архивах сохранилось письмо Сен-Симона от 14 мая 1811 г., адресат не указан. Приведу его полностью.

«Это вы, мсье, тот, кто окончит мой спор с Редерном. Такова моя манера видеть, такова цель, к которой я веду свои усилия. Я посылаю вам первые страницы моего второго очерка. Я вам буду посылать и следующие по мере того, как они будут готовы. Это требует времени, ибо мое изображение очень живое, а мой ум и мои суждения очень медлительны. Весьма досадное и затруднительное положение, в котором я нахожусь, может быть даже необходимо, чтобы оценить все, чего я стою. Хорошая лошадь распознается и в плохом шаге». Подпись: «Симон»⁷⁹.

Под «второй частью очерка» вероятно, имеются в виду страницы того документа, который издатели сочинений Сен-Симона приобрели на распродаже в 1867 г. и назвали «Неполный манускрипт 1811 г.»⁸⁰. Кому же «с листа» Сен-Симон посылает свои заметки, кто может рассудить его с Редерном, кто адресат письма? Может быть, на этот вопрос можно найти ответ в другом архивном документе – письме Сен-Симона от 7 июля 1811 г. мсье Бурикару.

«Вчера, мсье, выходя от Бартелеми, я направился к вам. Я вас не застал, мне сказали, что вы во дворце... Бартелеми, мсье, сообщил мне ответ Редерна. Я очень хотел бы побеседовать с вами. Сообщите мне день и час, когда я мог бы вас увидеть, при этом не беспокоив. Я вам приношу уверения в чувствах уважения и доверия, которые я к вам питаю». Подпись: «Анри де Сен-Симон»⁸¹.

По всей видимости, конфидентом Сен-Симона в переговорах с Редерном и был Бартелеми. Чуть позже Клод-Анри будет предлагать Редерну Бартелеми в качестве третьей стороны, а Редерн, не желая лично встречаться со своим бывшим компаньоном, передаст ему деньги через того же Бартелеми.

Сен-Симон в посланиях Редерну (1811 г.) не говорит о своих правах, он унижается, чтобы спасти свою жизнь и творчество.

⁷⁸ Ibid. P.105.

⁷⁹ РГАСПИ. Ф.224. Оп.1. Д.20. Л.1.

⁸⁰ «Неполный», так как его первые две части были потеряны, опубликованы только третья и четвертая. – *Saint-Simon. Oeuvres*. Т.XV. P.104-118.

⁸¹ РГАСПИ. Ф.224. Оп.1. Д.4. Л.1.

«Париж, понедельник 14 октября 1811 г., я не спал эту ночь, я более не сплю, но отчаяние не охватывает меня; никакое мерзкое чувство не пачкает мою душу. В течение нескольких дней моя участь будет решена... Она будет решена вами, тем, кто обладает необходимой способностью судить о ценности моего труда... Хлеб, необходимые книги, комната, – вот все, о чем я вас прошу. Париж, вторник 15 октября 1811 г., завтра я буду в Алансоне... Вот уже три ночи я не смыкаю глаз и непрестанно повторяю: «Чтобы я сделал! Чтобы я сделал!» Хлеб и книги, – вот все, что просит ваш бывший друг, который признает, что нанес ущерб вам, своей семье и всему миру, но который знает средства, как возместить этот ущерб, если вы дадите ему необходимые книги и хлеб»⁸².

Что могло заставить Сен-Симона признать свою неправоту, признать, что он нанес какой-то «ущерб»? Только крайняя нужда, только убежденность, что самодовольная ухмылка обидчика – ничто, а жажда славы, забота о благе человечества, наконец, элементарные средства к существованию – все. Тем не менее, Клод-Анри неискренен, в глубине души он не чувствует себя виноватым, иначе он не извинялся бы перед «всемирным».

Полный энтузиазма от будущих трудов, Сен-Симон мчится в Алансон департамента д'Орн, поближе к замку de Flers, в котором жил тогда Редерн⁸³. Но его надеждам на Редерна не суждено было сбыться. С одной стороны, Редерн испытывает некоторые материальные затруднения, с другой, – как прагматик он не верит в философские проекты бывшего компаньона⁸⁴. Сен-Симон пишет в Алансоне «философские и сентиментальные письма» Редерну, но тот якобы отказывается их даже читать и, чтобы избавиться от назойливого Сен-Симона, соглашается выдать ему 500 франков, но с условием, что он получит их в Париже. Это отнюдь не жест благотворительности и даже не подачка. По воспоминаниям самого Редерна, в 1811 г. в выплате пенсии Сен-Симону наступил пятимесячный перерыв, т.е. Клод-Анри требовал, собственно говоря, то, что ему полагалось – свою пенсию. Перерыв же в выплате пенсии Редерн объясняет нежеланием парижского посредника иметь дела с Сен-Симоном, поэтому в качестве посредника для передачи 500 франков предлагается Бартеlemi⁸⁵.

⁸² *Saint-Simon. Oeuvres*. T.XV. P.107.

⁸³ О спорах Сен-Симона с Редерном в Алансоне подробно рассказывает Г.Гуйе (*Gouhier H. La Jeunesse d'August Comte... T.II. Saint-Simon jusqu' à la Restauration. P.257-261 и 350-355*) и Сюрвилль (*Surville. Le comte de Redern d'après la correspondance avec sa femme, 1808-1822. Paris, 1909*).

⁸⁴ *Dumas G. Psychologie de deux messies positivists. Saint-Simon et Auguste Comte. Paris. 1905. P.51-52; Surville. Op. cit. P. 5-12; Gouhier H. La Jeunesse d'August Comte... T.II. P.258.*

⁸⁵ *Gouhier H. La Jeunesse d'August Comte... T.II. P.258.*

Сен-Симон получает в Париже полагающиеся деньги, но их может хватить только на возврат долгов. С июня 1812 г. Сен-Симон вновь в Алансоне и продолжает добиваться пересмотра раздела 1799 года. Войну открывает брошюра «Вводный очерк Сен-Симона о его споре с Редерном». Автор дерзок:

«ваша репутация скупердяя известна от глубин Haute-Lusace до окраин департамента Орн». Несмотря на это, Сен-Симон еще взывает к дворянину, к жентильому: «Вы сын гранд-маршала двора прусского короля; я веду свой род от графов Вермандуа. В положении, в которое случайность рождения ставит нас, было бы постыдно для нас тратить время на спекуляции с целью обогащения». Сен-Симон предлагает Редерну «через наше будущее облагородить наше прошлое». «Мои годы, разрушение преимуществ, которые давали мне мое рождение и труды моей молодости, философское отступничество Редерна, раздражающие условия, в которых я нахожусь, ничуть не истребили в моей душе страсть к славе; как никогда я пылаю желанием добиться уважаемых трудов, трудов полезных моим ближним; я поставил себе две цели, которые я надеялся достичь, первая – улучшить общую систему просвещения, вторая – доказать, что могущество денег – очень уступает научному могуществу»⁸⁶.

В «Очерке» воспроизводились счета их ассоциации, приводились балансы, мнения неких арбитров. «Очерк» должен был представить Редерна в самом неприглядном свете, но Сен-Симон не торопился распространять издание. Он предложил Редерну выбор: распространение тиража или арбитраж сенатора Бартелеми: фактически Редерну предлагалось купить «Очерк». Сен-Симон хранил экземпляры «Очерка» у себя, за исключением одного, который он послал Редерну «через одного из его соседей, чей характер посредника был хорошо известен». Имеется в виду господин Фермон (*Fermon*). Как пишет об этом сам Сен-Симон, посредник закончил трехчасовой разговор с Редерном, сказав: «Я жду ваш ответ в течение 8 дней, «Очерк» до этого времени не будет опубликован (т.е. распространен – А.Г.). Господин Сен-Симон вам предлагает подчиниться его требованиям об арбитраже сенатора Бартелеми; я полагаю, что вы будете не правы, отклонив это предложение».

Редерн не дал никакого ответа, но опубликовал свой «Очерк», тем самым, по мнению Сен-Симона, именно Редерн был «агрессором» в этой войне⁸⁷. Таким образом, в этой истории, которая изложена здесь с точки зрения Сен-Симона, он себя считает вовсе не шантажистом, а, скорее, дипломатом-миротворцем, в отличие от агрессора Редерна. Редерн же, как это видно из его письма жене

⁸⁶ Mémoire introductif... // Gouhier H. La Jeunesse d'August Comte... T.II. P.353-354.

⁸⁷ Saint-Simon. Oeuvres. T.XV. P.133-134.

от 1 июля 1812 г., убежден, что будучи даже выкупленным «Очерк» будет постоянно в обращении благодаря своему автору⁸⁸. Любопытно, что Редерн, по-видимому, не исключал варианта с выкупом или «арбитражом» Бартелеми, раздумывал над предложением Сен-Симона, но понял, что это ничего не даст, и перешел в контратаку со своим «Очерком», тем самым, подготавливая общественное мнение – главного, если не арбитра, то судью. Редерн 8 июля 1812 г. опубликовал в Каене «Очерк о моих прежних деловых связях с Сен-Симоном» на 44 страницах⁸⁹.

Третья стадия дебатов – «Ответ господина Сен-Симона господину Редерну», который префект департамента запретил Сен-Симону издавать. В своем «Ответе» от 25 июля 1812 г. Сен-Симон предлагает пакт из 4 статей: 1) условия раздела 1799 года будут переданы на арбитраж графа Сегюра (*Ségur*), графа Мюрера (*Muraire*) или господ сенаторов графа Бартелеми, Буасси д'Англа или Ле Куто (*Le Coutoux*); 2) Сен-Симон признает себя виновным в том, что он «производит научные идеи, которые не являются ни достаточно зрелыми, ни надлежащим образом связанными»; он обещает «исправиться»; 3) господин Редерн обязывается «более почтительно» относиться к Сен-Симону; 4) Сен-Симон и Редерн делают совместное признание, что состояние, приобретенное спекуляциями недостойно их рождения и должно иметь конечной целью «общественную пользу». Таким образом, мы видим, что Сен-Симон все еще ищет средства для улучшения участи человечества, для себя лично он много не требует:

«Я хотел бы удалиться на чердак, я жил бы здесь на хлебе и сыре, – это в данной ситуации, когда я жду тот счастливый день, когда ваша душа поглощенная денежными идеями будет разбужена голосом чести».⁹⁰

Последними патронами в этой «баталии 1812 года» были две брошюры, изданные в Алансоне под заглавием «Ответ господина Сен-Симона господину Редерну. Первое письмо. 18 августа 1812 г.» на 7-ми страницах и «Ответ господина Сен-Симона господину Редерну. Второе письмо. 18 августа 1812 г.» на 4-х страницах. В постскриптуме второго письма философ пишет:

⁸⁸ *Survile*. Op. cit. P.14-15.

⁸⁹ 13 июля 1812 г. Редерн пишет жене: «Господин Сен-Симон обязывает меня пересмотреть его дело, я это нахожу гнусным и гадким. Тем хуже для него. Сколько плохого этот человек сделал, и сколько хорошего его состояние могло ему дать! Ему лучше бояться за себя, чем за других». Очевидно, что Редерн рассматривает Сен-Симона как деклассированный элемент, чье спасение невозможно. – *Survile*. Op. cit. P.16.

⁹⁰ *Saint-Simon. Oeuvres*. T. XV. P.134-135.

«Ваши принципы набожности позволяют вам меня обдирать; мои же претензии на атеизм позволили мне все передать в ваши руки. Согласитесь же, что лучше иметь в качестве компаньона такого атеиста, как я, чем такого богомольца, как вы»⁹¹.

В августе 1812 г. в Алансоне он договаривается о важных делах. Судя по документу, опубликованному А.Тюилье, речь шла о 2912 франках. Этот документ утверждает, что Сен-Симон пытался переправить на Редерна вексель на 1200 франков, который тот опротестовал. Документ озаглавлен «Состояние моих долгов в Алансоне». Очевидно, он составлен Сен-Симоном для его нотариуса Кутта по приезду в Перонну. В начале речь идет о векселе, выданном Сен-Симоном, по которому Редерн отказался платить. Сен-Симон поясняет: «Я выдал этот вексель потому, что господин Редерн принял обязательство давать мне ежегодно двенадцать сотен франков и потому, что как раз в тот момент год истек». Далее, среди прочих должников Сен-Симона в документе на первом месте (не по сумме долга, а по важности) значится сам мэр Алансона господин Мерсье (*Mercier*), который авансировал Сен-Симону 400 франков, рассчитывая, что Редерн ему их возместит. Затем «за кусок полотна и некоторые другие сопутствующие товары» Сен-Симон был должен торговцу 600 франков, «за пищу» – 472 франка, «за квартиру» – 120 франков, «мелкие долги» – 120. Все это вместе с векселем на 1200, да долгом мэру города в 400 франков и составили сумму в 2912 франков⁹².

В письме к жене от 3 декабря 1812 г. Редерн признает, что Сен-Симон был «в глубокой нищете», никто не хотел ему помогать, и он стоял перед выбором «умереть с голоду или жить мошенничеством». Свою финансовую помощь Клоду-Анри Редерн объясняет вовсе не своими долгами перед ним, а благородными чувствами к одной из его сестер, которая сама испытывала серьезные материальные затруднения. «Однако я знаю, что нет сомнений в том, что она бы ему помогла, если бы она его видела в нужде. Она умерла. В память о ней я желал бы сделать то, что сделала бы она сама, будь еще жива...»⁹³ В том же письме Редерн отзывается о Сен-Симоне как о человеке «низком», «гнусном», способном к мошенничеству. Сен-Симон настолько потерял доверие своего бывшего друга, что тот не верит даже его болезням. Когда Редерну сообщили в ноябре 1812 г., что его прежний компаньон в Перонне поправляет сильно пошатнувшееся здоровье, он отреагировал: «Это ут-

⁹¹ *Saint-Simon. Oeuvres. T.XV. P.135.*

⁹² *Thuillier A. Saint-Simon en 1812-1813... P.61.*

⁹³ *Gouhier H. La Jeunesse d'August Comte... T.II. P.260.*

верждает меня в мысли, что он ломает комедию». Редерн также добавил: «Он позволил отпустить себе бороду. Эта декорация делает его более причудливым, но она исчезнет, как только он будет уверен, что оплатят его расходы»⁹⁴.

В действительности, осенью 1812 г. Сен-Симон покинул департамент д'Орн истощенный, больной, оставив в залог за долги даже свои бумаги⁹⁵. В Перонне несчастный был заботливо и сердечно принят своим прежним компаньоном по спекуляциям и членом Генерального совета Соммы нотариусом Куттом. В сентябре-ноябре 1812 г. друзья Сен-Симона Кутт и мадам Фоллевилль ведут оживленную переписку с членами семьи Клода-Анри по поводу судьбы их родственника. Сен-Симон серьезно болен, он долго лечится, он и его друзья долго ведут переговоры с семьей Сен-Симонов о выделении какой-нибудь суммы на его содержание. Семья, кажется, достаточно неохотно, реагирует на новые расходы, связанные с лечением Клода-Анри. Самого же Сен-Симона вновь переполняют идеи. Он задумывает еще один коммерческо-политический проект – план восстановления фамильных земель.

«Наш отец сделал отвратительную операцию, продав поместье Сен-Симон. Вермандуа было колыбелью наших предков; в Вермандуа Сен-Симоны всегда имели преимущество над своими конкурентами, либо, когда хлопотали о богатом наследстве или же, когда речь шла о том, чтобы добиться большинства голосов на выборах в законодательный корпус, сенат (слова «или, чтобы добиться другого места» зачеркнуты – А.Г.) или же в каком-нибудь другом предприятии, когда общественное мнение провинции могло оказать некое влияние в пользу фамилии. Это не о Берни мы должны сожалеть, а о Сен-Симон».

Но как вернуть фамильные земли? Автор письма предпочитает пока об этом не говорить: «мои идеи в этом отношении, хотя и хорошо утвердились в моей голове, однако, еще не приобрели достаточной ясности, чтобы быть представленными вам таким манером, который позволил бы вам судить об их простом изложении»⁹⁶.

Сен-Симон уверяет, что его идеи отражают фамильный интерес, он старается доказать, что еще может быть полезен семье. Единственное на тот момент поприще, где он в свое время добился бесспорных успехов – земельные спекуляции. И сейчас Сен-Симон надеется, что хотя бы его авторитет земельного спекулянта заставит семью прислушаться к его планам. Сен-Симон постоянно

⁹⁴ Surville. Op. cit. P.16.

⁹⁵ Dumas G. Op. cit. P.55. Бумаги были доверены Louis Dubois в Алансоне в 1812 г. Сейчас эти бумаги находятся в США. – Dautry J. Une Réapparition de Claude-Henri de Saint-Simon // La Pensée. 1966. №127. P.87, note.

⁹⁶ Thuillier A. Saint-Simon en 1812-1813... P.73.

болен, но не оставляет своих финансовых потуг. Выпрашивая себе пенсию «на пропитание», он не забывает о проекте восстановления имени Сен-Симонов и фамильного землевладения. Он предлагает семейному совету пригласить его кузена мсье Жозефа Монморанси, которому он весьма доверяет и который, кажется, был на стороне Клода-Анри в его финансовых спорах, помочь в управлении состоянием их матери. Клод-Анри пытается передать управление имуществом больной матери в руки, как ему кажется, «своего человека». Проект «Земли Сен-Симонов в Вермандуа» все еще не дает ему покоя. «Мы попросим также мсье Монморанси обязать мсье Редерна согласиться на пересмотр раздела, который имел место между ним и мной». Вырученная от пересмотра раздела с Редерном, сумма пойдет на осушение болот Соммы. Клод-Анри продолжает верить в свою судьбу, в свое предназначение:

«Мы добьемся того, чтобы восстановить землевладение Сен-Симонов в Вермандуа, чтобы извлечь пользу из осушения болот и их улучшения, наконец, чтобы дать основы мира и реорганизации Европы»⁹⁷.

Семейный совет в конце июля 1813 г., наконец-то, утверждает Сен-Симону ежегодную пенсию в 2000 франков. Этой небольшой пенсии Сен-Симону, наверное, могло бы хватить, чтобы не умереть с голоду. Но ему нужны деньги для работы.

С января 1813 г. Сен-Симон, несмотря на болезнь, работает над научными проектами улучшения участи человечества. Он пишет «Очерк науки о человеке» и «Труд о всемирном тяготении», которые, несмотря на разные названия, по сути, являются двумя частями одного и того же произведения. Сен-Симон, судя по его письмам 1813 г., весьма доволен своим философским творчеством, хотя и не всегда знает, что у него, в конце концов, получится. Не имея больше средств издавать свои сочинения, Сен-Симон удовлетворяется копиями с широкими полями, предназначенными для пометок «просвещенных мыслителей, имеющих достаточно душевной теплоты, чтобы последовательно заниматься общими интересами и средствами прекращения кризиса, которым охвачена вся масса европейского населения»⁹⁸.

В «Труде о всемирном тяготении» содержится очередной коммерческий проект. С первых же строк Сен-Симон обращается пря-

⁹⁷ *Thuillier A. Saint-Simon en 1812-1813 // Revue d'histoire économique et sociale, 1971, № 1, P.79.*

⁹⁸ *Сен-Симон. Избранные сочинения. Т. I. С.285. Он вынужден просить Кутта, чтобы тот дал ему 20 луйдоров для снятия копий; «Очерк науки о человеке» и «Труд о всеобщем тяготении» были копированы в 50 или 60 экземплярах.*

мо к Императору и сразу же начинает о деньгах: «Император повелевает: автору лучшего проекта о преобразовании европейского общества будет пожаловано вознаграждение в 25 миллионов». Правда он тут же оговаривается, что такая большая сумма необходима не для того, чтобы заинтересовать ученых, а чтобы привлечь внимание общества. Сен-Симон уверяет, что его предложения вовсе не «философский бред», как проект вечного мира аббата Сен-Пьера, что его цель – не химера, а реальность. Конкурс проектов реорганизации европейского общества, по его мысли, должен проходить год. Имя автора, который будет удостоен премии, будет объявлено 1 января 1815 г.⁹⁹

Чтобы лучше понять ход мыслей Сен-Симона обратимся к его письмам, которые он писал одновременно с «Трудом о всемирном тяготении». От ученых он ожидает сотрудничества, от богачей – денег, от императора поддержки.

«Спасите меня, я умираю от голода... Занятый единственно общим интересом, я пренебрег моими личными делами так, что вот мое положение: более трех недель я ем сухой хлеб и пью воду. Я работаю без огня, и я продал все до моей последней рубашки, чтобы возместить расходы на копии, необходимые для того, чтобы сделать мой труд известным»¹⁰⁰. В проекте петиции Наполеону по поводу своего бедственного положения Клод-Анри доказывает, насколько нищество естественно в его случае: «Вы, Монсеньер, просвещены и богаты, я же мыслитель занятый единственно тем, чтобы указать средства реорганизовать европейское общество. Так что вопрос, который я вам задал относительно денежных источников, не самый важный ни для вас, ни для меня... Только последняя степень нищеты, отказ от хлеба и воды, дают мне силы просить вас о деньгах. Полный доверия к либеральным чувствам вашего Величества, я осмеливаюсь надеяться, что двадцать четыре часа не пройдут прежде, чем я увижу от Вас денежные источники»¹⁰¹.

В своем предновогоднем письме от 31 декабря 1813 г. он предпринял еще одну попытку доказать свою лояльность:

«Я отказываюсь от всего, отчаяние мною овладевает, мое положение действительно невыносимо. Примите, я вас прошу, формальную декларацию намерений, в которой я отказываюсь от всякого литературного направления, которое было бы хоть чуть-чуть неприятно правительству...»¹⁰².

Все призывы Сен-Симона, как к научному сотрудничеству, так и к финансовой поддержке остались не услышанными. В отчаянии он вновь обращается к Редерну в письме от 17 марта 1814 г.: «Я ос-

⁹⁹ Сен-Симон. Избранные сочинения. Т. I. С. 209-212.

¹⁰⁰ Saint-Simon. Oeuvres. T.XV. P.139-146.

¹⁰¹ Saint-Simon. Oeuvres. T.XV. P.145-146.

¹⁰² Письмо, адресованное барону*** от 31.12.18...

меливаюсь надеяться, господин, что в критических обстоятельствах, в которых я нахожусь, вы не откажете человеку, который имел с вами столь длительные дружеские связи». Сен-Симон просто не знает, где перезанять. Он напоминает, что у него есть ежегодная пенсия в 2000 франков, но настоящие обстоятельства остановили квартальную выплату, срок истек 15 марта. Сен-Симон не может терпеть ни дня задержки. «Я вас прошу незамедлительно разрешить Риуз авансировать мне 500 франков, которые мне должна семья. Я вам повторяю, господин, это мой последний ресурс»¹⁰³.

Только с наступлением режима Реставрации Сен-Симон наконец-то получит возможность более или менее спокойно работать, не заботясь ежечасно о куске хлеба. Сен-Симону, который почти постоянно испытывал затруднения с изданием своих сочинений, адвокаты Шарль Комт (*Comte*) и Дюнуайе (*Dunoyer*) предоставили колонки своего «либерального» журнала «Цензор». Десятилетие финансовых мытарств все же закончилось. Во всяком случае, денежные хлопоты больше не беспокоят его до 1823 г., он имеет возможность содержать секретарей и копиистов.

Откуда деньги? После принятия Хартии банкиры и предприниматели стали задумываться о своей роли в системе конституционных институтов. Сен-Симон находит средства для издания своих работ у разбогатевших либерально настроенных буржуа.

«Наступает 1816 год, в партии, которую называют либеральной, известно несколько выдающихся людей, чьи взгляды оближаются с взглядами Сен-Симона. Он предлагает им каждый месяц публиковать сделанный наскоро том в три или четыре сотни страниц. Том будет составлен из различных статей об искусствах и науках, отредактированных в русле этих взглядов, если они, со своей стороны, смогут ему открыть путем подписки кредит в 10000 франков в месяц для редакции и издания этого тома. Предложение было принято»¹⁰⁴.

Наконец-то Сен-Симон напал на нужную жилу. Такие крупнейшие банкиры и предприниматели, как Лафитт и Хоттингюз, Перье и Терно становятся подписчиками и оказывают материальную поддержку. Литературная продукция Сен-Симона служит индустрии и поощряется главами индустрии.

¹⁰³ См. публикацию *L.G.Pélissier* (P.367).

¹⁰⁴ *Pereire A. Autour de Saint-Simon. Documents originaux. P.1912. (P.185).*

Н.С.Креленко (Саратов)

Сэмюэль Гардинер, викторианец, историк

В 1902 г., в год смерти С.Гардинера о нем было сказано: «Мы знаем историю Англии от 1603 до 1656 г. лучше, чем любой другой период всемирной истории, и этим мы обязаны главным образом Сэмюэлю Раусону Гардинеру». Примерно тогда же Р.Хаттон заявил, что благодаря Гардинеру историю этого периода «не будет необходимости никогда переписывать заново»¹. Будущее показало, сколь недолговечны такие категоричные заявления². Что же касается научной значимости работ Гардинера, то после оживленных споров между критиками и приверженцами историка, которые имели место на рубеже второго и третьего десятилетия XX в.³, к настоящему времени за ним неоспоримо закрепилось звание одного из наиболее значительных историков второй половины XIX века.

Сэмюэль Раусон Гардинер родился 4 марта 1829 г. в графстве Гэмпшир. Годы его жизни (1829-1902) четко укладываются в период английской истории, именуемый викторианским. Семья его принадлежала к той среде, которую принято называть «старые хорошие фамилии». Представители таких «старых хороших фамилий» принимали активное участие в руководстве местными делами, имели, как правило, неплохой достаток, стремились обеспечить детям образование в привилегированных учебных заведениях и могли назвать значительное число поколений своих предков. Последний из названных признаков особенно любопытен, поскольку среди предков по материнской линии традиционно называется Оливер Кромвель: по одним данным, Гардинер происходил от Ген-

¹ См.: *Rhodes J.F. Historical essays.* N.-Y., 1966. P.150; *Usher R.G. Critical study of the historical method of S.R.Gardiner.* Washington University studies, N.-Y., 1915. V. III. Part II. P.9

² На протяжении XX века именно Английская революция стала одним из наиболее упорно и плодотворно разрабатываемых сюжетов истории Нового времени. – См.: *Согрин В.В. Зверева Г.И., Репина Л.П. Современная историография Великобритании,* М., 1991. Гл.4.

³ Речь идет о дискуссии 1919 года по поводу вышедшей в 1915 г. в США публикации Р.Ашера «Критическое изучение исторического метода С.Гардинера». См.: *Blaas P.B.M. Continuity and Anachronism. Parliamentary and constitutional development in Whig historiography and in anti-Whig reaction between 1890 and 1930.* L., 1978, P.156.

ри Кромвеля, четвертого сына грозного лорда-протектора, а по другим – от его старшей дочери Бриджет и Генри Айртона⁴.

Первоначальное образование С.Гардинер получил в Винчестере, одной из самых старых, консервативных и почтенных школ закрытого типа. В 1847 г. для завершения образования он поступил в Оксфорд в колледж Церкви Христовой, один из старейших в университете (он был основан еще во времена Генриха VIII, в середине XVI в.), считавшейся оплотом торизма и Высокой англиканской церкви. Этот факт любопытен. Прежде всего, представляется, что для потомка Кромвеля больше подошел бы Кембридж, который считался средоточием оппозиционных настроений. Кроме того, поскольку родители С.Гардинера и он сам примыкали к секте ирвингианцев (ирвингистов)⁵, было бы более естественным для него поступить именно в менее ортодоксальный Кембридж. В данном случае, как и во многих других, факты противоречат тому, что можно назвать исторической обусловленностью.

Идейно-религиозная атмосфера английского общества первой половины XIX века была весьма эмоционально насыщенной и напряженной. Все подвижки, происходившие в обществе, взбудораженным Великим промышленным переворотом, находили отголосок в духовной сфере. После периода Просвещения, когда подверглось жесткой критике старое всеобъемлющее схоластико-теологическое *верознание*, после революционных потрясений рубежа XVIII и первой половины XIX веков, когда новое общество стало реальностью, происходило утверждение новых «нравственных абсолютов». Общество должно было найти некое новое соотношение старых религиозных представлений и новых, связанных с реалиями индустриализирующегося общества.

Религия «сделалась теперь, с одной стороны, *идеологией* в тесном смысле этого слова, то есть более или менее рационализированным доктринально-догматическим комплексом, в каждом случае обслуживающим особые и специфические государственные,

⁴ Генри Кромвель в качестве предка назван в Atheneum. 1902. March, №3879. P.273. Бриджет Кромвель и ее первый муж Генри Айртон фигурируют в той же роли в Encyclopedia Britannica. L.-N.Y., 1929. V.10. P.22; The Dictionary of National Biography. 1920. V.1. P.76 (автором статьи о Гардинере является его последователь Ч.Ферс, который, скорее всего, представил версию, соответствовавшую мнению самого С.Гардинера).

⁵ Э.Ирвинг (1792–1834) шотландский пастор, создавший религиозно-мистическую секту, в которой элементы католического культа сочетались с попытками возродить традиции раннего христианства. Талант блестящего проповедника способствовал распространению его учения в Англии, Шотландии, Северной Америке и даже во Франции и Германии.

коалиционные или сословные интересы; с другой – неотчуждаемой личной верой, которая лишь огрубленно и условно оформляет себя в узаконенных конфессиях»⁶. В английском обществе второй четверти XIX века только внутри государственной англиканской церкви наличествовало три направления: Низкая, Широкая и Высокая церкви, а кроме того во множестве существовали давно сложившиеся секты и неистребимый католицизм. Одновременно происходило распространение «неорелигий», таких как «Религия человечества», «Христианская наука», различных спиритуалистических учений, подобных «ирвингианству», обновленческих течений, подобных «Оксфордскому движению». Не следует забывать о наличии некоторого числа приверженцев атеизма⁷.

Сложилась весьма накаленная духовная атмосфера, отдаленно напоминающая обстановку идейно-религиозного противоборства в английском обществе первой половины XVII века, но если тогда тон задавали наиболее радикально настроенные элементы, а два века спустя возобладало влияние «средних классов», которые ценили религию как успокоительный гарант общественного порядка»⁸. Это нашло отражение в строках А.Теннисона: «Пусть мысль с душой один язык найдет»⁹.

Огромную роль в духовной жизни британского общества играли университетские центры Оксфорд и Кембридж. Старые университеты с их устоявшимися правилами являлись в беспокойном меняющемся мире XIX века воплощением незыблемости традиций в системе воспитания и образования. Новые интеллектуальные веяния с трудом проникали сквозь каменные стены и узкие бойницы, охранявшие привычный порядок жизни, правил поведения, предметов изучения и точек зрения. Г.Т.Бокль об Оксфорде середины века писал, что этот университет «всегда считался убежищем суеверия и до сих пор сохранил эту незавидную славу»¹⁰.

Историческая наука в Великобритании первой половины XIX века развивалась преимущественно вне старых университетских центров. Наиболее яркие исторические исследования в этот период создавались юристами (Г.Халлам), политиками (Т.Б.Маколей), философами (Т.Карлейль), для которых исследование прошлого было интересно, прежде всего, в связи с решением проблем поли-

⁶ Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас. М., 1991, С. 146.

⁷ The Victorian mind / Ed. and selected by G.B.Kauvar, G.C.Sorensen. L., 1969. P.175-181.

⁸ Хобсбаум Э. Век капитала. 1848-1875. Ростов-на-Дону, 1999. С.382.

⁹ Цит. по: Тревельян Д.М. Социальная история Англии. М., 1959. С.562.

¹⁰ Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии. СПб. 1906, Т.1, С.145.

тической жизни современного им английского общества, а история трактовалась, как «политика, опрокинутая в прошлое».

На протяжении всей первой половины XIX века делались усилия модернизировать обучение, познакомить студентов с новыми научными веяниями, связать изучение истории с университетской базой. Но эти попытки носили характер эпизодического вмешательства в расстановку университетских кадров со стороны лиц, облаченных государственной властью – от премьер-министров до принца-консорта Альберта, супруга королевы Виктории. Преподавание истории находилось в руках специалистов по юриспруденции или служителей Высокой англиканской церкви. Преподавалась, античная и современная история. Под «современной» историей понималось все, что происходило после греко-римской древности.

В период обучения Гардинера в Оксфорде преподавание истории осуществлялось Г.Смитом, человеком резко выделявшимся своими политическими взглядами в университетской среде: он был воинствующим либералом. По манере поведения и убеждениям он больше соответствовал духовной атмосфере беспокойного, политизированного Лондона, нежели застоявшемуся Оксфорду¹¹. Трудно сказать о том, имело ли место влияние старшего историка на младшего в научном плане, но приверженность либеральным идеям отличала С.Гардинера, хотя неизвестен ее источник.

В 1851 г. С.Гардинер получил степень бакалавра искусств, стал членом совета колледжа, но в том же году вынужден был покинуть родной университет и надолго. Причиной тому послужила его принадлежность к ирвингианцам, поскольку преподавать в Оксфорде людям, не принадлежащим к высокой англиканской церкви, было разрешено только с начала 1870-х годов. Невольно возникает вопрос: разве это обстоятельство не существовало в момент поступления, в период обучения? Возможно, дело было не только в религиозных взглядах выпускника, но и в его научных интересах, точнее в его подходах к научному исследованию?

Середина XIX века – важный рубеж в интеллектуальной жизни западного общества. Бурное увлечение наукой, своего рода культ научных знаний, сложившийся в предшествующие два столетия был увенчан важными, как оказалось эпохальными, открытиями, основанными на долгом изучении и систематизации знаний в определенной сфере. К числу таких эпохальных открытий следует отнести публикацию работы Ч.Дарвина (1859) и систематизирован-

¹¹ Дизраэли назвал его «рупором избитых мятежных лозунгов». – Kenyon J. The History Men. The Historical Profession in England since the Renaissance. L., 1983. P.148.

ное объединение Д.М.Менделеевым химических элементов на основе определенных признаков (1869). Важность этих открытий заключалась в том, что они основывались на изучении множества конкретных данных, позволяли выявить некие общие тенденции при объяснении разных явлений и, что казалось особенно существенным, оставляли возможность для корректировки полученных результатов в случае получения новых данных.

Теория эволюции особенно важна была для обращения исторической мысли к осмыслению прошлого, как процесса, протекающего эволюционно. Такой подход давал возможность сравнения с тем опытом, который преподнесла Европе Великая французская революция. Другим важным толчком к развитию интереса к истории стал тот факт, что в середине XIX века на Европейском континенте завершалось создание крупных национальных государств. Этот процесс резко усилил рост националистических настроений и способствовал усилению интереса к национальному прошлому. Для Великобритании, переживавший процесс демократизации политической жизни, немаловажным был вопрос о воспитании расширившегося круга избирателей: «была надежда, что история позволит влиять на новый электорат»¹². К перечисленным факторам следует прибавить общее увлечение достоверными научно обоснованными сведениями, своего рода культ положительных знаний, способных выразиться в цифрах и фактах.

В этой атмосфере протекало формирование С.Гардинера в качестве историка. Главным научным авторитетом для него был Леопольд фон Ранке, которого он называл впоследствии «отцом современного исторического исследования»¹³. Судя по всему, своего рода идейным вдохновителем для него был Т.Карлейль, идею которого о «пуританской революции», Гардинер сделал стержнем своего исторического построения. Но определяющим в его понимании общества в его прошлом и настоящем была система ценностей, присущих либерализму.

Последующие три десятилетия деятельность С.Гардинера проходила вне стен Оксфорда. Кстати сказать, родной университет последним признает заслуги своего выпускника, когда для него настанет время успеха. В 1856 г. С.Гардинер с семьей (а он к этому времени женился на младшей дочери Э.Ирвинга – Изабелле) переехал в Лондон. Некоторое время он преподавал в частных школах в окрестностях столицы и читал множество публичных лекций.

¹² Kenyon J. The History Men. P.145.

¹³ Gardiner S.R. History of England. Vol.X. P.VI.

Последнее обстоятельство – очень характерная черта времени, демонстрирующая всеобщую тягу к знаниям, охватившую все слои общества. С другой стороны, это был беспроектный источник дохода для интеллектуалов, подвизавшихся в самых разных областях. Проведение турне с чтением лекций обеспечивало лектора возможностью некоторое время спокойно работать и содержать семью. Особенно удачным вариантом считалась доверчивая, любознательная, денежная аудитория, поджидавшая любых просветителей в городках американского Среднего Запада. Например, Ч.Диккенс и У.Теккерей такие турне не раз выручали. Для начинающего историка без имени «американский вариант» получения приработка был труднодостижим. С.Гардинер в своей просветительской деятельности вынужден был ограничиваться Лондоном, в том числе малореспектабельным Ист Эндом, где возникли различные просветительские общества для рабочих.

Одновременно он с редкостным упорством занялся поисками документального материала, относящегося к истории XVII века. Начав работать над избранной темой в начале 50-х годов, Гардинер затратил на сбор материала около десяти лет. Излюбленным местом работы для него стала библиотека Британского музея. Там он не только искал и обрабатывал материал, но и писал прямо на бело свои работы. Даже квартиру он себе подыскал в десяти минутах пешего хода от места своих ежедневных занятий.

Работу с архивными документами ему облегчало изрядное знание языков. Кроме достаточно традиционных в образованной среде французского и немецкого, он мог читать на итальянском, испанском, голландском и шведском. Такой подбор объясняется последовательным стремлением познакомиться с разных сторон с интересующей его проблемой. Ведь венецианская дипломатическая служба XVII века считалась (и являлась) самой осведомленной в Европе, и свидетельства венецианских посланников могли многое рассказать о внутрианглийских делах. Постоянные и разнообразные контакты и конфликты с Францией, Испанией, Голландией, чуть позднее Швецией получили отражение в самых различных источниках, официальных и неофициальных. Поэтому историк, взявшийся воссоздать картину жизни английского общества на протяжении первой половины XVII века, считал себя обязанным изучить все доступные документы, для чего в течение ряда лет работал в архивах Брюсселя, Венеции, Рима и Парижа.

Конечно, основные интересующие его источники находились на родине. Но многие интересующие его документы хранились в личных архивах и коллекциях старинных поместий, и возможность оз-

накомиться с ними зависела от доброй воли их высокородных владельцев. Историк в таких случаях приходилось быть немного дипломатом, и от его дипломатических способностей зависело расширение его источниковой базы. Не случайно «Предисловия» к его книгам содержат многочисленные благодарности владельцам ценнейших частных архивов.

Кроме того, приходилось заниматься дешифровкой старинных текстов. Так было, например, при изучении «бумаг Гамильтона», содержащих ценные сведения о перипетиях политической борьбы в период гражданских войн середины XVII века. Вспоминая много позднее об этой ситуации, Гардинер записал: «Во время моего второго посещения я обнаружил, что шифры могут быть поняты с помощью кода, вписанного между строк в другие письма»¹⁴. Эта предварительная часть работы, включающая поиски, собирание, расшифровку, отбор, анализ и систематизацию материала оказалась весьма хлопотливой и плодотворной.

Когда Гардинер начал публиковать свои исследования, у него выработалась привычка несколько написанных страниц сразу же отправлять в типографию. Поэтому у него никогда не было возможности просмотреть сделанное целиком. Это наводит на мысль о популярных в то время «романах с продолжением». Фактически свои работы как нечто завершенное он видел только уже напечатанными. Отсюда неизбежные мелкие несогласованности, в которых упрекали его рецензенты. Другое отличительное качество исследовательского подхода Гардинера заключалось в том, что изучаемый им материал он старался осмысливать в хронологической последовательности, раскручивая для себя «фильм веков» от начала к концу и, стараясь не заглядывать «в конец». Он как бы ставил эксперимент, наблюдая за тем, как протекает процесс.

Первые научные публикации С.Гардинера относятся к началу 60-х годов, они были посвящены конфликту Якова I Стюарта с его парламентами. Именно этот сюжет, относящийся к началу правления в Англии королей из шотландской династии, был взят в качестве точки отсчета революционного конфликта. Принимая во внимание последующее, остается признать, что историк с самого начала следовал определенному плану, согласно которому интересующий период выделялся из последовательной череды событий. Причины, истоки события представлялись ему определяющим моментом для понимания занимавшей его проблемы. Сам Гардинер писал по этому поводу: «Никто не может по-настоящему изучить отдельный

¹⁴ Gardiner S.R. History of the Great civil war. L.-N.Y., 1914. V.1. P.IX.

период истории... до тех пор, пока не выяснит основательно, что ему предшествовало...»¹⁵.

В 1863 году появились два тома «Истории Англии от восшествия на престол Якова I до отставки верховного судьи Кока»¹⁶. Критика встретила работу враждебно, читатели отнеслись к ней равнодушно. Было продано несколько десятков экземпляров издания, большая часть его пошла в макулатуру. Работа, перенасыщенная фактическим материалом, лишенная стилистических изысков, не имеющая «финала», снабженного назидательно-отвлеченными рассуждениями, не была принята обществом. Для большей части читающей публики история оставалась литературным жанром, в английских условиях круто замешанным на политической проблематике. Именно с этой позиции расценивался гардинеровский двухтомник «без начала и конца» одним из критиков: автор был отнесен к числу историков, «у которых вместо идей даются факты, а вместо картин – даты»¹⁷.

Неудача первой большой публикации стала «основательной проверкой смелости Гардинера»¹⁸. Но в последующие годы он продолжил свою работу тем же методом, стремясь собрать по интересующему его кругу вопросов как можно больше материала и медленно, продираясь сквозь толщу времени год за годом. Через пять лет вышли в свет следующие два тома, которые хронологически и тематически продолжали предыдущие, только название было более интригующим, чем сухое «История Англии». Оно звучало так: «Принц Чарльз и испанский брак»¹⁹. Реакция читателей осталась прежней: большая часть издания попала в макулатуру. Приговор критиков был вновь суров и категоричен: «Книга не имеет ни единства, ни оригинальности. Мистер Гардинер мог бы изложить все, что вносит нового, в полдюжины страниц»²⁰. Особенно возмутило рецензента заглавие работы – о каком собственно «испанском браке» идет речь, если договор так и не был подписан. При этом забывается, что речь фактически шла не просто о неудачном династическом сватовстве, а о провале определенного направления

¹⁵ Цит. по: Introduction by Hale to Evolution of the British historiography from Bacon to Namier. Cleveland and N.-Y., 1964. P.61.

¹⁶ Gardiner S.R. History of England from the accession of James I to disgrace of chief justice Coke (1603-1616). L., 1863, 2 vols.

¹⁷ Цит. по: Usher R.G. Critical study of the historical method of S.R. Gardiner. P.5.

¹⁸ Thompson J.W. A history of historical writing. N.Y., 1942. V.2. P.233.

¹⁹ Gardiner S.R. Prince Charles and the Spanish marriage. 1617-1622. A chapter of English history. L., 1869. 2 vols.

²⁰ Цит. по: Usher R.G. Op. cit. P.7.

внешнеполитического курса английского королевства на исходе первой четверти XVII века и причинах, вызвавших этот провал.

Несмотря на более чем прохладный прием, Гардинер продолжал работать так же упорно и методично, как прежде. Вообще в истоности его научной деятельности присутствует то, что у пуритан XVII века называлось «светским призванием» и расценивалось как служение Богу в мирской жизни, что предполагало полную самоотдачу и самоотверженность в выполнении своей работы. Впрочем, та же истовость присутствовала в поведении огромного числа ученых-исследователей XIX века, превративших свою жизнь в жертвенное служение Науке. В основе поведения Гардинера, видимо, присутствовали оба эти стимула. Во всяком случае, через пять лет он подготовил и издал очередной двухтомник под скромным названием «История Англии при герцоге Бекингеме и Карле I»²¹, который не избежал критического внимания рецензентов. На сей раз, осуждалась попытка отойти от устоявшихся стереотипов восприятия исторических личностей, от привычки «судить» и «выносить приговор» историческим деятелям с позиций своего времени.

О таком восприятии Д.С.Милль еще в 60-х годах писал: «Предков воображают своими ближайшими соседями, за исключением немногих особенностей, присущих им, как язычникам или католикам, как не имеющим никакого Хабеас корпус акт или воскресных школ»²². Эти слова кажутся откликом на замечания рецензента, осуждавшего «Историю Англии при Бекингеме и Карле I» за «снисходительность» к политически недальновидным деятелям прошлого. Автор рецензии безапелляционно утверждал, что «историк должен довольствоваться тем, чтобы поддерживать точку зрения, которая была принята всей нацией в описываемое время, а мистер Гардинер все время оказывается в невыигрышном положении, оспаривая народные приговоры XVII века»²³. Подмечена еще одна особенность этой работы – «английский народ почти не попадает в поле его зрения»²⁴. А после шумного успеха «Краткой истории английского народа» Д.Р.Грина (написанной, кстати сказать, в традициях «истории как политики, перевернутой в прошлое») такой подход признан был желательным.

²¹ *Gardiner S.R. History of England under the duke of Buckingham and Charles I. L., 1875. 2 vols.*

²² *Милль Д.С. История Франции Мишле / Милль Д.С. Рассуждения и исследования политические, философские и исторические. СПб, 1864, С.132.*

²³ *Atheneum. 1875. Feb. №2467. P.185.*

²⁴ *Ibid. P.185.*

С начала 70-х годов положение С.Гардинера несколько упростилось. С 1871 года он стал профессором Королевского колледжа в Лондоне. Показательно, что он был принят и признан учебным заведением нового типа, возникшим на волне культа научных знаний, поднятых бурей промышленного переворота. Учебные заведения, возникшие в этот период, получили название «краснокирпичных» университетов, и именно в них сосредоточились новые научные методы и новые требования к учебным заведениям. Деятельность старых университетов (Оксфорда и Кембриджа) направлена была на формирование определенного типа личности («джентльменов»), который находил применение в нескольких сферах. «Краснокирпичные» университеты обеспечивали в первую очередь профессиональную подготовку.

Надо полагать, что именно преподавательская деятельность в заведении такого рода подтолкнула С.Гардинера к написанию учебных пособий по национальной истории. Во всяком случае, начиная с 1874 года и до конца жизни, историк выпустил целый ряд таких работ. Масштаб охвата событий в них колебался от нескольких десятилетий XVII века до компактного изложения всей английской истории, но центральным, узловым событием в любом варианте оказывалась Английская революция середины XVII века²⁵. Наибольшую известность из написанных им учебных пособий приобрели: «Тридцатилетняя война» (1874), с которой собственно и началось признание С.Гардинера, как историка, «Два первых Стюарта» (1876) и «История Англии для студентов» (1891). В какой-то мере можно утверждать, что он начал «воспитывать» своего читателя, прививая молодым читателям вкус к изложению, построенному ясно и логично, подчиненному установлению причинно-следственных связей.

Предшествующие поколения английских (и вообще европейских) историков и «потребителей» их продукции подходили к истории, как к «политике, обращенной в прошлое». Спустя два года Гардинер издал очередной двухтомник, озаглавленный «Личное правление Карла I от смерти Бекингема до приговора судей в пользу корабельных денег», а в 1881 г. – «Падение монархии Кар-

²⁵ Gardiner S.R. The Thirty years' war. L. 1874; Gardiner S.R. The First Two Stuarts. L., 1876 (эта книга была переведена на русский язык и издана под названием: Гардинер С. Пуритане и Стюарты. СПб., 1898); Gardiner S.R. Outline of English history. L., 1881; Gardiner S.R. Student's History of England. L., 1891; etc.

ла I»²⁶. К этому времени (и на этой стадии разработки проблемы) стало очевидным, что все прошедшие годы писалось и издавалось единое историческое исследование, каждая из частей которого не только хронологически, но и тематически вытекала из предшествующей, а все вместе они составили некое единое построение.

Начинается новый период в жизни С.Гардинера, период признания. В 1882 г., благодаря покровительству У.Гладстона, он получил почетную пенсию (150 фунтов стерлингов в год). В 1884 г. его избирают членом Совета Колледжа Всех Святых в Оксфорде. Немного позднее он стал членом Совета Мертон-колледжа. В течение нескольких лет почетные звания от британских университетов и американских научных обществ «сыпались» как из рога изобилия. Его *alma mater*, колледж Церкви Христовой признал заслуги выпускника последним. Когда Розбери предложил ему возглавить кафедру истории в Оксфорде, он отказался, ссылаясь на необходимость завершения работы над своей «Историей».

Именно в 1880-90-е годы сложилось как нечто цельное, как некий «канон» его многотомное исследование истории Англии первой половины XVII века. Сначала Гардинер издал, заметно переработав, ту часть своего труда, которая была посвящена периоду, предшествующему началу вооруженного революционного конфликта, под одним названием «История Англии от восшествия Якова I до начала гражданской войны» (в 10-ти томах)²⁷. В «Предисловии» к девятому тому Гардинер фактически сформулировал основную задачу своей работы: «Окинуть взглядом дела великих людей, которые создали ту Англию, в которой мы живем»²⁸. Характерно, что к числу «великих отцов нации он в равной степени отнес и традиционно почитаемого Д.Пима и столь же традиционно осуждаемого Страффорда: для него они в равной степени закладывали основы могущества викторианской Великой Британии.

Затем были изданы три тома «Истории Великой гражданской войны» и три тома «Истории Республики и Протектората»²⁹, дове-

²⁶ Gardiner S.R. Personal government of Charles I. L., 1877, 2 vols; Gardiner S.R. The fall of the monarchy of Charles I, L., 1881, 2 vols. Изложение материала в «Падении монархии» прерывается событиями весны 1641 года, поскольку было решено издавать переработанную историю Англии первой половины XVII века под единым заглавием.

²⁷ Gardiner S.R. History of England from accession of James I to outbreak of civil war, L., 1883-1884, 10 vols.

²⁸ Gardiner S.R. History of England. Vol.IX. P.V.

²⁹ Gardiner S.R. History of the Great civil war. 1642-1649. L, 1886-1891, 3 vols; Gardiner S.R. History of the Commonwealth and Protectorate. 1649-1660. L., 1894-1901. 3 vols.

денные до 1656 года. «Портрет времени», созданный Гардинером лишен привычной для английского видения истории политической пристрастности, но далек и от объективности, которую он декларировал. Он избежал приверженности узкопартийным идеалам вигов (либералов) или тори (консерваторов), хотя по своим политическим позициям в жизни считался умеренным либералом и поклонником У.Гладстона. Его подход к восприятию прошлого один из исследователей назвал «попыткой прорыва»³⁰, имея в виду прорыв, отказ от либерально-вигского видения истории, как «политики, опрокинутой в прошлое». Для этого историк обратился к источникам и попытался создать исследование, основанное на огромном количестве источников. Отсюда перегруженность фактами.

Но в небольших авторских ремарках, вкрапленных в текст, предваряющих или завершающих его, звучит авторская позиция. Позиция эта *викторианская*, то есть отражает господствующие в *викторианской* Англии настроения, в которых представлены ценностные ориентиры, принятые как вигами (либералами), так и тори (консерваторами). Стержневой идеей исторического построения Гардинера стало прославление всего английского в прошлом, настоящем и будущем. Особенно заметно этого прослеживается при сопоставлении недостатков испанского колониализма и достоинств английского освоения новых земель, сопоставления, пронизывающего все тома «Истории». В отличие от своих политизированных предшественников, он старается дать взвешенную оценку тому вкладу, который сделал каждый из выдающихся деятелей прошлого в создание современной Гардинеру Англии, могущественной «мастерской мира» и «владычицы морей».

Вместе с тем, только убежденный либерал мог столь категорично декларировать: «Свобода торговли является самой лучшей вещью везде и всегда»³¹. И оценка, данная историком политической роли католицизма в жизни общества XVII века, является репликой из «Опыта о веротерпимости» предтечи либерализма Д.Локка, который совмещал защиту интересов личности с убеждением, что политические права могут быть ограничены, если религиозная принадлежность ставит под угрозу интересы государства.

В частности, философ объяснял и оправдывал положение, при котором английские католики в XVII в. были лишены гражданских прав, тем, что в их «верности вы никогда не можете быть уверены, пока они обязаны повиноваться непогрешимому папе, который но-

³⁰ Blaas P.B.M. Continuity and Anachronism... P.36.

³¹ Gardiner S.R. History of England. L., 1907. V.III. P.164.

сит ключи от их совести и может при случае разрешить от всех клятв, обещаний и обязанностей по отношению к государю»³². У Гардинера позиция пуритан обоснована так: «Сопротивления ненавистной религии они желали не потому, что ее положения были не верны, а потому, что ее существование было несовместимо с гражданским управлением»³³. А революционное движение в Англии рассматривалось им как борьба за утверждение идеалов гражданского общества («великая битва... в пользу умственной и личной свободы»³⁴), борьба, в которой «пуританизм должен был сыграть роль движущей силы»³⁵. Учитывая это, представляется справедливой такая оценка: «гардинеровская великая, но исключительно викторианская работа»³⁶.

Усилиями Гардинера представление о революционном движении, как о «Великом мятеже» или исключительно конституционном конфликте, было заменено концепцией «*пуританской революции*», понимаемой как движение за всестороннее обновление английской нации, движение, в котором были «перегибы» и «крайности», но имевшее в целом благое значение для страны. В последних томах с сожалением отмечается, что деятели революционного лагеря выполнили преимущественно разрушительные задачи, оставив решение созидательных задач последующим поколениям.

В последние «благополучные» десятилетия научного признания и материальной стабильности Гардинер с семьей перебрался жить в пригород, откуда ежедневно отправлялся в библиотеку Британского музея, занимаясь там с одиннадцати до половины четвертого (с получасовым перерывом на ленч). Привычка, выработавшаяся у него в годы постоянной нужды и спешки, написав несколько страниц, сразу же отсылать их в типографию, осталась у него навсегда. Весь объем работ он выполнял сам, никогда не прибегая к помощи секретаря.

А объем работы был довольно значительным: помимо завершения своего основного труда, он продолжал писать научно-популярные книги, читать лекции и принимать экзамены в нескольких колледжах, выступать с популярными лекциями в различных обществах (в частности особо отмечаемый всеми писавшими о

³² Локк Д. Опыт о веротерпимости // Сочинения. М., 1988. Т.3. С.75.

³³ Gardiner S.R. History of England. L., 1908. V.IV. P.289.

³⁴ Ibid. P.348.

³⁵ Ibid. P.171.

³⁶ Richardson R.C. The debate on the English revolution. L., 1977, P.73.

Гардинере цикл лекций об О.Кромвеле)³⁷. Кромвелю историк уделял в своем историческом построении особое место. Собственно, во всех работах об Английской революции этот персонаж доминирует, но трактуется по-разному: ловкий узурпатор высшей власти – у Кларендона, Вольтера, К Маколей, блестящий политик – у Ф.Гизо, герой-вождь – у Т.Карлейля.

Последняя из трактовок на первый взгляд ближе всего к тому портрету, который создал С.Гардинер, но только на первый взгляд. Карлейль подчеркивает исключительность героя-вождя, божественную природу выполняемой им роли в духе романтической исключительности. Гардинер видит в Кромвеле «первого типичного англичанина нового времени», человека выражающего потребности и настроения нации, являющегося ее частицей, «одним из нас». В литературе отмечается связь между восприятием деятельности О.Бисмарка по созданию единой Германии и гардинеровской трактовкой роли Кромвеля как выразителя интересов английской нации. «Английская историография, также изменила трактовку, усилив консерватизм, прагматизм, национализм и приверженность государственной идеи Кромвеля в гардинеровском сочинении»³⁸. Знакомясь с той характеристикой, которую дал Гардинер Кромвелю на страницах своего большого труда и в специальных работах, невольно возникает мысль о том, что историк предвосхитил создание мифологического образа, получившего широкое распространение в политической практике XX века.

В 1880-90 годы Гардинер постоянно печатался в «Английском историческом обозрении». Необходимо отметить, что в Англии только в 1886 г., позднее, чем в большинстве европейских стран появилось специальное периодическое издание, предназначенное для знакомства с проблемами развития исторической науки. Тем самым признавалось качественно новое отношение к истории, признавалась ценность изучения прошлого без оглядки на непосредственный политический интерес. Показательно, что вскоре после того, как такое издание возникло, руководство его работой (с 1891 г.) было поручено С.Гардинеру.

Другой сферой деятельности стало для Гардинера сотрудничество с несколькими научными обществами, прежде всего с Кэмденовским (название происходит от имени знаменитого историка-

³⁷ На основе его цикла лекций об Оливере Кромвеле были написаны: *Gardiner S.R. The Cromwell's place in history. L., 1897; Gardiner S.R. Oliver Cromwell. L., 1901.*

³⁸ *McClelland C. The German historians and England. A study in nineteenth-century views. Cambridge, 1971. P.195.*

антиквара, работавшего на рубеже XVI и XVII веков), занявшимися публикацией источников. Интерес к этому у Гардинера был доминирующим. Не случайно все «Предисловия» к его работам содержат развернутый анализ источникового материала. Кроме того, в них увлеченно рассказывается, где и что было найдено и добыто, чем интересен тот или иной источник, кому автор высказывает благодарность по поводу его обнаружения и т.д. В 80-90-е годы Гардинером (или при его участии) было опубликовано несколько десятков томов источников. Только для Кэмденовского общества им было подготовлено семнадцать томов документов³⁹.

Гардинер никогда не был «светским» человеком. Вечера он обычно проводил в кругу семьи за разговором, чтением романов или разбором корреспонденции. Такой стиль жизни вполне соответствовал викторианским идеалам – семья, как некий островок безопасности в бушующем мире. Невольно перед глазами встает одна из иллюстраций в популярном в ту пору журнале «Панч», выполненная художником Р.Дойлем. Изображение делится на две части. В центре тщательно, подчеркнуто объемно, изображена семейная сцена в интерьере: в креслах сидят дородные, исполненные довольства супруги в окружении десятка играющих, читающих, мечтающих, беседующих ребятишек. Обрамляют эту идиллию множество сценок, где люди стреляют, дерутся, размахивают топорами, пиками, саблями, ружьями. Эти мелкие суетливые фигуры нарисованы легкими штрихами и лишены объема. Подпись гласит: «Не существует места, подобного дому»⁴⁰. Не располагая конкретными данными о частной жизни С.Гардинера (ведь трудно уловить индивидуальность в кратких панегириках некрологов), можно попытаться представить ее через быт типичного «среднего» викторианца, каковым он, судя по всему, был.

Все его времяпрепровождение, даже отдых, было связано с его работой. Ставшие модными в последней четверти XIX века «вылазки на природу» и катание на велосипеде он приспособил для своих научных изысканий. Вместе со своей второй женой Бертой он объездил на велосипедах поля сражений периода гражданских войн XVII века, составляя карты знаменитых битв. Эти карты включались в текст «Истории» для большей конкретизации излагаемого материала. Кроме того, они были изданы в качестве специального

³⁹ Самые известные из сборников документов, подготовленных С.Гардинером: *Constitutional documents of the Puritan revolution. 1625-1660*. Oxford, 1889 (переиздавались несколько раз) и *The Hamilton papers, L., 1880*.

⁴⁰ *A History of private life. L., 1990. V.IV. P.92.*

атласа для школьников. Берта стала не только его неизменной спутницей в путешествиях по английской и шотландской «глубинке», но и надежной помощницей. Известно несколько ее небольших источниковедческих статей.

Внезапная болезнь прервала все работы Сэмюэля Гардинера в тот момент, когда он переживал период всеобщего признания, а дело его жизни, «История Англии» еще не была завершена. Он умер в феврале 1902 г., не дожив несколько дней до семидесятилетия. Завершил и издал «Историю Республики и Протектората» его друг и почитатель Ч.Ферс, постаравшийся в точности сохранить гардинеровскую манеру организации и подачи материала.

Для понимания места и роли Гардинера в истории исторической мысли не годятся определения, которыми принято наделять крупных ученых – оригинальный, яркий, исключительный, открывающий новые горизонты... Он на новом профессионально-научном уровне завершил давнюю линию развития в английской исторической мысли. Он входил в число тех историков, которые были профессионалами академического толка, добросовестными, серьезными, упорными собирателями знаний. Он был типичным представителем своего времени, как ученый и как человек: упорный, целеустремленный, последовательно добивавшийся решения поставленных задач, воплощавший столь ценимые в викторианскую эпоху качества, которые воспел Р.Киплинг:

«И если можешь сердце, нервы, жилы
Так завести, чтобы вперед нестись,
Когда с годами изменяют силы
И только воля говорит «Держись!
И если можешь быть в толпе собою,
При короле с народом связь хранить
И уважая мнение любое,
Главы перед молвою не клонить,
И если будешь мерить расстоянье
Секундами, пускаясь в дальний бег, –
Земля – твоё, мой мальчик достоянье!
И более того, ты – человек!»⁴¹

Поэтому именно ему удалось создать наиболее адекватный потребностям своего времени образ Английской революции, поворотного события в истории страны.

⁴¹ Киплинг Р. Стихи. Рассказы. Сказки. М., 1989. С.251.

Л. Алябьева

**«This will never do»:
история литературной репутации
Уильяма Вордсворта**

«Так дело не пойдет» – именно этими словами начинает свою рецензию «Прогулки», поэмы Уильяма Вордсворта, опубликованной в 1814 г., бессменный критик поэта на протяжении двадцати с лишним лет, редактор «Эдинбургского обозрения» Фрэнсис Джеффри¹. Однако, дело пошло и еще как, но это случилось позднее.

Английский поэт Уильям Вордсворт, известен, прежде всего, как автор поэтического сборника «Лирические баллады», опубликованного в 1798 г. Его творчество прочно ассоциируется с романтическим направлением в английской литературе XIX века, но он, в отличие от кумиров романтического поколения Байрона и Шелли, прожил долгую жизнь и умер в 1850 г. в возрасте восьмидесяти лет. Вордсворт начал свою карьеру раньше других романтиков (его первые стихотворения были опубликованы еще в середине 1790-х годов), а закончил гораздо позже (Китс умер в 1821 г., Шелли погиб в 1822, Байрон – в 1824), последняя прижизненная публикация его сочинений относится к 1849 г. Перипетии творческой судьбы Вордсворта интересны, с точки зрения истории и законов построения и разрушения литературных репутаций².

Творческую жизнь Вордсворта можно поделить на два периода: до конца 1820-х годов – первый, и, начиная с 1830-х вплоть до его смерти в 1850 г. – второй. Томас Де Куинси не так уж сильно преувеличил, когда сказал, что «вплоть до 1820 года имя Вордс-

¹ F. Jeffrey. *This will never do*. Ф. Джеффри, будучи одним из ведущих критиков своего времени, к мнению которого читатели прислушивались с большой готовностью, основательно навредил Вордсворту. Первая разгромная рецензия Джеффри относится к 1802 г., в ней он обвинил «современных поэтов», имея в виду, прежде всего, Вордсворта, в том, что их литературная продукция способствует формированию «ложного вкуса» у читателей. Это противостояние поэта и критика продлилось вплоть до 1829 г., когда он покинул пост издателя «Эдинбургского обозрения».

² См. об этом подробнее: *Raysor Th.M. The establishment of Wordsworth's reputation // The Journal of English and Germanic philology. Vol. LIV, №1. January, 1955. Gill, Stephen. Wordsworth and the Victorians. Oxford: Clarendon Press, 1998. Peek, Katherine Mary. Wordsworth in England: Studies in the History of his Fame. N.Y., 1969. An Estimate of William Wordsworth by his Contemporaries. 1793-1822 / Ed. Elsie Smith. Oxford: Basil Blackwell, 1932.*

ворта топтали ногами; с 1820 по 1830 г. оно звучало воинственно, а с 1830 по 1835 г. стало торжествующим»³.

Первый период прошел под знаком жесткой критики поэтического кредо Вордсворта со стороны Джеффри и других критиков того времени: высмеивалось все, начиная от «простого» языка стихотворений поэта, заканчивая слишком низкими и непоэтическими темами и предметами, избранными им для своих лирических опытов. Говорили, что Вордсворт впал в детство и даже, что он сошел с ума. Так, например, поэтесса Анна Сьюард (Anna Seward, 1747-1809) писала Дарвину: «Должно быть, Вордсворт сошел с ума так же, как и бедный поэт Ли», что еще можно сказать о человеке, который пишет о «танцующих нарциссах». Его стихотворения не вызвали у нее ничего, кроме «неприятного удивления и отвращения»⁴. Де Куинси, который с самого начала был восторженным поклонником таланта Вордсворта, вспоминал, что все соседи поэта по Озерному краю «презирали его»⁵. Большинство читателей, которые обычно доверяли только рецензиям, и формировали свое мнение о поэтах по нескольким цитатам, избранных пристрастным критиком для анализа, вслед за Джеффри объявили стихотворения Вордсворта «глупостями» и «невинным детским лепетом»⁶. Надо сказать, что и оценка литераторов была неоднозначной. Так, например, Вальтер Скотт назвал произведения поэта «слишком тонким блюдом» даже для самого просвещенного читателя⁷.

Однако в 30-е годы к Вордсворту и его творчеству начинают относиться иначе. На смену «Эдинбургскому обозрению» приходят новые журналы, такие, как *The Athenaeum* (начал издаваться в 1828 г.) и *Fraser's Magazine* (основан в 1830 г.). На страницах «Атенеума» Вордсворт был провозглашен «неизменным идолом», а в статье *Fraser's Magazine* было сказано о «благоговении перед Вордсвортом»⁸. Что же стало причиной такой метаморфозы? Во многом это связано с изменениями в духовном климате Англии, которые привели к складыванию новой идеологии: на первый план выходят такие ценности, как высокая нравственность и добродетель, вера в бога, тепло домашнего очага и приоритет гармониче-

³ De Quincey Th. *Recollections of the Lakes and the Lake poets*. Harmondsworth: Penguin Books Ltd., 1970. P.117.

⁴ Цит. по: Cruse, Amy. *The Englishman and his books in the early 19th century*. L., 1930. P.47.

⁵ De Quincey Th. *Op. cit.* P.117.

⁶ Джеффри, первая рецензия на стихотворения Вордсворта.

⁷ Цит. по: Peek K.M. *Op. cit.* P.26.

⁸ Цит. по: *Blanshard F. Portraits of Wordsworth*. L., 1959. P.67.

ских отношений между супругами в противовес бурным страстям, воспетым предыдущей эпохой. У публики появился вкус к чтению, возвышающему дух, интерес к религиозной тематике. Все это определило тон и содержание английской литературы середины столетия. Читатели нового поколения поняли, что Вордсворт – их поэт. Неслучайно, создавая свой литературный пантеон, на его вершину викторианцы помещают Вордсворта. Мэтью Арнольд в Предисловии к стихотворениям Вордсворта (1879) писал:

«...поэзия Вордсворта после Шекспира и Мильтона.., без сомнения, является самым значительным явлением в нашем языке (в нашей литературе) со времен королевы Елизаветы вплоть до современности»⁹.

То, что прежде вызывало насмешку и считалось причудой Вордсворта, обрело иной, высший смысл. Так, решение поэта жить вдали от городской суеты в тиши Озерного края раньше многие считали неразумным отказом от завоеваний цивилизации¹⁰, теперь же затворничество Вордсворта стали называть духовным отшельничеством, желанием уберечься от соприкосновения с миром, где царит несправедливость и обман. Вдали от него поэту открылась истина: настоящее величие кроется в простоте. Эта нехитрая философия нашла отражение в его теории и поэтической практике.

В знаменитом Предисловии 1800 года к сборнику «Лирических баллад» Вордсворт писал: «Мы выбрали главным образом сцены из простой сельской жизни, потому что в этих условиях естественные душевные порывы обретают более благодатную почву для созревания, подвергаются меньшему ограничению и говорят более простым и выразительным языком»¹¹.

Сразу после провозглашения этот манифест вызвал порицание критиков и негодование публики. Три десятилетия спустя, в размышлениях поэта о боге и природе, человеческих чувствах, адекватности поэтического языка, когда-то считавшихся «путаным нравоучительно-благочестивым бредом»¹², викторианцы обрели откровение, нашли объяснение тайн духа. В 30-е годы были также признаны и метрические эксперименты Вордсворта, которые Джеффри показали «открытым насилием над сложившимися поэтическими законами»¹³.

⁹ *Wordsworth, William. A critical anthology / Ed. G. McMaster. Harmondsworth: Penguin Books Ltd., 1972. P.221.*

¹⁰ В 1807 г. обозреватель *Critical Review* советовал Вордсворту «проводить побольше времени в библиотеке» и «поменьше в компании своих собственных мыслей», а Люси Эйкин (Lucy Aikin) считала, что проводя время в одиночестве, поэт «лишает пищи свой разум» (цит. по: *Gill S. Op. cit. P.20*).

¹¹ *Вордсворт У. Предисловие к «Лирическим балладам» // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980. С.262.*

¹² слова Джеффри, цит. по: *Реек, p.51.*

¹³ Цит. по: *Gill, p.21.*

В период непонимания читателей и беспощадной критики рецензентов, Вордсворт писал, что истинному поэту в «ожидании грядущей славы» достаточно «признания немногих благодарных» читателей. Надежды Вордсворта оправдались, вскоре сравнительно узкий круг немногочисленных ценителей его поэтического таланта заметно расширился. Об этом, в частности, свидетельствует увеличение продаж и тиражей произведений поэта: от традиционных 500-750 экземпляров в годы сотрудничества с издательским домом Лонгманов до 3000 копий после перехода к Эдварду Моксону, с которым он продолжал работать вплоть до самой своей смерти¹⁴. После смерти Вордсворт стал настоящим «издательским феноменом» викторианской Англии: в период с 1860 по 1870 год было продано больше копий, чем за 57 лет его литературной карьеры¹⁵.

Трудно переоценить значение Вордсворта для таких людей, как Элизабет Гаскелл, Чарльз Кингсли, Альфред Теннисон, Мэтью Арнольд, Джон Рескин и даже Чарльз Дарвин, который, будучи молодым человеком, дважды прочитал «Прогулку» с большим энтузиазмом. Одной из самых преданных почитательниц таланта Вордсворта была Элизабет Баррет, поэтесса, жена поэта Роберта Браунинга. Подобно многим викторианцам, она восхищалась не столько его поэзией, сколько личностью поэта и его образом жизни.

В статье о Вордсворте, которая была опубликована на страницах «Атенеума» 27 августа 1842 года, Баррет восторженно восклицала: «...какую спокойную, безупречную, героическую жизнь... прожил этот человек», посвятив ее «служению поэзии»¹⁶. За год до этого она, провозгласившая Вордсворта «королем поэтов нашего времени», направила к нему своего друга Джона Кеньона (John Kenyon), который был хорошо знаком с автором «Прогулки», поскольку непременно хотела иметь что-нибудь, связанное с его именем и бытием в Озерном крае в имении в Райдл Маунт (Rydal Mount). Кеньон выполнил поручение и возвратился с «листочком» из сада Вордсворта. Надо сказать, что кусты и другая растительность вблизи дома поэта изрядно пострадали от набегов многочисленных пилигримов, жаждущих владеть частицей,

¹⁴ Например, шеститомное собрание стихотворений 1836 года было переиздано целых семь раз. Росли также и гонорары поэта. За оба издания «Лирических баллад» 1800 и 1802 гг. Вордсворт получил всего 80 фунтов, а в 1835 г. в разговоре с поэтом Томом Муром, автором поэмы «Лалла Рук», Вордсворт признался, что за все эти годы поэзия принесла ему не больше тысячи фунтов. А уже в 1836 г. за собрание его сочинений Моксон предложил Вордсворту «щедрую», по словам самого поэта, сумму в тысячу фунтов. — *The Letters of William and Dorothy Wordsworth. The later years, vol. II (1831-40)* / Ed. De Selincourt E. Oxford: Clarendon Press, 1939. P.811.

¹⁵ Цит. по: *Gill S. Copyright and the publishing of Wordsworth, 1850-1900 // Literature in the Marketplace* / Ed. by John O.Jordan. Cambridge, 1995. P.74.

¹⁶ Цит. по: *Gill, Wordsworth and the Victorians*, p.270.

связанной с жизнью их кумира¹⁷. Жилище Вордсворта в Озерном крае превратилось в святое место, а сам поэт – в пророка¹⁸.

Среди поклонников Вордсворта оказался также экономист и философ Джон Стюарт Милль (John Stewart Mill, 1806-73). В своей автобиографии он вспоминал, как в 1828 г., когда ему было 22 года, на него нахлынула необъяснимая тоска, от которой он не мог избавиться, пока в руки к нему не попал томик стихов. Он и не надеялся, что поэзия облегчит его душевную боль и поможет обрести утраченное равновесие, поскольку до этого все эти попытки оказывались тщетны. Стремясь избавиться от охватившей его душевной боли, Милль «перечитал всего Байрона», однако это лишь усугубило его состояние, поскольку, по словам философа, «настрой поэта слишком походил на его собственный», а «его Гарольд и Манфред оказались обременены теми же проблемами», что и он сам. Неожиданно именно Вордсворт принес желаемое исцеление душе молодого человека. И, если Байрон «не подходил» для его «состояния», то Вордсворт «точно подошел, как раз и подошел»; «стихотворения в двух томах 1815 года издания оказались в тот момент незаменимы для потребностей моего духа»¹⁹. Поэзия Вордсворта – исцеление, она – предназначена не просто для получения удовольствия, но служит вполне конкретным целям, являясь прекрасным лекарством от апатии и депрессии. Ее особый смысл открывается читателю в том случае, если он вовремя к ней обратится, как раз в тот момент, когда он более всего в ней нуждается.

Поэт и критик Мэтью Арнольд (Matthew Arnold, 1822-88) вместе со своим отцом, основателем знаменитой школы в Рагби, Томасом Арнольдом восхищался поэзией Вордсворта. Именно он внес существенные изменения в литературный пантеон Англии, уверенно поместив на самую его вершину автора «Прогулки».

В стихах на смерть поэта *Memorial Verses: April 27, 1850* он написал об «исцеляющей силе» поэзии Вордсворта, которая подобно «свежести мо-

¹⁷ Так, в сентябре 1836 г. муж дочери Вордсворта Доры Э.Квиллиан обратил внимание на молодую пару, которая направлялась напрямиком к Райдл Маунт и невольно подслушал их разговор. По его свидетельству, женщина, подойдя к воротам, обратилась к своему спутнику: «Мы не можем войти; вскарабкайся на стену и сорви веточку лавра, хоть что-нибудь; мы должны взять что-нибудь с собой». (Edward Quillian, diary entry, 1 September, 1836).

¹⁸ Известный писатель, один из идеологов христианского социализма Чарльз Кингсли (Charles Kingsley, 1819-75) признался в 1844 г.: «Для меня он – не просто поэт, но проповедник и пророк новой божественной философии, человек, который поднялся, подобно свету, в наши темные времена». (Цит. по: Amy Cruse. *The Victorians and their books*. L., 1935. P.176).

¹⁹ Цит. по: Cruse, *The Englishman and his Books*, p.55.

лодого мира», наполняет душу человека чувствами и эмоциями²⁰. Позднее, в Предисловии к «Стихотворениям Вордсворта» (1879) Арнольд признался, что он является поклонником автора «Прогулки» и «Прелюдии» и считает своего кумира «безупречным и мудрым мастером», «славой английской поэзии». Критик убежден, что Вордсворт «великий поэт», которому открылся «источник радости жизни» и он делится этим открытием со своими читателями. Оказывается «этот источник неисчерпаем и доступен каждому человеку», поскольку он – в самой природе²¹.

Увидеть Вордсворта становилось настоящим событием.

Так, например, сенатор Чарльз Самнер писал своему другу в 1838 г.: «Мой дорогой Хиллард, я видел Вордсворта! Как странно постучать в соседнюю дверь и спросить "Где живет господин Вордсворт?" Представь себе, каково это – прийти в Вестминстерское Аббатство и справиться о господине Шекспире или Мильтоне!» По свидетельству Самнера, они беседовали «на разнообразные темы», в частности, об авторском праве и рабстве²².

Джон Рескин, с юношеских лет восхищавшийся поэзией Вордсворта, впервые встретил своего кумира в 1830 г., когда вместе с родителями оказался недалеко от городка Эмблсайд в Озерном краю, куда они специально поехали, поскольку слышали, что поэт как раз туда и направился. «Нам повезло», – вспоминает Рескин, ибо Вордсворт действительно был там, однако «мы были несколько разочарованы внешностью этого джентльмена, к тому же, похоже, большую часть времени он проспал»²³. Похоже, сходное разочарование испытал и Эмерсон²⁴, когда в 1833 г. он впервые посетил поэта в Райдл Маунт. Несмотря на это, приехав в Англию в 1848 г., философ еще раз навестил Вордсворта. Вспоминая о своих визитах в Озерный край в книге мемуаров под названием «Черты английской жизни» (*English Traits*), он признал, что *Intimations Ode* является «высшим достижением разума в наше время»²⁵.

²⁰ Цит. по: Bauer N.S. Wordsworth: a reference to British criticism. Boston, 1978. P.168.

²¹ McMaster, p.231, 235.

²² Цит. по: Gill, Wordsworth and the Victorians, p.14.

²³ Ibid. P.12.

²⁴ Эмерсон Ралф Уолдо (Emerson, Ralph Waldo, 1803-82) – американский философ-идеалист, основоположник трансцендентальной школы, поэт и эссеист. Ему были близки идеи пантеизма и панпсихизма, природа, с точки зрения философа, одушевлена и обладает «сверхдушой». Эмерсон выступал против рабства и был сторонником свободы личности. Он также был автором книги «Представители человечества» (Representative Men, 1850), а также ряда биографических очерков.

²⁵ Цит. по: Gill, Wordsworth and the Victorians, p.14. Эмерсон был не единственным американцем, посетившим Вордсворта в его уединении. Еще в 1819 г., чтобы выразить поэту свое восхищение, в Райдл Маунт заехал профессор Гарвардского университета Джордж Тикнор (George Ticknor), который потом не раз приезжал в Озерный край, представляя Вордсворту

С каждым годом число желавших лично познакомиться с «величайшим поэтом современности»²⁶ возрастало. В книге посетителей дома Вордсворта в Райдл Маунт за последние десять лет жизни поэта были записаны имена более двух тысяч визитеров. Некоторые из них, набравшись смелости, сами представлялись своему кумиру, как это сделал чартистский поэт Томас Купер, автор «Чистилища самоубийц» (*Purgatory of Suicides*), представ перед «Почитаемым Господином», как он в дальнейшем величал Вордсворта, подобно «пилигриму, покрытому пылью» пройденных дорог. Другой поэт Роберт Монтгомери, автор «Вездесущности Божества» (*The Omnipresence of the Deity*, 1828), запечатлел в далеких от совершенства стихах свою встречу с «почтенным певцом», с «жрецом поэзии и правды, увенчанным лавровым венком»²⁷.

Однако в основном жаждущие встречи с Учителем пользовались рекомендацией друга, либо просто знакомого самого поэта. Например, в 1836 г. знакомый Вордсворта сэр Уильям Боксолл обратился к нему с просьбой принять двух дам, «истинных поклонниц» поэта, которые мечтают о встрече с их кумиром, «проводя каждый вечер за чтением вслух» его сочинений. Его стихи «полны для них вдохновения», их воздействие по силе своей сопоставимо только с Библией²⁸. Нескончаемая вереница посетителей свидетельствовала о растущей славе поэта, о том же говорил и нескончаемый поток писем, зачастую лишенных всякого смысла.

Бывшему однокласснику Ч.Лэма преподобному Чарльзу Валентину Ле Грису (Charles Valentine Le Grice) повезло настолько, что он получил в качестве сувенира прогулочную палочку поэта, причем в своих письмах, которыми преподобный буквально завалил поэта в 40-е годы, он постоянно упоминает свою драгоценность в таких выражениях, как, если бы это был фрагмент креста, на котором был распят сам Христос. В память об этом событии он даже написал сонет под названием «На мой первый и единственный визит к поэту Вордсворту, незадолго до его смерти, когда он подарил мне свою любимую старую прогулочную палочку» (On my first and only visit to the Poet Wordsworth, shortly previous to his death, when he regardfully presented me with a walking stick which had been an old and much-used favourite). Упомянув в заключительных строках ту самую палочку, автор называет ее не больше не меньше «славой моего дома»²⁹. В 1836 г. Вордсворту написал Томас Пауэлл (Thomas Powell), чтобы рассказать, какое впечатление произвело на него чтение стихотворения *Tintern Abbey*. Он с трудом подбирает слова, чтобы описать то свое состояние, когда «показалось, как будто песня вырвалась из плена», «по-

своих многочисленных друзей.

²⁶ *De Quincey*, p.116.

²⁷ Цит. по: *Gill, Wordsworth and the Victorians*, p.12.

²⁸ *Ibid.* P.13

²⁹ *Ibid.* P.270.

добно вспышке солнечного света, что скрывался за пеленой облаков».

А вот Джона Саймона (John Simon), преподавателя медицины Королевского колледжа в Кембридже, поэзия Вордсворта научила всему тому, что, по его мнению, «надлежит знать»: «смиренной вере в Бога», «любви к Человеку» и «согласию с Природой»; этими «уроками» он «подобно тысячам других, обязан сочинениям» Вордсворта³⁰.

Фрэнсис Огл в течение нескольких лет переписывалась с поэтом. Благодаря его стихотворениям у нее появилась «вера, которую она надеется никогда не утратить». Свой долгий и нелегкий путь к спасению мисс Огл описывает при помощи замысловатого метафорического узора. В тот момент, когда она, «усталая» и изможденная более всего «нуждалась в целительном бальзаме», «дающем силу и покой», она вышла к источнику, воды которого даровали ее душе «мир, утешение и искреннюю радость». Очевидно, что этим источником стала поэзия Вордсворта, которая помогла мисс Огл обрести «светлую веру в благословенность всего, что предстает перед нашим взором»³¹.

Надо сказать, что Вордсворт очень серьезно относился ко всем этим письмам и аккуратно отвечал на такого рода послания. Например, отвечая мисс Огл, он благодарил восторженную почитательницу за то, что она «с таким чувством описала целительное воздействие его произведений» на ее душевное состояние³².

Таким образом, «Барда, которого никто не похвалил// И мало кто читал» (цитата из стихотворения сына Кольриджа Хартли *Wordsworth unvisited*, названного так по аналогии с вордсвортовским *The Yarrow Unvisited*), в 30-е годы признали первым поэтом Англии, а его произведения стали обязательным чтением викторианцев со школьной скамьи. Немаловажную роль в этом сыграл издатель Вордсворта Э.Моксон, который с самого начала их сотрудничества с поэтом стал активно включать его стихотворения в антологии, предназначенные для образовательных целей. Благодаря этому известность Вордсворта росла и за ним закрепилась репутация Учителя. Что, кстати, не противоречило его собственным представлениям о роли Поэта в обществе. Еще зимой 1808 года в письме к сэру Джорджу Бомонту Вордсворт заметил, что «всякий великий Поэт является Учителем» и признался, что сам он «хотел бы считаться либо Учителем, либо вообще никем»³³.

Романтики не могли ему простить этого нарочитого дидактизма. Так, Джон Китс, размышляя об этом качестве поэзии Вордсворта, писал: «Мы ненавидим поэзию, у которой относительно нас

³⁰ Ibid. P. 15.

³¹ Ibid. P. 16.

³² Письмо Вордсворта Элизабет Фрэнсис Огл от 5 мая 1840 года.

³³ Цит. по: Gill S. Wordsworth's breeches pocket: Attitudes to the didactic poet // *Essays in Criticism*. Vol. 19, №1. January, 1969. P. 385.

есть очевидные намерения»³⁴. В отличие от своих предшественников викторианцы считали основной задачей поэта возвышение души читателя; неудивительно, что именно Вордсворт был признан ими первым поэтом Англии, а его сочинения – откровениями о Боге и Природе «великого поэта» и «великого философа»³⁵.

Вордсворт верил, что Поэт является носителем важной общественной миссии. Об этом он писал в самом начале своей поэтической карьеры в письме Ч.Дж.Фоксу о двух своих поэмах «Майкл» и «Братья» из второго издания сборника «Лирических баллад» 1800 года. В обоих произведениях он обращается к вопросу о положении бедноты. По его словам, процесс индустриализации привел к росту «несоразмерности, непропорциональности между стоимостью труда и жизненными потребностями». Поэт стремится показать, что и «люди, которые не носят дорогую одежду, способны на глубокие чувства» и искренне надеется, что его сочинения «смогут возбудить... сочувствие в сердцах добрых и отзывчивых людей», а также «умножат... наше знание человеческой природы», «продемонстрировав, что нашими лучшими качествами обладают люди, которых мы слишком склонны рассматривать не с точки зрения сходства, но исходя из их очевидного от нас отличия». Обращаясь к Фоксу, Вордсворт замечает, что, возможно, его лирические опыты помогут в борьбе с общественным злом, от которого «страдает вся страна»³⁶. Говоря о зле, поэт имел в виду вполне конкретную проблему, с которой столкнулось английское общество в XIX веке, когда большинство населения страны оказалось за чертой бедности. В начале нового столетия, когда поэт поднял этот вопрос в своем письме Фоксу, лишь немногие понимали реальную угрозу этого явления. И только в 30-е годы оно из частной проблемы превратилось в предмет особой обеспокоенности не только для государственных мужей, но и для простых граждан³⁷.

³⁴ Keats to John Hamilton Reynolds, 3 February, 1818.

³⁵ Цитата из Предисловия к популярному в те годы сочинению Г.Тэйлора *Philip Van Artevelde: A dramatic romance* (1834): «Ни один человек не может быть великим поэтом, если он не является также и великим философом».

³⁶ Письмо от 14 января 1801 года. См. в: *Letters of William Wordsworth*. Ed. by Alan G. Hill. Oxford: Oxford University Press, 1984. P.41, 43.

³⁷ Выдающийся викторианский философ и историк, автор концепции «культы героев» Томас Карлейль (Thomas Carlyle, 1795-1881) писал о тревоге, которую у него вызывают «положение и нравы рабочего люда» в своей книге «Чартизм» (1839 г.). Чарльз Кингсли с ужасом видит, что конкуренция, схватившая всех вокруг, «разрушает и разъединяет нас», в результате «каждый сам за себя и против своего брата». Богатые богатеют, бедняки влачат жалкое существование. Средство против этого распада Кингсли видит в «объединении и самопожертвовании», в необходимости «быть честными»

Любопытно, что именно в 30-е годы письмо Вордсворта Фоксу обрело вторую жизнь, благодаря публикации «Писем сэра Томаса Ханмера, баронета и спикера палаты общин», осуществленной сэром Генри Эдвардом Банбери (Winbury). Причем в свое собрание он не просто включил послание поэта Фоксу, но особо отметил его важность в предисловии. Сэр Генри также обратился к Вордсворту с запиской, в которой он принес свои извинения за самовольную публикацию этого письма, доставшегося ему от первой жены, племянницы Фокса. Говоря о его содержании, Банбери признался, что на протяжении 20 лет он «обращался к нему с неизменным удовольствием», восхищаясь мудрыми замечаниями поэта «относительно положения рабочего класса»³⁸.

Вскоре охватившая людей жажда деятельности во благо неимущих приобрела карикатурные формы. Среди представителей среднего класса забота о неимущих стала модой, начали организовываться всевозможные благотворительные фонды и ассоциации для сбора средств в помощь бедноте. Но все это будет позднее, а в 1801 г. Вордсворт оказался среди первых, кто забил тревогу по этому поводу. Викторианцы высоко оценили гуманистический порыв поэта. Тем более, что в 1835 г. он подтвердил свое высокое звание Учителя жизни, поместив в конце *Yarrow revisited* прозаическое Послесловие, благодаря которому поэма имела особый резонанс в обществе. «Постскриптум» был посвящен так называемому Новому Закону о бедных (*New Poor Law*) и был очень важен для поэта, о чем свидетельствует тот факт, что, будучи тогда в Лондоне, он с особым вниманием следил за процессом публикации, ожидая «в особенности замечаний относительно Закона о бедных, которые непременно наживут себе врагов»³⁹.

В Послесловии поэт выступил с критикой принятого в 1834 г. закона, который, по его мнению, «исходит из того, что рабочий человек сам виноват» в своей бедности⁴⁰. Викторианцам импонировало свойственное поэту чувство ответственности перед бедняками и его неистребимая вера в то, что «у всех у нас одно

по отношению друг к другу. — *Kingsley Ch. Cheap Clothes and Nasty // The portable Victorian reader / Ed. G.S. Haight. Penguin Books, 1977. P.126-127.*

³⁸ Цит. по: Gill, Wordsworth and the Victorians, p.26.

³⁹ Цит. по: *Harold G. Merriam. Edward Moxon: Publisher of Poets. Columbia University Studies in English and Comparative Literature, №137. N.Y.: Columbia University Press, 1939. P.135.*

⁴⁰ Цит. по: Gill, Wordsworth and the Victorians, p.26. Эта публикация пришла по вкусу викторианскому читателю, став к тому же первым успешным, с коммерческой точки зрения, издательским проектом Вордсворта (вскоре последовали целых два переиздания — в 1836 и 1839 гг.).

человеческое сердце»⁴¹. Неудивительно, что именно к нему в 1845 г. обратился школьный инспектор и ассистент парламентской Комиссии по Закону о бедных Хью Сеймур Тременир с просьбой написать «в стихах или прозе» о том, что поэт думает «по поводу начального образования для бедных». Тременир не сомневался, что «одно-два слова» Вордсворта «не пропадут даром», напомнив людям о «чувстве ответственности» перед своими братьями и сестрами⁴². Школьный инспектор далеко не случайно избрал для этой важной миссии семидесятилетнего поэта, поскольку к тому времени в обществе уже вполне сложился образ мудрого старца, «к голосу которого прислушивались» и чье мнение уважали.

Итак, годы беспощадной критики (1800-10 гг.) и относительного забвения (20-е годы) остались позади, им на смену пришло время славы и поклонения. В это же время не менее заметные изменения произошли и в истории иконографии поэта. До 30-х годов в печати появилась единственная репродукция его портрета, что свидетельствует об отсутствии у широкого читателя интереса к личности поэта. Как только у публики появляется спрос на изображения того или другого писателя, естественно, что издатели всеми способами стремятся его удовлетворить. Судя по всему, такой интерес к Вордсворту возникает как раз в 30-е годы. В результате за один только 1831 год в печати появилось более десяти его изображений в разного рода подарочных изданиях, ежегодниках и журналах. В том же году, по свидетельству дочери поэта Доры, согласие на написание портрета ее отца просили сразу четыре художника. Можно даже говорить о моде на Вордсворта среди художников и скульпторов⁴³.

Об особом отношении викторианцев к Вордсворту свидетельствует также огромное количество посвящений поэту, а также прямой или косвенной цитации его произведений. По частоте цитирования в викторианскую эпоху Вордсворт уступает место разве что Библии. Неслучайно многие поклонники его таланта сравнивали его произведения с Книгой Книг⁴⁴.

Наверное, самым известным случаем цитирования поэта является использование отрывка из его «Прогулки» в качестве эпиграфа к первому тому «Современных художников» (1843) Джона Рескина. Другая не ме-

⁴¹ цитата из стихотворения Вордсворта *The Old Cumberland Beggar*.

⁴² Тременир знал не понаслышке, в каких условиях прозябают неимущие семьи, и понимал, что бедность и недоступность образования привели их к «полной деградации», которая является «источником опасности» для общества в целом. – Цит. по: *Gill, Wordsworth and the Victorians*, p.23-25.

⁴³ Подробнее об этом см.: *Blanshard F. Portraits of Wordsworth*. L., 1959.

⁴⁴ *David Macbeth Moir* сравнивал «простоту мысли», свойственную стихотворениям Вордсворта, со Священным Писанием. (Цит. по: *Bauer*, p.178).

нее значительная для современников книга математика и философа Уильяма Уэвелла (W. Whewell, 1794-1866) "Элементы морали" (*Elements of Morality*) была посвящена поэту. Любопытно, что когда Вордсворт получил книгу Уэвелла, он заметил, что этот обмен явился «почетным для обеих сторон». Не обошелся без упоминания имени поэта и известный исследователь в области медицины и геологии Гидеон Мантелл (Gideon Mantell). В «Заключительных замечаниях» к своей наиболее успешной книге «Чудеса геологии» (*The Wonders of Geology*, 1838), выдержавшей десять изданий, он писал о неразрывной связи между «любовью и восхищением перед природным знанием» и «светом разума», который «открывает душе красоту, мудрость и гармонию божьих творений». Первое издание «Чудес» заканчивалось цитатой из стихотворения популярной в те годы поэтессы Фелиции Хеманс (Felicia Hemans, 1793-1835) «Поэту Вордсворту» (*To the Poet Wordsworth*), в котором она, обращаясь к «истинному и святому певцу», признает что «сила его стиха» дарит «надежду», наделяет «высоким мужеством» и вселяет «постоянство веры»⁴⁵.

Впрочем, и среди викторианцев находились те, кто не торопился соглашаться с мнением восторженного большинства. К ним, например, относился член парламента Т. Уэйкли (Thomas Wakely), который обратился к депутатам с речью на заседании 6 апреля 1842 г., когда шло обсуждение законопроекта о внесении изменений в закон об авторском праве⁴⁶. Сторонники этой реформы, приводя свои аргументы в ее защиту, нередко пользовались примером непростой творческой судьбы автора сборника "Лирических баллад". К тому же Вордсворт сам активно выступал в поддержку этого законопроекта: писал статьи, подавал петиции в парламент, даже сочинял сонеты. Поэтому неслучайно в своей длинной речи, направленной против законопроекта, Уэйкли избрал Вордсворта в качестве объекта сатиры. Процитировав несколько стихотворений поэта, депутат заявил, что и он бы смог сочинить не хуже. Мало кому из избирателей Уэйкли пришлось по вкусу его шутки, да и кому понравится, когда насмеются над его кумиром. Произнеси Уэйкли эти слова лет пятнадцать назад, никто бы не нашел в них ничего оскорбительного, поскольку это было мнение большинства о поэтических опытах Вордсворта. Однако времена изменились, сформировалось новое поколение читателей с иными пристрастиями и вкусовыми доминантами, в глазах которых Уэйкли покусился на национальное достояние.

Благодарные сограждане разными способами старались выразить поэту свое почтение. В 1838 г. Даремский университет прису-

⁴⁵ Цит. по: Gill, Wordsworth and the Victorians, p.22.

⁴⁶ Томас Уэйкли – врач и основатель еженедельника «Ланцет» (1823), с самого начала примкнул к оппозиции, считая, что принятие законопроекта приведет к подорожанию книг и к ограничению их циркуляции.

дил поэту почетную степень, на следующий год то же самое сделали в Оксфорде. Церемония, состоявшаяся 12 июня 1839 г., стала настоящим событием в культурной жизни Англии, о чем свидетельствует огромное число присутствующих, среди которых оказалось немало известных личностей⁴⁷. Честь произнести вступительную речь была доверена поэту и профессору поэзии Джону Кеблу (John Keble, 1792-1866), одному из главных идеологов трактарианского движения⁴⁸. Обращаясь к присутствующим, Кебл сказал, что поэзия Вордсворта предназначена для всех тех, «кто искренне хочет понять и ощутить тайную гармоничную связь, существующую между честной Бедностью, суровыми Музами, возвышенной Философией и священной религией»⁴⁹. К этому событию было специально приурочено вручение так называемой *Newdigate Prize Poem*, премии за лучшее стихотворение, которую получил абитуриент по имени Джон Рескин из рук 69-летнего поэта, облаченного в мантию почетного доктора гражданского права.

Однако настоящим апофеозом для Вордсворта стало предложение принять звание поэта-лауреата⁵⁰ после смерти Роберта Саути. 30 марта 1843 г. Вордсворт получил письмо от лорда-гофмейстера, в котором была изложена просьба королевы Виктории. Это стало для Вордсворта неожиданностью, несмотря на то,

⁴⁷ По этому случаю в Оксфорд приехал Томас Арнольд с сыном Мэтью, проделав нелегкий путь из Рагби. О своих впечатлениях он писал своему бывшему однокурснику преподобному Дж.К.Корнишу (Cornish): «Впервые после перерыва в двадцать один год я посетил в Оксфорд, чтобы присутствовать на церемонии вручения почетной степени Вордсворту». Во время торжества Арнольду-старшему невольно вспомнилось, как «в то время, когда имя Вордсворта было притчей во языцех», Кольридж «внушил нашему маленькому кружку любовь» к нему и его поэзии. Прошли годы, многое изменилось, и теперь он собственными глазами видел, как «все вместе, студенты и профессора» приветствовали поэта «громом аплодисментов» (*Cruise, The Englishman and his Books*, p.57).

⁴⁸ Трактарианское (по названию «Трактатов для нашего времени», издававшихся основателями этого религиозного движения), или Оксфордское движение было организовано в 1833 г. Дж.Ньюманом и Дж.Кеблом. Выступали за религиозное обновление, реформирование церкви и за возвращение к католицизму, но без слияния с римско-католической церковью.

⁴⁹ Цит. по: *Gill, Wordsworth and the Victorians*, p.20.

⁵⁰ Звание поэта-лауреата, или придворного поэта, было учреждено в Англии в XVII в. Поэту-лауреату выплачивается ежегодное вознаграждение (в настоящее время в размере 99 ф.ст.). Раньше в его обязанности входило сочинение придворных од по случаю коронации, рождения наследника и т.п. Драйден был первым поэтом, которому был официально пожалован этот почетный пост. В разное время поэтами-лауреатами становились Шадвелл (Shadwell), Тейт (Tate), Уайтхед (Whitehead), Саути, Теннисон и другие. Сейчас эту должность занимает Тед Хьюз (Ted Hughes).

что за два дня до получения письма у него была возможность узнать из записки Джона Кеньона о лондонских слухах, согласно которым на почетное звание кроме самого Вордсворта претендовали Кэмпбелл и Теннисон. Поначалу Вордсворт отказался, сославшись на возраст и привычку жить вдали от столичной суеты. После этого к лорду-гофмейстеру присоединился премьер-министр сэр Роберт Пил, который в личном письме заверил поэта в том, что после принятия звания «от него ничего не потребуется». Подумав, Вордсворт согласился. В результате в 1843 г. Уильям Вордсворт, которого в 1810-е годы называли сумасшедшим, стал поэтом-лауреатом.

Умер Вордсворт 23 апреля 1850 г. в возрасте восьмидесяти лет признанным классиком. После его смерти произошли три важных события, которые стали завершающим этапом в оформлении канонического образа поэта. К ним относится публикация «Прелюдии», издание официальной биографии Вордсворта, а также появление первых двух памятников поэту.

Написанная задолго до этого поэма под названием «Прелюдия, или Становление разума поэта» (*The Prelude, or Growth of a Poet's Mind*) была издана сразу после кончины Вордсворта, в соответствии с волей поэта. Такое затягивание с публикацией было санкционировано самим Вордсвортом. Согласно действовавшему тогда законодательству по авторскому праву, права писателя на его сочинения не были наследственным институтом и передавались в общую собственность издателей по истечении сначала 28 лет, а после реформы 1842 года, в которой Вордсворт принимал активное участие, срок хоть и был увеличен до 42 лет, но оказался недостаточным и не мог удовлетворить литераторов. Поэтому даже после этого Вордсворт не спешил нести рукопись «Прелюдии» в типографию. Поэт признался в письме своему другу Томасу Нуну Тэлфорду⁵¹, что специально придержал рукопись, чтобы его дети издали «Прелюдию» сразу после его смерти⁵².

⁵¹ Томас Нун Тэлфорд (Thomas Noon Talfourd) – юрист, с 1837 по 1841 гг. – член парламента. Автор законопроекта о внесении изменений в закон об авторском праве, который был принят в 1842 г. Увлекался литературой, в 1835 г. в одном из лондонских театров была поставлена его драма «Ион».

⁵² Письмо Вордсворта Тэлфорду было написано 11 апреля 1839 г. в самый разгар парламентских дебатов относительно авторских прав и срока их действия. Обратившись к своей автобиографической поэме «Прелюдия», которая была написана еще в 1805 г., Вордсворт поведал Тэлфорду об истинных причинах затянувшейся отсрочки с ее публикацией. Ведь, если бы поэма «была издана сразу после окончания работы над ней», в случае смерти поэта, «авторские права на нее давно истекли» и его дети остались бы ни с чем. У Вордсворта было соглашение с издательским домом Моксо-

Появление «Прелюдии» не вызвало шума, критики ее почти не заметили. Об этом говорит неожиданно небольшое число рецензий. Во многом это объясняется тем, что Вордсворт, наученный горьким опытом, еще на заре своей поэтической карьеры в период травли со стороны критиков во главе с Джеффри, раз и навсегда отказался от обычая литераторов посылать в журналы и газеты копии своих сочинений для рецензирования. Рецензирование было одним из основных механизмов продвижения книги на рынке, зачастую читатель в своих пристрастиях руководствовался мнением журнальных критиков и читал то, что получило одобрение того или иного рецензента. Несмотря на уговоры со стороны Моксона, Вордсворт так и не отказался от этой своей привычки, заметив, что он «испытывает отвращение» ко всем периодическим изданиям⁵³.

Однако некоторые журналы все-таки откликнулись на публикацию «Прелюдии», причем почти во всех рецензиях употребляется вполне стандартный набор штампов и расхожих выражений, вроде «исключительной красоты» (*North American Review*) поэмы или «силы и богатства выражения» (*Prospective Review*)⁵⁴. Для большинства критиков нового поколения Вордсворт был признанным патриархом, а его место на вершине литературного Олимпа почти ни у кого не вызывало возражений.

На следующий год вышла еще одна любопытная книга, связанная с именем поэта, – «Воспоминания о Уильяме Вордсворте», написанные его племянником Кристофером Вордсвортом⁵⁵. Текст

на, которому поэт еще в 1836 г. передал эксклюзивные права на публикацию всех его сочинений, в том числе и на посмертное издание «Прелюдии». Поэма была издана Моксоном в 2000 экземпляров, и уже в следующем году было предпринято ее переиздание. Это была удача, которая, правда, ни в какое сравнение не идет с оглушительным успехом вышедшей в свет одновременно с «Прелюдией» поэмы Альфреда Теннисона *In Memoriam*: поэма Теннисона была издана тиражом в 5000 копий и оказалась настолько популярной у читателей, что уже к концу 1851 г. выдержала 5 изданий.

⁵³ Из письма Вордсворта Моксону, 21 июля 1831 года. См.: *The Letters... The Later Years*, vol. II (1831-1840). P.562.

⁵⁴ Цит. по: *Bauer*, pp.164-7.

⁵⁵ Кристофер Вордсворт – каноник Вестминстерского аббатства и автор религиозных гимнов и трактатов. Одно время возглавлял привилегированную частную школу для мальчиков в Харроу. Хотя сам поэт перед смертью избрал его для этой почетной миссии, родные и близкие некоторое время колебались, поскольку Кристофер был занят церковными делами. К тому же он вел переговоры относительно публикации со своим собственным издателем Дж.Мюрреем, сомневаясь в надежности издательского дома Э.Моксона. На роль биографа претендовал также муж Доры, поэт и писатель Эдвард Квиллиан. Однако в результате два тома мемуаров были написаны Кристофером и изданы Моксоном.

воспоминаний почти не содержит анализа вордсвортовской поэзии. Вдова поэта Мэри как-то заметила, что Кристофер «знал о поэзии Вордсворта меньше, чем кто-либо из их знакомых, а его жена – вообще ничего». Сам биограф, говоря о творческом наследии своего дяди, заявил, что все его произведения «необходимо рассматривать в целом». Более того, он считал «ошибочным... цитировать ранние стихотворения» поэта в качестве иллюстрации его взглядов. По мнению Кристофера, основную ценность представляют «зрелые суждения» вполне сложившегося человека⁵⁶.

Эти мемуары стали официальной версией биографии поэта, завершающим этапом в оформлении канонического образа Вордсворта⁵⁷. В семье шли долгие и напряженные дебаты о том, что включать или не включать в текст мемуаров, какие события из жизни Вордсворта могут вступить в противоречие с официальным образом поэта. Так, например, полностью был исключен парижский сюжет – отношения молодого поэта с Аннет Валлон, от которой у Вордсворта была дочь Каролин. Это событие никак не укладывалось в рамки «безупречной жизни»⁵⁸. По всей видимости, в семье немало спорили относительно этого эпизода, причем сам Кристофер скорее был склонен написать правду, поскольку не сомневался, что «правда всплывет» рано или поздно⁵⁹. В итоге он подчинил-

⁵⁶ Цит. по: Gill, Wordsworth and the Victorians, p.32-33.

⁵⁷ Интересно, что этот биографический канон оставался неизменным вплоть до 1897 г., когда был опубликован английский перевод книги французского исследователя Эмиля Легуа (Emile Legouis) «Юность Вордсворта» (*La jeunesse de Wordsworth*), в которой была отмечена особая важность раннего периода жизни поэта, прежде всего, его пребывания в революционной Франции. Этот интерес к юношеским годам Вордсворта заставил исследователя обратиться к «Прелюдии», единственному тексту, в котором поэт описывает то непростое время. В это же время Легуа и его американским коллегой Дж.М.Харпером был «открыт» запретный до этого сюжет – отношения Вордсворта с Аннет Валлон и рождение их дочери Каролин. Результаты их изысканий были опубликованы Легуа в приложении ко второму изданию «Юности Вордсворта» и в памфлете «Вордсворт в новом свете», Харпером – в его «Жизни» поэта (*Life*, 1916), а также в статье «Французская дочь Вордсворта». Открытие этого эпизода биографии поэта значительно расширило возможности интерпретации его произведений. Таким образом, именно Легуа удалось освободиться от диктата викторианских представлений о «праведной жизни» Вордсворта. Благодаря этому образ поэта стал гораздо ближе и человечнее, по сравнению с господствовавшим до сих пор мифом о безгрешном мудреце из Райдл Маунт.

⁵⁸ Цитированные выше слова Элизабет Баррет. Надо сказать, что о парижской истории знали, по крайней мере, три человека – вдова поэта, его зять Квиллиан и близкий друг Крэбб Робинсон. Сыновьям поэта было решено вовсе не рассказывать о парижской семье их отца.

⁵⁹ Из письма Кристофера Вордсворта Квиллиану от 21 марта 1851 г.

ся решению семьи, и в мемуарах нет ни единого слова об этом событии. Более того, Кристофер заверил своих читателей, что поэт «писал как жил, и жил как писал»⁶⁰. Умолчав о любовной истории Вордсворта, автор мемуаров вынужден был исключить из хроники жизни поэта некоторые события. Иначе как бы он объяснил, зачем в 1802 г. Вордсворт перед самой женитьбой на Мэри поехал в Париж, или с кем он и Мэри прогуливались по Парижу, куда они заглянули в конце своего европейского тура в 1820 г.⁶¹ Вообще в двух томах воспоминаний, состоящих из 64-х глав, ранним годам жизни поэта (1791-1795) отведено всего две главы.

Правда, однажды Кристофер все-таки не удержался. Повествуя о французском периоде жизни своего дяди, он заметил, что молодой «неопытный» поэт, оказавшись один в охваченной революционными событиями Франции, пережил «очень критический» период. Интересно, что на полях рукописи, как раз напротив этого пассажа написано: «отрывок, вызвавший у миссис Вордсворт много возражений»⁶². С ее точки зрения, подобные намеки были просто неуместны. К ней присоединился Квиллиан и давняя знакомая Вордсвортов Изабелла Фенвик, а также Крэбб Робинсон. По его мнению, этот отрывок сможет «вести в заблуждение тех, кто лично не был знаком с Вордсвортом», как будто поэт «виновен в совершении какого-то безнравственного поступка»⁶³. Моксон заверил Робинсона, что неудобный для всех них фрагмент будет опущен во время публикации, однако, несмотря на его обещания, пассаж был сохранен, скорее всего, по настоянию автора. Мемуары стали своеобразным словесным памятником поэту, и их появление вызвало у публики оживленный интерес.

Вскоре же встал вопрос об установлении памятника (на сей раз из камня) поэту в Вестминстерской аббатстве, чтобы «почтить память Уильяма Вордсворта». Однако первым появился медальон с изображением поэта работы скульптора Томаса Вулнера в церкви в Райдл Маунт. Вулнер никогда не видел Вордсворта, поэтому в своей работе он опирался на бюст Чантри (*Chantrey*), который он одолжил у Крэбба Робинсона. На медальоне изображен профиль поэта, окруженный двумя панелями из его любимых цветов: нарциссов, фиалок и подснежников. Сверху – слова Джона Кебла:

⁶⁰ Цит. по: Gill, *Wordsworth and the Victorians*, p.35.

⁶¹ Вордсворт направился в Париж в 1802 г., чтобы уладить дела с Аннет, а в 1820 г. поэт и Мэри прогуливались по парижскому Ботаническому саду вместе с Аннет и их дочерью Каролин.

⁶² Цит. по: Gill, *Wordsworth and the Victorians*, p.35.

⁶³ Цит. по: Merriam, p.149.

«Памяти Уильяма Вордсворта, истинного философа и поэта, который, благодаря особому дару и милости всемогущего Господа нашего, своими рассуждениями о Человеке и Природе всегда возвышал сердце, он без устали защищал интересы бедноты; в опасное время он поднялся, чтобы стать главным священнослужителем прекраснейшей поэзии и высокой и святой истины. Этот мемориал установлен здесь его друзьями и соседями в знак уважения, любви и благодарности»⁶⁴.

В связи с этим посвящением Теннисон заметил в беседе с Вулнером, когда тот заканчивал работу над медальоном: «Разве Вордсворт не великий поэт? Тогда давайте не будем говорить о нем так, как будто он мало кому известен». Он даже предложил свой собственный вариант посвящения, комментируя который, Теннисон заметил: «Даже это кажется лишним, но, безусловно, намного лучше и благороднее в своей простоте»:

Памяти	To the Memory of
Уильяма Вордсворта	William Wordsworth
Великого Поэта	The Great Poet

Параллельно шли шумные приготовления к установлению памятника Вордсворту в Лондоне в Вестминстерском аббатстве. По этому случаю был основан специальный комитет, в который вошли члены королевской академии, церковные иерархи, актеры и скульпторы, Рескин и два близких друга поэта, Крэбб Робинсон и поэт Сэмюэль Роджерс⁶⁵. На рассмотрение комитета было пред-

⁶⁴ «To The Memory Of William Wordsworth A True Philosopher And poet Who, By The Special Gift And Calling Of Almighty God Whether He Discoursed On Man Or Nature Failed Not To Lift Up The Heart To Holy Things Tired Not Of Maintaining The Cause Of the Poor And Simple; And So, In Perilous Times Was Raised Up To Be A Chief Minister, Not Only Of Noblest Poesy, But Of High And Sacred Truth. This Memorial Is Placed Here By His Friends And Neighbours, In Testimony Of Respect, Affection, An Gratitude». (Эти слова являются переводом с латыни посвящения Кебла к его лекциям о поэзии, опубликованном еще при жизни поэта в 1844 г.). Мемориал в Райлд Маунт был подробно описан в журнале по искусству *Art Journal* и было признано, что «рельеф выполнен с большой осторожностью», к тому же скульптору удалось добиться «удовлетворительного сходства» с поэтом. – См.: *Blanshard*, p.104.

⁶⁵ В мае 1851 г. было объявлено о начале сборов пожертвований на памятник, в августе было собрано 800 фунтов, а в январе сумма выросла до 1100 ф. По всей видимости, организаторы ожидали большего, о чем свидетельствует несколько разочарованный тон дневниковых записей Робинсона того времени. Но списки жертвовавших разрастались с каждым днем, причем среди них были сама королева Виктория и принц Альберт, которые пожертвовали 50 ф., за ними следовал Джон Кеньон, не пожалевший 25 ф., Уильям Гладстон – 10 ф., епископы, пэры, лорды, члены парламента, профессора, главы колледжей, артисты, поэты (Арнольд и Теннисон, в том числе), просто благодарные сограждане. Одна из записей заслуживает осо-

ставлено девять проектов памятника, и после ожесточенных споров выбор был остановлен на малоизвестном скульпторе Фредерике Траппе. По слухам, его избрали, поскольку он был согласен на любой гонорар, лишь бы ему выпала честь исполнять столь почетную миссию. В своей работе Трапп опирался в основном на маску Хейдона. В письме, перенесшая свои источники, Трапп заметил, что он с особой тщательностью изучил поэзию Вордсворта и даже написал о нем небольшую книжку. Работа над памятником длилась несколько лет. Он был установлен в 1854 г.⁶⁶

Согласно замыслу самого Траппа, памятник был помещен в Баптистерию. Эта идея многим показалась более чем странной. Робинсону также не нравилось место, избранное Траппом для скульптуры, он не терял надежды, что со временем справедливость восторжествует и каменное изваяние поэта займет более подходящее место в Углу Поэтов рядом с бюстами его друзей Кольриджа и Саути. По прошествии нескольких десятилетий эту мечту Робинсона удалось воплотить в жизнь правнуку поэта.

Возглавив викторианский пантеон, Вордсворт потеснил Байрона и других кумиров романтического поколения. Это не значит, что автора «Лары» и «Корсара» перестали читать⁶⁷, однако время его громкой славы было уже позади. Для многих он оставался первым среди поэтов, недаром Арнольд, формируя свой пантеон, отдал ему второе почетное место после Вордсворта. Что же явилось причиной перестройки пантеона, почему именно Вордсворт был избран викторианским обществом в качестве высшей ценности, главного литератора, символизирующего дух нации?⁶⁸

бого внимания – каждый член семейства Пауэллов счел необходимым внести свою лепту: сам отец семейства, миссис Пауэлл, а также их сын и дочь. В определенный момент это стало напоминать соревнование:

⁶⁶ Так, например, в «Атенеуме» появилась статья, автор которой недомывал по этому поводу, заметив, что «статуя ...буквально погребена в баптистории Вестминстерского аббатства». – Ibid. P.106.

⁶⁷ Молодой Роберт Браунинг признался как-то своей будущей жене Элизабет Баррет, что с радостью предпринял бы долгое путешествие, только чтобы увидеть прядь волос Байрона или его перчатку. При этом он вряд ли нашел бы в себе силы «пересечь комнату» даже, если «на другом ее конце в маленькой фарфоровой бутылочке находились бы все эти Вордсворты, Кольриджи и Шелли вместе взятые». (Цит. по: *Cruse, The Victorians and their Books*, p.174). Едва ли Элизабет согласилась с последним утверждением Браунинга, в особенности в том, что касается «короля поэтов» Вордсворта.

⁶⁸ Подробнее о механизме складывания пантеона см.: Земсков В. Литературный пантеон: автор и произведение в межкультурной коммуникации // Литературный пантеон: национальный и зарубежный. Материалы российско-французского colloquium. М., 1999. С.7-19.

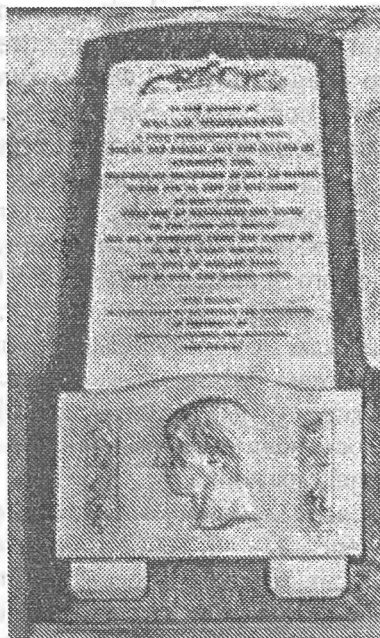
То была эпоха расцвета империи, экономической стабильности и успехов британской колониальной политики. Люди с оптимизмом смотрели в будущее, не сомневаясь в прочных основах мирового порядка, выросло поколение с иными духовными запросами, ему необходима была моральная стабильность, фундаментальная христианская религиозность. Вордсворт со свойственной ему верой в высшее божественное начало, претворившее свою энергию в природе и человеке, стал для викторианцев настоящей находкой.

В свою очередь, воинствующий атеизм Байрона и разлад его героя с миром и с самим собой оказался для них неприемлем. Герой романтического поколения – одиночка, презревший все земные связи, изгой, чья душа разрывается от кипящих в ней страстей. Байрон был их идолом, его персонажи – источником вдохновения и предметом для подражания, а его беспокойная жизнь – объектом восхищения. Однако автор «Дон Жуана», с его бесконечными любовными, похождениями не соответствовал новому идеалу викторианского общества, для которого крепкие семейные узы были абсолютной ценностью. А просторы мироздания, на фоне которых герои Байрона выясняли свои отношения с Богом, оказались слишком широки для нового читателя, который стремился навести порядок в собственном доме. Он более всего хотел обрести душевный покой, найти источник, что объединил бы его с миром и с обществом, а не наоборот.

Вордсворт оказался как раз тем поэтом, кто смог предложить им то, что они искали. Его описания природы выдержаны в идиллическом ключе, а каждый красивый пейзаж является символом душевной гармонии. Кроме того, личность самого поэта в полной мере соответствовала выдвинутым критериям. Образ жизни Вордсворта в тиши Озерного края в кругу любящей семьи и друзей стал для викторианцев воплощением их идеала⁶⁹, сам поэт – символом стабильности. Судя по всему, даже его старость сыграла свою роль, поскольку викторианское общество в противоположность юношескому неистовству романтиков стало ценить опыт и мудрость, которые принято считать основными атрибутами зрелого возраста. Умудренный опытом, познавший жизнь Вордсворт, с его лояльностью по отношению к власти, патриотизмом и умеренной религиозностью, больше других

⁶⁹ Любопытно, что в 40-е годы была особенно популярна и разошлась немалым тиражом в виде открытки большого размера гравюра с рисунка Уильяма Уэстола (William Westall) «Комната в Райдл Маунт», напечатанная в 1840 г. Моксоном. На ней изображен семидесятилетний поэт, который стоит в задумчивости перед камином в гостиной своего дома в Райдл Маунт, а рядом с ним за рабочим столиком сидит его жена Мэри. Каждый здесь занят своим делом, все в этом доме дышит покоем и уютom.

подходил на роль имперского поэта. Жизнеутверждающий пафос его произведений, «радость жизни», свойственная мироощущению поэта, отвечала господствовавшим в обществе настроениям. Новые читатели Вордсворта стали воспринимать его в качестве Учителя и, что еще важнее, Целителя, чьи сочинения оказались незаменимым средством при лечении душевных ран⁷⁰. Став первым поэтом Англии, Вордсворт вошел в список обязательного чтения для школ, его начали воспринимать в качестве национального достояния⁷¹. Вордсворта можно не любить, но знать и уважать обязательно, ведь он для англичан, как для русских Пушкин, **«наше все»**.

⁷⁰ Байрон лишь усугублял эту боль, ведь «его Чайлд Гарольд и Манфред несли на себе то же бремя» страстей, и читатель едва ли мог обрести покой в «сильных чувственных страстях Гяура или в урюмости Лары» (цит. по: *Cruse, The Englishman and his Books*, p.55).

⁷¹ Известный литератор викторианской эпохи, редактор ряда периодических изданий Элис Мейнелл (Alice Meynell) вспоминает: «Я выросла на Вордсворте». Причем она даже не уверена, нравился он ей или нет, просто ей в руки дали томик его стихов и все. Поэтому для нее, как и для многих ее современников, «поэзия Вордсворта» стала синонимом поэзии вообще, «поэзией в высшей степени» (цит. по: *Реек*, p.129).

А.И.Борозняк (Липецк)

«Неудобный господин Ясперс», или О политической ответственности интеллигенции

Имя Карла Ясперса (1883-1969), одного из духовных лидеров Германии, крупного философа XX века, классика экзистенциальной школы, пользуется широкой известностью на его родине и далеко за ее пределами. Но до самого последнего времени литература о Ясперсе ограничивалась сферой анализа его вклада в развитие философских и религиозных учений. И только недавно, в 1999 г., доктор Ральф Кадерайт (Фрайбургский университет), опубликовал солидную монографию «Карл Ясперс и Федеративная Республика Германия. Политические воззрения философа»¹. Это – первое исследование о Ясперсе как о политическом мыслителе.

Клаус фон Бейме (Гейдельберг) указывает на «поразительную неосведомленность» современных немцев о политических сочинениях ученого². Случайно ли, что в ФРГ столь поздно возник интерес к публицистике знаменитого философа? Кадерайт был первым, кто приступил к изучению богатого рукописного наследия Ясперса, хранящегося в Германском литературном архиве (Марбах). Он рассматривает политическую публицистику философа как органический компонент его жизни и творчества после 1945 г., неразрывно связанный (если использовать излюбленное выражение Ясперса) с «духовной ситуацией времени».

В 1901 г. Карл Ясперс поступил на юридический факультет Гейдельбергского университета, но после трех семестров перешел на медицинский факультет, который и закончил, став в 1909 г. доктором медицины и сотрудником психиатрической клиники, а в 1913 г. – доктором психологии. Но в 1922 г. Ясперс, сменив вектор научной деятельности, занимает место ординарного профессора философии своей *alma mater* – Гейдельбергского университета.

В трудах, получивших широкое распространение в период Веймарской республики, Ясперс настаивал на том, что философия не может быть чисто научным знанием, что она не может отвлечься от реального человека, от его «фактической действительности во времени», от болевых точек эпохи. Человек и история стали для

¹ Kadereit R. Karl Jaspers und die Bundesrepublik Deutschland. Politische Gedanken eines Philosophen. Paderborn, 1999. S.324.

² Ibid. S.14.

него изначальным измерением человеческого бытия. Ясперс многократно писал о решающем влиянии на свое творчество идей Макса Вебера, своими учителями он называл также Баруха Спинозу, Сёрена Кьеркегора, Фридриха Ницше, Федора Достоевского. Учениками Ясперса были известные впоследствии представители немецкой и международной интеллектуальной элиты Ханна Арендт, Голо Манн, Дольф Штернбергер.

Ясперс был многим обязан Максу Веберу – и не только научной ориентацией, методологическими подходами к анализу научных проблем, но и неизбывным интересом к политике. Он следовал за Вебером при анализе взаимодействия этики и политики, выступая, как и Вебер в 1918 г., против политики, которая «спутывается с дьявольскими силами»³.

Идеи ученого никак не соответствовали постулатам национал-социализма, он решительно разошелся со своим другом Марином Хайдеггером, поддержавшим (хотя бы и временно) режим и ставшим ректором Фрайбургского университета. В годы гитлеризма Ясперс пережил и насильственное отлучение от преподавания, и чувство смертельной тревоги за судьбу жены и за свою собственную судьбу: он был женат на еврейке и каждый день ждал ее депортации. Р.Кадерайт приводит документальные свидетельства того, что фашисты заставляли ученого развестись с женой, но натолкнулись на твердый отказ. Впервые публикуемая трагическая запись в дневнике Ясперса от 2 мая 1942 г. гласит: «И если я не смогу с оружием в руках спасти жизнь Гертруды, я должен буду умереть»⁴. Были получены достоверные сведения, что отправка на смерть еще остававшихся в Гейдельберге евреев назначена на 14 апреля 1945 г... Но 30 марта в город вошли американские войска.

Имя Ясперса значилось в «белом списке» противников нацизма, ему вернули права ординарного профессора и ввели в состав руководящих органов открытого вновь университета. Ясперс – вместе с Альфредом Вебером – стал издателем публицистического журнала *Die Wandlung* («Преображение»).

Это было время рождения Ясперса как политического мыслителя. Все, что оставалось выстраданным, но невысказанным, о чем он думал долгими ночами, ожидая смерти, – все это нашло яркое и предельно убедительное выражение в его лекционном курсе «Проблема вины», прочитанном зимой 1945-1946 учебного года в нетопленной *auditorium maximum* Гейдельбергского университета и тогда

³ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С.703.

⁴ Kadereit R. Op. cit. S.19.

же изданном отдельной книгой⁵. Дольф Штернбергер вспоминал: «Это был уже другой Ясперс, покончивший с вынужденной скрытностью, с вакуумом, в котором он пребывал»⁶. Теперь философ, по его собственным словам, «стремился действовать», «идти на улицу», обращаться к немцам, находящимся «вне системы власти», «принадлежать к сообществу независимых мыслителей, которые ответственны лишь за то, чтобы говорить правду»⁷.

Рассматривая самые жгучие и больные вопросы эпохи, как бы возвращаясь к первой своей профессии врача-психиатра, Ясперс поставил диагноз болезни немецкой нации и предложил ей пути лечения. «Я, как немец среди немцев, – говорил он, – хочу способствовать ясности и единодушию, а как человек среди людей, участвовать в наших поисках истины». Главным для будущего Германии Ясперс считал процесс национального самоосмысления и национальной самокритики. На первый план выходила проблема вины – вины и ответственности каждого: «Требование переплавиться, возродиться, отбросить все пагубное, – говорил он, – это задача для народа в виде задачи для каждого в отдельности»⁸.

Великий знаток человеческих душ прекрасно понимал, что его призывы непопулярны, но все же настаивал на своем, на необходимости интенсивных поисков истины и справедливости:

«Горизонт сузился. Люди не хотят слышать о вине, о прошлом, их не заботит мировая история. Они хотят просто перестать страдать, хотят выкарабкаться из нищеты, хотят жить, а не размышлять. Настроение скорее злое, словно после столь страшных страданий следовало бы ждать вознаграждения, на худой конец, утешения, но уж никак не взваливать на себя еще и вину»⁹.

В пограничной ситуации, в которой находилось социальное сознание немецкого народа, Ясперс пытался убедить сограждан в «правомерности и правдивости» Нюрнбергского процесса: «Национальный позор состоит не в суде, а в том, что к нему привело, в самом факте этого режима и его действий. Сознание национального позора для немца неизбежно. Оно направлено не в ту сторону, если обращено к этому процессу, а не к его истоку»¹⁰.

⁵ *Jaspers K. Die Schuldfrage. Von der politischen Haftung Deutschlands. Heidelberg, 1946.* Сокращенный русский перевод: *Ясперс К. Вопрос виновности // Знамя. 1994. №1.*

⁶ *Kadereit R. Op. cit. S.14.*

⁷ *Ibid. S.199, 200, 206.*

⁸ *Ясперс К. Вопрос виновности. С.158.*

⁹ Там же. С.148.

¹⁰ Там же. С.153.

Наряду с политической и уголовной ответственностью за содеянное зло Ясперс особое значение придавал моральной ответственности каждого немца:

«Нельзя просто сослаться на то, что "приказ есть приказ". Поскольку преступления остаются преступлениями и тогда, когда они совершены по приказу (хотя в зависимости от степени опасности, принуждения и террора возможны смягчающие обстоятельства), каждое действие подлежит и моральной оценке. Инстанцией являются собственная совесть, а также общение с другом и близким, любящим человеком, которому не безразлична моя душа»¹¹.

Сила Ясперса – в обращении к индивидуальной ответственности, к индивидуальному миру человека. Философ призывал современников к диалогу, к национальному согласию, к преодолению барьеров предвзятости и недоверия, к воспитанию умения «мысленно становиться на точку зрения другого», «пробиться друг к другу, говорить друг с другом, попытаться убедить друг друга». Только так, подчеркивал он, «мы создадим необходимую основу для того, чтобы говорить с другими народами»¹². Не звучат ли актуально для нас выстраданные сентенции немецкого политического моралиста?

И хотя Ясперс стремился к тому, чтобы «как можно осмотрительнее высказать самые радикальные идеи»¹³, в умах его слушателей преобладало все же «нежелание знать», «стремление забыть», что и было ведущей тенденцией в германском историческом сознании первых послевоенных лет. Несомненная заслуга Ральфа Кадерайта состоит в том, что он анализирует не только содержание лекционного курса, но и рецепцию его идей тогдашним германским обществом.

В умах немцев сочетались (естественно, в разных пропорциях) и ненависть к фашизму, и стремление забыть прошлое, даже оправдать его, готовность извлечь уроки из истории «третьего рейха» и, одновременно, приспособиться к политике оккупационных властей. Летом 1947 г. еженедельник *Die Zeit* констатировал, что тогдашнюю социально-психологическую ситуацию определяло «вытеснение прошлого из коллективной памяти», осуществлявшееся под девизом: «Мне не к чему знать обо всем этом, у меня совсем иные заботы»¹⁴.

¹¹ Там же. С.148.

¹² Там же. С.146-147.

¹³ Там же. С.147.

¹⁴ *Die Zeit*. 12. Juni 1947.

Осенью 1946 г. Карл Ясперс сообщал Ханне Арендт: «Мне трудно читать, когда я вижу перед собой враждебные лица. Только после 1937 года я ощущал такое настроение в аудитории, как сегодня». Ясперс был уверен, что в отношении к нему студентов преобладало «пренебрежение и недоверие»¹⁵. Поэтому Ясперс и вынужден был перебраться в Швейцарию (в Гейдельберге он прожил 42 года), приняв приглашение Базельского университета.

Американский публицист Делберт Кларк полагал, что причина отъезда состояла в «утрате Ясперсом надежды на перемены». Историк Герман Глазер выражает аналогичное мнение: ученый «покинул Германию в то время, когда готовность к расчету с прошлым уже была парализована»¹⁶. Автор монографии приводит суждение одного из современников: «Признанию, которое Ясперс получил за границей, противостояло растущее падение популярности в Германии, что было связано, прежде всего, с его книгой "Проблема вины"¹⁷. Уже в конце жизни Ясперс рассматривал свой переезд в Базель как "потерю политической родины"¹⁸.

Прошло около двух десятилетий со времени переезда Ясперса в Базель, и все это время его не оставляла тревога по поводу определенных тенденций в развитии Федеративной Республики Германии. Мыслящих людей беспокоила нарастающая активность неонацистов – людей, выступавших против самой идеи преодоления коричневого прошлого, принявших, как писал Генрих Бёлль, «причастие буйвола». С 1964 г. неонацисты располагали организационным центром – Национал-демократической партией, которая проиграла выборы в бундестаг, но прорвалась в ландтаги нескольких федеральных земель. Шла «холодная амнистия» нацистских преступников. В 1966 г. канцлером ФРГ стал христианский демократ, бывший член нацистской партии Курт Георг Кизингер. Правительство обнародовало проекты авторитарных антиконституционных законов о чрезвычайном положении. Ущемлялась свобода печати. Правительство упрямо заявляло о непризнании послевоенной границы с Польшей по Одру и Западной Нейсе, неоднократно требовало передачи ФРГ американского ядерного оружия, не желало установить нормальные отношения с ГДР. Возникла реальная опасность забвения уроков коричневого прошлого.

¹⁵ *Arendt H. – Jaspers K. Briefwechsel 1926-1969. München, 1985. S.98.*

¹⁶ *Kadereit R. Op. cit. S.34, 83.*

¹⁷ *Ibid. S.33.*

¹⁸ *Ibid. S.233.*

В этих условиях Карл Ясперс (в 1966 г. ему исполнилось 83 года) ощущал себя, как он в январе 1966 г. писал своей любимой ученице, «в высшей степени подавленным». Но в нем все более и более крепла уверенность выступить с «последней политической публикацией», в которой он "до конца", "как никогда определенно и как никогда резко" выскажется о Федеративной Республике¹⁹. Ученый стремился не только обнажить корни зла, но и обратиться не к политикам, а к народу.

В мае 1966 г. популярный еженедельный журнал *Der Spiegel* опубликовал некоторые фрагменты подготовленной книги, а через месяц издательство «Пипер» выпустило произведение Ясперса массовым тиражом. Книга, ставшая бестселлером, получила название «Куда движется Федеративная республика?»²⁰. В течение первых пяти недель было продано 30 тысяч экземпляров, в течение неполного года – 90 тысяч.

Какой же была реакция общественности на книгу, которая стала не только последней, но и, без сомнения, главной политической публикацией Ясперса? Кадерайт приводит ряд диаметрально противоположных оценок. «Такого Ясперса мы еще не слышали», – констатировал, разделяя выводы автора, философ Юрген Хабермас. Однако преобладали характеристики противоположного свойства. Историк Клаус Хильдебранд называл книгу «гиперкритической». Газеты консервативной ориентации утверждали, что граждане ФРГ имеют дело с «суждениями политического эксцентрика, проживающего к тому же за границей». Автора обвиняли в «агрессивности», «поверхностности» и «некомпетентности», его зачастую называли «неудобным господином Ясперсом». Всемирно известный мыслитель, заключает Кадерайт, предельно быстро проделал путь «от *persona gratissima* к *persona ingrata*»²¹.

Что же вызвало резкие оценки консервативных кругов? Прежде всего, уверенность Ясперса, что главную опасность для граждан ФРГ, для которых на первом плане стояло их материальное благополучие, представлял «вакуум политического сознания», забвение прошлого, страх перед полной правдой о времени гитлеровской

¹⁹ Arendt H. – Jaspers K. Op. cit. S.654-655.

²⁰ Jaspers K. *Wohin treibt die Bundesrepublik? Tatsachen. Gefahren. Chancen.* München, 1966. Сокращенный русский перевод: Ясперс К. *Куда движется ФРГ? Факты. Опасности. Шансы.* М., 1969. Перевод названия недостаточно точно передает смысл, вложенный в него автором. Немецкий глагол *treiben* означает не только «двигаться», но и «дрейфовать», «втягиваться», «плыть по течению».

²¹ Kadereit R. Op. cit. S. 60, 164, 179.

диктатуры. «Как показывает опыт последних двадцати лет, – отмечал ученый, – немцы не стали другими, несмотря на все ожидания и надежды, которые мы питали в 1945 году»²².

Ясперс убедительно опровергал доводы своих оппонентов:

«Нам говорят: нельзя ущемлять гордость нации, нельзя подавлять народ постоянными напоминаниями о печальных фактах. Нет, нужна только полная правда – никакого самообмана и двусмысленности».

Его обвиняли в антигосударственной позиции, но сам Ясперс недвусмысленно заявлял о своем «да» по отношению к Федеративной Республике. Однако, отмечал он, в Западной Германии не была выполнена «нравственно-политическая задача основать новое государство», вина за это «лежит частично на демократическом обществе, члены которого предают сами себя, так как не понимают смысла республиканской свободы, не готовы на жертвы и не имеют смелости пойти на все ради свободы»²³.

«Народ, – был твердо убежден Ясперс, – созревает для демократии в процессе собственной политической активности. Поэтому предпосылкой демократии является понимание народом необходимости его широкого участия в политической жизни и его действительное участие в ней». Немецкий философ был сторонником того, «чтобы свобода и политическая воля решительно вошли в сознание людей»²⁴.

Не стоит ли современным российским гражданам прислушаться к суждениям великого немца об опасностях, подстерегающих неустоявшуюся демократию и гнездящихся внутри самого общества?

Ясперс был и оставался оптимистом:

«Человек, если он хочет познать начала своего бытия и жить, не имеет права отчаиваться... Не исключено, что человек в конце концов одержит победу над антиразумом в себе самом». Надежда на это не исчезнет, «пока есть люди, способные мыслить, понимать и ставить цели, пока молодежь отваживается думать независимо и пока она способна на благородные порывы»²⁵.

Книга «Куда движется Федеративная Республика?» стала, как и предполагал Ясперс, его последним политическим выступлением. Он скончался в Базеле 26 февраля 1969 г. в возрасте 86 лет. Оказала ли его политическая публицистика воздействие на развитие ФРГ? Если да, то это воздействие было косвенным. Некоторые принципиально важные положения Ясперса были взяты на вооружение молодежным движением 1968-1969 гг. Через полгода после

²² Ясперс К. Куда движется ФРГ? С.68, 190.

²³ Там же. С.51, 66, 98.

²⁴ Там же. С.195, 216.

²⁵ Там же. С.26, 131.

смерти философа наступил конец политической монополии ХДС/ХСС: на выборах в бундестаг одержала победу коалиция социал-демократов и свободных демократов, которая осуществила ряд реформ и начала осуществление «новой восточной политики».

Главная заслуга Ясперса, по определению редактора журнала *Der Spiegel* Рудольфа Аугштайна, состояла в следующем: он решился «сказать людям о том, что политическое действие может стать одновременно и моральным действием». Он причислял себя к представителям «другой Германии», разделяющим его кредо:

«Политика не может стать осмысленной, если профессиональные политики рассматривают ее как сферу своего монопольного влияния»²⁶.

Существует глубинная связь между экзистенциальной философией Ясперса и его публицистикой, ибо цель его научных и политических трудов состояла в том, чтобы побудить человека к познанию самого себя, к самосознанию и личной свободе. Напоминая о политической ответственности интеллигенции, Ясперс утверждал: «Философия всегда имела политическое значение, даже тогда, когда она заявляла о своей аполитичности». Кадерайт приводит характерный фрагмент одного из интервью Ясперса. Журналист – не без подвоха – спросил его: «А не напоминаете ли Вы человека, который, стоя на берегу, говорит о способах плавания?». Последовал немедленный ответ: «Ни в коем случае. Я философствую, значит я уже прыгнул в воду»²⁷.

Ясперс всегда оставался внутренне свободным человеком и исследователем. Он не был членом какой-либо партии или политического движения, никогда не выступал на митингах, принципиально отказывался от государственных наград (в частности от Федерального креста за заслуги ФРГ). Когда ему была присуждена премия германской книготорговли, он сказал: «Эта награда представляет для меня большую честь потому, что торговля книгами – это независимая инстанция»²⁸.

В сохранении в ФРГ застарелых предубеждений по отношению к независимым взглядам Ясперса и состоит причина того, что монография о нем как о политическом моралисте вышла спустя тридцать лет после его смерти. Подготовленный и изданный с немецкой основательностью труд Ральфа Кадерайта, несомненно, заслуживает самой высокой оценки.

²⁶ Kadereit R. Op. cit. S.203, 205.

²⁷ Ibid. S.202, 204.

²⁸ Ibid. S.206.

Сравнивая немецкого философа с его современниками, нельзя не придти к сопоставлению деятельности Ясперса и Андрея Дмитриевича Сахарова. Указание на эту параллель принадлежит выдающемуся российскому мыслителю Михаилу Яковлевичу Гефтеру, который писал о «бескорыстном Карле Ясперсе», стремившемся сохранить и защитить в человеке «искру пробуждения и воспоминания». Гефтер был уверен в существовании «Мира Ясперса и Сахарова, архитектоника которого в огромной степени зависит от того, удастся ли людям и их сообществам вписать в нее исконные и вовсе свежие проблемы межчеловеческих притяжений и не отменяемых до конца отталкиваний»²⁹.

И Ясперс, и Сахаров, находясь впереди исторического времени, выступая за преодоление незыблемых, казалось бы, стереотипов политического поведения, обладали мужеством идти против течения, не страшась преследований властей. Оба далеко вышли в своей деятельности за узкие профессиональные рамки. Оба не боялись говорить согражданам неприятные вещи, оба умерли непонятыми современниками. Даже сборники их публицистических выступлений названы почти одинаково: у Ясперса – «Надежда и тревога», у Сахарова – «Тревога и надежда»³⁰. Именно с категориями неизбывной тревоги и сохраняющейся надежды связана деятельность великих гуманистов прошедшего века.

²⁹ Гефтер М. Эхо Холокоста и русский еврейский вопрос. М., 1995. С.69-71.

³⁰ Jaspers K. Hoffnung und Sorge. Schriften zur deutschen Politik 1945-1965. München, 1965; Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М., 1990.

В.С.Мирзеханов (Саратов)

Свидетель и активный участник: этюды интеллектуальной биографии

«Ночь мира остается..., чтобы подумать, каким образом судьба ставит нас по ту сторону пессимизма или оптимизма. Может быть, ночь мира сейчас движется к своей полуночи. Может быть, эта эпоха теперь всецело становится временем страданий. Но может быть нет, еще нет, совсем нет, несмотря на неизмеримую нужду, несмотря на все страдания, несмотря на невыразимую нищету, несмотря на отсутствие покоя и мира, несмотря на возрастающее смятение».

Так говорит М.Хайдеггер в своем труде «Для чего поэты?», который современная африканская интеллигенция и ученые-африканисты могут без особых проблем отнести на свой счет. В этих строках Хайдеггер обсуждает и продолжает элегию Гельдерлина «Хлеб и вино» и пытается ответить на вопрос «Для чего поэты во времена страданий?»

Так как «время страданий» длится долго, Хайдеггер подчеркивает, что даже страх, «рассмотренный как возможная причина изменений, ничего не может сделать, так как невозможна полная переделка смертных, ...если она не совершается в сознании смертных, не коренится в их собственном существе». И в заключение: «Быть поэтом во времена страданий, это: воспевая скорбь, приглядываясь к следам исчезнувших богов», исходить из «основополагающей нищеты века», тогда как, «чем дольше ночь мира движется к своей полуночи, тем больше царит нужда, несмотря на то, что его силы иссякают, и его следы стираются»¹.

И все же, нужно ли отодвигать в тень личность, воспевая красоту зла и мифологические системы, которые стремятся подчинить сознание, как пытался это сделать сам Хайдеггер в докладе по поводу нацистского проекта. И нужно ли сопротивляться «очарованию», и знать, по какому пути ведет нас наша песнь, и какова ее роль в «судьбе ночи мира». В этом отношении нам представляется удобная возможность сравнить творческие пути двух выдающихся интеллектуалов XX века: ученых-африканистов – Жана Вансины и Валентина Мудимбе², проследить их судьбы в эпоху «страданий и ночи мира». Благо, оба они совсем недавно опубликовали свои интеллектуальные автобиографии³.

¹ *Heidegger M. Chemins qui ne mènent nulle part / Trad. W.Brokmeier. Paris: Gallimard, 1962. P.325.*

² Я – не первый, кто пытается сопоставить эти две судьбы, это уже делали американец В.Макгаффи и французженка К.Кокри-Видрович.

³ *Vansina, Jan. Living with Africa. Madison: The University of Wisconsin Press, 1994; Mudimbe, Valentin. Les corps glorieux des mots et des êtres. Esquisse d'un jardin africain à la bénédictine. Montreal: Humanitas / Paris: Presence africaine, 1994.*

Первый – бельгиец, родился в 1929 г., второй – заирец, на двенадцать лет моложе (родился в конце 1941 г.); первый – историк и антрополог, второй – лингвист и философ; и тот и другой, плоды бельгийского католического воспитания, по ряду причин были вынуждены покинуть свои родные страны, чтобы примкнуть к двум крупнейшим американским университетам, которые их приняли с энтузиазмом и почестями. Оба оставили свидетельства о времени и месте своего рождения, а также о странах, ставших для них почти родными: Заире, соседних территориях Руанды и Бурунди, с одной лишь разницей – один их описывал со стороны, другой – изнутри. Сопоставление удивительно и весьма поучительно.

Иными словами, обе книги, такие разные по замыслу и своему вкладу в науку – превосходны. Их читаешь на одном дыхании, со страстью, ибо их авторы – люди исключительные, умеющие анализировать свое отношение ко времени вообще и к своему времени, в частности. Две вариации, каждая на свой манер, но на одну тему.

Жан Вансина родился в многочисленной фламандской католической семье, но не слишком консервативной, так как его родители были артистами. Он был одаренным и развитым не по годам ребенком: степень бакалавра получил, когда ему не было и 16 лет, доктора истории – в 22 года. После года обучения антропологии в Школе Восточных и Африканских исследований в Лондоне он уезжает в Африку, чтобы изучать страну бушонго. Десять лет спустя, немногим старше 34 лет, он становится профессором в Мэдисоне (Висконсин), где и обосновывается окончательно. В 1986 г., когда ему было всего 57 лет, неоднократно отмеченный Ассоциацией Африканских исследований, принимающий непосредственное участие в формировании большинства африканистов, занимающий должности как в американских, так и в других университетах, он осознает, что пора уступить дорогу подрастающему поколению. Но не слишком ли рано?

Его воспитание изначально было шире обычного, так как оно происходило в большой степени за пределами учебных заведений – во время обучения в школе он посещает также бенедиктинских монахов, тех самых, которые сыграли важную роль и в жизни В.Мудимбе. Следовательно, и тот и другой были воспитаны в классической традиции.

Вансина сразу же заявляет, что на своем примере, предполагает сопоставить жизнь африканиста с историографией Африки. Замысел полностью удался. Вансина был человеком идеи, слишком ранней для его времени, но которую он не переставал воплощать в жизнь, вопреки корпоративным нормам бельгийских историков, воспитанных в европейской школе логического мышления и не признававших иной истории, кроме истории, выстроенной на письменных источниках.

Всю свою жизнь Вансина держался особняком, одержимый и упорный. В силу независимости духа, он был мало искушаем банальной карьерой, но добился права быть востребованным, в качестве антрополога, научно-исследовательским институтом в Центральной Африке. После двухлетнего проживания в регионе Кубы, Вансина делает открытие, что бушонго знают свою историю, и что можно ее написать, основываясь на их рассказах, даже если ему понадобятся годы, чтобы признать, «что они были моими коллегами, историками, точно так же, как и я сам, но только историками с точки зрения их сообщества, а не университетов, как я»⁴.

Но что интересно, Вансина раскрылся, в большей степени, как свидетель, чем как активный участник своего времени: он первый высказал и заставил непокорный франко-фламандский мир принять идею о существовании устной истории Африки, и об устной литературе, как ее непосредственном источнике. Но он страдал от разногласия, которое определяло в свое время отношения между антропологами и историками, так как, будучи историком, во время своего обучения на антрополога в SOAS, он прошел мимо этой животрепещущей реальности: британцы же, со своей стороны, работали уже на протяжении десяти лет над построением африканской исторической науки. Только в 1959 г. Вансина открыл английскую историческую школу, затем он составляет свое первое эссе по устной традиции. Во время встречи африканистов в Дакаре, организованной Дарилом Фордом в 1961 г., после выступлений некоторых африканских историков (Биобаки, Дике, Ажайи...) Вансина добавляет, что независимость Индии положила начало деколонизированной истории в Великобритании, в то время как французское сопротивление деколонизации и бельгийское ослепление отодвинули эту перспективу еще на десятилетие.

Этот эпизод сразу определяет характер книги и ее цель, а также ее рамки: через свою жизнь, честно, но не без некоторой доли предвзятости, иногда неприятной, автор излагает в точной, живой и поучительной манере историографию Африки на примере трех поколений африканистов. Его манера описания совмещает в себе категоричность и однозначность. Образцовый труженик, позднее талантливый педагог, способный осуществлять не только индивидуальные проекты, но и возглавить коллективные работы, он был человеком великого замысла, может быть лишь одного, но который заполнял его жизнь и жизнь его подруги Клодин, и который заключался в создании нового направления исторической науки – афри-

⁴ Vansina, Jan. Op. cit. P.17.

канской устной истории. История доколониальной эпохи – вот, что было ему дорого в этой области со времени его начинаний медиависта. Но этот глобальный замысел не мешал ему работать практически, когда представлялась такая возможность. Например, в Ливии он открыл, со своей обычной энергией, центр сбора традиций XX века. Он жил исследованиями и для исследований. Это было то, что отличало его и делало счастливым.

Эта книга должна быть правильно воспринята: великая книга истории науки, но никак не история времени историка. Вансина в точной и сдержанной манере излагает события, свидетелем которых он был: революция в Руанде в 1959 г., волнения в Заире в 1958–1960 гг., период Мобуту, который он пережил по возвращении к преподавательской деятельности в университете Лованиум вместе с Ж.-Л.Велю и Б.Жевсиевски, студенческая революция и репрессии, которые заставили его отказаться от продолжения сотрудничества в этом университете. Но создается впечатление, что он переживает эти события как второстепенные, скорее мешающие, чем дополняющие смысл его жизни – писать историю.

Его критика колониализма очевидна. Увидев *colour-bar* в Родезии, он клянется не возвращаться в Южную Африку до окончания апартеида, который произвел на него более сильное впечатление, чем грандиозные руины в Зимбабве: под его пером это замечание приобретает особое значение. Его отношение проявляется в записях о расизме, об ослеплении колонистов, в его суждениях об административном и преподавательском составе: как эти тупые «шишки» в 1959 г. – за год до признания независимости – преуспели, заменив единственную лекцию по африканской истории, преподаваемую в Лованиум, лекцией по западной средневековой истории. Он рассказывает о том, как преподавал историю их страны молодым конголезцам, шумевшим перед «белым» – «приспешником колониализма». Сначала он был освистан, и тогда, стараясь привлечь внимание аудитории, написал на доске ряд изречений:

«Африканские культуры ничем не хуже других культур!»; «Они – ваше наследие!»; «Будущие государственные деятели должны знать и почитать культуру своих предков!»⁵.

Но он абсолютно честен: то, что он выделяет для 60-х годов, это интеллектуальное развитие; так оно и было, и его книга необходима тому, кто хочет это понять. Это прекрасная часть живой историографии. Однако, поступая так, Вансина предстает перед нами тем, кем он является (и кто решится его в этом упрекнуть?) – свидетелем, но

⁵ Ibid. P.107.

не активным участником. Он честно это признавал, противопоставляя свою позицию позиции Мартина Клейна, который говорил, что его «призыв к Африке, для [него] и для большинства африканистов [его] поколения звучит, как подстрекательство к разрушению колониального порядка угнетателей и к участию в создании нового мира»⁶.

Из скромности, а может быть в силу убеждения, человек исчезает за ученым. Так, Вансина отмечает, что о Киншасе, куда в апреле 1959 г. он был приглашен для подготовки трех новых лекций, и о тогдашних событиях, на которые у него почти не было времени обращать внимание, у него осталось лишь смутное воспоминание. Принимая в расчет то, что его окружало, нельзя удержаться от сожаления. По крайней мере, широкую известность получило противоречивое решение известного американского историка Р.Дарнтона, который после бурного отпуска, проведенного в Берлине в 1989-90 г., отступился от своей первоначальной задачи для того, чтобы написать «по горячим следам» прекрасный рассказ о падении Берлинской стены.

Можно ли создать историю Африки того времени, историю «мнимых независимостей», без того, чтобы придать ей немного плоти? Желание дистанцироваться и, вероятно, как он сам отмечал, отсутствие реального интереса к современной жизни делают из человека с Запада лишь стороннего наблюдателя, что не гарантирует его объективности, так как свидетель не бывает никогда нейтральным лицом. Название его книги имеет особый смысл: *Living with Africa*, но не *With Africans*. Хотя Вансина не признается в этом, Африка остается для него «предметом» изучения: реальные персонажи появляются мало, по крайней мере, современники. Необходимо отметить, что если Вансина нашел себе многочисленных друзей среди крестьян, бок о бок с которыми жил, то среди людей своей среды, а также среди африканских коллег, их у него не было.

Он – одиночка, индивидуалист, что достаточно типично для мира науки. В своей книге он показывает творческую кухню ученого, в ней есть точные и яркие воспоминания об удачах и несчастьях исследователя-африканиста. Автор – превосходный рассказчик, и читатель находится под его очарованием. Рассказы его о Кубе и деревне Мбе полны ярких образов⁷. Описание восприятия американского университетского мира интеллигентом старого света представляет собой часть антропологии. Оно начинается с настойчивого телефонного звонка Филиппа Куртена, звонившего, чтобы подтвердить свое приглашение занять должность в Мэдисоне. Роль первооткрывателя

⁶ Ibid. P.111.

⁷ Ibid. P.119-124.

того же Куртена, беспрецедентный расцвет центра африканских исследований, которым они руководили на протяжении ряда лет, затем его упадок, и то, как начало исследований на американский манер сделало для него невозможной реадaptацию к прежней деятельности, уже испробованной в старом свете, — все это искусно подмечено и передано с юмором и реализмом. Понятны, в конце книги, и грусть стареющего человека, и сознание исполненного долга. Даже если в конце пути он чувствует себя непонятым, а также немного разочарованным, вынужденным, в некотором роде, уйти со сцены, так как он, в конечном счете, отождествил себя с тем, чему посвятил свою жизнь, — с устной историей Африки, все-таки он испытывает гордость за свою напористость в молодости и за способность всегда ставить под сомнение свое знание.

Совершенно иную концепцию предлагает Валентин Мудимбе. Если я сомневаюсь, что труд Вансина, пропитанный западным духом, станет настольной книгой для африканских коллег, то уверен, что книга Мудимбе будет интересна всем. Европейцы многое найдут в ней, а африканцам эта книга может помочь постичь самих себя. Точному и энергичному стилю Вансина можно противопоставить пламенную и ясную прозу Мудимбе, который вверяет нам поэтическое созерцание своей жизни, странной и символичной с самого рождения, что придает его повествованию особую выразительность.

Детство Мудимбе сходно с детством маленького Жана Вансина, с той только разницей, что родители Валентина Мудимбе, тоже католики, принадлежали не к творческой среде, а к простому словию. Его отец, «наполовину крестьянин и прекрасный представитель “обращенных” в новую веру по колониальному плану», был рабочим на руднике, а его мать — домохозяйкой⁸. Их старший сын легко овладел родными языками своих родителей (сонгай — родной язык его отца, луба — матери); с друзьями он говорил на суахили, а с учителями — на французском. Позже он освоит, как если бы он их знал с самого рождения: фламандский, греческий, латинский, английский. Изучит древнееврейский, русский и еще несколько других языков. Он станет лингвистом. Ему еще не исполнилось и тридцати двух лет, когда он был назначен деканом университета Лованиум.

Как и Вансина, Мудимбе был одиночкой. *Etiam omnes, ego non*, — утверждает непримиримо его независимый разум. В отличие от Вансина, перед юным одаренным африканцем не было другой альтернативы, как принять духовный сан. Он поступает в небольшую семинарию. Полностью оторванный от своей родной среды на протяжении

⁸ Mudimbe, Valentin. Op.cit. P.39.

десяти лет, он перескакивает два последних года обучения в средней школе и оказывается в восемнадцать лет готовым к самостоятельной работе. Мудимбе стал монахом бенедиктинского ордена в Руанде, но не смог смириться с позицией католической церкви во время избиений 1959 года. Возвратившись к светской жизни, он продолжает руководствоваться правилом монастырской жизни – «три по восемь» (8 часов молитвы, 8 часов работы, 8 часов отдыха), или – теперь – столько же часов, посвященных интеллектуальной деятельности.

В книге он представляет свою автобиографию, свидетельство человека, интеллектуала и африканского преподавателя университета, обреченного на то, чтобы быть фигурой противоречивой и двусмысленной. Это – противоречивость, порожденная колониальной эпохой, которая сделала из маленького африканца монаха-бенедиктинца. Насколько Вансина ощущает себя инструментом науки, настолько здесь самоанализ, отточенный психоаналитическими опытами (которые автор с юмором определяет как совершенно бесполезные), пронизан политической страстью. Мудимбе стремится понять современный кризиса в Африке и намеревается

«вновь рассмотреть [в качестве активного участника] африканские традицию и историю, чтобы ускорить их включение в современность»⁹.

Повествование первой части книги, в которой рассказывается о жизни Мудимбе, начиная с детства и вплоть до начала монашества, часто прерывается захватывающими размышлениями о спорных на сегодняшний день вопросах. Он подвергает строгому анализу понятие первобытнообщинного строя, появившееся из языка колониальных завоевателей, которое обозначало тогда

«то, что неукоснительно мы были бы вправе называть нациями, то есть автономными сообществами, которые определились в соответствии с традицией, с политическим порядком, со специфическими обычаями и зачастую с языком». Силовое интегрирование этих «наций» в государства-нации, организованные колонизаторами, трансформировало их в «социальные группы по интересам»: «сам по себе, первобытнообщинный строй вовсе не опасен. Это искусство им манипулировать сделало из него монстра»¹⁰.

Все эти концепции противоречивы, так как молодые африканцы воспринимают их с позиции то одного, то другого мира: черного и белого, колонизируемого и колониального, местного и европейского: «слишком рано я ощутил на себе этот "брак". В сущности, я его продукт – и я это знаю»¹¹.

Он написал, основываясь на сложных взаимосвязях между африканскими воспоминаниями, пространствами и географическими

⁹ Ibid. P.78.

¹⁰ Ibid. P.65-67.

¹¹ Ibid. P.60.

названиями, прекрасные страницы, способные «подпитывать» популярный рассказ с «основаниями научного исследования»¹².

Анализ неудачи 60-х годов он проводит крайне жестко. Мудимбе говорит напрямик и осуждает всякую снисходительность по отношению к тщетным попыткам приукрасить действительность:

чтобы выйти из тупика, надо «нас атаковать, просто и незамедлительно, тремя основными копиями наших культур, которые позволили нас колонизировать и сделали нас зависимыми»: это «колдовской дух», уничтожающий инициативу, затем это «обожествление современности», порождающее восхищение европейцев, а также путаница норм, допускающая любую мистификацию. Из этого только один выход: «обуздать господствующую психологию, а также культ слова обманчиво благозвучного, возвратясь к вещам, поступкам и словам, названия которых и смысл — простые»: ложь есть только ложь, а никак не тактическое оружие¹³.

Единая партия не определяет демократию, но, вероятно, определяет ее противоположность, а концепция «традиционной демократии» вносит лишь путаницу. Из сложившегося положения не выйти без социального соглашения, гарантирующего политический порядок на основе справедливости, которая не подавляет личность в политическом пространстве, так как «то, что плохо или хорошо для одного человека должно быть, в принципе, плохо или хорошо и для любого другого человека»¹⁴. Для того чтобы достичь западного уровня, понятие «личность» должно стать столь же непреложным:

«Подрастающее поколение сможет жить с достоинством и исправить существующее положение в африканских странах, только приняв одно единственное решение: ...возвысить до непреложной истины главенство личности, ее свободы и сознания»¹⁵.

Мудимбе отстаивает свою «смешанную культуру» во имя волюнтаристской человеческой морали, свободной от религий как таковых¹⁶. Во второй и третьей частях книги он описывает свой опыт, свои учения (лингвистическое, философское и политическое), размышляет о религии, о женщинах, о философии и о традиции.

Он был католиком по духу, так как все еще находил в молитве и в грегорианской музыке то «что претендует утвердить невероятное братство». Но он подчеркивает, с кантианскими интонациями, что в нем больше культуры, чем веры:

¹² Ibid. P.41-47; 55-59.

¹³ Ibid. P.62-63.

¹⁴ Ibid. P.64.

¹⁵ Ibid. P.63.

¹⁶ «моя смешанная культура — это факт, я научился, благодаря прекрасным учителям, думать и использовать богатейшие ресурсы сложной и смешанной Вселенной». — Ibid. P.104.

«моя вера породила лишь драму, драму требовательности по отношению к гипотезе: Бог как возможность. [...] [Так как] у меня нет другого рая, кроме этого хорошего, но жалкого мира [...] Я ничего не прошу у него, ничего от него не жду, все должно находиться под моей ответственностью [...] Безнравственность мне кажется непристойной»¹⁷.

Не питая иллюзий насчет своих верований, которые были всего лишь проявлением человеческого бытия («божества не пугают более», и придя к африканизму, он, однако, не ощутил по отношению к ним необходимости принять демагогические меры предосторожности в роли наблюдателя со стороны: он узнал

«ослепительный персонаж этой религии, столь хорошо защищенный, и его тайны... Это пустота, она покрывает лишь саму себя [...] Что она отдает, эта религия, в ней нет ничего примечательного»¹⁸.

Это наблюдение он присоединяет к своему анализу культуры, исключая традиционную концепцию. Мудимбе отмечает:

«Такова сила традиции: покровительствовать политической вселенной и ее переговорам во имя эзотеризма, через ряд событий, многократно пересмотренных, адаптированных и, во всяком случае, фальшивых политически. И такое положение сохраняется с XVI века...»¹⁹.

Из чего появляется вопрос по рекуррентным темам мифов, сравнимых в европейско-христианской и африканской традициях: создание новых или, что вероятнее, просачивание древних? Мифы, которые по своей сути – сказки, не являются ли они во многих культурах мистификациями? Мудимбе дает прекрасное объяснение, излагая происхождение мифа о проклятии Шама или, скорее, его сына Канаана²⁰. Мудимбе считает, что христианство потерпело провал в Африке, в традициях и в верованиях африканцев. В конечном счете, он учит своих учеников «быть прочно укорененными в африканской традиции, но и критикующими ее слабости; быть почти атеистами, но помнить иудейско-христианскую мудрость»²¹.

В его книге много тем, которые стоит отметить: рождение африканизма, начиная с «колониальной провокации» (работы Баландье), и «опыт огня» – концепция устной истории, предложенная Жаном Вансина²²; влияние и роль марксизма, «этого прекрасного несбыточного сна»²³, который он наконец-то отбросил, подчеркнув его иллюзии и политические противоречия, но также сумев при-

¹⁷ Ibid. P.101, 116.

¹⁸ Ibid. P.83-84.

¹⁹ Ibid. P.180-181.

²⁰ Ibid. P.180-185.

²¹ Ibid. P.89.

²² Ibid. P.91.

²³ Ibid. P.147.

знать его заслуги и интегрировать; понимание идей Сартра, роли Сангора. И – что характерно для Мудимбе – его признательность своим учителям, без слепоты к их слабостям; его особое внимание к вопросу о происхождении африканских философских теорий, а также его отчаяние по поводу стремления некоторых утопить мысль в традиционном лживом пустословии; его анализ непонимания, основанного на различном видении расизма, который определяет отношения между африканцами и черными американцами.

Мудимбе свойственно поэтическое восприятие природы, которую он описывает с особой нежностью, растворяясь в ней:

«Когда придет моя смерть, я буду счастлив вернуться, обратившись в прах, в родную землю. Мысль, что я смогу питать какие-нибудь деревья и травы, способствовать непрерывности природы – это самое прекрасное мое нравственное обещание»²⁴.

Книга В.Мудимбе имеет четкое построение (три части, в каждой по три раздела), благодаря которому скрыты повторы, придающие повествованию особое очарование; важные размышления объединены и оживлены тонким юмором человека, прекрасно знающего себе цену и смело бросающего на себя взгляд, лишенный снисхождения. Язык повествования прекрасен, легок, лишь иногда вычурен. Оно изобилует пикантными рассказиками: со времен маленького шаловливого ребенка, который тайком съел содержимое дароносицы, так как был голоден и не мог «себе представить, что Бог будет против этого возражать», до юношества, когда молодой Мудимбе присутствовал на дискуссии между отцом Жирарди и коммунистом Роже Гароди (первый обращался в марксиста, второй возвращался к христианству). Мудимбе не боится посмеяться над самим собой. Страсть, которую он выразил в одном из своих первых романов «Между вод», сочетающая в себе неистовое обвинение и пылкую защиту, в этой его книге – сдержанная, укрощенная разумом. В последних двух главах прорывается тоска, уже ранее встречавшаяся: «и я умру, сожалея о провале моих начинаний»²⁵. Эта тоска рождается из парадокса между его личными успехами и провалом ЕГО Африки, эта тоска порождена контрастом между столь посредственной жизнью и красотой ожиданий.

Две автобиографические книги дополняют друг друга: взгляд со стороны и взгляд изнутри, взгляд свидетеля и взгляд активного участника. Вансина, который сумел ввести в историю антропологический

²⁴ Ibid. P.166.

²⁵ Ibid. P.97.

метод, допускает границы антропологии, определенные Жоаном Фабианом: «современные» отношения исследователь/информатор его почти не касаются: он делает из представления другого человека предмет описания и размышления. Любой истинный диалог, в котором предполагается равенство говорящих, где кто-то был бы полностью воспринят как современник того, кто его наблюдает, исключен, независимо от теоретических и практических задач («прагматических», сказал бы он) ученого, имеющего к этому отношение. Наблюдатель живет в центре исследуемого объекта, как это делал Вансина в деревне Мбе, однако социальная дифференциация беспощадна: один знает, что жесткие условия, на которые он себя обрек, скоро закончатся, другой же воспринимает их как часть своего существования. Конечно, как это почувствовал Вансина, происходит диалог, но исследователь непременно хочет руководить этим диалогом.

Вансина считает себя неизменной научной величиной и не испытывает почти метафизической тоски. Он не ошибается, утвердившись более как историк, чем как антрополог: это то, что дало ему силу создать труды, которыми гордится весь научный мир, и в которых открывается устная африканская история. Но он предпочел остановиться на «опушке» современных миров. Мудимбе же спрашивает себя: прав ли он, что судит, и верна ли манера, в которой он это делает. Они воплощают собой точки зрения двух миров, видными представителями которых являются: мира бывших колонизаторов и мира бывших рабов.

Европейцы, носители культурной модели, всегда воспринимали иную культуру как нечто второстепенное, устаревшее или образовавшееся в результате деформации их собственной идентичности. Их отношение к универсальности не было подвергнуто настоящему опыту большинства. Колонизируемым же надо было пережить ниспровержение их образа мыслей и их отношения к миру. Как и его собратья, Мудимбе столкнулся «с тройным опытом, идущим параллельно с открытием другого мира, который нам сегодня свойственен: опыт ускорения истории, опыт сжатия пространства и опыт индивидуализации судеб»²⁶. Не удивительно, что он ощущает потребность осмыслить свое отношение к миру и к истории, другими словами, потребность выстроить философию.

Из этих двух одиночеств, этих двух незаурядных тружеников, первый – исключительный, второй – достигший универсальности. Но каждый из них по-своему достиг совершенства.

²⁶ Auge M. Pour une anthropologie des mondes contemporains. Paris: Aubier, 1995. P.145.

ГЕРОИ И ПОЛИТИКИ

И.Е.Суриков

Алкивиад:

афинский денди или первый «сверхчеловек»?

*Алкивиад между делом являя
изумленному миру первый в истории
европейской культуры
прототип дендизма.*

(С.С.Аверинцев)

*Нравственность есть
только уголок прекрасного...
Иначе куда же деть Алкивиада?*

(К.Н.Леонтьев)

Последняя треть V в. до н.э. была для Афин, как и для всей Греции, очень сложным временем. Шла многолетняя и кровопролитная Пелопоннесская война (431-404 гг.) – крупнейший междоусобный конфликт в истории эллинского мира. Она подорвала силы афинского полиса, буквально обескровив его¹. Постоянно нависавшая над государством внешняя опасность усугублялась резкой интенсификацией внутренних гражданских конфликтов. Именно в эпоху Пелопоннесской войны наметились первые симптомы кризиса классического греческого полиса, пик которого пришелся уже на следующий – IV век – и привел, в конечном итоге, к потере Грецией независимости, к установлению македонской гегемонии и к кардинальному изменению всей социокультурной и геополитической ситуации в античном мире². При

¹ Потери убитыми и взятыми в плен исчисляются для Афин десятками тысяч: *Gomme A.W. The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B.C. Repr.ed. Westport, 1986. P.26; Strauss B.S. Athens after the Peloponnesian War: Class, Faction and Policy 403-386 B.C. Croom Helm, 1986. P.70 ff.; Hansen M.H. Three Studies in Athenian Demography. Copenhagen, 1988. P.14 ff.* Приводимые в названных работах цифры потерь (в каждом случае разные) основаны на более или менее субъективных калькуляциях авторов и не должны приниматься некритически. Тем не менее, не приходится сомневаться, что в целом военные потери были колоссальны.

² В настоящее время в западном антиковедении наблюдается тенденция к отрицанию самого факта этого кризиса (подробнее см.: *Суриков И.Е. Новая концепция афинской истории IV в. до н.э. // ВДИ. 1996. №4. С.235-245*). В связи с этим был высказан ряд действительно интересных соображений, заставляющих во многом по-новому посмотреть на историю Греции в это бурное столетие. Однако в целом тезис об отсутствии в греческом и, в ча-

этом речь следует вести не только и не столько о кризисе каждого отдельно взятого полиса как социально-политической структуры с определенным типом государственности, но скорее о кризисе мира греческих полисов, системы полисных взаимоотношений.

Война шла не только между Афинской морской державой и Пелопоннесским союзом, но и внутри почти каждого из государств Эллады. По наблюдению Фукидида, «весь эллинский мир был потрясая борьбой партий. В каждом городе вожди народной партии призывали на помощь афинян, а главы олигархов – лакедемонян»³. Гражданские смуты протекали с крайней жесточностью и приводили к массовым убийствам⁴. Сами воюющие стороны также не церемонились друг с другом: зачастую подвергалось казни или продавалось в рабство все население захваченного города или острова. Условия мирных договоров не соблюдались, клятвы нарушались, заложники уничтожались и т.п. Не знали снисхождения даже те полисы, которые пытались остаться в стороне от афино-спартанского столкновения, сохраняя нейтралитет: их или насильственно втягивали в войну, или, если это не удавалось, попросту расправлялись с ними. Таких войн, войн почти без правил, Греция еще не знала: греки воевали друг с другом с большим озлоблением, чем некогда с «варварами»-персами.

Кризис эпохи Пелопоннесской войны имел ярко выраженный ментальный, идейный аспект⁵. Рушилась традиционная система ценностей, а новая не спешила приходить ей на смену, оставляя ощущение пустоты, «оставленности богами». Это было время метаний, поисков, зачастую тщетных. Уже первое десятилетие военных действий продемонстрировало катастрофическое падение нравов в греческих государствах. По словам того же Фукидида, «сломленные несчастьем, люди, не зная, что им делать, теряли уважение к божеским и человеческим законам»⁶. При этом, насколько можно судить, ужасы войны стали лишь катализаторами уже зреющего процесса, хотя, вне сомнения, катализаторами очень мощными. Предпосылки идейного кризиса

стности, афинском обществе и государстве этого времени сколько-нибудь существенных кризисных явлений не кажется нам убедительным.

³ Thuc.III.82.1. Пер. Г.А.Стратановского (нам представляется неудачным введение переводчиком слова «партии», которое у Фукидида отсутствует и соответствует скорее современным, нежели античным реалиям).

⁴ *Lintott A. Violence, Civil Strife and Revolution in the Classical City, 750-330 B.C. Baltimore, 1982. P.103-120; Gehrke H.-J. Stasis. Untersuchungen zu den inneren Kriegen in den griechischen Staaten des 5. und 4. Jahrhundert v.Chr. München; 1985.*

⁵ Наиболее фундаментальная работа об этом аспекте кризиса: *Lévy E. Athènes devant la défit de 404: Histoire d'une crise ideologique. P.,1976.*

⁶ Thuc.II.52.3. Перевод Г.А.Стратановского.

складывались постепенно, уже в довоенный период, на протяжении блестящего «Периклова века». Действительно, именно на это время падает начало интенсивной критической деятельности софистов, внесших немалую лепту в подрыв традиционных представлений⁷.

При всех индивидуальных различиях в учениях отдельных софистов можно говорить о ряде общих черт, свойственных если не всем, то многим представителям этого философского движения. Такими чертами были антропоцентризм, субъективизм и релятивизм. Знаменитый тезис крупнейшего представителя старших софистов Протагора гласил: «Человек есть мера всех вещей»⁸. Логично выводимыми импликациями этой посылки (впрочем, в полной мере осознанными и акцентированными уже представителями младшего поколения софистов, такими, как Критий и Фрасимах) были прагматизм в этике, правовой нигилизм, а порой – и откровенный культ силы. В целом деятельность софистов, бесспорно, способствовала подрыву традиционных ценностей, кризису общепринятых верований и морали, росту индивидуалистических настроений, губительных для исконно коллективистского духа классического полиса. В высшей степени характерна нарисованная впоследствии Платоном в диалоге «Горгий» карикатура на поздних софистов – образ молодого афинянина Калликла, проникшегося «модными» учениями до глубины души, не желающего признавать никаких законов и нравственных норм и славящего не ведающую ограничений волю «сильной личности».

Такова была интеллектуальная обстановка эпохи Пелопоннесской войны. Афины, как и многие государства Греции, находились в атмосфере интенсивного идейного брожения, может быть, даже разложения. Наиболее оригинальным, в чем-то даже уникальным порождением этой эпохи был герой этого очерка – афинский политический деятель и полководец Алкивиад. Вряд ли кто-нибудь станет спорить с тем, что Алкивиад был, пожалуй, самой яркой личностью не только в Афинах, но и во всей Греции конца V в. до н.э.⁹ Карьера Алкивиада

⁷ Одна из лучших (и относительно недавних) работ о греческих софистах V в. до н.э.: Kerferd G.B. *The Sophistic Movement*. Cambridge, 1984.

⁸ Protog. DK74 B1.

⁹ Зарубежная литература об Алкивиаде достаточно обширна; в частности, ему посвящено несколько монографических исследований: *Babelon J. Alcibiade, 450-404 avant J.-C.* P., 1935; *Hatzfeld J. Alcibiade. Étude sur l'histoire d'Athènes à la fin du Ve siècle.* P., 1940; *Taeger F. Alkibiades.* München, 1943; *Aurenche O. Les groupes d'Alcibiade, de Léogoras et de Teucros: Remarques sur la vie politique athénienne en 415 avant J.C.* P., 1974; *Ellis W.M. Alcibiades.* L.-N.Y., 1989. На русском языке наиболее подробно деятельность Алкивиада (но лишь в одном аспекте – как предшественника «младшей» тирании) освещена в работе: *Фролов Э.Д. Греческие тираны (IV в. до н.э.).* Л., 1972.

оказалась молниеносно короткой и ослепительной; подобно метеору пронесся он по политическому небосводу Эллады, оставив у современников впечатление чего-то небывалого, неповторимого¹⁰. О нем говорили, что он превзошел всех в греческом мире как доблестями, так и пороками¹¹; говорили, что двух Алкивиадов Греция бы не вынесла¹²... Им восхищались и его ненавидели, причем порой одни и те же люди. Даже его ранняя гибель не остудила страстей: у Алкивиада оставались враги и после смерти. И это несмотря на то, что греки, почти всегда крайне пристрастные к тому или иному ведущему деятелю при его жизни, как правило, ощущали раскаяние позже, когда ничего исправить уже было нельзя¹³. С Алкивиадом получилось не так. Еще в начале IV в. до н.э., когда вся политическая обстановка в корне изменилась, и, казалось бы, многочисленные неоднозначные перипетии его бурной деятельности должны были мирно отойти в небытие, виднейшие аттические ораторы – Лисий (речи XIV, XV) и Андокид (речь IV) – составляют настоящие гневные филиппики по адресу этого уже покойного афинского лидера, а, кстати заметим, другие выдающиеся мастера красноречия – Исократ (речь XVI) и позже Демосфен (речь XXI) – его активно защищают. Посмертная хула, повторим, очень нечастая вещь в греческой истории, гораздо более редкая, нежели посмертная слава. В этом отношении с Алкивиадом можно сопоставить разве что его философского *alter ego* – Сократа, другого «овода», возмущавшего в то же самое время спокойствие афинян. Сократ, как и Алкивиад, в течение довольно значительного времени после своей трагической кончины оставался фигурой спорной.

Жизнь и деятельность Алкивиада достаточно подробно освещены античной нарративной традицией. Из источников, повествующих о нем, прежде всего следует указать на «Историю» Фукидида и «Греческую историю» Ксенофонта. В этих исторических трактатах Алкивиад выступает как одно из главных действующих лиц войны между Афинами и Спартой; Фукидид в соответствии с хронологическими рамками своего труда рассказывает о начале его карьеры политика и военачальника, а Ксенофонт – о ее завершающем этапе. Сведения, сооб-

¹⁰ Впрочем, Алкивиад оказывал чарующее воздействие не только на своих современников. Так, в XIX в. им восхищался выдающийся русский мыслитель К.Н.Леонтьев. Об отношении Леонтьева к Алкивиаду см.: Бердяев Н.А. Константин Леонтьев: Очерк из истории русской религиозной мысли // Н.А.Бердяев о русской философии. Ч.1. Свердловск, 1991. С.171.

¹¹ Nep.Alc.1.

¹² Plut.Alc.16.

¹³ Об отношении греков, в частности, афинян, к своим политическим лидерам см.: Knox R.A. "So Mischievous a Beaste"? The Athenian Demos and its Treatment of its Politicians // Greece & Rome. 1985. V.32. No.2. P.132-161.

щаемые Фукидидом и Ксенофонтом, особенно ценны, поскольку исходят от современников событий (зрелые годы первого из них и молодость второго пришлись именно на период Пелопоннесской войны), к тому же, скорее всего, лично знавших Алкивиада¹⁴. Нельзя не сказать и еще об одном авторе – современнике и знакомце героя нашего очерка, а именно о комедиографе Аристофане, в произведениях которого неоднократно упоминается Алкивиад. Чрезвычайно характерно, в частности, одно место из комедии «Лягушки» (405 г. до н.э.), которое заслуживает того, чтобы быть приведенным полностью.

Дионис:	Скажите же, какого мненья держитесь Насчет Алкивиада. Город болен им.
Еврипид:	Что ж город думает о нем?
Дионис:	Что думает? Желает, ненавидит, хочет все ж иметь. А вы какого мненья, расскажите мне?
Еврипид:	Мне ненавистен гражданин, что медленен На помощь государству, на беду же скор. Кто ловок для себя, ленив для города...
Эсхил:	Не надо львенка в городе воспитывать. А вырос он – себя заставит слушаться ¹⁵ .

В этом сочиненном драматургом разговоре, происходящем в Аиде между богом Дионисом и тенями умерших поэтов Эсхила и Еврипида, наглядно отражена та борьба мнений, что кипела в Афинах вокруг Алкивиада, та смесь преклонения и ужаса, что испытывали по отношению к нему сограждане.

Часто говорят об Алкивиаде и греческие писатели IV в. до н.э. Мы уже называли в этой связи имена представителей ораторского искусства – Лисия, Андокида, Исократ, Демосфен. Алкивиад появляется в качестве одного из действующих лиц в ряде диалогов Платона, еще одного его «коллеги» по ученичеству у Сократа. Два диалога платоновского корпуса даже носят имя Алкивиада¹⁶. Особенно колоритен его образ в финальной части диалога «Пир»: Алкивиад, разгоряченный вином, является на праздничное пиршество к поэту Агафону и произносит энкомий (хвалебную речь) в честь Сократа, попутно рассказывая историю своих с ним взаимоотношений. Платон сообщает

¹⁴ С наибольшей уверенностью это можно говорить о Ксенофоне, поскольку он был учеником Сократа примерно в те же годы, что и Алкивиад (или чуть позже). Кстати, Ксенофонт пересказывает некоторые важные эпизоды из жизни Алкивиада не только в «Греческой истории», но и в «Воспоминаниях о Сократе».

¹⁵ Aristoph. Ran. 1422 sqq. Перевод Адр. Пиотровского.

¹⁶ «Алкивиад I» и «Алкивиад II». Впрочем, существуют сомнения в принадлежности второго диалога перу самого Платона. Возможно, он был составлен кем-то из его учеников.

ценные сведения по генеалогии Алкивиада. В отличие от Платона, Аристотель в своих этических и политических трактатах не уделяет Алкивиаду никакого внимания, — факт интересный, но не удивительный, если учитывать, что стагирского мыслителя привлекали преимущественно институциональные аспекты эволюции государственных устройств, а не роль отдельных личностей в их истории¹⁷.

Из античных авторов позднейшего времени говорят о деятельности Алкивиада Диодор (I в. до н.э.) и Юстин (II-III вв. н.э.) в своих исторических повествованиях, но они дают мало нового по сравнению с Фукидидом и Ксенофонтом. Для нас несравненно более важно то, что именно к позднеэллинистическому и римскому периодам относятся дошедшие до нас произведения биографического жанра, специально посвященные Алкивиаду. В распоряжении ученых имеются две таких биографии. Более ранняя из них написана римским историком I в. до н.э. Корнелием Непотом; она очень кратка, почти конспективна, к тому же в ней встречаются фактические ошибки. По-настоящему ценно жизнеописание Алкивиада, принадлежащее Плутарху, очень подробное и богатое материалом. Пожалуй, именно этот источник следует назвать наиболее информативным из всех привлекаемых нами, хотя, безусловно, работая с ним, следует помнить о том, что Плутарх был отделен от эпохи Пелопоннесской войны более чем полутысячелетним хронологическим промежутком и отнюдь не застрахован от некритического воспроизведения неточных или субъективных сведений.

Алкивиад, сын Клиния из Скамбонид¹⁸ родился около 450 г. до н.э. По своему происхождению он принадлежал к кругу высшей афинской аристократии¹⁹, был выходцем из семьи с давними и богатыми поли-

¹⁷ Ср.: Berve H. Fürstliche Herren zur Zeit der Perserkriege // Die Antike. 1936. Bd.12. S.1. Во всех дошедших произведениях аристотелевского корпуса Алкивиад упоминается лишь несколько раз мимоходом (Anal.II.37b18; Hist.anim.578b28; Poet.1451b11; Rhet.1390b28; fr.443 Rose).

¹⁸ Полное имя Алкивиада сообщает Плутарх (Alc.22) со ссылкой на документальный источник — обвинительное заявление Фессала, сына Кимона, поданное против Алкивиада в связи с судебным процессом о профанации мистерий (см. ниже). Официальное имя афинского гражданина в V в. до н.э. включало три компонента: личное имя, патронимик («отчество») и демотик (обозначение принадлежности к дему — низшей административной единице афинского полиса). Скамбониды — дем, из которого происходил Алкивиад, — входил в состав городской триттии филы Леонтиды и находился почти в центре города Афин.

¹⁹ Различные аспекты генеалогии Алкивиада долго были предметом острых дискуссий. Поступление в течение XX века новых данных, особенно эпиграфических (черепки для голосования при остракизме), заставляло вносить коррективы, но, кажется, наконец, родословное древо Алкивиада удалось восстановить с достаточной определенностью (см. это древо в работе: Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаиче-

тическими традициями, в которой из поколения в поколение чередовались имена Алкивиад и Клиний²⁰. К сожалению, точное название рода, из которого происходил Алкивиад по отцовской линии, с полной уверенностью не восстанавливается. Известно только, что этот род возводил свои истоки к прославленному мифологическому герою Аяксу Саламинскому и его сыну Еврисаку, переселившемуся с Саламина в Афины²¹. В историографии предлагались различные варианты названия этого рода (Евпатриды, Еврисакиды и др.); опираясь на эпиграфические данные, удалось с некоторой долей уверенности установить, что интересующий нас род назывался Саламиниями²².

Ближайшие предки Алкивиада играли значительную роль в политической жизни Афин. Прадед, носивший одинаковое с ним имя, был соратником основателя афинской демократии Клизфена²³. Другой прадед, Клиний, в 480 г. отличился в морском сражении с персами при Артемисии²⁴. Сын последнего Алкивиад (в литературе его обычно называют Алкивиадом Старшим, чтобы отличать от его знаменитого внука) был подвергнут остракизму – изгнанию из Афин на десять лет, а эта мера применялась лишь к наиболее влиятельным политикам, как правило, аристократического статуса²⁵. Наконец, отец Алкивиада Клиний принадлежал к ближайшему окружению Перикла. До нас до-

ской и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII-V вв. до н.э. М., 2000. С.251).

²⁰ Фукидид (VIII.6.2) утверждает, что имя Алкивиад было спартанским по происхождению и попало в Афины благодаря ксеническим связям (обычай сакрального наследственного гостеприимства между аристократами различных греческих полисов, напоминавший кавказское куначество) этой семьи со спартанской знатью. Такого рода связи распространялись даже и за пределы греческого мира: Суриков И.Е. Гостеприимство Креза и афиняне // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999. С.72-79.

²¹ Plat.Alc.I.121a; Plut.Alc.1. Путаницу в вопрос о роде Алкивиада вносят аттические ораторы IV века (Isocr.XVI.25; Demosth.XXI.144), которым, судя по всему, уже не были исчерпывающе известны детали его родословной.

²² Впрочем, вернее будет воздержаться от категоричных суждений, тем более что в самом определении сущности афинского рода между исследователями нет единства. См.: Суриков И.Е. Из истории... С.29 слл. Там же приведена относящаяся к вопросу литература.

²³ Isocr.XVI.26. Кстати, и сам Клизфен был прадедом Алкивиада по одной из женских линий.

²⁴ Herod.VIII.17. Плутарх (Alc.1), введенный в заблуждение совпадением имени, отождествил этого Клиния с отцом Алкивиада, что является ошибкой, поскольку это невозможно по хронологическим соображениям.

²⁵ Остракизм Алкивиада Старшего датируется по-разному – от 480-х до 460-х годов. –См.: Carcopino J. L'ostracisme athénien. P., 1935. P.111-112; Calderini A. L'ostracismo. Milano, 1945. P.46-48; Vanderpool E. Op.cit.; Phillips D.J. Athenian Ostracism // Hellenika: Essays on Greek Politics and History. North Ryde, 1982. P.28; Lang M. Ostraka. Princeton, 1990. P.31-32).

шел эпиграфический документ – принятый афинским народным собранием в начале 440-х годов по инициативе Клиния декрет, направленный на упорядочение финансового управления Афинской морской державой²⁶. В 447 г. до н.э. Клиний, участвуя в так называемой Первой (или Малой) Пелопоннесской войне, погиб в битве при Коронее²⁷.

Мать Алкивиада Диномаха происходила из рода Алкмеонидов, едва ли не самого знаменитого и влиятельного в Афинах. Отцом Диномахи был Мегакл, видный аристократический лидер эпохи Греко-персидских войн (кстати, тоже в свое время подвергшийся остракизму), а ее матерью – Кесира, дочь Клисфена²⁸. Таким образом, она являлась двоюродной сестрой Перикла и родной сестрой его первой жены. Иными словами, жизнь и деятельность Алкивиада в известной степени может рассматриваться как часть богатой событиями истории Алкмеонидов. Современные исследователи нередко прямо называют Алкивиада представителем рода Алкмеонидов²⁹ и, в принципе, имеют на это основания. Для нас особенно важно то обстоятельство, что он оказывался ближайшим родственником Перикла – «афинского олимпийца», самого влиятельного гражданина в полисе. Алкивиад был родным племянником жены Перикла и двоюродным племянником его самого³⁰. Поэтому не случайно, что, когда наш герой трех лет от роду остался без отца, его опекуном стал именно Перикл³¹.

Уже с детства и ранней юности Алкивиад зарекомендовал себя блестяще одаренной личностью. Он отличался необыкновенной красотой; от него как бы исходило какое-то непреодолимое очарование, перед которым не могли устоять даже враги и недоброжелатели молодого афинского аристократа. Алкивиад рос в обстановке всеобщего почитания и восхищения, о нем знали все Афины. «Целая толпа знатных афинян окружала Алкивиада, ходила за ним по пятам, предупреждала все его желания»³². Комедиограф Аристофан уже в своих ранних произведениях, созданных в 420-е гг. до н.э. («Пирующие»,

²⁶ IG.I³.34.

²⁷ Plut.Alc.1.

²⁸ О Кесире см.: Shear T.L. Koisyra: Three Women of Athens // Phoenix. 1963. V.17. No.2. P.99-112.

²⁹ Например: Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Essen, 1984. Bd.6. S.482; Burn A.R. Pericles and Athens. L., 1948. P.239; Ellis W.M. Op.cit. P.2.

³⁰ Схеме родственных отношений Перикла и Алкивиада см.: Суриков И.Е. Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. №4. С.24.

³¹ Суриков И.Е. К интерпретации имени Арифрона на острака // ВДИ. 2000. №4. С.74. Подопечным Перикла и его брата Арифрона оказался также младший брат Алкивиада Клиний, которого античные авторы (Plat.Prot.320a; Alc.I.118e; Athen.XI.506d) называют слабоумным.

³² Plut.Alc.4. Плутархова биография Алкивиада здесь и далее цитируется в переводе С.П.Маркиша.

«Ахарняне», «Осы»), изображает Алкивиада как яркого представителя афинской «золотой молодежи». Естественно, что в таких условиях будущий герой Пелопоннесской войны вырос человеком до крайности избалованным и даже развращенным. Он вел исключительно экстравагантную жизнь, переполненную пьяными кутежами и беспорядочными любовными связями. Плутарх передает целый ряд связанных с этим анекдотов, которые вряд ли имеет смысл здесь подробно пересказывать, но о самых характерных из них, пожалуй, стоит упомянуть.

«Алкивиад явился однажды к учителю грамматики и попросил сочинения Гомера. Тот ответил, что Гомера у него нет, тогда Алкивиад ударил его кулаком и ушел»³³. В другой раз он в пьяном виде и с компанией друзей пришел на пир к одному из афинян, забрал со столов половину стоявшей там золотой и серебряной посуды и удалился. Обескураженный хозяин заметил, однако, что его эксцентричный гость «обнаружил сдержанность и снисходительность: ведь он оставил нам эту половину, меж тем как мог забрать всё»³⁴.

Алкивиад – таково создающееся впечатление – считал, что для него нет ничего недозволенного, а сограждане только укрепляли в нем эту уверенность, прощая все выходки за его обаяние³⁵.

Как-то юный Алкивиад поспорил с друзьями, что без всякой вины ударит Гиппоника, сына Каллия из рода Кериков – богатейшего из афинян, кроме того, занимавшего одну из важнейших в полисе жреческих должностей, человека уже немолодого, – и действительно сделал это. Однако на следующий день он «пришел к дому Гиппоника, постучался, предстал перед хозяином и, сбросив с плеч гиматий, предал себя в его руки, чтобы самому претерпеть побои и понести заслуженную кару»³⁶. Гиппоник, растроганный таким поведением Алкивиада, простил ему обиду, а позже даже выдал за него замуж свою дочь Гиппарету. Впрочем, этот брак не был счастливым. Уже после смерти отца Гиппарета, удрученная постоянными изменами супруга, ушла от него к своему брату Каллию и подала на развод. Бракоразводный процесс, если он осуществлялся по инициативе женщины, был в Афинах достаточно долгой и сложной процедурой; от добивавшейся развода гражданки требовалось, в частности, собственноручно подать

³³ Ibid.7.

³⁴ Ibid.4. Интересно, что этим обиженным хозяином был не кто иной, как Анит, будущий обвинитель Сократа.

³⁵ Ср. Plut.Alc.16 (о более позднем периоде деятельности Алкивиада): «Добровольные пожертвования, щедрость хорега, дары городу, в пышности которых он не знал себе равных, слава предков, сила слова, красота и крепость тела в соединении с воинским опытом и отвагой заставляли афинян прощать Алкивиаду всё остальное, относиться к нему терпимо и всякий раз подбирать для его выходок самые мягкие названия, именуя их то шутками, то даже добрыми делами».

³⁶ Plut.Alc.8.

жалобу архонту на городской площади – агоре. «Когда, повинуюсь закону, она (Гиппарета) уже подавала требование, явился Алкивиад, внезапно схватил ее и понес через всю площадь домой»³⁷. Несчастливая Гиппарета довольно скоро умерла; известно о двух детях от их брака – сыне, который тоже был назван Алкивиадом, и дочери.

Справедливо пишет об Алкивиаде римский биограф Непот:

«Был он щедрым, блистательным в обиходе и во всем образе жизни, обходительным, обаятельным и умеющим ловко приноровиться к случаю; и он же в свободное время, когда дела не требовали душевного напряжения, оказывался изнеженным, беспутным, сластолюбивым и разнузданным, так что все дивились, как в одном человеке уживаются такие противоречия и такие разные природные свойства»³⁸.

Больше всего бросалось в глаза непомерное честолюбие и тщеславие Алкивиада, его стремление любыми способами выделиться из массы сограждан, «быть не как все». Это проявлялось даже в мелочах. Так, на своем боевом щите он приказал изобразить не родовой герб, как было принято, а Эрота с молнией в руке, сам же щит сделать позолоченным. Для завоевания славы и престижа Алкивиад не останавливался ни перед какими денежными тратами, тем более что он был очень богат и, кроме того, получил большое приданое за Гиппаретой. Он неоднократно добровольно принимал на себя разного рода литургии – общественные повинности, налагавшиеся на наиболее состоятельных граждан в пользу государства³⁹. Алкивиад чрезвычайно активно участвовал в панэллинских спортивных состязаниях, причем в той дисциплине, которая считалась самой почетной, – в колесничных бегах. Он стал победителем в Немейских, Пифийских, Панафинейских играх⁴⁰; ниже еще пойдет речь о его триумфальном выступлении на Олимпийских играх 416 г. Тому же престижу служил и весь стиль жизни Алкивиада, необычайно пышный и роскошный.

Еще Эдуард Мейер высказывал предположение, что Перикл прочил Алкивиада в свои политические преемники, поскольку его собственные сыновья Ксантипп и Парал никакими талантами не блистали; во всяком случае, несомненно, что отношение самого Алкивиада к своему опекуну осложнялось некоторыми нюансами. Имела место, в частности, ревность молодого аристократа к лидеру афинского полиса; поклонники Алкивиада нашептывали ему, «что стоит ему взяться за государственные дела, как он разом не только затмит всех прочих

³⁷ Ibidem.

³⁸ Nep.Alc.1 (Непот здесь и далее цитируется в переводе Н.Н.Трухиной). Многие античные авторы говорят в связи с Алкивиадом о таком высоко ценившемся качестве, как *megalopsychia* («величие души»).

³⁹ Thuc.VI.16,3; 61,5; Andoc.IV.20-21; Plut.Alc.10; 16.

⁴⁰ Plut.Alc.16; Paus.I.22,7; Athen.XII.534d.

военачальников и народных любимцев, но и самого Перикла превзойдет могуществом и славою среди греков»⁴¹. Да и в целом Перикл и Алкивиад были слишком уж разными людьми; по отношению к ним можно даже, в известной мере, говорить о конфликте поколений. Алкивиад решительно не желал принимать тех правил политической жизни в демократических Афинах, которым неукоснительно следовал Перикл. Широко известным стало заявление Алкивиада по поводу тщательной подготовки Перикла к отчетам перед народным собранием: «А не лучше ли было бы ему подумать о том, как вообще не давать отчетов?»⁴². Ксенофонт передает интересную беседу между Периклом и Алкивиадом, не достигшим еще двадцатилетнего возраста⁴³. В ходе этого разговора, предметом которого было определение закона, юноша, пользуясь различными ухищрениями софистической эристики, буквально загоняет «афинского олимпийца» в угол, заставляя того признать, что закон и беззаконие – одно и то же.

Таким образом, Алкивиад уже с молодых лет блестяще владел искусством спора, да и в целом был наделен редким даром красноречия⁴⁴ (что имело большое значение в условиях афинской демократии, когда все вопросы государственной жизни решались путем открытого обсуждения и дискуссии). В дополнение к природной одаренности, он получил прекрасное образование, как и подобало отпрыску знатного рода, готовящемуся к политической деятельности. Юный Алкивиад много общался с подвизавшимися в Афинах софистами. Особенное же значение имели его отношения с Сократом – мыслителем, которого современники воспринимали всецело в контексте софистического движения⁴⁵, но который в действительности был непримиримым идейным противником софистов, отстаивая существование объективной истины и возможность ее отыскания. Дружба Сократа и Алкивиада вошла в легенду. Талантливому юношу привлекало в «босоногом мудреце» то, что он, в отличие от прочих многочисленных поклонников, не потакал его порочным наклонностям, а, напротив, старался их приглушать, воспитывая в нем стремление к истинной доблести⁴⁶. Далеко не всегда и не во всем это удавалось; зачастую дурные влияния брали верх. Тем не менее, в течение довольно значительного времени философ и молодой аристократ были почти неразлучны.

⁴¹ Plut. Alc. 6.

⁴² Ibid. 7.

⁴³ Xen. Mem. 1.2.40–46.

⁴⁴ Plut. Alc. 10.

⁴⁵ Так, в комедии Аристофана «Облака» Сократ выведен именно как злонамеренный софист, достойный всяческого порицания.

⁴⁶ Plut. Alc. 4–6.

С Сократом напрямую связаны первые эпизоды военной карьеры Алкивиада⁴⁷. В 432 г. Алкивиад в восемнадцатилетнем возрасте отправился в свой первый поход и участвовал в осаде города Потидеи на Халкидике⁴⁸. В этом военном мероприятии принимал участие и Сократ, даже живший с Алкивиадом в одной палатке. В одной из битв с осажденными Сократ спас Алкивиада от гибели. Следует сказать, что последний сам несколько лет спустя (в 424 г., уже в ходе Пелопоннесской войны) в неудачном для афинян сражении при Делии (в Беотии), служа уже в коннице, пришел на выручку к Сократу, отступавшему в рядах гоплитов и подвергавшемуся опасности.

Отношения Сократа и Алкивиада прекрасно укладываются в чрезвычайно характерную для древнегреческой цивилизации модель дружбы-ученичества зрелого мужа и юноши, дружбы, не свободной от эротических оттенков⁴⁹. Характерно, что и впоследствии Алкивиад всегда сохранял теплые и даже восторженные чувства к Сократу. В отличие от другого известного сократовского ученика – своего сверстника Крития, будущего главы "Тридцати тиранов" – он отнюдь не порвал с учителем. При этом следует помнить, что Алкивиада привлекали в учении Сократа, прежде всего, его элитарные, аристократические и даже антидемократические стороны, в частности, настояние философа на том, что управление государством должно принадлежать не «совершенно невежественным» представителям демоса, а «знающим», «лучшим» людям. Нет надобности говорить, что к этим «лучшим» Алкивиад в первую очередь причислял себя, прекрасно осознавая (и даже, пожалуй, переоценивая) свои многочисленные таланты. Как ни парадоксально, учение Сократа с его проповедью «умеренности» и «самопознания» для Алкивиада оказывалось, наоборот, катализатором властных амбиций. Его огромное властолюбие закономерно влекло за собой подчеркнутую беспринципность, уверенность в том, что для достижения цели подходят любые средства. Подобно «титанам Возрождения» или ницшеанскому «сверхчеловеку», Алкивиад, похоже, искренне считал себя стоящим «по ту сторону добра и зла». Его намерения просто не могли рано или поздно не вступить в острый конфликт с основными принципами афинской демократии, поскольку пределом желаний для Алкивиада могла стать лишь единоличная, тираническая власть в полисе.

⁴⁷ О них см.: *Ibid.* 7.

⁴⁸ Осада афинянами Потидеи на северном побережье Эгейского моря стала одним из главных непосредственных предлогов для начала Пелопоннесской войны.

⁴⁹ См.: *Bremmer J.N. Adolescents, Symposium and Pederasty // Sympotica: A Symposium on the Symposium. Oxford, 1990. P.138-148.*

Естественно, осторожный Алкивиад вовсе не торопился раскрывать демосу свои истинные планы. Напротив, выступив на поприще публичной политики, он стремился заслужить репутацию защитника народных интересов, и в большинстве случаев это ему удавалось. Главным инструментом политической борьбы в Афинах того времени были гетерии – объединения нескольких десятков граждан во главе с «харизматическим лидером», чаще всего аристократического происхождения. Главой одной из таких гетерий и стал Алкивиад⁵⁰.

Активная политическая деятельность Алкивиада началась в 420 г.⁵¹ при следующих обстоятельствах. Незадолго до того по инициативе видного афинского полководца Никия был заключен мир со Спартой, завершивший первый период Пелопоннесской войны. Алкивиад выступил решительным противником этого мира и приверженцем возобновления военных действий. Античные авторы⁵² сообщают, что руководили им при этом чисто личные причины. Алкивиад был недоволен тем, что спартанские послы, прибывшие для заключения мира, предпочли вести переговоры не через него (хотя он считался спартанским проксеном в Афинах и в предыдущие годы оказал спартанцам некоторые услуги⁵³), а через Никия, считая его более опытным и влиятельным. Это был удар по самолюбию молодого политика; несомненно, Алкивиад вполне основательно считал Никия своим главным соперником. Под знаком вражды Никия и Алкивиада проходила вся афинская политическая жизнь последующих нескольких лет.

В 420 г. Алкивиад впервые стал одним из десяти стратегов⁵⁴ и затем избирался на эту должность еще пять лет подряд. Должность стратега давала ряд важных прерогатив, в том числе право законодательной инициативы и прямой апелляции к народному собранию. Воспользовавшись этим, Алкивиад уже в первый год своего пребыва-

⁵⁰ Об афинских гетериях см.: Суриков И.Е. Демократия и гетерии: некоторые аспекты политической жизни Афин V в. до н.э. // Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997. С.89-99.

⁵¹ О первых годах политической деятельности Алкивиада подробно см.: Kagan D. The Peace on Nicias... P.17 ff.

⁵² Thuc.V.43; Plut.Alc.14.

⁵³ При поддержании дипломатических отношений друг с другом греческие полисы опирались на институт проксении – общественного гостеприимства, в чем-то напоминавший нынешние консульства. Алкивиад был потомственным спартанским проксеном в Афинах.

⁵⁴ Fornara Ch.W. The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden, 1971. P.42 ff. Стратеги избирались в Афинах сроком на один год и были не только командующими войском, но и играли важнейшую роль в гражданской жизни полиса. Возрастной ценз для занятия должности стратега составлял 30 лет. Таким образом, Алкивиад был избран на эту должность сразу же, как только это позволил сделать его возраст.

ния в должности круто изменил внешнюю политику Афин: он добился заключения союза с Аргосом – сильнейшим после Спарты полисом Пелопоннеса, который никогда не входил в Пелопоннесский союз и неизменно сохранял враждебность к нему. К афино-аргосскому альянсу присоединились, также по инициативе Алкивиада, еще два важных пелопоннесских полиса – Мантинейя и Элида, разорвавшие ради этого союзные отношения со Спартой⁵⁵. Создание новой коалиции было первым известным нам проявлением дипломатического таланта Алкивиада. Его можно назвать крупнейшим дипломатом не только Афин, но и всей Греции конца V в. до н.э. На этом поприще он в течение всей своей сознательной жизни осуществлял чрезвычайно интенсивную деятельность, в ходе которой буквально покрыл греческие полисы и сопредельные государства грандиозной сетью союзов личного характера, замыкавшихся непосредственно на его персоне. Все эти союзы служили, вероятно, даже не столько Афинам, сколько самому Алкивиаду, какую бы позицию он в тот или иной конкретный момент ни занимал, где бы ни находился, на чьей бы стороне ни стоял⁵⁶.

Было очевидно, что сколоченный Алкивиадом союз направлялся своим острием против Спарты и Пелопоннесской лиги; он позволял Афинам создать плацдарм на самом Пелопоннесе и практически сразу развивать там дальнейшие успехи, подчиняя своему влиянию другие города полуострова (в том числе Патры в Ахайе)⁵⁷. Учитывая, что Никиев мир со Спартой *de iure* оставался в силе, ситуация оказывалась в высшей степени двусмысленной. Для выяснения отношений и предъявления претензий в Афины прибыло спартанское посольство. Однако Алкивиад, проведя ловкую интригу, дискредитировал послов перед афинским народным собранием и сорвал их миссию⁵⁸. Никию после этого стоило огромного труда отговорить спартанцев от немедленного разрыва мирного договора. Сложилась чрезвычайно тревожная и напряженная ситуация: формально между Афинской архэ и Пелопоннесским союзом сохранялись мирные отношения, фактически же то тут, то там происходили локальные военные столкновения.

В 419 г. афиняне с подачи Алкивиада обвинили лакедемонян в нарушении условий Никиева мира и объявили их агрессорами⁵⁹ (хотя дело обстояло скорее противоположным образом). В следующем году, опираясь на силы созданной Алкивиадом коалиции, афинский по-

⁵⁵ Thuc.V.40–48; Plut.Alc.15.

⁵⁶ См.: Суриков И.Е. Ксенические связи в дипломатии Алкивиада // Ан- тичный мир и археология. Вып.11. Саратов, 2001.

⁵⁷ Thuc.V.52 sqq.

⁵⁸ Plut.Alc.14.

⁵⁹ Thuc.V.56.3.

лис даже решился – чуть ли не единственный раз за все время Пелопоннесской войны! – бросить открытый вызов Спарте в сухопутном сражении. Эта битва, проходившая почти на подступах к Лаконике (при Мантинее) закончилась, конечно, победой Спарты (спартанская фаланга к тому времени еще не имела себе равных в греческом мире и не знала поражений), но победой далеко не разгромной; сражение шло почти на равных⁶⁰. Военная неудача почти никак не ухудшила общих позиций Афин, поскольку, заручившись поддержкой достаточно могущественного Аргоса, отвлекавшего на себя силы спартанцев, они могли чувствовать себя вне непосредственной опасности.

В 416 г. афиняне попытались принудить к подчинению нейтральный дорийский остров Мелос (Южные Киклады), а когда это не удалось, начали военную операцию. Мелосцы не могли, конечно, долго сопротивляться значительно превосходящим силам противника; не выдержав длительной осады, они сдались. Афинское народное собрание решило судьбу побежденных с ужасающей жестокостью: было постановлено перебить всех взрослых мужчин и обратить в рабство женщин и детей, а на острове поселить афинских колонистов⁶¹. Инициатором этой бесчеловечной (хотя не столь уж и уникальной в годы Пелопоннесской войны) меры был не кто иной, как Алкивиад⁶².

Тот же год ознаменовался еще одной блистательной победой в жизни нашего героя, однако, на этот раз победой не военной, а атлетической. На Олимпийских играх 416 г. до н.э. он добился такого триумфа в колесничных бегах, какой ни до того, ни после того не выпадал на долю ни одного из греков. Выставив на состязаниях семь колесниц⁶³, Алкивиад занял сразу первое, второе и третье места⁶⁴. Эта невиданная победа стоила ему, конечно, весьма изрядных трат, но зато

⁶⁰ О битве при Мантинее см.: *Kagan D. The Peace of Nicias...* P.107-137.

⁶¹ *Thuc.V.116.4.*

⁶² *Andoc.IV.22; Plut.Alc.16.*

⁶³ Победителем в колесничных бегах считался не возница, а владелец упряжки (чаще всего он выступал и в качестве возницы), и потому одно лицо могло занять на состязаниях сразу несколько первых мест. Впоследствии возникло подозрение, что одна из упряжек, выставленных Алкивиадом (едва ли не победившая, которой правил он сам), была обманно записана им на свое имя, а на деле принадлежала другому афинянину. Уже после смерти Алкивиада этот инцидент дал повод к судебному процессу против его сына. От этого процесса до нас дошла XVI речь Исократ.

⁶⁴ Об этом говорится в победной песни (эпиникии) в честь Алкивиада, написанной поэтом Еврипидом (*Eur.Epinic.fr.1 Page*). Фукидид (VI.16.2) говорит о первом, втором и четвертом местах, но, на наш взгляд, песнь Еврипида, написанная непосредственно по следам событий, точнее передает факты. Об этих событиях см. также: *Bowra C.M. Euripides' Epinician for Alcibiades // Historia. 1960. Bd.9. Ht.1. S.68-79.*

после нее он мог с полным основанием считать себя самым знаменитым человеком не только в Афинах, но и во всем греческом мире.

С 415 г. начинается наиболее бурный, богатый событиями и неоднозначный (и лучше всего освещенный в источниках) период жизни и деятельности Алкивиада. Весной он выступил главным инициатором самого грандиозного и авантюрного военного предприятия афинян – морской экспедиции на Сицилию. В народном собрании кипели острые дебаты между Алкивиадом и главным противником его плана – осторожным Никием. В конце концов, афинский демос принял неожиданное и не слишком дальновидное решение, но вполне в своем духе: назначить командующими силами вторжения в ранге стратегов-автократоров⁶⁵ Алкивиада и Никия, а также третьего полководца – Ламаха, который, очевидно, должен был сглаживать неизбежные противоречия между двумя своими коллегами. И той же самой весной состоялся остракизм (последний в афинской истории), в ходе которого опасности десятилетнего изгнания из полиса подвергались как Никий, так и Алкивиад. Однако по итогам голосования оба они остались в Афинах, а изгнанным оказался демагог Гипербол, сам же и предложивший согражданам прибегнуть к этой мере⁶⁶. Буквально за считанные дни до отплытия флота на Сицилию (середина лета 415 г. до н.э.⁶⁷) в Афинах случился потрясший всех инцидент. Ночью некие злоумышленники кощунственно изуродовали гермы – чтимые изображения бога Гермеса, во множестве стоявшие на городских улицах.

«Афиняне приняли повреждение герм весьма близко к сердцу, считая это происшествие зловещим предзнаменованием для исхода экспедиции, и приписывали его заговорщикам, замышлявшим переворот и свержение демократии»⁶⁸.

Началось следствие; были назначены награды доносчикам. Политические противники Алкивиада заявляли, что совершенное святотатство – дело рук его самого и его гетерии. Более абсурдного обвинения нельзя было придумать: Алкивиаду меньше всего были нужны

⁶⁵ Стратеги-автократоры в Афинах назначались крайне редко, поскольку эта должность предусматривала чрезвычайные полномочия: в частности, стратег-автократор, в отличие от обычного стратега, не был обязан согласовывать свои действия с народным собранием или каким-либо другим органом власти.

⁶⁶ Суриков И.Е. К историко-хронологическому контексту последнего афинского остракизма // *Античность: эпоха и люди*. Казань, 2000. С.17-27; Карлюк С.Г. Гипербол, «человек негодный» // *ВДИ*. 1998. №4. С.142-156.

⁶⁷ Датировка начала Сицилийской экспедиции: Thuc.VI.30.1; Plut.Alc.18. Около того же времени в Афинах проходил ежегодный праздник в честь Адониса, сопровождавшийся траурными ритуалами, и это совпадение было воспринято афинянами как дурной знак. См.: Furley W.D. Die Adonis-Feier in Athen, 415 v.Chr. // *Ktema*. 1988. №13. P.13-19.

⁶⁸ Thuc.VI.27.3 (перевод Г.А.Стратановского).

действия, которые могли повести к публичному скандалу с религиозным оттенком и, в конечном счете, к срыву взлелеянного им военного предприятия. Скорее, повреждение герм было организовано, наоборот, его недоброжелателями. Однако афинский демос в состоянии крайнего нервного возбуждения готов был верить любым наветам.

Между тем, поступил донос о причастности Алкивиада к другому кощунству: он со своими друзьями пародировал на своих пирушках священнойший религиозный ритуал – Элевсинские мистерии в честь Деметры⁶⁹. Алкивиад требовал немедленного суда, надеясь опровергнуть все обвинения. Однако его враги, понимая, что присутствие в Афинах преданного своему командующему войска может привести к благоприятному для него исходу процесса, убедили народное собрание отложить его проведение⁷⁰. С тяготеющей над ним угрозой осуждения отправился Алкивиад на запад Средиземноморья. Прибыв к берегам Южной Италии и Сицилии, он уже начал успешные военные действия (хотя разногласия с Никием давали о себе знать)⁷¹, когда за ним внезапно прибыл из Афин государственный корабль с вызовом на суд: все время его отсутствия следствие по делу о кощунствах продолжалось, и, наконец, обвинители Алкивиада решили, что «компромата» на него собрано достаточно и подходящий момент наступил. Резонно полагая, что ничего хорошего в Афинах его не ожидает, Алкивиад предпочел не искушать судьбу и спастись бегством⁷².

⁶⁹ О религиозном и политическом значении Элевсинских мистерий в V в. до н.э. см.: *Clinton K. The Eleusinian Mysteries and Panhellenism in Democratic Athens // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxford, 1994. P.161-172.* Это обвинение выглядело более основательным, чем первое: выходки подобного рода были вполне в духе Алкивиада, известного своим экстравагантным образом жизни и пренебрегавшего общепринятыми нормами поведения. Однако если профанация мистерий с его стороны и имела место, вряд ли у нее была какая-то политическая подоплека. Из литературы по тесно связанным между собой судебным процессам о повреждении герм и о профанации мистерий см.: *Фролов Э.Д. Социально-политическая борьба в Афинах в конце V века до н.э. Л., 1964; Никитюк Е.В. Процессы по обвинению в нечестии (асебейе) в Афинах во второй половине V в. до н.э. // Античный мир: Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С.132-133; Lewis D.M. After the Profanation of the Mysteries // Ancient Society and Institutions. Oxford, 1966. P.177-191; Powell C.A. Religion and the Sicilian Expedition // Historia. 1979. Bd.28. Ht.1. S.15-31; Murray O. The Affair of the Mysteries: Democracy and the Drinking Group // Symptica: A Symposium on the Symposium. Oxford, 1990. P.149-161; etc. Источник, наиболее обстоятельно повествующий об этих процессах, – I речь Андокида.*

⁷⁰ «Пусть плывет в добрый час, а после окончания войны пусть возвратится и держит ответ перед теми же самыми законами». – Plut.Alc.19.

⁷¹ Thuc.VI.44-52; Plut.Alc.20.

⁷² Thuc.VI.61; Plut.Alc.22.

Все эти события фактически обезглавили сицилийскую экспедицию, оставив флот без наиболее талантливое военачальника. Верховное командование перешло к Никию (Ламах вскоре погиб), который совершенно не верил в успех этой акции. Как известно, экспедиция завершилась катастрофическим разгромом афинского войска при Сиракузах в 413 г. до н.э. и стала переломным эпизодом Пелопоннесской войны, после которого стратегическая инициатива перешла на сторону Спарты. Ничего удивительного в этом не было; тем не менее, временами афиняне на Сицилии находились буквально в двух шагах от победы. Остается только гадать, как развивались бы события, если бы их силами руководил не нерешительный и к тому же серьезно заболевший Никий, а энергичный и уверенный в успехе Алкивиад. История, конечно, не знает сослагательного наклонения, но приходится констатировать, что, не будь нескольких роковых случайностей, вся дальнейшая судьба греческого мира могла бы сложиться во многом иначе, нежели она сложилась в действительности.

Суд над Алкивиадом состоялся *in absentia*, и результат его нетрудно было предугадать. Обвиняемый был заочно приговорен к смертной казни с конфискацией имущества; всем афинским жрецам было поручено предать его проклятию⁷³. Алкивиад, узнав о смертном приговоре, воскликнул: «А я докажу им, что я еще жив!»⁷⁴.

К зиме того же года он появился в Спарте и предложил свои услуги спартанским властям⁷⁵. Лакедемоняне не могли и мечтать о таком подарке судьбы: их советником оказался лучший из вражеских полководцев, прекрасно осведомленный обо всех сильных и слабых сторонах афинской военной организации. Его рекомендации могли оказаться незаменимыми. И действительно, Алкивиад дал спартанскому командованию ряд ценных советов, которые в совокупности представляли собой новый план военных действий. Прежде всего, он настоятельно убеждал их оказать помощь осажденным Сиракузам, по поводу чего Спарта долгое время колебалась⁷⁶. Когда же, наконец, на подмогу Сиракузам был послан спартанский полководец Гилипп, это, в конечном счете, и привело к плачевному для афинян итогу их сицилийской экспедиции. Далее, Алкивиад предложил возобновить воору-

⁷³ Имеется интересный эпиграфический документ (IG.I³.421 sqq.) – описание конфискованного имущества Алкивиада и других членов его гетерии, осужденных по делу о кощунствах.

⁷⁴ Plut.Alc.22.

⁷⁵ См.: *Kebric R.B. Implications of Alcibiades' Relationship with the Ephor Endius // Historia. 1976. Bd.25. Ht.2. S.249-252; Vickers M. Alcibiades at Sparta // Classical Quarterly. 1995. V.45. No.2. P.339 ff.*

⁷⁶ Thuc.VI.91.4; Plut.Alc.23.

женный натиск непосредственно на Афины (прекращенный со времени Никиева мира) и при этом сменить тактику⁷⁷. Если в первое десятилетие Пелопоннесской войны спартанцы ограничивались ежегодными летними вторжениями в Аттику и опустошением сельскохозяйственных угодий, то теперь (в 413 г. до н.э.) они, по совету Алкивиада, захватили крепость Декелею на севере области и превратили ее в свой постоянный плацдарм на территории противника. Отныне и до конца войны в Декелее круглый год находился спартанский гарнизон, являвшийся источником перманентной опасности для афинян. Укрепление войском Пелопоннесского союза Декелеи стало очередным тяжелым ударом по афинскому полису.

Оказавшись в Спарте, Алкивиад резко изменил весь свой образ жизни. Казалось, не осталось и следа от прежнего изнеженного щеголя, который еще недавно, командуя флотом, приказывал делать для себя «особые вырезы в палубе на триерах, чтобы спать помягче – в постели, уложенной на ремни, а не брошенной на голые доски»⁷⁸. Восхищая самих суровых лаконян, афинский беглец с легкостью перенимал все их обычаи – носил простую одежду, купался в холодной воде, ел знаменитую спартанскую черную похлебку. И впоследствии, где бы ни оказывался Алкивиад, он тут же, подобно хамелеону, приспособлялся к новым условиям:

«В Спарте он не выходил из гимнасия, был неприятелен и угрюм, в Ионии – изнежен, сластолюбив, беспечен, во Фракии беспробудно пьянствовал, в Фессалии не слезал с коня, при дворе сатрапа Тиссаферна в роскоши, спеси и пышности не уступал даже персам»⁷⁹.

Однако под всеми этими личинами скрывался прежний Алкивиад. Воспользовавшись отсутствием спартанского царя Агида, командовавшего гарнизоном в Декелее, он вступил в любовную связь с его женой Тимеей, которая даже родила от Алкивиада сына. Агид, подозревая неладное, стал с тех пор врагом Алкивиада.

Последний период Пелопоннесской войны явно начинался под знаком преимущества Спарты. От Афин, почувствовав их ослабление, один за другим стали отпадать, переходя на сторону пелопоннессцев, союзники – члены Афинской архэ, полисы Ионии, островов Эгейского моря, зоны Черноморских проливов. Это, помимо прочего, серьезно ослабляло финансовую мощь Афин, основывавшуюся в весьма значительной мере на ежегодной подати (форосе) с союзных городов: теперь от этого источника доходов пришлось отказаться. Однако

⁷⁷ Thuc.VI.91.6; Plut.Alc.23.

⁷⁸ Plut.Alc.16.

⁷⁹ Ibid.23. Непот (Alc.11) добавляет, что, находясь в Беотии, Алкивиад превзошел всех «в трудолюбии и телесных упражнении».

афиняне отнюдь не опустили руки; они собирались с силами, настаивали на продолжение борьбы и в сжатые сроки построили новый флот взамен потерянного на Сицилии. Было ясно, что окончательного поражения Афин не добиться, пока они господствуют на море, где и должен был решаться исход афино-спартанского противостояния⁸⁰. Спарта приходила к пониманию необходимости создания военно-морских сил, сопоставимых по мощи с афинскими. Но для этого она не имела ни традиций, ни, самое главное, денежных средств. Проблема финансирования была решена путем ряда договоренностей с персидским царем Дарием II и его малоазийскими сатрапами⁸¹. На персидские деньги Спарта построила флот; приобретать же навыки морского дела предстояло при помощи Алкивиада.

В 412 г. до н.э. спартанский флот вышел в Эгеиду и направился к берегам Ионии с целью помощи отпавшим от Афин полисам. Алкивиад находился при флоте (официальный статус его не вполне ясен) и действовал очень удачно; пользуясь своими старыми связями, он переманил на спартанскую сторону ряд членов Афинской архэ, в том числе таких влиятельных, как Хиос и Милет⁸². Однако очередными успехами Алкивиад опять нажил себе завистников (на этот раз в кругу спартанских властей), отдавших приказ умертвить его. Узнав об этих происках, он в очередной раз вынужден был спасаться бегством. Он нашел убежище и покровительство в Сардах, при дворе персидского сатрапа Лидии Тиссаферна⁸³, отличавшегося неприязнью к грекам и греческому образу жизни. Тем не менее, афинскому изгнаннику за короткий срок удалось буквально очаровать сурового перса. Тиссаферн следовал большинству советов Алкивиада, называл его другом и даже переименовал в его честь лучший из своих садов. Алкивиад же давал сатрапу стратегические рекомендации. В частности, по его

⁸⁰ Афины, соединенные коридором «длинных стен» со своим портом Пиреем, не могли быть доведены до капитуляции осадой, поскольку всегда могли получать продовольствие морем; искусство же брать крепости штурмом у греков V в. до н.э. еще практически отсутствовало.

⁸¹ О спартано-персидских дипломатических контактах и договорах этих лет см.: Рунг Э.В. Договор Бэотия // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. С.113-134. По условиям этих соглашений персы начали субсидировать спартанцев, которые в ответ обязывались после окончания Пелопоннесской войны возвратить под их владычество греческие города Малой Азии, отвоеванные у Ахеменидов еще в ходе Греко-персидских войн. Естественно, Дария в высшей степени устремлялся к такому повороту событий: ведь теперь он мог, руководствуясь принципом «разделяй и властвуй», изнурять Грецию междоусобной войной и тем самым упрочивать свое влияние в ней.

⁸² Thuc.VIII.6.3; VIII.17.3.

⁸³ Thuc.VIII.45 sqq.; Plut.Alc.24 sqq.

предложению Тиссаферн значительно урезал финансовую помощь спартамцам. Узы дружбы с Тиссаферном Алкивиад активнейшим образом использовал при своих тайных переговорах с афинянами, имевших целью возвращение на родину, о котором он, ставший беглецом не по своей воле, постоянно помышлял. Теперь же для его примирения с согражданами наступил удобный момент. В афинском флоте, стоявшем в это время на острове Самос, возникло движение в пользу Алкивиада. Тот дал знать, что готов вновь перейти на сторону Афин и даже склонить персов к помощи им, но ставил условием ликвидацию афинской демократии, вынесшей ему смертный приговор⁸⁴.

В 411 г. уполномоченные от флота прибыли в Афины. Там их усилиями демократия была действительно свергнута, но это привело к достаточно неожиданным результатам: на несколько месяцев в городе утвердился жесткий олигархический, симпатизирующий Спарте режим («правительство Четырехсот»). В планы олигархов отнюдь не входила забота о возвращении Алкивиада, поскольку они не желали продолжать войну; напротив, новые афинские власти тут же начали переговоры о мире с Пелопоннесским союзом. В этих условиях афинский флот на Самосе отказался признать олигархический переворот и подчиняться Четыремстам⁸⁵. Моряки сместили командовавших флотом стратегов, избрали на их место новых из своей среды – граждан, имевших репутацию убежденных сторонников демократии, – и... опять-таки пригласили Алкивиада⁸⁶, поскольку иного выхода из ситуации не предвиделось. Так Алкивиад оказался на Самосе и вновь принял на себя командование афинскими морскими силами⁸⁷.

Воины призывали его немедленно вести флот на Афины, чтобы уничтожить проспартанское правительство, но он не поддавался эмоциям и убедил своих подчиненных не отвлекаться от основной задачи – ведения военных действий против спартанского флота. Следует сказать, что Алкивиад, памятуя о тяготеющем над ним смертном приговоре, пока не спешил в родной город, надеясь предварительно зарекомендовать себя новыми военными подвигами. В самих же Афинах режим Четырехсот в том же году рухнул и был заменен более уме-

⁸⁴ Thuc.VIII.47.2; Plut.Alc.25.

⁸⁵ Афинский флот, комплектовавшийся из беднейших граждан, всегда был главной опорой демократии.

⁸⁶ Thuc.VIII.81-82; Plut.Alc.26.

⁸⁷ Интересно, что Алкивиад и в свое недолговременное пребывание на Самосе ухитрился прижить детей, причем отнюдь не с гетерами. Впоследствии некоторые самосские аристократы возводили свое происхождение к Алкивиаду. Среди них, в частности, был Дурид – тиран острова и видный историк раннеэллинистической эпохи (Duris FG¹Hist.76 F70). Ср.: Shipley G. A History of Samos 800-188 B.C. Oxford, 1987. P.124.

ренной олигархией («правительство Пяти тысяч»), которая приняла решение возратить Алкивиада из изгнания⁸⁸. Спустя некоторое время афинская демократия была полностью восстановлена.

С 411 г. начинается грандиозный триумф Алкивиада, длившийся без перерывов около четырех лет, серия громких побед над спартанцами, достигнутых, прежде всего, благодаря его полководческому таланту⁸⁹. В результате Пелопоннесская война вновь оказалась на грани стратегического перелома; перед Афинами в очередной раз забрезжил луч победы, во всяком случае, перевес оказался на их стороне. Поведя флот с Самоса в район Черноморских проливов, Алкивиад сразу же нанес спартанским силам поражение при Абидосе. После этого он не отказал себе в удовольствии похвастаться успехами перед своим высокопоставленным персидским другом – Тиссаферном – и отправился к нему на единственной триере, везя с собой подарки. Но на этот раз сатрап Лидии, опасаясь гнева царя за нарушение соглашений со Спартой, встретил Алкивиада более чем холодно и даже заточил его в темницу в Сардах, из которой, впрочем, тому месяц спустя удалось бежать, вернувшись на театр военных действий.

В ближайшее же время Алкивиад одержал новую победу над спартанцами, одновременно на суше и на море, в сражении при Кизике. Спартанцы подверглись сокрушительному разгрому; их флот был частью уничтожен, частью захвачен, а его главнокомандующий (наварх) Миндар погиб. И в дальнейшем афиняне под главенством Алкивиада продолжали развивать достигнутый успех. Черноморские проливы были полностью очищены от спартанских и союзных с ними вооруженных сил; афиняне восстановили свой контроль над этим исключительно важным в стратегическом отношении регионом. В конце концов, в их руках оказался крупнейший греческий полис на Боспоре Фракийском – Византий⁹⁰. Афинская архэ возрождалась, но о возобновлении регулярных сборов фороса думать уже не приходилось. В этой ситуации Алкивиад изобрел новый способ пополнения государственной казны. В местечке Хрисополь (также на Боспоре Фракийском) он учредил таможеню для взимания десятипроцентной пошлины с кораблей, идущих в Эгейское море из Понта Эвксинского⁹¹. Алкивиаду, в числе прочего, удалось установить дружественные отношения с еще одним знатным персом – Фарнабазом, сатрапом Геллеспонтской Фригии, ранее также поддерживавшим спартанцев.

⁸⁸ Thuc.VIII.97.3; Plut.Alc.27.

⁸⁹ Наиболее подробно об этом периоде деятельности Алкивиада рассказывает Ксенофонт (Hell.I.1-4).

⁹⁰ О взятии Византия см.: Xen.Hell.I.3.14-22; Diod.XIII.66-67; Plut.Alc.31.

⁹¹ Xen.Hell.I.1.22.

Лишь в 407 г., в ореоле победителя и, можно сказать, спасителя отечества, бывший изгнанник и беглец решился-таки отправиться в Афины. Тем не менее, его угнетали некоторые опасения, даже когда он со всем блеском, во главе флота входил в пирейскую гавань. Однако они оказались безосновательными: весь город, ликуя, вышел встречать героя⁹². Естественно, смертный приговор Алкивиаду был отменен, конфискованное имущество возвращено, наложенные проклятия торжественно сняты. Алкивиад получил целый ряд наград и, в конце концов, вопреки всем афинским обычаям был провозглашен стратегом-автократором, единственным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами⁹³. Эта была высшая точка его карьеры. Оставалось сделать какой-нибудь последний шаг, чтобы объявить себя единоличным правителем государства, то есть захватить тираническую власть; граждане, измученные войной и внутривластной нестабильностью, могли и не оказать значительного сопротивления. Однако этого последнего шага Алкивиад так и не сделал, в отличие от сиракузского аристократа Дионисия, который буквально два года спустя при очень похожих обстоятельствах стал тираном в своем городе, крупнейшим представителем «младшей» тирании.

О причинах этого можно долго спорить. Во всяком случае, ясно, что дело не в личной нерешительности или пассивности Алкивиада. Согласно всем имеющимся о нем сведениям, он был человеком в высшей степени деятельным, отважным, склонным к риску. Скорее можно говорить о том, что в его сознании были еще достаточно сильны элементы полисного менталитета. При всем своем властолюбии и пренебрежении общепринятыми нормами, при всех монархических замашках, он вырос и сформировался как личность в обстановке афинской демократии, в принципе отвергавшей любые проявления единовластия, и порвать с ее традициями было для него не так-то и просто. Бесспорно, сыграло свою роль и то обстоятельство, что Алкивиад, в отличие от Дионисия, не располагал гвардией наемников, на которую он мог бы опереться при установлении тирании.

Стоит упомянуть об одном эпизоде пребывания Алкивиада в Афинах, весьма, на наш взгляд, характерном. Уже несколько лет, с тех пор, как спартанцы укрепили Декелею и стали контролировать многие дороги в Аттике, афиняне не могли полноценно проводить одно из самых дорогих их сердцу празднеств – Элевсинские мистерии в честь Деметры и Персефоны. Одним из главных ритуалов Мистерий была торжественная процессия из Афин в Элевсин, в святилище

⁹² Уже за некоторое время до этого афинское народное собрание официально утвердило Алкивиада в должности стратега (Xen.Hell.I.4.10).

⁹³ Xen.Hell.I.4.20; Plut.Alc.33.

«Двух богинь»⁹⁴. Теперь от этой процессии пришлось отказаться из-за постоянной угрозы спартанского нападения на ее участников. Афиняне были вынуждены добираться до Элевсина морем, и, соответственно, «жертвоприношения, хороводы и многие другие обряды, которыми сопровождается шествие с изображением Иакуха (элевсинский эпитет Диониса – И.С.), пришлось, по необходимости, опустить»⁹⁵. Алкивиад в положенный срок сумел организовать мистериальную процессию в полном соответствии с древними обычаями, снабдив ее сильной вооруженной охраной. Вспомним, что в 415 г. смертный приговор ему был вынесен именно за кощунственную профанацию Элевсинских мистерий. Следует полагать, что теперь он стремился стереть у сограждан память об этом неприятном инциденте, выставив себя, напротив, защитником и покровителем некогда поруганных им святынь.

Через несколько месяцев после своего возвращения в Афины Алкивиад вновь во главе флота вышел в Эгейское море, намереваясь продолжать возвращение под власть Афин отпавших союзных полисов. Действовал он в целом успешно, но афинский демос, чем дальше, тем меньше, был удовлетворен своим вождем, ожидая от него каких-то сверхъестественных свершений.

«Если бывали люди, которых губила собственная слава, то, пожалуй, яснее всего это видно на примере Алкивиада... Любая неудача вызывала подозрение – ее спешили приписать нерадивости, никто и верить не желал, будто для Алкивиада существует что-либо недостижимое: да, да, если только он постарается, ему всё удается!»⁹⁶

Алкивиад, однако, при всех своих талантах был только человеком, не свободным от ошибок и просчетов; при этом ему приходилось действовать в условиях крайней финансовой стесненности⁹⁷. Не удивительно, что победы достигались не с той легкостью и быстротой, с какой хотелось бы афинянам.

Как обычно бывает в таких случаях, каплей, переполнившей чашу, стала, в сущности, мелочь. В 406 г., отлучившись на время от флота, Алкивиад запретил оставленному им за себя Антиоху вступать в военные действия со спартанцами. Тот нарушил приказ и был разбит новым спартанским навархом Лисандром в сражении при Нотии⁹⁸.

⁹⁴ Городок Элевсин (к северо-западу от Афин) был рано включен в состав афинского полиса и являлся одним из пограничных демов Аттики. Об Элевсине см.: *Сергеева С.Н.* Элевсин и Афины (с нач. II тыс. до VII в. до н.э.) // *Античный мир: Проблемы истории и культуры.* СПб., 1998. С.84-108.

⁹⁵ *Plut.Alc.34.*

⁹⁶ *Ibid.35.*

⁹⁷ Алкивиад должен был нередко, покидая флот, отправляться по союзным с Афинами городам для добывания денег на жалованье гребцам.

⁹⁸ *Xen.Hell.I.5.10-15.*

Это поражение, не столь уж серьезное и случившееся без какой бы то ни было вины со стороны Алкивиада, стало причиной его отстранения от должности стратега. В очередной раз оказавшись в опале, он не вернулся в Афины и ушел в добровольное изгнание. Какой-то злой рок, казалось, тяготел над героем нашего очерка: вопреки всем своим стараниям, он всюду приобретал себе только врагов.

Алкивиад удалился на Херсонес Фракийский и поселился в находившемся там замке, принадлежавшем ему лично⁹⁹. Набрав отряд наемников и завязав дружественные отношения с фракийскими царями Севтом и Медоком¹⁰⁰, он начал на свой страх и риск помогать им в военных мероприятиях; «в то же время и греки, жившие по соседству с этими варварами, чувствовали себя в безопасности под его защитой»¹⁰¹. В 405 г. Алкивиаду едва не довелось опять сыграть важную роль в истории Пелопоннесской войны. Это случилось незадолго до роковой для афинян битвы при Эгоспотамах (на побережье Херсонеса Фракийского, неподалеку от резиденции Алкивиада). Прибыв к командовавшим афинским войском стратегам, он предложил им свою помощь и дал несколько в высшей степени полезных советов, указав, в частности, на то, что место, выбранное ими для стоянки флота, исключительно неудачно и уязвимо. Однако стратеги, опасаясь нового возрастания влияния Алкивиада (а, может быть, подозревая подвох), попросту прогнали его, не приняв во внимание ни один из его советов¹⁰². Несколько дней спустя спартанский наварх Лисандр, хитростью застигнув афинян врасплох, наголову разгромил их. Из двухсот афинских кораблей удалось спастись лишь восьми. Спартанцы захватили около 3000 пленных; все они были казнены по приказанию Лисандра.

Исход афино-спартанского военного столкновения был решен, поскольку на море, как и на суше, теперь безраздельно господствовал Пелопоннесский союз. Афины подверглись полной блокаде и в 404 г. капитулировали. Узнав о сдаче родного города и понимая, что оставаться в пределах мира греческих полисов для него становится опасным, Алкивиад не нашел ничего лучшего, как отдаться под покровительство благоволившего к нему Фарнабаза. Сатрап принял его с почетом и поселил в своих владениях, в селении Гриний. По некоторым сведениям, Алкивиад намеревался даже отправиться ко двору персидского царя (Ахеменидской державой правил уже Артаксеркс II)¹⁰³. Хотел ли он просто спастись от возможных преследований или,

⁹⁹ Xen.Hell.I.5.17; Nep.Alc.7.

¹⁰⁰ Diod.XIII.105.3.

¹⁰¹ Plut.Alc.36.

¹⁰² Xen.Hell.II.1.25-26.

¹⁰³ Nep.Alc.9; Plut.Alc.37.

как утверждают Непот и Плутарх, планировал с персидской помощью освободить Афины от лакедемонского владычества – судить трудно.

Тем временем в самих Афинах по требованию Спарты демократия была вновь ликвидирована. У власти почти на год оказалось правительство из крайних олигархов и лаконофилов («Тридцать тиранов», как прозвали их афиняне). Главой режима Тридцати, почти сразу запятнавшего себя террором и репрессиями по отношению к сторонникам демократии, был старый знакомец Алкивиада Критий. Еще не столь давно отношения между ними были вполне мирными, даже дружелюбными. Именно Критий в 411 г. был инициатором принятия постановления о возвращении Алкивиада из его первого изгнания¹⁰⁴. Однако теперь новый афинский лидер видел в старом лишь самого опасного конкурента. Одним из первых действий «Тридцати тиранов» было лишение Алкивиада гражданских прав¹⁰⁵, что отнимало у него возможность легального возвращения на родину. Но и это казалось Критию недостаточным. Он прекрасно сознавал, что Алкивиад, пока он жив, останется центром притяжения всех демократически настроенных сил. Только на него могли возлагать свои упования бежавшие из города противники олигархии и Спарты¹⁰⁶.

Критий внушил всесильному спартанскому наварху Лисандру мысль о том, что Алкивиад не должен жить. Того же мнения придерживались и спартанские власти во главе с царем Агидом. В конце концов, Лисандр направил Фарнабазу письмо с просьбой умертвить своего афинского гостя. Вероломный перс, не желая портить отношений с победителями-спартанцами, подослал к Алкивиаду отряд убийц. Здесь, пожалуй, стоит дословно привести дополняющие друг друга рассказы Непота и Плутарха о последних минутах Алкивиада.

«Те (убийцы – И.С.) не посмели напасть на него с оружием в руках, но, обложив ночью хворостом домишко, в котором он спал, разожгли пожар, дабы огнем уничтожить того, кого не надеялись одолеть силой. Алкивиад проснулся от треска пламени, а поскольку меч у него похитили заранее, выхватил из-за пояса у друга кинжал; так случилось, что рядом с ним был один гостеприимец его из Аркадии, который не покидал его ни при каких обстоятельствах. Приказав ему следовать за собой, Алкивиад сгреб всю бывшую под рукой одежду и, набросив ее на огонь, прорвался через его жар. Увидев, что он выскочил из пожара, варвары забросали его издали копьями и убили, а голову его отправили Фарнабазу»¹⁰⁷.

¹⁰⁴ Plut.Alc.33.

¹⁰⁵ Xen.Hell.II.3.42. Впоследствии вождь умеренного крыла Тридцати Феармен (тоже, кстати, бывший соратник Алкивиада) осуждал эту меру.

¹⁰⁶ Впрочем, в конечном счете «Тридцать тиранов» были свергнуты и демократия в Афинах восстановлена уже после гибели Алкивиада (в 403 г. до н.э.) вторгнувшимся в Аттику отрядом изгнанников во главе с Фрасибулом.

¹⁰⁷ Nep.Alc.10.

«Войти в дом убийцы не решились, но окружили его и подожгли. Заметив начавшийся пожар, Алкивиад собрал все, какие удалось, плащи и покрывала и набросил их сверху на огонь, потом, обмотав левую руку хламидой, а в правой сжимая обнаженный меч, благополучно проскочил сквозь пламя, прежде чем успели вспыхнуть брошенные им плащи, и, появившись перед варварами, рассеял их одним своим видом. Никто не посмел преградить ему путь или ступить с ним в рукопашную, – отбежав подальше, они метали копья и пускали стрелы. Наконец Алкивиад пал, и варвары удалились»¹⁰⁸.

Несмотря на незначительные расхождения в деталях¹⁰⁹, эти рассказы в совокупности дают достаточно четкое представление о гибели Алкивиада. Так в возрасте около 46 лет оборвалась жизнь человека, который, пожалуй, и сам не смог бы ответить на вопрос, чего он больше принес Афинам и всей Греции – пользы или вреда. Гетера Тимандра – очередная любовница Алкивиада, делившая с ним изгнание, – предала его тело погребению. Наверное, в чем-то символично, что политик и полководец, не раз в своей жизни бросавший родные края, и похороненным оказался на чужбине. Полтысячелетия спустя, во II в. н.э., когда все Средиземноморье находилось уже под владычеством Рима, император Адриан – филэллин на римском троне – распорядился поставить на могиле Алкивиада его мраморную статую¹¹⁰.

Существуют крайне противоречивые оценки личности Алкивиада. В нем видят то «тип эллина классической эпохи со всеми его достоинствами и недостатками»¹¹¹, то «гениального вождя в слишком маленьком мире», предтечу эллинистических сверхчеловеков¹¹², то талантливого неудачника, оказавшегося злым гением родины¹¹³, то последователя афинских политиков в традициях Фемистокла и Перикла¹¹⁴. В каждой из них есть доля истины, но следует акцентировать внимание еще на одном аспекте, обычно упускаемом из виду.

Алкивиад был последним (и даже анахронистическим) аристократическим лидером в духе доперикловского и даже доклисфеновского времени. В кардинально изменившейся обстановке, в условиях демократического полиса он пытался «играть по старым правилам», ис-

¹⁰⁸ Plut. Alc. 39.

¹⁰⁹ Есть и мнимые расхождения: так, у Плутарха, как и у Непота, оружием Алкивиада назван кинжал (to encheiridion), а не меч, вопреки переводу С.П. Маркиша.

¹¹⁰ Athen. XIII. 574ef. Римляне и ранее относились к Алкивиаду с пиететом. По Плутарху (Num. 8), когда оракул повелел им воздвигнуть на форуме статую самого доблестного из греков, они установили именно изображение Алкивиада.

¹¹¹ Babelon J. Op. cit. P. 7.

¹¹² Taeger F. Alkibiades... S. 235-236; cp.: *idem*. Charisma: Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes. Bd. 1. Stuttgart, 1957. S. 162.

¹¹³ Hatzfeld J. Op. cit. P. 355; cp.: Bloedow E. Alcibiades 'brilliant' or 'intelligent'? // Historia. 1992. Bd. 41. Ht. 2. P. 139-157.

¹¹⁴ Ellis W.M. Op. cit. P. XIX.

пользовать традиционные механизмы влияния, характерные для афинской знати архаической эпохи, VII-VI вв. до н.э. Так, он стремился добиться власти посредством богатства и его демонстративных трат, через межродовые матримониальные связи, путем громадного увеличения своего престижа (этому служило многое – неоднократно исполнявшиеся им литургии, чрезвычайно активное участие в панэллинских играх, да и весь стиль жизни Алкивиада, пышный до экстравагантности). В традиции архаической аристократии укладывалась и внешне-политическая, дипломатическая деятельность Алкивиада. Блестящие аристократы времени архаики (Алкмеон, Мегакл, Писистрат, Мильтиад Старший и др.) во многом основывали свое влияние и внутри полиса, и за его пределами на разветвленной сети внешних (ксенических и матримониальных) контактов. Именно это делал и Алкивиад, хотя он, как и в других областях, превзошел здесь всех своих предшественников масштабами и размахом своих предприятий.

Однако эпоха была уже совсем другой. Нам кажется, что крах всех начинаний Алкивиада (порой действительно гениальных) напрямую связан с тем обстоятельством, что он был своеобразным живым анахронизмом, что он жил как бы в ином историческом времени, нежели вся окружавшая его обстановка. Подчеркнем, что сказанное нами ни в коей мере не опровергает и другого: Алкивиад основными чертами своей личности и деятельности действительно предвосхищал представителей «младшей» тирании, а в более отдаленной перспективе – правителей эпохи эллинизма¹¹⁵. Прошлое и будущее сошлись в его фигуре, но не было в ней места демократическому настоящему. Алкивиаду следовало бы родиться или на полтора века раньше, или на полтора века позже: классическая Греция места для таких, как он, не предусматривала.

¹¹⁵ Интересно, что некоторые из диадохов, деливших на рубеже IV-III вв. до н.э. наследство Александра Македонского, имели несомненные черты сходства с Алкивиадом. Речь идет, в первую очередь, о Деметрии Полиоркете, напоминавшем Алкивиада буквально всеми сторонами своей блестящей и беспутной натуры (и, кстати, претерпевшем такое же, как Алкивиад, изменчивое – от обожания до ненависти – отношение афинского демоса).

В.Д.Балакин

«Во главе братьев и всей империи»: Оттон I – политик и глава семейного клана

В январе 965 г. Оттон I, завершив свой второй итальянский поход, продолжавшийся более трех лет, возвратился в пределы родной Германии. Еще никогда немецкий король не покидал страну на столь длительный срок, ибо и менее продолжительное отсутствие могло обернуться самыми неприятными последствиями. Другое дело Оттон I: давно уже никто не помышлял о мятежах против него. С тех пор, как под его предводительством была одержана 10 августа 955 года на берегу реки Лех блистательная победа над мадьярами, избавившая Германию и другие страны Европы от их опустошительных набегов, его авторитет недосыгаемо вырос. Об этой победе упоминают многие источники того времени. В хронике «Продолжатель Регинона» читаем: «Венгры... потерпели от королевского войска у реки Лех столь сокрушительное поражение, что никогда еще прежде наши не имели такой победы и не слышали о ней»¹. Другой саксонский хронист, Видукинд Корвейский, подробно описавший эту битву, резюмирует: «Король снискал славу благодаря замечательной победе, и войско провозгласило его отцом отечества и императором»².

Сам же Оттон I связывал имперскую идею с получением императорского достоинства от папы в Риме. Будучи глубоко религиозным человеком, он хотел возглавить с благословения папы «христианскую империю». Однако пройдут еще долгих шесть лет, прежде чем он соберется в свой второй поход за Альпы, откликнувшись на просьбу папы римского Иоанна XII о помощи против маркграфа Беренгара. Этот «крик о помощи» явился для Оттона I удобным поводом для продолжения начатой более десяти лет назад итальянской политики, на сей раз увенчавшейся его коронацией 2 февраля 962 года в храме Св. Петра в Риме императорской короной³.

¹ *Continuator Reginonis* a. 955: «Ungarii ... ab exercitu regis apud Lichum fluvium tanta caede ... prostrati sunt, ut numquam ante apud nostrates victoria talis audiretur aut fieret.» – *Monumenta Germaniae Historica. Series scriptorum*, t. I (MGH SS I).

² *Widukindi rerum gestarum Saxoniarum libri III. Lib. III, c. 49 (Wid. III, 49): «Triumpho celebri rex factus gloriosus, ab exercitu pater patriae imperatorque appellatus est».* Здесь и далее мы даем собственный перевод хроники Видукинда, хотя имеется перевод Г.Э.Санчука (см.: *Видукинд Корвейский. Деяния саксов*. М., 1975), качество которого нас во многом не устраивает.

³ См.: *Балакин В.Д. Итальянская политика империи Оттонов*. М., 2000. С. 22-54.

И вот теперь по прошествии трех с лишним лет, проведенных в Италии, Оттон I вместе с супругой, императрицей Адельгейд, возвращался в Германию. Удостоив посещение монастыри Санкт-Галлен и Райхенау, император продолжил путь во Франконию, на границе которой его ждали сыновья – девятилетний Оттон II, еще четыре года назад коронованный в качестве наследника германского престола, и состоявший при нем воспитателем и наставником старший (незаконнорожденный) сын Вильгельм, архиепископ Майнцский. В обществе супруги и сыновей Оттон I прибыл в Вормс, где его встретил младший брат Бруно, архиепископ Кельнский, незаменимый помощник в государственных делах. Именно благодаря таким, как он, верным сотрудникам на государственном поприще Оттон I мог позволить себе более трех лет отсутствовать в Германии, всецело посвятив себя итальянской политике. В Вормсе в окружении родных и приближенных император праздновал Сретение (2 февраля), проведя там и весь великий пост, лишь на Пасху перебравшись в одну из своих любимых резиденций – пфальц Ингельхайм, где и праздновал, опять же в кругу близких, Воскресение Христово⁴.

Продолжив путешествие на корабле вниз по Рейну, Оттон I со своей блестящей свитой прибыл в Кельн, где, наконец, свиделся с матерью, вдовствующей королевой Матильдой, которая все последние годы молилась за отсутствующего сына. И он тоже не забывал о ней, прислав ей в 962 г. из Рима в Кведлинбург драгоценные реликвии – мощи святых мучеников, принятые ею с величайшей благодарностью и благоговением⁵. В Кельне Оттона I ждала также встреча с дочерью Матильдой, получившей имя в честь бабушки, и сестрой Гербергой, вдовствующей королевой Франции, прибывшей с сыновьями Лотарем и Карлом специально для встречи с царственным братом. Поскольку по случаю возвращения короля в городе собрался и весь цвет светской и духовной знати Германии, здесь в июне 965 г. был проведен рейхстаг, на котором Оттон I впервые предстал перед своими подданными во всем блеске недавно обретенного императорского достоинства. Среди многочисленных обсуждавшихся тогда вопросов особое внимание современников привлекла помолвка короля Франции Лотаря, племянника Оттона I, с его падчерицей Эммой, единственной дочерью Адельгейд от ее первого брака⁶.

⁴ *Contin. Reg.* a.965; Köpke R., Dümmler E. *Kaiser Otto der Große*. Leipzig 1876. S.369-371.

⁵ *Annalista Saxo* a.962 (MGH SS VI); *Annales Magdeburgenses* a.962 (MGH SS XVI).

⁶ *Contin. Regin.* a.965; Köpke R., Dümmler E. *Op. cit.* S.373-375; *Glocker W.* *Die Verwandten der Ottonen und ihre Bedeutung in der Politik*. Köln, 1989. S.41.

И без того тесная связь между обоими государствами, частями некогда единой Каролингской империи, стала еще прочнее. Эта канувшая в Лету держава словно бы возродилась под скипетром Империи Оттонов, когда под властью семейства Оттона I оказалась вся территория бывшего государства Карла Великого. Кёльнский рейхстаг 965 года стал звездным часом Оттона Великого, триумфом его династической политики. Однако путь к этому успеху был долг.

Оттон I, возродивший средневековую Римскую империю, был вторым по счету представителем Саксонской династии (919–1024). Его отец Генрих I Птицелов (919–936), родоначальник династии, заложил прочные основы государства, строительство которого и завершил Оттон I. Генрих I, исключительно талантливый правитель, искусный политик, начал преумножать могущество своего рода еще задолго до того, как стал королем. У своего отца, герцога Саксонии Оттона, он был третьим по счету сыном, так что мог рассчитывать лишь на часть отцовского наследства, не надеясь даже на получение герцогского достоинства. В этих условиях ему приходилось самому заботиться об увеличении личного состояния. И он решил эту проблему вполне традиционным способом – путем выгодной женитьбы.

Свой первый брак Генрих заключил, когда ему было уже около 30 лет. Его избранницей стала дочь некоего господина («senior») Эрвина, возможно, графа, владевшего большей частью Мерзебурга с прилегающей территорией. Правда, эта молодая особа по имени Хаттебург к тому времени уже успела побывать замужем и овдоветь, после чего приняла монашеский чин, что могло стать неодолимым препятствием, поскольку церковь не одобряла браки с «Христовыми невестами», но Генрих не отступился. Титмар Мерзебургский, рассказавший о перипетиях этого сватовства, сообщает, что Генрих, восплаивший любовью к Хаттебург, настойчиво предлагал ей руку и сердце «ради ее красоты и пользы от наследования богатства»⁷.

В конце концов, брак между ними состоялся, вопреки, как и следовало ожидать, решительному протесту со стороны церковных властей. У Генриха и Хаттебург родился сын, получивший имя Танкмар, указывавшее на его принадлежность к роду Лиудольфингов. Однако, несмотря на это очевидное признание со стороны Генриха и его клана, дальнейшая судьба мальчика сложилась трагически. Из-за последовавшего вскоре развода родителей и нового брака отца Танкмар оказался в положении словно бы незаконнорожденного сына, к

⁷ *Thietmari merseburgensis episcopi chronicon*. Lib. I, c.5 (MGH SS III): «ob huius pulchritudinem et hereditatis divitiarumque utilitatem» (*Thietm.* I, 5).

тому же и без достаточных средств к существованию, поскольку Генрих не возвратил приданое бывшей супруги. В глазах современников Танкмар был бастардом, так что «Продолжатель Регинона» называет его «братом короля, рожденным от наложницы»⁸. И Видукинд Корвейский ничего не сообщает о рождении Танкмара в законном браке, хотя и пишет о его матери как особе благородного происхождения, а его самого наделяет заметными достоинствами, упоминая при этом о лишении наследства, что впоследствии и послужит одной из главных причин его мятежа против брата, короля Оттона I⁹.

К тому времени, когда Генрих задумал расторгнуть брак с Хаттебург, в его жизни произошли важные перемены: еще до смерти отца (912 г.), умерли оба старших брата¹⁰, благодаря чему перед ним открылась перспектива наследования герцогского достоинства. На этот случай было желательно иметь супругу более знатного происхождения, нежели Хаттебург. Внимание Генриха привлекла Матильда из рода того самого Видукинда, который в свое время оказывал весьма упорное и успешное сопротивление Карлу Великому, стремившемуся покорить Саксонию. Как и в первом случае, причиной внезапно вспыхнувшей «любви» Генриха были красота и богатство невесты¹¹. В качестве повода для развода он как раз и использовал якобы незаконность заключения брака с Хаттебург¹². Породнившись, благодаря женитьбе на Матильде, с потомками Видукинда, Генрих упрочил свои позиции в Вестфалии, западной части Саксонии, где прежде Лиудольфинги не имели достаточной поддержки¹³.

У Генриха с Матильдой было пятеро детей: сыновья Оттон, Генрих и Бруно и дочери Герберга и Хадвиг. Еще при жизни короля Генриха I Оттон был в 929 г. определен наследником престола и с тех пор в некоторых источниках именовался королем¹⁴. Более того, как сообщает Видукинд, незадолго перед смертью Генрих I созвал народ

⁸ *Contin. Reg.* а.939: «frater regis ex concubina».

⁹ *Wid.* II, 11: «Thancmarus natus erat ex matre nobili, manu promptus, acer ingenio, bellandi peritus».

¹⁰ *Waitz G.* Jahrbücher des Deutschen Reichs unter König Heinrich I. Darmstadt, 1963. S.16 ff.

¹¹ *Thietm.* I, 9: «mens regis ab amore uxoris decrescens, ob pulchritudinem et rem cuiusdam virginis, nomine Mathildis, secreto flagravit.» Титмар излагает события ретроспективно, поэтому Генрих здесь уже назван королем, хотя он станет им спустя лишь несколько лет.

¹² После развода она была вынуждена отправиться в монастырь. — *Thietm.* I, 9: «iniusto se hactenus multum pecasse conubio tandem professus»; *Waitz G.* Op. cit. S.16.

¹³ *Schmid K.* Die Nachfahren Widukinds // *Deutsches Archiv*, Bd.20, 1964. S.1-47.

¹⁴ *Schmid K.* Die Thronfolge Ottos des Grossen // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Germanische Abteilung (ZRG GA)*, Bd. 81, 1964. S.114 f.

и в его присутствии поставил Оттона I «во главе братьев и всей империи франков»¹⁵. Однако и эта мера не помогла избежать конфликта по поводу престолонаследия. И зачинщицей этой распри называют королеву Матильду, любившую сына Генриха больше, чем старшего Оттона, и пожелавшую, чтобы ее любимец занял королевский престол¹⁶. Она ссылалась на то, что Генрих имеет больше прав на корону, поскольку родился, когда его отец уже был королем, тогда как в момент рождения Оттона он не был еще и герцогом Саксонии. Генрих являлся, согласно византийским государственно-правовым представлениям, получившим распространение и в Западной Европе, «порфирородным» принцем, который только и мог претендовать на наследование престола¹⁷. Можно найти и другое объяснение желания Матильды видеть Генриха на престоле. Современники свидетельствуют, что, овдовев, она продолжала носить королевские платья, а в облике ее ничуть не убавилось королевского достоинства¹⁸. Разумеется, гордой королеве Матильде было бы проще, по крайней мере на первых порах, исполнять привычную ей роль при пятнадцатилетнем короле Генрихе, нежели при взрослом сыне Оттоне I.

Однако, в конечном счете, решение было принято в пользу не Генриха, а его старшего брата, как того хотел их отец. 7 августа 936 г. в Ахене состоялась торжественная коронация Оттона I в присутствии представителей высшей знати Германии. Не было только Генриха. Трещина раскола разделила правящее королевское семейство, в какой-то мере омрачив торжественную церемонию. Отсутствовал на церемонии и граф Мерзбургский Зигфрид, королевский наместник в Саксонии, под надзором которого в это время находился Генрих. Видукинд Корвейский в своей «Истории саксов» рассказывает:

«Зигфрид же, лучший из саксов и второй после короля, некогда королевский зять, и с новым королем связанный узами родства, в то время управлял Саксонией, дабы не допустить какого-либо вражеского вторжения, держа также при себе на воспитании младшего Генриха»¹⁹.

¹⁵ *Wid.*, I, 41: «ipsum vero Oddonem... fratribus et omni Francorum imperio prefecit».

¹⁶ *Vita Mahthildis posterior*, c.9 (MGH SS IV): «ceteris in amore praeposuit filiis, atque desideravit ipsum regno potiri post obitum incliti regis Heinrici»; *Thietm.* I, 21.

¹⁷ Если верить жизнеописанию Матильды, многие князья разделяли мнение, что «Генрих должен владеть королевством, поскольку родился в королевском дворце». — *Vita Maht. post.*, c.6: «Heinricum regno potiri, quia natus esset in aula regali»; *Giese W.* *Der Stamm der Sachsen und das Reich in ottonischer und salischer Zeit.* Wiesbaden, 1979. S.119 ff.

¹⁸ *Vita Mahthildis antiquior*, c.11 (MGH SS X); *Wid.* III, 74.

¹⁹ *Wid.* II, 2: «Sigifridus vero, Saxonum optimus et a rege secundus, gener quondam regis, tunc vero affinitate coniunctus, eo tempore procurabat Saxoniam, ne qua hostium interim irruptio accidisset, nutriensque iuniorum Heinricum secum tenuit.»

Деликатное выражение Видукинда «держа на воспитании» («nutriens») исследователями единодушно истолковывается как ограничение свободы передвижения Генриха с тем, чтобы держать его подальше от места коронации. Возникшая напряженность во взаимоотношениях между Оттоном I и его братом Генрихом, постепенно нарастая, приведет к вооруженной борьбе между ними. В первые годы правления нового короля наблюдалась, по понятным причинам, и известная отчужденность между ним и его матерью. Это проявлялось, в частности, в том, что имя королевы-матери практически не фигурирует в дарственных грамотах вплоть до смерти в 946 г. супруги Оттона I королевы Эдгит. Некоторые исследователи усматривают в этом проявление соперничества между Матильдой и Эдгит, послужившего главной причиной раздора в королевской семье, отчуждения между матерью и сыном.²⁰ Косвенным подтверждением правильности данного наблюдения может служить тот факт, что уже через три дня после смерти Эдгит имя Матильды с добавлением «наша госпожа» («nostra domina») появляется в дарственной грамоте, пожалованной королем Кведлинбургскому монастырю²¹. И, тем не менее, именно Эдгит была наиболее близка Оттону I в первые годы его правления. Брак с ней был заключен в 929 г. по инициативе короля Генриха I, в том же году установившего порядок престолонаследия, согласно которому его старший законный сын (т.е. Оттон, а не Танкмар, оказавшийся в положении бастарда) должен был стать преемником. Женитьба на англосаксонской принцессе Эдгит, сестре королей Этельстана (924-940) и Эдмунда (940-946), должна была закрепить это установление, придать ему особую значимость²².

Сложилась весьма пикантная ситуация: в том же 929 г., когда произошли упомянутые выше события, у семнадцатилетнего Оттона уже родился сын от некоей знатной славянки, возможно, представительницы княжеского рода племени гаволян, против которых Генрих I тогда вел войну²³. Ребенку дали имя Вильгельм, не принятое в роду Лиудольфингов, обозначив тем самым, что мальчик не включается в число его представителей и что, следовательно, ему уготована участь внебрачного сына наследника престола. Вместе с тем новорожденный не был брошен на произвол судьбы. Он предназначался для духовной карьеры и должен был получить надлежащее образование, в чем весьма преуспел. Отмечают хороший стиль писем, со-

²⁰ *Leyser K.* Die Ottonen und Wessex // *Frühmittelalterliche Studien*, Bd.17, 1983. S.80 f.

²¹ *MGH. Diplomata. T.I. Diplomata Ottonis I. (DO I): DO I, 75.*

²² *Hoffmann H.* Zur Geschichte Ottos des Großen // *DA*, Bd.28, 1972. S.45.

²³ *Wid. III, 74; Ludat H.* An Elbe und Oder um das Jahr 1000. Köln, 1971. S.12.

чиненных им на латинском языке. Кроме того, он обладал познаниями в области канонического права, проявлял интерес к истории и литературе. Всего лишь в 25 лет этот незаконнорожденный сын становится архиепископом Майнцским, предстоятелем самой крупной и влиятельной епархии в Германии.²⁴ Блестящая карьера! На этом посту он обнаружит незаурядные способности государственного деятеля, однако своей строптивостью, особенно в вопросе об учреждении Магдебургского архиепископства, доставит немало хлопот отцу, Оттону I. Возможно, в этом проявилась затаенная обида, никогда не прорывавшаяся у него столь явно, как у Танкмара и Генриха.

Впрочем, Вильгельм не мог не понимать, что вступление в брак для наследника престола – дело не личной привязанности, а государственной важности. Решал не юный Оттон, а его отец, король Генрих I, в планы которого не входила женитьба сына на славянке, хотя бы и знатного происхождения. Решив посвататься к англосаксонскому королю Эдуарду Старшему (901-924), Генрих I отошел от традиции королей Каролингской династии, предпочитавших заключать браки с представительницами местной знати²⁵.

Обращение именно к англосаксам не было случайным. Оно объяснялось потребностью новой королевской династии Лиудольфингов (она насчитывала тогда всего 10 лет) в самоутверждении. Благодаря женитьбе Оттона на англосаксонской принцессе они породнились бы с древним саксонским королевским домом, ведшим свое происхождение от короля-мученика Освальда и пользовавшимся репутацией благочестивого рода²⁶. Правитель Уэссекса в ответ на сватовство германского короля прислал сразу двух дочерей. После того как Оттон остановил свой выбор на Эдгит, ее сестра Эдгива досталась в жены Людовику, брату короля Верхней Бургундии Рудольфа II. Благодаря этому родству в Бургундии усилилось немецкое влияние. Позднее, когда Оттон I уже стал королем, Рудольф II в знак уважения к нему прислал в Магдебург, любимую резиденцию Оттона и Эдгит, мощи св. Иннокентия, которые вместе с уже имевшимися там мощами св. Маврикия должны были создать славу этому городу, считавшемуся в средние века столицей Немецкого Востока²⁷.

²⁴ *Glocker W.* Op. cit. S.135-136.

²⁵ Это новшество не осталось незамеченным современниками. Саксонская поэтесса X века Росвита Гандерсгеймская, написавшая историю Оттона I, объяснила обращение к англосаксам за невестой тем, что король «не захотел искать ее в собственном королевстве». – *Hrotsvithae Gesta Oddonis v.73 (MGH SS IV)*: «hanc non in proprio voluit conquirere regno».

²⁶ *Wid. II*, 41; *Leyser K.* Op. cit. S.78.

²⁷ *Wid. I*, 37; *Claude D.* Geschichte des Erzbistums Magdeburg. Köln, 1972. S.21.

Эдгит приехала в Саксонию с подобающей ей свитой, и пока она была королевой, из Англии к ее двору постоянно прибывали изгнанники и просители, благодаря чему у Оттона I всегда имелся повод для вмешательства в дела островного королевства. Особенно сильным было его влияние на короля Эдмунда, который старался снизить благосклонность своего зятя²⁸. В браке с Эдгит у Оттона I родились сын Лиудольф и дочь Лиутгард, сыгравшие важную роль в оттоновской династической политике.

В первые годы правления Оттон I столкнулся с серьезными трудностями. Спор по поводу «порфирородности» и размолвка с матерью оказались прелюдией к более серьезным осложнениям. В 937 г. умер граф Зигфрид, надзиравший за Генрихом. Танкмар, после развода родителей лишившийся состояния и положения, надеялся, что Оттон I компенсирует его утраты хотя бы тем, что назначит на освободившуюся должность королевского легата в Саксонии, но просчитался. Король поставил на вакантное место графа Геро, со временем заслужившего за усердие и успехи прозвище Железный. И «охватила Танкмара великая печаль»²⁹. Нарастая, конфликт между ним и Оттоном I вылился в 938 г. в вооруженную борьбу.

Для всех мятежей, с которыми королю пришлось столкнуться в первые два десятилетия своего правления, было характерно то, что во главе всякий раз оказывался представитель правящей династии. Вдохновителем первого антиоттоновского выступления стал Танкмар, хоть и не признанный, но, тем не менее, родной и даже вполне законный сын короля Генриха I, сводный брат Оттона I. У мятежника сразу же нашлись союзники, у каждого из которых была своя причина для недовольства политикой короля, – а ведь еще два года назад во время коронации в Ахене все дружно присягали ему на верность. Одним из наиболее активных участников этого раздора был герцог Франконии Эберхард. Двадцать лет назад его родной брат, король Конрад I, возведенный на престол после того, как в Восточно-Франкском королевстве со смертью Людовика Дитя пресеклась Каролингская династия, умирая, велел ему передать знаки королевского достоинства герцогу Саксонии Генриху, который спустя несколько месяцев и стал королем³⁰. Тогда Эберхард безропотно исполнил завет старшего брата и все годы правления Генриха I был верным его подданным, а теперь, при новом короле, решил, что корона Германии должна быть возвращена Франконскому дому.

²⁸ Leyser K. Op. cit. S.85.

²⁹ Wid. II, 9: «afflictus est Thancmarus tristitia magna».

³⁰ Wid. I, 25.

Мятежники во главе с Танкмаром и Эберхардом принялись опустошать владения короля, желая вызвать его на бой. Они сумели даже пленить его младшего брата Генриха. Танкмар был зол на него, поскольку тому достался во владение Мерзебург, собственность отвергнутой супругом Хатебург. Танкмар резонно полагал, что наследство матери должно принадлежать ему. Поскольку Генрих тогда еще открыто не враждовал с Оттоном I, тот, повинувшись обычному праву и нормам морали, был обязан прийти к нему на помощь. Мятежники были убеждены, что получили верное средство нажима на короля.

Однако события приобрели неожиданный для них оборот. Когда королевское войско подошло к крепости Эресбург, в которой засел со своим отрядом Танкмар, ее гарнизон, видя бесспорное превосходство противника, малодушно предал своего вожака, открыв ворота. Танкмар бросился в церковь, полагая, что святое место обеспечит ему безопасность. Там он снял с шеи золотую цепь и положил ее вместе с оружием на алтарь, давая понять, что отказывается от всех своих притязаний и сдается на милость победителя³¹. Но не помогли ни демонстрация смирения, ни святость места. Один из воинов короля через окно пронзил Танкмара копьем, в результате чего Оттон I был избавлен от опасного противника. Правда, успех омрачился моральной сомнительностью того способа, которым он был достигнут, и хронисты, симпатизировавшие королю, постарались его обелить. Видукинд пишет, что Оттон I вознегодовал из-за столь безрассудного поступка воинов³². Титмар Мерзебургский пошел еще дальше, сообщив, что король жестоко покарал убийцу брата³³.

И действительно, Оттон I не был заинтересован в убийстве Танкмара, которое бросало тень на его репутацию и создавало для него угрозу мести со стороны родственников и друзей покойного. Публичное покаяние и примирение ему было бы гораздо выгоднее. Как бы то ни было, мятеж после гибели его инициатора не только не пошел на убыль, но и стал набирать новые обороты, все более ширясь и захватывая в свою орбиту новых участников. Узнав о смерти Танкмара, герцог Франконский Эберхард принес свои извинения Генриху, которого держал на положении пленника, после чего они сблизились и составили заговор о новом восстании против короля. Как

³¹ Танкмар носил золотую цепь, знак королевской власти, дабы демонстрировать собственную принадлежность к королевскому роду. Об этом символе см.: *Hauck K. Halsring und Ahnenstab als herrscherliche Würdezeichen // Schramm P.E. et al. Herrschaftszeichen und Staatssymbolik. Bd.I. Stuttgart, 1954. S.145-213.*

³² *Wid. II, 11: «rex ... super temeritate militum indignatus est».*

³³ *Thietm. II, 2: «quem rex postea crudeli morte vindicaverat».*

выяснилось, Генрих не забыл о своей «порфиородности» и мечтал не об участии в управлении королевством, а о королевской короне, считая себя более достойным ее, нежели старший брат. Но туда же были обращены и помыслы Эберхарда, поэтому трудно сказать, как они стали бы договариваться друг с другом, устранив Оттона I.

Видукинд, симпатии которого были на стороне короля, а не его мятежного брата, посмеявшегося посягнуть на освященную церковь, а потому угодную Богу королевскую власть, представляет дело так, будто юный Генрих, а не Эберхард, зрелый, умудренный жизненным и политическим опытом человек, задумал новое восстание: охваченный страстным желанием правления, он простил недавнего врага при условии, что тот составит с ним заговор против брата-короля и поможет ему добыть королевскую корону³⁴. Но кто бы ни являлся подлинным инициатором и вдохновителем, очередной заговор и последовавшая вооруженная борьба были возглавлены представителем королевского дома. На сей раз к заговорщикам примкнул и зять Оттона I, герцог Лотарингии Гизельберт, замуж за которого отдал в 928 г. свою дочь Гербергу Генрих Птицелов. Он рассчитывал иметь в ее лице выразительницу своих интересов в Лотарингии, лишь недавно включенной в состав Германского королевства³⁵.

Однако намерения Гизельберта не совпадали с целями немецкого короля, а Герберга оказалась плохой помощницей отцу и брату в проведении их политики. Гизельберт лишь ждал случая, чтобы восстановить независимое Лотарингское королевство. Такая возможность ему представилась, как он полагал, в 939 г., когда Генрих восстал против старшего брата. При этом оба участника заговора, Эберхард и Гизельберт, рассматривали Генриха лишь как орудие для достижения собственных целей, благо легко было подтолкнуть его, «слишком юного и горячего»³⁶, в нужном направлении. Лиутпранд Кремонский, возможно, передавая циркулировавшие слухи, сообщает и о более грандиозных замыслах Гизельберта: при помощи Генриха, не подозревавшего о намерениях союзника, сместить Оттона I и самому занять королевский престол³⁷.

Как же вела себя Герберга, на которую возлагались ее отцом большие надежды? Источники ничего не сообщают о ее противодей-

³⁴ *Wid.* II, 12.

³⁵ *Holtzmann R. Geschichte der sächsischen Kaiserzeit (900-1024)*. München, 1941. S.81.

³⁶ *Wid.* II, c.12: «nimis adolescens, fervens animo».

³⁷ *Liudprandi Antapodosis*. Lib.IV, c.23 (MGH SS III); *Karpf E. Herrscherlegitimation und Reichsbegriff in der ottonischen Geschichtsschreibung des 10. Jahrhunderts*. Stuttgart, 1985. S.33 ff.

ствии планам Гизельберта, зато в рассказе Иокунда о переносе мощей св. Сервация излагается интересная версия о том, что как раз она и подстрекала супруга на мятеж против законного короля, говоря, что у него ничуть не меньше прав на престол, чем у Оттона I³⁸. Это сообщение хотя и относится к более позднему времени (1088 г.), заслуживает внимания, поскольку в нем выражены суждения современников о Герберге. Мы можем принять его с доверием, учитывая, сколь решительно и успешно действовала она впоследствии. Во всяком случае, в то время она отнюдь не являлась выразительницей интересов брата, а поддерживала честолюбивые замыслы супруга.

Выступление заговорщиков началось с большого застолья («convivium») в местечке Заальфельд в горном массиве Тюрингский Лес, во время которого Генрих и объявил присутствующим о своих замыслах. Сообщники Генриха одобрили его намерение выступить против брата. По их совету он тут же отправился в Лотарингию, чтобы и там искать поддержки. Но Оттону I своевременно донесли о заговоре, и он незамедлительно пошел с войском по следам мятежного брата. Важная крепость Дортмунд, находившаяся под охраной людей Генриха, сдалась королю без боя. Южнее Ксантины Оттон I решил переправиться через Рейн. Когда часть его войска уже была на другом берегу, внезапно появились лотарингцы и, уверенные в собственном превосходстве, атаковали ее. Король, не имевший кораблей, не мог прислать своим подкрепление. Однако те и без посторонней помощи сумели окружить и разгромить противника³⁹.

Эта победа, одержанная в начале 939 года, явилась важным политическим успехом Оттона I. Когда весть о ней разнеслась по Саксонии, многие крепости мятежников капитулировали. Сам же Генрих бежал в Мерзебург, сохранявший ему верность, но после двухмесячной осады и он прекратил сопротивление, выговорив для себя и своих сторонников право беспрепятственного ухода. Король был вынужден пойти на этот компромисс, поскольку срочно потребовалось его присутствие на восточной границе, где восстали полабские славяне, воспользовавшись междоусобицей в Германии. И, тем не менее, Саксония была потеряна для Генриха⁴⁰.

В поисках новых союзников для продолжения борьбы они с Гизельбертом решили обратиться к королю Людовику IV Заморскому, причем герцог Лотарингский и его графы присягнули ему на верность⁴¹. Слабый Каролинг в качестве сюзерена Гизельберту казался

³⁸ *Jocundi Translatio S. Servatii*. C.78 (MGH SS XII).

³⁹ *Wid.* II, 17.

⁴⁰ *Ibid.* II, 18-19.

⁴¹ *Flodoardi annales a.939* (MGH SS III).

предпочтительнее Оттона I. Людовик же, в свою очередь, рассчитывал возвратить Лотарингию в состав своего королевства. Немецкий король незамедлительно отреагировал, активизировав союзнические отношения с противниками Людовика внутри его государства. Еще в 937 г. младшая сестра Оттона I Хадвиг была выдана замуж за французского герцога Гуго Великого, опасного соперника Каролинга. Обе стороны этого династического брака ждали выгод от его заключения: Гуго нашел опору для проведения своей политики, а Оттон I обрел средство регулирования лотарингского вопроса, который тогда был еще далек от разрешения⁴². И Хадвиг, косвенным образом, сыграла важную роль в политике своего брата-короля.

Однако ввиду напряженной обстановки на восточной границе Оттон I пока не имел возможности предпринять решительные действия в Лотарингии: Герцог Франконский Эберхард, до сих пор державшийся на втором плане, воспользовался затруднительным положением короля, заняв имевшую важное стратегическое значение крепость Брайзах: расположенная на острове в верхнем течении Рейна, почти неприступная, она позволяла контролировать весь Эльзас⁴³, что прелятствовало герцогу Швабскому Герману, верному союзнику короля, вторгнуться в Лотарингию для защиты его интересов. И тогда Оттон I направил архиепископа Майнцкого Фридриха, своего эрцканцлера, вести переговоры с Эберхардом. О содержании соглашения мы не знаем, известно лишь, что король счел предложенные условия ниже собственного достоинства и отверг их⁴⁴, и тем самым еще более ухудшил свое положение, поскольку архиепископ ушел от него обиженным, пополнив ряды королевских противников.

И тогда Генрих, Эберхард и Гизельберт возомнили, что настал час решительной схватки с Оттоном I, который находился с войском на другом берегу Рейна перед Брайзахом. Близ Андернаха большая часть их отрядов переправилась через реку. Оба герцога, Эберхард и Гизельберт, еще находились на другом берегу, развлекаясь игрой в кости, когда на них внезапно напал королевский отряд. В завязавшейся схватке Эберхард пал смертью храбрых, а Гизельберт пытался бежать на корабле, но утонул, так что даже не нашли его тела⁴⁵.

Их гибель знаменовала собой поражение восстания. Брайзах капитулировал, архиепископ Майнцкий был взят под стражу. Только Генрих не желал сдаваться на милость победителя. Он бежал к Герберге, теперь уже вдове его погибшего сообщника, но та не приюти-

⁴² *Holtzmann R. Geschichte... S.124 f.; Ders.: Kaiser Otto der Große. B., 1936. S.34.*

⁴³ *Haselier G. Geschichte der Stadt Breisach am Rhein. 1. Breisach, 1969. S.56-62.*

⁴⁴ *Wid. II, 24-25.*

⁴⁵ *ibid. II, 26.*

ла младшего брата, опасаясь конфликта со старшим, который выходил из борьбы победителем. Тогда Генрих обратился за помощью к Людовику IV, который прибыл в Лотарингию, дабы, воспользовавшись распрей в соседнем королевстве, реализовать свои притязания на эту искони принадлежавшую Каролингам область. Однако и там он не нашел поддержки, поскольку ситуация тем временем изменилась неожиданным для него образом.

Овдовевшая Герберга стояла перед выбором: продолжать борьбу, начатую покойным супругом, или подчиниться воле брата, короля Оттона I. По германскому праву, женщина не могла действовать самостоятельно, нуждаясь в опеке («*munt*») со стороны мужчины, сначала своего отца, а затем – мужа. Если супруг умирал, то женщина опять попадала под покровительство отца или другого ближайшего родственника⁴⁶. В этой ситуации Герберга решила действовать по-своему. Она не стала продолжать борьбу против Оттона I, по этой причине отказав в пристанище Генриху, но и не приняла покровительство старшего брата. Вместо этого она согласилась с предложением Людовика IV выйти за него замуж⁴⁷. Тем самым она оказала Оттону I плохую услугу, поскольку ее новый супруг приобретал формальные права на Лотарингию. Правда, отстоять их он так и не сумел, но все же брак с дочерью короля Генриха I давал ему известное преимущество: по родственным связям он уравнивал его с главным внутривнутриполитическим противником – герцогом Гуго, за два года до того женившимся на сестре Герберги и Оттона I, Хадвиг.

В этой ситуации Генриху не оставалось ничего иного, кроме как покориться королю. Он просил у брата прощения и был прощен. Оттон I был столь великодушен, что предоставил в распоряжение Генриха несколько городов в Лотарингии, разрешив ему, как пишет Видукинд, жить в этой области (то есть, видимо, управлять ею), и наделив его герцогскими полномочиями⁴⁸. Но Генрих недолго пробыл в Лотарингии, рассорившись с местной знатью. Зато в Саксонии тем временем сложилась обстановка, благоприятная не только для его возвращения на родину, но и для возобновления мятежа против старшего брата. Затянувшаяся война против полабских славян не приносила вассалам короля ничего, кроме лишений, вследствие чего зрело недовольство в их среде. Генриху, внимательно следившему за событиями на восточной границе, удалось привлечь на свою сторону большинство недовольных. Возник заговор с целью убийства

⁴⁶ Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte. Bd. 3. Berlin, 1984. Sp.750-761.

⁴⁷ *Flod. Ann.* a.939.

⁴⁸ *Wid.* II, 19.

на Пасху 941 г. Оттона I и провозглашения Генриха королем. Однако попытка покушения провалилась. Оттон I, окруженный надежной охраной, был недоступен для заговорщиков, зато их самих на следующий день после Пасхи арестовали и казнили. Лишь Генрих был взят под стражу и спустя некоторое время, бросившись в ноги старшему брату, опять сумел вымолить его прощение⁴⁹.

Больше Генрих никогда не бунтовал против Оттона I. Поразительна снисходительность короля по отношению к мятежному брату. Он словно чувствовал, что придет время, и не будет человека, более преданного, чем Генрих. Окончательное примирение братьев произошло в 947 г., причем посредницей выступила их мать. Отчужденность между нею и Оттоном I прекратилась сразу же после смерти Эдгит в 946 г. Матильда ходатайствовала перед старшим сыном и о пожаловании Генриху вакантного герцогства Баварского. В новом качестве Генрих продолжил борьбу против мадьяр, которую вел его предшественник, герцог Бертольд. В 948 г. он одержал победу над мадьярами и, несмотря на то, что на следующий год потерпел от них поражение, в 950 г. отважился даже на вторжение в их пределы, дойдя до Тиссы и захватив богатую добычу и множество пленных⁵⁰.

Оттон I извлек урок из восстания Генриха, в дальнейшем при назначении на важные должности отдавая предпочтение ближайшим родственникам. Ключевая роль в этой династической политике отводилась его детям от первого брака – сыну Лиудольфу и дочери Лиудгард. Так, в 940 г. он обручил Лиудольфа с Идой, единственной дочерью герцога Швабии Германа, служившего его надежной опорой в период восстания Генриха. Лиудольф сразу же стал рассматриваться как наследник герцога⁵¹. Правда, жених и невеста были еще в детском возрасте, реально их бракосочетание состоялось лишь в конце 947 г. В декабре 949 г. герцог Швабский Герман скончался, и в начале следующего года Лиудольф вступил в наследство покойного тестя⁵². В том же году, незадолго перед тем как отправиться в свой первый итальянский поход, Оттон I объявил сына преемником на королевском престоле Германии. Это была необходимая мера предосторожности, поскольку в случае гибели короля в дальней экспедиции в стране началась бы борьба за власть⁵³.

⁴⁹ Ibid. II, 31, 36.

⁵⁰ Lüttich R. Ungarnzüge in Europa im 10. Jahrhundert. Berlin, 1910. S.110 ff.

⁵¹ Liud.Antap. V, 1; Weller K. Geschichte des schwäbischen Stammes bis zum Untergang der Staufer. München, 1944. S.161-167.

⁵² Maurer H. Der Herzog von Schwaben. Sigmaringen, 1978. S.132-135.

⁵³ Giese W. Zu den Designationen und Mitkönigerhebungen der deutschen Könige des Hochmittelalters (936-1237) // ZRG GA, Bd.92, 1975. S.176.

Дочь Лиудгард Оттон I выдал замуж за графа Конрада Красного, одного из своих верных соратников в подавлении мятежа Генриха. За преданность Конраду было пожаловано в 944 г. герцогство Лотарингское. Новый герцог продолжал служить верой и правдой Оттону I, поэтому в качестве особой награды и получил в 947 г. в жены Лиудгард. Вместе с тем брачные узы должны были прочнее привязать Конрада к правящей династии⁵⁴. Однако дальнейшая судьба королевского зятя оказалась, как увидим, не столь безоблачной, а его жизненный путь – прямым.

Преодолев кризис, связанный с мятежом Генриха и восстанием полабских славян, Оттон I обратился к западному направлению своей политики, в которой чрезвычайно велика была роль его сестры Герберги. Женившись на ней, вдове герцога Лотарингского, король Людовик IV, как мы отмечали, надеялся придать дополнительный вес своим притязаниям на Лотарингию, однако не смог реализовать их в борьбе с немецким королем. Оттон I сумел опереться на поддержку противников Людовика, и, прежде всего герцога Гуго, хотя они оба к тому времени были его зятями. Он даже добился от Гуго признания вассальной зависимости, благодаря чему Людовик IV оказался в тисках, вырваться из которых ему уже не удалось. Потерпев поражение в борьбе против Гуго и Оттона I, он был вынужден в 942 г. признать крушение своих планов относительно Лотарингии, оставшейся во владении немецкого короля⁵⁵.

В историографии высказывалось мнение, что именно Герберга убедила супруга отказаться от Лотарингии⁵⁶. Однако это предположение малоубедительно. Все ее предшествующие действия, прежде всего самовольное вступление в брак с Людовиком IV, не дают оснований полагать, будто она вдруг сделалась защитницей интересов старшего брата. Скорее, наоборот: повторный брак, политическое значение которого Герберга не могла не понимать, и продолжение затем борьбы за Лотарингию свидетельствуют об обратном. Соглашение 942 г. не было результатом семейного сговора, а настоятельно диктовалось фактическим превосходством Оттона I. Если Герберга при этом и выступала посредницей, то для того, чтобы по мере возможности сгладить неприятное впечатление от военно-

⁵⁴ *Wid. II, 31; Sproemberg H. Die lothringische Politik Ottos des Großen // Ders.: Beiträge zur belgisch-niederländische Geschichte. Berlin, 1959. S.150.*

⁵⁵ *Flod. Ann. a.940; Schneidmüller B. Karolingische Tradition und frühes französisches Königtum. Wiesbaden, 1979. S.151; Scheiding-Wulkopf I. Lehnsrechtliche Beziehungen der fränkisch-deutschen Könige zu anderen Staaten vom 9. bis zum Ende des 12. Jahrhunderts. Marburg, 1948. S.39 f.*

⁵⁶ *Lauer Ph. Le regne de Louis IV d'Outre-mer. Paris, 1900. P.48.*

политического поражения собственного супруга, на стороне которого она оставалась до конца его дней. В этой связи примечательно, что первенец, родившийся в 941 г. у королевской четы Франции, был наречен Лотарем: в самом выборе имени предполагаемого наследника престола нашла отчетливое выражение решимость не отказываться от притязаний на Лотарингию. С наибольшей полнотой незаурядная личность Герберги раскрылась спустя несколько лет в катастрофической для Людовика IV ситуации. Во время очередной стычки с противниками он попал в плен и был выдан герцогу Гуго. Оказавшись в роли регентши при малолетних сыновьях, Герберга ради освобождения супруга отдала одного из них в заложники, умудрившись отправить не старшего Лотаря, как того требовали, а младшего Карла. Король обрел свободу, но был обречен влачить жалкое существование, поскольку его весьма скромные полномочия оказались еще более урезанными. И тогда Герберга круто меняет политическую ориентацию, обратившись к Оттону I за помощью⁵⁷.

Злопамятность никогда не была чертой его характера, и он откликнулся на просьбу сестры, разрушив прежние политические союзы. Он встал на сторону французского короля, дабы пресечь попытки герцога Гуго полностью подорвать основы его королевской власти. Спустя некоторое время новые союзники выступили в поход против врагов Людовика IV, когда отряды Оттона I дошли до стен Парижа и Руана. И в последующие годы продолжалось сотрудничество родственников. За период с 946 по 950 год Оттон I и Людовик IV встречались пять раз (в 947 г. дважды)⁵⁸. Пасху 949 года Герберга праздновала со старшим братом в Ахене, после чего возвратилась домой, заручившись его обещанием и впредь оказывать ей помощь⁵⁹. Оттон I в этот период играл роль определяющего фактора во внутренней политике Франции. Благодаря родственным связям королевы Герберги власть Каролингов там продлилась на десятилетия.

В жизни же самого Оттона I тогда произошла важная перемена: его пятилетнее вдовство после смерти Эдгит завершилось вступлением в новый брак, теснейшим образом связанный с весьма важным для него направлением внешней политики – итальянским. К проведению итальянской политики, обеспечившей ему получение императорской короны, он приступил уже в первый год своего правления. Поводом послужила смерть в 937 г. короля Верхней Бургундии Рудольфа II. Правивший Северной Италией Гуго Прованский, дабы завладеть Бургундией, женился на вдове короля Берте, а своего

⁵⁷ *Flod. Ann.* a.946; *Lauer Ph. Op.cit.* P.135; *Köpke R., Dümmler E. Op. cit.* S.142.

⁵⁸ *Flod. Ann.* a.946, 947, 948, 950.

⁵⁹ *Ibid.* a.949: «regressa Remos ... cum fraterni auxilii pollicitatione».

малолетнего сына Лотаря обручил с дочерью Рудольфа шестилетней Адельгейд. По прошествии многих лет она и станет второй женой Оттона I. Сын покойного короля Конрад должен был лишиться всего⁶⁰. Оттон I незамедлительно вмешался, взял наследника Бургундии к себе на воспитание, а затем принял от него вассальную присягу. И позднее Конрад, став королем Верхней Бургундии, будет поддерживать с ним добрые родственные отношения. Вмешательство Оттона I привело его к столкновению с Гуго. Обстоятельства развернувшейся между ними борьбы источники освещают скупо. Ко двору немецкого короля прибывало множество беженцев из Италии, спасавшихся от гнева короля Гуго. Среди них был и маркграф Иврей Беренгар. Сумев заручиться помощью ряда магнатов, прежде всего в Швабии, он возвратился в Италию и там при поддержке своих многочисленных сторонников перешел в наступление против Гуго.

Соотношение политических сил в Италии резко меняется: Гуго лишается власти; его сын Лотарь сохраняет корону, но вынужден заключить с Беренгаром соглашение, фактически обеспечивающее тому господство в королевстве⁶¹. В 947 г. Лотарь вступил в брак с Адельгейд, однако уже 22 ноября 950 г. он неожиданно для всех скончался. Едва успели похоронить его, как состоялась коронация Беренгара и его сына Адальберта⁶². Однако молодая вдова Лотаря Адельгейд имела не меньше прав на престол, и она не собиралась смириться с участью низложенной королевы, тем более, что среди итальянской знати многие симпатизировали ей. От нее исходила реальная угроза Беренгару, поэтому он заключил ее под стражу. И тогда сторонники Адельгейд, видевшие в ней свою законную королеву, обратились за помощью к Оттону I. Тот быстро сориентировался в обстановке: это был хороший повод для вмешательства. О целях похода Оттона I в Италию в источниках имеется прямое указание: «освободить Адельгейд, вступить с нею в брак и вместе с ней приобрести Итальянское королевство»⁶³.

В конце лета 951 г. он с большим войском выступил в поход за Альпы. С ним были его братья Генрих, герцог Баварии, и Бруно, возглавлявший тогда королевскую канцелярию, а также его доблестный

⁶⁰ *Liudprandi Antapodosis* IV, 13. Об Адельгейд см.: *Ennen E. Frauen im Mittelalter*. München, 1984. S.63-67; *Keiser B. Adelheid: Königin, Kaiserin, Heilige*. München, 1999; Жизнеописание императрицы Адельгейд (Перевод, вводная статья и комментарии В.Д.Балакина) // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. Вып.3. М., 2000. С.309-333.

⁶¹ *Liud.Antap.* V, 12, 26, 30.

⁶² *Flod. Ann.* a.950; *Köpke R., Dümmler E.* Op. cit. S.184 f.

⁶³ *Contin. Regin.* a.951: «Adalhaidam a vinculis liberare, sibique eam in matrimonium assumere regnumque cum ea simul Italicum adquirere».

зять Конрад, герцог Лотарингский, архиепископы Майнцский и Трирский и множество других представителей знати королевства. Уже на подступах к Италии присоединился к нему и сын Лиудольф, незадолго перед этим потерпевший фиаско в своем стремлении опередить всех. В хронике «Продолжатель Регинона» рассказывается о том, как Лиудольф, якобы желая угодить отцу, со своим швабским войском двинулся в Италию до него и без его ведома. Но герцог Баварии Генрих опередил его: через своих агентов он так настроил итальянцев против Лиудольфа, «что ни города, ни замки, вскоре раскрывшие ворота королевским хлебопекам и поварам, не отворились сыну короля»⁶⁴. Генрих, раскаявшийся и прощенный мятежник, теперь очень дорожил расположением короля. Пресекая самовольную внешнеполитическую акцию Лиудольфа, он надеялся заслужить признательность брата и приобрести еще большее его доверие.

Когда Оттон I ступил на землю Италии, местная знать толпами перебегала на его сторону в надежде извлечь выгоду от перемены господина. Из-за этого войско Беренгара оказалось настолько ослабленным, что он бежал, не оказав сопротивления. В сентябре 951 г. Оттон I победителем вошел в столицу древнего Лангобардского королевства Павию. Ему даже не пришлось освобождать из заточения Адельгейд: она сумела бежать, благодаря собственной находчивости. К ней он направил, дабы официально просить ее руки, брата Генриха с богатыми дарами⁶⁵. Невеста прибыла в Павию, где и отпраздновали пышную свадьбу. В качестве приданого Адельгейд принесла супругу корону Италии – и это было для него главным, хотя рассказ некоторых историков о первой его экспедиции за Альпы и носит налет романтического повествования о поездке короля за невестой. В ответ Оттон I подтвердил ее права на все, что она унаследовала в Италии как вдова Лотаря, дополнительно к этому пожаловав ей обширные владения в Эльзасе, Франконии, Тюрингии, Саксонии и землях полабских славян. Адельгейд сыграла заметную роль в истории Германии. В официальных документах она именуется «соправительницей» («*cosors imperii*»)⁶⁶.

⁶⁴ Ibidem: «*ut nec civitas nec castellum, quae subsequenter regis pistoribus et cocis patuerant, filio regis aperiretur.*»

⁶⁵ *Wid.* III, 9: «*aureis muneribus amorem reginae super se probare temptavit.*»

⁶⁶ Традиция участия императрицы в делах государства, восходящая к временам императора Августа, нашла продолжение во Франкском королевстве Меровингов, где королева имела титул «*domina*», участвовала в исполнении власти и осуществляла регентство при малолетних сыновьях. При Каролингах тенденция усиливается: Бертрада, супруга Пипина, была в 754 г. помазана на власть вместе с ним и пользовалась большим влиянием. Ирмингард и Юдит, обе супруги Людовика Благочестивого, имели титул «*augusta*»,

Для полноты успеха Оттону I недоставало лишь императорской короны, ради которой (а не только за невестой) он прибыл в Италию. Он направил в Рим посольство во главе с архиепископом Майнцским Фридрихом, который должен был вести переговоры с папой римским о коронации немецкого короля («о принятии» его в Риме, как написал Флодоард⁶⁷). Однако переговоры ни к чему не привели, и с тех пор Фридрих впал в большую немилость у Оттона I. Можно было попытаться силой оружия добыть императорскую корону, но Оттон I этого не сделал, хотя и опирался на поддержку своего войска и значительной части ломбардской знати. Он не пустился на такую авантюру, имея у себя в тылу пусть и отступившего, но не покорившегося Беренгара. Но была и еще одна, возможно, более веская причина соблюдать осмотрительность: Лиудольф воспринял женитьбу отца очень болезненно, усматривая в ней угрозу своим наследственным правам, а потому «в печали покинул короля и отправился в Саксонию», причем «не спросясь» его⁶⁸. Лангобардская свадьба Оттона I послужила если и не главной, то одной из причин смуты в Германии, известной как восстание Лиудольфа 953/954 г. Заодно с ним уехал из Павии и оскорбленный архиепископ Фридрих. Рождество 951 г. они вместе праздновали в Заальфельде, где в 939 г. уже родился заговор против Оттона I, активным участником которого был все тот же архиепископ Фридрих. И на сей раз, как доносили королю, туда стали стекаться их многочисленные сторонники. Ситуация в Саксонии вынуждала его срочно возвращаться на родину.

Покидая в начале 952 г. Павию, Оттон I оставил наместником зятя, герцога Лотарингского Конрада, дабы тот завершил борьбу против Беренгара⁶⁹. Однако после прибытия в Германию король стал получать из Италии не те вести, на которые рассчитывал. Конрад, вместо того, чтобы продолжать борьбу против Беренгара, предпочел договориться с ним. Маркграф Иврейский прибыл в Павию, где они с Конрадом решили вместе отправиться в Саксонию, дабы там оговорить с Оттоном I условия, на которых ему покорится поверженный противник⁷⁰. Наверняка, Конрад дал Беренгару предварительные гарантии, без которых тот едва ли отправился бы в дальний путь.

впервые пожалованный Ливии, третьей супруге Октавиана Августа *Vogelsang Th. Die Frau als Herrscherin im hohen Mittelalter. Göttingen, 1954. S.6-25.*

⁶⁷ *Flod. Ann. a.952*: «Otto rex legationem pro susceptione sui Romam dirigit».

⁶⁸ *Wid. III, 9*: «Liudulfus tristis a rege discessit profectusque in Saxoniam»; *Contin. Regin. a.951*: «Tunc Liutolfus dux, haec... aegre ferens, inconsulto patre in patriam revertitur».

⁶⁹ *Contin. Reg. a.952*.

⁷⁰ *Wid. III, 10*; *Contin. Reg. a.952*.

Они застали Оттона I в Магдебурге, где их ожидало первое разочарование. Беренгар, хотя и был торжественно встречен знатью королевства еще за три мили от города, однако ни короля, ни королевы в тот день не увидел. Его даже не приняли в королевской резиденции, препроводив в специально приготовленное жилище, где он вынужден был трое суток ждать аудиенции у короля. Можно понять и Оттона I, и особенно Адельгейд, не желавших с распростертыми объятиями принимать недавнего врага, и, тем не менее, Конрад почувствовал себя оскорбленным, усматривая в этом неуважение к себе как поручителю и посреднику. Вину за столь нежелательный для себя оборот дела Конрад возложил на своего прежнего друга, герцога Генриха, младшего брата Оттона I, становившегося фаворитом королевской четы⁷¹. Еще одним недовольным стало больше; впоследствии Конрад сблизится с Лиудольфом и архиепископом Фридрихом, завершив тем самым формирование триумvirата главных заговорщиков, поднявших восстание против короля.

А тем временем худшие опасения Лиудольфа, кажется, стали сбываться. В конце 952 г. у Оттона I и его новой супруги родился первенец, нареченный Генрихом и, как утверждали упорно циркулировавшие слухи, вскоре объявленный наследником престола⁷². Не менее упорно распространялась и молва о том, что против короля его сын и зять готовят заговор⁷³, поэтому он решил праздновать Пасху 953 г. не в пфальце Ингельхайм, лишенном надежных укреплений, а в хорошо защищенном Майнце. Архиепископ Майнцкий Фридрих, состоявший в сговоре с мятежниками, принял его весьма неохотно. Вскоре туда прибыли Лиудольф и Конрад, с напускным смирением, как говорится в источнике, заявившие королю, что ничего не замышляют против него, но если бы его брат Генрих появился на Пасху в Ингельхайме, они схватили бы его⁷⁴. Складывалась совсем не праздничная обстановка, и Оттон I предпочел перебраться на Пасху в Дортмунд, где был сердечно встречен своей матерью Матильдой. Теперь, ободренный присутствием друзей и родственников, Оттон I объявил недействительным договор, навязанный ему в Майнце, тогда как присутствовавший при этом архиепископ Фридрих стал, будто бы в интересах мира и согласия, защищать не только этот договор, но и другие, прежние соглашения⁷⁵. Здесь могло иметься в виду и

⁷¹ *Beumann H. Die Ottonen. Stuttgart, 1991. S.91; Schulze H. Hegemoniales Kaisertum: Ottonen und Salier. Berlin, 1991. S.190 f.*

⁷² *Flod. Ann. a. 953; Wid. III, 12.*

⁷³ *Wid. III, 13: «rex ... audivit, quia ei insidiae pararentur a filio generoque».*

⁷⁴ *Contin. Reg. a.953.*

⁷⁵ *Wid. III, 14-15.*

соглашение, заключенное в 939 г. тем же архиепископом Майнцским с Генрихом, мятежным братом короля. Эти договоры предполагали равное право герцогов и короля участвовать в управлении государством, с чем Оттон I решительно не соглашался.⁷⁶

После того, как эта попытка достичь соглашения не увенчалась успехом, разразился военный конфликт. Король выступил против мятежников, засевших в Майнце, и осаждал город в течение двух месяцев. В это время круг противников Оттона I расширился, захватив и некогда правивший в Баварии род Луитпольдингов, недовольных чужим для них герцогом Генрихом, хотя тот и породнился с ними, женившись в свое время на их родственнице Юдит. Они не остановились даже перед тем, чтобы изгнать родную сестру, супругу ненавистного герцога, вместе с ее малолетними детьми.⁷⁷ Проявлялось недовольство и в самой армии короля, что вынудило его вновь пойти на переговоры. Лиудольф и Конрад прибыли к нему с заверениями, что никогда не предпринимали и не собирались предпринять что-либо против него. Оттон I потребовал выдать соучастников, но получил отказ, и переговоры снова закончились безрезультатно.⁷⁸

Лиудольф со своими сторонниками укрылся за стенами Регенсбурга, к осаде которого приступил Оттон I, но в конце 953 г. был вынужден прекратить ее, не добившись успеха. Его положение было критическим: мятеж охватил все королевство, и даже в родной Саксонии зрело недовольство. Но именно в этот момент кризиса и наметился перелом, происшедший в результате, казалось бы, незначительного сражения. Когда пфальцграф Арнульф, брат Юдит, супруги Генриха Баварского, осадил в Швабмюнхене верного сторонника Оттона I епископа Аугсбургского Ульриха и уже почти принудил его к капитуляции, к тому неожиданно пришло подкрепление, разгромившее Арнульфа.⁷⁹ 954 год принес королю победу над мятежниками.

В самый разгар мятежа, поднятого сыном и зятем, Оттон I сумел опереться на другого ближайшего родственника – младшего брата Бруно. Тот с четырех лет был предназначен для духовного служения и потому получил хорошее образование, изучив даже греческий язык. Бруно едва исполнилось 14 лет, когда Оттон I поручил ему заведование королевской канцелярией. Примечательно, что это было

⁷⁶ Naumann H. Rätsel des letzten Aufstandes gegen Otto I. (953-954) // Archiv für Kulturgeschichte, Bd.46, 1964. S.159-176; Giese W. Op. cit. S.116 f.; Althoff G. Zur Frage nach der Organisation sächsischer coniurationes in der Ottonenzeit // Frühmittelalterliche Studien, Bd.16, 1982. S.130.

⁷⁷ *Ibid.* III, 20.

⁷⁸ *Ibid.* III, 18.

⁷⁹ Köpke R., Dümmler E. Op. cit. S.224-230.

во время мятежа Генриха, Эберхарда и Гизельберта, когда король особенно нуждался в преданных ему и толковых людях. Несмотря на юный возраст, Бруно успешно исполнял ответственную должность. В качестве канцлера он являлся личным секретарем и ближайшим советником короля. Поскольку делопроизводство велось на латинском языке, которым Оттон I не владел, Бруно состоял при нем и переводчиком⁸⁰. Благодаря своему положению он влиял на принятие политических решений. Заведуя канцелярией Бруно практически постоянно находился при королевском дворе. Он сопровождал Оттона I и в его первом итальянском походе, во время которого заслужил право называться эрцканцлером королевства⁸¹. Во время восстания Лиудольфа Бруно неоднократно выступал посредником между конфликтующими сторонами. Биограф Бруно Руотгер рассказывает, как он во время осады Майнца встретился с Лиудольфом и увещевал его, напоминая ему о почтенном возрасте отца, об отеческой любви, испытанной им с младых лет, о том, что проступок против отца равнозначен прегрешению против Бога⁸². Восстание Лиудольфа против короля здесь представлено как конфликт в семействе Лиудольфингов, который мог быть улажен благодаря посреднической миссии Бруно. Обращает на себя внимание и то, что в политической мысли эпохи Оттонов центральное место в государстве отводится королевской семье: нарушение сыновнего долга перед отцом, главой этой семьи, равнозначно государственной измене.

В 953 г. Бруно благодаря Оттону I становится герцогом Лотарингии и архиепископом Кёльнским. Перед ним была поставлена задача сохранить это герцогство в составе Германского королевства, и он с ней успешно справился. Еще не бывало, чтобы один человек совмещал обязанности архиепископа с властью над целым герцогством. Подобное исключение могло быть сделано только для брата короля⁸³. Бруно удалось привлечь на свою сторону значительную часть лотарингской знати, многие представители которой служили при нем в качестве советников. При этом он умело использовал враждебное отношение магнатов Лотарингии к герцогу Конраду, бунтовавшему против короля⁸⁴. Он даже сумел лично встретиться с Конрадом и убедить его, что тот ведет борьбу не против Генриха

⁸⁰ *Ruotgeri Vita Brunonis archiepiscopi Coloniensis*. С. 4-5 (MGH SS IV); *Fleckenstein J. Die Hofkapelle der deutschen Könige*. Bd. 2. Stuttgart, 1966. S.30 f.

⁸¹ Впервые Бруно назван эрцканцлером в королевском дипломе, пожалованном 15 октября 951 г. в Павии (DO I, 139).

⁸² *Ruotgeri Vita Brunonis*, 18.

⁸³ *Ibid.*, 20; *Naumann H. Op. cit.* S.85 f.

⁸⁴ *Ruotgeri Vita Brunonis*, 22; *Sproemberg H. Op. cit.* S.167 ff.

Баварского, а против самого короля, после чего мятежный зять стал искать примирения с тестем⁸⁵.

Перемена в 954 г. настроений в королевстве в пользу Оттона I произошла в основном из-за внешней угрозы. Венгры воспользовались внутренним раздором в Германии для возобновления набегов. Оба руководителя мятежа, Лиудольф и Конрад, постарались задобрить их «подарками», чтобы уберечь собственные владения от разграбления и направить орды кочевников дальше на запад. И все же, несмотря на эти меры, немецкие земли подверглись страшному разграблению, ответственность за которое люди возлагали на упомянутых герцогов. Когда Оттон I с войском прибыл в Баварию, он не встретил ни малейшего сопротивления⁸⁶.

Заклучив перемирие, противники встретились для переговоров в Лангенцене, неподалеку от современного Нюрнберга. Присутствовали основные участники конфликта: с одной стороны, Оттон I и герцог Баварский Генрих, а с другой – Лиудольф, Конрад и архиепископ Майнцский Фридрих. Король на этот раз не стал требовать выдачи сообщников, после чего Конрад перешел на его сторону. Архиепископ Фридрих заверил, что никогда не замыслил дурного против короля, и получил прощение. Только два наиболее непримиримых противника, Лиудольф и Генрих, пустились в перебранку, обвиняя друг друга в приглашении венгров. Ближайшей же ночью Лиудольф покинул со своими сторонниками место переговоров, направившись в Регенсбург. Оттон I, видимо, не имел возможности начать против непокорного сына судебный процесс. Конрад же был лишен герцогства Лотарингского, но сохранил при этом титул герцога⁸⁷.

Лиудольф в одиночку продолжил сопротивление. Поскольку сам Оттон I возвратился в Саксонию, борьбу против мятежного племянника вел Генрих Баварский. Наконец, Лиудольф тайком (возможно, Генрих сделал вид, что не заметил) отправился к отцу, бросился ему в ноги и вымолил прощение, обещая впредь повиноваться отеческой воле⁸⁸. Окончательный мир между королем и мятежниками был заключен в декабре 954 г. на собрании знати в Арнштадте. Лиудольф и Конрад лишились герцогств, но сохранили свои аллоды. Новым гер-

⁸⁵ *Contin. Reg.* a.954; *Naumann H. Op. cit.* S.130 f.

⁸⁶ Как пишет Видукинд, баварцы, измученные внутренней и внешней войной, вынуждены были договариваться о мире. – *Wid.* III, 31: «*Voioarii civili exercitu extemoque fatigati... coacti sunt de pace tractare*».

⁸⁷ *Contin. Regin.* a.953, 954: *Stingl H. Die Entstehung der deutschen Stammesherzogtümer am Anfang des 10. Jahrhunderts.* Aalen, 1974. S.213f.; *Werle H. Titelherzogtum und Herzogsherrschaft // ZRG GA, Bd.73, 1956. S.249.*

⁸⁸ *Wid.* III, 40.

цогом Швабии стал Бурхард, женатый на Хадвиг, дочери Генриха Баварского, – также представитель оттоновского семейства. Была еще раз подтверждена передача Лотарингии в управление Бруно. Конрад Красный, оставаясь в последующие месяцы в окружении короля, свой проступок искупил ценой собственной жизни, менее чем через год пав смертью храбрых в битве на реке Лех⁸⁹.

В Арнштадте приняли и еще одно важное решение: старший, незаконнорожденный сын Оттона I Вильгельм был назначен архиепископом Майнцским, поскольку мятежный Фридрих незадолго перед тем умер. Назначение Вильгельма на эту важную должность, не встретившее серьезных возражений со стороны участников рейхстага,⁹⁰ свидетельствовало об упрочении авторитета Оттона I после ликвидации недавнего мятежа, однако едва ли может быть признано бесспорным его успехом. Добиваясь назначения своего сына на место покойного Фридриха, много лет служившего дестабилизирующим фактором в королевстве, он, очевидно, рассчитывал получить надежного помощника в проведении своей политики, каким был Бруно. Однако Вильгельм, хотя никогда не выступал открыто против отца и успешно справлялся со своими прямыми обязанностями, не был и послушным исполнителем его воли. Отношения между ними порой становились весьма напряженными, особенно по вопросу об учреждении архиепископства Магдебургского, решение которого напрямую зависело от согласия архиепископа Майнцкого, который усматривал в этом ограничение собственного влияния. Лишь после смерти Вильгельма Оттон I сумел исполнить эту мечту своей жизни.

О победе, одержанной Оттоном I в 955 г. над венграми в битве на реке Лех, в которой особенно отличился его зять Конрад Красный, уже говорилось. Брат короля, герцог Баварский Генрих, не мог участвовать в этом сражении, поскольку слег из-за открывшихся старых ран; 1 ноября 955 г. он скончался⁹¹. В тот же год во Франции произошло событие, привлекшее внимание немецкого короля и его брата Бруно. Супруг их сестры Герберги король Людовик IV погиб от несчастного случая на охоте. Если бы тогда Герберга ради сохранения власти для своего старшего сына обратилась за помощью к брату, Французское королевство оказалось бы подчиненным Германии. Оттон I занял бы положение велико-франкского правителя, подобно

⁸⁹ Köpke R., Dümmler E. Op. cit. S.241-259; Glocker W. Op. cit. S.114.

⁹⁰ Hauck A. Kirchengeschichte Deutschlands. Bd.3. Leipzig, 1906. S.31; Lintzel M. Zur Geschichte Ottos des Großen. Drei Miszellen // Ders. Ausgewählte Schriften. Bd.II. Berlin, 1961. S.115-119.

⁹¹ Reindel K. Die bayerischen Luitpoldinger, 893-989. Sammlung und Erläuterung der Quellen. München, 1953. Nr.107.

Карлу Великому. Но Герберга поступила иначе, обратившись к своему прежде непримиримому сопернику, герцогу Гуго, и сумела заручиться его поддержкой при избрании своего сына (а его племянника – ведь Герберга была сестрой его супруги Хадвиг) королем Франции. Остается загадкой, что заставило Гуго поступить именно так, не воспользовавшись удобным случаем для овладения королевской короной. Возможно, он опасался столкновения с Оттоном I или просто предчувствовал близкую смерть⁹². Впрочем, при малолетнем короле Лотаре он и так был самым могущественным в стране человеком.

На следующий год, после смерти Гуго, Герберга стала фактической правительницей Франции. В этот период ее сотрудничество с остальными представителями Саксонского королевского дома было наиболее тесным. Можно сказать, что Франция управлялась оттоновским семейным советом в составе Герберги, Хадвиг и архиепископа Бруно. Теперь, после смерти супруга, Гуго Великого, Хадвиг вышла из тени и обрела самостоятельное значение. Однако поддержка со стороны родственников, хотя и гарантировала стабильность положения в королевстве, вместе с тем ставила Гербергу в известную зависимость от брата Бруно, который по поручению Оттона I действовал на территории между Рейном и Луарой как управляющий, возглавляя оттоновский семейный совет. В 959 г. Герберга со своим сыном, королем Лотарем, праздновала в Кельне вместе с Бруно Пасху, по случаю чего Лотарь официально объявил об отказе от своих притязаний на Лотарингию⁹³.

Господство над Лотарингией было главной целью западного направления политики Оттона I. Обладание этой центральной областью бывшей Каролингской империи могло оправдать его притязания на наследство Карла Великого – императорскую корону. Неоценимую роль сыграл в этом отношении младший брат Оттона I Бруно, архиепископ Кельнский и герцог Лотарингский: король мог быть спокоен за положение дел на западных рубежах государства, основное внимание уделяя восточному и итальянскому направлениям внешней политики.

И второму итальянскому походу Оттона I предшествовало прибытие в Ломбардию его сына Лиудольфа, но только не самовольное, а по поручению отца. Король умел прощать. И на этот раз он не только простил своего блудного сына, но и поручил ему почетную миссию – восстановить в Италии власть Саксонского дома. Возможно, он хотел занять его важным делом, дабы отвлечь от помыслов о

⁹² *Flod. Ann.* a.955; *Kienast W. Deutschland und Frankreich in der Kaiserzeit (900-1270). Bd.I. Stuttgart, 1974. S.76.*

⁹³ *Flod. Ann.* a.956; 957; 959; *Kienast W. Op. cit. S.78.*

новых мятежах, устраняя тем самым угрозу для своей власти в Германии. Не случайно, если верить Руотгеру, биографу архиепископа Бруно, такой совет королю дал его мудрый брат. Высказывалось и предположение, что, посылая Лиудольфа с важным заданием в Италию, Оттон I частично признал его притязания на эту страну, о которых тот заявил в 951 г. своим самовольным походом за Альпы⁹⁴.

Об экспедиции Лиудольфа в Италию в 956 г. в источниках содержатся весьма скудные сведения. Ничего не говорится о сражениях, сообщается лишь, что Лиудольф, «изгнав Беренгара, овладел почти всей Италией»⁹⁵. Очевидно, Беренгар и его сын Адальберт отступили без боя, что может свидетельствовать о наличии у Лиудольфа широкой поддержки среди местных феодалов. Столь же успешно он действовал и в 957 г. На его сторону перешли даже многие из бывших сторонников Беренгара. Оттон I был рад этому успеху и поручил сыну управление Италией, уполномочив его, как сообщает Росвита, принимать от народа присягу на верность⁹⁶. Выполнив поручение отца, Лиудольф собрался обратно в Германию, но 6 сентября 957 г. скоропостижно умер от горячки. Его тело было доставлено в Майнц и погребено в церкви Св. Альбана, где уже покоилась его сестра Лиутгард⁹⁷. Ушел в мир иной последний из тех, кто осмеливался и, возможно, еще осмелился бы бунтовать против власти Оттона I. Больше не оставалось потенциальных предводителей, способных возглавить антикоролевский мятеж в масштабах всей страны.

Но прошло еще четыре года, прежде чем сам Оттон I собрался в поход в Италию, в Рим – за императорской короной. И на этот раз удобным поводом для него послужило приглашение для оказания помощи, теперь от папы римского Иоанна XII. Оттон I не заставил себя упрашивать, но и не бросился очертя голову, а тщательно подготовил военный поход. В мае 961 г. он провел в Вормсе большой съезд знати, на котором добился избрания своего сына Оттона королем⁹⁸. Учитывая неожиданности, с которыми мог быть сопряжен поход в Италию, это должно было обеспечить наследование престола представителем королевского рода.

⁹⁴ *Ruot. Vita Brun.*, 22; *Wolf G.* Über die Hintergründe der Erhebung Liudolfs von Schwaben // *ZRG GA*, Bd.80, 1963. S.324 f.

⁹⁵ *Contin. Reg.* a. 956: «Liutolfus ... expulso Berengario totius pene Italiae possessor efficitur».

⁹⁶ *Hrotsv. Gesta Odonis.* V. 1157-59.

⁹⁷ *Wid.* III, 57; *Contin. Reg.* a.957.

⁹⁸ *Contin. Reg.* a.961: «unanimitate regni procerum totiusque populi filius eius Otto rex eligitur». Генрих, первенец, рожденный в браке с Адельгейд, которому еще при жизни Лиудольфа прочили королевскую корону, умер, не прожив и года.

Однако Оттон I не ограничился предварительным избранием сына на престол, а тут же отправился с ним в Ахен, где 25 лет назад состоялась его собственная коронация. На Троицу, 26 мая 961 г., в столь же торжественной обстановке, в присутствии знати королевства Оттон II был коронован и помазан архиепископами Бруно Кельнским, Вильгельмом Майнцским и Генрихом Трирским. Было решено, что последний из них будет сопровождать Оттона I в Италию, а первые два во время его отсутствия в Германии возьмут на себя заботы по воспитанию шестилетнего короля и по управлению страной: архиепископ Бруно – на Западе, в Лотарингии, а Вильгельм – на прочих территориях. Тогда же, после коронационных торжеств, Оттон I повидался и с матерью Матильдой, пообещавшей во время этой встречи также проявлять заботу о внуке, юном короле Оттоне II⁹⁹.

Завершив подготовку, Оттон I в августе 961 г. с большим войском, в сопровождении супруги, королевы Адельгейд, и многочисленных епископов отправился в Италию. Это был путь к вершине славы и успеха. Впереди его ждало обретение в Риме императорской короны – триумф, о котором мы уже упоминали в начале нашей статьи. Вскоре должен был завершиться и путь к апогею его династической политики, в качестве которого мы рассматриваем кельнский рейхстаг 965 г., проведенный Оттоном I после возвращения из второго итальянского похода, о чем также уже упоминалось. Как и должно быть, за апогеем последовало движение по нисходящей. И хотя жизнь Оттона I еще не пришла к завершению (Богом отведено было еще восемь лет для плодотворных свершений), хотя ему довелось еще неоднократно познать радость успеха, «оттоновскому семейному совету» более не суждено было собираться.

В тот же год безвременно, в возрасте всего лишь 39 лет умирает брат Бруно, самый талантливый и надежный его помощник. С его уходом прекращается и беспрецедентное, граничившее с прямым подчинением, влияние Германии на Францию. Через три года умирают вдовствующая королева Матильда и сын Вильгельм, архиепископ Майнцкий, у которого в последний год жизни стало больше взаимопонимания с отцом. На следующий год завершается земной путь сестры Герберги, которая своими поступками не всегда радовала брата, но в его «семейном совете» играла не последнюю роль.

Оттон I, сам отнюдь не являясь долгожителем (умер на шестьдесят первом году жизни), пережил родителей (что естественно), одну супругу, братьев и сестер, троих зятьев, двоих сыновей и дочь (не считая умерших во младенчестве детей). Уже можно было не

⁹⁹ *Ruot. Vita Brun.*, 41; *Contin. Rreg. a.961; Liudpr. Hist. Ott.*, 2.

опасаться, что кто-то из родственников возглавит очередной заговор против него, но зато не стало и самих родственников, на совет и поддержку которых можно было опереться в сложных перипетиях политической борьбы. Правда, остался сын и наследник Оттон II, которому он еще при своей жизни успел обеспечить королевскую, а спустя шесть лет и императорскую короны, а также сосватать весьма достойную невесту – византийскую царевну Феофано, оставившую глубокий след в истории Германии, но это был человек уже другого времени, пришедшего на смену его эпохе.

Не представляя собой чего-то уникального для периода Средних веков, когда в обществе и государстве все зиждилось на личных связях, семейно-родственные отношения в политике Оттона I сыграли чрезвычайно важную и в целом плодотворную роль. Сам он был лидером рода Лиудольфингов, и хотя это его доминирующее положение не раз пытались оспорить родные по крови и близкие ему люди, он выстоял, самоутвердился, доказал свое право быть главным. С учетом этого можно признать оправданными и закономерными устоявшиеся формулировки «оттоновская политика» или «политика Оттона I», хотя во многих случаях их следовало бы рассматривать лишь как синонимы более верных и справедливых определений «политика архиепископа Бруно» или «политика королевы Герберги». И они, родственники короля, несли свой мед в улей общего дела.

ДУХОВНАЯ БИОГРАФИЯ И ПЕРСОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Ю.Е.Арнаутова

Житие как духовная биография: к вопросу о «типическом» и «индивидуальном» в латинской агиографии

Несмотря на то, что само понятие «биография» укоренилось в европейской литературе лишь в XVIII веке, всякий текст, претендующий на изображение жизненного пути человека, можно условно считать «биографией». В том числе и те почти полтысячи латинских текстов III – X вв., от североафриканских *acta martyrum* первых жертв гонений на христиан, до житий святых аббатов, епископов, отшельников или королей, которые традиционно относят к ранне-средневековой латинской агиографии.

С легкой руки болландистов, особенно «новых», на рубеже XIX и XX в., жанр агиографии как источник биографический, т.е. проливающий свет на личность святого как персону историческую, оценивался исследователями весьма скептически. Ипполит Делэ сравнивал жития святых со «взятым напрокат платьем», которое может подойти любому или быть заменено на любое подобное¹. В основе этого скепсиса лежала не столько даже проблема реалистического изображения действительности, так называемого «исторического зерна», поиском которого в агиографии занималось не одно поколение позитивистски ориентированных историков, сколько проблема соотношения «типического» и «индивидуального» в житийных текстах или шире – проблема изображения индивидуальности в средневековой литературе в целом².

¹ Delehaye H. Cinq leçons sur la méthode hagiographique // *Subsidia hagiographica* 21. Bruxelles, 1906. (2 ed. 1968). P.28.

² Скептическое отношение историков к проблеме индивидуальности в Средние Века О.Г.Экссле объясняет особенностями (сохранившегося у некоторых исследователей и по сей день) мифологизированного представления о Средневековье как эпохе, когда человек был индивидуумом, только будучи включенным в некое сообщество. Это представление восходит, в свою очередь, к концепции Я.Буркхарда, высказанной им в книге о культуре Возрождения в Италии (1860), а своими корнями уходящей в немецкий романтизм, согласно которой индивидуализация человека начинается только в эпоху

Господствующее в историографии мнение, что агиографические сочинения обычно не отражают индивидуальности своих героев, отмечая только «типическое», «повторяющееся», соответствующее канону и оставляя за скобками становление личности, духовные искания индивида, тогда как весь жизненный путь святого вписывается в определенную схему, трудно оспорить.

В начале XX века Людвиг Цёпф в своем капитальном труде о житиях святых X столетия³ выявил устойчивые стереотипы построения житийных образов и необходимые топосы («общие места»), определяющие композицию жития и характеризующие личность святого. Но он же одним из первых в агиологии высказался за дифференцированный подход к житийным текстам, обратив внимание на многочисленные отклонения от упомянутых стереотипов, которые увеличиваются количественно и углубляются по мере того, как автор «приближается» по времени к своему герою. В этой связи Л.Цёпф предложил выделять в агиографии «малые жанры» – легенду о святом, собственно житие и житие-биографию. К легендам он относил фантастические, концентрирующиеся преимущественно на чудесном истории о святых, составленные без какого-либо учета исторических реалий их жизни, которые, впрочем, обычно и не были известны. К биографиям, напротив, – вполне реалистические жизнеописания святых их современниками или даже сподвижниками, в которых мотив сверхъестественного чаще всего вообще опускается. Собственно житие представляло собой, по его мнению, нечто среднее: подобно биографии, оно основывалось на реальных фактах из жизни исторического святого, но фактический материал в нем обильно сдабривался рассказами о чудесных деяниях святого при жизни⁴. Понятно, что именно в изучении биографических житий Л.Цёпф видел возможность распознать за «типическим» «индивидуальное», в стремлении отобразить которое, свойственным их авторам, он не сомневался⁵.

Возрождения и связана с эмансипацией его от религии. (*Oexle O.G. Das Bild der Moderne vom Mittelalter und die moderne Mittelalter // Frühmittelalterliche Studien* 24. 1990. S.1-22.). Отечественному читателю известна также полемика об индивидуальности в Средние Века в альманахе «Одиссей» -1990.

³ Цёпф Л. Das Heiligen – Leben im 10. Jahrhundert. Leipzig-Berlin, 1908.

⁴ Ibid. S.34.

⁵ Ibid. S.76. Его полемика в защиту «индивидуального» в житийной литературе была направлена прежде всего против Г. фон Эйкена, утверждавшего, что, будучи плодом средневекового мировоззрения, биографии святых представляли собой «почти сплошь абстрактные, типические характеры», в том числе и в жизнеописаниях тех людей из благочестивых мирян и духовенства, кото-

Но если Л.Цепф почти столетие назад ставил вопрос о том, насколько агиографическая схема влияла на творчество агиографа, и было ли «индивидуальное» в образе святого полностью спрятано под покровом «типического», или же понятия «индивидуального» не существовало вовсе, то теперь такая постановка проблемы нуждается в уточнении.

Во-первых, в чем должна проявляться индивидуальность святого? Представим себе историко-культурную ситуацию начала X столетия, когда в Западной Европе отмечается значительная активизация культа святых, в агиографии отмеченная переходом от создания мартирологов – кратких перечней дней поминовения святых, составленных в календарной последовательности, к написанию их пространственных житий. Разумеется, не обо всех святых существовали достоверные исторические свидетельства, но верующие должны были знать о своих патронах все, клирики должны были рассказывать о них в проповедях, дни их поминовения – праздноваться, и, в конце концов, кто-то должен же был ходатайствовать перед Богом за прихожан. Кто же, если не «свой» святой, в честь которого освящен храм? Так аббаты монастырей и настоятели соборов писали сами, или заказывали местным монахам или даже известным писателям жития «своих» святых. Это означало, что создавался текст, удовлетворявший ожиданиям заказчика и требованиям времени, иными словами, вписывающийся в определенную схему представлений о святости. Трудно ожидать, чтобы на страницах житий описываемые святые выступали бы как неповторимые и индивидуальные личности. Суть и мотивы святости состоят в *imitatio Christi* – подражании Христу⁶, и поэтому невозможно себе представить, чтобы у одного святого не было бы тех добродетелей, которые есть у другого. Поэтому речь может идти, скорее всего, о том, как проявляется святость и каким именно путем данный святой ее достигает.

Во-вторых, Пьер Делуз в своих исследованиях показал, что святой был всегда святым «для других»⁷. Уже его современники в своих представлениях идеализировали его личность и жизнь. Чтобы идеал святости был доходчив до публики, он должен быть узнаваем, по-

рые выделялись строгостью своей аскезы. (*Eiken v. H. Geschichte und Weltssystem der mittelalterlichen Weltanschauung. Stuttgart, 1887. S.650.*)

⁶ Разумеется, Священное Писание оставляет возможность для всех поколений верующих по-своему воспринимать и толковать образ Христа. Постоянно обращаясь к Священному Писанию, авторы житий ревностно ищут у своих героев черты сходства с его персонажами или подгоняют под его образцы обстоятельства жизни своих героев.

⁷ *Delooz P. Pour une étude sociologique de la sainteté canonisée dans l'Église catholique // Archives de sociologie des religions 13. 1962. P.17-43.*

добно тому, как узнаваемы написанные по определенному канону иконографические портреты⁸. Таким образом, между автором и его аудиторией должно существовать своего рода поле взаимного влияния, поле смыслов, ориентированных на повторяющиеся формы и образцы мышления и восприятия. Поэтому сколь бы портрет святого ни был индивидуализирован, его святость соответствует коллективным ментальным представлениям, в которых *предмет и образ различаются*. Агиографические тексты, в любом случае, передают – с различными нюансами – искусственно сконструированный образ святого – продукт коллективных представлений. Следовательно, речь может идти не об «историческом зерне» в житиях или о изображении «реальной» личности святого, а о литературных интенциях автора, о его отношении к индивидуальности и художественных способах ее изображения. Поэтому традиционно дискутируемую в историографии проблему «типическое или индивидуальное» в житиях следует формулировать иначе, а именно – как проблему выражения «индивидуального» через «типическое».

II

«Житие св. Иоанна Горцского»⁹ (аббата одного из лотарингских монастырей, примкнувших к движению за реформирование бенедиктинского монашества), о котором пойдет здесь речь, своею оригинальностью и богатством содержания не раз уже привлекало внимание исследователей¹⁰. Составленное сразу после кончины Иоанна одним из его сподвижников – аббатом монастыря св. Арнульфа в Метце Иоанном, оно полностью опровергает мнение о Средневековье как о «статическом», о судьбе святого – как о «типичной», равно как мнение об отсутствии «индивидуального» в социальных дейст-

⁸ Об этом см. также: *Duby G. Histoire des mentalités/ // Samaran Ch. (Ed). L'histoire et ses méthodes. Paris, 1961. P.963.*

⁹ *Vita Joannis abbatis gorziensis auctore Joanne abbate s. Arnulfi // MGH SS T.4.P.337 ff.*

¹⁰ Помимо упомянутой монографии Л.Целфа (S.94-103), к этому житию (по-разному формулируя исследовательскую проблему) обращались: *Auerbach E. Literatursprache und Publikum in der lateinischen Spätantike und Mittelalter. Bern, 1958; Barone G. Jean de Gorze, moine de réforme et saint original // Royaume capétien et lotharingien. Etudes réunies par Dominique logna-Prat et Jean-Charles Picard. Paris, 1990. P.31-38; Goetz W. Abt Johannes von Gorze // Gestalten des Hochmittelalters. Darmstadt, 1983. S.54-69; Pariss M. Noblesse et monastères en Lotharingie du IX-e – XI-e siècle // R.Kottje, H.Maurer. (Ed.) Monastische Reformen im 9. Und 10. Jahrhundert. (Vorträge und Forschungen 38) Sigmaringen 1989. S.167-196. Новейшие исследования собраны в томе: *M.Parisse, O.G.Oexle (Hg.). L'abbaye de Gorze au X-e siècle. Presses Universitaires de Nancy. 1993. См. также: Oexle O.G. Individuen und Gruppen in der Lotharingischen Gesellschaft des 10. Jahrhunderts // Ibid. S.105-139.**

виях средневекового человека и его восприятию действительности в художественном пространстве агиографического текста.

Начать с того, что не только сама судьба горцкого аббата была нетипичной для героев агиографической литературы, нетипичным было и его происхождение. В раннесредневековой агиографии существует топос о благородном происхождении святого, метафорически отождествляемом с благородством его души¹¹. Св. Иоанн Горцкий был не то что незнатного, но даже несвободного происхождения, будучи рожденным на королевской вилле в Вандьере, и «мать его была более свободного рода, нежели отец» (гл.9), – уточняет автор жития. Главное, по его мнению, в их душевной чистоте, аскетическом образе жизни и глубокой вере, компенсирующих социальную несвободу (ср.: «истина освободит вас» (Ио 8 32)). «Истинная свобода духа», т.е. глубокая вера и соответствующий образ жизни противопоставляется агиографом «пустым похвальбам о древности рода» и «знаменитым именам предков» (гл.7).

Однако родители Иоанна, в отличие от большинства людей их правового статуса, были достаточно состоятельными, чтобы отправить сына учиться. Образование, которое получил Иоанн сначала в Метце (вероятно, в школе при кафедральном соборе), затем в монастыре св. Михаила на Маасе вполне соответствует модели воспитания отпрысков знатных семейств¹², что опять-таки было достаточно необычным для того социального слоя, к которому принадлежала его семья. Следует заметить, что и здесь автор отступает от житийного топоса о необычайных успехах будущего святого в постижении наук, ссылаясь на признание самого Иоанна о том, что плоды этого учения были весьма скромными (гл.10).

Иоанн был еще юношей (*adolescens*)¹³, когда смерть отца заставила его принять на себя всю ответственность за семью, ведение сложного хозяйства в поместье, обучение младших братьев, словом, стать *curator familiae domesticae*. Интересно, что при этом круг общения Иоанна не замкнулся на доме и домочадцах. Он активно и соз-

¹¹ Идеал святости «аристократизируется» уже в меровингской агиографии, когда знатность происхождения превращается в одну из предпосылок святости, что сохраняется на протяжении всего Средневековья. Своей долгосрочной актуальностью этот топос обязан общей картине социальных отношений в Средние Века. – *Graus F. Volk, Herrscher und Heiliger im Reich der Merovinger. Studien zur Hagiographie der Merovingerzeit.* Praha, 1965. S.117, 361; Zöpf L. Op. cit. S.53ff.

¹² Подробнее см.: *Richéé P. Les écoles et l'enseignement dans l'Occident chrétien de la fin du V-e siècle au milieu du XI-e siècle.* Paris, 1979. P.292; *Oexle O.G. Individuen und Gruppen.* S.108.

¹³ Термин *adolescens* обозначает возрастные рамки 15-25 лет.

нательно стремится расширить круг своих связей, ищет контактов с представителями светской и духовной элиты. Действительно, через некоторое время он уже пользуется глубоким доверием (*familiaritas*) в лучших домах округа (прежде всего в Вердене), его принимают аббаты влиятельных монастырей, и со всеми ними он ведет различные дела (*in varlis officiis et negotiis*) с большой выгодой для себя (*plurimum exinde sibi cepit profectum* (гл.12).

Причиной интереса к столь незначительной персоне знатных особ стали глубокие познания Иоанна в ведении хозяйства и предприимчивость в сочетании со здравым умом. Что бы он ни делал, везде проявлялись его недюжинные способности. Управлял ли хозяйством – пашнями, виноградниками, разведением скота, опекал ли младших братьев или устраивал чужие дела, он был в этих мирских делах (*scientia actualis*) искусен, подчеркивает агиограф, «как никто другой» (гл.11). Знания Иоанна были не только теоретическими, но вполне практическими, что и сыграло решающую роль в его судьбе. Именно как «эконома», компетентного в *cura rerum domesticarum* приглашали Иоанна сильные мира сего. Достигнув «зрелого возраста», он окончательно покидает родительский дом: сначала состоит в экономах при верденском графе Риквине, затем (вероятно, на аналогичной должности) у другого знатного лица (*nobilis vir*) Варнерия. Сам верденский епископ Дадон, у которого Иоанн также прожил некоторое время, советовался с ним по делам хозяйственного управления епархией (гл.11-13).

При всем (традиционно) скептическом отношении к возможностям социальной мобильности в Раннее Средневековье, следует признать, что Иоанну довольно быстро удалось перешагнуть словесные рамки и проникнуть в высший социальный круг. Главную причину этого агиограф видит в личных качествах, даже талантах, будущего святого – *beni merita indolens, vivax ingenium*, т.е. в его одаренности, богатстве природы, живом уме. Наконец, он должен был быть просто активен, чтобы стать полезным сильным мира сего и в силу этого быть допущенным в их круг. О.Г.Эксле обратил внимание на то, что упомянутые в житии *scientia actualis*, которыми Иоанн владел виртуозно, на деле представляют собой три «науки» – три со времен Античности важные для развития личности области знания (как теоретического, так и практического), о которых писали еще Кассиодор и Исидор Севильский, в свою очередь, следовавшие традиции аристотелевой школы, что, несомненно, было ведомо агиографу. Речь идет об индивидуальной этике (*philosophia moralis*), экономике (*philosophia dispensativa*) и политике (*philosophia civilis*),

т.е. учении об общественной жизни¹⁴. Понятно, что им не учат в монастырской школе. Стремясь «наверх», Иоанн овладел ими скорее интуитивно, в силу своего природного чутья, и таким образом, происходя из социальных низов, сам сознательно сделал себе «карьеру». Впоследствии, приняв монашеский постриг, он и в монастыре продвинулся по ступеням социальной иерархии. Благодаря *scientia actualis* он стал великолепным аббатом, компетентным не только в религиозных делах: под его руководством монастырь расцвел в хозяйственном отношении и приобрел политический вес.

Разумеется, такой жизненный путь выглядит не совсем привычно на страницах жизнеописания святого. Более того, создается впечатление, что именно социальная «карьерка», если следовать логике автора, стала важнейшей ступенью на пути Иоанна Горцского к святости. Тем не менее, здесь нет никакого противоречия с собственно агиографическими целями. В центре жития должно быть изображение подвига святости, а это изображение всегда образует два плана текста – «идеальный» и «реальный». «Идеальный» план заключается в соответствии с высшим образцом-«прототипом», т.е. в имитации подвига Христа, тогда как «реальный» соотносится с тем, как конкретно происходит это подражание. Образ святого соединяет в себе оба этих плана, поэтому житийная дидактика образует особые слои в структуре текста – постоянный переход от «жития» к «жизни» и от «жизни» к «житию»¹⁵. В «Житии св. Иоанна» «реальный» план усиливается за счет того, что полностью отсутствуют топосы, связанные с идеей божественного вмешательства: здесь нет привычных для житийной литературы вещей снов или видений, подсказывающих выход из положения и направляющих святого в его исканиях. Все этапы духовного поиска святой проходит сам, без помощи свыше, и его убеждения постепенно выкристаллизовываются на фоне разных (порой весьма обыденных) житейских событий.

III

Не следует забывать, однако, что при всей своей оригинальности, «Житие св. Иоанна» и демонстрируемый им образец святости относятся к определенному *типу*. Это тип «житий святых аббатов». По схеме, выведенной Л.Цепфом на основе анализа аналогичных житий X века, главные деяния (*acta*) святого аббата – при неизменно аскетическом образе жизни – заключаются все же в его активной деятельности в области церковного строительства (возведение

¹⁴ Oexle O.G. Individuen und Gruppen. S.111.

¹⁵ Подробно о двух планах в структуре агиографии см.: Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т.1. С.622.

или реставрация церквей не только для своего монастыря, но и для всей округи), в заботе о богослужениях и контроле над священниками, в разнообразной благотворительности, в мудрых советах королям и знатным персонам и т.п.¹⁶ Понятно, что в основе всей этой деятельности должно лежать прочное материальное благополучие и политический авторитет его собственной обители. Словом, житийный канон требует создания идеального портрета заданного типа, поведенческой парадигмы для подражания, и она, разумеется, легко вычленяется из «Жития Иоанна Горцского», где канва «жизни» под рукой агиографа превращается в «житие».

Тот факт, что упорство и жизненная активность св. Иоанна стали залогом успеха в «карьере», которой не помешала даже незнатность его происхождения, а приобретенные им личные связи весьма ей способствовали, в житии приобретает особый, высший, смысл. Для агиографа не остается сомнений в том, что стремление Иоанна выйти за пределы своего социального круга было продиктовано жадной найти *optima forma vivendi* – наилучший (разумеется, для души) образ жизни, и тем более, отличный от того, который он мог бы вести в силу своего происхождения.

Строго говоря, выражение *optima forma vivendi* у агиографов X века подразумевает вполне конкретную форму пути к святости – аскезу. Идеей аскетического образа жизни в эту эпоху насквозь пронизано мировоззрение лучшей части клира и монашества, и эта идея находит поддержку в самых разных слоях общества. Множество людей – часто из самых богатых и знатных, имеющих столько возможностей наслаждаться земными благами, – отказываются от всего и удаляются от мира, обращаясь к аскетическому образу жизни.¹⁷ Ими движут разные мотивы – божественное призвание, и «харизматический дар», и просто душевная потребность в аскетизме и углублении во внутренний мир, стремление следовать идеалам апостольской жизни (*vita apostolica*).¹⁸ Идеей аскезы пронизано и житие Иоанна Горцского, всю жизнь искавшего душевного умиротворения, поэтому «выгоды» (*profectus*)¹⁹, которые извлекал Иоанн из общения со зна-

¹⁶ Zöpf L. Op. cit. S.41-42.

¹⁷ Примером может послужить «Житие св. Геральда» – благочестивого графа, в миру ведущего монашеский образ жизни (*Vita Geraldii*. Migne PL, T.133. Coll.639-704), а также рассказанные в житии «истории» некоторых сподвижников Иоанна – горцских монахов, происходивших из знатных аристократических родов.

¹⁸ Tellenbach G. Die westliche Kirche vom 10. bis zum frühen 12. Jahrhundert. Göttingen, 1988. S.90-91.

¹⁹ Среди таких «выгод» упоминается и передача Иоанну в управление двух частных церквей графа Риквина. Гл.12, 14.

менитыми в церковном мире мужами, были в глазах агиографа не материального свойства, но, прежде всего, духовного. Среди этих людей он искал себе пример для подражания, *exemplum*, который позволил бы возвыситься над тем, что было дано ему от рождения, направил бы его в духовных исканиях.

Управляя делами одной из церквей под Тулем, Иоанн знакомится с дьяконом Бернером – своим первым настоящим духовным наставником (гл.13). Бернер убеждает Иоанна продолжить образование, и тот со свойственной ему энергией берется за дело, начав со «школьной грамматики». Вероятно, Бернер оказал сильное влияние на своего ученика. Нужно отдать должное автору жития, который был, без сомнения, мастером психологического портрета, если сумел всего лишь несколькими штрихами создать образ явно незаурядной личности. Этот Бернер помимо своих глубоких познаний в Священном Писании был известен маниакальной чистоплотностью и непримиримой враждебностью к женщинам. Он страшно боялся испачкаться и избегал любого соприкосновения с грязью. Но еще страшнее для него было испачкаться в метафорическом смысле – прикоснуться к существу женского пола. Любое, даже мимолетное и случайное, прикосновение к женскому телу казалось ему невыносимым. Этот страх так овладел всеми его помыслами (*mentem eius totam pervaserat*), что он ни при каких обстоятельствах (*nullo pacto!*), даже будучи смертельно усталым, не отваживался присесть там, где, по его мнению, до него могла сидеть женщина (гл.16).

Другим человеком, рано повлиявшим на дальнейшую судьбу Иоанна, была, как ни удивительно, женщина, точнее, совсем юная девушка. Задолго до вступления в монастырь, еще будучи экономом в поместье графа Риквина, Иоанн часто бывал приглашен в монастырь св. Петра в Метце: настоятельница высоко ценила его советы по ведению монастырского хозяйства. Покончив с делами, Иоанн обычно проводил там многие часы в частных беседах с монахинями и воспитанницами (*collegio puellam*), жившими при монастыре, общество которых было ему особенно приятно. Одна из его собеседниц, как он впоследствии признавался, невольно способствовала существеннейшему перевороту в его душе. В монастыре жила со своей теткой юная девушка, почти ребенок, с которой Иоанн особенно любил задушевно беседовать. Однажды он случайно заметил, что под верхним платьем у нее надета грубая рубаха (или повязка?) из козьей шерсти, какую обычно носят особенно усердствующие в смирении плоти аскеты – *cilicium*. Это показалось ему столь странным, даже невероятным, что он протянул руку и, чтобы удостовериться, прикоснулся к ее груди. На его во-

прос, зачем это, стыдливо помолчав, девушка ответила: «Разве ты не знаешь, что мы должны жить не в этом мире, и не ему служить?». Это объяснение столь глубоко тронуло Иоанна, что сам он с этого момента стал все более задумываться о «новой жизни» (*vita nova*) и духовном совершенстве (*vita perfectior*). (гл.17)

После объяснения с Гайзой (так звали девушку) Иоанн всерьез начинает изучать Священное Писание и сочинения отцов Церкви, читая и перечитывая их, пока не запомнит прочитанное наизусть, и вообще вести благочестивую жизнь. Он пытается стать анахоретом, но его келья оказывается недостаточно скрытой от людей, и это мешает его уединению; он пытается даже петь в церковном хоре, но поскольку Бог обделил его певческим даром, поупражнявшись какое-то время под постоянные насмешки других певчих, оставляет это занятие (гл.18). Более того, Иоанн хочет вообще отказаться от имущества и удалиться от мира²⁰, но куда? Ни в одном из известных ему монастырей монахи не живут строго по уставу. И тогда он ищет людей, личности, у которых мог бы учиться.

Так, судьба сталкивает его с верденским затворником Хумбертом, почитавшимся горожанами за святого (гл.21). Хумберт произвел на него глубокое впечатление. С того времени Иоанн умерщвляет плоть, пренебрегая какой бы то ни было заботой о теле (*cura corporis*), постится со всей строгостью. Но и живя рядом с Хумбертом, он не чувствует, что нашел то, что искал. Прослышав про некоего Лантберта, который где-то в глуши, в Арденнах, живет в глубочайшей аскезе, он направляется на его поиски. Однако и Лантберт – полуголый в любое время года, тощий и грязный «дурачок во имя Господа» – также разочаровал Иоанна. Житие рассказывает, что хотя окрестные жители и уважали его за суровый образ жизни, но не меньше и потешались над его причудами. Так, из жертвуемой ему муки он периодически пек себе огромный каравай хлеба, которого хватало на один-два месяца. Разумеется, хлеб засыхал, и тогда отшельнику приходилось брать в руки большой сук и им откалывать от караваев куски. В своей грубости и необразованности подобный простолудинам (*et moribus et scientia omnino rusticanus erat*), Лантберт превратил умерщвление плоти и даже не строжайшее, а жесточайшее, воздержание во всем в самоцель, и это оттеснило, как кажется Иоанну, на задний план нечто большее, что должно быть у настоящего праведника, к идеалу которого он стремился (гл.22-23).

²⁰ Cap. 20: «...ad mundi contemptum et facultatum renuntiationem ex integro, omni desiderio estuabat».

Далее, желая помочь Иоанну в его исканиях, Хумберт и некий благочестивый британец Андреас советуют ему совершить паломничество в Рим. Иоанн отправляется в путь. Исполнив обет, он продолжает путешествие, посещая один за другим знаменитые итальянские монастыри (Монте-Кассино, Монте-Гаргано, Сан-Сальваторе в Неаполе) в безуспешной надежде найти там подходящее его аскетическим убеждениям убежище. Наконец, по возвращении из Италии, Иоанн через какое-то время знакомится с Эйнольдом, тульским архидиаконом и образованнейшим человеком, который тоже неудовлетворен своей жизнью (гл.27). После долгих сомнений и колебаний (Иоанн хотел удалиться в какую-нибудь «пустыню» подальше от родных мест, чтобы вести там отшельническую жизнь «древних святых» – *antiquorum sanctorum*) Иоанн и Эйнольд по предложению метцского архиепископа Адальберона удаляются восстанавливать монастырь Горц, оставленный бежавшими от венгров монахами и полностью разоренный (933 г.). Эйнольд становится в нем аббатом, а Иоанн – как наиболее подходящий по своим деловым качествам, берет на себя все хозяйственные дела. Имущество свое он жертвует монастырю, туда же вступают его младшие братья, мать тоже селится при обители, на нее возлагается забота о платье монахов (гл.45).

Иоанн был рачительным хозяином и блестяще управлял всем сложным хозяйством монастыря. *Doctus et gnarus*, т.е. ученый и компетентный во всем, от сельского хозяйства до архитектурного строительства и права, он сам руководит хозяйственными заготовками, рыбной ловлей, наиболее рационально организует разведение скота и размещение полей и виноградников, заботится об укреплении монастырских стен, украшении храма и новых колоколах (гл. 44, 85, 90), и вскоре его усилиями монастырь не просто восстает из руин, а расцветает. Иоанн незаменим в монастыре, поэтому понятно, что аббат Эйнольд неохотно отпустил его, когда он по поручению императора Оттона I возглавил посольство в Испанию к халифу Абдурахману. Цель самого Иоанна была далека от интересов монастыря или политики Оттона – он хотел претерпеть мученичество. Во времена, когда у него на родине за веру уже никого не преследовали и даже набеги язычников, венгров или норманнов, утихли, самая возделенная для праведного христианина смерть – за веру – стала почти недостижимым идеалом. Путешествие в самое логово язычников давало вполне реальный шанс обрести спасение души и вечное блаженство. Но на сюжете о переговорах Иоанна с халифом дошедший до нас текст обрывается.

Итак, после долгих сомнений и поисков Иоанн становится монахом, и именно в этом качестве достигает вершин аскетического

образа жизни. Как видим, в своем поиске *optima forma vivendi*, который, собственно, и стал главной темой жития, он, образно говоря, стучал то в одну в дверь, то в другую, то в третью, надеясь найти истину, и никто не мог предложить ему того, что бы соответствовало его натуре, хотя все те, у кого он намеревался учиться, имели одну цель – через аскезу постичь истину в Боге. Согласно логике автора жития, не просто аскеза, групповая или индивидуальная, а жизнь в монашеском сообществе (*societas, congregatio*), подчиненном строгому уставу и едином в своих устремлениях, открывает для этого оптимальные возможности²¹.

Позиция агиографа понятна: его собственный монастырь св. Арнульфа в Метце примкнул к движению за реформирование обмирщенного монашества, форпостом которого в Северной Лотарингии и было горцское аббатство. Горцские монахи объединились для совместной жизни (*vita communis*) по образцу апостолов или первой христианской общины в Иерусалиме и, благодаря Эйнольду, а после его ухода – Иоанну, ставшему аббатом, именно Горц играл ведущую роль в движении за духовное обновление монашества, за восстановление порядка, при котором мирское больше не довлело бы над духовным. Эта сторона деятельности Иоанна, в следовании идеалам апостольской жизни строгого к себе и к другим, была особенно близка автору жития, так что вполне естественно, что идеал святости в его редакции несет черты, указывающие на связь с реформой бенедиктинского монашества. Но это уже другая тема.

IV

Как уже было сказано, специфика жанра навязывает агиографу необходимость при создании жития (более или менее осознанно) учитывать схему, житийный канон, актуальный тип святости, и этот схематизм поневоле распространяется на все произведение, поэтому о каких-либо конкретных деталях далеко не всегда можно бывает сказать с полной уверенностью, «типическое» это или «индивидуальное». С одной стороны, нельзя сказать, что агиограф старался или не старался писать «типичное житие», так же, как и что святой старался или не старался прожить «типичную жизнь». Но, с другой стороны, рассмотрев одну только «событийную канву» жизни св. Иоанна Горцского, сказать о нем, что некий человек – Иоанн родом из Вандьера – стремился прожить нетипичную для своего сословия жизнь, выйти за рамки того, что было ему уготовано в силу социального происхождения, и пойти индивидуальным путем, вполне можно.

²¹ Доказательству этой идеи и посвящена неоднократно упоминаемая здесь работа *Oechle O.G. Individuen und Gruppen* (особ. S.138).

Равно как и то, что описанный в житии человек – не абстрактный образ, составленный подобно мозаике из житийных топосов, а вполне реальный – со своими стремлениями, сомнениями и страданиями. Именно таким видит и, несомненно, стремится изобразить его агиограф, что можно заключить, исходя из особенностей композиции жития и того содержания, которое вкладывается автором даже в такие традиционные элементы агиографического текста, как топосы.

В «Прологе» к житию автор поясняет его композицию. В первой части, по его словам, он хотел бы описать жизнь Иоанна до вступления в монастырь – *in saeculari habitu*, т.е. как мирянина, во второй – жизнь в монастыре (*in sancto proposito*), сначала в качестве монаха (*in contubernio ceterorum*), затем – аббата (*in regimine*), а завершить житие описанием кончины святого. Дошедший до нас текст прерывается в начале второй части, но даже из него можно получить довольно полное представление о разных сторонах личности Иоанна и его деятельности, поскольку далеко не всегда автор придерживается хронологического порядка изложения, и текст изобилует пространными вставками – «рассказами в рассказе», повествующими или о самом Иоанне, или о людях, с которыми сводила его жизнь и в общении с которыми так или иначе проявлялись свойства его натуры.

Столь большое внимание к мирскому периоду жизни святого аббата (гл.7-45) не характерно для житий святых данного типа и может свидетельствовать о стремлении автора показать постепенное становление личности своего героя, его духовные поиски, итогом которых стало решение удалиться от мира. Это стремление агиографа становится тем более понятным, что в житии четко прослеживается противопоставление между монашеским и не-монашеским образами жизни, причем под не-монашеским (*saecularis habitus*) могут пониматься как образ жизни обычных мирян, так и живущего в миру клира и даже обмирщенного монашества, отступившего от идеалов апостольской жизни²².

В пользу того предположения, что автор стремится представить читателю насколько это возможно приближенную к жизни духовную биографию своего героя, говорит и то обстоятельство, что он отказывается от ряда композиционных топосов, традиционно используемых для изображения жизненного пути святого в роли своеобразных вех на пути к святости. Помимо топосов о знатном происхождении, predeterminedности избранничества и божественных знамениях, предвещающих рождение необыкновенного человека, в житии от-

²² Это наблюдение принадлежит О.Г.Эксле: *Oeche O.G. Individuen und Gruppen*. S.122.

существует относящийся к периоду детства и юности топос *puer senex* (мальчик-старик), характеризующий будущего святого как ребенка, обладающего старческой мудростью, отказывающегося от игр со сверстниками и усердствующего в учении, а также топосы о чудесах, открывающих окружающим его святость, и об искушениях дьяволом.

Изображение смерти святого – один из важнейших композиционных топосов, также отличается от традиционного. Кончина святого мужа представляется обычно как своеобразный триумф, момент наивысшего блаженства, знаменующий рождение святого для «жизни вечной», постоянную возможность лицезреть Господа, восседать в «небесном сенате», участвовать в ангельских хорах и т.п. Словом, задолго предвидевший дату своей кончины святой обычно легко и с радостью отходил в мир иной. Смерть Иоанна, напротив, была тяжелой – *acerrime, dure*. По признанию агиографа, никогда еще присутствующие не видели столь долгой борьбы организма умирающего со смертью. Затянувшаяся агония стала для Иоанна еще одним испытанием – *examina*, которое «праведный муж, среди всех всегда столь непреклонный, мудро претерпевал покорной душой» (Prol.).

V

Считается, что аутентичность святого проявляется не в его индивидуальных чертах, а результируется из степени соответствия изображаемого идеальному образцу. Чем аутентичнее святой, тем менее он индивидуализирован. В агиографическом портрете индивидуальное проецируется на общее, на коллективные представления, так что лишь благодаря связи с традицией морально и литературно стереотипизированный идеал святости может быть доходчив для публики²³. В наибольшей степени «узнаванию» призваны служить топосы содержания, характеризующие «святую жизнь» (*vita sancta*) и достоинства (*virtutes*) святого. Поэтому следует задаться вопросом о том, насколько наш агиограф в состоянии отразить индивидуальные черты личности своего святого, рисуя, по-существу, идеальный портрет? Иными словами, насколько возможно в «Житии св. Иоанна Горцского» за стилизацией рассмотреть индивидуальность, живого человека?

Святость характеризуют прежде всего топосы, касающиеся глубиной веры святого и его образа жизни, главное в котором – смирение и аскетическое воздержание, обеспечивающие чистоту сердца и всех помыслов, приближающие к Богу. Напомню, что идея аскезы

²³ Gaiffier B. de. L'hagiographie et son public au XI-e siècle // B. de Gaiffier. Études critiques d'hagiographie et d'iconologie. (Subsidia hagiographica, 43). Bruxelles, 1967. P.475-507.

стала актуальной именно в мирные для христианской Церкви времена. Аскеза – не просто удаление от мира и упражнение в молитве, посте и воздержании, а постоянная самодисциплина, ведущая к метаморфозе личности. Как известно, культ собственно средневековых святых стал продолжением культа позднеантичных мучеников. Мученик – тот, кто не отказался от своей веры перед угрозой смерти. Когда за приверженность христианству смертью уже не угрожали, актуальным стал другой вид мученичества – умерщвление плоти в аскетическом образе жизни, *martyrium sine cruore* («бескровное» мученичество»). Какие только лишения – голод, холод, нужду, боль, несправедливые гонения – не согласится терпеть истинно преданный Богу человек во имя спасения души и вечной жизни. Умерщвление плоти, которое проповедовал уже апостол Павел (*castigo corpus meum* (1 Кор 9 27)) заменяет настоящее умерщвление, убийство за веру. Претерпевая муки, праведник тем самым как бы соучаствует в страданиях Христа, (ср.: «если кто хочет идти за мною, отвергни себя, и возьми крест свой, и следуй за мною». (Лк 9 23)).

На аскетизм как одну из главных черт личности св. Иоанна указывает уже «Пролог» (*sane ut sibi semper moris parcissimae*). Далее в тексте жития агиограф не раз возвращается к этой теме. В постах и бодрствовании Иоанну нет равных. Перед великими праздниками (Рождества и Пасхи) он увеличивал длительность поста, по несколько дней вообще отказывался от пищи и воды, а в обычные дни ел только растительную пищу и до конца жизни придерживался этих строгих правил. В болезни он отказывался от помощи врача, избегал купания, носил самую плохую одежду и сам чистил себе обувь (гл.92-94). Казалось бы, в этом нет ничего необычного, в умерщвлении плоти Иоанн явно уступает упомянутому отшельнику Ландберту. Но впечатляет именно то, как он это делает.

«День отдает он работе, ночь – молитве; когда другие спят, он, подобно пчеле, жужжит свои молитвы; обходит все алтари, склоняясь перед ними на колени; затем присаживается, через некоторое время встает и снова обходит монастырь, останавливаясь то там, то здесь; выходит во двор, чтобы узнать по звездам, который час, затем проверяет лампы, чистит их; идет в учебное помещение или плетет сети. Если он вошел в dormitorio, то не за тем, чтобы прилечь, а лишь проверить светильники, прочищает их, даже если это совершенно излишне; затем вновь потихоньку отправляется в церковь, и там, простершись перед алтарем, льет слезы и вздыхает. Если он занят чтением, то борется со сном, но если вдруг сон одолеет его на несколько мгновений над книгой, он заставляет себя встрепенуться и начинает быстро ходить туда-сюда, бормоча псалмы»²⁴.

²⁴ Из этого пассажа можно также заключить, что Иоанн по натуре был «совой» – трудился всю ночь, а потом нередко спал до белого дня (гл.82), что, между тем,

Но только ли об усердном бодрствовании Иоанна, в целом типичном для аскетического образа жизни (ср.: «Блаженны рабы те, которых господин, придя, найдет бодрствующими» (Лк 12 37)), идет здесь речь? Бессонные ночи, во время которых Иоанн бродит по монастырю, находя себе все новую и новую работу, – не признак ли это внутреннего смятения, сомнений, сжигавших его страстную, деятельную натуру? Как уже говорилось, в житии нет никаких видений или вещей снов, которые бы направляли святого в этом смятении. Его напряженная внутренняя жизнь скрыта от глаз посторонних, близких друзей в монастыре у него нет, ибо он “живет среди многих как отшельник” (*solitarius inter multitudines vixerit* (гл.40, 76, 79)), так что сомнения он пытается разрешить в одиночестве – в размышлениях, в молитвах и в чтении.

Не только глубокая вера свойственна Иоанну (топос *fides*). Его отношение к религии, кажется, глубоко личное. Свой путь к Богу он ищет сам, в постоянном чтении пытаюсь постичь все премудрости теологии и разрешить свои сомнения. Самостоятельно проштудировав патристику – учение о святой Троице и о Граде Божьем Августина (которые он постиг, по его собственному признанию, с превеликими трудностями (гл.83), труды Григория Великого, Амброзия, Иеронима, все жития святых, Иоанн принялся за учение Аристотеля о категориях, в ту пору известное только в изложении Боэция, в свою очередь комментировавшего греческий текст Порфирия. Тут его занятия неожиданно прервал аббат Эйнольд, сам с большим трудом осиливший это сочинение. Эйнольд посчитал такие занятия чрезмерно утомительными для монаха (или это была просто ревность?). Агиограф подчеркивает, что Иоанн подчинился требованию аббата беспрекословно: полнейшее послушание (*oboedientia*) аббату входило в число основных требований в реформированных монашеских общинах (гл.83). Для Иоанна правила *oboedientia* и *humilitas* (смирение) усугублялись еще и тем, что по должности он обязан был отчитываться обо всех своих хозяйственных инициативах и мельчайших расходах, что было не просто не только из-за его независимого нрава, но и потому, что из всей общины он единственный действительно разбирался в столь мирском деле, как экономика. Его хозяйственная активность провоцировала постоянные конфликты в стенах обители.

Здесь следует сделать небольшое разъяснение о месте Иоанна в монастыре. Представим себе новообразованную монашескую общину Горца, куда вошли люди в основном знатного происхождения,

строжайше запрещалось бенедиктинским уставом. Ночной сон предназначался монахам для отдыха, для того, чтобы восстановить необходимые для богослужения силы (первые службы начинались вскоре после полуночи).

решившие удалиться от мира. Это были или высокопоставленные клирики из кафедральных соборов Метца, Вердена и Туля, или миряне-аристократы, подобные упоминаемым в житии Фридриху, дяде метцского епископа Адальберона (в подчинении которого сначала находился Горц), «по совету которого тогда все делалось в епархии», Одилону – домоправителю верденского епископа или Ангильрамну – аристократу из старинного рода, который, вступив в монастырь, поначалу не отказался ни от своего слуги, ни от того, чтобы оборудовать свою келью с роскошью, соответствующей его богатству и знатности происхождения (гл.55-57). Разумеется, все эти люди, вероятно, достаточно амбициозные и привыкшие к беспрекословному подчинению, играли не последнюю роль в управлении делами и жизнью монастыря или, по меньшей мере, претендовали на это. Когда аббат был выбран, и ему принесли обет послушания, между монахами были распределены должности (гл.44). Иоанн получил не самую высокую из них: он назначен был отвечать за *res extra*, т.е. фактически за «внешнюю» хозяйственную деятельность монастыря – управление угодьями, тогда как непосредственным обеспечением «внутренних» нужд братии (едой, одеждой, постелью и пр., т.е. *res interiora*) ведали два других монаха, у которых он формально должен был быть в подчинении. Объединять и направлять хозяйственную деятельность всех троих должен был аббат. Эйнольд же, по-видимому, начисто лишенный «хозяйственной жилки», мало вникал в земные проблемы общины, но отчета требовал регулярно.

Горц первое время был столь беден, что вряд ли мог существовать без помощи соседних монастырей. Однако усилиями Иоанна дело стало быстро налаживаться. Более того, разбираясь в качестве товаров и зная, где купить подешевле, а продать подороже, он стал вмешиваться в дела своих менее практичных аристократических собратьев, и скоро все обеспечение монастыря и все хозяйство сосредоточились в его руках. Как уже упоминалось, Иоанн сам вникал во все дела, всем руководил, все организовывал и во всем сам участвовал, будь то закупка материи на платье для монахов, выпечка хлеба или обнесение монастыря новыми стенами «наподобие крепости». Функции, им выполняемые, формально соответствовали должности *cellarius* – согласно бенедиктинскому уставу, второго после аббата человека, который по его поручению заботится о полном обеспечении обители всем необходимым²⁵. Но в этой должности Иоанн в тексте жития не упомянут. По-видимому, именно несоответствие высокой должности, занимаемой Иоанном *de facto*, и его

²⁵ Oexle O.G. Individuen und Gruppen. S.134-135.

низкого происхождения провоцировало конфликты или, по меньшей мере, раздражение в той, в целом аристократической, среде, которая была характерна для Горца в описываемый период. В итоге успехи Иоанна как эконома далеко не всегда оценивались адекватно, так что его хозяйственная расчетливость порою принималась за жадность или, хуже того, за личную корысть:

«Одни публично называли его притворщиком, другие – жадным, третьи – скрягой, а иные – обманщиком. Его обвиняли в том, что он так и не оставил мир... Это и многое еще, насмехаясь, бросали ему в лицо, он же пребывал в безмолвии, ...храня спокойствие и среди общего крика сдерживая гнев» (гл.76).

Как видим, Иоанн смиренно сносит любые упреки, остается немногословен (эту его черту не раз отмечает автор), и на напрасную хулу не реагирует (гл.72, 73, 76, 79). Невзирая на свое высокое положение в монастыре, он ни минуты не остается в покое и не гнушается никакой работы: варит, чистит, пашет, моет посуду, носит воду, заботится о бедных, ухаживает за больными, принимает паломников, омывая им ноги. Понятно, что все это свидетельства той религиозно-этической самодисциплины, которая вырабатывается постоянной аскезой. Для ее характеристики используются топоры *caritas* (милосердие), *humilitas* (смирение), *patientia* (терпение), *oboedientia* (послушание), *subiectio* (покорность), *abiectio* (самоуничужение), и все это присуще Иоанну в полной мере, но выражается у него подчас весьма индивидуально.

Так, гневливость Иоанна никак нельзя отнести к его добродетелям. Он мог взорваться по малейшему поводу, но в том и состоит задача агиографа, чтобы недостатки превратить в достоинства: Иоанн, по его словам, изо всех сил старался не выпускать эмоций из-под контроля и, по возможности, смолчать (*silentium inter clamores tenebat iratum* (гл.76)). Обуздание эмоций, оно же – смирение и самоуничужение, тоже можно отнести к разновидностям аскезы: чтобы подавить вспышку гнева и напомнить себе о собственной ничтожности перед лицом Всевышнего Иоанн, например, отправляется чистить отхожее место (гл.76).

Постоянная борьба с гневливостью отражает скорее «типическое» – то, как будущий святой совершенствует себя в аскезе, упражняясь в смирении (*humilitas*). Но «типическое» проявляется у Иоанна Горцкого индивидуально, как у истинно харизматической личности»²⁶. К примеру, на все том же хозяйственном поприще у Иоанна случались частые стычки с упомянутым Фридрихом, монастырским препозитом, в подчинении у которого он формально состо-

²⁶ Barone G. Op. cit. P.141; Oexle O.G. Individuen und Gruppen. S.114.

ял. Далеко не столь компетентный, как Иоанн, Фридрих, будучи знатного происхождения и имея могущественного покровителя в лице самого епископа, позволял себе по любому поводу грубо пререкаться с Иоанном и неоднократно в присутствии посторонних (даже мирян), распалившись, осыпал его бранью. Иоанн же, подавив гнев, в таких случаях молча опускался на колени перед ним. Однажды во время подобной ссоры, когда Фридрих, устав от крика, на мгновение замолчал, Иоанн встал и, дотронувшись до колонны, сказал, что Фридрих может ее поносить, сколько ему заблагорассудится, а сам удалился с достоинством. Через некоторое время Фридрих разыскал Иоанна и сам бросился на колени перед ним: «Ты уничтожаешь меня! – воскликнул он. Твое терпение убивает меня». «Ну нет, – отвечал Иоанн, – это ваша горячность (*animositas*) убивает вас». На сем их противоречия закончились (гл.74).

Кроме смирения и самоуничижения эта сцена свидетельствует и о душевной твердости Иоанна, его убежденности в моральном превосходстве, словом, о *fortitudo* (силе, твердости) – втором после аскетизма важнейшем качестве его личности, которое проявлялось при самых разных обстоятельствах, от сознательного пути «наверх» до приверженности аскетической дисциплине или борьбы с «ужасами смерти».

Тончайшая духовность прекрасно сочетается в характере Иоанна с житейской практичностью, граничащей с хитростью (*astutia*).

Хитрый святой – добродетель для житийного жанра необычная. Но в житиях X века она часто упоминается в топосах *astutia* (хитрость), *serpentina sagacitas* (змеиная мудрость), *pia fraus* (благочестивый обман), которые в этот период быстро превратились в расхожие. Если изначально эпитет «змеиный» носил явно дьявольский оттенок, ибо именно дьявол в образе змея хитростью подверг Еву и Адама искушению, повлекшему за собой их изгнание из рая, а хитрость в средневековой системе представлений – признак Антихриста, уловки Сатаны, то в контексте агиографии X века «змеиная мудрость» (*serpentina sagacitas*) толкуется как благоразумие (оно же хитрость – *astutia, calliditas*) христианина перед лицом хитрости дьявольской (*astutia diabolica*). Таким образом, само искусство (дьявольской) хитрости, против которой, строго говоря, и направлена «змеиная мудрость» святых, может сослужить хорошую службу и христианину. Хитрость в отдельных случаях становится важным и полезным, даже решающим средством для реализации святости и благих целей святого, если обстоятельства требуют прибегнуть к «благочестивому обману» (*pia fraus*).

У Иоанна Горцского хитрость (в этом, библейском смысле слова) превращается едва ли не в основу его карьеры. В житии он назван *callidus omnium explorator* – «хитрый исследователь всего» (гл.101), что, как мы видели выше, многократно подтверждается текстом жития. Кроме того, хитрость (*astutia*) помогала ему найти правильный тон в общении. С одной стороны, как пишет автор жития, ложь и притворство выводили его из себя, «и тут голос его звучал громоподобно», а лесть, эта «болезнь, от которой страдает большинство из нас», была особенно ему ненавистна. Но, с другой стороны, руководя хозяйством такого большого монастыря и будучи вынужденным постоянно заключать сделки, вести переговоры с сильными мира сего, Иоанн, выбирая между лестью и твердой решимостью говорить необходимую правду, благодаря «хитрости» всегда умел найти правильный тон и необходимые слова (гл.79).

Сила воли (*fortitudo animae*) и хитрость (*astutia* или *serpentina sagacitas*) Иоанна часто проявлялись в том, как он отстаивал интересы монастыря во вполне житейских ситуациях, в частности, в длительном конфликте с метцским епископом Адальбероном²⁷.

По мере того, как Горц богател и разрастался, зависимость его от местной церкви становилась все слабее. Не удивительно поэтому, что прежнее желание епископа Адальберона способствовать процветанию обители со временем охладело, он все более ущемляет «свободы» монахов, так что братия уже подумывает о переселении в Трир. Когда же при попустительстве епископа (если не с его благословения) соседи отчуждают у монастыря существенную часть его земельных владений, Иоанн сам отправляется к епископу. Первая после нескольких лет, прошедших со времени образования новой общины в Горце, встреча Иоанна с Адальбероном – молчаливое объявление войны. Оба знают, как обстоят дела, но усердно избегают затрагивать болезную тему. Адальберон скрывает свое волнение – опускает или отводит глаза. Скрывая раздражение, Иоанн удаляется, чувствуя, что епископ не отступит от своей политики, и на его поддержку рассчитывать не придется. Здесь он

²⁷ Здесь следует пояснить, что в Раннее Средневековье епископ был духовной главой определенной территории (диоцеза). Но, одновременно, он был еще и землевладельцем с судебными правами (на территории, как правило, не совпадающей полностью с границами диоцеза), и в этой сфере его частные интересы часто пересекались с интересами монастырей как хозяйственных единиц и субъектов права, что порождало бесконечные конфликты и обуславливало борьбу монастырей за свою независимость от светской юрисдикции епископа. – См. *Kaiser R. Bischofsherrschaft zwischen Königtum und Fürstenmacht : Studien zur bischöflichen Stadtherrschaft im westfränkisch-französischen Reich im frühen und hohen Mittelalter*. Bonn, 1981.

вновь демонстрирует сильную волю (*fortitudo*), когда самостоятельно добивается возврата потерянных вилл и с тех пор еще более усердно печется о благе обители, не упуская случая обогатить ее, но не допуская при этом никакого беззакония ни со своей стороны, ни в отношении к себе (гл.95-102).

Отдельные черты характера Иоанна и его манеры поведения, строго говоря, не имеющие прямого отношения к традиционным и общеупотребительным топосам святости, показаны в житии особенно ярко: острый живой ум, удивительная память – *vivax ingenium, vivacitas ingenii, facilitas ingenii, prudentia sagacis ingenii* (гл.12-13). Он, к примеру, был необычайно силен физически и способен, несмотря на строжайший пост и изнурительные духовные упражнения, вести активный образ жизни и быть не просто деятельнейшим «экономом», но и неутомимым работником (гл.9)²⁸.

Индивидуальность Иоанна Горцского постоянно просматривается в мелких деталях, оговорках описания, во взаимоотношениях с людьми, чей жизненный путь пересекался с жизненным путем святого – везде проявляются характерные черты его личности. Так, главы, повествующие о посольстве в Кордову свидетельствуют, что Иоанн был прекрасным оратором, но с трудом выражал свои мысли письменно, так что ему потребовался секретарь (гл.125). В монастыре он, напротив, был известен как великий молчальник, что, впрочем, соответствовало его аскетическим устремлениям (гл.79; ср.: «Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и свое тело» (Иак 3 2)). Постоянная жизненная активность, практическая предприимчивость, умение находить выход из любого положения уживались в нем, повторю еще раз, со строжайшей внутренней дисциплиной, тончайшей духовностью и душевной твердостью и осторожностью к себе и другим (*fortitudo, robur animi virilis*), почитающимися рядом исследователей едва ли не основными чертами характера Иоанна Горцского, полностью соответствующими идеалу реформированного монашества²⁹.

VI

Если рассматривать биографию как текст, показывающий человека в его бытии и объясняющий его деяния и их мотивы обстоятельствами его жизни, помещая при этом изображаемое в культур-

²⁸ Строго говоря, в X в. физическая сила, мужество, острый ум в практических делах становятся характеристиками актуального типа святости, но по сравнению с предшествующей агиографической традицией эти качества выглядят еще «новыми».

²⁹ Auerbach E. Literatursprache und Publikum. S.123.

ный контекст эпохи, то «Житие св. Иоанна Горцского», позволю себе утверждать, вполне можно считать биографией. По крайней мере, – биографией духовной. Житийная литература, повторю еще раз, требует дифференцированного подхода, и было бы неосмотрительным сразу объявлять все в ней «типическим» или отрицать восприятие автором описываемого им святого как самостоятельной личности, индивида, равно как и его желание отразить в своем герое нечто, пусть выходящее за рамки житийного канона, но ему самому кажущееся достойным упоминания. О том же, что достойно быть упомянутым в «Житии св. Иоанна», агиограф сообщает (как это часто бывает) уже в прологе.

Пролог к «Житию св. Иоанна, аббата Горцского» начинается несколько необычно – с описания сцены смерти святого. Иоанн умирал тяжело и долго, а его собратья – монахи и клирики из самого Горца и окрестных монастырей – собрались у смертного ложа и терпеливо ждали, не случится ли чего-нибудь особенного, не даст ли Господь какого-нибудь чудесного знака, неоспоримо свидетельствующего о святости умирающего³⁰. Однако ничего необычного не произошло, и присутствующие, поразмыслив, решили, что

«жизнь человека оценивается не по каким-то знакам, а по свершенным им деяниям и его характеру» (*in virtute meritum et morum*).

И далее автор – метцский аббат Иоанн, будучи не в силах подавить внутреннее стремление прославить почившего друга и убедить читателя в его святости, рассказывает об этих деяниях и характере, о том, какова была вся «необыкновенная» жизнь св. Иоанна Горцского. Как мы видели выше, в ней не нашлось места для чудесного. Иоанн не только не вершил чудес (*signa et miracula*) при жизни, но и не обладал даже столь часто приписываемым святым даром провидения и познания скрытого в чужой душе.

Вопрос о функциях мотива сверхъестественного в житиях имеет две стороны – «внешнюю» и «внутреннюю». С одной стороны, как известно, характерный признак агиографических текстов – в их моральной и литературной стереотипности, так что комбинация «достоинств» и «чудес» (*virtutes* и *miracula*) восходит к формальному применению конвенциональных элементов текста для создания идеального образа. Именно чудо делает святого святым в глазах других, а в массовом сознании, как мне не раз уже приходилось писать³¹,

³⁰ К таким знакам относится наиболее часто встречающийся в житиях топос о сиянии, исходящем от святого в момент смерти.

³¹ Арнаутова Ю.Е. Чудесные исцеления святыми и "народная религиозность" в Средние века // Одиссей. Человек в истории – 1995. М., Наука, 1995. С.151-169. (С.154 и сл.).

вообще превращается в «мерило» святости: чем больше чудес творит святой, тем он «святее».

Но, с другой стороны, топосы о чудесах – это не только дань средневековой «жажде чуда», а знак внутреннего совершенства человека. Теологически способность творить чудеса – обладать Божьей благодатью – должна быть заслуженной. На это направлен весь земной путь святого, тщательным «упражнением» (воздержанием, молитвой, милосердием и проч.) добывающегося, чтобы на него снизошел Дух Святой. Таким образом, присутствие Святого Духа имеет двойной «эффект воздействия», благотворный как для самого святого, так и для других верующих, которым он помогает³².

Для людей, в теологии неискушенных, чудо и есть первейшее доказательство святости, тогда как с точки зрения образованного клира святость проявляется, прежде всего, в добродетельной жизни и только подтверждается чудесами³³. По моему глубокому убеждению, сознательный отказ от изображения чудес – разрыв с традицией – должен означать определенную позицию агиографа. Подобно тому, как свойственная сознанию современного человека тесная ассоциативная связь житий святых и творимых ими чудес, постоянное акцентирование темы сверхъестественного, препятствуют нам видеть в героях агиографических текстов живых людей, так, может быть, препятствовали они и средневековому человеку – «среднестатистическому» автору или читателю.

Не следует ли из этого, что отказ от изображения божественных знаков, делающих святость героя жития явной для окружающих, «додумывание» которых для средневековых агиографов было своего рода актом благочестия³⁴, направлен на то, чтобы привлечь внимание к личности святого, поразмышлять о том, как человек стано-

³² Поскольку степень обладания Божьей благодатью зависит от глубины религиозного чувства и степени аскезы, всякий аскет должен бояться, что он не достоин того, чтобы Бог посылал чудесные знамения своего присутствия и участия через него. Тема скромности святого (т.е. нежелание творить чудеса) становится топосом житийной литературы.

³³ Добродетели и чудотворство можно понимать как разные взаимодополняющие аспекты литературного портрета святого, в котором сочетаются как *virtutes*, так и *miracula*, отвечающие ожиданиям разных слоев общества. С литературной точки зрения, удачно сочетать в литературном портрете обе стороны святости агиографам удается благодаря многозначности понятия *virtus* в житиях, которым обозначаются как нравственные достоинства святого, так и чудотворная сила и само чудо. – *Certeau M. de. L'écriture de l'histoire. Paris, 1975. P.282.*

³⁴ *Steinen W.v.d. Heilige als Hagiographen. Historische Zeitschrift. Bd.143. 1931. S.255; Schreiner K. Zum Wahrheitsverständnis im Heiligen-und Reliquienwesen des Mittelalters // Saeculum. Bd.17. 1966. S.133.*

вится святым? Как – порою в сомнениях, отчаянии, надеждах – находит он дорогу к Богу через все превратности или соблазны своего земного бытия, как он находит собственный путь между любовью к жизни (топос *hilaritas*) и необходимой святому «тоской по смерти» (топос *castigatio*). При всей «типичности» этого пути к святости он у каждого свой, и довольно часто человеку нужен какой-то внешний толчок, потрясающее всю жизнь событие (подобное встрече Иоанна с Гайзой), чтобы изменилась направленность всех помыслов, и здесь в «типическом» возможно рассмотреть «индивидуальное». Если исключить чудеса и вмешательство сверхъестественных сил, то основным моментом святости будет последовательное нравственное совершенствование, борьба с самим собой. В умонастроениях X века это особенно хорошо видно в связи с распространением идей аскезы и следования идеалам первых христианских общин.

В житиях, подобных «Житию св. Иоанна Горцского», святость открывается непривычным образом: не через чудеса и божественные знаки, а через поступки и их мотивацию, подробное (и вполне реалистическое) описание которых служит агиографу «доказательством» святости. Аналогичным способом «оправдывают» святость своих героев и другие современники метцского аббата Иоанна – второй клюнийский аббат Одон, автор жития святого графа Геральда Д'Аврильяка, или анонимный автор жития бургундского графа св. Гангульфа. Оба они включают в свои тексты пространные размышления о представлениях о святости и необходимости чудес для ее доказательства:

«Не следует по лености пренебречь и тем, что есть такие люди, для которых столь дороги знамения и чудеса, что они не доверяют Божьему решению, если только оно не доказано им явлением таковых, хотя Бог требует скорее *заслуг благой жизни*, нежели действия земных знамений, ведь и, согласно Евангелиям, по сравнению с благими заслугами, чудеса – ничто, потому что их часто совершают и злые. И сам Господь наставляет апостолов, чтобы они учились у него не знамениям и чудесам, но *образу жизни и смирению*, говоря, учитесь у меня образу жизни и смирению, тому, как я кроток и смирен сердцем, поэтому и о чудесах блаженнейшего Гангульфа, которые он совершил еще будучи в теле, мы ничего не смогли найти, *но он поэтому нисколько не должен считаться ниже прочих святых и мы не сомневаемся, что он был равен им верой и святостью...*»³⁵.

Отсутствие или сведение к минимуму элемента чудесного в житии – один из оригинальных признаков агиографии X века, характеризующий духовный климат этой эпохи. Агиографы использу-

³⁵ De sancto Gangulfo, martyre Varennis in Burgundia. Cap.14 // Acta Sanctorum / Ed. G.Henschenius, P.Paperbrochius. T.II (Mai). Paris, 1866. PP.641-647.

ют свои труды, высказывая идеи времени, в русле которых и происходит индивидуальная этическая оценка святости, обоснованной праведной жизнью и глубиной веры. Именно факт этической оценки святого, при сравнении его с другими святыми (т.е. с теми, кто творит чудеса), противоречит расхожему мнению о том, что схема и всеобъемлющая типизация в агиографии неизбежна при изображении святости и довлеет над всем повествованием.

Если в целом для агиографа составление «типичного литературного портрета» было скорее делом техники и заключалось в подборе определенных «украшающих эпитетов»-топосов (*epithetis ornantibus*), раскрытии определенных «тем» – типических мотивов, в основе которых лежит некий заранее созданный идеал, то в нашем случае, концентрируя внимание на сознательно выбранных им моментах из жизни святого или индивидуальных чертах его характера, агиограф пишет литературный портрет святого, исходя из собственной его оценки и в соответствии со своими (хотя в целом свойственными эпохе) представлениями о святости. Это ли не довод в пользу признания раннесредневековыми авторами индивидуальности своих героев?

В таком случае, типичные мотивы и топосы в житии – лишь «кирпичики» (взятые в разных пропорциях и сочетаниях), из которых строится общая конструкция произведения. Главное же в нем – постоянная тенденция к самостоятельной этической оценке автором своего героя, тенденция, которая далеко не всегда увенчивается созданием располагающего всеми «типичными признаками» идеального портрета святого. Наиболее полное выражение эта тенденция получила, конечно, в жизнеописаниях современных авторам святых. В этих жизнеописаниях, несмотря на соотносимость с необходимой схемой, даются подчас очень реалистические портреты, исполненные человеческого содержания и индивидуальных черт. Так, в «Житии св. Иоанна Горцского» перед нами предстает индивид, осознанно творивший свой жизненный путь, человек, который поднялся до весьма высокой ступени социальной иерархии и в глазах современников обрел святость – исключительно в силу своих личностных качеств.

Т.А.Павлова

Опыт духовной биографии: Джон Вулман

Биография является неременным компонентом исторического знания. О чем бы ни писал историк – об экономике, политике, идеологии, социальных отношениях, нравах и обычаях и т.п. – ему, так или иначе, приходится обращаться к биографиям как всемирно известных деятелей, полководцев, мыслителей, так и забытых и давно ушедших из исторической памяти людей. Свидетельством необходимости и актуальности биографического жанра служит тот факт, что до сих пор он остается самым читаемым широкими слоями публики, – как в нашей стране, так и во всем мире.

Биографический жанр поистине неисчерпаем. Вопросу о классификации и типологии биографий посвящено множество трудов¹. Исследователи выделяют научные биографии, научно-популярные, научно-художественные и романизированные. В разделе научных существует огромное разнообразие подразделов, в зависимости от того, какой герой стоит в центре внимания автора – политический ли он деятель, мыслитель, полководец или человек искусства. В XX веке получает распространение психобиография; она использует для анализа личности героя методы психологии и психоанализа. В то же время развивается социальная биография, для которой герой является своего рода окном в современный ему мир исторических реалий. В нашей стране в свое время даже было принято ставить в центр анализа не человеческую личность, а “его время” – историческую обстановку и социально-политические события, на фоне которых проходила жизнь героя.

В настоящей статье я остановлюсь на жанре *духовной биографии* – не только потому, что он является относительно новым для отечественной исторической науки, не подвергавшимся до сих пор изучению, но и по той причине, что освоение этого опыта пред-

¹ См.: Историческая биография. Сборник обзоров. М., 1990; Павлова Т.А. Историческая биографистика в СССР // Новая и новейшая история, №2, 1990; ее же. Психологическое и социальное в исторической биографии // Политическая история на пороге XXI века: традиции и новации. М., 1995. С.86-92. Проблемы биографического жанра подробно обсуждались на 13-м Международном конгрессе исторических наук в Москве в 1970 г. и на 17-м Международном конгрессе исторических наук в Мадриде в 1990 г. – 17th International Congress of Historical Sciences. Vol.I. Grands themes, methodology, sections chronologiques 1. Rapports et abreges. Madrid, 1990. P.209-225.

ставляется в наше время, в условиях растущей духовной свободы, особенно актуальным.

Что отличает духовную биографию от прочих биографических жанров? По всей видимости, то, что в центре внимания биографа стоит именно духовное развитие личности. Здесь следует оговориться, что в течение многих десятилетий слова «духовность» и «духовный» отождествлялись в нашем обиходе с понятиями культуры. Под духовным развитием понималось, помимо чтения художественной литературы, посещение театров, концертов и выставок, любовь к искусству и т.п. Поскольку религиозные искания личности находились под негласным запретом, а исторические религии объявлялись лишь формой, под которой скрывались определенные политические, экономические, социальные и другие материальные интересы, происходила подмена понятий.

Между тем духовность подразумевает нечто иное. В словаре В.Даля «духовный» определяется как «бесплотный, нетелесный, из одного духа и души состоящий; все относящееся к Богу, церкви, вере; все относимое к душе человека, все умственные и нравственные силы его, ум и воля»². Соответственно духовная биография имеет дело, прежде всего, с духовными исканиями героя, с его верой, устремлением к высшему началу, нравственными взлетами и падениями, преодолением в себе зла.

Духовную биографию следует отличать от интеллектуальной и психологической биографии, а также от агиографического жанра. Интеллектуальная биография изучает и показывает читателю, прежде всего, искания ума, интеллекта. Интеллектуальная биография – это чаще всего биография мыслителя, ученого, создателя новых философских или научных методов и систем. Психологическая биография при всей ее кажущейся близости к духовной биографии исследует все же психофизиологические и обусловленные социумом особенности личности, ее зависимость от воспитания, впечатлений детства и ранней юности, наличие «комплексов» и «подмен», вытеснение в подсознание скрытых желаний, стремлений, неудовлетворенности и т.п.

В отличие от этих видов научной биографии жанр жития имеет дело именно с духовными и нравственными исканиями человека, с его верой, волей к добру, нравственными подвигами, связью с миром высшей духовной реальности. Этот жанр, однако, в связи с его очевидной легендарностью не относится к науке; он может служить лишь вспомогательным подспорьем для исследователя.

² Даль В. Толковый словарь в четырех томах. Т.1. М., 1989. С.503.

Следует отметить, что элементы духовной биографии присущи всем упомянутым научным жанрам, даже политической биографии. Изучая исследовательскую деятельность ученого, – будь то, к примеру, И.Ньютон, А.Эйнштейн или Н.Бор, – биограф не сможет обойти вниманием духовное развитие своего героя. То же можно сказать и о биографиях великих полководцев прошлого, деятелей искусства, создателей экономических теорий или социальных утопий. Однако в этих случаях духовная жизнь героя предстает лишь в качестве вкраплений в описание его основной деятельности.

Собственно же духовная биография – довольно редкий и новый жанр исторической литературы, особенно отечественной. Можно говорить скорее о чертах духовной биографии в таких книгах, как «Лютер» А.Гульги, «Достоевский» Ю.Селезнева, «Рублев» В.Сергеева и некоторых других выпусках серии ЖЗЛ. Что касается академических изданий, то до недавних пор духовные биографии вообще не издавались³. Зарубежная академическая наука тоже не богата духовными биографиями. Из недавно изданных книг упомянем в качестве примера биографию Дж.Нейлера, написанную У.Биттлом, Мэри Дайер (автор – Рут Плимpton) и фундаментальное жизнеописание Дж.Фокса, созданное Л.Инглом⁴. Нетрудно заметить, что все упомянутые биографии посвящены жизнеописанию религиозных искателей и проповедников. Именно такие искатели в сфере духа и веры служат объектом духовной биографии.

Трудность создания духовной биографии заключается в том, что автор должен проникнуть во внутреннюю, сокровенную жизнь героя, исследовать тонкие движения его души, религиозные искания и пути духовного развития, что не всегда запечатлевается документально. Соответственно источниками духовной биографии служат, прежде всего, «исповедальные» памятники литературы – исповеди, автобиографии, дневники, письма, а для мыслителей и поэтов – их творчество, поэтическое и прозаическое.

В настоящей статье читателю предлагается опыт краткой духовной биографии известного американского квакера, сторонника социальной справедливости, отмены рабства негров и миротворца

³ В качестве примера духовной биографии можно назвать первую часть книги иеромонаха Софрония «Жизнь и учения старца Силуана». Это жизнеописание сочетает в себе твердую опору на источники, прежде всего писания и высказывания св. Силуана, ясность мысли и стройность изложения (Старец Силуан. Эссекс, Великобритания, 1990. Изд. 2-е. М., 1994).

⁴ *Bittle W.G.* James Nayler, 1618-1660. The Quaker Indicted by Parliament. York, England, Richmond, IN, USA. 1986; *Plimpton R.* Mary Dyer. Biography of a Rebel Quaker. Boston, 1994; *Ingle L.H.* First Among Friends. George Fox and the Creation of Quakerism. N.Y.; Oxford, 1994.

Джона Вулмана (1720-1772). Источниками служили, прежде всего, «Дневник» Джона Вулмана, а также главные его произведения, опубликованные при жизни: «Некоторые соображения об обращении с неграми», «Ходатайство о бедных» и ряд других, увидевших свет после его смерти⁵.

«Дневник» Вулман начал писать, когда ему исполнилось 36 лет. Таким образом, первая часть «Дневника», до 1756 г., представляет собой автобиографию. Впоследствии он до самой смерти вносил туда новые записи. «Дневник» – это, прежде всего, памятник духовной литературы, отражающий внутреннюю жизнь его автора, нравственные размышления и поиски Бога. Мысли и образы для него Вулман черпал из Библии, о чем свидетельствует частое цитирование как Ветхого Завета, так и Евангелия, дневников других квакерских мыслителей и проповедников и классических произведений квакерской литературы, вроде эссе и трактатов У.Пенна, «Апологии» Р.Баркли, истории квакеров У.Сьюэла и др.⁶ Впрочем, Вулман читал не только квакерскую литературу: он знал произведения немецкого мистика XVII века Якоба Беме, весьма популярного среди квакеров; книги английских пуритан; знаменитый памятник средневековой католической литературы «Подражание Христу», приписываемый Фоме Кемпийскому. Уже один этот перечень свидетельствует о широте его взглядов и изрядной начитанности.

Как отмечают исследователи, главная черта, присущая «Дневнику», – глубокий спиритуализм, постоянное ощущение присутствия Бога в повседневной жизни, по временам, наоборот, острое чувство богооставленности, а также стремление общаться с божественными силами, испрашивать у них совета, просить помощи и поддержки. Именно эта черта заставляет сравнивать его то с Франциском Ассизским, то с Альбертом Швейцером. «Дневником» восхищались британский поэт С.Т.Кольридж и американский философ Р.У.Эмерсон. Филологи ставят его в один ряд с такими классическими произведениями духовной литературы, как «Автобиография» Б.Франклина, «Уолден, или жизнь в лесу» Г.Д.Торо, поэзией У.Уитмена.

В краткой статье мне не удастся, конечно, представить духовную биографию Вулмана во всей ее полноте. С ней читатель может

⁵ Все они опубликованы в книге: *The Journal and Major Essays of John Woolman* / Ed. by Phillips P. Moulton. N.Y., 1971. Русский перевод: Вулман Дж. Дневник. Ходатайство о бедных. М., 1995.

⁶ *Penn W. No Cross, No Crown. L., 1725; Barclay R. An Apology for the True Christian Divinity. Birmingham, 1765; Sewel W. History of the Rise, Increase and Progress of the Christian People Called Quakers. Vol. I-II. L., 1722.*

познакомиться, если прочтет его «Дневник», изданный на русском языке. Стараясь не отходить от традиционного хронологического метода жизнеописания, я сосредоточу свое внимание сначала на детских впечатлениях и юношеских исканиях героя, а затем на тех проблемах, которые волновали его в течение всей его жизни и были неразрывно связаны с его духовным развитием.

Американское общество Друзей (квакеров) в XVIII в. представляло собой известную, хорошо сложившуюся конфессию со своими религиозными принципами, обычаями, традициями, структурой и домами для богослужений. Квакеры пользовались уважением и влиянием в ряде штатов, особенно в Пенсильвании, Мэриленде, Вирджинии, Нью-Джерси, Массачусетсе. Честность, бережливость и трудолюбие привели многих из них к материальному достатку; ему способствовала также традиция взаимопомощи и сплоченности, отличавшая квакеров с самого начала их существования, и возведенная в особый принцип простота и скромность в быту. Помимо домов для молитвенных встреч, они создали свои школы, библиотеки, торговые и промышленные предприятия. Квакеры предпочитали брать жен и выходить замуж внутри своего сообщества, отдавать детей в обучение только в квакерские школы и т.п., что придавало им некоторую сектантскую замкнутость.

Религиозный энтузиазм первых десятилетий существования квакерства к этому времени уже несколько угас; но квакеры по-прежнему сохраняли преданность своей вере в то, что «нечто от Бога», «внутренний свет Христа» присутствует в каждом человеке независимо от его нации, расы, пола, возраста, социального положения и убеждений. Они отрицали институт священства и ритуалы традиционных христианских церквей, но каждое воскресенье, которое называли, как и остальные дни, порядковым номером («первый день недели», дабы не употреблять языческих названий), Друзья собирались на свое богослужение в доме молитвенных встреч.

Служба проходила в молчании. Тот, кто чувствовал в себе «голос Духа», мог встать и сказать несколько слов в поучение или назидание. Обычно некоторые из членов конгрегации выступали с такого рода краткими проповедями чаще других, чувствуя к этому способность и призвание, и тогда их называли «служителями» (*ministers*). Собрание признавало заслуги наиболее одаренных и благочестивых «служителей» и записывало их имена в своих протоколах. Такие служители обычно посещали собрания Друзей в округе, в других штатах или даже в заморской Англии и участвова-

ли в их молитвенной жизни. Помимо собраний для богослужения, квакеры регулярно проводили «деловые собрания», ежеквартальные и ежегодные съезды и «собрания по дисциплине», где рассматривалось поведение членов конгрегации. Когда кто-то из Друзей чувствовал внутреннее побуждение навестить единоверцев в других частях колоний, обычай требовал, чтобы он испросил разрешения и благословения у своего собрания; в случае согласия Друзей он получал специальный «сертификат», рекомендующий его Друзьям из других собраний как «странствующего служителя».

Джон Вулман родился в 1720 г. в квакерской семье среднего достатка в городке Норхэмптоне, неподалеку от Филадельфии (графство Берлингтон, Нью-Джерси). Отец его был землевладельцем, садоводом и нотариусом, знакомым со многими видными предпринимателями в Филадельфии и ее округе. В семье росло тринадцать детей; Джон был четвертым. Он рано научился читать, и в возрасте четырех лет начал посещать сельскую школу, где проучился, как водилось в те времена, полных десять лет. Чтение стало его любимым занятием. Он описывает, как однажды в субботу, идя из школы, покинул играющих товарищей, прошел вперед, сел у дороги и открыл «Откровение» св. Иоанна. То, что он прочел там, наполнило его невыразимой радостью и надеждой. «Еще до того, как мне исполнилось семь лет, — пишет он, — я начал ощущать воздействие божественной любви»⁷.

Семейная библиотека и собрания книг в домах у друзей пополняли его образование. В доме царила благочестивая квакерская атмосфера: ценились скромность, правдивость, любовь и почтение к родителям, взаимовыручка. Каждое воскресенье, вернувшись домой после богослужения, дети по просьбе родителей вслух по очереди читали Библию и другие религиозные книги.

Джон рос очень впечатлительным ребенком и часто видел необыкновенные сны, которые потом помнил всю жизнь. В ранние школьные годы с ним произошло одно событие, которое оказало на него немалое влияние. Однажды он наблюдал за малиновкой, порхавшей возле своего гнезда, и кидал в нее камешки, «пока не попал, и она упала замертво». Тогда мальчик ужаснулся, подумав, что «ради спорта убил невинное создание в тот момент, когда она пеклась о своих малышках». После мучительных размышлений он влез на дерево, разыскал гнездо с птенцами и убил их всех, решив, что они все равно погибнут мучительной смертью, лишившись матери. «Сердце же нечестивых жестоко», вспомнил он библейское

⁷ Вулман Дж. Дневник. М., 1995. С.29.

речение (Притчи 12.10), и в течение нескольких часов не мог думать ни о чем, только о той жестокости, которую он совершил⁸. После этого случая Вулман на всю жизнь возненавидел насилие и сознательно старался проявлять милосердие ко всем людям. Когда ему случалось чувствовать себя неправым, он мучился угрызениями совести, уходил к себе и молился.

Искушения не обошли его стороной. Он вспоминал, как лет шестнадцати связался с дурной компанией «молодых распутников», проводивших дни в праздных увеселениях. Это рождало серьезный внутренний конфликт: привитая дома склонность к благочестию и духовной дисциплине не соответствовала разнузданному и циничному поведению молодых повес. Он переходил от суетных забав к покаянию, а затем опять предавался пустым удовольствиям и чувствовал, что приближается к бездне. Сам он остановиться не мог, но внезапная тяжелая болезнь, которую он воспринял как Божию волю, надолго приковала его к постели. «И тогда тьма, ужас и смятение с полной силой охватили меня, – пишет он... – Я был полон смущения, и в великой скорби души и тела лежал и оплакивал себя». Наконец, к нему пришло раскаяние, и он обещал Богу, «если Ему будет угодно возвратить мне здоровье, впредь смиренно ходить перед ним»⁹.

Однако спустя некоторое время после выздоровления он предается прежним забавам, «учиняет веселые проделки» и испытывает подчас жестокие угрызения совести. Так продолжается до восемнадцати лет, когда Вулман, наконец, «почувствовал суд Божий» в своей душе, «подобный всепожирающему пламени». Он впал в беспокойство и уныние, стал искать уединенных мест и горячо молился Богу, прося Его помощи. После долгой внутренней борьбы он решает отойти от веселой компании, начинает усиленно посещать квакерские богослужения, читает Писание. У него складывается «убеждение, что истинная религия состоит во внутренней жизни, когда сердце любит и почитает Бога Творца и учится проявлять подлинную справедливость и доброту, не только ко всем людям, но также и к животным тварям»¹⁰.

Все это время Вулман жил дома со своими родителями и работал на их плантации. Когда ему исполнился 21 год, один знакомый из соседнего городка Маунт Холли пригласил его работать в его лавке и вести конторские книги. Посоветовавшись с родителями, Джон согласился и переехал в Маунт Холли. Самостоятельная жизнь пугала его, и он, по собственным словам, «часто и пылко взывал в своем

⁸ Там же. С.31.

⁹ Там же. С.33-34.

¹⁰ Там же. С.36.

сердце к Богу, Отцу милосердия, чтобы Он охранил его от всякого изъяна и порчи"¹¹. Прежние приятели, узнав, что он живет один, явились к нему и приглашали принять участие в их погоне за развлечениями; но молитва помогла Вулману, и он твердо отказался.

Он стал регулярно посещать воскресные собрания для богослужения; однажды, чувствуя в себе «сильное воздействие духа», он встал и начал говорить, но говорил дольше, чем было принято. После этого, почувствовав свою ошибку, он несколько недель «страдал душевно без всякого просвета и утешения», и только горячая, долгая молитва принесла ему мир. После этого случая Вулман стал часто говорить на молитвенных собраниях, и в 23 года уже числился «служителем».

В это же время он, как сообщает его дневник, получил много новых божественных откровений и окончательно утвердился на стезе добродетели. Так, «в праздники, именуемые Рождеством»¹² он испытывал большое огорчение, видя, как люди напиваются и шумят в пивных; иногда дело доходило до беспорядков. Он решил поговорить с хозяином пивной, но перед этим долго читал Библию и молился, прося у Бога поддержки и вразумления. Наконец, он решился, пошел в пивную, подошел к хозяину, отвел его в сторону и высказал ему то, что было у него на душе. Тот выслушал с большим вниманием и после того выказывал Вулману уважение.

Другая трудность, с которой Вулман встретился в эти годы, — купля-продажа рабов. Работая в лавке, он должен был выписывать чеки на продажу негров-рабов, которых держали и квакеры. Но каждый раз он чувствовал угрызения совести, так как видел в неграх своих «братьев и сестер по творению». Он пытался говорить с теми, кто покупает рабов, и в частной беседе они соглашались с ним в том, что это дело противоречит христианской вере.

Между тем торговля его шла успешно, и через некоторое время Вулман открыл собственный магазин, который приносил ему все больший доход. Дело расширялось, хозяин богател. Но ни богатство, ни успех в деле не радовали его. Они требовали массу времени и усилий, отрывая его от драгоценного чтения, созерцания и молитв. Царство Небесное занимало его гораздо больше, чем земные успехи. И Вулман сознательно сокращает свое дело и урезает доходы, чтобы они не мешали его духовному росту. «Расши-

¹¹ Там же, с. 38.

¹² Ранние квакеры не праздновали Рождество так, как это было принято в других христианских церквах. Они считали, что Христос рождается в душе верующего каждый день, и потому каждый день года может называться рождеством.

рение дела, – писал он, – стало для меня бременем, ибо, хотя мои естественные склонности привлекали меня к торговле, все же я верил, что Истина требует от меня жизни в большей свободе от этих затруднений»¹³. Он обучился ремеслу портного, начал шить одежду и, наконец, совсем оставил торговлю. Свой бюджет он пополнял время от времени, составляя завещания и другие официальные бумаги или обучая детей. Любимым досугом для него стал уход за фруктовым садом. Такие занятия позволяли ему жить без спешки, просто и скромно, следуя духовному призванию.

В возрасте 29 лет он, испросив предварительно совета у Бога, женился на «благодарной девице» из квакерской семьи Сэйре Эллис, с которой был знаком задолго до свадьбы. У них родилось двое детей, один из которых умер во младенчестве. Друзья из молитвенного собрания, которое посещал Вулман, свидетельствовали, что он был «любящим мужем и нежным отцом». Об этом говорят и страницы его дневника.

Важное место в жизни Вулмана занимали путешествия (обычно в сопровождении кого-либо из Друзей) с целью посетить другие квакерские общины, поучиться у них, разделить их жизнь и поделиться своим духовным опытом. В течение жизни Вулман проделал около тридцати таких странствий. Описание их занимает значительную часть дневника и как нельзя лучше раскрывает внутренний мир его автора. Путешествия и встречи со множеством людей в разных частях колоний давали ему широту кругозора, знания и богатую пищу для размышлений.

Одной из особенностей мировоззрения квакеров являлось неразрывное слияние духовного и социального. Вся жизнь для них представлялась служением Богу, а значит – и ближнему. Духовное созерцание не отрывалось от повседневности, а органически входило в нее. Каждый шаг, каждый поступок должны были соотноситься с волей Провидения, выраженной в речениях ветхозаветных пророков, в евангельском учении, а также в писаниях ранних Друзей. На этой духовной основе зиждилось обостренное нравственное чувство Вулмана. Истина и Добро для него неразделимы. Дурные обычаи, против которых он ополчался, являлись, как он полагал, таковыми именно потому, что не имели основанием чистую Истину христианского учения. Несокрушимая вера в Божий промысел приводила его к убеждению, что миром правит нравственный закон как высшая справедливость и что зло, так или иначе, получит должное воздаяние. Во всех своих поступках он, прежде всего, ру-

¹³ Вулман Дж. Дневник. С.69.

ководствовался убеждением, что человек должен творить добро и поступать по справедливости, чего бы это ему ни стоило.

Этот нравственный императив порождал в нем глубокую озабоченность состоянием общества. Дневник Вулмана, его письма, послания от ежегодных квакерских собраний и эссе ясно показывают, что более всего его волновали три проблемы: расовые взаимоотношения, нищета среди изобилия и роскоши, войны и насилие.

О том, насколько сильно был озабочен Вулман проблемой рабства негров, свидетельствуют многие страницы его дневника, трактат в двух частях, а также многочисленные письма и выступления. Из дневника мы узнаем, что в 1746 г. Вулман с одним из Друзей в течение трех месяцев путешествовал по Вирджинии, Мэриленду и Северной Каролине, посещая местных квакеров и их собрания. В этих провинциях рабство и работорговля имели более жестокие формы, чем в Пенсильвании и Нью-Джерси. И почти повсюду он чувствовал себя затруднительно, ибо люди, которые его принимали, жили за счет труда черных рабов. Там, где хозяева «жили на широкую ногу и налажали тяжкое бремя на плечи рабов, — пишет он, — мои чувства бывали очень сильны, и я часто имел удивительные беседы с ними об этих делах». Его беспокоило также «ремесло ввоза их из родной страны», то есть работорговля. Пророчески звучат следующие слова Вулмана:

«И я наблюдал в этих южных провинциях так много пороков и разложения, усиленных этим ремеслом, и такой образ жизни, что мне привиделось, будто черная мрачная тень висит над этой землей; и хотя ныне многие добровольно спешат туда, последствия для потомства будут весьма плачевны!»¹⁴

Вскоре после возвращения из этого путешествия Вулман написал трактат «Некоторые соображения о содержании негров», но представил его на рассмотрение квакерского Комитета по публикациям при Ежегодном собрании только в 1753 г., согласно воле своего отца, который умер тремя годами раньше. В следующем году трактат с одобрения Комитета был опубликован. Вторая часть трактата была закончена в 1761, а опубликована в 1762 г.¹⁵

Чувствительную натуру Вулмана глубоко ранило бесправное и нищенское положение черных рабов, страдавших физически и нравственно от тяжелой работы и униженного положения. Хотя он признавал, что в некоторых домах с рабами обращаются милосердно, это было скорее исключением, чем правилом. Не менее

¹⁴ Там же, с. 49, 50.

¹⁵ *Woolman J. Some Considerations on the keeping of Negroes. Pt. I-II // The Journal and Major Essays. P. 198-237.*

заботило Вулмана равнодушное благоденствие самих угнетателей: он полагал, что жестокость по отношению к рабам, к которой люди привыкают с детства, является серьезной угрозой для нравственного состояния их души, делает их жестокими и черствыми, закрывает им путь к истине, любви и божественной благодати. Наконец, Вулмана заботила и самоуспокоенность «Общества Друзей» как ветви христианской церкви, уже по этой причине обязанного проявлять милосердие к угнетенным и обиженным.

Постепенно Вулман пришел к мысли о необходимости отмены рабства вообще. А в качестве метода борьбы с этим злом он избрал – в соответствии с верой и практикой Друзей – путь индивидуальной работы с теми, кто имел рабов. Терпеливо и уважительно в течение всей своей сознательной жизни он вел нелегкие разговоры с рабовладельцами, убеждая их отпустить рабов на свободу хотя бы по достижении теми возраста 30 лет. В Ньюпорте (Род Айленд) он созвал на собрание самых видных квакеров-рабовладельцев и после молитвы обсуждал с ними пагубные последствия работорговли и владения рабами.

Он изобрел и другой метод убеждения. Путешествующие Друзья по традиции останавливались в домах братьев по вере, ничего не платя им за ночлег и пищу. Вулман же, останавливаясь в домах рабовладельцев, настаивал на том, чтобы вносить плату за их гостеприимство, ибо богатство и благополучие тех домов, где он жил, основывались на тяжком труде рабов. Если хозяин не хотел брать деньги, Вулман просил разрешения раздать деньги неграм, обслуживавшим хозяйство¹⁶.

В 1754 г. Вулман составил «Послание от имени Ежегодного собрания Филадельфии, направленное против рабства». Через 11 лет после первого своего путешествия в Мэриленд, Вирджинию и Северную Каролину, в 1757 г. он едет туда опять, и после возвращения пишет послание к Друзьям Северной Каролины, где убеждает их: «Там, где рабы покупаются для того, чтобы выполнять наш труд, это сопряжено с многочисленными трудностями. Для разумных созданий оковы нележки и часто приводят к горечи и протесту, что действует на семью и тех, кто считает себя их хозяином...» Тем же, кто не держит рабов, он пишет: «С нежной и преданнейшей любовью я умоляю вас теперь воздерживаться от их покупки. Воззрите, мои дорогие Друзья, на Божественное Провидение и в про-

¹⁶ Вулман Дж. Дневник, с. 60-61.

стоте следуйте тем телесным занятиям, той неприхотливости и бережливости, к которым ведет истинная мудрость»¹⁷.

Публикация трактата «Некоторые соображения о содержании негров» и этих посланий имела серьезные последствия. Отношение к проблеме рабства негров среди многих членов «Общества Друзей» как в Американских колониях, так и в Англии, постепенно менялось. Отчасти под влиянием этих документов Лондонское Ежегодное собрание в 1758 г. осудило работорговлю. В сентябре того же года Ежегодное собрание Филадельфии в своем протоколе убеждало Друзей освободить своих рабов и заявляло, что любой член «Общества», купивший или продавший раба, отстраняется от участия в делах конгрегации. Вторая часть «Некоторых соображений о содержании негров» широко распространилась среди квакерских общин по всему континенту и привела к широкому движению против рабства. В результате в 1776 г., спустя четыре года после смерти Вулмана, Ежегодное собрание Филадельфии наложило запрет на рабовладение для членов Общества Друзей.

Говоря об антирасистских убеждениях Вулмана, следует упомянуть о его добром, уважительном и сочувственном отношении к индейцам, которое особенно проявилось во время его путешествия в 1763 г. в глубинные области Пенсильвании, в район Вайалусинга. Путешествие это представлялось весьма опасным, так как стычки с местными племенами индейцев носили кровавый и жестокий характер. Ночью накануне отъезда Вулман был извещен, что именно в этом районе индейцы захватили английский форт, убили и скальпировали нескольких англичан.

«Когда я рассказал все моей дорогой жене, она казалась глубоко озабоченной, но спустя несколько часов дух мой утвердился в вере, что мой долг – совершить это путешествие, и она перенесла это с большой долей смирения. В этом духовном споре сердце мое напряженно искало правды, и я усердно взывал к Господу, прося Его, чтобы ничто другое не повлияло на мое решение – только чистый дух Истины»¹⁸.

Решившись, Вулман с одним из Друзей углубился в дремучие в те времена леса Пенсильвании. Область обитания белых закончилась, и им все чаще стали попадаться на пути индейцы, торговавшие кожей и мехами. Разговорившись с одним из них, Вулман

«понял, что многие белые часто продают ром индейцам», и это является величайшим злом. «Во-первых, они тем самым лишаются способности пользоваться своим разумом, а дух их приходит в сильное возбуждение, часто возникают ссоры, которые оканчиваются бедой... Кроме того, их кожи и меха, добытые ценой огромной усталости и дол-

¹⁷ Там же, с.92.

¹⁸ Там же, с.170.

гой охоты... когда они отравлены ромом, часто продаются по более низкой цене, чтобы купить еще рома; и после того, страдая от отсутствия самого необходимого для жизни, они часто бывают очень злы на тех, кто ради выгоды использует их слабость»¹⁹.

Проникнув, таким образом, в психологию индейцев и ощутив жалось и сочувствие к ним, Вулман вместе со своим другом движется дальше. Они ночуют в лесу, подвергаются многим лишениям и опасностям. Сидя в палатке под проливным дождем, Вулман размышляет о причинах, побудивших его поехать к индейцам.

«Любовь была первым побуждением, а затем появилось стремление провести какое-то время с индейцами, чтобы я мог почувствовать и понять их жизнь и дух, в котором они живут, если я по случаю получу от них какой-нибудь урок или смогу в какой-то мере помочь им, следуя среди них водительству Истины»²⁰.

Добравшись до индейского поселения в Вайоминге, Вулман и его товарищ узнали, что несколько дней назад индейцы начали войну против англичан, захватывают селения и убивают людей. Естественно, что местные жители встретили белых пришельцев настороженно. Но безоружный Вулман говорил с ними дружелюбно и бесхитростно, рассказывал им о своей семье и о цели своего путешествия, делал им небольшие подарки, и враждебность мало-помалу сменялась доброжелательством и доверием. В некоторых селениях Вулман устраивает для индейцев молитвенные собрания и рассказывает им о квакерах.

Все это время чувство опасности не покидало его, и он постоянно заносил в свой дневник горячие молитвы к Богу, прося Его милосердия и поддержки. Вот одна из таких записей:

«В этот день я часто был вынужден смотреть на себя как на временного жителя в этом мире, и вера во всемогущество Бога, поддерживающего народ свой во всех его странствиях, казалась мне утешительной, и я был прилежно занят, добиваясь состояния совершенной покорности»²¹.

Немало волновала Вулмана и проблема бедности. Острое осознание социальной несправедливости, разделявшей общество на богатых, которые жили «в избытке» и окружали себя предметами роскоши, и нуждающихся бедняков, зарабатывавших хлеб насущный тяжким трудом, типично для Друзей с самого начала их движения. И Дж.Фокс, и Дж.Нейлер, и Дж.Парнелл, и Э.Барроу со страстью, навеянной чтением библейских пророков, обличали богатство и пытались защитить бедных. Английский квакер Джон Беллерс в конце XVII в. разработал кооперативный проект «Производственного содружест-

¹⁹ Там же, с. 172.

²⁰ Там же, с. 175.

²¹ Там же. С.181.

ва», цель которого определил как «прибыль богатым, жизнь в достатке бедным и хорошее воспитание юношеству»²².

Мысли о богатстве и бедности Вулман высказал в «Дневнике» и в трактате «Ходатайство о бедных», составленном в 1763-1764 гг. Вулман не был сторонником уравниения или обобществления собственности, однако считал, что каждый человек имеет неотчуждаемое право на пользование землей и необходимыми для жизни материальными благами. Позже эта идея будет сформулирована и обоснована известными реформаторами-экономистами Томасом Пэйном и Генри Джорджем. Но в отличие от них, Вулман обращался, прежде всего, к совести богатых людей, убеждая их оставить ненужные привычки к роскоши и жить скромнее, чтобы бедные могли получать за свой труд больше и не губить здоровье на непосильных работах. Часто он на собственном примере показывал, как можно добровольно уменьшить свои прибыли и материальные потребности, стремясь получить только то, что действительно необходимо для жизни.

Проповедуя скромность и неприхотливость в быту, Вулман задумался о том, придерживается ли он сам во всех своих действиях и привычках этого принципа. И пришел к выводу, что мог бы еще больше сократить свои потребности, отказавшись использовать окрашенные красителями шляпы и одежду.

«Использование шляп и платья, окрашенных вредным для них красителем, и использование летом больше одежды, чем это необходимо, стало мне в тягость, ибо я верил, что все то – обычаи, не имеющие основания в чистой свободе»²³.

После немалых колебаний, вызванных уверенностью, что Друзья не поймут его и сочтут чудаком или гордецом, желающим выделиться из толпы, Вулман все же начинает носить некрашеную шляпу, действительно вызывая недоумение. Но он твердо верит, что делает это по воле Бога, и постоянно просит у Него помощи и поддержки. Износив старую одежду, он покупает брюки, сюртук и верхнюю одежду из неокрашенной ткани и носит их до скончания жизни.

Одна из существенных черт мировоззрения Вулмана, которая тоже была тесно связана с квакерской традицией, – решительное отрицание всякой войны и насилия. Вулман был уверен, что «семена войны» коренятся в несправедливом социальном устройстве и в неумеренных аппетитах богатых, стремящихся все более умно-

²² См. Беллерс Дж. Предложения об учреждении производственного содружества всех полезных ремесел и земледелия... // Павлова Т.А. Джон Беллерс и английская социально-экономическая мысль второй половины XVII в. М., 1979. С.199.

²³ Вулман Дж. Дневник. С.164.

жать прибыли. Он уверял, в частности, что стремление белых людей получать высокие прибыли от торговли с индейцами прямо ведет к враждебности, войнам и жестокостям. Во время войны с Францией, а также с индейцами, когда Британское правительство искало поддержки у жителей Американских колоний, Вулман в послании от имени «Ежегодного собрания Филадельфии» убеждал Друзей противостоять войне и не участвовать в ней, но «всецело довериться руке Всемогущего». Пусть даже некоторые из них будут наказаны за это и подвергнуты конфискации имущества или тюремному заключению. Ни страдания, ни смерть, писал он, не страшны тем, кто послушен воле Божией.

Когда для нужд войны были назначены специальные налоги, Вулман отказался платить их, дабы не поддерживать тем самым насилие и кровопролитие, и убеждал Друзей сделать то же. В результате было составлено «Послание нежной любви и предостережения к Друзьям в Пенсильвании», где говорилось:

так как сумма, отведенная для нужд английского короля, «в принципе предназначается для целей, несовместимых с нашим мирным свидетельством, мы потому думаем, что поскольку мы не можем заботиться о войнах и сражениях, то нам не следует вносить средства путем уплаты налога... хотя последствиями нашего отказа будут мучения, которые мы надеемся вынести с терпением»²⁴.

Так текла эта жизнь, полная борьбы с самим собой, неустанных поисков божественной справедливости и мира, непрестанных трудов на благо ближнего и постоянных раздумий о том, как исполнить волю Всевышнего и не посрамить квакерские принципы. Духовные искания и борения ни на минуту не оставляли Вулмана, захватывая и частную жизнь. В апреле 1760 г. он писал жене из Род Айленда, где находился во время очередной поездки:

«Нежно любимая жена... Душа моя с той поры, как я тебя оставил, пребывала в устремленном вовнутрь состоянии, весьма желая, чтобы все дела наши шли единственно по воле нашего Небесного Отца»²⁵.

Духовная жизнь человека приобретает особую напряженность во время тяжелых испытаний, опасности и близости к смерти. В 1769 г. Вулман, собиравшийся отправиться в Вест Индию, заболел тяжелым плевритом. Но и во время болезни его не оставляют мысли о своем служении.

Я «думал, – пишет он, – что если в этом Господня воля – положить конец моим трудам и милосердно заключить меня в объятия своей любви – то я готов принять смерть; но если воля Его в том, чтобы и далее

²⁴ Там же. С.113.

²⁵ Там же, с. 145.

очищать меня путем скорбей и делать меня хоть в какой-то мере полезным Его церкви, то я не желал бы умереть»²⁶.

В 1772 г. Вулман отправляется в свое последнее странствие — на этот раз в далекую Англию. И тут он остается верен себе. Вместо того чтобы расположиться в каюте на верхней палубе, он берет билет на нижнюю палубу, где больше месяца делит с простыми матросами тесноту, духоту и все неудобства их жизни на корабле. Иногда ночью, проснувшись, он поднимается и высовывает лицо в люк, чтобы хоть немного подышать свежим воздухом. Он слабеет, теряет аппетит. И размышляя о причинах тяжелого положения матросов и юнг на корабле, записывает в дневнике моление о том, чтобы люди «могли быть избавлены от любви к деньгам и от того духа, в котором... ищут почестей друг от друга». И далее:

«В любви к деньгам и в мудрости мира сего начинается дело, затем неотложность мер толкает вперед, и душа в этом состоянии не может различить добрую и совершенную волю о нас»²⁷.

Прибыв в Англию, Вулман посещает собрания Друзей в Лондоне, а затем начинает продвигаться на север, останавливаясь в квакерских домах и пользуясь любым случаем, чтобы разузнать и записать как можно больше о тамошней жизни. Его интересуют размеры работорговли, цены на дрова, уголь и продукты питания, размеры арендной платы и жалованья рабочим, их рацион и т.п. Он отказывается ехать на дилижансах, так как уверен, что это приносит вред и работникам, которые вынуждены трудиться по 24 часа без перерыва, часто под дождем или на морозе, и лошадям. Он знакомится с нищетой, терпит лишения и, «передвигаясь по сырой погоде, вдоль узких улиц городков и деревень, где грязь под ногами и вонь от отбросов», продолжает чувствовать в душе своей «жажду, чтобы люди пришли к чистоте духа, чистоте личной, чистоте своих домов и одежды»²⁸.

В конце сентября, будучи в Йорке, в доме одного из Друзей, он заболел. Вскоре выяснилось, что у него оспа. Болезнь день ото дня усугублялась, но, по словам ухаживавшей за ним госпожи Тьюк,

«состояние его духа во все время его невыразимых страданий постоянно оставалось спокойным; твердая вера в Господа и полное вручение судьбы своей в его распоряжение явлено было постоянно; невозможно описать, как он был терпелив; его надежда и уверенность были

²⁶ Там же, с. 215.

²⁷ Там же, с. 230, 231.

²⁸ Там же. С.248.

столь тверды, что никакое внешнее расстройство не могло, казалось... его встревожить или вывести из себя»²⁹.

Иногда он просит зайти кого-нибудь из друзей и, уже ослепший, диктует им свои мысли, полные смирения и покорности воле Божией. Потом горло его опухло настолько, что он не мог говорить; тогда он попросил перо и бумагу и с большим трудом на ощупь написал следующие строки: «Я верю, что пребываю здесь в мудрости Христовой; не знаю, к жизни или к смерти». Через несколько часов он «угас без вдоха, стона или борьбы»³⁰.

Последнее распоряжение Вулмана касательно похорон также знаменательно. Он просил положить свое тело не в дорогой дубовый, а в дешевый «ясеневый гроб, сделанный просто, без всякого рода украшений; тело обернуть в дешевую фланель, в покрытие стоимости которой я оставляю свое носильное платье, как и за копанье могилы...»³¹.

Духовная высота и социальные взгляды Вулмана оказали немалое влияние на нравственное состояние «Общества Друзей» его времени, способствуя его очищению и укреплению. Кропотливая работа по убеждению сотен людей в несправедливости и вреде рабства; призывы к скромной, трудолюбивой жизни и неуклонное личное следование этим призывам; забота о бедных; отношение к индейцам как к людям, достойным уважения и человеческих прав; выступления против насилия, войны и отказ платить военные налоги; личная жертвенность, – все это производило огромное впечатление на современников. Уже при жизни Вулмана были изданы и широко распространились среди квакеров его трактаты, в частности «Некоторые размышления о содержании негров», «Размышления о чистой мудрости и человеческой политике», «Размышления об истинной гармонии рода человеческого», а также послания от Ежегодного собрания Филадельфии и некоторые другие. Сразу же после его смерти, в 1773 и 1774 г. были опубликованы краткие эссе, написанные во время морского путешествия в Англию, под общим названием «Наблюдения на разные темы», и «Произведения Джона Вулмана», куда вошли его дневник и главные эссе, за исключением «Ходатайства о бедных». Позднее увидели свет другие его труды, в частности «Ходатайство о бедных» (в 1793 г.). «Дневник» в 1775 г. был издан в Лондоне и с тех пор не раз переиздавался по обе стороны Атлантического океана.

²⁹ The Journal... P.7.

³⁰ Вулман Дж. Дневник. С.313.

³¹ Там же. С.314.

О духовном влиянии этого редкого по искренности и чистоте нравственных устремлений документа на квакерские круги говорит изобилие ссылок на него в квакерской литературе последующих двух столетий. Множество авторов, в том числе таких известных, как Т.Келли, прямо признавали значение этой книги для своего нравственного и духовного развития.

Немалое влияние на современников и потомков имели устремления Вулмана к социальной справедливости. По его настоянию Ежегодные собрания Лондона и Филадельфии сначала запретили своим членам вести работорговлю, а затем вообще держать негров в рабстве. Стремление квакеров к простоте и скромности в обиходе тоже во многом обязано мягкой настойчивости Вулмана. Наконец, современное движение в США за неуплату налогов на военные нужды прямо признает приоритет Вулмана в этом отношении.

На пороге нового тысячелетия Вулман все еще многое может сказать современному человеку. За страницами его дневника и других произведений перед нами предстает человек такой обескураживающей скромности, такой беззащитной честности, такой чистоты души, что кажется, он и вправду напрямую испытывал влияние Божественной воли, чувствовал ее и исполнял ее веления.

Декабрист М.С.Лунин и католицизм

В начале XIX века переход русских дворян в католицизм был довольно распространенным явлением¹. Однако почти каждый известный случай становился предметом живого обсуждения, а порой приобретал скандальный оттенок. Поэтому неудивительно, что католицизм такой значительной личности как декабрист М.С.Лунин привлекал пристальное внимание современников, пытавшихся по-своему его истолковать. Е.А.Розен полагал, что Лунин перешел в католицизм в Варшаве под влиянием идей Жозефа де Местра². П.Н.Свистунов и Д.И.Завалишин называли местом обращения Париж³. Все эти позднейшие свидетельства основываются на косвенных данных, либо на произвольных мнениях. В действительности же, как вспоминал С.П.Трубецкой,

«когда он (т.е. Лунин – В.П.) принял католицизм и что его к тому побудило, осталось неизвестным для самых близких к нему»⁴.

Первые исследователи Лунина, как правило, присоединялись к одной из версий современников. С.Я.Гессен и М.С.Коган полагали, что Лунин стал католиком в Париже под влиянием иезуита Гравена⁵. Более радикальной точки зрения придерживался Б.Кубалов. По его мнению, Лунин,

«выйдя в отставку, отправился в Париж и там принял не католичество (католиком он был с детства), а скорее монашество»⁶.

Г.Чулков увидел противоречие между версией о парижском обращении Лунина и его связями с французскими заговорщиками и на этом основании высказал предположение, что «сознательным и последовательным католиком Лунин стал позднее, когда он жил в Варшаве и общался с польскими иезуитами»⁷.

¹ См.: Цимбаева Е.Н. Русский католицизм (Забывтое прошлое российского либерализма). М., 1999.

² Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С.264.

³ Свистунов П.Н. Отповедь // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг. М., 1933. С.292; Завалишин Д.И. Декабрист М.С.Лунин // Исторический вестник 1880. №1. С.146.

⁴ Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т.1. Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки. Иркутск, 1983. С.302.

⁵ Гессен С.Я., Коган М.С. Декабрист Лунин и его время. Л., 1926. С.54.

⁶ Кубалов Б. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925. С.130.

⁷ Чулков Г. Мятеежники 1825 года. М., 1925. С.238.

Повышенное внимание к обстоятельствам и времени принятия Луниным католицизма оставляло в стороне, как природу его религиозных взглядов, так и их место в мировоззрении декабриста. Появившаяся впервые в 1962 г. научная биография Лунина, написанная известным историком С.Б.Окунем, не сдвинула вопроса с мертвой точки. Вряд ли автор был вполне искренен, когда писал:

«Переход Лунина в католичество фактически никакого влияния на его общественно-политические взгляды и конкретную политическую деятельность не оказал»⁸.

Таким образом, проблема снималась сама собой. Но уже Н.Я.Эйдельман снова вернулся к ней, уделив главное внимание причинам, побудившим Лунина принять католичество:

«Католическое воспитание в детстве, деятельное начало в католицизме, соответствующее общественному темпераменту этого человека, социальные и политические вопросы, решение которых связывалось с этой религией, знакомство с «умными аббатами», а также с Сен-Симоном и де Местром, польские впечатления и влияния, соответствие внешних католических форм европейскому воспитанию Лунина и его чувству изящного, меньшая зависимость католицизма от светской власти по сравнению с православием – такова в самой общей форме разгадка лунинского «обращения»»⁹.

Несмотря на то, что многое Н.Я.Эйдельманом отмечено верно, его концепция нуждается в серьезных коррективах. Во-первых, факт знакомства Лунина с такими разными мыслителями, как Сен-Симон и Жозеф де Местр, еще не говорит не только о том, что они как-то повлияли на решение Лунина принять католицизм, но и об их идейном влиянии на декабриста вообще. Во-вторых, вряд ли правомерно переносить лунинские идеи 1830-х годов на 1810-е годы. Понимая это, Н.Я.Эйдельман делает оговорку:

«Обращаясь к поздним сочинениям Лунина для объяснения его более ранних мыслей, мы рискуем – но что же делать?»

И все-таки, бесспорна заслуга Н.Я.Эйдельмана в стремлении исследовать содержательную сторону лунинского католицизма и в осознании принципиальной важности этой проблемы, о чем в условиях написания книги можно было сказать лишь полупонамеком:

«Если б Лунин отмахнулся от этих вопросов, остался неверующим или хотя бы полуатеистом (каких множество было в тогдашней России просто оттого, что копаться во всем этом было неохота), возможно, сделался бы более спокойным, бездеятельным, неинтересным; так же, как другую натуру религиозность погубила бы ...»¹⁰.

⁸ Окунь С.Б. Декабрист М.С.Лунин. Л., 1985. С.34.

⁹ Эйдельман Н.Я. Лунин. М., 1970. С.102.

¹⁰ Там же. С.98.

Следующим этапом в изучении лунинского католицизма стала монография канадского исследователя Дж.Р.Баррата¹¹. Его концепция может быть представлена следующим образом.

Католичество Лунина – результат длительного процесса его духовного созревания. Начало было положено в детстве воспитателями-аббатами, затем пребывание во Франции завершило их работу, и в результате: «Лунин воспринял веру, которая наилучшим образом отвечала потребностям его души и темперамента. <...>. Из приверженности к католицизму выросла его защита законности и упорядоченности во всех сферах. <...> Из нее, наконец, он черпал силы в своей борьбе с самодержавием в России»¹².

Основной недостаток исследования Баррата заключается в его описательности, что в значительной степени обусловлено стремлением познакомить зарубежного читателя с высказываниями Лунина на религиозные и другие темы. Смысл же лунинского католицизма нельзя понять изолированно, вне аналогичных явлений того времени. К тому же утверждение Баррата, что именно в Париже религиозные взгляды Лунина достигли «высшей точки», вызывает сомнение в силу отсутствия каких-либо источников.

Старый вопрос, когда и почему Лунин принял католичество, снова был поднят Т.Л.Перцевой. Критически разбирая, как «парижскую», так и «варшавскую» версии, исследовательница делает заключение: Лунин перешел в католичество после восстания,

для того чтобы найти «поддержку в борьбе, которую он решил продолжать в новых условиях и в новой форме. Открытое признание себя католиком было своего рода протестом против догматов и практики православной церкви, которая была орудием царского самодержавия»¹³.

Не останавливаясь подробно на авторской аргументации, отметим лишь, что сама постановка вопроса, вынесенного в заглавие статьи Т.Л.Перцевой, представляется второстепенной без ясного уяснения того, что значит «переход в католичество». Идет ли речь о совершении какого-то формального обряда, или о некоем внутреннем прозрении, заставившем сменить старую (ложную) веру на новую (истинную)? Никаких следов подобных метаморфоз в биографии Лунина не имеется.

Есть два, на первый взгляд противоречивых, свидетельства самого Лунина. В 1826 г. на вопрос следственной комиссии: «какого вы вероисповедания?» Лунин ответил: «греко-российского исповедования»¹⁴, а в письме к сестре Е.С.Уваровой от 15.09.1838 г. он

¹¹ *Baratt G.R.* M.S.Lunin catholic Decembrist. The Hague; P.: Mouton, 1976.

¹² *Ibid.* P.28.

¹³ *Перцева Т.Л.* О времени и причинах перехода М.С.Лунина в католичество // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1988. Вып.5. С.16-31.

¹⁴ Восстание декабристов. М.-Л., 1927. Т.3. С.127-128.

писал: «мой брат и я были воспитаны в римско-католической вере»¹⁵. Дж.Р.Баррат писал по этому поводу: «Это противоречие, существовавшее сто лет, так и не было разрешено»¹⁶.

Действительно, историки неоднократно пытались объяснить его различными причинами. Думается, на самом деле противоречие это мнимое, особенно если учесть, что эти два высказывания разделены тринадцатью годами и совершенно различным отношением Лунина к адресатам. Никто из исследователей не сомневается, что Луинин был крещен в православной церкви и формально принадлежал к ней до того момента, когда признал для себя обязательным совершение католического обряда. Но, вместе с тем, он с детства был окружен аббатами, которые вполне возможно воспитывали его в католическом духе. Утверждение С.Я.Гессена и М.С.Когана, что «все это были люди едва ли имевшие что-либо общее с педагогикой»¹⁷, на поверку оказывается ни на чем не основанным. В частности, среди воспитателей Лунина был швейцарец Малерб – выдающийся педагог. Среди его учеников был А.В.Чичерин, одаренный и много обещавший юноша, погибший в возрасте двадцати лет в Кульмском сражении. Чичерин не только считал Малерба своим другом, но и приводил его в качестве доказательства «того, что чужестранец может заменить родителя»¹⁸.

Такие учителя вполне могли воспитать Лунина в нужном им духе, при этом, не требуя соблюдения формальных обрядов. Никакого *перехода* в католицизм Луинин, скорее всего, вообще никогда не совершал. В нем постепенно созревало религиозное чувство, питаемое знанием католических догматов, полученным в детстве. Обряд крещения в православном храме при этом не имел существенного значения. Л.П.Карсавин пишет:

«Всякий получивший крещение, все равно – в католичестве или вне его, принимается в лоно католической церкви и, благодаря самому акту крещения становится подвластным главе этой церкви – папе»¹⁹.

Сам Луинин думал, вероятно, подобным образом, цитируя слова апостола Павла: «один господь, одна церковь, одно крещение» (167). Его заявление на следствии о принадлежности к православью объясняется чисто формальным характером всех его показаний. В письме же к сестре, самому близкому человеку, Луинин от-

¹⁵ Луинин М.С. Письма из Сибири. М., 1987. С.240. (Далее ссылки на это издание в тексте с указанием номера страницы).

¹⁶ Barratt G.R. Op. cit. P.27.

¹⁷ Гессен С.Я., Коган М.С. Указ. соч. С.23.

¹⁸ Чичерин А.В. Дневник. 1812-1813. М., 1966. С.131.

¹⁹ Карсавин Л.П. Католицизм. Пг., 1918. С.10.

кровенно говорит о своем жизненном пути как неизменно католическом. Поэтому следует согласиться с Е.Н.Цимбаевой, считающей, что «католик с детства, Лунин не испытывал тягостных сомнений в момент смены веры, присущих зрелому возрасту»²⁰. Но как бы то ни было, католическим мыслителем Лунин становится лишь в Сибири, в середине 1830-х годов, когда начинает делать религиозные записи. Поэтому исследователь, если только он не хочет идти путем шатких гипотез и предположений, должен изучать лунинский католицизм в контексте 1830-х годов, привлекая, в той степени, в какой это возможно, парижские и варшавские связи Лунина для уяснения истоков его сибирских размышлений.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу материала, следует сделать оговорку. В нашу задачу не входит разбор конфессиональной стороны лунинского католицизма. Автор ставит своей целью определить, какое место занимает католичество в мировоззрении Лунина и как его духовные искания соотносятся с религиозными идеями того времени. В этой связи католицизм рассматривается не в теологическом аспекте, а как феномен русской культуры. Понимая, что этот подход заведомо обедняет лунинские идеи, автор, тем не менее, считает такое ограничение сферы исследования оправданным, стремясь не к окончательному решению проблемы в целом, а к тому, чтобы привлечь к ней внимание специалистов-теологов.

Как уже отмечалось, говорить о католицизме Лунина до восстания декабристов можно лишь с большой долей осторожности, в виду отсутствия прямых источников. Однако без учета той культурно-религиозной среды, с которой соприкасался Лунин и в Петербурге, и в Париже трудно понять направление его дальнейших мыслей. И здесь на первый план выдвигается вопрос о влиянии на него идей Ж. де Местра. Речь пойдет не о том, в какой степени молодой декабрист был подвержен влиянию католического мыслителя, а о том, отразились ли идеи последнего в его сибирских сочинениях. Факт личного знакомства Лунина и де Местра не вызывает сомнения. Об этом есть два независимых друг от друга свидетельства. А.Е.Розен вспоминал, что Лунин «был в Варшаве учеником и приверженцем известного Местра»²¹. Свои «Записки декабриста» Розен писал много лет спустя после восстания, до которого с Луни-

²⁰ Цимбаева Е.Н. Указ. соч. С.55.

²¹ Розен А.Е. Указ. соч. С.265.

ным лично знаком не был. Отсюда ряд неточностей, на которые указал в своей «Отповеди» П.Н.Свистунов:

«Автор записок ошибается, приписывая его (Лунина – В.П.) обращение в католичество сардинскому посланнику, графу де Местру, выехавшему из Петербурга после низвержения Наполеона I в 1815 г. М.С.Лунин же до отъезда своего за границу в 1816 г. нисколько не занимался религиозными вопросами и, встречая графа де Местра в петербургских гостиных, соперничал со знаменитым стариком в остроумии и светской любезности. По смерти отца своего в 1819 г. воротился он из Парижа ревностным католиком»²².

Свистунов, как и Розен, до восстания с Луниным знаком не был²³, но его свидетельство, несмотря на хронологические неточности, легко объясняемые временной дистанцией, отделяющей написание мемуаров от описываемых событий, вызывают больше доверия, чем записки Розена. Местр никогда не был в Варшаве, а когда появился там Лунин в 1822 г., его уже не было в живых. Поэтому познакомиться они могли только в Петербурге и только до отъезда Лунина в Париж. Кроме того, в пользу свидетельства Свистунова говорит и тот факт, что его мать, католичка, была в Париже и встречалась там с людьми, знавшими Лунина²⁴. Указание Свистунова, что Лунин «соперничал со знаменитым стариком» опровергает свидетельство Розена, что Лунин был учеником де Местра.

Но не только с Местром судьба свела Лунина. Он воспитывался и в дальнейшем неоднократно соприкасался с иезуитами – той средой в католицизме, которую Местр ставил выше всего и всячески пропагандировал. Сам Лунин среди своих учителей называл аббатов-иезуитов Вовилье и Малерба. В воспоминаниях Свистунова говорится, что Лунин «обратился за помощью к пресловутым иезуитам Розавену и Гривелю»²⁵. С последним Лунина познакомил И.Оже, однако это знакомство не имело серьезных последствий. По воспоминаниям того же Оже, они с Луниным «думали, что не к чему <...> делаться иезуитом *à robe courte*»²⁶.

Свидетельства, как видим, противоречивы и не позволяют сколько бы то ни было определенно судить об отношении Лунина к де Местру и иезуитам. Поэтому исследователи привлекают позднейшие источники, стремясь отыскать в них следы былых влияний. А.Н.Шебунин полагал, что «взгляды на католицизм, вероятно, первоначально были привиты Лунину Сен-Симоном, с которым он

²² Свистунов П.Н. Указ. соч. С.292.

²³ См.: Восстание декабристов. М., 1976. Т.14. С.337.

²⁴ См.: Оже И. Из записок // Русский архив 1877. №5. С.62.

²⁵ Свистунов П.Н. Указ. соч. С.292.

²⁶ Оже И. Указ. соч. // Русский архив 1877. № 4. С.524.

встречался во время своей жизни в Париже. Но в дальнейшем несомненно и влияние *Du rare Местра*²⁷. Подтверждение своей мысли А.Н.Шебунин видит в следующей записи Лунина:

«Недостаточно оценены преимущества, принесенные человечеству миротворческим влиянием римских первосвященников. Во времена, когда не признавали иных заслуг, кроме воинских, Европа была бы погружена в непрерывную войну, если бы папы, один за другим, не трудились постоянно то над сохранением мира, то над восстановлением его. Они обуздывали страсти и сдерживали непомерные притязания государей; сан общего отца христиан придавал их увещаниям вес, какого не могло иметь никакое иное посредничество; и их легаты не жалели ни странствий, ни тягот ради того, чтобы примирить противоречивые интересы дворов и вложить оливковую ветвь мира между мечами враждующих армий» (164).

Комментируя эту запись, А.Н.Шебунин пишет: «Этот взгляд полностью соответствует воззрению Местра на папу как на международного арбитра и примирителя»²⁸. Однако, соответствие еще не есть результат воздействия. Местр, говоря о роли папства в католическом мире, имеет в виду, прежде всего, современную ситуацию. В примате папской власти над государями европейских стран он видит гарантию от новых революционных потрясений. Папство, в представлении Местра, является антитезой революции.

Совершенно иной смысл имеет запись Лунина. Следует обратить внимание на предшествующую ей цитату из книги Дж.Лингарда «A history of England from the invasion by Romans»:

«Установление рыцарства имело меньше влияния на просвещение человечества, чем это ему часто приписывают. Правда, оно придавало отваге некоторые внешние украшения; оно установило законы вежливости; оно запечатлело в сердцах понятия о чести, нередко ошибочные; однако буйные и мстительные страсти были в действительности ему неподвластны; и самые совершенные из рыцарей в 1325 г. проявляли часто склонность к свирепости, не уступавшей ничем жестокости их предков, живших в шестом веке» (164).

Связь между этим отрывком и рассуждениями о папах несомненна. Их сближает и полемическая направленность против некоего общего мнения, и хронологические рамки. Буйному характеру рыцарства Лунин противопоставляет «миротворческое влияние пап». И в этом смысле папство для Лунина является антитезой не революции, как у Местра, а рыцарства²⁹.

²⁷ Литературное наследство. М., 1937. Т.29-30. С.616.

²⁸ Там же. С.617.

²⁹ Цитата из Лингарда имеет и еще один автобиографический смысл. Столь резкая характеристика рыцарства для Лунина, возможно, связана с переосмыслением собственного жизненного пути. Молодой Лунин своей безумной отвагой, неоднократно демонстрируемой в сражениях и на дуэлях, а также

Характерно, что о роли папы в современном мире Лунин нигде не говорит. Вряд ли для католика это можно объяснить случайным упущением. Современность, особенно наполеоновские войны, явно не подтверждали важную для Лунина мысль о миротворчестве пап. Более того, отношения Наполеона и папы являлись ее очевидным опровержением. И не только политика, но внутрицерковная жизнь Луниным понималась не всегда так, как это виделось папе римскому. Говоря о неспособности перевода «воспроизвести целиком подлинник, к чему были бы слова Писания: «так чтобы один не понимал речи ближнего своего» (Быт. XI. 7), – Лунин продолжает. – Единственным исключением из этого общего правила является Писание, сохраняющее свою силу даже в несовершенных переводах» (195-196). В этих словах слышатся отголоски Библейского общества, занимавшегося в России переводами Библии на разные языки. Декабристы проявляли повышенный интерес к его деятельности, пытаясь использовать ее в просветительских и пропагандистских целях³⁰. Римский папа осудил Библейские общества и в специальном письме к российским католикам напомнил, что

«Римская церковь, приняв общее издание Вульгаты, предпринятое Тридентским собором, устраняет переводы на других языках и допускает только такие из них, которые сопровождаются заметками и толко-

личным бескорыстием напоминал рыцаря. Для современников он ассоциировался с Дон-Кихотом. Эту сторону лунинской личности хорошо почувствовал Г. Чулков: «Есть одно слово, которое характеризует Лунина точно, и так сказать, исчерпывает вполне его личность: Лунин был рыцарь. Он был живым анахронизмом – этот воистину средневековый человек. Он вел себя по-рыцарски и с крепостным человеком, и с царем, и с начальником, и с женщиной. Он был рыцарь везде и всегда, во всякой обстановке и при всяких обстоятельствах – и во дворце, и в салоне, и в парижской мансарде и в каторжной тюрьме. Он был рыцарь, потому что не боялся смерти, верил в безусловную истину, в долг и в честь, – потому что он, как Дон-Кихот, любил Дульцинею, – потому что он, как Гамлет, был заморожен на всю жизнь таинственным голосом, прозвучавшим в Эльсиноре в ту бурную ночь, когда он впервые покинул отчий дом в поисках неведомого» (Чулков Г. Указ. соч. С. 261-262). Эта романтическая характеристика, верная по отношению к молодому Лунину, не соответствует настроениям сибирского изгнанника, переосмысляющего заблуждения своей юности. Стилизуя свои варшавские воспоминания под рыцарские романы (старинный замок с зубчатыми башенками, молодая владелица замка с лазоревым взглядом, ее белое покрывало, развевающееся в воздухе, как условный знак, звуки серенады и лязг оружия, нарушивший гармонию), Лунин произносит себе суровый приговор: «Безумная, преступная суетность моей жизни» (182). Новый идеал он понимает совершенно иначе: «Я желаю епископского сана, но больше жажду освободиться <от пут> и быть во Христе» (172).

³⁰ Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 45-53.

ваниям св. церкви и ученых, дабы церковь, распространенная по всему миру имела один и тот же язык и одинаковую речь»³¹.

Как католик Лунин, разумеется, не позволял себе вступать в открытую полемику с папой римским, но в то же время его религиозные взгляды далеки от ультрамонтанства Местра и иезуитов. На этом фоне рельефно проступает отличие лунинского католицизма от религиозной философии П.Я.Чаадаева. Лунина и Чаадаева сближает многое. Люди одного поколения, одной культурной и политической среды, они прошли сложную духовную эволюцию после восстания декабристов, оценив его примерно одинаково. Для Лунина 14 декабря – «всего лишь досадное столкновение» (165), для Чаадаева – «неизмеримое бедствие, отбросившее нас назад на полвека»³². Оба после 14 декабря связывают свои духовные искания с католицизмом, но по-разному понимают его роль и в современном мире, и в своей личной судьбе. Суть их разногласий можно пояснить словами И.С.Гагарина, сказанными им по другому поводу:

«...видеть в католической церкви учреждения и принцип, служивший основанием развития европейского общества и европейской цивилизации, и признавать истину и Божественную миссию этой Церкви – суть две совершенно разные вещи»³³.

Для Чаадаева характерен первый подход, для Лунина – второй. Связь Чаадаева с идеями де Местра была очевидна уже для его современников. «Система его, – писал А.И.Тургенев в письме к брату Н.И.Тургеневу, – точь-в-точь Гр. Мейстера, модифицированная чтением немецких писателей»³⁴. С торжеством местерианских идей Чаадаев связывал успехи католицизма в современном мире. На полях книги Ж.Ф.Дамирона «Essais sur l'histoire de la philosophie en France au dix-neuvième siècle (Paris, 1828) против слов «Философии де Местра не суждено в наше время на долго одерживать триумф» он написал: «Ничтожество! Известно ли тебе, что в то время, когда ты это пишешь, католики в Англии справляют триумф? И это тебя не убеждает?»³⁵. Как и Местр, Чаадаев единство католической церкви и христианства вообще видел в папе. Это вызвало возражение А.С.Пушкина: «Вы видите единство христианст-

³¹ Цит. по: Вишленкова Е.А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России александровской эпохи. Казань, 1997. С.156-157.

³² Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т.1. С.330.

³³ Гагарин И.С. Дневник. Записки о моей жизни. Переписка. М., 1996. С.267.

³⁴ Журнал Министерства народного просвещения. 1913. март. С.21.

³⁵ Чаадаев П.Я. Указ. соч. Т.1. С.602.

ва в католицизме, то есть в папе. Не заключается ли оно в идее Христа, которую мы находим также в протестантизме?»³⁶.

Считая, что «в мире христианском все должно непременно способствовать установлению совершенного строя на земле»³⁷, Чаадаев далек от политических решений общественных вопросов. Будущее ему видится исключительно в религиозных тонах, в возвращении к единству христианской церкви. Однако при этом Чаадаев, хотя и видит в католицизме единственно верный путь к «великому апокалиптическому синтезу», тем не менее, не связывает с католической церковью свою личную судьбу.

В письме к А.И.Тургеневу Чаадаев писал: «Вы, между прочим, были неправы, когда определили меня как истинного католика. Я, конечно, не стану отречься от своих верований; да, впрочем, мне было бы и не к лицу теперь, когда моя голова начинает покрываться сединой, извращать смысл целой жизни и всех убеждений моих; тем не менее, признаюсь, я не хотел бы, чтобы двери убежища захлопнулись передо мной, когда я постучусь в них в одно прекрасное утро»³⁸.

Чаадаев не считал церковную обрядность чем-то обязательным для себя. Обряд, в его представлении, лишь внешнее принуждение к сохранению религиозного чувства, так сказать «режим для души», без которого не могут обойтись массы верующих:

«Когда обретаешь для себя верования более высокого порядка, нежели те, которые исповедуют массы, верования, возносящие душу к тому самому источнику, из коего проистекают все убеждения, причем верования эти нисколько не противоречат народным, а, напротив, их подтверждают; в таком случае, но единственно в этом, позволительно пренебречь внешней обрядностью, чтобы свободнее посвятить себя более важным делам»³⁹.

Совершенно иных взглядов придерживался Лунин. Для него «обряд богослужения есть выражение догматов и заимствует от них жизнь, полноту и величие» (169). Это не внешнее принуждение, а сама суть религии, обретающая зримые формы:

«Всякое нарушение догматов отражается в обряде. Греки и армяне, исключившие одно слово из символа веры, имеют только три литургии, один монашеский орден. Храмы их не оживляются вздохами органов и гармониею музыкальных орудий, которую один голос не в состоянии заменить. Одежда священников не отвечает условиям изящного в живописи, устройство церквей – изящному в архитектуре. Обряды реформатских сект бледнеют по мере того, как они изменяют или отвергают догматы» (170).

³⁶ Переписка А.С.Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т.2. С.275.

³⁷ Там же. С.332.

³⁸ Там же. Т.2. С.100.

³⁹ Там же. Т.1. С.322.

Если для Чаадаева обряд – это то, что отвлекает его от более важных дел, то для Лунина это совершенно необходимый элемент эстетического переживания связи с католической церковью. В то время как Чаадаев пытается с помощью католицизма решить глобальные проблемы бытия, Лунин ищет в нем спасения души:

«Каждый, кто хочет быть спасен, прежде всего должен исповедовать католическую веру; и если кто не будет блюсти ее в полноте и неприкосновенности, тот несомненно навеки погибнет» (169).

Католицизм Чаадаева – это явление мысли, католицизм Лунина – явление чувства. Именно поэтому он далек от религиозных спекуляций западных мыслителей. Ему в равной степени чужды и воинствующее ультрамонтанство де Местра, и стремление Сен-Симона растворить католицизм в «новом христианстве».

«Католическая церковь, – в его представлении, – это наибольшая и наидревнейшая христианская община. Она распространилась по всей земле и всегда была тою же. Она не произошла ни от какой иной, а все остальные произошли от нее» (175-176).

В своем понимании христианства Лунин в некотором смысле ближе к Шатобриану, с которым его роднит глубокое ощущение красоты видимых явлений католицизма. Многоотомный религиозно-эстетический трактат Шатобриана «Гений христианства», впервые опубликованный в 1802 г., ознаменовал переход от философского скептицизма к пробуждению религиозного чувства. Сам Шатобриан свою заслугу видел, во-первых, в том, что

«выпустил “Гений христианства” в пору, когда храмы наши были разрушены. Верующие сочли себя спасенными: В то время люди нуждались в вере, алкали религиозных утешений, которых долгие годы были лишены». Во-вторых, «этому сочинению обязаны сегодняшние французы любовью к средневековым постройкам: это я призвал, – пишет Шатобриан, – юный век восхищаться старыми храмами»⁴⁰.

Шатобриан, как никто в мировой литературе, заставил своих читателей почувствовать древность и красоту христианской религии и явился создателем особой христианской эстетики.

В своем стремлении возродить религиозное чувство у своих современников Шатобриан избрал необычный путь. Он идет не от миссии Христа к ее последствиям, а предлагает

«проделать противоположный путь: от следствия к причине, не доказывать, что христианство великолепно, потому что оно происходит от Бога, но оно происходит от Бога, потому что оно великолепно»⁴¹.

⁴⁰ Шатобриан Ф.Р. де. Замогильные записки. М., 1995. С.290-293.

⁴¹ Chateaubriand. Génie du christianisme. T.I // Chateaubriand. Œuvres complètes. Paris, 1836. T.14. P.7.

Замысел, в сущности, довольно прост: показать читателю, уставшему от «революционного хаоса», красоту Божественного мира, отразившуюся во всех его творениях, включающих в себя, как явления Природы, так и Цивилизации. Эстетическое переживание Божественного мира должно пробудить в читателе

«религиозную страсть», которая «тем сильнее, чем в больших противоречиях находится со всеми остальными и, чтобы выжить, должна их поглотить. Как все великие чувства, она заключает в себе что-то серьезное и печальное, она увлекает нас в сень монастырей и в горы. Красота, перед которой склоняется христианин, нетленна. Это вечная красота, ради которой ученики Платона спешили покинуть землю. Здесь внизу она являет себя любящим ее подернутой дымкой. Она закутывается в складки вселенной и в плащ, иначе, если хотя бы один ее взгляд непосредственно коснется человеческого сердца, то оно не выдержит, оно разорвется от наслаждения»⁴².

Религиозное чувство, питаемое красотой христианского мира, отодвигающее на второй план все остальные чувства, весьма характерно для ссыльного Лунина, видящего в религии не только источник утешения, но и наслаждения: «не следует думать, будто жизнь христианина печальна. От радостей мы отрекаемся лишь для высших радостей» (167). Если в молодости Лунин осуждал автора «Гения христианства» за красоту⁴³, то, спустя много лет в Сибири о своем эстетическом переживании католицизма он, видимо невольно, говорит языком Шатобриана:

«Католические страны живописны и озарены поэзией, которую тщетно было бы искать в краях, где расширила свое господство Реформация. Различие это ощущается во множестве смутных впечатлений, которые трудно определить, но которые в конце концов пленяют сердце. То это увиденный путником на горизонте полуразрушенный монастырь, чей отдаленный колокол возвещает ему гостеприимный кров; то крест, воздвигнутый на холме, или Мадонна среди леса, указующие ему путь. Только вблизи этих памятников истинной веры услышишь романс, каватину или тирольскую песнь» (183).

Шатобриановские интонации слышатся в этом отрывке неслучайно. Стилистически Лунин пытается восполнить тот дефицит красоты, который он остро ощущал в сибирском заточении:

«Идеал красоты начинает стираться из моей памяти. Напрасно ищущего его в книгах, в произведениях искусства, в видимом мире, меня окружающем. Тщетно. Ныне красота для меня всего лишь призрачный миф, а символ граций – непонятный иероглиф». (212).

Однако, несмотря на очевидную близость в понимании религиозной эстетики Шатобрианом и Луниным, говорить о прямом влия-

⁴² Ibid. Т.15. Р.90.

⁴³ См.: Оже И. Указ. соч. // Русский архив. 1877. №4. С.521.

нии идей французского писателя на декабриста вряд ли правомерно. Это сходство скорее может служить основанием для выявления глубоких различий между их взглядами. Прежде всего, это обусловлено сменой исторических эпох. Готовя в 1828 г. новое издание «Гения христианства», Шатобриан сам ощущал некоторую архаичность своего труда, писавшегося около трех десятилетий назад. Поэтому в предисловии автор вынужден был заметить:

«Гений Христианства выходит теперь в обстоятельства иных, чем те, которым можно было приписывать часть его успеха. Алтари восстановлены, священники вернулись из плена, прелаты снова облечены первыми государственными званиями»⁴⁴.

Переход от безверия к вере, совершившийся в европейском обществе и, главное, укрепление позиций католицизма, даже в такой стране, как Англия, — все это давало возможность перейти от пропаганды религии к внутренней сосредоточенности на ней. Отсюда у Лунина значительно более узкое, чем у Шатобриана понимание христианства. Многие оценки автора «Гения христианства», особенно в отношении литературы и искусства, для Лунина совершенно неприемлемы, как неприемлема для него и общая, чрезмерно земная трактовка христианской религии. Лунину гораздо ближе позиция св. Василия, заявившего императору Валенсу: «Родиной своею я считаю не землю, где я родился, но небеса» (214).

В лунинском понимании христианской эстетики есть момент, приоткрывающий индивидуальность его пути к католицизму:

«Католическая вера как бы зримо воплощается в женщинах. Она завершает их врожденное изящество, возмещает их недостатки и украшает равно дурнушек и красавиц, подобно росе, украшающей все цветы. Католичку можно сразу узнать среди тысячи женщин по ее осанке, речи, взгляду. Во всем ее существе есть нечто сладостное, спокойное и безмятежное, указующее на присутствие истины. Последуйте за нею в готический храм, куда она идет молиться: склонив колена пред алтарем, погруженная в полумрак, овеянная гармоническими звуками, она подобна тем посланникам небес, кои являются на землю, дабы открыть человеку его высокое предназначение. Только среди католичек мог Рафаэль найти прообраз Мадонны» (176).

Эта запись имеет глубоко интимный подтекст. Она связана с увлечением Лунина польской красавицей Натальей Потоцкой во время его службы в Варшаве в Гродненском гусарском полку⁴⁵. О Потоцкой речь идет в одном из самых поэтических лунинских писем из Сибири (9). Но в этом отрывке есть и еще один, более глу-

⁴⁴ *Chateaubriand. Op. cit.* Т.14. Р.14.

⁴⁵ Подробнее см.: *Сливовская В., Эйдельман Н.* «...Мечты моей юности» // Наука и жизнь. 1974. №10. С.138-140.

бокий, смысл. Упоминание Рафаэля отсылает к другому, не менее поэтическому письму Лунина, которое в композиции русских писем из Сибири предшествует письму о Потоцкой. Речь идет о прогулке Лунина по берегу Ангары с Марией Волконской и ее сыном. «Сын ее – красота Рафаэльской – резвился перед нами и, срывая цветы, спешил отдавать их матери» (9).

Не разделяя версию авторитетнейшего знатока лунинской биографии Н.Я.Эйдельмана о его влюбленности в М.Н.Волконскую, нельзя не отметить, что Лунина связывало с добровольной изгнанницей религиозное чувство. Не будучи красавицей, Волконская была наделена всевозможными душевными совершенствами. Для Лунина это неисчерпаемое душевное богатство, преобразующее весь облик женщины, являлось одним из признаков католической веры. Чуждый всякого прозелитизма и, видимо, не смея заговорить с Волконской о преимуществе *своей* веры, Лунин в глубине души горько сожалел о ее православии. Вероятно, именно Волконская имеется в виду в следующей записи:

«Когда существа, наделенные разумом и чувством, способные любить Бога, из-за ереси лишены этого счастья и в земной жизни, и в будущей, такое зрелище весьма печально. Ценой всех мук жизни и чистилища хочется извлечь из тьмы *одну из этих душ*» (курсив мой – В.П.) (189).

Понимая религию как сугубо внутреннее дело человека, Лунин никогда не использует ее в политической борьбе. Политика и религия для него составляют различные сферы человеческой жизни. Первая регулируется разумом, вторая неподдастся рациональному суждению. Попытки рационализировать религию приводят к протестантству, которое для Лунина есть «религия ограниченных умов». В отличие от католицизма, дарующего человеку спасение и счастье, протестантство лишь порабощает ум и в конечном итоге ведет к атеизму. Любопытно, что Лунин связывает католицизм с республиканским строем, и в этом коренным образом расходится с Местром и его сторонниками, а протестантство – с абсолютизмом (198). И хотя исторически это выглядит как натяжка, мысль Лунина будет понятна, если сопоставить ее с рассуждением Шатобриана, увидевшего связь между церковной иерархией и представительным правлением:

«Представительная система частично происходит от церковных институтов, во-первых, потому что церковь являет собой ее прообраз в своих соборах, состоящих из римского папы, прелатов и представителей низшего духовенства, во-вторых, потому что христианские священники, не будучи отделенными от государства, положили начало новой кате-

гории граждан, которая, соединяя в себе государство и церковь, ввела представительство в политическое устройство»⁴⁶.

Следуя католическим мыслителям, Лунин не делает принципиального различия между протестантством и православием, подчеркивая их вторичный характер по отношению к католицизму. Схизму, как и Реформацию, он объясняет не религиозными, а политическими причинами: «Раскол греков есть дело политическое, а не религиозное. <...> В истории реформации то же явление» (180). Но как только церковь становится оружием политики, она сразу же утрачивает изначально присущие ей функции, и ее судьба теперь зависит от ее новых властей. Если католическая церковь, сохраняя свою независимость от мирской власти, на протяжении веков остается неизменной, то судьбы реформатской и православной церквей сложились по-разному в зависимости от политических отношений на Западе и на Востоке.

Протестанты, поделив власть над церковью со светскими властями «уступили капитал с тем, чтобы пользоваться процентами. Этим объясняются их быстрые успехи и оседлость настоящего положения» (181). Православное духовенство, «не имея сметливости реформаторов», полностью подчинило себя государству. Отсюда – дальнейшее деление. «Дом их разделился. Патриархи и митрополиты, враждая между собою, не могут определить взаимных отношений. Одни сгибаются под палку мусульманина, другие покорствуют тайной полиции, третьи вводят расколы, все служат дьяволу, чтобы сохранить призрак власти над участками стада, ими же на погибель увлеченного» (181).

Главная беда православия, по мнению Лунина, в том, что «служители церкви являются вместе с тем и слугами государя» (164). Он не допускает участия религии в политической борьбе, так как это неминуемо ведет к огосударствлению церкви.

Свою задачу католика Лунин видит в борьбе с ересью, подобно тому, как первые католики боролись с язычеством:

«Предшественники наши имели дар языков; мы говорим на всех языках, проповедуя примером собственного поведения» (курсив мой – В.П.) (187).

В этом суть лунинского понимания прозелитизма. Он не ведет прямой пропаганды среди окружающих его людей, не стремится к их обращению, как это делают иезуиты, подчас не без вреда для проповедуемой ими же веры. Только личный пример способен повести за собой людей. Поэтому на первый план выдвигается строительство собственной личности. Не видя спасения вне церкви, Лунин стремится не просто к воцерковлению, но к тому, чтобы занять в церкви

⁴⁶ Chateaubriand. Op. cit. Т.17. P.62.

подобающее его умственным способностям место. Когда он говорит о своем желании стать епископом (172), в этом нет гордыни.

«Не будем смешивать смирение и самоуничужение. Первое возвышает нас, второе принижает. Когда речь пойдет о добродетелях, займем последнее место; когда коснется ума, займем то, которое назначило нам Провидение. "Не будьте дети умом" (1 кор. XIV.20). Умственный уровень определяется столь же легко, как рост» (190).

В епископском сане Лунин видит не награду за добродетели, а соответствующее внутреннему призванию и умственному уровню служение. Для него это – не уход от жизни, а, напротив, самое непосредственное в ней участие, соединяющее в себе высокую религиозность и деятельность.

Стремясь подтвердить свою веру земными делами, он ищет пути переустройства жизни по законам справедливости и разума. Поэтому, если не епископский сан, то роль политического ссыльного, не прекращающего борьбу с правительством, представляется Лунину оправданием своего земного бытия. Он не только чужд малейшего раскаяния, но с гордостью говорит о своем положении:

«Не во власти людей позорить нас, когда мы того не заслужили. Я был под виселицей и носил кандалы. Разве ты, – обращается он к сестре, – почитаешь меня опозоренным» (40).

Более того, раскаявшиеся декабристы вызывают у него саркастическое чувство: «Политика такая же специальность (*specialité*), как медицина. Бесплезно предаваться ей без призвания, безрассудно быть завлечену в нее. После роли лекаря поневоле самая смешная – политик поневоле. Есть такие между нами. Не зная за что ухватиться, они принялись за раскаяние. Будто можно допустить раскаяние в науке? Раскаиваются в пороке, в слабости, но не в идее, которую изменяют, только если находят основательные причины» (10).

Свое пребывание в Сибири Лунин расценивает не как катастрофу или печальное следствие политических заблуждений, а как результат сознательного выбора. Свои «*Exegèses*» он открывает латинской фразой: «*Dilexi justitiam, et odivi iniquitatem, propterea sum in exilio*»⁴⁷. Источник не указан, однако он легко устанавливается. Это слова папы Григория VII, потерпевшего поражение в борьбе с императором Генрихом IV. Любопытно, что независимо от Лунина другой русский католик В.С.Печерин писал:

«Я люблю припоминать последние слова великого папы Григория VII; умирая в изгнании, в Салерно, он сказал: я любил правосудие и ненавижу беззаконие.

⁴⁷ «Я возлюбил справедливость и возненавидел несправедливость, поэтому я в изгнании» (лат.).

поэтому я умираю в ссылке! Вот эпитафия к моей жизни, и моя эпитафия после смерти»⁴⁸.

Путь Печерина во многом типичен для поколения русских католиков, пришедших на смену декабристов⁴⁹. Для них характерно стремление уйти от николаевской действительности. «Я бежал из России, — пишет Печерин, — как бегут из зачумленного города»⁵⁰. Его католицизм во много имеет случайный характер. Движимый чувством долга, Печерин, однако, понимает его чисто внешне:

«Если бы какая-нибудь буря занесла мой челнок на берег Цейлона, и я бы нашел там приют в каком-нибудь монастыре буддистов, — я бы также ревностно исполнял все их правила и постановления (*règles de constitution*), потому что выше всех философий и религий у меня стоит *священное чувство долга*, т.е. что человек должен свято исполнять обязанности, налагаемые на него тем обществом, в коем судьба привела ему жить, где бы то ни было, в Китае, Японии, Индостане, все равно»⁵¹. На это накладывалось отсутствие каких-либо твердых убеждений: «До тех пор у меня не было никаких политических убеждений, да и никаких убеждений вообще»⁵².

В этом глубокое различие в понимании долга Луниным и Печериным. Для ссыльного декабриста чувство долга неотделимо от убеждений и составляет внутреннюю суть его личности. Он стремится не к поиску места в пространстве, где мог бы жить в согласии с собственной совестью, а, наоборот, не выбирая среды, стремится внести в нее собственные представления о совести и долге. Лунин — изгнанник, а не беглец, и в этом смысле его жизненная позиция в большей степени соответствует словам Григория VII, чем жизнь Печерина.

«Ключевым словом христианина, — пишет Анри де Любак, — должно быть не "бегство", но "сотрудничество". Христианин призван, трудясь вместе с Богом и людьми, участвовать в осуществлении дела Божия в мире и человечестве. Цель для всех одна, и лишь стремясь к ней, не проигрывая в одиночку собственную эгоистическую партию, он может приобщиться к окончательному торжеству. Найти свое место в общем спасении: *in redemptione communi* (в общем искуплении)»⁵³.

Эти слова могут служить ключом к лунинскому пониманию соотношения религии и политики. Свой долг христианина он видит в отстаивании принципов законности и порядка в политической и

⁴⁸ Цит. по: Гершензон М.О. История молодой России. М.; Пг., 1923. С.164.

⁴⁹ См.: Цимбаева Е.Н. Указ соч.

⁵⁰ Печерин В.С. Замогильные записки. Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. М., 1989. С.260.

⁵¹ Там же. С.252.

⁵² Там же. С.175.

⁵³ Любак А. де. Католичество. Социальные аспекты догмата. Милан, 1992. С.181.

общественной жизни. При этом он вовсе не считает себя одиноким борцом с общественной несправедливостью, хотя в реальных условиях его сибирского заточения именно так оно и было. Но вопреки вынужденной изоляции он рассматривает свою миссию как часть общего дела. Как христианин он мыслит себя только в лоне католической церкви, а как политик считает себя «представителем системы, которую легче упразднить, чем опровергнуть» (211).

Руководствуясь высокими примерами Церкви в лице ее святых, Лунин строит свою личность по канонам католической святости. Любимым его чтением в Сибири становится «*Acta sanctorum*» (Жития святых) – многотомное издание болландистов, растянувшееся на несколько веков.

«Мы заблуждаемся, – заносит он в Записную книжку, – когда отвергаем пример святых, считая его для нас непосильным. Илия был такой же человек, как мы, подверженный тем же страстям, говорит апостол Иаков. Илия был человек, подобный нам (Посл. Иак. V. 17)» (187).

В то же время как политик Лунин воодушевляется примерами античных героев, подвергшихся тяжелому наказанию, но не павших духом. Он делает выписки из сочинений античных авторов о знаменитых изгнанниках, продолжавших даже в изгнании служить своему отечеству. Однако, следуя их примеру, Лунин делает различие между материализмом язычников и духовными устремлениями христианина:

«Последним желанием Фемистокла в изгнании, – пишет он, – было, чтоб перенесли остатки его в отечество и передали родной земле; последнее желание мое в пустынях Сибирских – чтоб мысли мои, по мере истины в них заключающейся, распространялись и развивались в уме соотечественников» (5).

Политическая борьба и католицизм сливаются для Лунина, в конечном итоге, в идеале мученичества, которым, по замыслу, должен был завершиться его жизненный путь. Он сознательно шел навстречу уготованной ему гибели в страшном каземате акатуйской тюрьмы. Ему давно уже были чужды заботы сегодняшнего дня, которыми жило большинство его товарищей. Чем суровее требования Лунин предъявлял к себе, тем выше становилась стена непонимания, отделяющая его от вчерашних единомышленников. Идея мученичества, последовательно воплощаемая Луниным в жизнь, встретила не меньше толков среди его товарищей по заключению, чем его католицизм.

И.И.Пуцин писал И.Д.Якушкину 30 мая 1841 г.: «Лунин сам желал быть *martyr*⁵⁴, следовательно», он должен быть доволен. Я и не позволяю

⁵⁴ мучеником (фр.)

себе горевать за него. Но вопрос в том, какая из этого польза и чем виноваты посторонние лица, которых теперь будут таскать?»⁵⁵. Слово «мученик», написанное по-французски, выделяется как «чужое слово», взятое автором из лунинского лексикона и указывающее на дистанцированное отношение к нему Пущина.

Якушкин отвечал более резко: «Он хотел быть мучеником; но чтобы мочь и хотеть им сделаться, нужно было бы прежде всего быть способным на это. По хорошо известным причинам этого никогда не будет у Лунина. Государственный преступник в 50 лет позволяет себе выходы, подобные тем, которые он позволял себе в 1800 году, будучи кавалергардом; конечно, это снова делается из тщеславия и для того, чтобы заставить говорить о себе»⁵⁶.

С такой оценкой не согласился С.П.Трубецкой, который пытался не осудить, а понять Лунина: «Тщеславие не может заставить человека желать окончить свой век в тюрьме, тогда как религиозные понятия могут возбудить желание мученичества. И я полагаю, что в Луinine было что-нибудь подобное»⁵⁷.

Лунин и его оппоненты живут в различных измерениях, и каждая сторона имеет свою правду. Можно легко понять беспокойство Пущина за «посторонних лиц». Однако для Лунина, являющего собой высокий образец религиозного и гражданского служения, жизнь меряется другими критериями. Он живет в согласии с собственным пониманием свободы и счастья, которые имеют для него абсолютный смысл, не связанный с сиюминутной реальностью.

Свобода соединяет человека с обществом, она внутренне присуща общественному развитию, так как, в терминологии Лунина, является «органической идеей», и в силу этого рано или поздно одержит неизбежную победу над деспотизмом. Свободным можно быть только в свободном обществе. Религиозным коррелятом свободы является счастье. Оно не зависит ни от каких внешних обстоятельств. Поэтому счастливым человек может быть везде. Более того, в условиях физической несвободы (заключения, ссылки), ощущение счастья может возрастать, так как ограничение общественных отношений усиливает связь человека с Богом – то единственное, что способно дать человеку счастье.

Проблема счастья становится одной из центральных в сибирских сочинениях Лунина.

«Удивительное дело, – пишет он сестре, – как постепенно приходит счастье! чем ближе конец моего пути, тем более попутен мне ветер» (40). «Истинное счастье – в познании любви к бесконечной истине» (208). Поскольку высшая Истина не подвластна ограниченному рассудку человека, он познает ее через относительные истины, в которых она проявляется. «Положительные истины превышают человеческий разум. Мы постигаем их только отчасти, видим гадательно как сквозь

⁵⁵ Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1988. С.169.

⁵⁶ Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма. М., 1951. С.285-286.

⁵⁷ Трубецкой С.П. Указ соч. Т.1. С.303.

тусклое стекло (I Соч. XIII. 12). Впрочем нужно только знать, есть ли они или нет. Для этого мы имеем свидетельства, которые суть относительные истины. Свидетельства ведут к... распознанию истинной церкви» (172-173).

При этом относительные истины даже при видимом противоречии друг другу не перестают быть свидетельствами абсолютной истины. Главное заблуждение протестантов «не в том, что они следуют чему-то ложному, а в том, что следуют одной истине, отвергая другую» (183).

Одним из примеров противоположных истин, приводимых Луниным, является следующее умозаключение: «Католическая церковь непогрешима: люди, к ней принадлежащие грешны. Эти истины противоположны, но друг друга не исключают» (194).

Истина и счастье не даются человеку в готовом виде, но могут быть обретены везде, где совершается необходимая внутренняя работа, где человек руководствуется высокими примерами церковной истории. В борьбе с собственными страстями, в очищении души от всего земного Лунин выковывал свою личность. И чем тяжелее становились внешние условия, тем ощутимее являлись результаты:

«Тело мое страждет в Сибири от холода и лишений, но дух, освободившись от сих жалких пут, странствует по равнинам вифлеемским, делит с пастухами их бдение и вместе с волхвами вопрошает звезды. Всюду нахожу я истину и всюду – счастье» (167).

Политические идеи Лунина освящались его религиозностью, а его вера получала оправдание его политической деятельностью. При этом Лунин никогда не связывал будущее благополучие России с распространением католицизма. Это привело бы к построению очередной религиозно-философской утопии. Между тем сознание Лунина глубоко реалистично. Осуждая зависимость религии от политики, он в то же время не стремится к установлению обратной зависимости, что делает его мысль свободной и необычайно гибкой. Поиск истины для Лунина важнее построения законченной идеологической схемы. Это рельефно выделяет его идеи на фоне современных ему религиозно-философских и социально-политических систем.

К.П.Грушко

Номо Quakerus: мировоззрение Стивена Греллета.

*The proper study of mankind is Man*¹

А. Поп. «Самопознание».

Может ли исторический метод, призванный отвечать лишь целям исследователя, отражать и саму сущность изучаемого явления? Как выглядит квакерство в свете персональной истории?

Учение английских Друзей (то есть квакеров) возникло в середине XVII века; оно основывалось на представлениях крестьян и мелких ремесленников северо-западной Англии – сикеров, рантеров, баптистов, милленариев, которые группировались вокруг основателя движения Дж.Фокса и вслед за ним именовали себя «Детьми Света» или «Друзьями Истины». Испытав мистическое озарение, Дж.Фокс начал проповедовать доктрину «внутреннего света»: общение с Богом может происходить только посредством божественного откровения, жизнь христианина должна быть подчинена поиску внутреннего контакта с Богом; любой, кто обрел Христа в собственной душе (*the Christ within*) не нуждается в церкви и ее религиозных атрибутах².

Духовно-практические истоки квакерской веры определили ее развитие. Религиозные взгляды Друзей первоначально не получили систематического богословского оформления и отличались противоречивостью³. Во второй половине XVIII века Друзья уже составляли значимую часть населения Англии и США, участвовали в политической жизни, осуществляли преобразования в общественной и религиозной сферах, способствовали развитию естественных наук (химии, биологии, ботаники), образования и искусства⁴. К этому времени учение Друзей обросло теологическими сочинениями, которые отражали религиозные настроения квакеров и породили

¹ «Истинный предмет изучения человечества есть Человек».

² *The Journal of George Fox*. London, 1975. P. 9-21.

³ Сходным образом, персональная история никогда не располагала единым сводом доктрин и обязательных методов, ее понятийный аппарат создавался путем сравнения многочисленных приемов изучения источников и продолжает расширяться на наших глазах. Такое разнообразие даже позволяет некоторым ученым усомниться в существовании персональной истории как особой школы исторического исследования.

⁴ Об участии квакеров в научной и культурной жизни см.: *Wason M.H. The Quiet Rebels. The story of the Quakers in America*. Philadelphia, 1985. P.151-175.

дискуссии, приведшие к расколу в квакерском сообществе, к изменению внутреннего и внешнего облика *homo Quakerus* – «человека квакерского». Взаимосвязь данных процессов принуждает разобраться, каким образом перемены в квакерском мирозерцании отразились на обществе Друзей⁵.

Мое повествование об американском квакере Стивене Греллете началось с рассказа о его вкладе в осуществление идеи ненасилия в XIX веке⁶. Сведения, почерпнутые из опубликованных дневников и мемуаров этого известного проповедника, подсказали основную мысль: главным его устремлением являлась практика. Этот вывод вполне соответствует нашим знаниям о неутомимой социальной и религиозной деятельности Друзей, особой роли понятия «*action*» («действие») в квакерском лексиконе. Труды Греллета на благо общества и религии – выражение его личных воззрений, о которых не было возможности поведать в указанной статье. В настоящей работе я постараюсь восполнить этот пробел, вновь опираясь на сборник дневниковых и мемуарных записей квакера⁷.

Кое-что об источнике и историографии вопроса

Сочинения о жизни и деятельности С.Греллета можно разделить на две категории – биографические реконструкции и труды общего характера. Авторы последних, как правило, ограничивались кратким жизнеописанием, не стремясь постичь индивидуальные особенности квакерского сознания. Судьба Греллета лишь частично освещалась в зарубежных исследованиях, специальному изучению его личности посвящена только одна монография.

Необычные обстоятельства связали Греллета с его первым биографом. В 1800 г., с началом наполеоновской кампании, дос-

⁵ См.: *Ingle H.L. Quakers in conflict: the hicksite reformation*. Knoxville, 1986.

⁶ Грушко К.П. Стивен Греллет и практика ненасилия в первой половине XIX в. // *Ненасилие*. М., 2000. С.100-115. Автор сознает ответственность ввода данного имени в оборот отечественной науки. В русскоязычной литературе Стивен Греллет упоминался всего несколько раз, причем в большинстве случаев транскрипция его имени была ошибочной: исконно французское *Etienne de Grellet de Mobillier* превращалось то в «Стефана Греллэ-де-Мобилье», то в «Стефана Грелье». Такое прочтение имени квакера перекочевало и в новейшую публикацию (Пыпин А.Н. Религиозные движения при Александре I. СПб., 2000. С.457-462, 465), где можно обнаружить еще одну версию – «Грилье». Исходя из того, что в своей квакерской ипостаси (и, соответственно, в зарубежной историографии) наш герой известен под английским именем *Stephen Grellet*, правильным кажется выбранный вариант его точного перевода на русский язык – Стивен Греллет.

⁷ *Memoirs of the life and Gospel labours of Stephen Grellet: in 2 vols*. L., 1862. В дальнейшем ссылки на «Мемуары» С.Греллета приводятся в тексте (MSG, I/II – номер тома, номера страниц).

туп англичанам и американцам на территорию континентальной Европы был затруднен. В 1813-1814 гг. Греллет первым из Друзей «прорвал» эту блокаду и навел европейских квакеров. Однажды, в немецком местечке Пирмонт ему потребовался переводчик. Воспользовавшись услугами шестнадцатилетнего парня, владевшего английским и немецким языками, квакер продолжил путешествие. Однако в жизни юного немца данный эпизод не прошел бесследно. То был Бенджамин Сибом – будущий редактор мемуаров и дневников Греллета, опубликованных в 1860 г. и неоднократно переиздававшихся в последующие годы⁸. Много лет спустя он переехал в Англию и вступил в общество Друзей, тесно подружившись с Греллетом и его семьей (MSG.I.266-267).

Сибомовская концепция биографии Греллета была поддержана последующими учеными. Он полагал, что религиозные, философские, политические и социальные представления квакера существенно менялись под воздействием обстоятельств. Только этим, по его мнению, объяснялись внезапные превращения Греллета: набожный католик неожиданно становился вольтерьянцем, а затем – в считанные месяцы – квакерским проповедником. Сибом усматривал в этом высший промысел, ибо не сомневался, что исторический процесс и человеческая жизнь направляются божественным провидением (MSG.I.13-16). Благодаря Сибому внимание исследователей было привлечено к таким важным моментам, как участие Греллета в английской пенитенциарной реформе и в деятельности российского Библейского общества. Дополняя дневники и мемуары Греллета комментариями, Сибом не стремился изучить мировоззрение квакера и не делал выводов о его влиянии на общество Друзей (см.: MSG.I.197, 218, 256, 270, 354, 358, 361).

Осуществить это попытался Джон Каннингэм – первый ученый, обратившийся к наследию Греллета и вписавший его деятельность в полотно квакерской истории. На основании опубликованных Сибомом данных Каннингэм не только дал оценку общественным трудам Греллета, но детальнее, чем все последующие ученые, проследил особенности его биографии⁹. Основное достоинство Каннингэма – в стремлении логически объяснить религиозный феномен. Он подтвердил, что именно мистические откровения под-

⁸ Smith J.R. A descriptive catalogue of Quaker books, or books written by members of the Society of Friends, generally called Quakers, from their first rise till the present time. L., 1867. P.244.

⁹ Cunningham J. The Quakers from their origin till the present time: an international history. Edinburgh, 1868. P.230-245, 259-285, 300-325.

талкивали Греллета к совершению тех или иных поступков¹⁰. Историк проверял сведения из «Мемуаров» по дополнительным источникам (дневникам Э.Фрай, У.Аллена, Д.Гарни и др.), следуя концепции Сибоба об изменениях в религиозном сознании Греллета. Принимая во внимание французское происхождение квакера, Каннингэм, однако, именовал Греллета «американским Другом» и впервые обстоятельно проанализировал его миссионерскую деятельность, масштабы которой поражали. Секрет успехов Греллета Каннингэм видел в следующем: а) в наличии в распоряжении квакера рекомендательных писем, имевших в то время «поистине магическую силу»; б) в квакерском универсализме, привлекавшем сторонников иных движений; в) в том факте, что Греллет не столько распространял учение Друзей, сколько стремился творить добро – это была «миссия милосердия и всемирной доброй воли»¹¹.

Нельзя не согласиться с этими утверждениями. Однако в своем подходе Каннингэм не уделял личностному фактору должного внимания. В сходном ключе биографию Греллета рассматривал и автор другой монографии по истории квакерства, Н.Далглиш. Нередко цитируя Каннингэма, в своем эссе «Друг из Франции» Далглиш открывает новую тему – Греллет и унитарянство. Это течение, рассуждал ученый, оказало влияние на всех Друзей, от схизматика Э.Хикса до сражавшихся с ним евангелистов; не миновало оно и Греллета¹².

Серию биографий нашего героя завершает книга Уильяма Комфорта «Стивен Греллет: биография. Квакерский вестник доброй воли», появившаяся в разгар Второй мировой войны. Американский профессор имел неоспоримое преимущество перед всеми предыдущими исследователями – доступ к собранию рукописей Греллета, хранящихся в филадельфийской «Квакерской библиотеке». Отметив, что «со времени последнего серьезного исследования биографии С.Греллета прошло более восьмидесяти лет», Комфорт выразил надежду, что в результате его разысканий Греллет «перестанет... быть необъяснимой фигурой»¹³.

Рисуя биографическое полотно, Комфорт пишет о необходимости читать дневник Греллета между строк, дабы постичь индивидуальные особенности его сознания, и, в отличие от Каннингэма, скло-

¹⁰ «Бывает, мы размышляем, и нам кажется, что мы видим и слышим. Не объясняет ли это озарений Греллета, а также все подобные случаи, которые мы склонны считать чистой выдумкой?..» – *Ibid.* P.234-235.

¹¹ *Ibid.* P.278-280.

¹² *DalGLISH D.N.* People called Quakers. Freeport (N.Y.), 1969. P.133, 145, 151.

¹³ *COMFORT W.W.* Stephen Grellet. A biography. The Quaker ambassador of the good will. N.Y., 1942. P.II.

нен приписывать успехи Греллета его манере общения с людьми, поведенческой стратегии. В то же время, используемая Комфортом методика не позволила ему подробно исследовать квакерское мировоззрение. В соответствии с высказыванием Ипполита Тэна о том, что «время, национальность и среда есть определяющие факторы в жизни великих людей...», Комфорт посчитал необходимым «оценить состоятельность квакерского учения... в конкретный исторический момент»¹⁴. С этой точки зрения становление личности и трансформации сознания не представляли большого интереса, и Греллет, к сожалению, по-прежнему оставался «необъяснимой фигурой».

Внимание отечественных ученых привлекают также некоторые публикации, повествующие о деятельности Греллета в России. Эти работы содержат немало полезных сведений для изучения его личности, но относятся скорее к источникам, нежели к биографическим сочинениям. По этой причине, позволю себе ограничиться кратким их перечислением¹⁵.

Биография Стивена Греллета

Реконструкция биографии – неотъемлемая, но вспомогательная часть нашего исследования. Я не стремлюсь составить концептуальный рассказ о судьбе Греллета, все объясняющий и сглаживающий шероховатости. Восстановим лишь хронологическую последовательность основных событий, которые помогут нам понять особенности его мировоззрения.

Этьен де Грелле де Мобилье (*Etienne de Grellet de Mobillier*, 1773-1855) родился во французском городе Лиможе¹⁶. Его родители были состоятельными аристократами: отец Габриэль Марк Антуан де Грелле – главным поставщиком фарфора ко двору Людовика XVI; мать Сюзанна происходила из знатного рода Сенамо. Шестеро де-

¹⁴ *Ibid.* P.I; также об этом: P.12, 39.

¹⁵ *Benson J. Quaker pioneers in Russia.* L., 1902; *Scott R.C. Quakers in Russia.* L., 1964. Перечень упоминаний о Греллете в отечественных трудах исчерпывается несколькими работами. Наиболее значимы среди них: *Сушков Н.* Квакеры в Петербурге (из «Записок о жизни и времени святителя Филарета митрополита Московского») // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1867. Кн.1. (январь-март). Смесь. С.149-153; *Он же.* К рассказу о квакерах (из «Записок о жизни и времени святителя Филарета митрополита Московского») // Там же. 1870. Кн.1. Смесь. С.235-247; *Осинин И.Т.* Записки Квакера о пребывании в России (1818-1819 гг.) // Русская старина. 1874. Т.9. №1. С.2-37; *Пыпин А.Н.* Император Александр I и квакеры // Вестник Европы. 1869. №10. С.751-769. Последняя статья опубликована в недавно переизданном комментированном сборнике сочинений А.Н.Пыпина (см. прим.6).

¹⁶ Очерк составлен по первым главам «Мемуаров» Греллета.

тей, из которых Этьен был пятым, получили достойное воспитание; католическая набожность сочеталась в них с истинно светской образованностью. Две сестры Этьена постриглись в монашество; сам он вместе с братьями поступил в лионский «Ораторский коллеж» – одно из наиболее строгих учебных заведений Франции. Когда Этьен готовился было с успехом окончить коллеж и «искать мирских утех»¹⁷, события Французской революции нарушили привычный ход жизни нобилитета. Родители Грелле были надолго заключены в тюрьму, их имущество конфисковано. Вместе с другими роялистами братья Грелле бегут в Германию. Затем Этьен и его старший брат Жозеф в надежде присоединиться к союзнической армии роялистов направились в Кобленц. Их приняли в конную королевскую гвардию, состоявшую, в основном, из представителей дворянства.

Весной 1792 г. Этьен с Жозефом, чудом вырвавшись из плена, бегством спасаются в Амстердам. Потеряв возможность соединиться с семьей, в январе 1793 г. они отплывают в Демерару (колонию Нидерландов на территории современной Гайаны, к северо-западу от Бразилии). Пробыв здесь около двух лет и насмотревшись на жестокости рабовладения, ранившие религиозные чувства Этьена, в конце 1795 г. он был вынужден вместе с братом перебраться в Нью-Йорк. Поводом к этому стал случай, глубоко запечатлевшийся в сознании будущего квакера: завидев мачты приближающихся кораблей, братья решили, что французский революционный флот идет захватывать Демерару. Для двух аристократов-роялистов бегство из колонии стало единственным способом избежать гибели. Но по прибытии в Нью-Йорк они выяснили, что их опасения оказались напрасными: то были корабли дружественной английской эскадры.

В США братья по чистой случайности поселились в доме американского офицера, сочувствовавшего квакерским религиозным взглядам. Под влиянием дочери офицера и посещавших этот дом местных квакеров Этьен увлекся сочинениями Уильяма Пенна¹⁸, все больше проникаясь уважением к доктринам Друзей. В 1796 г. он переехал в Филадельфию и под именем Стивена Греллета стал членом квакерского общества. С этого времени Греллет в новом для него качестве проповедника начинает свои путешествия: сна-

¹⁷ Dalglish D.N. Op.cit. P. 130.

¹⁸ Уильям Пенн (1644-1718) – английский квакер, основатель и законодатель британской колонии Пенсильвания в Северной Америке. Известен конституционным проектом, который, по утверждению исследователей, стал прообразом нынешней американской конституции. Его основное богословское сочинение «*No Cross, No Crown*» послужило источником первого знакомства Греллета с квакерскими идеями.

чала по Северной, а позднее – Центральной Америке, Европе, малой Азии и иным регионам.

В 1799 г. квакер переселился в Гринич-вилледж, небольшой городок на Манхэттене, близ Нью-Йорка. Вместе с Джозефом, как теперь именовали его брата, Греллет открыл собственный магазин, а вскоре совместно с одним из Друзей – страховую контору, которая обеспечивала его до конца дней. Спустя год, вернувшись из путешествия по северо-восточным штатам и Канаде, Греллет женился на дочери нью-йоркского квакера. В 1807 г. он решился, наконец, посетить родную Францию и после плавания, исполненного опасностей, достиг марсельского порта. Трудно сказать, однако, что было для него важнее: увидеть близких или посеять в них семена квакерской веры; посетить родные места или встретиться с французскими Друзьями.

Через девять месяцев Греллет возвратился в Америку, но уже в следующем году отправился в странствие по южным штатам, посещая собрания местных квакеров и распространяя среди южных рабовладельцев идеи аболиционизма. Прежде, чем пуститься в дорогу, Греллет узнает, что в Гриниче неподалеку от его дома умирает великий Томас Пэйн – просветитель, автор «Здравого смысла», «Прав человека», идейный вдохновитель войны США за независимость. Греллет навестил Пэйна на смертном одре и был озадачен: известный человек пребывал в полном одиночестве. В беседе с квакером Пэйн отрекся от деизма, который исповедовал всю жизнь, и сообщил, что хотел бы сжечь свои творения. Перед расставанием Пэйн попросил снова навесить его, но Греллет поручил старца знакомой квакерше и, следуя велению «внутреннего света», устремился на юг.

В 1811 г. Греллет вновь ощутил потребность пересечь Атлантику. Так началось его первое длительное (второе по счету) путешествие по Старому Свету (1811-1814). В 1813 г. Греллет объехал тюрьмы и богоугодные заведения Лондона, обращая внимание на ужасающие условия содержания заключенных и бездомных. Посетив центральную лондонскую тюрьму Ньюгейт и пересыльные узилища «Комптерс», он рассказал об увиденном Элизабет Фрай, одной из виднейших квакерских реформаторов того времени. Английские Друзья начинают активно помогать заключенным, снабжают их одеждой и пропитанием, устраивают тюремные школы и содействуют упразднению съезжих казематов. 1813 г. считается началом пенитенциарной реформы в Англии.

Греллету предстояло еще два европейских путешествия. Первое из них (1818-1820 гг.) близко сердцу отечественных историков,

ибо включало визит в Россию в конце 1818 – начале 1819 г. и встречи с императором Александром I. Оно явилось самым масштабным из всех странствий Греллета за пределами Соединенных Штатов. Вместе с известным квакером, химиком и филантропом Уильямом Алленом Греллет посещает Англию, Норвегию, Швецию, Финляндию, пересекает Российскую империю и Черное море, разъезжает по Турции, греческим островам и материковой Греции, направляется в Неаполь, Рим, через альпийские перевалы попадает в Швейцарию, Баварию, Францию и снова оказывается на берегах туманного Альбиона. За два с лишним года ему удалось пообщаться с представителями всевозможных конфессий и встретиться с важнейшими религиозными и государственными деятелями того времени – от папы Римского до турецкого султана.

Через год после возвращения в Америку Греллет отбыл на Гаити. На центральной площади Порт-о-Пренса собралась самая большая аудитория, перед которой Греллету когда-либо приходилось выступать – шесть тысяч солдат и местных жителей. Квакер стремился изменить местную образовательную систему, установленную католическими прелатами. По его совету в школах распространялась евангелическая литература, Библия, изымались сочинения Вольтера. Подобный обскурантизм не мешал Греллету настаивать на том, чтобы всякий взрослый житель острова имел возможность познакомиться с любым интересующим его сочинением. Для этого квакер вместе с генерал-губернатором Гаити помогает устроить в Порт-о-Пренсе публичную библиотеку.

Примерно с середины 1820-х годов для общества Друзей наступают трудные времена. Квакеры, вовлеченные в ряд расколов, вынуждены изменить стиль взаимоотношений с братьями по вере и с остальным миром. Греллет, порядком утомившийся от странствий, принимает участие в богословских дискуссиях. Однако уже в 1831 г. он решается снова посетить Европу. По прибытии в Англию квакер определяет, что целью новой поездки явится католическая Испания. Встреча с королем Фердинандом VII послужила прекрасной возможностью склонить монарха к благотворительности, устройству богоугодных заведений и больниц, к реформированию тюремной системы. Покидая страну, квакер оставил Фердинанду VII пространную записку, в которой отмечались недостатки в управлении государством, организации общественных и религиозных институтов. Затем Греллет направился в Ирландию, принял участие в местных собраниях Друзей и в мае 1834 г. отбыл из Ливерпуля домой. Во время своего последнего путешествия в Европу квакер покрыл расстояние более 44 тыс. километров.

Рассказ о европейских странствиях занимает большую часть первого и почти треть второго тома 800-страничных «Мемуаров» Греллета. Его разъезды по размаху не сравнимы с путешествиями многих известных Друзей того времени и не могли не сказаться на здоровье. В середине 30-х гг. Греллет спешествует созданию миротворческого общества, переписывается с английскими Друзьями, регулярно посещает квакерские собрания в Филадельфии, перемещается из одного штата в другой, но до самой смерти ни разу больше не покидает территории США. Теперь уже европейские Друзья считают своим долгом навестить Греллета и его семью. Тем не менее, до последней минуты Греллет не оставлял надежды внести свой вклад в решение широкого круга проблем. Надеясь предотвратить назревавший Крымский конфликт, он участвует в составлении петиции Николаю I. В 1853 г. он вместе с Друзьями сочиняет аболиционистское послание, которое было направлено будущему президенту Соединенных Штатов Аврааму Линкольну. Зимой 1855 г. Греллет скончался в собственном доме.

Религиозный облик С.Греллета

Правомерно ли разделять религиозные и социальные воззрения человека? Очевидно, что религиозные понятия верующего оказывают влияние на образ мира, общественного устройства, складывающийся в его сознании. Например, христианский универсализм – благодатная почва для идеи социального равенства. Все помыслы такого человека подчинены вере в Бога, идее Бога и не могут абстрагироваться друг от друга. Тем не менее в процессе изучения религиозных представлений, обособить их необходимо: так мы сможем понять их истоки.

Отношение С.Греллета к религии с самого начала было сложным. Еще в католическом «Ораторском коллеже» он не принял на веру основные таинства папской церкви. По словам Греллета, с детских лет его посещали мистические откровения, которые порой помогали ему выучить необходимый урок (MSG.I.6). Отнесемся к этим словам с осторожностью, ибо сказаны они были спустя много десятилетий. Факты же свидетельствуют, что во время обучения в коллеже Греллет отказывался исповедоваться, не понимая, почему облаченный в священническую рясу человек имеет право отпустить грехи другим людям (MSG.I.6). Революционные потрясения не способствовали поддержанию душевного равновесия; по мнению Греллета, тревога за родных и за собственную безопасность лишь усилила его бесчувственность («*insensibility*»).

Как говорилось выше, в подробностях восстановить события детства и ранней юности Греллета невозможно. Однако, общая картина его жизненных и душевных терзаний налицо. Отсюда три предположительных сценария развития его религиозных представлений: *полное безверие, религиозный рационализм, мистицизм*. О возможности каждого из них свидетельствует дальнейшая судьба Греллета. В Демераре он увлекся сочинениями Вольтера и других французских философов (MSG.I.14), но уже через два года вступил в общество Друзей. По мнению большинства исследователей, квакерские симпатии стали закономерным этапом духовного развития чуткого к божественным откровениям юноши; увлечение же деизмом и атеизмом было вызвано жизненными неурядицами. Вот почему биографы Греллета почти не уделяют внимание душевной смуте, терзавшей его уже *после* вступления в общество Друзей.

В 1800 г., после четырех лет квакерского служения, Греллет испытывает глубокий кризис и прекращает очередное путешествие по США (MSG.I.61). Но главное – он предвидит, что такое может случиться в дальнейшем и пытается морально подготовиться к этому. Позднейшие дневниковые записи показывают, что он не ошибался: подобные испытания, порожденные в разное время различными обстоятельствами, имели, видимо, общую природу, укорененную в сознании Греллета. Внешней причиной душевного смятения могло стать отсутствие религиозного воодушевления среди собеседников квакера (MSG.I.180), неблагоприятные жизненные обстоятельства (MSG.I.338), сомнения в правильности выбранного решения (MSG.I.349). Во время второго путешествия в Европу Греллет намеревался посетить города средней и южной Италии. Дорожные злоключения привели его к мысли, что его намерения не соответствовали Божьему замыслу. Значит, размышлял квакер, его сознание не подчинено религиозному импульсу (MSG.I.233-234).

Для Греллета духовные испытания имели большое значение. В моменты просветления он говорил об очищении души, свойственном настоящему христианину (MSG.I.323). Внутренние страдания сродни аскезе, укрепляющей дух верующего. Греллет неоднократно заявлял о готовности к ним ради процветания христианской веры (MSG.I.253). Смятение является основанием веры, признаком духовного преображения человека, превращающегося в «новую тварь» («*constitute a new creature*») (MSG.I.179, 217-218). Исходя из собственного опыта и наблюдая за жизнью европейцев, Греллет усматривал немало причин внутренней неустойчивости человека – войны, природные катаклизмы, политические и религиозные преследования (MSG.I.246, 252, 349). Духовные кризисы, таким образом, способст-

вовали последующему обновлению, усилению религиозного чувства. Для Греллета переход от одного состояния к другому – закономерность. Восстановление веры мыслится им в совокупности с человеческой физиологией: поводом к духовному перерождению в ряде случаев является физическое недомогание (MSG.I.45). Однажды, по дороге из Орла в Курск, Греллету пришлось преодолеть пешком значительное расстояние. Чувствуя усталость, он молится Богу и его силы моментально восстанавливаются. Духовное обновление, по его словам, «освежает не только дух, но и тело» (MSG.I.396-397). Чувствительность к подобным переживаниям заставляла Греллета участливо относиться к другим людям:

«Будьте внимательны, друзья мои, – пишет он в 1797 г., – и не осуждайте Ваших ближних... ибо подобные испытания могут быть ниспосланы на вас...» (курсив Греллета – К.Г.) (MSG.I.36-37).

Греллет указывал на противоречие между собственной душой и телом (MSG.I.16, 37). Он был уверен в наличии двух ступеней приобщения к религии, выражаемых терминами «обращение» («*conversion*») и «убеждение» («*conviction*») ¹⁹. «Обращение» – первый этап на пути к вере, умственная заинтересованность в определенной доктрине. В то же время, размышляя о собственном религиозном опыте, Греллет употреблял понятие «убеждение», которое понимал как духовное, внутреннее приобщение к религиозным ценностям – независимо от того, шла ли речь о его увлечении католицизмом (MSG.I.7) или квакерством (MSG.I.11).

Приняв решение стать членом общества Друзей, он замечает:

«Истоки моей веры, природа свидетельств, которые я излагал другим людям, а также то, что я считал своими убеждениями – все это я подверг анализу. Я понимал, что мне не подобает становиться членом религиозного общества, пока я не утвердился в его христианских принципах и не был уверен, что эти принципы совместимы с Истиной, какова она в Иисусе Христе» (MSG.I.30). «...убеждение в Божественной Истине» есть прямой путь к вере. Тем не менее, он пишет: «...я часто чувствовал, сколь большая ответственность возлагается на тех, кто по убеждению вступил в Общество [Друзей – К.Г.], ибо если мы войдем в ложные врата, сиречь не во врата одновременного убеждения и обращения, мы не сможем приносить пользу людям... и самим себе» (MSG.I.30).

Вхождение в круг Друзей стало для Греллета истинным испытанием: он сомневался, соответствуют ли его верования квакерским доктринам, а безмолвным собраниям предпочитал уединение, дабы никто не мешал ему прислушиваться к велениям души (MSG.I.47). Решение Греллета стать членом квакерской организа-

¹⁹ Такой перевод слова *conviction* предпочтительнее, нежели его церковный эквивалент «осознание греховности».

ции нельзя отнести за счет какой-либо одной, главенствующей стороны его религиозного сознания. Оно объясняется также желанием обрести друзей в незнакомых краях и пониманием роли коллективных институтов в жизни каждого индивида.

Развитие религиозных представлений Греллета произошло одновременно в разных направлениях. Увлечение трудами Вольтера не являлось случайным, как не было спонтанным и вступление в общество Друзей. Сочувствие Греллета социально-политическим и религиозным взглядам французских просветителей было вызвано его разочарованием в церковном формализме и отвечали духу времени. Даже отвращение квакера к революционерам, сгубившим его отца, не дискредитировало в глазах Греллета просветительские идеи Французской революции. Сам Вольтер симпатизировал многим Друзьям, их пацифистским и универсалистским принципам, трудовой этике. Не исключено, что внимание Греллета к трактатам У.Пенна, о «Священном эксперименте» которого Вольтер был самого высокого мнения, обуславливалось теми же причинами. Став квакером, Греллет не утратил духовных приобретений юности, что отразилось и на характере его общественной деятельности.

Религиозные взгляды Греллета основывались на вере в божественную сущность Иисуса Христа. Идею искупления первородного греха квакер неоднократно противопоставлял кальвинистской доктрине предызбранности ко спасению (MSG.I.66, 157-158, 217-218, 276-277). Вера в Христа и авторитет Писания являлись для него основными свидетельствами истинности вероучения. Обращение к опыту Христа есть не только определенное знание, но акт перерождения человека. Греллет утверждал, что верующих, исповедующих Христа и отвергающих его, разделяет пропасть (MSG.I.219-220). Христос – «Князь Мира» (*«Prince of Peace»*), и вражда иссякнет лишь в тот момент, когда люди объединятся и станут творить добро (MSG.I.103-106).

Вера в Христа подразумевает служение Богу – тяжелый духовный и физический труд. Это неудивительно, ведь, по словам Греллета, «кто много дарует, тот немало и требует» (MSG.I.79-80). Бог милосерден, но Его благодать испрашивается мольбами, которые встречаются практически на каждой странице «Мемуаров». Греллет обращается к Богу на улице, дома, в карете. Квакеры вообще не были склонны разделять пространство на священное и мирское, придавать значение местам, где происходил контакт с Богом. Их молитвенные встречи проводились в каждом удобном помещении; специальные «дома для собраний» (*meeting houses*) возводились лишь в организационных целях. Греллет, однако, был особенно при-

вязан к тем городам, в которых удостоился божественной благодати. Одним из них стала цитадель американского квакерства, Филадельфия – здесь откровение являлось ему наиболее часто (MSG.I.47).

По мнению Греллета, Бог воздействует на сознание верующего, который просветляется и совершает нечто, недоступное простому смертному, что порой не под силу даже великим мира сего (MSG.I.243-244). Обязанность христианина – быть чутким к «внутреннему свету», действовать по божественному наитию, а не по личному побуждению. Ибо мирская мудрость не в состоянии познать Бога, что бы ни говорили по этому поводу деисты и унитарии (MSG.I.141-142). Недостаток веры Греллет видел, прежде всего, в невежестве («*ignorance*»), самодовольстве («*self-righteousness*») и слабости к земным благам (MSG.I.73). Но даже невежество не может подавить религиозную чуткость («*religious tenderness*») – отмечал квакер после одного из молитвенных собраний с католиками и кальвинистами (MSG.I.100). Вслед за известным квакерским аболиционистом Д.Вулманом, главную причину расколов в обществе Друзей Греллет усматривал в мирском тщеславии, себялюбии и стремлении к наживе.

Проблема дисциплины среди верующих не столь малозначительна, как может показаться на первый взгляд. Выступая против квакерских схизматиков, Греллет полагал своей обязанностью не допустить розни в иных религиозных обществах. Французских «квакером» Конжени он помог составить дисциплинарный устав, предусматривавший назначение старост и попечителей. Сущность христианской дисциплины, пояснял Греллет, состоит в том, чтобы

«над всей паствой было установлено надлежащее попечение, особенно над теми верующими, кто возложил на себя ответственность проповедовать на собрании в качестве служителей, дабы оградить их от крайностей, которым они иногда бывают подвержены» (MSG.I.103).

Эту же мысль Греллет пытался внушить русским молоканам, чье учение весьма напоминало ему квакерскую веру (MSG.I.402, также об этом: MSG.I.110).

Несмотря на некоторые крайности в поведении Друзей-схизматиков, Греллет считал свое общество уникальным образцом духовной дисциплины. Он был уверен в необходимости квакерских собраний, выбора старост и попечителей. Современное ему общество Друзей, по его представлениям, по-прежнему являлось продолжателем традиций двухвековой давности и «хранителем Истины» (MSG.I.78-79, 85, 286). Вместе с тем, Греллет далек от сектантского противопоставления квакеров миру, что было харак-

терно для Друзей того времени. Христианская дисциплина и вера в Бога доступны всем (MSG.I.188-189).

Универсализм квакерского учения нашел у Греллета практическое применение. Его собрания посещали представители всевозможных конфессий – католики, епископалы (американские англикане), лютеране, кальвинисты, пресвитериане, конгрегационалисты, баптисты, методисты, николиты, килхэмиты и т.д. Нельзя не усмотреть в этом любопытство верующих к квакерским доктринам, имевшее место в США в первой половине XIX века. Для самого Греллета такое единение тоже не было случайным:

«Я нахожусь в ближайшем духовном родстве с членами религиозного Общества, которому я принадлежу; однако братья-христиане из других религиозных течений не менее близки мне. Любовь Христа – для всех, он умирал ради каждого из нас. Да откроет Господь сердца, дабы вняли они этому благоспасительному знанию...» (MSG.I.140-141).

Греллет наблюдал недостаток взаимопонимания между католиками, лютеранами и методистами, приходившими на его собрания, чтобы внимать «благоспасительному знанию»:

«Поскольку все это люди разных чинов и различных конфессий, ... я вынужден видаться с ними раздельно, в частных домах – до такой степени трудно собрать воедино столь разноликую компанию» (MSG.I.212).

Подчеркну, что Греллет имел в виду не только религиозные, но и социальные различия. Однако в вопросах веры материальное состояние не имеет значения:

«Я встречался с бедняками и богачами, с князьями и княгинями... все они говорили на одном языке, принимали не обряды, но Христа и его Дух» (MSG.I.256). В другом месте: «У бедных и богатых один Всемогущий Отец» (MSG.I.383).

Вопрос национальной принадлежности верующих волнует его постольку, поскольку благодать «внутреннего света» объединяет людей всех рас и народов. В 1819 г., пребывая в Феодосии, Греллет не может не отметить:

«В течение нескольких часов мы беседовали о спасении... – с татарами, магометанами, иудеями, греками и армянами!» (MSG.I.411).

Ряд доктрин, не соответствующих квакерским принципам, Греллет решительно осуждает. Среди них католические таинства крещения, причастия, исповеди; посты и крестные ходы, клятвы, присяги и т.д. (см., например: MSG.I.100, 338).

В этой связи У.Комфорт говорит о сохранившихся в сознании Греллета чертах католицизма:

«Наш бывший католик... не только общался с душами отсутствовавших квакеров, но наряду с католиками верил и в возможность связи с духами святых, что весьма отличало его от иных Друзей»²⁰.

Исследователь заключает, что католическое воспитание немало повлияло на мировоззрение квакера.

Что же сообщает об этом в своих «Мемуарах» сам Греллет? В 1804 г., странствуя по Квебеку, он устраивал молитвенные собрания для католических прихожан. Прознав, что некий квакер проповедует на их родном языке, эти люди стекались к Греллету, внимая квакерскому учению и выкрикивая: «Это правда!» (MSG.I.75). Ко многим из католиков Греллет относился с искренним уважением: в 1814 г. в Баварии он отмечает:

«Большинство католических священников я нахожу духовно чуткими людьми... они следуют букве Писания и практике ранней церкви. Оставаясь католиками, они по-прежнему любимы паствой и благотворно воздействуют на прихожан» (MSG.I.256).

Простота и глубина квакерской веры привлекали католиков и в других городах, что Греллет с радостью отмечал (MSG.I.240, 252).

Главной для Греллета являлась не видимость, а сущность веры, ее соответствие «Евангельским Истинам» («*Gospel Truths*») (MSG.I. 223-224). Судя по «Мемуарам», квакер относился к католикам так же, как и к представителям других конфессий – с истинно христианской позиции безграничного универсализма.

Религиозные взгляды Греллета невозможно отделить от его этики. Обмирщение квакерской секты, происходившее на рубеже XVIII-XIX в., Друзья воспринимали как проявление духовного кризиса, охватившего их общество. В отличие от схизматика Э.Хикса, Греллет не нападал на авторитет Священного Писания, а обращал внимание квакеров на семейную и общественную этику. Семейное воспитание – основа духовной дисциплины, дитя – благодатная почва для прорастания духовного семени. Кроме того, необходимо создавать воспитательные дома, в которых дети приобщались бы к вере и «страху Божьему» («*fear of God*») (MSG.I.101-102, 173, 209, 259, 275). «Я испытываю большой интерес к подрастающему поколению», – сообщает Греллет. Для полутора тысяч солдатских детей в Херсоне он устраивает молитвенное собрание (MSG.I.421).

Отношения в семье отражаются на всех проявлениях человеческой жизнедеятельности. Выступая перед солдатами на Гаити, Греллет разъяснял взаимосвязь между семейной гармонией и общественным порядком. Он призывал их обратиться к «Духу Исти-

²⁰ Comfort W.W. Op. cit. P.71.

ны», отказаться от распространенной здесь практики внебрачного сожительства, полагая, что крепкие семейные узы побудят солдат отказаться от пьянства и насилия, помогут им сосредоточиться на воспитании детей (MSG.I.299-300). Греллет говорил о необходимости «либерального женского образования», которое позволило бы матерям передавать детям свои знания (MSG.I.366).

Квакерская этика, несомненно, сильно повлияла на Греллета, определила его манеру поведения. Скромность, умеренность во всем, неприятие мирских развлечений сочетаются у него с трезвостью, пунктуальностью – необходимыми условиями не только духовного, но и делового процветания. Наиболее существенная для него черта – умение разумно распоряжаться материальными средствами. Один из гаитянских католических иерархов вызвал у Греллета неодолимое отвращение, ибо «тратил он деньги столь же легко, сколь и получал их» (MSG.I. 391).

Последней составляющей христианского воспитания является светское образование. Квакерские евангелисты того времени не уделяли ему должного внимания. Они полагали, что главным источником знаний является Библия, и основной своей задачей видели распространение Священного Писания, организацию для этой цели Библейских обществ. Греллет, без сомнения, был образцовым евангелистом; участвуя в делах Библейских обществ, он имел, однако, собственное представление о роли светского образования. Аристократ по рождению, своими познаниями в истории, философии и географии он превосходил многих Друзей. В письме английскому квакеру он отмечает:

«Некоторые считают, что я человек глубоких знаний; и все же главная моя наука – не ведать ничего, кроме Христа» (MSG.I.257).

Не кичась образованностью, в дневнике и воспоминаниях Греллет приводил исторические справки, сравнивал события прошлого с современностью, давал меткие характеристики историческим персонажам. Он сравнивал духовное и светское образование и приходил к выводу, что истинное религиозное знание («*spiritual knowledge*») можно получить не в колледжах и университетах, а лишь от самого Христа (MSG.I.186-187). В другой раз «знание Христа» Греллет противопоставлял «схоластическому знанию» – тому, что преподают в учебных заведениях (MSG.I.393-394).

В Америке, Европе и в России Греллет изымал из школьных библиотек деистические сочинения французских философов (в том числе Вольтера) и заменял их трудами христианских подвижников, известных квакеров, – не забывая, разумеется, о священных текстах. Как уже отмечалось, в подобных действиях нельзя не усмот-

реть определенного обскурантизма. Однако более пристальное изучение заставляет усомниться в этом. По мнению квакера, воспитанный в Истине человек сочетает в себе духовную и светскую ученость; последняя, тем не менее, не должна заслонять собой веру. Ярким примером целостной личности Греллет считал митрополита Филарета Московского (MSG.I.300, 308, 351). В целом, ученые люди (*«great and wise»*) независимо от их конфессиональной принадлежности вызывали у Греллета большое уважение (MSG.I.238-239). Фундаментальный квакерский принцип – свободу совести – он расширяет до требования свободного светского образования, доступного всем слоям общества (MSG.I.330, 338).

Главная мысль Греллета в ином: не вполне сформировавшаяся личность впечатлительна. Прочитав, к примеру, изречение Цицерона: «Когда жизнь становится человеку в тягость, величие его духа заключается в том, чтобы прекратить ее», юнец может отступить от Истины и встать на путь порока и безверия (MSG.I.357). Изымая сочинения Вольтера или Руссо из школьных библиотек, Греллет не «воевал» против просветителей – тем более, что не так давно сам почитал их. Он стремился оградить молодое сознание от влияния пагубных, по его мнению, антихристианских идей. Вновь и вновь Греллет пишет о необходимости светского образования, которое дает людям богатые возможности, «позволяет занимать гражданские должности, становиться врачами и т.д.» (MSG.I.365). Он восторгался организованным вдовствующей императрицей Московским институтом для благородных девиц и отмечал пользу таких заведений: «они получают здесь законченное образование не только книжного характера... но и такого, который делает их хорошими хозяйками...» (MSG.I. 383-384). С прискорбием он отмечал отсутствие в России школ для девушек из простых семей. Надлежащее светское и духовное образование, по его мнению, способствовало бы семейному и, следовательно, общественному порядку.

Социальный облик С.Греллета

У.Комфорт заметил: «У нас еще будет возможность напомнить читателю о том, что Стивен Греллет был французом. Английские и американские Друзья... не придавали этому факту особого значения.»²¹ Комфорт полагал, что поведение квакера в большой мере зависело от его французского, католического прошлого. Исследователь пользовался сведениями, исходившими от окружения Греллета.

²¹ *Ibid.* P.69.

Наша задача состоит в том, чтобы понять, кем ощущал себя сам Греллет и сделать вывод о степени свободы его поведения.

Основания для точки зрения Комфорта, несомненно, существуют. Переезд в Америку, изучение английского языка и вступление в общество Друзей Греллет осуществляет в сознательном, зрелом для того времени возрасте. Как мы уже видели, французский язык оставался для него средством бытового и религиозного общения с родственниками, французскими и канадскими католиками, русскими дворянами. В первые годы жизни в Америке Греллет отчетливо ощущал себя французским эмигрантом. Этому, видимо, способствовали три фактора: ностальгия, волнение за родных, оставшихся во Франции, а также интерес к исторической судьбе родины. Как следует из «Мемуаров», наиболее значимым для него являлся второй фактор. Не имея возможности переписываться с родителями, Греллет был вынужден полагаться на слухи, лишь усиливавшие его беспокойство (MSG.I.34-35). Став членом общества Друзей, квакер не утратил своих французских корней: страдая от желтой лихорадки, он даже заказал себе гроб с надписью: «французский квакер», а в одной из записей 1800 г. прямо именовал себя французом («*Frenchman*») (MSG.I.43-44, 63). Однако, духовное единение с Друзьями, их поддержка ускорили процесс ассимиляции. Уже в 1796 г. Греллет сетовал на то, что «внутренний свет» поглощает все его внимание, не позволяет ему сосредоточиться на размышлениях о Франции (MSG.I.35).

Дневниковые записи и переписка Греллета раскрывают характер его взаимоотношений с родными. Повествуя о причинах своего первого путешествия во Францию, он указывал: «меня привлекает возможность посетить вначале южную часть страны, где располагается небольшая группа людей, следующих нашему [т.е. квакерскому – К.Г.] учению» (MSG.I.94). Лишь по окончании миссионерских странствий он счел возможным навестить своих пожилых родителей. «Всему свое место и время» – эта любимая поговорка Греллета как нельзя кстати подошла бы к данному случаю. Он уговаривал отца и мать «жить в Истине», отказаться от католических «предрассудков» («*superstitions*») (MSG.I.115, 117, 214, 217). Ошибкой было бы считать, что интерес квакера к родным и близким охладел. Вместе с тем, в «Мемуарах» можно встретить намеки на сложный характер его отца, который, как с радостью отмечал Греллет, «за последние годы изменился; мягкость и доброта стали его отличительными чертами» (MSG.I.72-73).

По окончании революционных событий во Франции, препятствия к общению с родными стали преодолимы, волнение за их

судьбу несколько поугасло. С течением времени возрастают заботы Греллета о собственной американской семье. Его отношение к детям, жене и ее родителям в немалой степени определялись квакерской семейной этикой, сформировавшейся у него в общении с Друзьями (MSG.I.271, 283, 313 и т.д.). Несведущие современники удивлялись тому, как многолетние странствия квакеров не вызывают нареканий у их родных и близких²². Напомню, что в XIX в. Друзья по-прежнему сочетались браком преимущественно с членами своей секты и находили их полное взаимопонимание. Греллет утверждал, что иные «братья во Христе» становились ему дороже самых близких родственников (MSG.I.308).

Размышляя о Франции и называя ее, наряду с Америкой, «нашей страной», на деле Греллет дистанцировался от нее и все реже именовал себя «французским квакером» (последнее упоминание – MSG.I.199), чему должны следовать и мы. Однако окончательный вывод по данному вопросу можно будет сделать лишь после того, как практика Греллета будет сопоставлена с квакерскими нормами и выяснится степень свободы его поведенческой стратегии.

В ранние годы сознательной жизни квакера не зависевшие от него обстоятельства вынуждали его действовать вопреки личным намерениям. После вступления в общество Друзей судьба Греллета, по его мнению, была подчинена велениям «внутреннего света» – провидения, направлявшего его стопы (рассуждения на эту тему, например, см.: MSG.I.223-224). Даже смерть зависит от Божьего дозволения: когда в 1798 г. жизнь квакера подверглась опасности, «таинственный, но могущественный голос провозгласил: "Ты не умрешь, но будешь жить, ибо труды твои еще не завершены"..."» (MSG.I.44)²³. Характерное для сектантов неприятие мира и корпоративность квакерского общества регламентировали поведение Греллета вплоть до необходимости выражаться устаревшим языком или облачаться в старомодный квакерский костюм (MSG.I.147).

Однако Греллет осознавал возможность свободного выбора. В 1813 г., намереваясь отправиться из Турина в Пьемонт, он пишет, что не всегда способен объяснить свои намерения и понять, чем они вызваны – Божественным откровением или личными побужде-

²² Редактор журнала «Русская старина» не преминул отметить: «Даже семья не могла остановить ревностного квакера-миссионера от постоянных и продолжительных странствований по новому и старому свету» (Осинин И.Т. Указ. соч. С.28).

²³ С этим связано и общехристианское представление, запрещающее самоубийство как не согласованный с Богом волевой акт человека. «Бог дал – Бог взял», гласит народная пословица.

ниями (MSG.I.235-236). Нельзя не заметить, что тот или иной свой поступок Греллет зачастую мотивировал *post-factum*. В одном месте он даже утверждает, что, не имея божественного дозволения отправиться в Крым, он догадывался о том, что оно может последовать – что и произошло уже после посещения Крыма (MSG.I.188-189, 402-403). Квакер допускал, что волен уклониться от веления свыше, хотя и нечасто решался на это (MSG.I.205). Выбирая подходящее судно для возвращения из Европы домой, он полагался на Божью волю, но не считал зазорным отметить:

«Те, кто знают этот корабль, утверждают, что он малопригоден для плавания... но другого не будет, ибо в теперешнее военное время даже картельные суда плавают крайне редко... Я вынужден верить Богу, что это судно в сохранности доставит меня в Америку» (MSG.I.288).

Вера в божественное предначертание очень сильна, но на какое-то время квакер позволяет себе в нем усомниться.

Подобные колебания должны были хоть раз проявиться на практике. В записи от 9 октября 1811 г. Греллет сообщает, что откровение нередко подсказывало ему план действий лишь на день вперед, так что «просыпаясь утром я порой не ведаю, куда направиться» (MSG.I.157). Такое положение вещей немало смущало его. Собираясь в Филадельфию с религиозным визитом и не испытав откровения, Греллет пустился в дорогу в надежде обрести божественную поддержку в пути (MSG.I.51). В иных случаях он сознательно прерывал путешествие: «Я чувствовал заботу о Друзьях, населяющих северную часть этой провинции вблизи от озера Эри, однако не видел возможности посетить их. Дикие леса оказалось практически непреодолимыми... и я решил возвратиться в Кингстон» (MSG.I.81).

Одной из важных черт квакерского сознания с середины XVIII в. являлся конформизм. Дабы отстаивать свои убеждения мирными средствами, английские и американские Друзья старались не только укрепить свое общество, но и заручиться поддержкой властей. В XVIII-XIX вв. среди квакеров появились богатые предприниматели, заинтересованные в лояльности со стороны государства. В Пенсильвании квакеры становятся у руля власти, а после ухода из ассамблеи поддерживают тесные связи с правящими кругами, влияя на политическое и экономическое развитие колонии.

Греллет общался с представителями власти для выполнения собственных миссионерских, благотворительных и реформаторских задач. Сочетая, по свидетельству современников, квакерское прямотушие с французской учтивостью, он был желанным гостем в придворных кругах тогдашней Европы и России. Многие из знатных собеседников составляли для Греллета рекомендательные пись-

ма, которые облегчали ему доступ в различные общественные заведения и дома влиятельных особ (MSG.I.193, 216, 249). Для квакера общение с властями было не целью, а средством исправления мирских пороков. По его мнению, на власти лежит ответственность за большинство общественных несправедливостей, поэтому именно она может содействовать не только их устранению, но и предотвращению (MSG.I.379).

Отсюда, помимо прочего, его мысль о важности полицейских органов для поддержания порядка. Но одновременно – и соображение о необходимости сдерживания власти, которая ставит под угрозу свободу совести, безопасность граждан, порядок и стабильность в обществе. Когда в 1812 г. судья одного английского города запретил Греллету провести молитвенное собрание и пригрозил ему тюремным заключением, квакер послал ему следующее сообщение: «Я не знаю законов, при помощи которых власти могли бы воспрепятствовать моему молитвенному собранию» (MSG.I.182). Последовавшее предупреждение со стороны чиновников не испугало его, и собрание состоялось в назначенный час²⁴. Как и другие квакеры, Греллет не принимал связанную с отправлением власти практику принесения присяги. (MSG.I.250-251). Следующее его утверждение, на мой взгляд, проясняет его позицию: «Тому, кто стремится жить в Боге, нечего бояться человеческого надзора...» (MSG.I.426).

Немаловажной чертой социального облика Греллета является его отношение к предпринимательству. Ранние квакеры обличали общественное расслоение, обвиняли светских и церковных иерархов в несправедливом обогащении за счет бедняков. Во второй половине XVIII и начале XIX в. социальное расслоение проникает и в само общество Друзей. Наиболее влиятельные старосты и попечители, как правило, представляли процветающие квакерские семейства, что вызывало неудовольствие не только у «радикалов» вроде Э.Хикса, но и у более умеренных реформаторов, таких как Д.Вулман. В трактате «Ходатайство о бедных» последний раскрывал порочную, на его взгляд, страсть к наживе, основной причиной которой он видел себялюбие и тщеславие, пустившие корни в квакерских душах²⁵.

²⁴ Иные примеры взаимоотношений Греллета с властями приведены в упоминавшейся статье: Грушко К.П. Указ. соч. С.112-113.

²⁵ «Бедные люди, испытывавшие облегчение своих тягот и освобожденные от слишком плотного вовлечения в бизнес, получают хорошую возможность нанять других для помощи себе, хорошо заботиться о своем скоте и могут найти время, чтобы навестить своих знакомых, что является принадлежностью хорошо устроенной общественной жизни». – Вулман Д. Дневник. Ходатайство о бедных / Пер. Т.А. Павловой. М., 1995. С.258.

В отличие от многих Друзей, Вулман отказался расширять собственный бизнес и ограничился тем, что поддерживало насущные материальные нужды его семьи²⁶. Поначалу и Греллет не смог уделять предпринимательству должного внимания. Служение Истине, по его словам, поглощало все его время; дабы иметь возможность посещать молитвенные собрания он был вынужден то и дело закрывать свой магазин (MSG.I.68-69). Так продолжалось до тех пор, пока Греллет не начал миссионерскую деятельность. Заокеанские путешествия обходились в немыслимую сумму, а покупка лошадей (за время каждой поездки Греллет сменял по нескольку) часто приводила его на грань банкротства (MSG.I. 77, 78, 295 и т.д.). В ряде случаев Греллет предпочитал передвигаться пешком – так было дешевле. Как мы уже видели, содержание семьи и денежная помощь родителям принудили его сменить род занятий и вместе со знакомым квакером организовать страховое агентство «*Pearsall & Grellet*» (MSG.I.291-295). У.Комфорт приводит интересный документ – объявление об открытии фирмы, опубликованное Греллетом и Перселом 4 марта 1815 г. В нем, в частности, говорится: «Если Друзья позволят нам заниматься этим делом, то мы надеемся, что сможем полностью удовлетворить их потребностям и заслужить доверие»²⁷.

Греллет был расположен к деловой активности еще и потому, что квакерские проповедники не получали денег за свое служение. Лишь однажды ежеквартальное собрание выдало Греллету командировочные в размере 250 долларов, взяв обязательство употребить их на распространение квакерской литературы в Европе и России²⁸. Между тем, контора Греллета процветала: в 1817 г. ее доходы покрыли все траты на путешествия (MSG.I.313). Это позволяло ему надеяться, что к началу очередного странствия он сможет «оставить дела в удовлетворительном состоянии» (MSG.I.68-69). Забота о бизнесе не покидала Греллета и во время странствий: понимая, что длительное отсутствие перекадывало все дела на плечи партнера, по возвращении домой он активно включался в работу (MSG.I.312).

Греллет считал, что страсть к деньгам столь же порочна, сколь и расточительство (MSG.I.298). Бережливость – важная черта добродетели, ибо только с ее помощью можно скопить необходимые средства на благотворительность. Но в отличие от Вулмана, он не считал необходимым отказаться от экономического преуспевания и полагал, что деловая активность – лишь часть служения Богу и людям.

²⁶ Там же. С.45, 282.

²⁷ Comfort W.W. Op. cit. P.19.

²⁸ Ibid. P.187.

Фигура Греллета чрезвычайно показательна. Его опыт был необходим не только для распространения квакерских идей, но и для расширения квакерской ойкумены, интеграции квакерства в религиозную и социальную жизнь всего общества. С высоты исторической перспективы отмечу, что разносторонние представления, особенности характера, широта общественной деятельности и крайний религиозный универсализм Греллета позволили ему преодолеть противоречие между консерватизмом и традиционалистским реформизмом, которое привело к расколу в обществе Друзей в первой половине XIX века. Как показало время, такой подход мог стать единственным способом сохранения целостности и вместе с тем идентичности квакерской организации.

КАРЬЕРЫ И СУДЬБЫ

А.В.Стогова

Семь страстей господина д'Андийи

Тенденции, определяющие течение и своеобразие целого столетия, могут самым различным образом сказаться на судьбе отдельных людей. Оставшиеся незамеченными или глубоко переживаемые, они в разной степени влияют на судьбу каждого из них, то едва задев, то определив все течение жизни. Сами люди также каждый по-своему реагируют на явления, вторгающиеся в их существование, и в силу этого для любого индивида его столетие будет своим собственным, непохожим ни на чье другое.

Можно по-разному описывать этот век и людей, чья жизнь пришла на него, и то, как каждый конкретный человек соучаствует, сопереживает и согласуется с тем столетием, в котором ему выпало жить. Я хочу рассказать о жизни одного из французов XVII века, чтобы показать, как сложно самые разноплановые тенденции, определившие это столетие и ставшие его характерными чертами, переплелись в его судьбе. Как они мешали или содействовали друг другу, образуя самые причудливые сочетания, не просто оставив в ней свой след, но став его самыми сильными страстями, самыми сильными стремлениями в жизни.

Семья Арно, в которой ему довелось родиться, была очень многочисленной, довольно известной и, несомненно, неординарной. Этот парижский клан, принадлежавший к дворянству мантии, прославился в самых различных ипостасях. Сам Робер Арно д'Андийи в свое время был весьма заметной фигурой, однако, он вошел в историю как сын, брат, племянник, дядя и отец многочисленных знаменитых Арно. Отец и дед – два ловких и влиятельных парижских адвоката, снискавших особую известность изощренным красноречием и едкими выступлениями против иезуитов. Двое из его дядьев, Клод де Ла Мот-Арно и Исаак Арно, сделали успешную карьеру в финансовом ведомстве – один стал казначеем финансов, а другой интендантом финансов. Сестра Робера, Анжелика, стала самой известной настоятельницей монастыря Пор-Рояль, проведя там реформы по ужесточению устава. А его младший брат Антуан, доктор Сорбонны, стал самым знаменитым французским янсенистом, благодаря своим сочинениям и выступлениям в религиозных спорах. Даже среди подобных родственников он ухитрился

получить прозвание «великого Арно». И, наконец, сын д'Андии, Симон де Помпонн – государственный секретарь по иностранным делам, министр и суперинтендант почт при Людовике XIV.

Робер Арно д'Андии может показаться невзрачной фигурой на фоне этих сильных и ярких личностей. Хотя он отличился во всем, что считал для себя важным, благодаря своим дарованиям и неплохим генам, но все же не сумел стать таким, как они, и по большей части потому, что, как заметил Жан Оркибаль, «...объединил в себе все противоречивые стремления Арно»¹.

Робер Арно д'Андии родился в Париже в 1588 г. и был старшим сыном в семье адвоката Антуана Арно и Катерины Марион. Оба родителя оказали на своих многочисленных детей сильное влияние. Антуан Арно – честолюбивый, на свой манер, и религиозный, красноречивый, язвительный и блестяще образованный, был членом известного научного кружка Мерсена, и в его доме собиралось интереснейшее общество. Катерина Марион – тихая, очень набожная женщина, как почти все в этой семье, (но при необходимости она становилась непоколебимой), последние годы жизни после кончины мужа провела в монастыре. Антуан, один из младших ее сыновей, был более других похож на нее. На Робера же сильнее повлиял отец, занимавшийся его обучением.

На него, старшего сына, возлагались особые надежды. Отец не стал делать из него адвоката, а мечтал о блестящей придворной карьере Робера. По этой причине его не стали отдавать в коллеж, и Антуан Арно сам руководил обучением сына. Блестящие знания латыни и греческого, полученные дома, помогли Роберу стать впоследствии неплохим переводчиком. Общение с людьми, собиравшимися в их доме, привило вкус к литературе и избранному обществу. Но, пожалуй, самым важным было общение с отцом, дружбу с которым, д'Андии с нежностью вспоминал и спустя много лет после его смерти: «Он рассказывал мне все свои мысли, а я ему – все свои, и моим сильнейшим желанием было понравиться ему. Притом, что я так много работал, если оставалось несколько часов, моим величайшим удовольствием было беседовать с ним»².

¹ *Orcibal J. Jean Duvergier de Hauranne, abbé de Saint-Cyran et son temps (1583-1638). Louvain, P., 1947. P.232.*

² *Arnauld d'Andilly R. de. Mémoires // Collection des mémoires relatifs à l'Histoire de France depuis l'avènement de Henri IV jusqu'à la paix de Paris conclue en 1763. P., 1824. V.33. P.317.*

Карьере при дворе весьма способствовали обширные родственные связи. Примерно с 10 лет Робер стал знакомиться с ведением дел в казначействе финансов у своего дяди Клода де Ла Мот-Арно. Затем в 1604 г. его взял к себе старшим служащим другой дядя, Исаак Арно, интендант финансов, поручив молодому человеку делать выписки из наиболее важных досье, чтобы тот набирался опыта. Замена в 1612 г. сюринтенданта финансов на совет директоров финансов, место в котором занял Исаак Арно, дала новые возможности для Робера, помогавшего отныне в совете в качестве секретаря. Исполнительному и аккуратному молодому человеку прочили удачную карьеру. Кроме того, обаятельный, остроумный и не лишенный честолюбия Арно завел массу полезных связей при дворе. Поразительно быстро ему удалось добиться благосклонности всемогущего тогда Шарля де Люиня и самого короля. Благоволение клана Люиней оказалось очень просто заполучить, «...поскольку, — как признавался сам Арно, — они были очень рады иметь кого-то, кто служил бы им так, как я, всеми своими силами. Таким образом, в то время я был их лучшим другом...»³. Д'Андийи такая «дружба» была очень полезна, ибо позволяла надеяться на самые высокие посты.

В 1613 г. Робер весьма выгодно женился, добившись руки мадемуазель Ла Февре де Ла Бодери, дочери французского посланника в Англии. К свадьбе отец отдал ему земли д'Андийи, название которых Робер присоединил к своей фамилии, а приданое невесты составили земли Жироффе и Помпонн. Этот союз оказался очень удачным, и в семействе Арно полюбили милую и кроткую Катерину Ла Бодери и ее родных. Вскоре после свадьбы необычайно воодушевленный д'Андийи, путешествуя с двором по Бретани, послал своему тестю стихи: «Хотя я никогда еще не сочинял стихов, — вспоминал он позднее, — моя привязанность к г-ну де Ла Бодери склонила меня к тому, чтобы описать его жизнь в стихах. За восемь дней в карете я сочинил 800 стихов, которые отослал ему в Нант»⁴.

Когда в 1617 г. умер Исаак Арно, д'Андийи представилась блестящая возможность для карьеры. Члены совета директоров финансов предложили ему место дяди, и все его мысли были только об этом. Но Люинь, который «до этого изъяслял столько дружбы»⁵, не только не стал помогать ему, но и помешал добиться этого места. Уязвленный д'Андийи вскоре оказался подле герцога Буйонского и в 1619 г. с его помощью занял не столь блестящее, но весьма выгод-

³ Ibid. V.33. P.368.

⁴ Ibid. V.33. P.364.

⁵ Ibid. V.33. P.372.

ное место секретаря у нового сюринтенданта финансов Шомберга. Перипетии карьеры наложились на личные невзгоды: в 1619 г. умирает отец Робера – самый близкий ему человек, самый лучший друг.

Д'Андийи с еще большим пылом отдается светской жизни, он продолжает завязывать полезные знакомства, расширяя их круг не только за счет влиятельных политических фигур. Церковные иерархи, придворные дамы, провинциальные парламентарии – его интересуют все. Любое новое знакомство он стремится превратить в нечто большее, затеявая по каждому удобному поводу переписку, нанося визиты, оказывая услуги. Близкое общение с людьми влиятельными и интересными доставляло ему особое удовольствие. Он стремился быть на короткой ноге со всем светом, сплетая вокруг себя сеть дружеских знакомств: «...г-н Заме мой близкий друг...», «...г-н Берюль особенно меня любил...», полковник Орнано, «...который наиболее подлинно меня любил...»⁶, епископ Памьер – «...доказательства дружбы, которые я получаю от вас...», маршал Шомберг – «...я откажусь от всех своих друзей, которые не являются вашими»⁷. Он повсюду находит близких людей, его все любят. «Добряк д'Андийи» называют его в свете. Позднее, в мемуарах, он передаст свой диалог с маршалом Шомбергом, приведя такие слова: «...Все, что я могу вам сказать, это то, что я надеюсь иметь столько друзей, сколько людей во Франции»⁸.

Работа и уже весьма многочисленные друзья занимают его сейчас более всего. О нем отзываются как об очень аккуратном, исполнительном, страстно любящем свою работу человеке. Служить королю – все, чего он хочет. Следуя за двором в Пуатье в 1620 г., д'Андийи встречается с епископом д'Эром, о котором позднее написал: «...Я могу искренне сказать, что он никого не любил больше, чем меня»⁹. Епископ давно хотел познакомить его с одним из своих друзей, неординарным и ярким человеком, как раз таким, какие вызывали живейший интерес д'Андийи – аббатом де Сен-Сираном. «Г-н д'Эр, взяв нас двоих за руки, сказал г-ну де Сен-Сирану, о котором часто говорил со мной: «Вот г-н д'Андийи», «Вот г-н Сен-Сиран» сказал он также мне. Затем он ушел, чтобы оставить нас одних. И этих нескольких слов было достаточно, чтобы соединить нас, наша дружба началась с этого момента и продол-

⁶ Ibid. V.33. P.383, 388, 375.

⁷ *Arnauld d'Andilly R. de. Lettres de monsieur Arnauld d'Andilly. P., 1662. P.13,16.*

⁸ *Idem. Mémoires... V.33. P.414.*

⁹ Ibid. V.33. P.394.

жалась до его смерти, будучи столь совершенной, что в мире не может быть дружбы более великой»¹⁰.

Сам того не ведая, епископ сделал Арно куда больший подарок, чем намеревался. Сен-Сиран стал самым важным человеком в жизни д'Андийи, заменив в этом качестве его умершего отца. Своей набожностью незаметно для самого Робера, он воскресил его религиозный пыл, утихший было в круговороте светской жизни. Этот знаменитый друг и последователь Янсения, сыграл, возможно, решающую роль в том, что именно семья Арно стала оплотом янсенизма во Франции.

В 1622 г. перед д'Андийи открылась новая возможность для блестящей карьеры. Людовик XIII передал ему, что хотел бы сделать его государственным секретарем при условии, что он выплатит наследникам нынешнего обладателя этой должности 100 тысяч франков компенсации. Предложение было на редкость заманчивым, но чтобы собрать такую сумму наличными д'Андийи требовалось продать часть своих земель. Он отказался от предложения из опасения разорить семью, но впоследствии не раз сожалел об упущенной возможности, понимая, что это был его единственный реальный шанс.

Шомберг, с которым был связан Арно, вскоре впал в немилость, и был заменен Ла Вьевилем в должности сюринтенданта финансов. Д'Андийи, однако, не испытал опалы и, казалось, еще больше укрепился при дворе. Ему даже предложили место интенданта, которого он прежде домогался, но он, опасаясь ловушки, предпочел стать воспитателем Гастона Орлеанского, брата короля, в то время – наследника престола (у королевской четы после семи лет брака еще не было детей). С согласия Орнано, гувернера принца, к воспитанию был допущен и Сен-Сиран. Порой именно ошибками и вредным влиянием д'Андийи и Сен-Сирана историки объясняют сложный и неприятный характер этого принца.

Многочисленные знакомства в высшем свете д'Андийи поддерживал, став завсегдатаем салона мадам Рамбуйе. Это новомодное место собирало весь парижский бомонд, принцы крови беседовали здесь с поэтами, рассуждая о литературе, природе любви и демонстрируя утонченность нравов. В этом салоне формируется любовь аристократии к писательству, которую весь век будут поддерживать различные салоны на манер «голубой гостиной» отеля Рамбуйе. Здесь создается «гирлянда Жюли» – собрание сонетов и мадригалов, посвященных одной из дочерей хозяйки. Арно д'Андийи не отказывает себе в удовольствии написать

¹⁰ Ibidem.

мадригал, и потом изредка позволяет себе сонет, другой. Он очень хотел ввести в это общество и Сен-Сирана, но тот категорически отказался, не желая погружаться в эту суетность и стараясь в свою очередь отвлечь от нее д'Андии.

К мадам Рамбуйе поначалу изредка захаживал и уже весьма могущественный в ту пору Ришелье. Он отметил качества старшего Арно и захотел приблизить его к себе, сделав его сперва интендантом дома принца Орлеанского. Этот пост сначала принес д'Андии еще большее уважение и доверие Гастона, а затем зависть и интриги Орнано. «...Я хотел бы умереть до того, как узнал это, – заявил он полковнику, – ибо до сих пор считал нашу дружбу незапятнанной...»¹¹. Арно был вскоре отстранен, но и сам гувернер в 1626 г. подвергся опале, был посажен в Венсенн и вскоре умер. Продолжая бороться за влияние на принца, д'Андии оказался в еще большей немилости, и на долгое время удалился в Помпонн.

Вынужденное удаление от двора дало Арно д'Андии почувствовать всю прелесть уединенной жизни:

«Я вполне люблю сельскую местность, так как здесь я веду жизнь совершенно отличную от той, что была при дворе»¹², «...я наслаждаюсь здесь таким отдыхом, что если бы в этой сладкой жизни у меня было бы столько же добродетели, сколько удовольствия, я, без сомнения, был бы слишком счастлив»¹³.

Одним из главных удовольствий стало возделывание сада, особенно уход за фруктовыми деревьями. Это пристрастие Арно было настолько известно, что ему даже приписывали трактат «О способе разведения фруктовых деревьев», изданный под именем юре д'Энувила¹⁴.

Сельская жизнь еще больше укрепила его религиозность, полученную от матери и подпитываемую дружбой с Сен-Сираном, прилагавшим немалые усилия, чтобы преодолеть другие его стремления. На протяжении лет, проведенных вдаль от двора, Арно старался по мере сил способствовать распространению нового учения, и сам написал и опубликовал (анонимно) несколько стихотворных произведений во славу Иисуса Христа. В Париже он был принят в лучших домах, и в Помпонне не остался один, нанося ви-

¹¹ Ibid. V.34. P.22.

¹² Arnauld d'Andilly R. de. Lettre à monsieur le comte de *** // Lettres... P.29.

¹³ Idem. Lettre au pere Gregoire capucin & provincial de la province de Guyenne // Ibid. P.33.

¹⁴ D'Hénuville, sieur le Gendre. La manière de cultiver les arbres fruitiers. P., 1632.

зиты многочисленным друзьям и ведя обширную переписку. Он, по просьбе мадемуазель Рамбуйе, рассуждает о поэзии Шаплена, чьи сочинения вполне могут со временем приобрести «славу и бессмертие Илиады и Энеиды»¹⁵, высказывает суждение относительно нового сочинения Геза де Бальзака. Д'Андийи не забывал пристально следить за новыми назначениями и неизменно посылал поздравления с изъявлением самых искренних дружеских чувств.

В 1634 г. его назначили интендантом Рейнской армии, которой командовал маршал Брезе. Арно д'Андийи с радостью бросает сельскую жизнь и отправляется к маршалу, который вскоре стал выказывать ему «столь исключительное доверие и столь большую дружбу, что все те, кто были с ним знакомы наиболее близко, знали, что ни к кому больше он никогда не проявлял ничего подобного»¹⁶. В новой должности д'Андийи проявил ту же компетентность, аккуратность и рвение, что и всегда. Королевская семья выказывала ему свое уважение, порой беседуя с глазу на глаз. Людовику XIII особенно импонировало суровое отношение Арно к дуэлям.

Новые обязанности д'Андийи тоже исполнял недолго – зимой он тяжело заболел и был заменен на де Ту. Вернувшись в Париж, Арно избрал наиболее приятный для себя образ жизни, посещая отель Рамбуйе, и повсюду демонстрируя свою страсть к дружбе. Таллеман де Рео, не особенно его любивший, в «Занимательных историях» приводит одну из его бесед с мадам Рамбуйе: «Г-н д'Андийи, который считался великим знатоком дружбы, предложил ей однажды широко ознакомить ее с этой прекрасной наукой. Беседуя с Маркизой, он стал вдаваться в пространные поучения, она же, дабы разом покончить с этим, однажды сказала ему:

«Я отнюдь не все делаю для своих друзей, но ежели бы мне стало известно, что где-то в Индии живет необычайно порядочный человек, я, даже не будучи с ним знакома, постаралась бы сделать все, что могло бы пойти ему на пользу». – «Как! – воскликнул г-н д'Андийи, – вы и это уже постигли! Мне больше не в чем вас наставлять»¹⁷.

С момента возвращения в Париж он практически оставил свои честолюбивые стремления, связав все надежды с одним из своих сыновей – Симоном Арно (впоследствии маркизом де Помпонн). Все его многочисленные знакомства и дружеские связи были теперь задействованы, чтобы обеспечить карьеру сына. Арно д'Андийи желал, чтобы другие члены его семьи избрали путь уеди-

¹⁵ *Arnauld d'Andilly R. de. Lettre à mademoiselle de Rambouillet// Lettres... P.154.*

¹⁶ *Idem. Mémoires... P. 43.*

¹⁷ *Таллеман де Рео Ж. Занимательные истории. Л., 1974. С.143.*

нения, удалившись в монастырь. Из-за этого он рассорился со своим старшим сыном, который вопреки отцовской воле, но при поддержке матери избрал военную карьеру. Сам д'Андии также намеревался со временем стать отшельником и наслаждаться умиротворением уединенной жизни.

24 августа 1637 г. Катерина Арно д'Андии умерла, оставив мужу 10 детей (еще пятеро умерло в младенчестве). Кончина этой тихой милой женщины опечалила всю большую семью Арно. Под воздействием этого события два ее племянника – Антуан Ле Метр и Симон де Серикур удалились от света. Сам д'Андии, тяжело переживая потерю жены, еще больше привязался к Сен-Сирану, который всеми силами старался разжечь в нем религиозные мысли. Отношение д'Андии к вопросам дружбы было при этом не последним его козырем. В одном из писем к нему Сен-Сиран писал о «...духе друга, которого я не могу вполне любить на свой манер, если у него нет амбиции равной моей, которая идет гораздо выше тех, кто претендует на монархию мира...»¹⁸.

Смерть жены оказалась лишь началом полосы бед. Отправляясь в Помпонн в мае 1638 г., в Венсенском лесу д'Андии встречает карету со своим другом. Тот арестован и его везут в Венсенн. Для д'Андии это было тем более мучительно, что инициатором ареста был Ришелье, которым Робер до сих пор восхищался. Д'Андии пишет множество прошений об освобождении, умоляет всех знакомых епископов и других церковных авторитетов заступиться за Сен-Сирана, но тщетно. В 1640 г. д'Андии сокращают пансион, который выплачивает ему корона, с 8 до 6 тыс. ливров. Он жалуется Ришелье, что негоже так поступать с человеком, «...который обеднел на должности, на которой столь многие составили колоссальные состояния...»¹⁹. В 1641 г., как бы в продолжение всех несчастий, умирает мать д'Андии, мадам Арно.

Оставшись не у дел, д'Андии большую часть времени проводит в Помпонне. Не амбиции и не честолюбивые стремления отныне занимают его более всего, но и они не уходят вовсе. Он считает себя вполне счастливым в этом уединении, куда счастливей королей, ибо имеет «больше свободного время, чем они, чтобы думать о государстве»²⁰. Наслаждаясь спокойной жизнью, д'Андии написал даже «Оду одиночеству». Он все больше подумывает об уходе в монастырь, но при этом не забывает пристально следить за про-

¹⁸ Цит. по: *Sainte-Beuve Ch.-A. Port-Royal. P., 1860. V.1. P.294.*

¹⁹ *Arnauld d'Andilly R. de. Lettre à monsieur le cardinal de Richelieu // Lettres... P.289.*

²⁰ *Idem. Lettre à monsieur le comte de Pas // Ibid. P.296.*

должением военных действий в войне с Испанией. Уединенная жизнь нисколько не противоречила и его дружеским отношениям:

«Мы видим друг друга все дни, – писал он Барийону, – в присутствии того, чьи взгляды проникают до самых глубин. Это милосердие объединяет нас гораздо теснее, чем разъединяют случайности света. И мне кажется, что этот божественный узел, который привязывает мою душу к вашей, все туже и туже завязывается с увеличением срока нашего отдаления»²¹.

На свежем воздухе, вдали от столичной суеты д'Андии наслаждался излюбленными занятиями: ухаживал за садом, переписывался с друзьями, предавался размышлениям о Боге и литературе. Выращенные фрукты и саженцы он с удовольствием рассылал своим знакомым²². Кроме возни в саду он с удовольствием переводит древних авторов. Знания, полученные в детстве от отца, позволяли делать это с легкостью и изяществом. Свои творения он также отправлял в Париж «на пробу»²³.

Обширная переписка, которую он вел, была не только поводом для обмена новостями, фруктами и сочинениями, но и рассуждениями на излюбленные темы – о Боге и о дружбе. Особенно пылко он предавался им в письмах к президенту Барийону:

«Ваша последняя записка дала мне увидеть, какого рода христианские заповеди выгравированы в вашем сердце, поскольку вы так хорошо заметили, что истинная дружба должна быть вечной. То, что было неизвестно всей языческой мудрости и что могло быть нам раскрыто лишь при свете веры. Ибо следует верить, что наши друзья действительно живы после их смерти, и что мы можем надеяться вновь увидеться с ними в лучшей жизни, чтобы навсегда сохранить то же уважение и ту же нежность, которые мы питали к ним, пока они были в этом мире»²⁴.

Со смертью короля и Ришелье, с наступлением Регенства все, казалось, переменилось. Анна Австрийская освободила Сен-Сирана из Венсенна. Радость новообретенной дружбы сделала его влияние на Арно более сильным, чем когда бы то ни было. Но до д'Андии доходят слухи, что королева подумывает о том, чтобы

²¹ *Idem*. Lettre à monsieur le president Barillon // *Ibid*. P.196.

²² «В моем желании послать вам черенки моих лучших фруктов, позвольте мне, пожалуйста, посоветовать на то, что вы обращаетесь со мной, как со скрягой, расплачиваясь заранее и с лихвой столь любезным письмом, которое вы оказали мне честь написать». – *Idem*. Lettre à mademoiselle de Rohan // *Ibid*. P.405.

²³ «Поскольку фрукты в моем саду в этом году постигло несчастье, я посылаю вам другие, о которых жду вашего суждения, чтобы узнать мнение, которое я должен о них иметь», – писал он маркизе Рамбуйе. – *Idem*. Lettre à madame la marquise de Rambouillé, en lui envoyant une traduction // *Ibid*. P.351.

²⁴ *Idem*. Lettre à monsieur le president Barillon // *Ibid*. P.311.

сделать его воспитателем Людовика XIV, и его взор вновь невольно обращается ко двору. Но Анну Австрийскую останавливает именно янсенизм претендента, и Робер остается во власти Сен-Сирана. Однако едва д'Андии успел получить все поздравления в связи с освобождением его друга, как 11 октября 1643 г., прожив на свободе всего несколько месяцев, Сен-Сиран умирает.

Потеряв самого близкого из своих друзей, и не имея более человека, который мог бы его в этом утешить, д'Андии приходит к выводу, что отныне ничто не связывает его со светом. Все увещевания Сен-Сирана не смогли сделать того, что сделала его смерть. Он разглядел глубоко религиозную душу д'Андии и всячески старался убедить его оставить суетную жизнь, пытаясь использовать для этого свои дружеские с ним отношения. Но всякий раз расположение влиятельных персон и призрачная надежда на карьеру возвращали Арно ко двору. Перед смертью Сен-Сиран делает последнее, отчаянное усилие наставить друга на путь истинный, которое стало ярчайшим проявлением его привязанности и последней надежды на самую сильную, кроме Бога, страсть Арно д'Андии – дружбу. Сен-Сиран составил завещание, по которому оставлял ему свое сердце, при условии, что д'Андии удалится от мира. Потеря ближайшего друга и подобный потрясающий до глубины души прощальный жест оказали желаемое влияние. Д'Андии передал сердце Сен-Сирана на вечное хранение в Пор-Рояль-де-Шан и стал готовиться к уходу в монастырь.

Это далось ему не просто и потребовало немалого времени. Он приводит в порядок свои дела, добивается того, чтобы два получаемые им от Регентши и Гастона Орлеанского пансиона были переданы его сыну Симону де Помпонну. Внезапная ссора с Грамоном, который опубликовал очерняющие д'Андии сочинения, вынудили последнего защищаться. Он отбирает и издает около 300 своих писем к разным людям, которые должны были восстановить его репутацию. Эта подборка очень ярко обрисовывает его пристрастия. Небольшой томик насквозь пропитан Богом и дружбой, рассуждениями о государственных делах и о литературе. Можно наглядно проследить, как все его пристрастия сосуществуют между собой, сменяют и вытесняют одно другое, в зависимости от того, как складываются события его жизни.

Наконец, лишь в 1645 г., распрощавшись со всеми знакомыми и уладив все дела, д'Андии уходит отшельником в монастырь Пор-Рояль-де-Шан, где уже находились двое из его сыновей и племянник, в парижском же Пор-Рояле монахинями были его дочери, сестры, и племянницы.

Каждый отшельник должен был выполнять некоторые обязанности для нужд монастыря, и Арно д'Андии, не без удовольствия, становится "сюринтендантом садов". Он начал осушать зловонные болота, что позволило значительно оздоровить местность. Часть полученной земли распахали, часть засадили фруктовыми деревьями, а на остальной устроили террасы со шпалерами и цветами. Рассадив в монастыре цветы, д'Андии привнес в него изящество и грацию того мира, к которому так привык. Многие восхищались прекрасным садом, которым монастырь был обязан д'Андии, юный Расин даже воспел его в одном из своих стихотворений.

В ведении Пор-Рояля оказалось 925 арпанов земли, засаженной фруктовыми деревьями, которым д'Андии посвящал большую часть своего времени и очень гордился своими фруктами. Отшельники их не ели, а продавали богатым провинциалам и раздавали вырученные деньги беднякам. Другую часть урожая д'Андии посылал своим влиятельным знакомым²⁵. Самые скороспелые и самые вкусные фрукты каждый год посылались королеве и Мазарини.

На долю д'Андии также выпала приятная обязанность по сопровождению по монастырю визитеров, с подавляющим большинством которых он был лично знаком. С приходом д'Андии желающих посетить Пор-Рояль стало гораздо больше²⁶.

В 1650 г. увлекшийся янсенизмом Ф. де Шампень написал его портрет. Ничто в человеке, изображенном на холсте не выдает смиренного отшельника. Но перед нами, несомненно, сурово-печальный янсенист и человек мысли. В свободное время д'Андии занялся переводами Иосифа Флавия, святого Августина, святой Терезы и написал несколько сочинений об испанских мистиках. Кроме этого, он издал письма Сен-Сирана. Некоторые из работ д'Андии работ переиздавались вплоть до XIX века. Он славился тонкими переводами и чистотой стиля. Даже Ларошфуко отправил ему рукопись своих мемуаров, чтобы тот внес в нее свои поправки. Арно д'Андии предлагали стать членом Французской академии, но отшельник отказался.

²⁵ «Я посылаю вам корзину фруктов для Мадемуазель (титул кузины короля Анны-Марии-Луизы Орлеанской, мадемуазель де Монпансье, дочери Гастона Орлеанского. – А.С.), – писал он мадам де Сабле, – и был бы очень рад, если бы вы постарались их открыть и затем снова закрыть, чтобы узнать найдете ли вы их хорошими... По правде говоря, мне больше не нравится делать подарки фруктами, особенно грушами, поскольку хотел бы, чтобы они были лучше.» (Цит. по: *Sainte-Beuve Ch.-A. Port-Royal... V.2. P.260*).

²⁶ В 1657 г. его удостоила своим визитом сама мадемуазель Монпансье, которой очевидно все же понравились груши отшельника.

Живя в монастыре, Арно д'Андийи продолжал поддерживать тесные связи со своими прежними знакомыми и друзьями. Непрерывающаяся переписка дополняется частыми визитами. У Пор-Рояля было много друзей в парижском бомонде, которые нередко заезжали в монастырь. Да и сам д'Андийи отнюдь не все время проводил в уединении. Он навещал своих дочерей, сестер и племянниц в парижском Пор-Рояле, а заодно заходил поведать старых друзей. Визиты в столицу позволяли ему изредка появляться в излюбленных салонах – у госпожи де Сабле или у госпожи дю Плесси-Генего. У Мадлен де Сабле с появлением первых «Максим» Ларошфуко в начале 60-х завязалась дискуссия о дружбе, в которой д'Андийи не мог не принять участия. Он написал небольшое эссе, в котором отстаивал мысль, что в случае, если долг перед родиной и долг перед другом вступают в конфликт, предпочтительнее следует отдавать последнему.

В середине 50-х годов начал выходить роман «Клелия» мадмуазель Скюдери. Хотя Арно д'Андийи уже несколько лет как удалился в монастырь, он был выведен там под именем Тиманта. В частности, мадмуазель Скюдери писала о нем:

«Действительно, он утверждает, что дружба в его сердце – страсть несравненно более сильная, чем любовь в сердце других людей, и он убежден, что любовник не любит так свою возлюбленную, как он любит друзей»²⁷.

Зная связи д'Андийи в свете и его стремление их поддерживать, в монастыре не препятствовали этому, возложив на него негласную обязанность – «вербовать» сторонников Пор-Рояля. Он с удовольствием и весьма ревностно занимался этим, стремясь убедить своих многочисленных знакомых последовать его примеру и оставить этот суетный мир. Наибольших успехов он добился среди женского пола. Мадам де Севинье, которую он старался убедить, шутила по этому поводу: «Мы ведем войну с добряком д'Андийи, который больше жаждет спасти душу, находящуюся в красивом теле, чем какую-то другую»²⁸. Кардинал де Рец жаловался, что он отнял у него возлюбленную: «Г-жа де Гемене вот уже шесть недель как удалилась в Пор-Рояль. Г-н д'Андийи похитил ее у меня: она перестала пудриться, завивать локоны и дала мне отставку по всей форме, какую могло бы потребовать церковное покаяние»²⁹.

²⁷ Scudéry M. de. Clélie, histoire romaine. V.6. Pt.3. L.2. P.1144-1145.

²⁸ Sévigné M. de. Lettre à madame de Grignan du 19.08.[1676] // Lettres de madame de Sévigné de sa famille et de ses amis. P., 1862. V.5. P.27.

²⁹ Рец Ж.Ф.П. кардинал де. Мемуары. М., 1997. С.28.

Преследования янсенистов в правление Людовика XIV сделали д'Андийи противником правительства, но не помешали ему заботиться о карьере сына. После смерти Мазарини в 1661 г. его надежды, казалось, рухнули. Помпонн, скомпрометированный в деле сюринтенданта Фуке, был сослан в Верден, а затем в Ла Ферте. Эта опала больше раздражала отца, нежели сына. В 1664 г. д'Андийи приехал с очередным визитом в парижский монастырь Пор-Рояль, когда 26 августа 12 монахинь, среди которых были три его дочери, были вывезены оттуда в другие монастыри. Арно д'Андийи устроил шумную сцену, благословляя монашек перед отъездом. В итоге в сентябре д'Андийи и его сын Ш.-А. де Люзанси получили приказ короля удалиться в Помпонн. Уехав на время из монастыря, он продолжал все те же занятия: молился, писал, ухаживал за садом: «...Что касается моего уединения и моих занятий, – писал он маркизе де Сабле, – нет другой разницы между этими и теми, что я покинул, кроме перемены места и жестокой разлуки с людьми, с которыми я вел столь счастливую жизнь»³⁰.

Все же, несмотря на подобный демарш отца, Помпонн вскоре был отозван из ссылки и добился места посла в Швеции. Перед отъездом он вдохновил отца написать мемуары. Этому д'Андийи посвятил два года и передал сыну несколько исписанных тетрадей. Очерчивая для внуков основные события своей жизни, он с удовольствием вспоминает годы молодости, службу королю и Гастону Орлеанскому, своих многочисленных друзей, особенно Орнано и Сен-Сирана.

1671 год стал, несомненно, самым счастливым в его жизни. Наступил Церковный мир, монахини Пор-Рояля были допущены к причастию после четырехлетнего отлучения, из Бастилии вышел племянник старого отшельника Луи-Исаак де Саси. Самым волнующим месяцем стал сентябрь, когда король назначил Симона де Помпонна государственным секретарем, собственноручно написав ему об этом в Стокгольм. Более того, некоторое время спустя король дал аудиенцию самому Арно д'Андийи, уже 84-летнему старику, последний раз бывшему при дворе 26 лет назад, приехавшему выразить свою благодарность монарху за сына и за исполнение своей давней мечты. Людовик польстил престарелому отшельнику, отметив достоинства его «Истории жизни Иосифа Флавия».

Как отмечает Ф.Блюш, «если д'Андийи являлся для избранных символом добродетели старого поколения судейского сословия, то

³⁰ *Arnauld d'Andilly R. de. Lettre à madame la marquise de Sablé du 29.01.1665 // Cousin V. Madame de Sablé. P., 1859. P.384-385.*

для всех остальных он был отшельником, ярим августинцем³¹. И он, со своими единомышленниками, продолжал публиковать свои произведения. Последние его годы прошли в спокойном удовлетворении. Другой отшельник, Фонтен, вспоминал о нем:

«Нельзя, не признав эту радость [от ухода в монастырь – А.С.], увидеть мудрость этого почтенного и приятного старика, созерцать с такой серьезностью, которая была в нем столь естественна, кризис мира, из которого Бог выпустил его, призывы двора, в котором он его укрывал, болезненные занятия века, от которых он его избавил, поклоняться этой, как он говорил, вечно спокойной гавани одами, которые он составил на эту тему, и видеть с болью гибель стольких людей, которых его доброе сердце делало друзьями, но для которых его пример не обладал силой, чтобы вызволить из того моря, из которого он спасся»³².

Арно д'Андийи дожил до 87 лет и скончался 27 сентября 1674 г. Судьба напоследок оказалась благосклонна к нему и не дала увидеть новых гонений на янсенистов в 1679 г., разгрома Пор-Рояля и очередной опалы любимого сына.

Причудливому переплетению разнообразных пристрастий и увлечений, так сильно занимавших Арно д'Андийи, он был обязан не только пылкости и противоречивости своего характера, но и тем явлениям и веяниям времени, которые формировали своеобразие XVII века. Среди сонма тенденций, определявших характер и течение этого столетия, в жизни этого добряка и чудака из старого судебного дворянства определяющую роль сыграло несколько. В конечном итоге, они оказали очень разное влияние на историю, но в его жизни эти семь веяний стали самыми сильными страстями. Некоторые из них понятны и лежат на поверхности, другие могут показаться странными и неожиданными, с точки зрения характеристики целого столетия, поэтому, я дам краткую характеристику каждой из них, скорее даже «мимолетные впечатления», которые позволят увидеть увлечения Арно д'Андийи в ином ракурсе.

Дружба

Усиливающийся диктат государства и сохранение жестких семейных интересов на фоне все растущей тенденции к индивидуализации жизни и стремлений в дворянском обществе, вынуждали придворных искать отдушины. Одной из них стали повсеместные любовные связи и интриги, а другой – небывалый интерес к дружбе. Близкие, доверительные, подчас страстные отношения или да-

³¹ Блюш Ф. Людовик XIV. М., 1998. С.253.

³² Chronique de Port-Royal: Relation & portraits des Religieuses & des Solitaires. P.,1946. P.205.

же их видимость позволяли несколько уйти от придворных законов лицемерия и расчетливости родовых интересов. Дружеские отношения, мнимые и настоящие, заполнили придворную жизнь. Вымаливают ли услугу, выказывают ли любезность или выражают соболезнование – непременно ссылаются на «чрезвычайную дружбу и уважение», которое испытывают к данному лицу. Дружеские связи стали определять очень многое: это – положение в обществе, это – способ добиться желаемого, это – средство для комфортного существования. Мадам де Севинье, советуя дочери завести побольше друзей, говорит: «Посмотрите, как госпожа де Лафайет богата друзьями – со всех сторон и в любых условиях: у нее сотня рук, она всюду доберется»³³.

В салонной жизни и литературе наметился острый интерес к психологическим проблемам. Это был так называемый «абстрактный психологизм» – интерес к психологическим классификациям, конструирование поведения и чувств человека в определенных ситуациях, что выразилось, в частности, в модной игре в литературные портреты, где по описанию следует угадать, о ком идет речь, и в тонких наблюдениях – максимах. В салонах велись дискуссии о страстях, добродетелях, о типах любви и о дружбе. Ей посвятили немало сочинений от небольших эссе и заметок до солидных трактатов.

Карьера

Складывание абсолютистского государства со сложным институтом управления создавало блестящие возможности для дворян мантии стать ключевыми фигурами в государстве. С усложнением и разветвлением государственного аппарата возможность стать влиятельным, уважаемым, богатым человеком, принятым в самых высоких кругах становилась все более реальной и заманчивой. Примеры различных министров, канцлеров, сюринтендантов из нетитулованных семей, во всем блеске влиятельности и богатства, являли собой реальность самых честолюбивых мечтаний. Кроме того, политические карьеры были связаны с личными качествами куда больше, чем с династической преемственностью, а посему это был способ утверждения индивидуальности. Причем практически единственный способ, поскольку личные амбиции воспринимались только в рамках публичной жизни.

На пути их утверждения встречались и серьезные препятствия. Желанная карьера могла быть достигнута лишь при определенных

³³ *Séviigné M. de. Lettre à madame de Grignan du 26.02.[1690] // Lettres de madame de Séviigné de sa famille et de ses amis. P., 1862. V.9. P.474.*

условиях. «Спрос» на государственные должности был очень велик, чтобы добиться того или иного места нужен был влиятельный покровитель или значительная сумма денег, а чаще всего и то, и другое. Хитроумнейшие интриги велись не только за ключевые должности, но и за любое место, которое давало возможность продвинуться. Поэтому карьера далеко не всегда связывалась с какой-то одной областью деятельности, при удачном случае можно было не задумываясь из советника сделаться интендантом, а из интенданта канцлером.

Писательство

С конца XVI века стремление писать сделалось всеобщим дворянским поветрием. Написанное слово стало играть огромную роль в аристократической культуре. Мемуары, сборники писем, эссе, афоризмы, портреты расплодились в огромном количестве. Хорошо написанная вещь казалась выражением специфически аристократических качеств – уверенной легкости манер, изящества и грации. Кроме того, как отмечает Джонатан Дювальд, в этом проявились индивидуалистические тенденции века: «когда они писали, дворяне отделяли себя от окружающих, утверждали себя как индивидуальность и освобождали от разнообразных стеснений»³⁴. Салонные собрания значительно подстегнули эти стремления. «Не знаю, заметили ли Вы, что охота составлять сентенции распространяется, как насморк», – писал Ларошфуко мадам де Сабле³⁵. Дворяне взялись не только за максимы, мадригалы и мемуары, но и за то, что считалось «низким жанром». Ведь романы писала не только всем известная госпожа де Лафайет, но даже кузина короля, принцесса де Монпансье! Правда, в писании романов было еще слишком постыдно признаваться.

В своем стремлении запечатлеть на бумаге собственные мысли и жизненный опыт дворяне столкнулись и с немалыми проблемами. Во-первых, публиковать свои сочинения было не всегда прилично. Это означало коммерцию, которая несовместима с дворянским достоинством, поэтому многие заявляют, что произведение было издано без их ведома. Впрочем, на самом деле, и такое случалось нередко. Во-вторых, сложно уследить за аудиторией, и за тем, что могут написать о тебе. Выяснение отношений перекинулось и на литературное поприще.

³⁴ Dewald J. Aristocratic experience and the origins of modern culture. France 1570-1715. Berkeley, Oxford, 1993. P.174.

³⁵ La Rochefoucauld F. de. Lettre à la marquise de Sablé s.a. [1660] // Oeuvres de La Rochefoucauld. P., 1881. V.3. Part 1. P.135-136.

Религиозность

И эта старинная проблема получила в XVII в. новую окраску. Вопрос вопросов XVI века – «католик или гугенот» – постепенно потерял прежнюю остроту. Развернулась новая борьба, новый век стал веком святых и либертенов. С одной стороны, набожность перестала в обществе быть непреложной ценностью. Реформация, развитие науки и философии породили либертенов. Вольномыслие приобретает солидный размах. Им увлечены не только ученые и литераторы, но и аристократы. Чаще всего ограничивались презрением к внешней набожности и церковным предписаниям (как и к самим клирикам), но порой дело доходит и до атеизма. А признаться в том, что «я совсем не набожна...»³⁶, как принцесса де Монпансье, запросто могут большинство аристократов, которые вовсе не считают себя либертенами.

Такое положение вызвало ответную реакцию. Иезуиты предложили «облегченную мораль». Она была весьма необременительна – покаяние, щедрые пожертвования и изощренная казуистика помогут отпустить любой грех. По мнению последователей Лойолы, такая политика должна была привлечь людей к Богу. С другой стороны, «католический ренессанс» – контрреформация. Это «век святых» – Жан Эд, Луиза де Марийяк, Луи-Мари Гриньон де Монфор, Маргарита-Мария Алакок, Венсан де Поль. Они основали множество благотворительных конгрегаций и монастырей, которые не оставались безлюдными. Отдельные придворные оставляют двор и удаляются в какую-нибудь обитель. Сильным течением становится янсенизм. Разоблачая фальшивость большинства добродетелей в свете и увертки иезуитов, янсенисты противопоставили этому строгую нравственность и искреннюю набожность.

Эти толкователи Августина, во многом благодаря «Письмам к провинциалу» Паскаля, добились широкой популярности. В 1650-60-е годы в высшем свете становится все больше сторонников янсенистов. Представители знатнейших фамилий числятся «друзьями Пор-Рояля», многие из них даже уходят в монастырь (как герцогиня де Лонгвиль – принцесса крови). В «маленьких школах» Пор-Рояля учатся дети титулованных особ. Быть янсенистом ничуть не менее модно и оригинально, чем быть либертенем.

Садоводство. В XVII веке французские дворяне переняли у монархов любовь к красивым садам. Еще с эпохи Возрождения

³⁶ *Montpensier A.-M.-L. de. Portrait de mademoiselle fait par elle-même // La galerie des portraits de mademoiselle de Montpensier / Ed. par E. de Barthélemy. P., 1860. P.414.*

существовала четкая разница между садом (специально возделанной ограниченной территорией, где легко прочитывалась работа человека) и парком (также ограниченным пространством, где сохранялся природный пейзаж, прорубались широкие аллеи, но оставались леса для охоты). С конца XVI века в королевских резиденциях появляются изысканные сады на манер итальянских. Со временем их назовут французскими. Эти сады разбивались в соответствии с точным планом и законами перспективы, высаженные растения образовывали причудливую вязь с замысловатым узором, имитирующим роскошные ткани, привозимые из Италии. Прямые, симметричные аллеи, обстриженные под геометрические фигуры деревья, колоннады и статуи придавали саду изящество и демонстрировали величие человека. Королевские резиденции, от Генриха IV до Людовика XIV – Фонтенбло, Тюильри, Люксембург, Версаль – теперь обязательно обрамлялись подобным садом.

Новую моду подхватили богатые аристократы и дворяне мантии. Сады, подобные королевским, появляются у Фуке в знаменитом дворце Во, у Сюлли в Рони-сюр-Сен, у Клода де Буйон в Видевиле, у герцогини де Ларош-Гийон в Лианкуре³⁷. Постепенно поветрие садоводства захватило не только богатых людей. Те, у кого не хватало денег для обустройства аллей и террас, старались, по меньшей мере, просто привести в порядок имения, соорудить перед резиденцией хоть небольшую лужайку с узорным ковром из растений. В столице иметь запущенный сад перед домом уже было позорно. Деревья и прочие растения высаживали в строгом порядке, богатые франты устраивали бассейны и фонтаны, те, что победнее, ограничивались беседками. Летом в хорошую погоду здесь, а не в гостиных, собиралось избранное общество, которое непременно потчевали садовыми фруктами. Если огород был ниже дворянского достоинства, то цветами и фруктовыми деревьями многие с удовольствием занимались сами, обмениваясь саженцами и плодами. Фрукты были одним из любимых лакомств³⁸.

³⁷ Значительную часть этих садов проектировал изощренный в искусстве садоводства Андре Ленотр. Сад делился на «сад удовольствия», предназначенный для прогулок и интимных бесед, и «сад удобства», который находился обычно в дальнем конце и включал в себя огород, фруктовый сад и птичник.

³⁸ Ги Патен, врач, писал о некоей мадам де Любер, его скончавшейся пациентке: «Она была в возрасте 53 лет, измотанная бессонницами и дурным настроением, которые были вызваны огромным количеством съедаемых ею фруктов». – *Patin G. Lettre à monsieur A.F.C.M.D.R. du 04.10.1650 // Lettres de feu monsieur Guy Patin, Docteur en Medicine de la Facult de Paris, & Professeur au Collège Royal. P., 1692. V.1. P.113.*

Салоны

Первый парижский салон, на манер итальянских, был устроен маркизой Катрин де Рамбуйе в ее столичном особняке. Устав от интриг и грубых нравов двора Генриха IV, она решила принимать у себя избранное общество, людей, с которыми приятно вести беседы. Аристократы и поэты, министры и ученые педанты равно могли попасть к маркизе. Здесь старались изящно выражаться, рассуждать о литературе, о возвышенных чувствах, о языке. ОТЕЛЬ Рамбуйе стал центром прециозности с ее витиеватой манерой изложения и поклонением платонической любви.

Избранное общество мадам Рамбуйе очень быстро разрослось. Все придворные считали своим долгом появиться в ее «голубой гостиной». Любой девушке или юноше, представленным ко двору, если они желали добиться чего-либо, следовало посещать этот салон. Там можно было завязать беседу с принцем Конде или кардиналом де Рец, с герцогиней д'Эгийон или де Лонгвиль. Вскоре и другие дамы пожелали принимать у себя подобное общество.

В отеле Рамбуйе формировался особый тип салонной культуры. Постепенно появилось множество салонов, и публика разделилась по своим вкусам. У мадам де Сабле и дю Плесси-Генего собирались «августинцы», люди духовно близкие Пор-Роялю, мадемуазель де Скиудери подхватила эстафету прециозности, у мадемуазель де Монпансье собиралось исключительно аристократическое общество. Литераторы также устроили собственные собрания; из той группы, что встречалась у поэта Валентина Конрара, Ришелье сотворил Французскую академию. Салоны стали различаться не только составом завсегдатаев, но и своей «программой». У мадемуазель Монпансье играли в портреты, а у мадам де Сабле составляли максимы. Желание устраивать собственные приемы, как чума, охватило всю столицу и не раз высмеивалось в комедиях.

Уединение

Суровое правление Ришелье сделало для очень многих актуальной проблему уединенной жизни. С одной стороны, отъезд в имение означал ссылку, опалу и крушение многих надежд. С этой точки зрения, уход от публичной жизни был свидетельством поражения. И это поражение выпало на долю очень многих, как при Ришелье, так и при Мазарини. Такое уединение было утомительно, скучно и оскорбительно, и использовался любой предлог, чтобы его прервать. Впечатляющая картина наблюдалась после смерти Ришелье и Людовика XIII, когда в Париж со всех концов страны и из Европы съезжались десятки и десятки опальных дворян.

Этот печальный для них опыт сказался довольно неожиданным образом. В условиях бурной и утомительной столицы постепенно все нарастало стремление побыть одному, тоска по уединению. Придворная жизнь при Людовике XIII и Людовике XIV становится всеохватывающей. Жизнь дворянина, особенно аристократа, проходит на виду, от этой публичности негде спрятаться, и воспоминания о ссылке в имение уже не кажутся столь ужасными. Мало кто решался вовсе покинуть двор, хотя были и такие³⁹. Но многие время от времени ощущают потребность оставить столичную суету. Можно было уехать в свои земли, проверить, как идут дела, или навестить детей и других родственников, погостить у друзей, полечиться на водах в Виши или Спа или, наконец, поразмышлять о вечном в тиши какого-нибудь монастыря. Так делали очень многие, во всяком случае те, кто мог поступить, как госпожа де Лафайет: «Я в Сен-Море, я забросила все свои дела и всех своих друзей. У меня мои дети и хорошая погода: этого мне достаточно»⁴⁰.

Таковыми предстают увлечения, захватившие Арно д'Андийи, с точки зрения макроистории. Они оказываются не прихотью или чудачеством, а естественными предпочтениями для современников его круга, обретают логичные причины и объяснение, исходящее не из личных пристрастий, а из своеобразия целого столетия. И сами эти семь веяний (а уже никак не страстей) имеют несколько иную связующую их логику, лишь отчасти совпадающую с той, что соединяла их воедино в судьбе нашего героя, и зачастую иные точки расхождения, которые не проявлялись у Арно д'Андийи.

Увлечения, являющиеся, казалось бы, делом сугубо частным, дают возможность по-иному вписать отдельного человека в пространство истории. И тем интересней становится эта «генеральная историческая карта», когда мы пытаемся распознать на ней место человеческой личности, предстающей – в другом ракурсе или масштабе – столь живой, ощутимо реальной и неповторимой.

³⁹ Как известно, муж мадам де Лафайет около 20-ти лет прожил безвыездно в своих землях, так что в столице его считали давно умершим.

⁴⁰ *Lafayette M.M. de. Lettre à mme de Sévigné du 04.09.[1673] // Correspondence. P., 1942. V.1. P.45.*

Е.А.Вишленкова (Казань)

Рождение «подлеца», или Стилистика биографического жанра в России

Он [Яковкин] приказал Кондыреву немедленно учредить за вероступником строгий надзор.

Субинспектор, уже давно следивший за непокорным студентом, чтобы свести с ним счеты за его едкие эпиграммы, был очень доволен таким поручением. Теперь он, как тень, повсюду следовал за Лобачевским, держа наготове объемистую карманную тетрадь, в которую записывал каждый опрометчивый шаг Николая.

Все донесения Кондырева и рапорты Яковкина преследовали одну цель – добиться в ближайшее время исключения Лобачевского из университета... Нужны были весьма веские факты, которые изобличали бы Лобачевского в самом предосудительном поведении.

Однажды в час урока, случайно вернувшись в камеру, Николай застал у своего стола субинспектора. Тот рылся в его тетрадях.

– Кто вам, господин Кондырев, разрешил хозяйничать в чужом столе? – крикнул Николай с порога.

Субинспектор выронил на стол все, что было у него в руках.

– Вам нужны мои записи? – подошел к нему Николай. – Хотите передать их Яковкину?

Кондырев молчал, губы его дрожали.

– На, возьми, подлец!

Субинспектор испуганно попятился и выскользнул из комнаты.¹

Герои романа Д.Тарджеманова «Лобачевский» не были плодом абстрактной фантазии художника. Они лепились с исторических прототипов. Положительный персонаж воссоздавал образ известного математика, ректора Казанского университета, создателя неевклидовой геометрии – Николая Ивановича Лобачевского. Отрицательный – субинспектора Петра Сергеевича Кондырева. Имя последнего современному массовому читателю, как правило, неизвестно. Судьба, педагогическое и научное творчество Кондырева не стали предметом специального изучения, не зафиксировались в коллективной памяти потомков. И дело не в заурядности персонажа или отсутствии источников. Напротив, жизнь, поэтические поиски, научные исследования, просветительские инициативы Петра Сергеевича Кондырева запечатлелись в текстах (делопроизводственных, персональных, научных, художественных), сохранившихся

¹ Тарджеманов Д. Лобачевский: Роман. Казань: Татарское книжное издательство, 1976. С.261.

в архивах² Это большой и репрезентативный корпус документов. Он вполне позволяет воссоздать довольно короткую (37 лет), но насыщенную жизнь ученого, педагога, человека своей эпохи.

Петр Сергеевич Кондырев родился в 1786 г. в небогатой дворянской семье. В его владении было небольшое поместье в Курской губернии, двое дворовых и пять крепостных крестьян. Окончив Казанскую гимназию, Кондырев оказался в составе того выпуска гимназистов, что в 1805 г. почти всем составом были записаны в учрежденный в Казани университет. Его имя открывает список первого набора казанских студентов.

Собственно понятие «университет» в современном смысле слова к тому учебному заведению, где учился наш герой, применимо с большими оговорками. По существу, он представлял собой высшие классы гимназии. Студенты учились и жили в одних помещениях с гимназистами, были вписаны в единые с ними ведомости. Основу педагогического состава образовали шесть гимназических учителей. До 1814 г. университет не имел деления на факультеты, и студенты слушали универсальный курс наук. Отличие от гимназии проявилось позже, когда, начиная со второго года обучения (всего срок обучения был три года для неврачебных специальностей), студентам стали читать лекции приехавшие из немецких земель профессора.

Время обучения и службы Кондырева в Казанском университете (1805-1823) пришлось на наиболее сложный период его истории – на годы прививания европейской университетской идеи на почве российской традиционной культуры начала XIX века. Судьба исторического, а не литературного, Петра Сергеевича, точно лакмусовая бумажка, проявила все перипетии и противоречия участия первого российского профессора в провинции.

Помимо чисто материальных сложностей (отсутствие помещений, библиотеки, учебных пособий – для занятий, квартир – для частной жизни) небольшую университетскую корпорацию Казани тех лет буквально лихорадило от двух болезненных проблем – катастрофической нехватки подготовленных студентов и определения социально-правового статуса университетского преподавателя. На деле эти проблемы имели одно происхождение – неостребованность высшего систематического образования в местном обществе.

² В фондах «Казанский университет», «Казанский попечитель» и «Историко-филологический факультет» Национального архива Республики Татарстан (НАРТ), в фонде «Министерство народного просвещения» Российского государственного исторического архива (РГИА), в фонде «Ешевские» Государственного исторического музея (ГИМ) и в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета (ОРК НБ КГУ).

Устав 1804 года предписывал университету иметь не менее сорока казеннокоштных (содержимых за государственный счет) и неограниченное количество своекоштных (т.е. обучающихся за свой счет) студентов. В феврале 1805 г. отобранных из старших учеников Казанской гимназии и способных слушать лекции в университете было 33 человека (26- казеннокоштных, 6 – своекоштных и 1 – пансионер), летом того же года были зачислены еще 8 человек, а пансионер Е.Грубер отчислился. В январе 1807 г. – 52 студента, в 1808 – 40, 1809 – 33, 1810 – 33, 1811 – 34, 1812 – 44³. Но далеко не все записанные в студенты становились выпускниками. Родителей привлекало в университете казенное содержание, но отпугивала перспектива для сына шестилетней службы учителем в гимназии или училище. Поэтому, проучившись год или два, студенты отчислялись по состоянию здоровья или семейным обстоятельствам, а в 1807 г. в связи с началом войны России с Францией 24 человека из Казанского университета ушли на военную службу. В результате в ходе ревизии 1819 года М.Л.Магницкий обнаружил, что за 14 лет существования университет выпустил всего лишь 43 выпускника, каждый из которых обошелся государству в кругленькую сумму – 40 тысяч рублей⁴.

В целом, казанское дворянство относилось к местному университетскому образованию с недоверием. Родители стремились поскорее пристроить сына «к делу» – записать на службу в канцелярию или подмастерьем. Те немногие, что изъявили желание учиться в университете, имели, как правило, весьма низкую подготовку и сильно различались и по возрасту (от 12 до 23 лет), и по объему, и по уровню полученных знаний.

В силу того, что университет предоставлял пансионную форму обучения, и студенты жили в университетских помещениях, для надзора за их свободной от занятий жизнью были назначены специальные лица и разработаны особые правила. По уставу воспитательные функции были закреплены за инспектором студентов, который назначался из ординарных профессоров. В Казанском университете им с самого начала и до июня 1813 года был директор Яковкин. Инспектору полагались два помощника из магистров или адъюнктов. Один получал жалованье, а второй жил среди студентов и обедал вместе с ними. Кроме того, из среды студентов выбирался «камерный студент», обязанный следить за поведением своих товарищей в комна-

³ Цит.по: Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805-1819): Рассказы по архивным документам. Ч.1. Изд.2-е. СПб, 1904. С.387-389.

⁴ РГИА Ф.733. Оп.39. Д.260 «Материалы Комиссии по ревизии Казанского университета. Часть 1. Документы денежной и материальной отчетности» 1819-1822. Л.519.

тах, делать им замечания, говорить с ними на иностранных языках. За это полагалось денежное поощрение – 300 рублей в год. Судя по отчетам директора, камерные студенты свое назначение не оправдывали, и к 1810 году эта должность была отменена.

Определенной по уставу 1804 года суммы на содержание казеннокоштных студентов не хватало, и по разрешению попечителя вместо «казенного платья» и письменных принадлежностей им выдавалась денежная стипендия. По докладам помощников инспектора, предоставленные себе юноши тратили полученные деньги «во зло»⁵. В результате участились срывы занятий, конфликты между преподавателями и студентами. В 1808 г., по предложению инспектора, Совет утвердил правила поведения для студентов и наказания за проступки. За первое нарушение полагалось написать имя провинившегося на черной доске и выставить на три дня в спальнях, за второе – черная доска вывешивалась на неделю, далее – студент попадал на три дня в карцер⁶. Эти меры помогали мало, но поскольку воспитанников не хватало, то даже в случаях явного отсутствия способностей, желания учиться и недостойного поведения исключения студентов из университета не допускались.

Другая проблема, которая проходит красной нитью через практически все архивные документы Казанского университета, личную и официальную переписку его преподавателей – это выяснение статуса университетария. Немецкий протестантский университет, взятый за образец при разработке реформы образования, имел внутреннюю автономию при решении административных, финансовых, судебных, учебных и воспитательных дел. Европейские профессора, при всем различии их статуса в разных землях и даже в одном университете, относились к привилегированным лицам общества и ощущали себя таковыми, пользуясь финансовой поддержкой владельцев лиц, местной власти, церкви или доходами от собственных имений⁷. Их российские коллеги начала XIX века оказались в ситуации почти полной социальной изоляции⁸. Преподаватель университета – и морально, и материально – полностью зависел от государства – его намерений, политики, поддержки. И это перецентрировало систему

⁵ Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка 1785-1859 / Ред. Д.И.Нагуевский. Казань, 1902.

⁶ Булич Н.Н. Указ. соч. С.404-405.

⁷ Ле Гофф Ж. Другое средневековье: время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000. С.120-123.

⁸ Восприятие российских университетариев в обществе и выработанные ими поведенческие нормы описаны в книге: Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000.

корпоративной идентичности университетариев. Компетентность, инициативность, оригинальность сместились на ее периферию, а в центре оказались такие свойства, как верноподданность высшей власти, лояльность к администрации, исполнительность. Таковы следствия процесса рецепции, адаптации европейской университетской идеи к традициям российского общества.

Для университетских преподавателей начала XIX века этот процесс оказался весьма болезненным. Жизнь Петра Кондырева в Казанском университете проходила в обстановке, конечно же, и научного общения, и педагогических радостей, но их затмевали конфликты, споры, доносы. Первые студенты стали свидетелями увольнения из университета педагогов – историка П.Д.Ф.Цеплина, математика Г.И.Карташевского, медика И.П.Каменского – за несогласие с директором, за отстаивания права университетской корпорации на коллегиальное самоуправление⁹.

Как только Петр Сергеевич перешел в выпускной класс, директор университета объявил его кандидатом на преподавательскую должность, ранее занимаемую Цеплиным, и назначил своим помощником по инспекции студентов. Почему именно его? И.Ф.Яковкин вообще относился к Кондыреву по-особому. Во-первых, потому, что он был дворянином. Во-вторых, это был друг его единственного, но погибшего сына – Александра. В-третьих, директор ценил в нем исполнительность. К тому же, Петр, по мнению Яковкина, выделялся среди однокурсников способностями.

«Студент Кондырев, – сообщал летом 1807 г. директор университета попечителю, – достойный звания студента кандидата примерным своим поведением, также приобретенными и распространяемыми своими знаниями всегда по всей справедливости заслуживал особенное внимание. Особенной его ревности и усердию к чести обоих заведений... Общество отечественной словесности при Казанской гимназии обязано своим началом и продолжением, яко секретарю онаго. Труды его собранная и сочиненная пространная Статистика Российской империи принесет честь и сочинителю и месту его образующему»¹⁰.

С первых дней существования университета, используя столичные и местные связи, директор установил в нем атмосферу единоличного правления. Так, что сегодня трудно сказать насколько мнение Яковкина о лучших студентах искренно разделяли прочие члены Совета, но оно было подтверждено их подписями.

⁹ РГИА Ф.733. Оп.39. Д.40 «Сведения об увольнении адъюнкта Г.И.Карташевского» 1806.

¹⁰ ОРРК НБ КГУ N 6077 «Архивные материалы (рапорты, донесения для Казанской гимназии) 1807-1811». Л.5-5об.

Покровительство ненавистного многим директора оказало плохую услугу в становлении отношений Кондырева с коллегами и студентами. По должности помощника инспектора Петр Кондырев обязан был жить вместе с казеннокоштными студентами, обедать за общим с ними столом, следить за их присутствием на занятиях, за чистотой помещений, дежурством студентов в столовых и бытовых комнатах, доносить о всех неблаговидных поступках студентов инспектору Яковкину и записывать свои наблюдения в особую «шнуровую тетрадь». Эти записи учитывались при годичном испытании, когда решался вопрос о присвоении выпускнику звания.

Обязанности помощника инспектора сами по себе не вызывали к нему уважения и любви студентов. К тому же Петр Сергеевич обладал не самой внушительной внешностью: «небольшая худенькая фигурка, украшенная довольно длинными рыжими волосами», – так его описали мемуаристы¹¹. Осознавая это, он был чрезвычайно обидчив к колкостям и эпиграммам. Да и возраст – 22 года – не вызывал у студентов и служащих университета к нему особого почтения. В этой связи у Кондырева не однажды возникали конфликтные ситуации то с провинившимся студентом, то с его обиженным родителем, то с офицером по строительной части А.Г.Ларионовым¹².

С 1808 по 1810 г. Кондырев вел дневник. Это небольшие, форматом в 1/8 листа, помесячные записи. Очевидно, данный период был наиболее тяжелым для автора временем жизни, и дневник выполнял психотерапевтические функции. Многие записи в нем фиксируют конфликты между преподавателями и посвящены непростым отношениям субинспектора со студентами.

Первая же запись за январь 1808 г. гласит: «Ссора с некоторыми из студентов, как то с Д.Перевозиковым, Алек.Княжевичем, Шабровым, Гундоровым и Лобачевским; поданной рапорт мне не отдается; хотят завести черную доску»¹³. Методика публичного наказания имени была воспринята от иезуитских коллегий. В Казанском университете существовала и практика изоляции провинившегося воспитанника в карцер на три дня. Так, по представлению Кондырева, в мае 1808 г. в карцере отсидел студент Манасеин. Отец наказанного, казанский помещик, грозился жаловаться на Кондырева министру, но директор вступился за своего помощника.

¹¹ Воспоминания Н.П.Вагнера // *Модзалевский Л.Б.* Материалы для биографии Н.И.Лобачевского. М.-Л., 1948. С.633.

¹² ОРРК НБ КГУ N 6077 «Архивные материалы» 1807-1811.

¹³ ГИМ Отдел письменных источников Ф.312 «С.В.Ешевского» Д.16 «Дневник Кондырева П.С., отчет о торжественном открытии Казанского университета» 1805-1885. Л.1.

Кондырев тяжело переживал свое двойственное положение. Он писал: «Все мои добрые намерения толкуются иначе», а в мае 1808 г. подал рапорт с просьбой об отставке с этой должности. Яковкин ее не принял, напомнив Кондыреву, кому тот обязан своей службой в университете – «разодрал мой рапорт ему поданный».

Сначала то, что происходит в преподавательском коллективе, Кондырев старался не замечать. В конце концов, он всего лишь кандидат в преподаватели, даже не магистр. Решения о назначении магистром он ждал с нетерпением весь 1808 год и стал им только в декабре. А пока он – «на коротком поводке» у всевластного директора. Ему он обязан своим присутствием в университете и потому вынужден выполнять все поручения и назначения. Но деградация учителя слишком очевидна. С горечью Кондырев записывает об этом в июле 1810 г.: «Илья Федорович ленится и упадает: искреннее мое желание по чувствованию благодарности сказать ему о сем, но боязнь и сомнение его не позволяют»¹⁴. А такая попытка, видимо, была. Во всяком случае, в июне 1809 г. в дневнике появилась следующая запись: «Некоторая холодность И.Ф. ко мне за сказанную правду»¹⁵.

В августе 1809 г. в дневнике Кондырева вновь упоминается фамилия Лобачевского, вызвавшего «неудовольствие» помощника инспектора. Дневник – свидетельство того, сколь сильно тяготился Кондырев своими инспекторскими обязанностями. В сложившейся ситуации он оказался буфером между студентами и администрацией университета. Профессора от этой должности отказывались. Доверительно-снисходительные отношения со студентами, которые они могли позволить себе, были заповедны для начинающего свою службу Петра Сергеевича. Вместе с тем, он нес ответственность за все происшествия в жизни студентов.

Осенью 1809 г. Кондырева и профессора Запольского назначили визитаторами учебных заведений Оренбургской, Пермской, Вятской и Екатеринбургской губерний, входивших в Казанский учебный округ. Поездка была не из легких: по разбитым дорогам в осеннюю распутицу, порой по тонкому льду. Ночуя на почтовых станциях, замерзая в кибитках, Запольский и Кондырев сильно простудились. И, тем не менее, страдая физически, Петр Сергеевич чувствовал себя морально как никогда ранее свободно и комфортно.

Впоследствии деятельность по открытию школ и училищ в округе, работа с учителями, изучение методик преподавания стали его истинным призванием. В беседах с губернаторами, местным дворян-

¹⁴ Там же. Л.10.

¹⁵ Там же. Л.5

ством, духовными лицами, купцами, учителями и учениками у него рождались идеи организации системы учебных заведений, их эффективного взаимодействия. Ему принадлежит заслуга создания уездных училищ в Чистополе, Свяжске, Чебоксарах и др. уездах¹⁶.

В Казань он вернулся поздней осенью. Дома его встречали все те же проблемы. «Всё в расстройстве, – вписал он в дневник, – комната холодна, стекла не вставлены, болен, пропало было серебра на 600 р. чужого, за кое хотел было я платить! Умерла Старцева жена, угощаю студентов по искренности»¹⁷. Кондырев привез из Оренбурга и Каргалинской слободы бухарские сладости и делился ими с коллегами и студентами. Однако за помощником инспектора устойчиво закрепился имидж доносителя, и студенты не собирались проявлять чуткость к вернувшемуся преподавателю. Уже в декабре 1809 г. в дневнике Петра Сергеевича появилась очередная тоскливая запись: «Большие неудовольствия от студентов Данкова, Ярцова, Филиповского, Лобачевских, Николаева, двух Агафи: сколь люди неблагодарны и несправедливы! Причину многих упущений был товарищ мой Перевощиков. Прошусь в другой [т.е. в очередной] раз от разнощничества (ибо просился еще до отъезда), не отпускают, и происшествие в [слово неразборчиво] хотели меня бить, убить и разбили окошко просто в шутках»¹⁸.

Конфликты инспекторов со студентами и кандидатами происходили постоянно. Инспекторский журнал немецкого профессора Броннера (1813-1818) содержит описания таких же противоречий. Так, в связи с жалобой инспектора на кандидата Ярцова, поселившегося в своей комнате на правах экономки молодую женщину, Ярцов объявил Бронера «своим преследователем»¹⁹. Стань Ярцов признанным ученым или ректором и, возможно, Бронер оказался бы в роли «подлеца», преследователя талантов.

Но время шло, и Кондырев, желая дать студентам учебное пособие для изучения политэкономии взялся за перевод с немецкого книги геттингенского профессора Г.Сарториуса «Начальные основания народного богатства и государственное хозяйство». Она излагала в доступной для студентов форме концепцию экономической теории

¹⁶ НАРТ Ф.977 Оп. «Совет» Д.419 «Документы о ревизии университета и Казанской гимназии М.Магницким» 1819. Л.51.

¹⁷ ГИМ Отдел письменных источников Ф.312 «С.В.Ешевского» Д.16 «Дневник Кондырева П.С...» Л.8.

¹⁸ Там же. Л.8 об. Перевощиков имел должность помощника инспектора с жалованьем, но к студентам заходил редко.

¹⁹ Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета. Часть 2. Казань, 1904. С.233-234.

Адама Смита. Перевод был одобрен цензурным комитетом, попечителем и вышел из печати в 1812 г.²⁰ На следующий год был опубликован его же перевод объемного труда Снелля «Начальный курс философии»²¹, впоследствии запрещенный и арестованный Магницким.

Когда началась война, Кондырев подал в совет прошение отпустить его в ополчение. Попечитель отказал Петру Сергеевичу. В архиве Казанского университета это прошение единственное. Как дворянин, принятый в местном высшем обществе, Кондырев поддерживал связи университета с дворянским собранием, купеческими кругами, столичными учеными и чиновниками. Благодаря его личным контактам университет неоднократно получал частные пожертвования. Ценил эти качества Петра Сергеевича, попечитель округа М.А.Салтыков в 1814 г. направил его в Московский и Харьковский университеты для изучения опыта управления учебными округами. Кондырев посетил 26 учебных заведений центра и юга страны. Возможно, именно во время этой поездки он сделал выводы о специфике и просветительских возможностях Казанского округа. Во всяком случае, уже тогда Кондырев начал проявлять особый интерес к мусульманским училищам Казанской и Оренбургской губерний, а свои наблюдения изложил в составленном для Совета «Описании татарских каргалинских училищ».

Очевидно, ему была близка идеология «общехристианского государства», проводимая правительством Александра I в 1812-1824 гг. Он стал активным участником Библейского Общества²² и полагал, что идея экуменического единства империи может быть реализована. В 1818 г. Кондырев выступил с инициативой учредить при университете «особенное Татарское училище» на иждивении мусульманского купечества²³. Рассмотрев предложение, Совет докладывал

²⁰ ОРК НБ КГУ N VI/4-С.75 «Начальные основания народного богатства и государственное хозяйство, следуя теории А.Смита. Соч. Г.Сарториуса / Пер. с нем. адъюнкт Казанского университета Петр Кондырев. Казань, 1812». Изучая рукописи Петра Сергеевича, экономист В.Ф.Семенов заключил: «Кондырев стоял на позициях всемерного развития промышленности, ремесел и торговли, которые, по его мнению, должны были подорвать барщинную систему хозяйства». – Семенов В.Ф. П.С.Кондырев – первый казанский экономист // Сборник научных работ (гуманитарные науки) секции СНО при отделе студенческой молодежи Казанского горкома ВЛКСМ. Казань, 1958. С.69-71.

²¹ ОРК НБ КГУ N 4164/5 «Дело о напечатании "Начального курса философии" Снелля».

²² В октябре 1819 г. он числился членом-корреспондентом Московского Библейского комитета (ОРК НБ КГУ N 6077 «Архивные документы» Л.8).

²³ НАРТ Ф.977 Оп.Совет. Д.359а «Донесения профессора Кондырева о преобразовании главного народного училища в уездное училище и об открытии дополнительных училищ в Казанской губернии» ноябрь-декабрь 1818. Л.4.

министру, что Кондырев «сам берется иметь попечение о Татарском училище». Профессору было предписано установить «должные о том сношения, а потом соответственно обстоятельствам приготовить оный к открытию»²⁴. Получив одобрение, Петр Сергеевич развернул активную деятельность – встречался с муфтием, изучал казанские медресе, в сотрудничестве с учителем татарского языка в Казанском университете И.И.Хальфиным разработал план мусульманского пансиона для подготовки будущих студентов в татарское училище, установил связи с купцами-мусульманами.

Поступи предложение в Петербург лет на пять раньше, оно, скорее всего, было бы реализовано, но проект преобразования мусульманской школы прибыл в министерство тогда, когда начались изменения в правительственной политике в области образования. И одним из первых это ощутил Казанский учебный округ. М.Л.Магницкий, назначенный в 1819 г. на пост его попечителя, руководствовался иными принципами в религиозной и школьной политике, чем министерство А.Н.Голицына в эпоху Библейских Обществ²⁵. В отчете о ревизии он предложил присоединить к Казанской гимназии Центральное татарское училище, которое управляло бы всеми мусульманскими школами России. По мысли ревизора, эта школа «не будучи под влиянием христианского управления, без малейшего вида стеснения совести магометан, подавала бы способ, с нужною осторожностью, действовать к не приметному и постепенному их отклонению от Алкорана»²⁶. Проект Кондырева попечитель расценил как ущемление господствующего положения православной церкви, расширение и укрепление ислама во вверенном ему округе. Поэтому буквально накануне отъезда в Оренбург профессор был отстранен от поручения.

В 1820 г. в Совете университета рассматривался другой проект Кондырева – о создании Большого татарского училища в г.Чистополе²⁷. Школа предназначалась для 250 учеников. Отстраненный Магницким от организации мусульманского медресе при университете, Петр Сергеевич сочинил воззвание к чистопольским купцам содействовать основанию особой мусульманской школы.

²⁴ Там же. Л.7-7об.

²⁵ См.об этом: Вишленкова Е.А. Духовная школа в России первой четверти XIX века. Казань, 1998.

²⁶ РГИА Ф.733 Оп.39 Д.259 «Дела о ревизии Казанского университета М.Л.Магницкого» 1819. Л.51

²⁷ НАРТ Ф.977 Оп. «Совет» Д.534 «Выписки из протокола заседаний совета и переписка с попечителем Казанского учебного округа о создании татарского училища в г.Чистополе» 22 сентября 1820-10 июня 1821 г. 4 лл.

Расчет был верен. Татарские купцы были заинтересованы в том, чтобы их дети получили не только духовные, но и светские знания, в том числе знание русского языка. Программа обучения включала эти предметы, а также изучение истории Востока и России, физики и географии. Но попечитель на запрос совета ответил: «...усматривая, что дело имеет совсем иной вид, нежели как оно представлено, я предлагаю Совету оставить оное на сей раз»²⁸. В том же году профессор Кондырев был уволен с должности секретаря Совета, а профессор Солнцев с поста ректора университета.

В исследовательской и публицистической литературе имена Кондырева и Магницкого стоят со знаком минус по отношению к истории Казанского университета, что создает ощущение близости их позиций. Однако сам Петр Сергеевич оценивал действия ревизора негативно. В письме к бывшему попечителю М.А.Салтыкову сразу после отъезда петербургского чиновника он сокрушался:

«Ах, Ваше Превосходительство, из всего явственно, что хотят наш Университет разрушить... Я не удержался по характеру своему противоречить ему [Магницкому] и утверждать о необходимости народной образованности. Например, представил ему поселян наших и Немцев. Он не сказал ни слова, но верю на меня сильно рассердился... Все у нас осуждено и разругано. Мы в презрении у города, даже у подлых приказных. Боже мой! Какое повсюду уныние, такая горечь на лицах! Чего нам ожидать? Чего надеяться? Сила всё может сделать!»²⁹.

В течение всего времени преподавания Петр Сергеевич занимался университетской библиотекой. С 1806 по 1813 год в качестве помощника, а затем, с 1813 по 1822 год, в должности библиотекаря он описывал фонды переданных университету коллекций, заказывал литературу, составлял каталоги. Он отказался от жалованья библиотекаря — оно шло на приобретение книг³⁰. Умер Петр Сергеевич 24 марта 1823 г. в возрасте 37 лет «после тяжелой болезни печени и желудочной лихорадки», оставив жену и троих детей.

При чтении текстов, относящихся к жизни российских университетов александровской эпохи, складывается впечатление, что исторический Кондырев являет собой идеальный тип университетария по уставу 1804 года — дворянское происхождение, просветительские

²⁸ НАРТ Ф.977 Оп. «Совет» Д.653а «Переписка ректора с попечителем Казанского учебного округа о возможности открытия в г.Чистополе Татарского училища» 1820. Л.51.

²⁹ ОРРК НБ КГУ N4842 «Кондырев П.С. Записка о стремлении Магницкого разрушить Казанский университет» 1819. Л.1. Письмо сохранилось не в подлиннике, а в копии.

³⁰ Аристов В.В., Ермолаева Н.В. История научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского (1804-1850). Казань, 1985. С.13.

устремления, совмещение научного патриотизма и европейской образованности, ученый и поэт, общественно интегрирован, законопослушен, занимался политэкономией, статистикой, всеобщей историей. Кондырев не создал нового направления в науке. Собственно, этого устав от университетских профессоров и не требовал. Они, в первую очередь, были хранителями и трансляторами знаний, а затем уже его создателями. В начале XIX века, с точки зрения государственных интересов, более востребованной была просветительно-административная деятельность университетского преподавателя.

Судя по всему, современники высоко оценивали научные способности Кондырева, и оценки эти исходили от людей различных политических ориентаций, по-разному относившихся к Петру Сергеевичу. Мнение директора Яковкина было пристрастным. Но вот мнение другого лица. Сетую на недостаточное благочестие некоторых профессоров, ректор Никольский писал к Магницкому: «По замечанию моему, ничто столько не развивает гордости, как ум не плененный в послушании веры, каковой опасности наиболее подвержены *высокоученые люди*. Сей порок в г.Лобачевском и г.Кондыреве открыт, а в г.Симонове прикрыт довольно тонко»³¹.

Но вернемся к приведенному в начале статьи отрывку из художественной реконструкции биографии русского математика Н.И.Лобачевского. Роман Тарджеманова довел до логического завершения сюжет, сконструированный в отечественной историографии, в биографических описаниях – о противостоянии прогрессивного ученого и реакционного чиновника от образования. Фундамент для него заложили публикации по истории университета, вышедшие из-под пера Н.Н.Булича и Н.П.Загоскина³².

Булич писал историю Казанского университета первых пятнадцати лет его существования как профессор, ректор, как член университетской корпорации – изнутри. Так, как пишутся истории такого рода – пристрастно, в портретах положительных и отрицательных героев. Его повествование хронологически ограничено началом XIX века, но мостик «прошлое-настоящее» перекинут на протяжении всего повествования. Это – биография университета, описание его детства – тяжелого, противоречивого времени становления, необходимого этапа для расцвета – периода службы в нем автора. Соответственно

³¹ Из письма ректора Казанского университета Г.Б.Никольского к попечителю Казанского учебного округа М.Л.Магницкому. 16 марта 1822 года // *Модзалевский Л.Б.* Материалы для биографии Н.И.Лобачевского. С.131.

³² Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805-1819). Ч.1-2. Казань, 1887-1891; Загоскин Н.П. История императорского Казанского университета. Т.1-4. Казань, 1902-1906.

исследуемый период оценивается Буличем с точки зрения задатков хорошего и плохого в истории Казанского университета. Прошрое и настоящее совмещено в тексте и прочитываются в единых ценностных категориях, свойственных либеральной интеллигенции России конца XIX века: Национальная идентичность в ситуации политического шовинизма, практикуемого правительством Александра III, рассматривается профессурой как явление сугубо негативное, и все отрицательные персонажи «истории» Булича – Яковкин, Кондырев, Магницкий – обладают им. Плохо быть сребролюбцем, и, будучи ученым, заботиться о материальном благополучии. Публичная религиозность преподавателя университета – качество контрастирующее со светской наукой и прогрессом, а лояльность к власти – сигнал низких нравственных устоев персонажа.

Исходя из этих постулатов, Кондырев для Булича – фигура пограничная, персонализированная «неблагоприятная среда», в которой проходили жизнь и творчество тех лиц, что составили славу учреждения. Апеллируя к современным ему ценностям университетской корпорации, исследователь убеждал читателя:

«Знания его [Кондырева] были вполне ничтожны и к тому, что заключалось в учебниках Яковкина, едва ли он прибавил что-либо. Если мы остановились так долго на Кондыреве, то это потому, что думали видеть в нем, ошибочно или нет – не знаем, представителя того направления, какое преобладало в университете и вело к житейскому и служебному успеху»³³.

Образ Кондырева в юбилейном (1902-1906) издании Н.П.Загоскина выписан менее четко, чем у Булича, но более упрощенно и ярко. В отличие от предшественника, рассчитывающего на элитарного, может быть «университетского», читателя, Загоскин писал для более массовой аудитории. Видимо, это сказалось на стилистике их «историй». В противовес Буличу, который придал своему описанию максимум «академической беспристрастности», в том числе в описании персонажей, Загоскин открыто встал в позицию судьи истории. Оценки Булича аргументированы обширными цитатами источников, образы Загоскина выстроены в опоре на речевые штампы.

В тексте юбилейного издания имя Кондырева встречается в тех разделах, где речь идет об одиозной фигуре первого директора Казанского университета. Профессор находится в тени Яковкина и его преступлений. Имя Кондырева подменяется метафорикой типа «клевет директор», «присный Яковкина», «клика Яковкина». В тех редких случаях, когда персонаж повествования Загоскина действует от своего имени, он либо «втирается в дружбу», либо «ведет интригу», либо «наушничает», а если пишет стихи, то – непременно

³³ Булич Н.Н. Указ. соч. Ч.1. С.435.

«силится»³⁴. Публикация прошения Петра Сергеевича о вступлении в ополчение 1812 года сопровождалась саркастическим замечанием: «Воинский жар охватил и университетского пиита»³⁵.

Для создания образа Кондырева историк права Загоскин широко использовал риторику политической полемики, риторику, характерную для текстов публицистического жанра того времени. Очевидно, это был ответ на читательские ожидания. Современники в России начала XX века желали видеть в прошлом университета героическое противостояние общества и власти, а в судьбах положительных героев – драматизм.

В трудах Булича и Загоскина были воспроизведены рапорты Кондырева о поведении студентов, в том числе братьев Лобачевских. И поскольку к тому времени Лобачевский уже относился к значительным лицам Казанского университета (не столько как ученый-математик, сколько в качестве ректора), а имя Кондырева читателю ни о чем не говорило, то невинные с точки зрения внутренней жизни университета записи инспектора, спустя сто лет и в ситуации демократического подъема в университетах, прочитывались как доносы ретрограда на талантливого ученого, каковым, естественно, студент первого года обучения еще не был.

Кондырев «приобретал» образ подлеца по мере канонизации биографии Лобачевского и в этой связи. Ситуацию прочтения тех же рапортов изменил сборник документов, составленный и опубликованный в 1948 г. Л.Б.Модзалевским. Это академического типа археографическое издание, снабженное справочным аппаратом и комментариями, по сей день активно востребуется читателями. Сборник создавался в атмосфере очищения отечественной науки от космополитизма и создания «великого прошлого нашей родины, ее крупнейших представителей, лучших людей, имена которых составляют нашу национальную гордость», как писал Модзалевский. История отечественной науки должна была блистать галереей имен русских ученых с агиографическими биографиями. Открывал ее Ломоносов. Каждый следующий кандидат в галерею сопоставлялся с канонем. В программной статье «От составителя» Модзалевский обосновал право Лобачевского на включение в почетный сонм святых:

«Сходство исторических судеб Ломоносова и Лобачевского как бы повторяется и в их биографиях. Оба они отдали свои жизни народному просвещению... Без кипучей страстной деятельности на пользу народа

³⁴ Загоскин Н.П. Указ. соч. Т.1. С.212, 435-437.

³⁵ Там же. С.402.

они не мыслили своего существования, и оба кончили свои дни, отдав ему свои силы и здоровье»³⁶.

Разыскивая материалы для воссоздания биографии Н.И.Лобачевского, исследователь обратился к личному архиву Ешевских, в составе которого хранились некоторые документы по истории Казанского университета. В нем Модзалевский обнаружил дневник П.С.Кондырева за 1808-1810 годы. В фонд Ешевских дневник попал через Юлию Петровну Ешевскую, в девичестве Вагнер. Юлия Петровна была дочерью профессора Казанского университета Петра Ивановича Вагнера и его жены Ольги Андреевны, урожденной Губер, которая в первом браке была супругой Петра Сергеевича Кондырева. Впоследствии Юлия Петровна вышла замуж за историка, преподавателя сначала Казанского, а затем Московского университетов Степана Васильевича Ешевского.

В дневнике среди прочих трижды упоминались имена студентов первого года обучения братьев Лобачевских, как нарушивших дисциплину. Судя по листу пользователя, Модзалевский сделал выписки именно с этих листов дневника, и они вошли в опубликованные «Материалы для биографии Н.И.Лобачевского». Выписки из дневника были помещены вместе с рапортами Кондырева о поведении студентов³⁷. Сам Модзалевский писал об этом в предисловии так: «...многие документы, обнаруженные в свое время моими предшественниками по работе и ими опубликованные уже в выдержках, например в трудах Н.Н.Булича и особенно Н.П.Загоскина и др., мною не были разысканы, и пришлось подобные, иногда очень важные, документы включать в сборник без новой проверки их по оригиналам, а иногда только в извлечении, в том виде, как они были уже опубликованы ранее»³⁸. Модзалевский не сопроводил эти материалы комментариями, казалось бы, предоставив читателям возможность самостоятельного их прочтения.

Историографическая судьба Кондырева удивительно ярко иллюстрирует утопичность утверждений об «объективности» документальных сборников. Документы, расположенные определенным образом, во фрагментах, имеющих отношение к личности Лобачевского, вне истории их создания, без связи с другими текстами рисовали перед читателем одномерную картину: мелочный и завистливый помощник инспектора Кондырев третировал признанного мировой наукой ученого.

³⁶ От составителя // Модзалевский Л.Б. Материалы для биографии Н.И.Лобачевского. С.5.

³⁷ Модзалевский Л.Б. Материалы для биографии... С.38-46.

³⁸ Там же. С.27.

Возникший образ не разрушал помещенный здесь же, несколькими страницами позже архивный документ «Мнение профессоров П.С.Кондырева и В.М.Перевощикова по вопросу об избрании в экстраординарные профессора Н.И.Лобачевского и И.М.Симонова»³⁹. Из текста явствовало, что вопреки мнению университетского Совета, отказавшегося избрать адъюнктов Лобачевского и Симонова в экстраординарные профессора, Кондырев и Перевощиков, со ссылками на пункты Устава и практику Совета, доказывали необоснованность такого отказа. Их мнение было доведено до сведения министра, и это решило исход спора в пользу Лобачевского и Симонова.

Дело в том, что сей документ не был «прозрачным» для прочтения. Он интертекстуален по своей структуре. Написанный по матрице бюрократического письма того времени, документ включает тексты из Устава, из протоколов заседания Совета, официальных распоряжений министра и попечителя. Голос авторов документа растворен, заглушен этими включениями. Чтобы его услышать, надо провести деконструкцию текста, очистить его от предшествующих текстов. В итоге исследователь из всего обширного документа получит строку:

«...нижеподписавшиеся на упомянутое решение большинства голосов, по сказанным причинам согласиться не могут и просят, чтобы сие их мнение представлено было его сиятельству г.министру на высокое начальственное благоусмотрение»⁴⁰.

Надо отдать должное скрупулезности и профессионализму Модзалевского – далее в сборнике следовали выдержки из переписки попечителя с профессором Ф.К.Броннером, где в завуалированной форме и на французском языке дается оценка сложившейся ситуации, раскрываются некоторые ее аспекты:

«Я, – писал попечитель, – взялся написать ректору и откровенно изложить ему образ моих мыслей... Яковкин постановил, и он подчинился»⁴¹. И в следующем письме: «Симонов и Лобачевский утверждены в звании профессоров наперекор интриге»⁴².

Но вновь отсутствие контекста, авторских комментариев делали текст глухим. Читатель не был посвящен в обстоятельства создания этих строк, в то, о чем корреспондент умалчивал, подразумевая осведомленность его собеседника. Читатель оказался «вне звучащей зоны умолчания».

³⁹ Там же. С.68.

⁴⁰ Там же. С.67-68.

⁴¹ Из письма М.А.Салтыкова к Ф.К.Броннеру. 12 июня 1816 года. Петербург // Там же. С.71-72.

⁴² Из письма М.А.Салтыкова к Ф.М.Броннеру. 24 июля 1816 года. Петербург // Там же. С.73-74.

В конце сборника Модзалевский поместил отрывки из воспоминаний о Лобачевском, среди прочих – Н.П.Вагнера и А.С.Ешевской. На глазах этих мемуаристов происходила канонизация знакомого им человека. Это вызывало удивление и желание участвовать в создании истории. Вагнер в этой связи писал:

«При жизни великих людей мы их, обыкновенно, не замечаем... В настоящее время я глубоко сожалею, что не собрал больше сведений об этой светлой, гениальной личности»⁴³.

Мемуаристы полагали, что Лобачевский достоин почитания, но возражали против того, чтобы его образ выстраивался через очернение его современников. В обоих приведенных в сборнике отрывках авторы воспоминаний, повествуя о семейных разговорах и преданиях сокрушались, что «в печатных биографических данных о Ник.Ив.Лобачевском сохранилось не вполне верное сведение о нем [Кондыреве – Е.В.], как о преследователе Лобачевского во времена его студенчества»⁴⁴. Появление рапортов они объясняли ситуацией – с одной стороны, остроумный, задиристый, непокорный шестнадцатилетний студент Лобачевский, с другой, молодой (22 года) и неавторитетный, но желающий оправдать доверие начальства субинспектор Кондырев. Каждый из них жил как мог: один подзуживал и шалил, другой – обижался и жаловался. В конце концов, Кондырев обязан был делать замечания и ставить в известность инспектора Яковкина. Но когда Петр Сергеевич освободился от этой обременительной и унижительной должности, а Лобачевский сам стал преподавать, их отношения изменились – сообщали мемуаристы. И Николай Иванович был даже крестным отцом сына Кондырева. А врага в крестные к детям, как известно, не зовут⁴⁵.

Однако у искушенного читателя эти свидетельства доверия не вызывали. Из комментария составителя он знал о заинтересованности обоих мемуаристов в оправдании предка – для Вагнера – отца его сводной сестры, а для Ешевской – первого супруга ее бабушки.

Итак, после издания сборника Модзалевского основные черты мифологемы биографистики Лобачевского оформились окончательно. Доступный нам сегодня Лобачевский построен по определенному «проекту». Ядро его биографии составляют несколько мемуаров, которые писались под задачу – дать картину становления великого русского ученого. Эти мемуары писались людьми письменной культуры России второй половины XIX века. Поэтому без всякой обработки они уже представляют варианты биографической легенды.

⁴³ Воспоминания Н.П.Вагнера // Там же. С.633.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Из воспоминаний А.С.Ешевской // Там же. С.664-665.

Дальнейшие исследования переопределяли место творчества Лобачевского в русской научной цивилизации XIX-XX вв. Жизнь выдающейся личности рассказывалась как предопределенная и своей функцией (великого математика), и своим совершенным финалом⁴⁶. Все свидетельства о Лобачевском – правдивые и не очень, все исследования о нем, строят, в сущности, версию героя русской науки⁴⁷.

Традиция создания агиографических биографий великих людей не прерывалась в России на протяжении XIX-XX веков. Здесь разрыва между «дореволюционной» и «советской» историографией не произошло. И даже национальные герои отечественной науки остались практически те же. Заимствована была также структура построения биографического нарратива. Он выстраивался как упорядоченный хронологический ряд, некая последовательность действий выдающейся личности, которой неведомы инерция и колебания. В таких описаниях использовались следующие типы аргументации: ссылки на политические или научные авторитеты (цитаты из «классиков»), позитивистская каузальность, соотнесение с каноническими моделями. Наиболее частотно использовалась модель Ломоносова. Нарративная же фантазия и ткань биографического рассказа держались на «нравоучительных анекдотах» – «передатчиках общих мест и стереотипов». Такую функцию в историографической легенде о Лобачевском играл конфликт с субинспектором. Это был троп, придающий научному тексту элемент художественной интриги. Каждый пишущий о великом русском математике добавлял к злодейскому образу Кондырева новые яркие штрихи. «Враг» был найден. Он был так необходим для каноничной завершенности образа талантливого ученого, для его «правильного» восприятия массовым читателем.

А массовое историческое сознание имеет внутренне непротиворечивую целостную «картину прошлого». Она поддерживается посредством стереотипных и символических «скреплений» коллективной памяти. Постулируемая однозначность исторических событий и героев упрощает складывание в коллективной памяти разделяемых

⁴⁶ Типичный биографический текст о Лобачевском начинается со следующей фразы: «Гениальный русский математик и великий ученый Николай Иванович Лобачевский родился 20 ноября (1 декабря) 1792 года в Нижнем Новгороде». – Гудков Д.А. Н.И.Лобачевский: загадки биографии. Н.-Новгород, 1992. С.3.

⁴⁷ Используется методика, предложенная В.А.Шкуратовым. – См. Шкуратов В.А. Историческая психология. М., 1997. Изд. 2-ое расширенное; Шкуратов В.А., Бермант О.В. Советская массовая культура как случай письменной ментальности // От массовой культуры к культуре индивидуальных миров: новая парадигма цивилизации. М., 1998.

целостных образов. Осмысление истории обыденным мышлением достигается с помощью устойчивых бинарных оппозиций⁴⁸.

Пока не появился сюжет с Кондыревым в качестве анти-героя, образ Лобачевского был незавершенным. У ректора Казанского университета не было документально зафиксированного конфликта с царской властью в лице императора, министра просвещения или, на крайний случай, с попечителем округа. Напротив, Николай Иванович был близким родственником попечителя М.Н.Мусина-Пушкина, и их ровные отношения обеспечили расцвет университета в 1830-40-е годы, содействовали успешной карьере того и другого.

Постепенно роли в биографистике Лобачевского распределились следующим образом: молодой, красивый, талантливый, честный Николай Лобачевский, преданный друзьям и постоянный в своих антипатиях, и безвозрастный, обезличенный, бездарный, прогибающийся перед сильными мира сего Петр Кондырев, не имеющий убеждений и постоянных привязанностей. Персонажи являют собой социальные идеалы советского времени в науке.

Мифологема типичная для отечественной художественной литературы, фабула сюжетов которой выстраивалась вокруг политически-романтической оппозиции «враг-герой». Герой обладает всеми положительными качествами и, в конце концов, побеждает или гордо гибнет. Враг, сильный и торжествующий в начале сюжета, вынужден затаиться и держать «нож за пазухой», а в конце повествования терпит поражение. В противостоянии герой обнаруживает благородство, враг демонстрирует низость своей натуры.

В стандартизированную схему вписывались имена «пламенных революционеров» и просто – «замечательных людей». Из этой борьбы всех со всеми складывалась картина настоящего и прошлого. И вот талантливый Кутузов страдает от императора Александра, Сперанский – от реакционеров, большевики от жандармов, коммунист-производственник от бюрократа и т.д. Сюжет из художественной биографии Лобачевского в этом смысле типичен. Он выполнен в «законах жанра». История его формирования, видимо, восходит к традиции литературы «подпольной России». Ее каноны требовали, чтобы «литературные персонажи отождествлялись с конкретной функцией, позитивные и негативные полюса были четко обозначены»⁴⁹. Воз-

⁴⁸ Зверева Г.И. Формы репрезентации русской истории в учебной литературе 1990-х годов: опыт гендерного анализа // Пол, гендер, культура. М., 1999. С.155-180.

⁴⁹ Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: Радикальный микроскоп в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1999.

можно, истоки построения данного сюжета еще глубже и лежат в романтической традиции. Историко-художественная реконструкция советского времени выполнялась, как калька с «производственного» романа. И университет России начала XIX века становится аналогом советской фабрики со своим «парторгом», передовым активистом и доносчиком-ретроградом. Прошлое и настоящее соединены.

Кондырев оказался той негативной персоной, что должна была оттенить достоинства главного носителя сюжета. Так рождался образ «подлеца». Конечно, сегодня гносеология подлинного и неподлинного в качестве историко-культурного метода вызывает мало доверия. Научная реконструкция исторического персонажа – тоже всего лишь реконструкция, «сотворение». Но ее отличие от художественного вымысла – в профессионализме критических методов обработки источников и в возможно более глубоком восстановлении *контекста* источниковых текстов. В отличие от романиста, придающего доверительность повествованию посредством ярких образов, запечатленных эмоций, историк апеллирует к вере читателя через систему доказательств и аргументов.

Для историка очевидно, что Кондырев, герой художественных и историко-публицистических произведений, «убил» Петра Сергеевича Кондырева, ординарного профессора Казанского университета, секретаря литературного общества, поэта, ученого, просветителя, библиотекаря, члена цензурного комитета, словом университетского человека александровской эпохи. Образ сильнее факта. О том, что существовал другой Кондырев, напоминают нашим современникам лишь отдельные реплики мемуаристов и исследователей, изучавших историю Научной библиотеки Казанского университета, историю учебных заведений Казанского учебного округа, историю газеты «Казанские Известия»⁵⁰ – произведений специальных, читаемых «внутри профессии». Но может быть сегодняшний читатель не нуждается в столь одномерной картине прошлого, и маска подлеца не срослась с Кондыревым...

⁵⁰ Библиограф В.Аристов писал о Кондыреве как об «одном из передовых ученых университета». – *Аристов В., Ермолаева Н.* Все началось с путевого...: Поиски литературные и исторические. Казань, 1975. С.111; С.М.Михайлова, исследуя деятельность литературного общества при КИУ, отмечала, что его секретарь П.С.Кондырев «был человек широких интересов и кипучей энергии». – *Михайлова С.М.* Казанский университет в духовной культуре народов Востока России (XIX в.). Казань, 1991. С.171; «талантливый ученый широкого профиля», – характеризовал Кондырева Б.М.Ягудин. – *Ягудин Б.М.* Н.А.Осокин и становление казанской школы всеобщей истории. Казань, 1998. С.26.

ЧИТАЯ КНИГИ...

С.В.Алексеев

Не листья на ветру...

В первой же строке книги «Персональная история» (М., 1999), по поводу которой и написаны настоящие заметки, ставится вопрос: «Зачем история?» Подобно Д.Володихину, автору предисловия (правильнее сказать, вводного манифеста) «Персональной истории», я не считаю, что на этот вопрос есть один ответ. Все возможные, включая и предлагаемый в книге, – история как «подсказка или, лучше, арсенал духа» (определение поистине замечательное!), способствующий экзистенциальному выбору, – можно, в принципе, свести к некоей банальности вроде «история учит...» Банальность, убийственно срезаемая другой, не менее очевидной, но более актуальной: история учит только тому, что ничему не учит никого, кроме немногих посвященных.

Столь же актуально заключение Д.Володихина о том, что «персональную историю стоит рассчитывать на большую аудиторию образованных людей, а не на горстку узких специалистов». Поистине, хотелось бы, чтобы этот призыв был услышан как можно большим числом историков! Не обязательно переходить на язык «литературный», но и «академический» мог бы быть чуть больше похож на русский... Заметим, кстати, что и без лингвистических революций слог авторов рассматриваемого труда, – как историков, так и литературоведов, – более чем привлекателен и, несомненно, доступен той самой «большой аудитории». Серьезности труда это отнюдь не умаляет, а скорее ее подчеркивает.

Возвращаясь к вопросу – «Зачем история?» С учетом вышесказанного не хотелось бы вдаваться в проблему детальнее. Имея, однако, налицо некий труд, в коем предлагается ответ, стоит немного изменить сам вопрос. Заявка на ответ, а, следовательно, на новое направление исторического поиска, на новую школу сделана. Автору этих строк, вполне узкому специалисту-историку, свойственно некоторое стремление к классификации и уверенному размещению на просторах исторической науки новых ее ростков. Такое размещение лучше дает возможность понять, какую роль они играют для целого. А каждый, даже самый неприятательный саженец подлинного гуманитарного знания добавляет что-то свое к

красоте сада. Отрицать это (особенно самим садоводам) – значит впадать в ненужную скромность.

Итак, зачем нужна персональная история? Ответ на вопрос, как только что сказано, требует некоторых изысканий в области взаимоотношений направлений и школ в исторической науке. Сам вводный манифест дает для таких изысканий достаточный материал. В качестве предшественников, довольно относительных, предстают Сартр, Шестов, Честертон. Ни Сартр, ни Шестов, однако, отмечает автор предисловия, «не были историками, не знали рабочих техник историков и в целом были чужды исторического метода, который не может не быть основой для историка-персоналиста». Честертон, при всей эрудированности своих основанных на многолетних традициях нерасчлененной католической *lore* трудов, все-таки тоже едва ли историк в нашем зауженном нынешнем понимании, – хотя высококлассный филолог.

Из собственно «исторических» направлений ближе всего – психоистория и микроистория. Д.Володихин называет еще школу «Анналов», по крайней мере «некоторые направления». С этим согласиться непросто – сам автор в примечании справедливо указывает на «мощный заряд социологизма» в школе «Анналов». Где-то на грани между «Анналами» и чистой микроисторией мы еще можем встретить нечто похожее на «экзистенциальные биографии», предлагаемые в рассматриваемой книге. Но только на самой грани. Классика школы не имеет дело с персонами. Ее предмет – общество, из персон состоящее, но обладающее коллективной ментальностью, каковая и определяет лицо эпохи.

Кто-нибудь, может, вспомнит еще герменевтов начала века с их теорией «симпатизирующего понимания» прошлого и «вживания» в него. Но на деле, между Дильтеем и нашими авторами – дистанция огромного размера. Общего здесь разве что сама идея понимания личности, жившей в минувшее время. Но одно дело заняться делом конструирования сей личности из себя, интеллектуала переменчивого XX века, другое – попытаться понять внутренний мир человека прошлого, оставаясь самим собой. Последняя задача и труднее, и благодарнее.

Вернемся для начала к психоистории. Как признается в предисловии и ясно видно в ряде мест книги (например, эссе Н.Зубкова, П.Лавровой, С.Янышева), отдельные приемы психоанализа и психоистории могут быть использованы и в персональной истории. Но основа новой школы принципиально иная. Первыми творцами психоистории были вовсе не историки (и не филологи), хотя многих профессионалов увлекло впоследствии своеобразие и возможно-

сти ее методов. Результаты иногда впечатляли. Но все-таки надо всем этим направлением довели всегда (и довели по сей день) догмы Великого Психоанализа. Между тем, Фрейд и Юнг были историками не в большей степени, чем экзистенциалисты. Адепты Франкфуртской школы социальных исследований, во всяком случае, все были узкими специалистами-гуманитариями. Но их труды, во многом сформировавшие современную психоисторию (заметим, опять же скорее историю общества, чем личности), полны положений классического фрейдизма. Между тем, положения эти имеют весьма мало отношения к историческим методам работы.

Фрейд не писал ни историю, ни биографии. Психоаналитические эссе об известных личностях, не пощадившие ни Моисея, ни Леонардо да Винчи, были лишь средством сперва привлечь внимание к новорожденной неисторической теории, а затем популяризировать ее. Использовать ту же методику в историческом труде едва ли оправдано, хотя профессиональная психоистория во многих случаях дала интересные результаты. К тому же узость метода объяснения даже отдельно взятой личности через психологию (пусть даже без знака равенства с психоанализом) большинству, и авторам «Персональной истории» в том числе, очевидна.

Остается микроистория. Разницу между ней и персональной историей Д.М.Володихин определяет следующим образом:

«Персональная история имеет с микроисторией одну важную аналогию, важную точку соприкосновения, а именно, схожий масштаб исследований; в обоих случаях это микроанализ, анализ одного-единственного события, индивидуальной судьбы. Но сходство на этом и заканчивается. Персональная история ни в малой мере не решает социальных, социоисторических проблем, она занята экзистенциальными проблемами. Микроанализ в данном случае приобретает самоценное или почти самоценное значение».

Итак, можно заключить, что персональная история родилась как ответ на некоторую социологическую заданность развивающейся микроистории, унаследованную от «анналистов». В существующих «чистых» микроисторических трудах движение от частного к общему присутствует по преимуществу лишь как часть во многом неизбежного герменевтического круга. Первая и главная составляющая его при этом, сознательно или бессознательно, — от общего к частному; вторая, микроисторическая, полудуга лишь замыкает первую, помогая вернуться к «главному», общему. Это обстоятельство и порождает реакцию, оправданное и естественное (почему — об этом речь дальше) стремление сосредоточиться на частном.

Вместе с тем, думается, автор предисловия немного погрешает против истины, решительно заявляя, что «персональная история ни в малой мере не решает социальных или социоисторических

проблем». Здесь следовало бы добавить – «как понимают их большинство существующих научных школ». С момента рождения позитивной науки историки занимались преимущественно установлением общих закономерностей развития общества или, по меньшей мере, историей общества в целом. «Современные Плутархи» с неизбежностью оказывались в разряде авторов второго сорта – интересно... занимательно... научно-популярно. Сами они с неизбежностью принимали общие правила игры и все больше рассматривали человека «в контексте». В этих условиях, «люди в эпохе» у первых классиков “Анналов” выглядят, к сожалению, лишь немногим менее безлико, чем производительные силы Карла Маркса. Любой «человек в эпохе» на фоне чего угодно – законов Маркса и Энгельса, «общественных тенденций» постпозитивиста Поппера, коллективного бессознательного Фрейда вкупе с архетипами Юнга и «энергией» Райха, национальной, временной или сословной ментальности «анналистов» – не более чем лист на ветру.

Дискуссии о роли личности в истории (по какой-то немыслимой иронии, наиболее ожесточенные именно в рамках доктрины, почти начисто отрицавшей таковую роль априори) отчасти теряют смысл при всех вариантах такого подхода. Дело при этом вовсе не в том, есть некое осязаемое общее, само по себе, или нет. Дело в другом – в том, какая доля внимания уделяется «большой историей» частному; на каком положении находится исследование этого частного в рамках «большой истории». Складывается впечатление, что «большая история» не может принять частного как равноправный с общим объект исследования.

Между тем часто (хотя не повсеместно) забывается простая, азбучная вещь – общество состоит из личностей. Прежде чем возникнет то или иное общественное явление в «большой истории», оно должно возникнуть в умах, или, по крайней мере, в «переживании» или интуиции, в экзистенции тех, кто в данном явлении задействован. Даже «инстинкту толпы» подчинится лишь тот, кто в данный момент – лично – к тому расположен. До предела вульгаризируя этот тезис – человек сначала думает (как минимум, “переживает”), а потом поступает, будь то один или вместе с кем-то. Если чего-то не было в индивидуальном сознании членов коллектива, то не будет этого и в сознании коллективном. Люди – не листья на ветру, а скорее капли в ручье – с той разницей, что капли эти мыслящие и вполне могут поплыть против течения либо выпрыгнуть на берег по одной, а то и целым потоком.

Рождается вывод, в чем-то парадоксальный для совсем молодого направления в науке, но, вместе с тем, обоснованный – боль-

шая история невозможна без истории персональной. Разумеется, если изучаемый период позволяет заняться исследованиями в области таковой. Рассмотрение личностей «в контексте» и «в целях» очень важно, но сужает проблему исследования частного. Исследование частного должно быть, как минимум, равноправно в «большой» науке с исследованием общего. Создание «Персональной истории» – скорее всего, не решающий, но достойный и заслуживающий поддержки шаг на этом пути.

Несколько слов об отдельных работах, вошедших в сборник и пока не упомянутых. Эссе о российских государях – Екатерине II (О.Елисеева) и Александре I (А.Монахов) лучше всего иллюстрируют вышеприведенный тезис. Обойтись вообще без проблем «большой» истории в них едва ли было можно, и отчасти эти работы полемизируют с тезисом предисловия: «если для разработки выбрана личность масштаба Наполеона, то это, скорее всего, должен быть Наполеон без Ваграма, Аустерлица и Ватерлоо». Это особенно явствует из работы А.Монахова, где личность самодержца раскрывается именно в прямой связи с Аустерлицем, хотя и под вполне неожиданным углом. Едва ли и образ Екатерины мог быть решен, скажем, без темы свержения Петра III или совсем без упоминаний о крупных событиях ее правления. Но как раз невольная и неизбежная для фигур такого масштаба дань теме «личность в...» демонстрирует преимущества подхода исследователей. Получается не «личность в эпохе» и даже не «личность эпохи», но личность, творящая эпоху. И новый угол зрения, как это обычно бывает, сразу дает интереснейший результат.

Не в меньшей степени это относится и к очерку Д.Володихина о К.Н.Леонтьеве. Историческое (во всех смыслах) повествование об обращении Леонтьева к православию и о пути православного мыслителя построено убедительно и источниковедчески четко. При этом довольно убедительной критике подвергается ряд легенд рационал-либеральной историографии Леонтьева, легенд, без комментариев принимавшихся на веру большинством биографов. Исследование личности философа XIX века современным ученым позволяет раскрыть ее глубже, чем многим младшим современникам, для которых Леонтьев был чуть ли не исключительно фигурантом «общего» – идейных споров эпохи.

В целом «Персональная история» – яркое явление отечественной исторической мысли. Предложенный в ней метод заслуживает самого пристального внимания исследователей всех направлений. Постановка проблемы персональной истории открывает обнадеживающие перспективы перед исторической наукой в целом.

Д.М.Володихин

Нарратив побеждает

Этот текст не является в точном смысле рецензией на то издание, которое послужило стимулом к его написанию. Он представляет собой, скорее, полемические заметки, написанные, тем не менее, под знаком большого уважения к научной школе недавно ушедшего из жизни Ю.Л.Бессмертного.

Новая книга¹, собравшая результаты творческих поисков «микроисторического» семинара Ю.Л.Бессмертного, стала очевидным продолжением сборника «Частная жизнь: Человек в кругу семьи»². Продолжением более плодотворным с методической точки зрения. Значительная часть очерков, вошедших в первую книгу, была подобрана по принципу тематического сходства. Что же касается второго издания, то в нем отразились позитивные изменения, произошедшие на протяжении нескольких лет работы семинара.

Только тогда новый научный метод можно назвать состоявшимся вполне, когда целый ряд ученых сознательно выстраивают методику и технику специальных эмпирических исследований в соответствии с новой методологией и при этом добиваются приращения научного знания. Так вот, если в середине 90-х микроисторический метод был многообещающей новинкой, историки, скорее, *знали о нем, чем понимали, как его применять* (что, кстати, отразилось и на уровне сборника «Частная жизнь...»), то в настоящее время можно констатировать: эта ветвь научной мысли получила в России широкое распространение, более того, многие научились грамотно ставить исследовательские задачи *под применение* микроисторических методик. Во всем новом сборнике³, который содержит девятнадцать очерков, связанных со специальными эмпирическими исследованиями и методологическими изысканиями, только один материал можно назвать недостаточно мотивированным общей концепцией книги⁴.

¹ Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / Ред. Ю.Л.Бессмертный. М., 2000. 582 с.

² Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени М., 1996. 376 с.

³ По жанру «Человек в кругу семьи...», несомненно, сборник статей, хотя редактор и попытался придать книге монографический характер: разделил материал на части, главы, представляя книгу, использовал слово «том» и т.п.

⁴ Габдрахманов П.Ш. «Что в имени тебе моем?» Семья и имя во Фландрии XII-XIII веков // Человек в мире чувств... С.70-84.

Ю.Л.Бессмертный отдал немало места для обоснования необходимости изучать частную жизнь вплоть до самых интимных ее аспектов. В частности, речь идет о том, что

«...ни производственная, ни политическая, ни культурная деятельность не представляют для конкретного человека самоцели. Все они фактически служат средством обеспечить данному человеку благоприятные условия повседневного существования, включая, едва ли не в первую очередь, комфортные условия частной жизни – жизни “у себя”, “дома”»⁵.

Ю.Л.Бессмертный считал необходимым вписать изучение частной жизни со всем ее эмоциональным наполнением в рамки социальной истории в целом. Для этого исследователь предлагал тезис о «двуслойном» или «двуедином» видении прошлого, интегрирующем технологии микроанализа и макроанализа. Изучение частной жизни дает, по мнению Ю.Л.Бессмертного,

широкий простор для подобного рода «двуединой» аналитической практики, так как требуется «...с одной стороны, исследование общественных и групповых стереотипов и структур, а с другой – своеобразие каждого доступного... анализу изолированного казуса и фигурирующего в нем индивида. Осмысливая поведение такого индивида, важно принять во внимание и то, что на него воздействуют большие структуры, охватывающие многих участников данного социума, и то, что ни одна из таких структур не «поглощает» действующих в них индивидов полностью, оставляя место для проявления ими субъективного, частного, личного»⁶.

Для изучения первого «слоя» традиционно применяется макроанализ, для изучения второго – микроанализ.

Такой методологический инструментарий представляется вполне здравым и хорошо обоснованным. Но кое с чем можно поспорить. Существует ли железная необходимость вписывать исследования микроисториков (и в том числе, исследователей частной жизни) в какие-то более глобальные рамки, например, в рамки социальной истории? Сам же Ю.Л.Бессмертный точно сформулировал основную задачу историка: «помочь самопознанию его современников», – и с этим нельзя не согласиться. Такого рода помощь состоит в «поставках» хорошо систематизированной, источниковедчески обоснованной информации для решения вечных экзистенциальных (или, если угодно, крипторелигиозных) проблем. Главный методолог сборника приблизительно очертил их круг: «помочь... современнику понять, кто он есть, чем отличается от своих предков, зачем явился в этот мир и ради чего живет»⁷.

⁵ Бессмертный Ю.Л. Проблема // Человек в мире чувств... С.8.

⁶ Бессмертный Ю.Л. Метод // Человек в мире чувств... С.20.

⁷ Бессмертный Ю.Л. Проблема // Человек в мире чувств... С.7. Автору этих строк уже приходилось писать об экзистенциальных разысканиях, в

Иными словами, профессия историка оправдана, как минимум, до тех пор, пока его современники не перестанут биться над вопросом о смысле жизни. Но тогда для чего полученное микроисториком знание, столь драгоценное для современника, должно делать на своем пути от одного к другому странный зигзаг, пытаюсь «вписаться» в социальную историю? Можно предвидеть ответ: на этом «повороте» происходит «обогащение» одного типа исторической реконструкции за счет добавления другого типа, более обобщенного (т.е. синтез «двухслойности»); сам комплекс знаний об определенном предмете вроде бы становится более фундаментальным. Однако это не снимает вопроса о том, всегда ли необходима подобного рода интеграция.

Не является ли синтез в целом ряде случаев одновременной утратой ценных качеств одной из исследовательских методик, или, иначе, естественных характеристик одного из «слоев» в методическом «сэндвиче», предложенном Ю.Л.Бессмертным?⁸

Нельзя упускать из виду проблему конструирования исторического повествования как метода установления диалога между историком и потребителем его текстов из среды интеллектуалов, никак не связанных с профессиональным сообществом историков. Что получит потребитель после «прогона» информации, полученной микроисториком, через русло социальной истории? Скорее всего, обогащение терминологией и всем строем языка, характерного для естественнонаучных штудий и неоправданно широко распространенного в гуманитарной сфере (т.е. нечитабельность); еще он получит социальный фон очередного персонального «казуса», его совершенно не интересующий; хорошо еще, если вдобавок он не получит какую-нибудь новомодную социологическую (или, не дай Бог, политологическую) модель, отягощающую нарратив искусственной, извне привнесенной логикой.

Не так давно С.В.Кизюков внятно обозначил перспективные паттерны дальнейшего развития исторического нарратива: все-

которых историку участвовать не менее уместно, чем скажем, философу или беллетристу. – *Володихин Д.М.* Экзистенциальный биографизм в истории // Персональная история. М., 1999. С.3-4.

⁸ Проблема эта исключительно важна еще и потому, что семинар Бессмертного в настоящее время – «законодатель мод» в российской микроистории; следование в фарватере этого научного направления – хорошая школа, но однозначное принятие кратко описанной выше методологии может привести к неоправданному монизму микроисторических исследований. Методологическое «двуединство» имплицитно содержит реликтовую тоску по «глобальному синтезу», где каждому «кирпичику» найдется свое место, то есть оно – слегка анахронично.

таки торжествует «возвращение к Геродоту»⁹, модернизированная притча, биография (как версия видоизмененного «мифа о герое»)¹⁰. Эта идея чрезвычайно удобна и осуществима на практике, поскольку и форма притчи, и биографизм в высшей степени диалогичны. Они позволяют легко расширить пределы прогнозируемой при конструировании повествования аудитории далеко за рамки касты профессионалов.

Таким образом, для целого ряда микроисторических исследований переход к «единению» с общим зданием социальной истории может оказаться не только не нужным, но даже противоположным. Более прямой путь к «современнику» проходит через технологии игровой трансформации, беллетризации, того же биографизма и т.п., иными словами, через совершенствование структуры и «внешней оболочки» нарратива.

Собственно, некоторые авторы сборника, где-то имплицитно, а где-то и вполне явно перешли на путь экзистенциального портретирования и беллетризации текста. И это – отрадная тенденция.

Самый яркий пример – очерк С.А.Экштута «Надежда Сергеевна Акинфова (Роман великосветской дамы по материалам III Отделения)»¹¹. С одной стороны, этот текст опирается на обширный архивный материал, профессиональное знание опубликованных источников и глубокую работу с ними. С другой, как признается сам С.А.Экштут, сделанная им реконструкция судьбы Н.С.Акинфовой позволяет оценить ее с эстетической точки зрения, а именно как «блестящую импровизацию, предвосхитившую появление психологического романа аналогичного содержания в русской литературе»¹². Следуя за источниками, автор очерка фактически создал конспект подобного романа и, таким образом, далеко углубился в беллетризацию материала, но буквально нескольких шагов не дошел до рубежа, за которым его текст превратился бы в художественную литературу.

Еще один прекрасный пример – очерк М.А.Бойцова «Герцог, его слуга и смерть (Австрия, XIV век)»¹³. М.А.Бойцову удалось вписаться в рамки нескольких научных традиций. Его текст безупречен

⁹ Кизюков С.В. Типы и структура исторического повествования. М., 2000. Здесь автор прямо апеллирует к известному докладу М.А.Бойцова «Вперед, к Геродоту!». Текст доклада и дискуссия по нему опубликованы в альманахе «Казус – 1999» (М., 1999. С.17-75).

¹⁰ Кизюков С.В. Указ. соч. С.130-131.

¹¹ Человек в мире чувств... С.530-568.

¹² Экштут С.А. Надежда Сергеевна Акинфова... // Указ. соч. С.561.

¹³ Человек в мире чувств... С.303-339.

с точки зрения позитивистской науки, отвечает требованиям «дву-
слойности», обозначенным Ю.Л.Бессмертным, и в то же время в
нем хорошо виден элемент детектива, полухудожественного рас-
следования, игровой трансформации, призванной сфокусировать
внимание читателя. Фактически этот очерк приобрел черты замас-
кированной притчи, портрета средневекового христианина, с кото-
рого перед лицом тяжелой болезни спадают все одежды социаль-
ного этикета, и остаются только боль и смерть.

Изучение текстов, вошедших в состав сборника наталкивает на
вывод: для микроисторических работ, даже ориентированных на
анализ (если угодно, на сциентизацию в социальном ключе), аспект
повествования настолько родной, что приоритеты нарратива порой
берут верх самым естественным образом.

SUMMARIES

M.F.Rumiantceva. "Other Self" In fiction and in historical science.

The epistemological context of the late 19th – early 20th cc. revealed divergent strategies of reproducing "Other Self" in the methodology of history by A.S.Lappo-Danilevsky and in the system of I.I.Lapshin. The author of the article suggested that the difference of the principles of knowledge in two concepts which shared common philosophical basis can be resulted from the difference of research fields: a work of an artist for I.I.Lapshin and history science for A.S.Lappo-Danilevsky. The author analyzes the possibility of using both approaches in post modern period.

I.L.Belenky. Biography and biographics in Russian cultural and historical tradition.

The article deals with the concept of 'biography' and 'biographics' as a system of philosophical and scientific knowledge about meaning and aims of biographical studies. The author discusses methods of biographical reconstruction, the nature of its genres and the pattern of Russian biographical studies in the late 19th – early 20th cc. He also touches the problem of theory and philosophy of biography.

O.P.Smirnova. A Biography of Eunapius of Sardes.

The author of the article reconstructs main facts of the biography of the ancient rhetorician and historian Eunapius of Sardes (the 4th c.). The reconstruction is based on the analysis of his writings – *Vitae sophistarum* and *Fragmenta Historica*. The article discusses the chronological problems debated in historiography: dates of Eunapius' birth and death, and the time when his writings were published.

N.I.Devjatajkina. The "Letter to descendants" by Petrarca as the first humanist autobiography.

The analysis of the "Letter to descendants" reveals specific features of the intellectual biography of the first Italian humanist. The author emphasizes the structure of the letter, its two parts, their contents, language and style, and their connection with the treatise "My secret". The article shows that the interpretation according to which Petrarca's autobiography depicted a life of a sinner in medieval way is groundless.

M.S.Bobkova. One more attempt at reconstructing biography of Jean Bodin.

An attempt to reconstruct the biography of a French lawyer Jean Bodin (1530-1596) was made twice by the author of the article (see

M.S. Bobkova's articles in "Man and Society in the Late Middle Ages and the Renaissance" (Ivanovo, 1994), and in "Questions of History" (N3, 1996). New archival documents, however, force a researcher to re-examine facts of Bodin's life, and it leads to reevaluation of his personality and his influence on the society and the politics in France in the second half of the 16th c. The article places Bodin's biography in the context of the dramatic events of French religious wars.

G.A. Mukhina. Chateaubriand and the Revolution.

The article deals with the French philosopher Chateaubriand's life and intellectual formation. The author has demonstrated that Chateaubriand spent the whole life in seeking an answer to a question – What is revolution? – and in attempts to define criteria for its analysis. The Chateaubriand's views on the political revolution in France are described. The article shows what revolutions meant for the thinker, how he revealed their secrets, and why he was their enemy.

A.V. Gladyshev. Saint Simon: money for the "Improvement of the humankind's state".

The article presents an attempt to deal with the person of C.-H. Saint Simon by analyzing his finances. One of the richest men of Paris under the Directory, he lost all his fortune, and since 1799 he dedicated his life to seeking the ways of the "improvement of the humankind's state". From that moment hardship became his companion. The fame and relatively good fortune was acquired by Saint Simon after he had accepted the idea of a new "industrial society".

N.S. Krelenko. Samuel Gardiner: a Victorian, a historian.

Samuel Rowson Gardiner, an English historian of the late 19th c., was the author of the voluminous work on the English revolution of the 17th century. This research was treated as unique by his contemporaries because of large specter of sources used, their scrupulous analysis and the scale of the involved problems. Gardiner's work reconciled Victorians to the most debatable period of English history. Moreover, it enabled them to be proud of this period.

L.A. Aljabjeva. "This will never do": literary reputation of William Wordsworth.

The study of William Wordsworth's fame in the 19th century Britain is a very interesting case for understanding the main mechanisms of reputation making. In the reception of Wordsworth's poetry romantic generation of readers was chiefly guided either by Byron's satirizing of him or by Jeffrey's severe criticism of the poet's "experiments" published in the "Edinburgh Review". Wordsworth was accused of his choice of uninteresting subjects and lower character, artificial simplicity, didactic manner, babyism, exaggerated sensibility and of his political

drift from the radicalism of his early years to the conservative Tory views that were especially denounced by the younger romantics.

But in the 1830s a new generation came that chose Wordsworth as its "Poet and Teacher". For Victorians Wordsworth was a kind of seer, a prophet, a high-priest of Nature and his house at Rydal Mount became a place of pilgrimage for his worshippers. The main reason for the change lies in the spirit of the age. It was the time when the readers preferred spiritually uplifting books and were interested in the religious matters and social issues (especially the state of lower classes). Wordsworth met all their requirements. His moral tendency, concern with poor and their problems and his belief in Nature were highly appreciated by Victorians.

A.I. Boroznjak. "Embarrassing Mr. Jaspers", or on the political responsibility of intellectuals.

The article depicts the life and work of the outstanding German philosopher Karl Jaspers. It shows the process of Jaspers' turning into a political thinker. The author discusses the ways of Germany's political development proposed by Jaspers, and the reaction of German audience on Jaspers' main political work, "Where the Federal Republic is going to?" In the conclusion the author argues for the comparison between Jaspers' political activity and that of A.D. Sakharov.

V.S. Mirzekhanov. A Witness and an active participant: essays on intellectual biography.

In the article two intellectual biographies of scholars are dealt with – that of Jean Vansina and Valentin Mudimbe, experts in history and culture of Central Africa. J. Vansina dedicated his life to history; he created African oral history. V. Mudimbe, a philologist and a writer, experienced this history and based his philosophical remarks on it. The former was a witness who loved more Africa than Africans; the latter was an active participant trying to understand his contemporaries through history and mixed culture.

I.E. Surikov. Alcibiades: An Athenian dandy or the first superman?

The article deals with political and military career of Alcibiades the Athenian, the most prominent statesman of the late 5th century Greece. Alcibiades' personality took its shape under conditions of a deep ideological crisis and of so-called "Sophistic Enlightenment", and there were many eccentric and controversial features in his character and behavior. He was at the same time an anachronistic leader in pre-Cleisthenian spirit and a precursor to late Classical tyrants and Hellenistic rulers. So democratic Athens could not be a proper place for his activities, and this circumstance condemned to failure all his initiatives although some of them were really brilliant.

V.D.Balakin. "At the head of his brothers and of the whole empire": Otto I – a politician and the head of family clan.

During the whole period of the long and in general rather successful reign of German king and Emperor Otto I his relationships with relatives, members of the Ludolfing family played a crucial role. Relatives supported the king in political conflicts and military projects, but on many occasions they threatened his power and even his life and contended for his position within family clan and in the state. Eventually Otto I won, but the history of these conflicts is of great interest for a scholar who is trying to show regularity and casualty in Medieval politics.

Yu.E.Arnautova. A Life of a Saint as spiritual biography: "typical" and "individual" in Latin hagiography.

The article deals with the problem of individuality in texts written by medieval authors and ways of its representation, which is discussed in the contemporary historiography.

Lives of Saints are usually thought to be a highly formalized genre using "ideal portraits" and "types". Hagiography, however, needs different approaches. The author shows that hagiographers could draw quite realistic portraits of saints – their contemporaries; these portraits are full of individual characteristics. In the "Vita Johannis" typical motives formed a general framework of the text. Its author emphasizes some moments of the saint's life chosen by him, and stressed individual features of his character. The hagiographer presented his own estimation of the saint's personality, so "Vita Johannis" could be treated as a spiritual biography, where "individual" is revealed through "typical".

T.A.Pavlova. An Essay on spiritual biography: John Woolman.

The author deals with spiritual biography as a specific genre of historical biography. In theoretical part of the essay T.A.Pavlova discusses peculiar characteristics of spiritual biography and shows its distinctions from intellectual, psychological biography and hagiography. For the author the central point of spiritual biography is spiritual development and spiritual search of the personality. That is why the main sources for a spiritual biography are personal journals, diaries, autobiographies, correspondence as well as poems, philosophical and religious tracts etc. At the second part of the essay the author gives an example of the spiritual biography of John Woolman, an 18th c. American Quaker.

V.S.Parsamov. A Decembrist M.S.Lunin and the Catholicism.

The article deals with Lunin's view of Catholicism in the context of the Russian-French cultural dialogue of the early 19th century. The author shows the correlation between Lunin's views and that of

Chateaubriand and Joseph de Maistre, and found his place in the circle of other Russian Catholics of the first half of the 19th century: namely, I.S.Gagarin, P.Ya.Chaadaev, V.S.Pecherin.

K.P.Grushko. *Homo Quakerus: the outlook of Stephen Grellet.*

The Weltanschauung of this prominent Quaker leader of the 19th century provides an exceptional blend of religious, social and political motives of the Quakers with the wide specter of doctrines. The young French Catholic noble, Stephen Grellet fled from the French Revolution and enrolled in the Society of Friends in America on the ground of his religious convictions. From that point the Friends' way of life dominated in his biography, but never eliminated his past experience of a well-educated, aristocratic European.

Grellet's behavior and his missions to both Americas, Europe, Russia and the East did not only influence the whole society – it was vital for the Quaker organization itself during the critical period of schism and controversies which almost divided American Friends into several independent groups in the first half of the 19th century. To find the roots of his universality is the utmost task for a researcher, an undertaking that could be completed within a biographical, micro-historical and psychological investigation. The author analyses the memoranda of Stephen Grellet and uncovers different aspects of his outlook, making the basis of homo quakerus – a Quaker person.

A.V.Stogova. *Seven passions of Mr. d'Andilly*

The biography of the Jansenist anchorite of Port-Royal and a French courtier Robert Arnauld d'Andilly (1588–1674) who is virtually unknown in our country is presented in the light of seven his life's priorities and passions – friendship, religiousness, gardening, literary working, salons and solitude. Their quaint interweaving and inter-influence determinates the course of all his life. Represented on a scale of macrohistory these seven trends demonstrate other historical and cultural layers and correlation.

E.I.Vishlenkova. *The birth of "villain", or the stylistics of biographical genre in Russia.*

The main character of this article is the professor of the Kazan University P.S.Kondryov (1786–1823). His biography was reconstructed on the basis of archival sources. Kondryov's self-identity was analyzed using the materials from his diary. Author retraced representation forms of historical person in biographical narratives. Biography texts provide material to investigate the interaction between mass historical impressions and professional knowledge. According to the author's opinion, in Russia historical biography became a victim of unsuccessful marriage between belles lettres and history.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо Предисловия

<i>Л. П. Репина</i> Историческая биография и «новая биографическая история».....	5
---	---

Биография как метод исторического познания

<i>М. Ф. Румянцева</i> «Чужое Я» в художественной литературе и в исторической науке.....	13
<i>И. Л. Беленький</i> Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции.....	29

Мыслители, историки, творцы

<i>О. П. Смирнова</i> Жизнеописание Евнапия из Сард, составленное по его собственным сочинениям.....	46
<i>Н. И. Девятайкина (Саратов)</i> «Письмо к потомкам» Петrarки как первый опыт гуманистической автобиографии.....	60
<i>М. С. Бобкова</i> Еще одна попытка реконструкции биографии Жана Бодена.....	75
<i>Г. А. Мухина (Омск)</i> Шатобриан и Революция.....	102
<i>А. В. Гладышев (Саратов)</i> Сен-Симон: деньги для «улучшения участи человечества».....	113
<i>Н. С. Креленко (Саратов)</i> Сэмюэль Гардинер, викторианец, историк.....	141
<i>Л. А. Алябьева</i> 'This will never do': история литературной репутации Уильяма Вордсворта.....	157
<i>А. И. Борозняк (Липецк)</i> «Неудобный господин Ясперс», или О политической ответственности интеллигенции.....	178
<i>В. С. Мирзеханов (Саратов)</i> Свидетель и активный участник: этюды интеллектуальной биографии.....	187

Герои и политики

<i>И. Е. Суриков</i> Алкивиад: афинский денди или первый «сверхчеловек»?.....	198
<i>В. Д. Балакин</i> «Во главе братьев и всей империи»: Оттон I – политик и глава семейного клана.....	226

Духовная биография и персональная история**Ю.Е.Арнаутова**Житие как духовная биография: к вопросу
о «типическом» и «индивидуальном» в латинской агиографии.....254**Т.А.Павлова**

Опыт духовной биографии: Джон Вулман.....279

В.С.Парсамов (Саратов)

Декабрист М.С.Лунин и католицизм.....297

К.П.Грушко*Ното Quakerus*: мировоззрение Стивена Греллета317**Карьеры и судьбы****А.В.Стогова**

Семь страстей господина д'Андии.....340

Е.А.Вишленкова (Казань)Рождение «подлеца»,
или Стилистика биографического жанра в России.....360**Читая книги...****С.В.Алексеев**

Не листья на ветру... О книге «Персональная история» (М.,1999).....380

Д.М.Володихин

Нарратив побеждает. О книге «Человек в мире чувств (М.,2000).....384

SUMMARIES.....390

CONTENTS

Instead of Preface

<i>L.P.Repina</i> Historical biography and "new biographical history".....	5
---	---

Biography as a method of historical knowledge

<i>M.F.Rumiantseva</i> "Other Self" in fiction and in historical science.....	13
<i>I.L.Belenky</i> Biography and biographics in Russian cultural and historical tradition.....	29

Thinkers, Historians, Creators

<i>O.P.Smirnova</i> A Biography of Eunapius of Sardes composed on the basis of his own writings.....	46
<i>N.I.Devjatajkina</i> (Saratov) A "Letter to Descendants" by Petrarca as the first humanist autobiography.....	60
<i>M.S.Bobkova</i> One more attempt at reconstructing biography of Jean Bodin.....	75
<i>G.A.Mukhina</i> (Omsk) Chateaubriand and the Revolution	102
<i>A.V.Gladyshev</i> (Saratov) Saint-Simon: money for the "improvement of the humankind's state".....	113
<i>N.S.Krelenko</i> (Saratov) Samuel Gardiner: a Victorian, a historian.....	141
<i>L.A.Aljabjeva</i> "This will never do": the history of William Wordsworth's literary reputation.....	157
<i>A.I.Boroznjak</i> (Lipetzk) "Embarrassing Mr. Jaspers", or On the political responsibility of intellectuals.....	178
<i>V.S.Mirzekhanov</i> (Saratov) A witness and an active participant: essays on intellectual biography.....	187

Heroes and Politicians

<i>I.E.Suricov</i> Alcibiades: an Athenian dandy or the first superman?.....	198
<i>V.D.Balakin</i> "At the head of his brothers and of the whole empire": Otto I – a politician and the head of family klan.....	226

Spiritual biography and personal history*Yu.E.Amautova*

A life of a Saint as spiritual biography:

"typical" and "individual" in Latin hagiography.....254

T.A.Pavlova

An essay on spiritual biography: John Woolman.....279

V.S.Parsamov (Saratov)

A Decembrist M.S.Lunin and the Catholicism.....297

K.P.Grushko

Homo Quakerus: the outlook of Stephen Grellet.....317

Careers and Lives*A.V.Stogova*

Seven passions of Mr. d'Andilly.....340

E.A.Vishlenkova (Kazan')

The Birth of "villain", or

the Stylistics of biographical genre in Russia.....360

"Reading-Room"*S.V.Alexeev*

Not leaves driven by wind...

On the book "Personal History" (M., 1999).....380

D.M.Volodikhin

Narrative is winning...

On the book "A Person in the World of Emotions" (M., 2000).....384

SUMMARIES.....390

Издательство УРСС

специализируется на выпуске учебной и научной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской Академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений.

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Основываясь на широком и плодотворном сотрудничестве с Российским фондом фундаментальных исследований и Российским гуманитарным научным фондом, мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

Среди недавно вышедших книг мы предлагаем Вам следующие.

Культурные связи России и Польши XI—XX вв. Ред. *Шавелева Н. И.*

Антонов В. Ф. Н. Г. Чернышевский. Общественный идеал анархиста.

Седов В. В. У истоков восточнославянской государственности.

Приговоры и наказания крестьян Центральной России 1905—1907 гг. Сборник документов. Ред. *Сенчакова Л. Т.*

Балуев Б. П. Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа».

Бабич М. В. Государственные учреждения России XVIII в. Вып. 1.

Цимбаева Е. Н. Русский католицизм.

Твардовская В. А., Итенберг Б. С. Русские и Карл Маркс: выбор или судьба? Декреты Советской власти. Т. XV. Ред. *Аханкин Ю. А. и др.*

Ковальчук А. В. Мануфактурная промышленность Москвы во второй половине XVIII в.,

Мурашева В. В. Древнерусские ремешные наборные украшения (X—XIII вв.).

Кириллов В. В. Архитектура Москвы на путях европеизации.

Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. Ч. 1. Ред. *Гришина Р. П.*

Фролова Н. А. Монетное дело Боспора (середина I в. н. э. — середина IV в. н. э.). Ч. I, II.

Каталог личных архивных фондов отечественных историков. Вып. 1: XVIII век. Ред. *Шмидт О. С.*

Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв.

Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI—XX вв.: Исторические очерки. Ред. *Иванова Л. В.*

Тимошина Л. А. Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 1.

Трудовые конфликты в Советской России 1918—1929. Ред. *Кирьянов Ю. И.*

Манин В. С. Искусство в резервации.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
тел./факс (095) 135-44-23, тел. 135-42-46
или электронной почтой urss@urss.ru.
Полный каталог изданий представлен
в Интернет-магазине: <http://urss.ru>

Издательство УРСС

Научная и учебная
литература